

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора
филологических наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и
85-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина.

18 – 21 ноября 2020 г.

Уфа 2020

УДК 811.11
ББК 80

Современная филология: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина.– Уфа, 2020. – 492 с.

ISBN 978-5-6044375-1-3

Редакционная коллегия:

Л.Х. Самситова (отв. редактор), А.И. Акманов, Ю.М. Юсупов,
И.Ф. Юсупов, З.Г. Аминев, Р.Б. Зайтунов

ISBN 978-5-6044375-1-3

Коллектив авторов, 2020
Издательство «Самрау», 2020

ЗАЙНУЛЛИН МАРАТ ВАЛИЕВИЧ

(1935 – 2016 гг.)

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, АКАДЕМИК АН РБ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РБ, ПОЧЕТНЫЙ РАБОТНИК ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

УРАКСИН ЗИННУР ГАЗИЗОВИЧ

(1935 – 2007 гг.)

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, АКАДЕМИК АН РБ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ БАССР,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ

Уважаемые коллеги!

Международная научно-практическая конференция «Современная филология: проблемы и перспективы» была посвящена Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина. Вышеуказанные ученые внесли большой вклад в становление и развитие фундаментальных исследований под эгидой Академии наук Республики Башкортостан. Они принимали участие в разработке различных сюжетов лингвистики, проведении научных исследований, раскрытии содержания новых методических подходов в преподавании языка и литературы, организации научных исследований.

В частности, академик АН РБ Зиннур Газизович Ураксин с 1968 года являлся заведующим сектором, с 1977 – заместителем директора, в 1988 – 2002 гг. – директором Института истории, языка и литературы БФАН СССР, затем УНЦ РАН. С 1992 года являлся академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук, в 1996 – 2005 гг. – вице-президентом АН РБ. З.Г. Ураксин – автор более 300 научных публикаций, им подготовлено 5 докторов и 16 кандидатов наук.

Академик АН РБ Марат Валиевич Зайнуллин с 1966 по 1991 год был деканом филологического факультета БашГУ, затем с 2000 по 2010 год – деканом факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ. М.В. Зайнуллин является автором более 450 научных работ, среди его учеников более 50 докторов и кандидатов наук.

Научная деятельность ученых была ориентирована на воспитание патриотов страны, уважающих свою большую и малую родину, свой народ, язык и культуру, с пониманием относящихся к традициям и культуре других народов. В этой связи основными целями исследований участников конференции было привлечение внимания отечественных и зарубежных специалистов, образовательных организаций к разнообразным сюжетам, связанным с современным состоянием гуманитарных наук, в частности, языка и литературы, консолидация работы ведущих научных объединений. Опубликованные в данном сборнике материалы показывают основные направления решения этих задач.

*А.Р. Кузнецова, заместитель директора
по научной работе Института
стратегических исследований РБ*

**Уважаемые участники международной научно-практической конференции
«Современная филология: проблемы и перспективы»!**

Чрезвычайно насыщенная программа и солидный состав участников позволяют говорить о конференции, как об одном из значимых, авторитетных в нашей республике мероприятий. В рамках конференции запланированы открытые и содержательные дискуссии по широкому кругу актуальных проблем развития современной филологии. Предлагаются новые идеи, подходы к решению наиболее острых экономических и социальных проблем, которые ставит перед нами современный мир.

В условиях усиления элементов турбулентности и неопределенности современной эпидемиологической ситуации, значение интернет-технологий последовательно возрастает. От объективности поступающей информации во многом зависит ее восприятие, а значит – атмосфера, в которой принимаются управленческие решения.

Конференция еще раз демонстрирует безусловную важность и социальную значимость исследования проблем современной филологии. Благородная подвижническая деятельность, которую выполняют организаторы конференции, позволяет сохранить преемственность культуры, превратить информацию в знания.

Я уверена, что конференция пройдет с успехом, будет содействовать укреплению международного и межрегионального сотрудничества, будет способствовать росту доверия и взаимопонимания в отношениях между научными теориями, а ее результаты найдут воплощение на практике.

Я убеждена, что открытые и плодотворные дискуссии в рамках сегодняшнего представительного форума не только помогут лучше ориентироваться в современных глобальных реалиях, но и позволят выработать практические рекомендации.

Я хочу поблагодарить наших организаторов за интересную и актуальную повестку дня, а участникам пожелать интересных дискуссий, полезных контактов и, конечно значимых результатов.

*А.С. Гаязов,
Академия наук Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации государственной образовательной политики, которая определяет направления деятельности образовательной системы. С учетом того, что содержание национального, интернационального воспитания сосредоточено в данной системе, в ней реализуется формирование языковой личности. Иными словами, государственные гарантии прав граждан в области образования способствуют целенаправленному решению этих задач. В то же время это должно опираться на соответствующие законы и другие правовые документы, которыми регламентируется эта деятельность, что становится основой достижения целей государственной образовательной политики.

Abstract. The article deals with the implementation of the state educational policy, which determines the activities of the educational system. Taking into account the fact that the content of national and international education is concentrated in this system, it implements the formation of a language personality. In other words, state guarantees of citizens rights in the field of education contribute to the purposeful solution of these tasks. At the same time, this should be based on the relevant laws and other legal documents that regulate this activity, which becomes the basis for achieving the goals of the state educational policy.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, языковая политика государства, статус языков, языковая ситуация, государственные языки

Keywords: state educational policy, state language policy, status of languages, language situation, state languages

Современный высокоорганизованный мир характеризуется активными процессами самоопределения наций, образованием многонациональных государств, развитием межгосударственных и межнациональных отношений, активной миграцией населения. В этих условиях весьма важной государственной задачей является правовое решение вопросов функционирования языков в обществе. Эти вопросы касаются законодательного обеспечения применения языков в официальном и неофициальном общении, в обучении языкам в школе и вузе, во взаимоотношениях между народами.

Совсем недавно, во второй половине 2017 года, неожиданно актуализировались проблемы преподавания государственного и родных языков. Это тот вариант, по определению академика В. Тишкова, «... когда большинство населения сохраняет высокий уровень знания и использования как государственного русского, так и государственных республиканских

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ-РБ «Языковое взаимодействие в полиэтническом пространстве субъекта Российской Федерации», № проекта 19-412-020016 р-а.

языков. Когда фактически, а не на бумаге, существовало обязательное для всех изучение республиканского языка» [3, с. 16].

Несмотря на то, что сегодня в определенной степени уже снят «накал страстей» по данной проблеме, вопросы остаются. И эти вопросы требуют осмысления и принятия адекватных, отвечающих букве федеральных и региональных законов решений.

Прежде всего, необходимо разобраться и объяснить внезапное обострение данной проблемы в образовательном пространстве национальных регионов. Всем известно, что эти же задачи решались теми же способами два десятилетия. В течение этого периода были и подъемы остроты, были и перегибы, были и удовлетворяющие всех решения. Создавшуюся ситуацию можно объяснить только одним – проблема «выскользнула» из поля зрения региональных властей, особенно тех органов, которые отвечают за управление образованием.

С другой стороны, необходимо раз и навсегда признать, что «языковая проблема» отличается от других тем, что ее невозможно решить раз и навсегда, она должна быть постоянно в поле зрения, и решать ее необходимо сообразно новым условиям и той ситуации, которая складывается. Если вспомнить постановку вопроса в 90-е годы и сравнить с сегодняшним положением дел, становится ясно, что были необходимы кардинальные изменения, может быть, не столь резкие, а эволюционные. И такие изменения в образовании начали вводить многие региональные управления образованием, начиная с 2010-х годов. Это была оправданная политика, и ее надо было продолжать.

Далее, незаслуженно было забыто, что управление образованием представляет собой государственно-общественное явление. В условиях развития и формирования гражданского общества односторонние решения не только неуместны, а в ряде случаев вредны. Формирование консенсуса, формирование правильного понимания сути проблемы при наличии большого разнообразия мнений и разнополярных точек зрения, порою взаимоисключающих, – задача действующей власти. И если упущен шанс на такой способ достижения правильных решений, то вина только на одной стороне.

Известно и то, что глубокий анализ всего проблемного поля показывает, что внутри этого поля есть разнонаправленные движения, и их влияние нельзя не принимать при определении векторов развития государственной политики. С одной стороны, желают ли сами представители языковых образований учить родной язык? Не секрет, что именно они высказывают мнение, что достаточно бытового понимания (а вслед и употребления) языка, а теория языка, без которого невозможно элементарное использование языка, не должна быть представлена в таком объеме в образовании. При всей кажущейся правильности такой постановки данного вопроса не стоит забывать, что это обязательно приведет к тиражированию безграмотных людей. С другой стороны, оправдывает ли обязательное изучение тех же дисциплин естественно-научного направления на родных языках? Это связано с особенностями подготовки и сдачи Единого государственного экзамена, с дальнейшей подготовкой

специалистов в системе высшего образования. Опыт регионов показывает, что основная часть предметов гуманитарного цикла должна и, безусловно, может изучаться на родных языках, а распространение данного подхода ко всем предметам может привести к противоречивым результатам. К примеру, в физике есть понятие «возвратно-круговое движение». Оно на башкирский переводится как «эйләнеп килеүсе хәрәкәт». Как соотносит это понятие студент-первокурсник, когда в высшем учебном заведении начнется изучение не основы науки физики, а изучение самой науки физика?

В конце концов, нельзя не сказать об уровне профессионализма практических работников-управленцев, хотя об этом уже говорилось немало. Многосторонность контактов, работа с непосредственными организаторами образования, работа с общественниками, работа с законодателями, далее аналитика происходящего – в этом был и кроется сегодня успех управления образованием и достижения стратегических результатов.

Таким образом, проблему развития языков в любом государстве невозможно рассматривать в отрыве от той политики, которая реализуется в государстве в области образования. Государственная политика в сфере образования в целостном виде реализуется в федеральном образовательном пространстве. Образовательная политика, реализуемая в масштабах государства, – это политика, в основе которой лежит принцип приоритетности вопросов образования, недопущение создания и деятельности политических организаций и религиозных движений в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, органах управления. Таким образом, в федеральном образовательном пространстве реализуется единая программа развития образования – изложение содержания и целей деятельности государственных органов власти и управления в развитии образования [4, с. 60].

Организационной основой государственной политики в области образования выступают различные программы развития образования федерального уровня. Иными словами, политика в области образования включает в себя принципы деятельности органов государственной власти и управления в области образования, отражающие общественно-экономическую структуру государства и опирающиеся на федеральную программу развития образования [4: 77, 82].

Федеральное образовательное пространство имеет как основное и обязательное качественное своеобразие стремления к единству. Обеспечение единства характеризующих образовательное пространство показателей – сложное и не всегда управляемое явление, потому что сильное влияние на развитие составляющих единого федерального образовательного пространства оказывают многие факторы. Среди них наиболее важными выступают три системных понятия – государственные гарантии получения образования, государственные гарантии прав граждан в области образования и государственные гарантии приоритетности образования.

Государственные гарантии получения образования – это правовое обеспечение гражданам Российской Федерации на ее территории возможности

получения образования независимо от расы, национальности, родного языка, пола, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, социального происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, партийной принадлежности, наличия судимости.

Государственные гарантии прав граждан в области образования – это обеспечение гражданам Российской Федерации прав на получение бесплатного общего образования: начального общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе – бесплатного среднего, высшего профессионального образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов, а также послевузовского профессионального образования в рамках государственных требований, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Государственные гарантии приоритетности образования – это система законодательных актов, позволяющих образовательным учреждениям, с одной стороны, и гражданам, с другой стороны, беспрепятственно осуществлять процесс образования в рамках государственных образовательных стандартов. Основой государственных гарантий получения гражданами Российской Федерации образования в пределах государственных образовательных стандартов является государственное и муниципальное финансирование образования.

В этих понятиях отражены основные подходы государства к организации образовательной деятельности в целом, ее социальный характер и социальная направленность. Все это вытекает из конституционных гарантий обеспечения единства прав личности на возможности и реализацию своих потребностей в получении качественного образования, в том числе и в области языкового.

Считаем важным определить собственно педагогические задачи в области реализации государственной политики в области образования. Первая касается государственного управления такой сложной системой, как образование. Этот процесс состоит из реализации не менее сложного комплекса различных мероприятий, который включает не только деятельность управленческого порядка, но и систему действий, направленных на формирование целой системы, представленной, как уже подчеркивалось, в виде государственной политики в области образования. В соответствии с конституциональными базовыми представлениями образовательную политику можно представить как деятельность государства в целях реализации прав всех субъектов общества на получение общего и профессионального образования.

Но эта политика не может вестись без учета интересов регионов с представленными в них нациями и национальностями. Наиболее ярко это можно продемонстрировать на примере крупных республик, которые проявили максимальную активность в период подготовки и принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Республика Башкортостан – один из тех субъектов Российской Федерации, которые приняли активное участие в работе над законопроектом.

Депутаты Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, представители исполнительных органов государственной власти республики (прежде всего Министерство образования) участвовали в парламентских слушаниях, в видеоконференциях по заданной теме, направляли свои предложения к проекту закона. Министерством образования Республики Башкортостан был организован ряд круглых столов с участием руководителей образовательных учреждений, передовых педагогов, представителей исполнительной власти и общественности. Наиболее активно этот вопрос обсуждался на республиканском августовском совещании по образованию 2012 года, где действовала специальная дискуссионная площадка. Продуктивно работала созданная распоряжением Председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан от 1 октября 2012 г. рабочая группа, сформировавшая пакет из 20 предложений.

Обратим внимание на позицию региона по направлению «Преподавание государственных языков национальных республик».

Регионом предложено дополнить статью 6 «Право на образование. Государственные гарантии реализации права на образование в Российской Федерации» пунктом следующего содержания: «Преподавание государственных языков республик и других языков народов Российской Федерации в субъектах Российской Федерации осуществляется в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации с учетом требований федеральных государственных образовательных стандартов».

По мнению региона, проект, в отличие от действующего закона, не содержал отдельной статьи по вопросу языка обучения и изучения языков и ограничивался лишь гарантией получения образования на русском языке как государственном. В связи с тем, что новый законопроект являлся комплексным документом в сфере образования, в нем следовало также отразить и вопросы изучения государственных языков субъектов Российской Федерации в соответствии со статьей 4 проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов». Предлагалось сохранить в проекте Федерального закона положения Закона Российской Федерации «Об образовании» о том, что изучение государственных языков республик в составе Российской Федерации регулируется законодательством этих республик.

Кроме того, в законодательстве образовалась правовая коллизия, связанная с преподаванием государственных языков республик. Обратимся к ней: в соответствии с пунктом 3 статьи 10 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» преподавание государственных языков республик регулируется законодательством республик, в то же время в федеральных государственных образовательных стандартах отсутствует предмет «государственный язык республик». Изменения, вносимые в Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», сохраняют положение о преподавании государственных языков республик,

однако при условии учета требований федеральных государственных образовательных стандартов.

Указанные предложения рабочей группы к проекту Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» были систематизированы Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан и направлены в Комитет по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 8 ноября 2012 г. в ходе парламентских слушаний в Государственной Думе эти и другие предложения были доведены до депутатов и общественности руководителем образования субъекта [1].

Ряд основных поправок к проекту Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», внесенных Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан, в том числе поправки по изучению государственных языков субъектов РФ, был принят; также были учтены предложения, направленные в Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Реализация Федерального закона потребовала внесения существенных изменений в законодательство Республики Башкортостан в сфере образования с созданием межведомственной рабочей группы по реализации в республике Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В работе данной межведомственной группы принимали участие депутаты и представители Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, руководители министерств и ведомств, высших учебных заведений, руководители муниципальных органов управления образованием, общественники. Рабочей группой был разработан план мероприятий по реализации в Республике Башкортостан данного Федерального закона, которым предусматривалось внесение изменений в действующий Закон республики «Об образовании» (или принятие нового), определен перечень законов (более 50) республики и нормативных правовых актов Президента и Правительства Республики Башкортостан, подлежащих изменению в связи с принятием Федерального закона, проводилась организационная и информационно-разъяснительная работа.

Новым Федеральным законом устанавливаются разграничения полномочий федеральной и региональной власти. В плане полномочий региона Федеральным законом «Об образовании в РФ» законодательно определено, что республики РФ своим законодательством могут вводить преподавание и изучение государственных языков республик РФ (ст. 14), далее субъекты РФ могут привлекаться к экспертизе основных общеобразовательных программ с учетом их уровня и направленности (в части учета региональных, национальных и этнокультурных особенностей – ст. 12), к экспертизе учебников в целях обеспечения учета региональных и этнокультурных особенностей субъектов РФ, реализации прав граждан на получение образования на родном языке и изучение родного языка и литературы на родном языке (ст. 18).

Опыт показал, что подготовленные и внесенные предложения исходили не только из реальных интересов педагогической общественности

многонациональной республики, они были в своей основе универсальны, в связи с чем должны были быть обязательно учтены и включены в законопроект. В итоге все эти предложения нашли отражение в принятом затем Федеральном законе.

Полагаем, что необходимо еще раз обратиться к мнению академика В. Тишкова, который отвечает на многие вопросы, звучащие в спорах о судьбе языков: «А что можно было бы пожелать в итоге разговора на эту тему? Желательно поощрять и поддерживать двуязычие и изучение, кроме русского, другого языка народов Российской Федерации среди всего населения республик, включая жителей нетитульной национальности. Но делать это нужно без принудиловки и на основе качественного, заинтересованного обучения, и далеко не только в форме классных занятий. А сами языковые классы в русских школах пора разбить на группы не более десяти человек. Тогда найдется нагрузка и для преподавателей национальных языков, которых политиканы пугают массовым увольнением. Итак, кроме высказанного мною ранее вывода о праве не только на сохранение, но и на смену языка, сделаю еще один вывод: языки равноправны, но не одинаково распространены, и это тоже реальная ситуация» [3: 16].

Таким образом, при целенаправленно действующей государственной политике общего образования, в области развития языков, языкового образования, когда научные основы и организационно-практические действия становятся основой государственной политики в области образования и наиболее тонкой ее составляющей – развития русского языка и языка народов региона, многие вопросы могут быть решены с учетом требований времени и запросов личности.

Литература

1. **Гаязов, А. С.** Достижение единого федерального и регионального правового поля в образовании : методология и опыт регионов / А. С. Гаязов. – Текст : электронный // Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по образованию на тему: «Законодательное обеспечение реализации государственной образовательной политики Российской Федерации». – URL : [smolin.ru>duma/audition/pdf/zakon_education.pdf](http://smolin.ru/duma/audition/pdf/zakon_education.pdf).
2. **Полонский, В. М.** Словарь понятий и терминов по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – Москва, 2000.
3. **Тишков, В.** Язык до конфликта не доведет? / Валерий Тишков // Научно-организационное управление пресс-службы РАН. Периодические издания о науке и ученых. – 2017. – 1–8 дек. (№ 47).

*Рахматуллина З.Я.,
Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации*

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭТНИЧНОСТИ

Аннотация. В условиях глобальных и внутренних вызовов национальный дух как основа современной башкирской социокультуры наполняется новыми смыслами, направленными на сохранение этничности и экологию культуры.

Abstract. Within the conditions of global and inner challenges the national spirit as a basis of modern Bashkir socioculture acquires new meanings aimed at preserving ethnicity and ecology of culture.

Ключевые слова: башкирский национальный дух; социокультура; этничность; экология культуры; родной язык; национальный костюм.

Keywords: Bashkir national spirit; socioculture; ethnicity; ecology of culture; mother tongue; folk costume.

Современный мозаичный мир – это мир не только активного наступления на социокультуру народов глобализационных процессов, унифицирующих их этническое лицо, угрожающих исторической памяти и родным языкам, но и время объективации в их новейшей истории уникального социокультурного явления, так называемого «этнического парадокса современности» как возвращения к истокам, роста самосознания, пробуждения в настоящем глубинных архетипов национального духа и др. Как известно, «национальный дух» как основа социокультуры народа – явление общественное, культурно-историческое. Несмотря на исторические катаклизмы, которые зачастую изменяют «социального человека» (но башкиры всегда остаются башкирами, русские – русскими, татары – татарами и др.), ключевые ценности и традиционные архетипы национального духа и души остаются неизменными в историческом национальном бытии, более того в силу ряда причин активизируются в новейшей истории народа, сообщая его чувствам, мыслям, поступкам и действиям новые смыслы, что сегодня особенно прослеживается в современной социокультуре башкирского этноса. Основными характеристиками башкирского духа, исторически обусловленного преобладанием сердца над рассудком, чувства над интересом, свободы над властью и принуждением, братства над индивидуализмом, экологизма над практицизмом по отношению к среде своего обитания и др., являются прежде всего приоритет этизма, эстетизма и духовно-нравственных основ бытия над материальными, культ мирного со-бытия с другими (даже если «эти другие» – олицетворение чужой веры, иной культуры, другого языка) и душевности, развитие коллективных форм общежития. Базисные архетипы духа башкирского народа – это коллективизм, верность традициям и уважительное отношение к национальным святыням (культурным артефактам, родному языку, исторической памяти, природным объектам и др.), гостеприимство,

социальная справедливость, патриотизм и гражданственность, свободолюбие, веротерпимость, духовность [Рахматуллина, 2002: 30]. Башкирская социокультура, вобравшая в себя эти ценности, стала сегодня основой «идеального типа» многонациональной, поликонфессиональной, поликультурной жизни в условиях полиэтнического пространства Российского государства как образца для организации диалогического общения, мирного события и продуктивного сотворчества этносов в многонациональных регионах страны. Как известно, именно в данном контексте Президентом страны В.В. Путиным во время одного из его визитов в Уфу в 2001 году было отмечено, что в «Башкирии, как в капле воды, отражается вся наша Россия с ее многообразием культур, религий, языков, с дружбой народов. Мы будем брать с вас пример...» В самом «сердце России», на стыке Европы и Азии, многонациональная республика сегодня представляет собой «надежный островок» гражданского мира и межнационального согласия. Пять веков тому назад на эту землю пришли многочисленные переселенцы разной веры и национальности, и именно здесь они обрели Родину, и уже вместе с башкирами рука об руку, плечом к плечу, душа в душу творили и сегодня творят единую национальную историю республики и страны, показывая остальным, что дружба, уважение друг к другу, взаимопонимание и межнациональный мир – это основа успешности и поступательного развития. Более того, многие смыслы современной социокультуры башкир (в их отношении к памяти предков, традициям и обычаям, родному языку, сакральным природным объектам-символам родной земли, национальному костюму и др.) становятся не только возвращением к собственной этничности, но и объединяющим в этом совместном бытии народы многонационального Башкортостана началом. Ставший общенациональным республиканским мероприятием праздник башкирской родословной «Шэжэрэ байрамы» – это, например, не только генеалогическая летопись родов и племен башкир (как практически у всех тюркских народов), но и прикосновение к своим корням, сохранение национальных традиций и преемственности поколений, приобщение прежде всего молодых поколений к своим истокам, формирование патриотизма и гражданственности: кстати, сегодня составленное «генеалогическое древо» есть практически у всех подвижников (независимо от национальности), кого интересуют собственные исторические корни и память о своих предках.

Одним из знаковых проявлений «этнического парадокса» в современной социокультуре выступает не только активизация национального самосознания башкир, в том числе и его экологической ипостаси: например, ситуация с сакральными Шиханами, когда движение экологов, защитников природных памятников, являющихся символами национальной истории и духа, стали общенациональным движением, объединившим представителей практически всех народов многонационального края. Это и подвижничество за сохранение родного языка, и этническое внимание к своей повседневной жизни: исполнение традиционных обрядов в ритуалах жизненного цикла, оформление домашнего пространства в национальном стиле, пропаганда национальной кухни, возвращение в жизнь (и взрослых, и молодежи, и в

повседневную, и даже официальную) мотивов национальной одежды. Более того, идея Ассамблеи народов Башкортостана об учреждении «Дня национального костюма» стала в республике официальным праздником, органично вписалась в рамки Международного фестиваля искусств «Сердце Евразии» в Уфе и стала объединяющим многочисленные этносы края миростроительным, культуротворческим, духоформирующим и воспитательным зрелищем и коллективным действием. Кстати, в 2018 году парад национального костюма зафиксирован в «Книге рекордов России» как самый большой спиральный хоровод в национальной одежде многочисленных этносов, в котором участвовало около 1200 человек. Этот праздник, объединяющий детей, молодежь, взрослых разной веры и национальности в этнической одежде и национальных украшениях, стал ярким культурно-эстетическим трендом уже в многонациональной башкортостанской социокультуре и символом возвращения современного человека эпохи глобализации и постмодерна к своим истокам, современным прочтением представлений своих народов о красоте, мере, совершенстве, гармонии, верностью архетипам своего национального духа, возможностью сохранения в мире обезличенных канонов красоты и одномерного «унисекса» своего неповторимого этнического лица [Рахматуллина, 2018: 18–19].

Заметным явлением в современной башкирской социокультуре становится актуализация значимости в национальной и личной истории родного языка, умения на нем думать, говорить, писать, петь: родной язык – такая же ценность, как родная земля, отчий дом, родители, это ценность, которой нет цены. Многие языки, в том числе и башкирский, и их диалекты сегодня в опасности, именно поэтому ООН объявила 2019 год Международным годом защиты родных языков на планетарном уровне. Язык – квинтэссенция башкирской этнической культуры, и сегодня, в условиях новой парадигмы организации национального образования по принципу его добровольного выбора для изучения, родной язык как никогда нуждается в целенаправленной и системной экологии: от исчезновения, от речевой антикультуры и варварства, от безответственности и равнодушия носителей, от недостаточного внимания к его проблемам. Как известно, ежегодно с 2000 года 21 февраля проводится Международный день родного языка, учрежденный ЮНЕСКО, напоминая каждому, как хрупок и беззащитен в условиях глобализации мир родных языков, особенно малочисленных на планетарном уровне народов. Каждый уважающий себя человек должен знать свой родной язык – это культурная аксиома, закон природы и человеческой жизни. Есть традиционные и простые механизмы его экологии: семья, родители учат языку своих детей, те, в свою очередь, своих, и жизнь родного языка, поддержанная государством, дополненная школой и социокультурой, продолжается дальше. Есть обязательные условия бессмертия языка: на нем должны писать, общаться, думать, петь, творить, заниматься наукой, у языка должны быть письменное оформление, желание его носителя знать свой язык и желание государства поддерживать это желание всеми возможными средствами. Чтобы знание родного языка стало визитной карточкой современного человека, а его

культивирование не только в быту, но и в официальном общении – устойчивым трендом и доброй традицией, нужны совместные усилия и самого индивида, и семьи, и общества, и государства. Сегодня в современной башкирской социокультуре учрежден новый (выросший из творческой идеи Ассамблеи народов Башкортостана) официальный праздник «День башкирского языка», приуроченный ко Дню рождения башкирского просветителя Мифтахетдина Акмуллы.

Наполненные в современном мире новыми смыслами традиционные ценности и архетипы башкирского национального духа представляют собой сегодня своеобразную «мягкую силу», сближающую народы и способствующую сохранению самобытных этнических культур. Невозможно прожить без еды и воды, но без родного языка, культуры, родной природы как одухотворяющего начала, традиций, обычаев, веры, национальной одежды, без исторической памяти человек сможет жить, но он станет одномерным человеком, гражданином мира, манкуртом или «иваном, не помнящим родства»: без национального лица и без памяти прошлого.

Литература

1. **Рахматуллина, З. Я.** Башкирский национальный дух (социально-философский очерк) / З. Я. Рахматуллина. – Уфа : Изд-во БГУ, 2002. – 154 с.
2. **Рахматуллина, З. Я.** Национальный костюм в современном измерении : диалектика традиций и новаций / З. Я. Рахматуллина // Калейдоскоп культур в национальных костюмах народов Башкортостана, Урала и Поволжья : материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Уфа, 8 июня 2018 г. – Уфа : УНИКУМ, 2018. – С. 18–19.

УДК 81-112.2

*Киекбаев М.Д., Ильясова Г.Р.,
Академия наук Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

ВКЛАД АКАДЕМИКА З.Г. УРАКСИНА В РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. Данная статья посвящена вкладу академика З.Г. Ураксина в развитие гуманитарных и социально-экономических наук в Республике Башкортостан. Он являлся одним из активных создателей Академии наук РБ. В 1991–2005 гг. руководил отделениями гуманитарных и социально-экономических наук Академии и научным издательством «Башкирская энциклопедия». При его участии были утверждены и приняты государственные программы, подготовлены и опубликованы фундаментальные научные труды.

Abstract. This article is dedicated to the contribution of Academician Z.G. Uraksin in the development of the humanities and socio-economic sciences in the Republic of Bashkortostan. He was one of the active founders of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. In 1991–2005

headed the departments of humanitarian and socio-economic sciences of the Academy and the scientific publishing house "Bashkir Encyclopedia". With his participation, state programs were approved and adopted, fundamental scientific works were prepared and published.

Ключевые слова: З.Г. Ураксин; организатор; Академия наук Республики Башкортостан; создание; развитие; башкирский язык.

Keywords: Z.G. Uraksin; organizer; Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan; creation; development; Bashkir language.

Основная научно-организационная деятельность академика АН РБ Зиннура Газизовича Ураксина связана с Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН. Однако в данной статье мы хотели показать его как одного из активных организаторов науки в Республике Башкортостан, внесшего неоценимый вклад в создание Академии наук Республики Башкортостан, учрежденной 6 февраля 1991 года Указом Президиума Верховного Совета Башкирской ССР.

В мае этого же года вместе группой видных башкирских ученых З.Г. Ураксин вошел в составе Учредительного совета Академии наук РБ и стал одним из первых действительных членов АН РБ. Как первый академик-секретарь Отделения гуманитарных наук, созданного 25 декабря 1991 года, вложил немало сил в разработку проблем социально-экономической, правоведческой, исторической, филологической и культурологической наук. При его участии были утверждены и приняты государственные научно-технические программы: «Научные основы управления экономикой Республики Башкортостан», «Социальное развитие Республики Башкортостан: социологические, политические и правовые проблемы», «Культура Башкортостана: комплексные исследования, включая энциклопедию Башкортостана», «Народы Башкортостана: взаимодействие этносов и культур в полиэтничной среде (тюрки, финно-угры, славяне на Южном Урале)». В эти годы удалось значительно продвинуть вперед исследования в области гуманитарных наук, особенно в филологии: были созданы и опубликованы «Словарь башкирского языка» (М., 1993), «История башкирского литературного языка» (Уфа, 1993), «История башкирской литературы» (Уфа, Т. 4,5), «Башкирское народное творчество» (Уфа, Т.7, 1993), «Толковый словарь современного башкирского литературного языка» (Уфа: 2004), Русско-башкирский словарь (Уфа, Т. I, Т. II), «Башкиры» (Москва, 2003, 575 с.), «Диалектологический атлас башкирского языка» (Уфа, 2005) и т.д.

В 1991 году по инициативе башкирских ученых, при поддержке АН РБ и руководства республики в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством З.Г. Ураксина был создан Отдел Башкирской энциклопедии. Позднее постановлением Совета Министров РБ от 16 февраля 1993 г. было образовано самостоятельное научное учреждение — Главная редакция Башкирской энциклопедии. На заседании Президиума АН РБ Зиннур Газизович был утвержден председателем научно-редакционного совета и главным редактором Башкирской энциклопедии. В начале научной деятельности работа велась по подготовке к изданию краткой энциклопедии «Башкортостан» и по разработке концепции многотомной Башкирской энциклопедии и ее

«Словника». В 1996 году издана первая в России региональная энциклопедия – краткая энциклопедия «Башкортостан», а в 2005 г. вышел первый том семитомной «Башкирской энциклопедии» [Академия наук, 2006: 9]. В настоящее время Башкирская энциклопедия является государственным автономным учреждением науки, выпускающим энциклопедическую и словарно-справочную, научно-популярную литературу. Последними достижениями издательства «Башкирская энциклопедия» является то, что в 2018 году на Всероссийском книжном фестивале «Красная площадь» книга «Башкирская энциклопедия» (в 7 томах, на башкирском языке) была признана победителем в номинации «Лучшее словарно-энциклопедическое издание».

По инициативе З.Г. Ураксина в рамках выполнения государственной научно-технической программы в 1993 году началась работа по новому направлению башкирского языкознания «Автоматизация лингвистических работ и создание машинного фонда башкирского языка», которое предусматривало накопление баз данных, представляющих выборки текстов башкирского языка разных стилей и жанров. Данные тексты являлись материалом для создания частотных, толковых, двуязычных словарей и разных справочных материалов. На сегодняшний день в Институте истории, языка и литературы УФИЦ РАН функционирует полноценный Машинный фонд башкирского языка, представляющий собой систему для автоматизации и информационного обеспечения лингвистических исследований. Он состоит из автономных специализированных подсистем, работающих на единой информационной базе. Подсистемами являются генеральная картотека, лексикографическая, экспериментально-фонетическая, грамматическая, диалектологическая базы, каталоги рукописных и старопечатных книг. Башкирский язык является вторым языком России после русского, имеющий собственный машинный фонд. Учитывая огромную роль в создании данного уникального Фонда, считаем целесообразным присвоить Машинному фонду башкирского языка имя академика З.Г. Ураксина.

В декабре 1994 года на заседании Президиума АН РБ Зиннур Газизович Ураксин выступил с научным докладом «Развитие гуманитарных исследований и сети научно-исследовательских структур в Республике Башкортостан», в котором предложил и обосновал проект создания в Республике Башкортостан Центра гуманитарных исследований.

Его замысел был реализован в 2007 году, когда Постановлением Правительства РБ от 26 июня 2007 г. на базе Центра изучения национальных и языковых отношений АН РБ был создан Институт гуманитарных исследований АН РБ. Основным направлением его деятельности явилось комплексное исследование современной языковой ситуации и этноязыковых процессов в Российской Федерации и Республике Башкортостан. За время работы сотрудниками ИГИ АН РБ было выпущено более 40 монографий, проведены десятки научных конференций, издавались ежеквартальный научный и общественно-политический журнал «Панорама Евразии» и ежегодный информационно-аналитический бюллетень «Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность».

В дальнейшем Институт гуманитарных исследований АН РБ был передан в Министерство культуры РБ, где был преобразован в Центр гуманитарных исследований, целью которого является мониторинг состояния отношений между представителями различных этносов и религий в Республике Башкортостан.

17 марта 1994 года на Общем годовом собрании Академии наук РБ З.Г. Ураксин с горечью отмечает, что гуманитарные и социальные науки переживают тройной кризис: экономический, идеологический и нравственный. По его словам, для выхода из кризисного положения необходимо: экономистам — произвести быструю переподготовку ведущих экономистов в зарубежных странах; историкам — осмыслить и объективно оценить послеоктябрьский период развития нашей страны, провести комплексные исследования по истории и культуре народов Башкортостана, особо выделив культуру башкирского народа как коренного этноса республики; расширить практику подготовки в странах Востока молодых специалистов-культурологов широкого профиля [Материалы, 1996: 20–21].

Эти предложения академика З.Г. Ураксина, прозвучавшие 26 лет назад, остаются актуальными и сегодня. В настоящее время члены Отделения социально-гуманитарных наук и технологий АН РБ работают над созданием Концепции развития гуманитарных наук в Республике Башкортостан во исполнение решения Общего собрания от 21 февраля 2020 года.

С 1996 года Зиннур Газизович Ураксин курировал два самостоятельных отделения Академии наук РБ: Отделение гуманитарных наук и Отделение социальных наук в должности вице-президента АН РБ. Будучи также председателем Терминологической комиссии при Верховном Совете БАССР, Терминологической службы Комиссии при Правительстве РБ, заместителем председателя исполкома Всемирного курултая башкир, членом Президентского Совета Республики Башкортостан, заместителем председателя Комиссии по реализации "Закона о языках народов Республики Башкортостан" при Кабинете Министров Республики Башкортостан академик Ураксин сделал много для возрождения и дальнейшего развития башкирского народа, его традиционной культуры и языка [Мурзабулатов, 2005: 11].

Под его руководством к I Всемирному Курултаю (конгрессу башкир) была разработана государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа», утвержденная постановлением Кабинета министров РБ от 6 ноября 1996 года N 301. Программа являлась одной из первых комплексных разработок, направленных на научно-методическое, правовое, информационно-аналитическое, кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение этносоциального и национально-культурного развития башкирского народа; формирование основ национальной политики, учитывающей реальные потребности и запросы этносоциального и этнокультурного развития всего башкирского населения Российской Федерации.

В заключение хочется процитировать изречение ученого-физика, академика И.В. Курчатова «Жизнь человека не вечна, но наука и знания

переступают пороги столетий...», которое отражает жизнь и деятельность академика З.Г. Ураксина, являющегося ярким представителем плеяды ученых, внесших существенный вклад в развитие отечественной гуманитарной науки.

Литература

1. Академия наук Республики Башкортостан. – Уфа : Гилем, 2006. – С. 9.
2. Материалы Общего годовичного собрания Академии наук Республики Башкортостан, 17 марта 1994 г. – Уфа : Гилем, 1994. – С. 20–21.
3. **Мурзабулатов, М. В.** Ученый-лингвист, организатор науки, общественный деятель и писатель / М. В. Мурзабулатов // Ураксин Зиннур Газизович : биобиблиографический указатель. – Уфа : Гилем, 2005. – С. 9.

УДК 811.512.1

*Самситова Л.Х.,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

АКАДЕМИК МАРАТ ВАЛИЕВИЧ ЗАЙНУЛЛИН И ЕГО ВКЛАД В ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ Марата Валиевича Зайнуллина. Особое внимание уделено научно-исследовательской деятельности ученого. Отмечается неопределимый вклад М.В. Зайнуллина в области грамматики, общего и сравнительного языкознания, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации.

Abstract. The article is devoted to the life and work of Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan Marat Valievich Zainullin. Particular attention is paid to the scientific research activities of the scientist. The valuable contribution of M.V. Zainullin in the field of grammar, general and comparative linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics and intercultural communication is highlighted.

Ключевые слова: тюркское языкознание, академик, Марат Валиевич Зайнуллин, морфология, общее и сравнительное языкознание, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Keywords: Turkic linguistics, Academician, Marat Valievich Zainullin, morphology, general and comparative linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics.

Видный ученый, доктор филологических наук, профессор, академик АН РБ Марат Валиевич Зайнуллин родился в 1935 году в деревне Верхнее Сазово Кугарчинского района РБ. После окончания Мраковского училища поступил на филологический факультет Башкирского педагогического института им. К.А. Тимирязева (ныне Башгосуниверситет), который в 1959 г. окончил с отличием по специальности «Филолог. Башкирский язык и литература, русский язык и литература». По предложению профессора Дж.Г. Киекбаева М.В. Зайнуллин поступил в аспирантуру, после аспирантуры с 1 октября 1962 года

работал на кафедре башкирского и общего языкознания. В 1963 году под руководством Дж.Г. Киекбаева защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке». В 1988 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)». В 1988 году М.В. Зайнуллину присвоено звание профессора по специальности «Языкознание».

Значительный вклад внес профессор М.В. Зайнуллин в подготовку педагогических кадров для республики. С 1966 по 1991 г. с небольшими перерывами был деканом филологического факультета, с 1989 г. по 2016 г. – заведующим кафедрой башкирского и общего языкознания, с 2000 г. по 2014 г. – деканом факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета. За годы работы в университете читал лекции по курсам «Теория языка», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Современный башкирский литературный язык. Морфология», по спецкурсам «Новые научные направления в зарубежном языкознании», «Лингвокультурология», «Основные принципы современного языкознания», руководил дипломными работами.

Под его научным руководством выполнено более 50 кандидатских и докторских диссертаций, создана научная школа по лингвокультурологии. С гордостью и уверенностью можно сказать, что он является основателем башкирской лингвокультурологии!

Многие годы он был председателем диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссертаций по филологическим наукам при Башкирском государственном университете. За 30 лет работы Совета защищено более 180 кандидатских и докторских диссертаций, где защищены диссертации аспирантов и докторантов не только из Республики Башкортостан, но и из Чувашии, Татарстана, Якутии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Мордовии, Дагестана, Хакасии, Республики Алтай и др.

Научные исследования М.В. Зайнуллина посвящены изучению грамматики, лексикологии, лингвокультурологии, также академик внес большой вклад в развитие сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Уже один перечень этих проблем свидетельствует о необычайной широте исследований М.В. Зайнуллина. Академиком опубликовано более 450 работ, среди которых монографические исследования: «Категория модальности в современном башкирском языке» (1975), «Модальность как функционально-семантическая категория» (1986), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (2013), «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (2014); учебники и учебные пособия: «Современный башкирский язык (глагол и его грамматические категории)» (1979), «Лексико-грамматические и грамматические средства выражения модальности в современном башкирском языке» (1981), «О сущности и границах категории модальности» (Уфа, 2000), «Избранные статьи» (Уфа, 2000), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2000, 2002, 2005), «Современный башкирский

литературный язык. Личные и неличные формы глагола» (2009); «Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи» (2012); курс лекций «Общие проблемы лингвокультурологии» в соавторстве с Л.М. Зайнуллиной (Уфа, 2008) и др. Кроме этого труды ученого изданы в таких городах, как Москва, Пенза, Алма-Ата, Самарканд, Ташкент, Ашхабад, Бишкек.

Научная деятельность М.В. Зайнуллина началась с разработки вопросов морфологического строя башкирского языка. Ученым исследованы грамматические категории глагола, а именно система временных форм и наклонений, где он рассматривал не только семантическое содержание категорий времени и наклонения глагола, но и тщательно проанализировал их функциональное назначение. В работах М.В. Зайнуллина исследованы такие функционально-семантические категории, как модальность, темпоральность, персональность, аспектуальность и др.

Модальность в работах профессора трактуется как разноуровневая категория. Выражение модальности языковыми средствами разных уровней не только свидетельствует об их взаимосвязи, но и убедительно доказывает системный характер языкового организма, иерархичность его строения. Основным средством выражения функционально-семантической категории модальности в современном башкирском языке являются наклонения глагола. Как отмечает ученый, морфологическая категория наклонения – это ядро функционально-семантической категории модальности. Однако отдельные конкретные семантические типы модальности могут и не иметь морфологического ядра или центра. Так, например, модальность долженствования в башкирском языке не основывается на грамматическом наклонении глагола, так как в башкирском языке отсутствует морфологическое долженствовательное наклонение. В азербайджанском и в других огузских языках долженствовательное наклонение (дебитив) функционирует как морфологическая категория наклонения глагола. В башкирском языке значение долженствования и необходимости передается при помощи многочисленных аналитических модальных конструкций типа *алырга кэрэк* необходимо брать, *алырга тейеш* должен взять, *алаһы бар* нужно взять и др. То же самое можно сказать и в отношении модальности возможности, которая реализуется в речи только посредством модальных конструкций [Зайнуллин, 1986: 121,122].

Марат Валиевич Зайнуллин был лингвистом широкого диапазона: его в равной мере интересовали проблемы морфологии и общего и сопоставительного языкознания, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В исследованиях автора широко освещены такие понятия, как *язык и культура, языковая личность, полилингвальная личность, языковая картина мира, менталитет и национальный характер, национальная концептосфера, пословицы и поговорки, фразеологические единицы, художественный текст, афоризмы* и т.д. Как отмечает ученый, без языка как инструмента познания и общения невозможен процесс создания и передачи культурных ценностей, что позволяет рассматривать язык как явление культуры, а не просто ее составную часть как

категорию, которая отражает не только внешние свойства, но и внутренние отношения предметов и явлений действительности [Зайнуллин, 2014: 3].

М.В. Зайнуллин активно занимался организацией научно-практических конференций, семинаров и симпозиумов, систематически выступал с докладами на международных, всероссийских и республиканских конференциях. Он был участником всех тюркологических конгрессов по тюркологии, которые состоялись в Ташкенте, Алматы, Бишкеке, Москве, Ашхабаде, Казани, Анкаре, Уфе и др.

Нужно отметить, что Марат Валиевич относился к числу тех ученых, которые во многом определяли творческую атмосферу не только своего факультета, но и в целом университета. Он был настоящим лидером в науке, особенно много сделал в таких областях тюркологии, как морфология, лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

Академик М.В. Зайнуллин вел большую общественную и научно-организаторскую работу. Он долгие годы являлся членом и заместителем председателя головного Совета по филологическим наукам при Госкомитете по высшему образованию РФ. Он был членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, членом Президиума Всемирной Ассоциации тюркологов, членом редколлегии научных журналов «Йәдкәр», «Вестник башкирского университета», многотомной Башкирской энциклопедии, энциклопедии «Мустай Карим», членом Терминологической службы Комиссии Правительства, председателем комиссии по родному языку Всемирного Курултая башкир, председателем землячества «Большой Ик» Кугарчинского района и т.д. Являлся делегатом (1995 г., 2002 г., 2010 г.) Всемирных курултаев башкир. Под его руководством успешно велись исследования по госпрограммам «Языки народов Республики Башкортостан», «Башкирский язык в системе восточной культуры».

В 1970 году профессор М.В. Зайнуллин награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». За активную научную и общественную работу академику М.В. Зайнуллину в 1988 году присуждена 2-я премия Государственного Комитета СССР по народному образованию. Он является обладателем гранта института «Открытое общество» (фонд Сороса) за исследование «Башкирский язык. Энциклопедия» (1999). Марат Валиевич – отличник высшей школы СССР (1981 г.), заслуженный деятель науки РБ (1992 г.), отличник народного образования РБ (1995 г.), почетный работник высшего профессионального образования РФ (1998 г.), лауреат премии им. Дж.Г. Киекбаева (1996 г.); награжден почетными грамотами Министерства образования РБ, медалями. В 2009 году ему присуждено почетное звание «Заслуженный профессор Башкирского государственного университета».

Марат Валиевич вместе с супругой – кандидатом филологических наук Гаухар Динмухаметовной – воспитали достойных детей. Дочь – Лилия Маратовна Зайнуллина – доктор филологических наук, профессор, заведовала кафедрой иностранных языков в Башкирском государственном университете. Сын – Мансур Маратович Зайнуллин – кандидат исторических наук,

преподавал в Уфимском училище искусств. К сожалению, сейчас Лилии Маратовны и Мансура Маратовича нет рядом с нами. Светлая память об этих замечательных людях, талантливых ученых и педагогах навсегда останется с нами.

Хотелось бы отметить человеческие качества Марата Валиевича: интеллигентность, отзывчивость, трудолюбие, порядочность, внимательное и чуткое отношение к коллегам, доброжелательность и тактичность в отношениях с учениками. Мы, его ученики, учились у него добросовестному отношению к делу, четкости, тщательности в работе. Имя выдающегося ученого-тюрколога, преданного всем сердцем отечественной науке, навсегда сохранится в истории тюркологической науки. Труды академика М.В. Зайнуллина остаются источником фундаментальных знаний о тюркских языках.

В связи с вышеизложенными считаем, что нужно увековечить память ученого, и мы вносим конкретные предложения: издать многотомное собрание сочинений академика Марата Валиевича Зайнуллина, включая в него неопубликованные труды; учредить стипендию им. Марата Валиевича Зайнуллина для студентов факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Башкирского государственного университета и факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы; присвоить имя Марата Валиевича Зайнуллина одной из улиц г. Уфы.

Разумеется, решение всех этих и других проблем, связанных с изучением научного наследия Марата Валиевича Зайнуллина, возможно только при наличии правительственной программы по увековечиванию памяти академика Марата Валиевича Зайнуллина. Этим будет выражена дань благодарности ученому, посвятившему все свои устремления служению народу, науке, ученому, до последнего дня своей жизни не выпускавшему пера из своей руки. Пусть его неутомимое, целеустремленное и бескорыстное служение науке явится вдохновляющим примером для молодых ученых.

Литература

1. **Зайнуллин, М.В.** Модальность как функционально-семантическая категория / М. В. Зайнуллин. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1986. – 124 с.
2. **Зайнуллин, М. В.** Общие проблемы лингвокультурологии : курс лекций / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
3. **Зайнуллин, М. В.** Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание : избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Гилем, 2012. – 456 с.
4. **Зайнуллин, М. В.** Лингвокультурология и межкультурная коммуникация : монография / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. – 204 с.
5. **Зайнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт эзәби теле. Морфология : юғары уҡыу йорттарының филология факультеттары өсөн дәреслек / М. В. Зайнуллин. – Өфө : БДУ, 2002. – 387 б.

УДК 821.512.141

*Хисамитдинова Ф.Ф.,
Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеу үзәге
Почет Билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты,
Рәсәй Федерацияһы*

БАШКОРТ МИФОЛОГИЯҢЫНДА ИМ-ТОМСОЛАР

Аннотация. В статье описываются наименования мифологизированных персонажей, занимающихся знахарским лечением у башкир. Автор подробно останавливается на рассмотрении терминов *имсе* и его производных, *осоксо*, *арбаусы*, *өшкөрөүсе*, *баксы*, *багымсы*, которые имеют значение 'знахарь, врачеватель, лекарь, заклинатель'. Основным термином, употребляемым для обозначения данной категории «знающих людей», в башкирском языке является слово *имсе*. Отмечается, что в башкирской мифологии выделяется группа знахарей, которые вместе с магическим лечением занимаются гаданием, ворожбой, предсказанием, даже колдовством. К данной группе знахарей относятся *осоксо*, *арбаусы*, *баксы*, *багымсы*, которые, по представлениям башкир, наделены особыми, сакральными знаниями, благодаря которым они являются не только знахарями, лекарями, но ворожеями, гадателями, прорицателями, предсказателями. В статье дается этимология анализируемых слов, приводятся соответствия в других тюркских языках, а также памятниках древнетюркской письменности.

Abstract. The article describes the names of mythologized characters involved in healing the Bashkirs. The author dwells in detail on the consideration of the terms *imse* and its derivatives, also *osokso*, *arbausy*, *oshkoroyse*, *baksy*, *bagymсы*, which have the meaning of 'medicine man, healer, spellcaster'. The main term used to refer to this category of "knowledgeable people" in the Bashkir language is the word *imse* 'healer, caster'. It is noted that along with them, in Bashkir mythology, there is a group of healers who, along with magic treatment, are engaged in divination, even witchcraft. To this group of healers belong *osokso*, *arbause*, *bagymсы* / *bagiysy*, which, by ideas of the Bashkirs, is endowed with a special, sacred knowledge whereby they are not only healers, doctors, but soothsayers, astrologers, fortune-tellers. It is noted that these lexemes and their formation are recorded in the majority of modern Turkic languages and monuments of ancient Turkic writing.

Ключевые слова: башкирская мифология, специалисты-знахари, *имсе*, *багымсы*, лексема.

Keywords: Bashkir mythology, professional healers, *imse* «witch doctor», *bagymсы* «soothsayer», lexeme.

Мифологияла урын алған персонаждарҙы 2 төркөмгә бүлөп өйрәнергә була. Беренсе төркөмгә — мифик, икенсегенә мифлаштырылған персонаждар карай. Мифик персонаждарҙы эпостарҙа, әкиәттәрҙә, легендаларҙа һ.б. фольклор эсәрҙәрендә киң таралған, әммә реаль тормошта осрамаған *тәңреләр*, *эйәләр*, *төрлө яман көстәр* тәшкил итә. Мифлаштырылған персонаждар төркөмөнә реаль тормошта, ысынбарлыкта йәшәгән, әммә кайһы бер ирреаль сифаттарға эйә булған, халыҡ теле менән әйткәндә, юғарынан йәки яман көстәр

тарафынан мөһөрлэнгән, тамғаланғандарзы, нормаль эзәмдән нимә менәндәр айырылып торған кешеләрзе индереп була.

Башкорт мифологияһын алғанда, уның мифик персонаждар төркөмөнә *Тәңре, Гомай, Кояш тәңре, Ай тәңре, Самрау, Аждаһа, Албақты, Бисура, Шүрәле, Ыһу инәһе, Тау эйәһе, Азбар хужаһы* кеүек ирреаль заттарзы индерергә була [Хисамитдинова, 2010: 456]. Ә инде боронғо төрки мифологияны алғанда, был төркөмгә комарткыларза сағылыш тапқан *Тенгри, Умай, Йер-Суб, Эрклиг, Ай тенгри, Йол тенгри* кеүек персонаждар инә [ДТС, 1969: 676].

Башкорт мифологияһында мифик персонаждар дәйөм алғанда өйрәнелгән. Минең хезмәттәрзән тыш был өлкәлә кайһы бер фольклорсыларзың, этнографтарзың, мифологтарзың эштәрен күрһәтеп китергә була [Хисамитдинова, 2010: 456; Хисамитдинова, 2015: 412; Хисамитдинова: 2016, 400; БХИ, 1995: 560; Сулейманова, 2005: 146; Котов, 2006: 408]. Әйтергә кәрәк, боронғо төрки, шулай ук күп кенә хәзерге төрки халыктары мифологияһының мифик персонаждары тураһында фәнни эзәбиәт байтак тупланған [МНМ, 1997: 536—541; Кондыбай, 2005: 272; Якутские..., 2004: 451; Капаев, 2012: 424; Урманче, 2008: 303; 2009: 343; 2011: 199; Шукуров, 1995: 188; Ögel, 1993: 644; Тойшанулы, 2016: 248 һ.б.]. Кызғаныска каршы, мифлаштырылған персонаждарға бағышланған хезмәттәр төрки мифологияһында, шул йәһәттән башкорт мифологияһында ла юк кимәлендә. Булған эштәрзә ғәзәттә *кендек инәһе, кам* йәки *шаман* кеүек кенә персонаждар сағылыш тапқан [Трад. миров., 1990: 209; Хисамитдинова, 2010: 456; Функ, 2005: 398].

Мифлаштырылған персонаждарзы 3 төркөмгә бүлеп өйрәнәп була. Уларзың тәүге төркөмөн *белемселәр* (имсе, күрәзә, баксы, баба, сихырсы һ.б.), икенсәһен *ақыл, физик, социаль яктан кәм кешеләр* (диуана, һуқыр, етем һ.б.), өсөнсөһөн үззәре лә белмәй йәшәгән, бик һирәк кешелә осраған, ғәзәти булмаған *серле һәләткә эйә кешеләр* (кул арты ауыр, юллыкһыз һ.б.) тәшкил итә.

Белемселәр төркөмөнә караған персонаждарзы атаған һүззәр башкорт телендә байтак. Төп һүз булып *белемсе* һүзе тора. Был һүз бағымсы, имсе, күрәзәсе, сихырсы, белем йә ғилем эйәһе, белгес мәғәнәләрендә башкорт теле һүзлектәрендә сағылыш тапқан. *Белемсе* һүзенән тыш диалекттарза шул ук мәғәнәләрзә *белекле, белексе, белеүсе* терминдары осрай, фольклор әсәрзәрендә *белемсе әбей, белексе карт, белекле кортка* кеүек атамалар за урын алған. Был атамаларза осраған *белемсе* һүзе һәм уның диалект варианттары *бел-, белеү* тамырына барып тоташа. Был тамыр бик боронғо дәйөм төрки тамырларзың береһе. Ул шул ук мәғәнәлә бөтә төрки телдәрендә *bel, bil, byl, pel* фонетик варианттарза осрай [СИГТЯ, 2006: 838]. Комарткыларға килгәндә инде *bil* тамырлы *bilgä, bilig, bilin, biliš, bilinčäk* кеүек һүззәр аң, белем, төшөнөү, таныу, ғилем, тәрән ақыл мәғәнәләрендә уларза ла сағылыш тапқан. Ошоларзан сығып *белемселәр* персонаждарының төп билдәһе белемгә бәйле, тик ул белемден ышаныузар буйынса ябай, ғәзәти түгел, ә мөгжизәле, серле, хатта илаһи сфера менән бәйле булыуы күренә. Башкорт ышаныузары буйынса, был төркөмгә караған мифлаштырылған персонаждар кешенең, донъяның киләсәген,

язмышын юрай белгән; юғалған әйберзе, малды, кешене таба алған; ауырыу-сырхау, хәүеф-хәтәр ебәрә алған, шул ук вакытта, кәрәк сакта сир-сорзо дауалай, хәүеф-хәтәрзе кыуа, бөтөрә алған. Белемселәрзең ошондай гәзәти булмаған һәләте, мөгжизәле белеме, ышаныузар буйынса, йә нәселдән, йә ниндәйзер стресс аркаһында барлыкка килә. Әммә нисек кенә булмаһын, гәзәти булмаған белем, һәләт асылғансы буласак белемсе ауырый, төрлө хәүеф-хәтәргә тарый. Мәсәлән, күрәзәселәрзең һөйләүе буйынса, уларзың һәләте койон алып киткәндән, озак ятып ауырыузан, мәрткә барып кайтыузан, яңғыз балаһы үлгәндән, бөтә донъяһы, ғаиләһе менән янып, бер үзе генә тере калғандан һуң асылған [Экспед..., 1986—1995; 1999—2010]. Кайһы бер белемселәр тураһында замандаштары: «Уны мосолман пәрейзәре алып китеп Каф тауы артында укыткан икән», — тизәр [Шәмиғолова, 1908]. Икенсе бер белемсе тураһында Йылайыр районында ошондай мәғлүмәт бирзеләр: «Белемсе Мәхлән суфый Ярлыкапов атайымдың ағаһы. Мин уны олатай, тип йөрөттөм. Ул Карауанһарайза мәзрәсә тамамлаған, якшы укыған. Шуға укытыусы хәзрәттәре уға үзенә таяғын бүләк итеп биргән. Ул мин тыуаһ борон ук минәң язмышты әйткән. Азак минәң тыуасак балаларымдың язмышын белеп ултырзы. Олатайым килгән кешеләрзе дауалай торғайны. Малдарзы дауаланы, йылан арбаны. Бер кешене йылан саккайны, шул йыланды олатайым сакырзы. Йылан беззең тупһаға килеп эсе ярылып үлдә. Ә теге йылан саккан кеше һауыкты... Хәзәрзе заман кешеләре төш юрай белмәс, мин үлһәм, төшөндө шулай юрарһың: төшөңә күршәң Сабирйән керһә — Хозай сабыр бул, тиер, һөйөндөк ағайыңды күрһәң — һөйөнөрһөң, Кыуандык ағайыңды күрһәң — кыуанырһың. Төш һөйләр кешәң булмаһа — аккан һыуға һөйлә, һыу һинәң төшөндө юрар», — тине [Йылайыр ф., 2006: 224—225]. Үрзә килтерелгәндәрзән сығып, башкорт мифологияһының белемселәре ябай кешенән айырмалы рәүештә гәзәти булмаған, мөгжизәле белемгә әйә, тип әйтеп була. Ул белемде, һәләттә һәр белемсе үзенсә, төрлө ситуацияла кабул иткән. Кемгәлер уны мосолман пәрейзәре, кемгәлер хәзрәттәр, кемгәлер әүлиәләр, кемгәлер яуыз көстәр тапшырған. Шул сәбәпле белемселәр зә төрлө булған. Кемдер якшылык, кемдер кешегә яуызлык кылған. Шуға ла башкорттар белемселәргә йөрөһә лә, мөрәжәғәт итһә лә, барыбер уларзан курккан. Хатта халыкта ошондай мәкәлдәр зә барлыкка килгән. Сағ.: *Белемсегә барма, башыңа кайғы алма. Бағыусыға барған, башыңа бәлә алған. Был ике мәкәлдә лә шул ук белемсе тураһында һүз бара, сөнки бағымсылар белемселәрзең бер төрөн тәшкил итә.*

Функциональ күзлектән бөтә белемселәрзе 4 төркөмгә бүлеп карарға була: *имселәр, күрәзәселәр, сихырсылар, норманан артык уңышлы, белемле, һәләтле оғталар.*

Был мәкәллә мин тик *имселәр* төркөмөнә, улар менән бәйле лексикаға ғына тукталмаксымын. *Имселәр* төркөмөнә *имсе*, унан яһалған *им-томсо*, *им-йомсо*, *имсе карсык*, *имсе карт*, *имсе кортка*, *им итеүсе*, *имләүсе әбей*, *имнәүше*, *имсе-йомсо* атамаларын йөрөткән магик, дауалау белгесен, белемсәһен индерергә була. Башкорт һүзлектәрендә *имсе* һүзенә төрлө ырымдар, өшкөрөүзәр, имдәр, үләндәр һ.б. саралар менән дауалаусы тигән аңлатма бирелгән. Башкорттарзың им-том китабынан имселәрзең үзенә күрә

махсулашыуын да күреп була. Әйтәйек, йөрәк ауырыуын — *һаһылдатыуысы*, башты — *мейе ултыртыуысы*, бил ауыртканды — *һылауысы*, аяк-кул, иңбаш тайыуын — *һөйәк ултыртыуысы*, быуманы *осоксо* имләүен күреп була. Әммә, дөйөм алғанда, башкорттарза имләү менән ғәзәттә имсе әбейзәр, бабайзар, муллалар, кендек инәләре шөгөлләнгән. *Имсе* һүзенең нигезендә *им* лексемаһы ята. *Им* һүзенең һүзлектәрзә ауырыуға каршы кулланылған сара, дауа, дарыу, ырым тигән мәғәнәләре бирелгән. Был тамырзан *имсенән* тыш *им табыу*, *им ташы*, *им-том*, *им-жом*, *им итеу*, *имләү*, *имләү көнө*, *имләүес* кеүек мәғжизәле дауалау саралары, ысулдары менән бәйле һүззәр, һүзбәйләнештәр, композиттар барлыкка килгән.

Им һүзе төрлө фонетик варианттарза һәм шул ук мәғәнәләрзә башка төрки телдәрендә лә киң таралыш алған [ЭСТЯ, 1974: 270—271; Функ, 2005: 78]. Хәзерге төрки телдәрендә һәм боронғо язма комарткыларза *em/äm/im* тамырлы бик күп һүззәр зә сағылыш тапкан. Мәсәлән, боронғо төрки язма комарткыларза *emči* ‘имсе’, *emlä* ‘имлә’, *emžü* ‘имсе’, *otačiemči* ‘үлән имсеһе’, *emjürüntäk* ‘им сараһы, дарыу’, *em-sem* ‘дарыу’, *em-sujürüntäk* ‘дарыу-дарман’, *otem* ‘дауа үләнә’, *otači-emči* ‘имсе, дауалауысы’ һ.б. халык медицинаһы терминдары сағылыш тапкан [ДТС, 1969: 171—172, 373].

Хәзерге төрки телдәрзә лә *em/im/äm* тамырлы һүззәр бик күп. Түбәндә кайһы бер төрки телдәрзән миһалдар килтерелә. Сағ.: кыргыз телендә *эмчи* ‘имсе, дауалауысы’, *эмчи-домчу* ‘имсе, балалар имсеһе’, *эмчил* ‘магик дауалауға ышаныусан’ мәғәнәһендә; татар телендә — *им* ‘ырым, им-том, дауа, шифа, дарыу, әмәл, сара’, *имләвеч* ‘им-томда файзаланылған әйбер’, *имләү* ‘төрлө һүз, әпсендәр менән кешене дауалау, йә киреһенсә бозоу’; *им-том* ‘ауырыуға каршы кулланылған саралар, дарыу’, *имче* ‘имсе’; сыуаш телендә — *им* ‘йүнәлтеу, дауа, дарыу (төнәтмә формаһында)’, *им-ям/им-юм* ‘төнәтмә, дарыу’, *им-сам/им-сум* ‘дарыу, дауалау сараһы’, *имле* ‘имләү’, *имле-юмла* ‘магик имләү’, *имле* ‘шифалы’, *имле-сипле* ‘шифалы’, *имлех-сиплех* ‘шифалы сара’, *имсер-йомсар* ‘таркаулык, буталсык’, *имсерлен* ‘ауырыу, сирләү’ һ.б. [Юдахин, 1965: 950—953; ТТАС, 2005: 183—185; Федотов, 1996 (1): 166—167].

Төрки телдәренән тыш *em/im/äm* тамыры менән һүззәр монғолда — *ет* ‘дарыу’; эвенкта — *эмтә* ‘дауалау, имләү’; марица — *эм* ‘дарыу’, *эмлаш* ‘дауалау, йүнәлтеу’; удмуртта — *эмяом* ‘дарыу’ мәғәнәһендә сағылыш тапкан. Үрзә килтергәндәр башкорт телендәге *им*, *имләү*, *имсе* һүззәренең бик боронғо осорға барып тоташыуын күрһәтә. *Им* тамыры төрки телдәрендә генә түгел, монғол, тунгус-маньчжур, фин-уғыр телдәрендә лә осрай. Лексик материал үз йәһәтендә башкорт мифологияһындағы *имселәр* төркөмөн бик боронғо осорзарға алып барып бәйләй.

Функциональ күзлектән *имселәр* борон-борондан кешене төрлө магик саралар ярамында дауалау, им-том итеу менән булышкан. Улар тик им-том иткән, күрәзәлек менән фал һалыу, нокот йә башка юрау, ырымлаузар менән ғәзәттә шөгөлләнмәгән. Үрзә күрһәтелгәнсә, *имселәр* башкорт мифологияһында төрлө им-том менән булышкан. Әммә араларында махсулашыу за күрәтелгән. Халык араһында *осоксолар*, *арбаусылар*, *өшкөрөүселәр*, *һаһылдатыусылар*,

һөйәк ултыртыусылар булған. Түбәндә уларзың кайһы берзәренә тукталмаксымын.

Магик дауалау, им итеү менән башкорт мифологияһында *осоксо* персонажы бәйлә. Мифологик һүзлектә *осоксо* термины түбәндәгесә аңлатыла: курсак, тауык, йәки башка әйбер, предмет ярзамында ауырыу эйәһен кыуып йүнәлтәү. *Осоксо* һүзенән тыш башкорт телендә *осоклаусы*, *осок һалыусы/осок ташлаусы*, *осоксо карсык*, *осоксо әбей* кеүек терминдар бар. Бөтә үрзә килтерелгән һүззәр нигезендә *осок* лексемаһы ята. *Осок* башкорт мифологияһында яуыз сир эйәһе. Кешегә ул «яман урындарзан», йәғни мәйет һыуы түккән, мал һуйған, бозом ташланған, ете юл сатынан эйәрә, тизәр. Әгәр кеше ошондай урындарза йығылһа, ултырһа, ятһа, унан берәй әйбер алһа, ауырып китеүе ихтимал. Әйтергә кәрәк, *осок* һүзе менән башкорттарзың төрлө этно-территориаль төркөмдәре төрлө ауырыуларзы атай. Мәсәлән, әбйәлилдәр — быуманы, бөрийәндәр — кысынманы, каризелдәр катын-кыз ауырыуларын атайзар. Хатта түлһезлектә, ирен-тел кутырлауын да *осок* менән бәйләй башкорт. *Осоктан* килгән ауырыузы, халык ышаныулары буйынса, тик *осоклау* ысулы менән генә бөтөрөп була. *Осоклау* ысулдары ла күп була. Мәсәлән, көньяк-көнсығыш башкорттары 1 йә 2 курсак эшләп, сирле кеше куйынына 2—3 көнгә һалып, шунан алып барып ташлайзар. Түлһез, бала тапмаған катынды яңы ғына һуйылған мал эсәге менән бәргесләйзәр. Шунан катындың күлдәген, бысрак эсәктәрзә *осок* ташлау урынына, сокорға алып барып ташлайзар. Бәғзә як башкорттары сирләгән кешене тере йә әле генә һуйылған кара тауык менән һуккылап, уның башынан, биләнән 3 тапкыр уратып алып сокорға ташлайзар [Хисамитдинова, 2015: 288—289]. Шулай итеп *осок* һүзе менән башкорттар ауырыу эйәһен, ауырыу кыуылған тауыкты, курсакты һ.б. предметтарзы атай.

Осок термины менән башкорт теленәң *осоноу* ‘азған сир’, *осан* ‘эс төшөү’, *ошан* ‘рахит’ кеүек лексемалары ла бер тамырзан булыуы ихтимал, сөнки бөтә килтерелгән һүззәр *осок* кеүек үк ауырыу, уны магик ысул менән дауалау, имләү мәғәнәһенә эйә.

Осок һүзенәң хәзәрәгә һәм боронғо төрки телдәрзә параллелдәре байтак. Мәсәлән, тик бер генә ирен бозолоу, ауызға бөрсөк-бөрсөк сабыртма сығыу мәғәнәһендә генә төрк., төр., гаг., үз., уйғ. телдәрәндә — *исиқ*; әз. — *исиу*; каз., нуғ., ккал. — *ишiq* лексемаһы йөрөй. Башка төрки телдәрзә лә был терминдан яһалған атамалар осрай. Мәсәлән, кыргыз телендә үпкә ауырыуын — *курчакучук*, шешек төрөн — *кайрыучук*; төркмәндә корбан малын — *учук*; теленгитта шаманды, камды *учукчу* тип атайзар. Боронғо төрки комарткыларза ла *исiq*, *исyиқ*, *исиқjelpik* ‘ирен сабыртмаһы, тапма’ атамалары буларак сағылыш тапқан [ДТС, 1969: 604; ЭСТЯ, 1974: 616; Трад. миров., 1988: 108].

Боронғо *исиқ/ишiq/исиу* лексемаһының барлыкка килеүе тураһында фәндә бер нисә караш бар. Э.В. Севортян, Э.Р. Тенишев, Р.Ф. Әхмәтьянов һ.б. кайһы бер телселәр *исиқ/ишiq/исиу* лексемаһының килеп сығышын ‘осоу, осоп, калкып сығыу’ мәғәнәһендәгә *ис* тамыры менән бәйләй. К. Менгес нимәнәңдер *осо*, *сиге*, *башы*, *ахыры* мәғәнәһендә йөрөгән *ис* тамырына бәйләй [ЭСТЯ, 1974: 616; Әхмәтьянов, 2015 (2): 82—83]. Минәң карамакка, *ос* лексемаһының ‘осоу, осоп

килеп сығыу, осоп килеп һуғылыу (кағылыу, тейеу)', ә боронго комарткыларзағы 'үлеу' мәғәнәһе мифлаштырылған *осок, осноу, осан* кеүек һүззәр мәғәнәһенә якын.

Башкорт мифологияһының имселәр төркөмөнә *арбаусыларзы* индереп була. *Арбаусы* һүзенә һүзлектәрзә күрәзәсе, сихырсы, тылсымлы һүз, доға менән дауалаусы тигән аңлатма бирелгән. Шулай итеп был аңлатманан без арбаусының киң профилле магик белгес икәнән күрәбез. Ул дауалай, күрәзәлек кыла, иң мөһиме, магик һүззәр ярзамында кешене, башка йән эйәләрен үзенә буйһондора, сихырлай. Әммә, сихырсыларзан айырмалы рәүештә, арбаусы зур зыян килтермәй, бозмай, ул алдай, кешенең «күзен бәйләй». Ышаныузар буйынса, арбаусылар боронго мәзрәсәләрзә, әүлиәләрзә белем алған. Ул белемде арбаусы кешегә һөйләргә тейеш булмаған, ә арбау процедураһы нык йәшерелгән. Арбау һүззәре 3—7 тапкыр шыбырлап кына әйтелгән. Кешегә доғаларзы әйтеү тыйылған. Шуға хатта арбаусыларзың якындары, балалары ла белмәй арбау серзәрен. Сағ.: Атайым бик укымышлы мулла кеше ине. Ул өшкөрөп, им-том итеп күп кешеләргә ярзам итте. Иҫемдә калған миңә 5—6 йәштәрзә булған бер хәл. Атайыма бер кис колхоз бригадиры өйөр айғырын етәкләп килде. Ул айғырзы йылан саккан икән. Шул айғырзы атайым арбап коткарзы. Ә иртәнсәк безең кәртә эсенә бик күп йылан йыйылғайны. Шунан атайым үzeneң мулла таяғы менән йыландарға һелтәп ебәрзе. Һелтәгәйне, улар ырғып китте төрлө якка. Шулай итеп атайым солан ишегенән арткы капкаға тиклем юл һалды. Юл һалғас, таяғын артына куйзы ла урман яғына китте. Теге йыландар сиратка баһкан һымак тезелешеп атайымдың артынан эйәрзеләр. Йыландар бик озак кына тезелеште. Атайым күззән юғалды, ә улар һаман китеп бөтмәгәйнеләр әле. Атайым кискә табан ғына кайтып инде. Без: «Нишләп озак йөрөнөң?» — тип һоранык атайымдан. Ул: «Йыландарзың һәр бер семьяһын өйзәренә таратып йөрөнөм», — тине. Шунан атайым өйөр айғырын йыландар батшаһы сағыуы тураһында һөйләне. Йыландар батшаһы атайым арбағас, эсе ярылып үлгән. Шуға урмандағы бөтә йыландар за безең өйгә килгән икән. Әгәр атайым көслө мулла, якшы йылан арбаусы булмаһа, йыландар беззе вис ашап бөтөр ине. Өйөр айғырын саккан йыланды арбағанда атайым әллә ниндәй доғалар укый ине. Мин аны исләмәйем. Ике ағайым бар, исмаһам беренә әйтеп калдырмаған шул... [Илһамова, 1946].

Ысынлап та, йылан арбау серен халыктан йыйыуы бик кыйын. Шуға арбаусыларзың йылан теле, йылан арбау серзәре, магик һүззәре бик әз һакланған. Ә йылан арбаусылар башкортта юк кимәлендә. Башкорттарза йылан арбаузан тыш *эт арбау, теш кортон арбау, бал кортон арбау, күз уғын арбау, тел-теш каяуын арбау, карғыш каяуын, гәйбәт каяуын арбау* осрай. Ышаныузар буйынса, һәр кемдең, шул йәһәттән хайуандарзың күзендә, телендә яман *ук һәм каяу* була икән. Шул *ук, каяу* килеп казалһа, кеше, мал ауырый икән. Бындай ауырыуларзы махсус арбау доғаларын, икенсе төрлө телен белгән арбаусылар ғына бөтөрә алған. Ышаныузар буйынса, арбаусылар йылан, корт, кеше күзе, теле, теше каяуын, кортон еңер өсөн уларзың телен белергә тейеш булған. Бының өсөн улар тау асты мәзрәсәләрендә әүлиәләрзә, сихырсыларза белем алған. Шуның өсөн һәр кем арбаусы була алмаған. Ысынлап та,

фольклор материалдары күрһәтеүенсә, им-том менән күп кенә әбейзәр, бабайзәр, муллалар шөгөлләнгән. Әммә арбау менән гәзәттә, үрзә күрһәтелгәнсә, бик укымышлы, мәзрәсәләр бөткән бабайзәр ғына булышкан.

Арбаусы термины, унан яһалған *йылан арбаусы*, *корт арбаусы* атамалары *арбау* һүзенә барып тоташа. *Арбау* һүзе шул ук, йәки якын мәғәнәлә күп кенә төрки телдәрендә, боронғо язма комарткыларза сағылыш тапкан. Мәсәлән, *arba* лексемаһы башкорт телендәге *арбау* һымак ‘сихри көс, тылсымлы һүз менән тәҫсир итеп үзенә буйһондороу, каратыу, ақыл, күңелен биләү, әүрәтеү’ мәғәнәһендә қаз., қыр., ққал., тат., уйғ., хак. ДТС-та осрай. Якут телендә был һүз қорбан малына кемдеңдер сирен индереүзе, алтай диалекттарында — әпсенләү, күрәзәлек итеү, қазак телендә — сихырлау мәғәнәләрендә осрай. Шор һәм телеуттарза арбау һүзенән барлықка қилгән *арбаушы* термины қам һәм сихырсыны аңлата [ЭСТЯ, 1974: 169; КРС, 1988: 37; Юдахин, 1995: 65 һ.б.]. *Arba* ‘арбау’ лексемаһының барлықка қилеүе тураһында фәндә бер нисә қараш бар. Э.В. Севортян был лексеманы тылсым, сихыр мәғәнәһендә қулланылған монғол телдәрендәге *ap/ab/ar* тамыры менән бәйләй. Уның фекеренсә, тәүзә *apra/abra*, азак метатеза һөзөмтәһендә арбау мәғәнәһендәге *arpa/arba* лексемаһы барлықка қилгән [ЭСТЯ, 1974: 169].

Билдәле түркологтар В. Банг һәм А. фон Габен *arba* лексемаһын санскрит телендәге *avici* һүзенә бәйләйзәр. Икенсе бер хезмәтендә В. Банг *arba* лексемаһын төрки телдәренең ‘алдау, қызыкһындырып әйәртеү’ мәғәнәһендә қулланылған *ar-* тамырына тосқай. Билдәле түркологтар Д. Немет менән М. Ряснен төрки телдәренең *arba* һүзен фин телендәге *arpa* ‘күрәзәлек инструменты, бағымсылау предметтары; язьмыш, йәрәбә’, венгерзағы *orvoš* ‘врач, табиб’ менән сағыштырып, күрһәтелгән ике һүзәң дә төрки сығанаклы *arbağa* барып тоташканын иҫбатлайзәр [ЭСТЯ, 1974: 169—170].

Үрзә қилтерелгән миҫалдар башкорт теленең тағы бер һүзенә иғтибар итергә мәжбүр итә. Был күзгә сыққан *арпа* тураһында бара. Күззәге арпа ауырыуын, ышаныузәр буйынса, һары сәсле бәләкәй генә әбей — арпа әйәһе ебәрә икән. Ул әбейзең күз уғы қилеп қазалһа, қеше ауырыый. һәм иң қызығы шунда, был ауырыузы ла арбау, махсус арбау предметтары менән төрткөләп бөтөрөп була икән. Шулай итеп ауырыузың сәбәбе, имләү ысулдары арбауға барып тоташа. Ошоларзан сығып был ике һүз, йәғни башкорт телендәге арбау һәм арпа һүззәре, бер үк төрки сығанаклы *arba/arpa/arva* лексемаһына барып тоташа тип әйтергә була.

Имселәр төркөмөнә *өшкөрөүселәрзе* лә индереп була. *Өшкөрөүсе* тип гәзәттә доғалар белгән, укымышлы им-томсоно атайзәр. Улар төрлө доғалар, сихри һүззәр әйтеп ауырыған қешенең үзен имләйзәр, йә ауырыуға шифа булырлық берәй нәмәне имләп бирәләр. Мәсәлән, өшкөртөлгән тоз қиң қулланылған. Күп осрақта өшкөрөүселәр муллалар, хәзрәттәр була. Сағ.: Шаһим мулла: «Ярай, улай булғас, өшкөрәйем. Иншалла, сихәте булыр», — тип низер укынып, минең йөзгә өрә башланы (К. Даян).

Өшкөрөүселәр мулла булһа ла мосолман доғаларын ғына қулланмағандар. Сағ.: Өшкөрөүсе әбей қилеп баламды өшкөрөп қитте. Қисен

тауык һуйып, мәзин өшкөрөп куйзы. Иске кейем кейзереп, тауык менән һуккылап та өшкөрзө мулла [Йылайыр ф., 2006: 139].

Әйтергә кәрәк, башкорттарза өшкөрөү менән тик муллалар ғына шөгөлләнмәгән. Ғаиләнәң оло ағзаһы, ауылдың оло әбейе, бабайы ла өшкөрөүсе булған, өшкөрөү менән кәрәк сакта булышкан. Сағ.: ...Мин бәләкәй сакта, 1928 йылда, мине ен алып китеп юл буйына ташлап киткән. Шунан мин бик ауырығанмын. Картатай мине өшкөргән. Йығылған ерзе барып өшкөрөп, күмеп килгән. Арбала калған әйберемде өшкөрөп күмгән, шунан терелеп киткәнмен [Яңауыл ф., 2009: 165].

Башкорт телендә *өшкөрөүсе* һүзе менән бергә *өшкөрөүсе бабай* (*әбей, карт*) кеүек терминдар за сағылыш тапкан. Был терминдар бөтәһе лә *өшкөрөү* һүзенә барып тоташа. Был һүззән *өшкөртөлгән, өшкөрөлгән, өшкөрөмләнгән*, йәғни ‘доға, сихри һүззәр менән имләнгән’; *өшкөрөм-төкөрөм* ‘һәр төрлө им-том’, *өшкөрөү* ‘доға укып, сихри һүззәр әйтеп, өрөп имләү’; *өшкөртөлгән* ‘доға, сихри һүззәр менән имләнгән’ кеүек магик дауалау менән бәйле лексемалар барлыкка килгән. Үрзә килтерелгән һүззәр өшкөрөү кылымына барып тоташа. *Өшкөрөү* һүзе башкорт телендә бер нисә мәғәнәлә кулланыла: доға укый-укый өрөп имләү (ауырыуың үзен йәки дауа-дарман иткән берәй нәмәнә); урлау, сәлдереү, куркыу, шөрләү, куркытыу, хәүефләндереү, малды кыуып индереү һ.б. Башкорт телендәгә *өшкөрөү* һәм *өшкөрөүсе* һүззәренәң башка төрки телдәрзә параллелдәре бар. Мәсәлән, татар телендә *өшкерү, өшкерүче* шул ук ‘өшкөрөү, өшкөрөүсе’ мәғәнәһендә, нуғайза — *üskir* ‘ауыз эсенән укыныу, һызғырыу’, уйғыр, төркмән, алтайза — *üskür* ‘ауыр тын алыу’; кыргызза — *üskür* ‘ауыр тын алыу, һызғырған кеүек тауыш сығарыу’; хакаста — *üskür* ‘имләү процедураһында күзгә өрөү’, *üsküriçi* ‘күз табибы’; якутта — *üsü:r* ‘өрөү, һызғырыу’ һ.б. [ЭСТЯ, 1974: 645; Бутанаев, 1999: 168; Юдахин, 1965: 827]. *Üskür/üšyür* лексемаһы ‘ышылдау, һөскөртөү, һызғырыу’ мәғәнәләрендә боронғо төрки комарткыларза ла осрай [ДТС, 1969: 628].

Э.В. Севортян *üskür/üšyür* лексемаһының барлыкка килеүен өнокшаш *üš* тамыры менән бәйләй. Дөйөм алғанда, был карашты күп кенә ғалимдар яклай. Шуға башкорт теленәң *өшкөрөү, өшкөрөүсе* кеүек һүззәре күп кенә төрки телдәре менән уртақ һәм тел байлығының бик боронғо катламдарына барып тоташа, тип әйтә алабыз. Был һүззәрзәң тамыры бик боронғо төрки телдәрзән айырылған якут телендә лә булыуы уның боронғолоғон исбатлай. Ә инде өшкөрөүсе аткарған дауалау йолаһына килгәндә инде, уның да камлык, шаманлык осоро менән бәйле булыуын һызык өстөнә алырға була. Үрзә күрһәтелгәнсә, өшкөрөүсе бик боронғо кара доғаларзы, мосолман доғаларын, башка им-том итеү сараларын кулланған. Былар бөтәһе лә уның боронғолоғон исбатлай кеүек.

Мифлаштырылған персонаждарзың имселәр төркөмөнә *баксы/бағымсыларзы* ла индереп була. Әммә башкорт мифологияһының был төркөмө, башка персонаждарзан айырмалы рәүештә, тик имләү, им-том итеү менән генә шөгөлләнмәй. Улар күрзәлек итеү, ырым-юрау, фал һалыу, башка серле функцияларзы ла үтәгән. Боронғо терминология менән әйткәндә, башкорт баксылары/бағымсылары киң профилле магик белгестәр булып тора. Шуғалыр

бағымсылар кешене, малды имлэгән; язмышты, киләсәкте күзаллаған, юғалған әйберзәрзе, мал-тыуарзы, кешене таба алған, тәбиғәт күренештәренә йоғонто яһай алған (мәсәләһ, ямғыр яузырған йә туктатқан); кешегә, халыкка мул уңыш, түллек тәьмин иткән. Был мәкәләлә мин киң профилле дауалау, им-том итеү сфераһына күберәк тукталмаксымын.

Башкорт донъяһының һәр тарафында билдәлә баксы/бағымсылары булған. Улар һәр ерзә тиерлек куркыузы, урта колак шешеуен, күззәге арпаны, өсйәнде, кызылсаны һ.б. ауырыузарзы төрлө ысулдар менән имлэгән. Сағ.: Бағымсы балаға күз тейһә, ыслай торғайны. Ул ете төрлө әйбер: артыш, дары, шырпы көкөртө, баланың ата-әсәһенәң елкә сәсе, күмер, еп кишәге, эт йәки бесәй йөнә ала торғайны. Шунан қояш байып барғанда һоҫқоға утлы күмер алып, шуға әзләп кенә сәс, йөн, көкөрт, артышты һ.б. һала-һала, бала янында ошо һүззәрзе әйтеп, әйләнәп йөрөй торғайны:

Һыузың ағышына кит,
Көндөң байышына кит,
Йомшак түшәктәргә кит,
Йомшак ястыктарға кит.
Корайт, мәлеғән,
Корайт, мәлеғән,
Кайт, үзеңә кайт!

(Ф. Аскарова).

Күз тейеүзе имлэгән бағымсыларзың кот кайтарыу менән бәйле тағы бер арбау тексын килтерергә була.

Эй һин, котом, һин котом,
Сакырғанда кил, котом.
Хәстә төштә башыма,
Эйәһен табып бир, котом.
Котом әмере буйынса,
Коркот әмере буйынса,
Карымкот атай, котоң бир,
Котом кайза, мин шунда.
Кил, котом, кил, котом,
Күгәрсендәй гөрләп кил,
Кыр казындай тезеләп кил,
Ак йыһандай һузылып кил.

[Хисамитдинова, 2006: 44].

Килтерелгән текст баксының төрлө рухтарға, билдәлә әүлиәләргә мөрәжәғәт итеуен күрһәтә. Был инде баксы/бағымсыларзың кешеләр һәм рухтар, кешеләр һәм фәрештәләр, кешеләр һәм әйәләр араһында аралашсы функцияһын үтәуен дәлилләй. Улар олатай-бабаларзы, әрүахтарзы сакырып, уларзан им-том итеүзә, күрәзәлек итеүзә ярзам алырға тырышқан.

Бағымсы күп профилле белемсе буларак бик күп алымдар, саралар менән им-том иткән. Ул кот та койған, арбаған да, әпсен дә, доға ла, кыуыу, куркытыу һ.б. им-том кулланған. Бағымсы арсеналында *бағымдык әйтеү* айырым бер урын алып торған. *Бағымдык* — ул бағымсы тарафынан кулланылған һамак. Түбәндә балаһы озақ булмаған катынды магик дауалау процедураһы менән бәйле *бағымдык* килтерелә. Был бағымдыкты бағымсы туғыз айға тиң булһын тип, туғыз мәртәбә әйтә:

Мин һалдым маяу!
Мин әйтәм баяу!
Һыбаға әмәл таяу!
Кендеккә тығып каяу!
Котка — кот!
Йәнгә — йән!
Бак, бак!
Бәпәй килмәй бик озақ!
Бак, бак!
Итермен һине кунак!
Бак, бак, мәмәй көт бер табак!
Бак, бак!
Туғыз ай инде арык!
Бак, бак!
Кайғы-илау бик зарык!
Бак, бак!
Тәңрем, һиңә бер һарык!
Бак, бак!
Өмөттә кыйма, зинһар!
Бак, бак!
Күрһәтмә безгә моң-зар!
Бак, бак!
Һәмгелсәктә кем йоклар!

Бағымсы ошо бағымды 9 тапкыр әйтеп катынды йыуындырғас, доға укый, бармак менән үзенә, күп бала тапқан әсәнә һәм бағылған йәш катындың кендегенә төртә, ыуыз һөтә алып имсәктәрен ыуалай, курсак эшләп, тағы доға укып, кендек астына һала, туғыз һаны магияһына мәрәжәғәт итә (М. Ғиззәтуллина).

Үрзәге миһал күрһәтеүенсә, бағымсы бағымдык һәм башка саралар ярзамында йәш катынға түл тарта, котон кузғалта. Шулай итеп, *бағымсы/баксылар* башкорт тормошонда бик зур роль уйнаған, ауырыузы терелткән, балаһызға бала, бәхетһезгә кот, сирлегә һаулык биргән.

Башкорт телендә *бағымсы*, *баксы* терминдарынан тыш *бағыусы*, *бағым*, *бағыу*, *бағымлык/бағымдык*, *бағымсылау*, фольклорза, әзәбиәттә *бағымсы әбей*, *бағымсы карсык*, *баксы бабай* кеүек һүзәр сағылыш тапқан. Сағ.: 1. Бәләкәй сағында әсәһе уны [Ғөлбанузы] *бағымсыға* ла алып барып караны

(Т. Ғарипова). 2. Юрау өсөн Тамъян иленә кайзандыр Сулман яғынан килеп азашып тороп калған *бағымсы карсык* сакырылды (К. Мәргән).

Бағымсы, баксы һ.б. үрзә килтерелгән һүззәр нигезендә *бағ/бак* тамыры ята. *Бак/бағ* тамырының башкорт һүзлектәрендә карау, күзәтеү, көтөү, тәрбиәләү, буйһоноу, им-том итеү, күрәзәлек итеү мәғәнәләре сағылыш тапкан. Әйтәп китергә кәрәк, *бағымсы, баксы* терминдарының варианттары башка төрки телдәрендә лә осрай. Мәсәлән, нуғай телендә кам, күрәзә, сакраль белемгә әйә кеше, музыкаль инструменттар, йыр ярзамында, шулай ук көзгә, бысак, камсы, сөй, хайуан һөйәгә ярзамында им итеүсә мәғәнәһендә *бақшы/баксы* һүзә йөрөй. Казакта — им-томсо, күрәзә мәғәнәһендә *бақшы, бақшы-кемпир*; якутта — *кытатбахсы* һүзә тимерселәр әйәһе/атаһы; хакаста — *пахсы* (пахыс) — баксы, укымышлы, хәйләкәр кеше; сыуашта — *ялтахи* — бер тәңреләренә исеме булып йөрөүе билдәле. Боронғо төрки комарткыларза *baqšī* ‘укытыусы, остаз’, *otačī-baqšī* ‘дауалаусы, имләүсә’ мәғәнәһендә осрай [Юдахин, 1965: 101; ТТАС, 2005: 65; Капаев, 2012: 110—112; ДТС, 1969: 81—82; Трад. миров., 1988: 111].

Төрки телдәренәң *baqšī/baqšī/pahšī* лексемаһының барлыкка килеүенә фәндә бер нисә караш бар. Боронғо төрки һүзлеген төзөүселәр был лексеманы кытай телендәгә *боши* (baq-šī) ‘остаз, укытыусы’, К.К. Юдахин санскриттағы *бхик-шу* ‘әйә, рух’, күп кенә ғалимдар *baqšī/baqšī/pahšī* лексемаһын дөйөм төрки *baq/bay/paq* тамырына тоташтыра һәм уны төрки сығанаклы тип һанай [ЭСТЯ, 1978: 38—40; ДТС, 1965: 82; Юдахин, 1965: 101; Әхмәтъянов, 2015(1): 154; Федотов, 1996: 407; Капаев, 2012: 110]. Әйтергә кәрәк, *baq/bay/paq* тамыры төрки телдәренәң барыһында ла тип әйтерлек бар. Уның Э.В. Севортян һүзлегендә 10-дан артык мәғәнәһә күрһәтелгән. Бына уларзың кайһы берзәре: карау, күрәү, күз ташлау, күзәтеү, иғтибарзы йүнәлтеү, карап тәрбиәләү, им итеү, имләү, күрәзәлек итеү һ.б. Был мәғәнәләр араһында магик имләү, күрәзәлек итеү кеүектәр зә үз урынын алған. Ә *баксыларга* килгәндә инде, улар ғәзәти булмаған, мөғжизәлә күрәүгә, карауға һәләтлә, тизәр. Хатта диалекттарза бағымсыны караусы, бағыусы, күремсә тип тә йөрөтәләр. Шулай итеп *бағымсы, баксы* бик катмарлы персонаж. Ул боронғо камдар, шамандар функцияһын үтәгән персонаж. Шуға ла ул имсә лә, белемсә лә, күрәзәсә лә, юраусы ла, ырымлаусы ла.

Шулай итеп, башкорт мифологияһының имселәр персонаждары күп төрлө. Функциональ күзлектән уларзың 2 төркөмгә бүленеүе күренә. Беренсә төркөмгә тик магик дауалау, им итеү, имләү менән генә шөгөлләнгәндәр карай, уларзың махсуслашыуы ихтимал. Икенсә төркөмгә дауалаузан тыш күрәзәлек кылыу, юрау, ырымлау кеүек магик йолалар менән шөгөлләнәүселәр карай. Лексик күзлектән карағанда, им-том лексикаһы башкорт телендә бик бай һәм боронғо. Башкорт теленәң им-том лексикаһының башка төрки телдәрзә, комарткыларза, төрки булмаған телдәрзә параллелдәре бар.

Әзәбиәт

1. Бутанаев, В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь / В. Я. Бутанаев. – Абакан, 1999.

2. Древнетюркский словарь. Ленинград : Наука, 1969. – 677 с.
3. **Капаев, И.** Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря / Иса Капаев. – Москва : Голос-Пресс, 2012. – 422 с.
4. **Кондыбай, С.** Казахская мифология. Краткий словарь / С. Кондыбай. – Алматы : Нурлы Алем, 2005. – 272 с.
5. **Котов, В. Г.** Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы / В. Г. Котов. – Уфа : Гилем, 2006. – 408 с.
6. **Махмудов Х.** Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алма-Ата : Наука, 1988. – 512 с.
7. Мифы народов мира. В 2 томах. Т. 2. – Москва : Советская энциклопедия, 1997. – 719 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Т. 7. / Институт языкознания РАН. – Москва : Наука, 2006. – 908 с.
9. **Сулейманова, М. Н.** Доисламские верования и обряды башкир / М. Н. Сулейманова. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – 146 с.
10. **Сагалаев, А. М.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал : монография / А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская. Новосибирск : Наука, 1990. – 209 с.
11. **Федотов, М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка. В 2 томах / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 2 т.
12. **Функ, Д. А.** Миры шаманов и сказителей : комплексное исследование телеутских и шорских материалов / Д. А. Функ. – Москва : Наука, 2005. – 398 с.
13. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. – Москва : Наука, 2010. – 456 с.
14. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении) / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – 400 с.
15. **Севортян, Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян ; Академия наук СССР. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.
16. **Юдахин, К. К.** Киргизско-русский словарь. В 2 томах / К. К. Юдахин. – Москва : Советская энциклопедия, 1965. – 2 т.
17. Якутские мифы / Н. А. Алексеев ; отв. ред.: В. В. Илларионов, Р. И. Бравина. – Новосибирск : Наука, 2004. – 460 с.
18. Ögel, V. Türk mitolojisi / V. Ögel. – Ankara, 1993.
19. **Аскарова, Ф.** Баймак р-ны һәмән ауылы / Ф. Аскарова.
20. Башкорт халык ижады. Т. 1. – 1995.
21. **Ғарипова, Т.** Хисбулла кызы, языусы / Таңсулпан Ғарипова.
22. **Ғиззәтуллина, М.** Учалы р-ны Миндәк касабаһы / Мәрхәбә Ғиззәтуллина.
23. **Даянов, К.** Хәким улы, языусы, шағир / Даянов Кадир.
24. **Илһамова, З. С.** Белорет р-ны Инйәр касабаһы. – 1946.

25. Йылғы экспедиция материалдары. 1986–1995; 1999–2010.
26. **Мәргән, К.** Кирәев Әхнәф. Нурый улы, языусы, ғалим.
27. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Ф. Ә. Ганиев ред. – Казан Матбугат йорты, 2005. – 848 б.
28. **Тойшанулы, А.** Түрік-моңғол мифологиясы / А. Тойшанулы. – Өскемен, 2016.
29. **Урманче, Ф.** Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 3 томда / Ф. Урманче. – Казан : Мәгариф нәшрияты, 2011. – 3 т.
30. **Хисамитдинова, Ф. Ғ.** Башкорт мифологияһы һүзлеге / Ф. Ғ. Хисамитдинова. – Өфө, 2015. – 412 с.
31. **Хисамитдинова, Ф. Ғ.** Башкорттарҙың им-том китабы / Ф. Ғ. Хисамитдинова. – Өфө, 2006.
32. **Шукуров, А.** Мифолокија. 6 китапта. 1 кит. / А. Шукуров. – Бакы, 1995.
33. **Шәмиғолова, Ә.** Учалы р-ны Карағужа ауылы / Әклимә Шәмиғолова.
34. Экспедиция материалдары – 2005 : Яңауыл районы. – Өфө, 2009.
35. Экспедиция материалдары – 2003 : Йылайыр районы / төз. Г. Р. Хөсәйенова, Р. Ә. Солтангәрәева, Л. К. Сәлмәнова [и др.]. – Өфө : РУНМЦ МО РБ, 2006. – 251 б.
36. **Әхмәтьянов, Р. Г.** Татар теленең этимологик сүзлеге. 2 томда / Р. Г. Әхмәтьянов – Казан, 2015. – 2 т.

УДК 94 (470.57)

*Акманов А.И.,
Академия наук Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАШКИР-КИПЧАКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XIX ВВ.)

Аннотация. Известные лингвисты академики АН РБ М.В. Зайнуллин и З.Г. Уракин являются уроженцами территорий, которые принадлежали башкирам-кипчакам. В данной статье по письменным источникам в виде шежере (родословных) кипчаков и материалам Генерального межевания земель Башкортостана применительно к кипчакским волостям второй половины XVI – XIX вв. показаны некоторые тенденции развития земельных отношений. Особенностью вхождения башкир в состав Русского государства стало признание царем Иваном IV вотчинного права коренных жителей края на землю. Между сторонами были заключены договоренности о разграничении полномочий по земельному фонду края, что означало распространение полномочий коллективных собственников на всех представителей башкирского населения. Эта привилегия базировалась на определенных обязательствах башкир перед Русским государством в виде военной службы за свой счет и выплаты ясака. В последующее время царские власти первоначально соблюдали вышеуказанные договоренности, но с 30-х гг. XVIII в. разворачивается масштабная колонизация края различными категориями населения из центральной части страны, где

часть башкир-кипчаков потеряла ряд своих угодий. Своеобразным ответом на подобный курс государства стали башкирские восстания. Для урегулирования этих конфликтов царские власти постепенно отказались от насильственного перераспределения угодий в крае. С началом XIX в. последовательно стали осуществляться Генеральное и затем Специальное межевания земель территории края ради урегулирования земельных конфликтов. Однако этот процесс имел неоднозначные последствия как для башкир в целом, так и представителей кипчакских волостей, в частности.

Abstract. Famous linguists of the Academy of Sciences of Belarus M.V. Zainullin and the Academy of Sciences of Belarus Z.G. Uraksin are natives of the territories that belonged to the Bashkirs-Kipchaks. This article shows some trends in the development of land relations based on written sources in the form of shezhere (genealogies) of the Kipchaks and materials of the General land survey of Bashkortostan in relation to the Kipchak volosts during the second half of the XVI-XIX centuries. The peculiarity of the Bashkir joining the Russian state was manifested in the recognition by Tsar Ivan IV of the native inhabitants of the region of the patrimonial right to land. Agreements were concluded between the parties regarding the division of powers in relation to the land Fund of the region. This circumstance meant the extension of the powers of collective owners to all representatives of the Bashkir population. This privilege was based on certain obligations of the Bashkirs to the Russian state in the form of military service at their own expense and payment of yasak. In subsequent times, the tsarist authorities initially observed the above agreements, but since the 30s. In the XVIII century, a large-scale colonization of the region by various categories of the population from the Central part of the country, where part of the Bashkir-Kipchaks lost a number of their lands, is unfolding. Bashkir uprisings became a kind of response to such a course of the state. To resolve these conflicts, the tsarist authorities gradually abandoned the forced redistribution of land in the province. Since the beginning of the XIX century, General and then Special land surveying of the territory of the region for the settlement of land conflicts has been consistently carried out. This process, however, had ambiguous consequences for the Bashkirs in General and the representatives of the Kipchak townships in particular.

Ключевые слова: башкиры; кипчаки; шежере; царь; вотчинное право; Генеральное межевание.

Keywords: Bashkirs; kipchaks; shezhere; tsar; patrimonial law; General land surveying.

Большой вклад в развитие башкирской лингвистики внесли академики АН РБ, доктора филологических наук Марат Валиевич Зайнуллин и Зиннур Газизович Ураксин. Следует отметить, что они являются уроженцами соответственно деревни Верхнее Сазово Кугарчинского района БАССР и села Максютото Тюльганского района Оренбургской области. В этой связи представляется интересным ряд аспектов жизнедеятельности населения этих территорий во второй половине XVI – начале XX вв. Согласно системе административного деления земли этих населенных пунктов во второй половине XVI века относились первоначально к юрисдикции кипчакских племен, позже с XVII до начала XX вв. к соответствующим кипчакским волостям. Кроме того, важной особенностью владений башкир ряда волостей с XVIII века являлась их территориальная разбросанность между различными уездами и даже губерниями. Такая особенность постепенно складывалась по итогам переселенческого процесса из центральной части Российской империи, когда прежде единый земельный массив башкирских угодий стал разбавляться территориальными приобретениями представителей различных этнических и социальных групп населения.

Процесс вхождения башкир-кипчаков в состав Русского государства и вопрос земельного обеспечения характеризуется в исторических родословных народа (шежере). Известно, что башкиры к середине XVI в. входили в состав различных государственных образований. Однако вследствие ухудшения общей экономической ситуации постепенно сложилась кризисная ситуация во взаимоотношениях между башкирами и руководством вышеуказанных государств [История башкирского народа, 2011: 44].

В этой ситуации большую активность проявил царь Иван IV Грозный, который предложил башкирам добровольно войти в состав Русского государства. С одной стороны, башкиры обязались выполнять военную службу и выплачивать земельный налог (ясак) в виде шкур пушных зверей (соболь, куница) в пользу Русского государства. С другой стороны, царские представители обещали башкирам сохранить традиционную систему самоуправления и их земельный фонд на условиях вотчинного права. Здесь следует отметить, что вотчинное право на землю – это полномочия владения, пользования, распоряжения и передачи по наследству земельных владений. Оно закреплялось в виде соответствующих жалованных грамот и указов царского правительства [История башкирского народа, 2011: 54].

Весьма интересными являются сведения, содержащиеся в объединенном шежере племен Бурзян, Кипчак, Усерган и Тамьян, а также других башкирских объединений, о поездке их представителей к наместнику русского царя Ивана IV Грозного для переговоров о предстоящем вхождении в состав Русского государства, предоставлении башкирам грамот, закрепляющих за ними земли на основе вотчинного права [Башкирские шежере, 1960: 27–35, 50–53, 71–86, 93–96, 110–117, 121–127].

О необходимости урегулирования земельного вопроса как одного из ключевых сюжетов условий вхождения показано в тексте шежере племен Бурзян, Кипчак, Тамьян, Усерган. Башкирские представители "... обратились с нижайшей просьбой отмерить башкирам ихние земли, воды и выдать им на владение этими землями грамоту. По их просьбе, он, великий царь Иван Грозный, своим указом повелел эти земли отмерить, т.е. определить их границы". Принципиальными являются сведения и из другого варианта шежере о том, что царские власти "...составили указную (в смысле договорную) грамоту, в которой особо написали о наших землях". В данном документе башкиры признавались владельцами тех земель, где они проживали [Башкирские шежере, 1960: 71–74].

Процесс вхождения башкир в состав Русского государства происходил постепенно. Данный процесс для кипчакского объединения осуществлялся преимущественно на протяжении 1554–1556 гг. Затем от имени царского правительства в Москве башкирским представителям были вручены жалованные грамоты в 1556 и 1557 гг. [Усманов, 1960: 81, 102, 113].

С XVII – первой трети XVIII вв. происходит возрастание роли царского правительства как регулятора земельных отношений в крае. Оно неоднократно официально подтверждало вотчинное право башкир на землю, регулировало различные земельные споры. Надо отметить, что рост численности башкир

этого периода способствовал постепенному разделению единой волостной земли башкир-кипчаков между различными родовыми группами данного объединения. Новые территориальные структуры начинают также обозначаться как «волости». В частности, с началом XVIII в. на основе прежде единой территории Кипчакской волости появляются несколько новых образований – это Бушман-, Гирей-, Кара-, Санким-, Суун-, Карагай-Кипчакские волости.

Организацией Оренбургской экспедиции во второй половине 30-х гг. XVIII в. было положено начало интенсивному строительству крепостей на территории края. По ряду укреплений имеются сведения и о численности их гарнизонов. При первом начальнике экспедиции И.К. Кирилове крепости появлялись преимущественно на юге и востоке края, в том числе и на землях кипчакских волостей. Так, в августе 1735 года основные силы экспедиции основали г.Оренбург на территории семи башкирских волостей – Бурзянской, Тамьянской, Усерганской, Бушман-, Санким-, Кара-, Суун-Кипчакских. Здесь был размещен гарнизон численностью в 1360 военнослужащих. Вблизи этой местности – по реке Яик были созданы крепости Верхне-Озерная (гарнизон – 292 военнослужащих), Губерлинская, Бердская (622). Кроме того, по течению реки Самара появились Красносамарская (486), Борская (536), Бузулуцкая (571/), Тоцкая (334), Сорочинская (327), Ново-Сергиевская, Татищевская (189) и ряд небольших укреплений. [РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1: Д. 932. Л. 13; Д. 935. Л. 14; Д. 938. Л. 3, 4; Д. 1886. Л. 18].

Военная колонизация сопровождалась строительством заводов на башкирских угодьях, которая затронула и земли кипчакских волостей. В качестве примера можно привести договор о продаже земли, который был составлен в 1768 г. между купцами Масаловыми и представителями Кара-Кипчакской, Суун-Кипчакской, Усерганской волостей. Однако здесь не указывались стоимость и размеры продаваемого участка [Акманов А.И., 2007: 172].

Действия правительства вызывали протест со стороны башкир в виде многочисленных и массовых восстаний в XVII – XVIII вв., направленных против жестокой политики царского самодержавия [История башкирского народа, 2011: 103–153, 174–241, 327–367].

Новый этап изменения площади башкирского землевладения, в том числе и кипчакских волостей, связан с началом XIX в., когда тало осуществляться Генеральное межевание земель Российской империи, которое реализовывали специальные землемерные команды. В контексте этого мероприятия происходило регулирование земельных споров башкир с различными категориями населения с неоднозначными последствиями для сторон.

В качестве примера можно отметить спор между представителями гарнизона Пречистенской крепости и башкирами Кара-Кипчакской волости за право распоряжения угодий вблизи реки Сакмары. Первоначально измерения Генерального межевания по этим землям были проведены в 1798 г. Тем не менее, как население крепости, так и башкиры стремились утвердить свои преимущественные права на распоряжение этими угодьями. Тогда местная исполнительная власть в лице губернского правления распорядилась, чтобы

судебные органы совместно с межевой конторой выслушали претензии сторон. Только после длительного изучения различной документации и выступлений истцов Оренбургская палата суда и расправы в 1827 г. признала башкир владельцами спорных угодий [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 1: Д. 183. Л. 1–2 об., 15–21 об., 23–24, 27–28, 29–54 об., 143–146] .

Другим примером конфликта интересов за землю стала часть территории Кара-Кипчакской волости. В частности, представитель Кара-Кипчакской волости А. Каракузяков 2 декабря 1802 г. подал жалобу на землемера Д. Ястребова. Последний был обвинен в том, что в полевом журнале не зафиксировал информацию о двух спорных участках площадью в 9603 десятин и 3411 десятин. Эти угодья башкиры Бурзянской волости самовольно продали помещикам Ермолаеву и Толбузину. Сделка была осуществлена без общего согласия жителей семи волостей – коллективных владельцев этих угодий. Каракузяков указал на незаконность этой продажи, так как в данной местности бурзянцы являлись припущенниками (арендаторами) на вотчинной земле Кара-Кипчакской волости. На протяжении 1803 г. чиновники Оренбургской межевой конторы занимались изучением документации по совместному владению семи совладельцев – жителей Бурзянской, Тамьянской, Усерганской, Бушман-, Санким-, Кара-, Суун-Кипчакских волостей. В связи с этим межевщики рассмотрели имеющиеся документы по итогам измерений в виде официального обращения башкирского поверенного, межевой книги, плана, полевого журнала землемера, его рапорта о полевой работе. Отсутствие в полевом журнале землемера каких-либо признаков недовольства от башкирского поверенного и соблюдение землемером принципов законодательства стали основанием для последующего отклонения жалобы Каракузякова. Однако несмотря на принятое решение руководство конторы оставило за Каракузяковым право на пересмотр дела путем подачи апелляции в вышестоящую организацию – Московскую межевую канцелярию. Тем не менее, вышестоящая инстанция оставила в силе первоначальное решение [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 1: Д. 243. Л. 1, 6–8 об, 10, 14, 15–18 об., 22 об., 36–37 об., 41 об.–55 об., 69–76, Ф. 1355. Оп. 1. Д. 938. Л. 1–1 об.].

В 1804 г. возникло спорное дело после подачи челобитной от поверенного Бушман-Кипчакской волости, где были представлены претензии к землемеру И.Ярцеву. Представитель коренных жителей края сообщал о неправомерном отмежевании части их вотчинных угодий в пользу различных чиновников. Основная причина недовольства, высказанная челобитчиком, заключалась в неправомерной интерпретации межевых законов со стороны землемера и игнорировании показаний башкирского представителя. Однако межевые структуры отказались от дальнейшего рассмотрения обстоятельств данного дела [НА РБ. Ф. 2. Оп. 1: Д. 96].

В 1806 г. жители ряда волостей выразили недовольство действиями уральских казаков, пытавшихся во время межевания закрепить за собой угодья по рекам Большой и Малый Узень на территории Саратовской губернии. Землемер Небольсин, пытаясь отмежевать землю в пользу казаков по принципу фактического владения на данный момент, встретил недовольство башкир

Бурзянской, Кара-Кипчакской и Усерганской волостей. Коренные жители края предъявили царскую грамоту середины XVI в., где подтверждались права собственности башкир на эти угодья. Казаки попытались опровергнуть содержание грамоты, предъявив свои владельческие документы. В итоге, к решению дела оказалось подключенным вышестоящее учреждение – Московская межевая канцелярия, которая к концу 1826 г. вынесла решение в пользу казаков. Однако такой финал не удовлетворил башкирских представителей, и материалы дела были переданы в другое вышестоящее учреждение в системе земельных измерений – межевой департамент Сената. Новое рассмотрение обстоятельств спора показало, что спорные земли по рекам Большой и Малый Узень являлись старинной летней кочевкой башкир семи волостей, а редкое их появление в данной местности объяснялось ограничениями со стороны царских властей на переход из одной губернии в другую. В итоге было достигнуто компромиссное решение о совместном владении угодьями как для башкир, так и уральских казаков, поскольку обе стороны конфликта предъявили одинаковые по значимости владельческие документы [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 1.: Д. 245. Л. 48–49, 81–88 об.].

В 1841 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский информировал правительство об определении границ населенных пунктов на спорных угодьях Бузулукского уезда. Здесь располагались деревни Султанмуратово, Субханкулово, Хамитово, Аминево, Хамбилево, Салихово с населением 570 душ мужского пола. Жители этих деревень были вотчинниками Бушман-, Санким-, Кара-, Суун-Кипчакских, Тамьянской, Бурзянской, Юрматынской волостей, но им также принадлежали, по сообщению губернатора, значительные территории и в Оренбургском, Стерлитамакском уездах. Исходя из этого, руководитель региона допустил возможность переселения данной группы башкир из Бузулукского в Оренбургский, Стерлитамакский уезды [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 3. Д. 2475. Л. 3–6 об., 25–26, 106 об., 107–108 об., 216–217 об., 275, 281, 336].

В последующее время при реализации Специального межевания башкирских земель во второй половине XIX–начале XX вв. стала осуществляться реализация нового аграрного курса, который предполагал корректировку официального законодательства с учетом переселенческого процесса. Основным содержанием развития аграрных отношений на территории края было продолжение размежевания башкирских земель и организация переселений крестьян из центральных губерний. В тоже время правительство неоднократно подтверждало вотчинное право башкир на землю. При этом к середине XIX в. в распоряжение государственных учреждений или отдельных групп переселенцев фактически были переданы часть угодий башкир кипчакских волостей, которые располагались на окраинах – на стыке Оренбургской, Саратовской, Самарской губерний.

Литература

1. **Акманов, А. И.** Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX вв. / А. И. Акманов. – Уфа : Китап, 2007. – 358 с.
2. Башкирские шежере / составление, перевод, введение и комментарий Р. Г. Кузеева. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1960. – 304 с.
3. История башкирского народа. В 7 томах. Том 3. – Уфа : Гилем, 2011. – 476 с.
4. Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 1 / Российский государственный архив древних актов (в тексте – РГАДА).
5. Таблица к экономическому примечанию о населении города Челябинска по 5-й ревизии с указанием сословий. Ф. 1355. Оп. 1 / Российский государственный архив древних актов (в тексте – РГАДА).
6. Ф. 2. Оп. 1 / Национальный архив Республики Башкортостан (в тексте – НА РБ).
7. **Усманов, А. Н.** Присоединение Башкирии к Русскому государству : монография / А. Н. Усманов. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1960. – 198 с.

УДК 80

*Султангареева Р.А.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

БАШКИРСКИЙ ЭПОС В ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования проблемы обусловлена комплексным изучением сохранных в памяти башкирского народа живых традиций эпического сказительства. До недавнего времени считалось, что изустное исполнение эпоса «Урал-батыр» и других, также собственно эпические напевы были утрачены безвозвратно. Однако на основе аудиовидеозаписей, сделанных в 2003–2004, 2012, 2013, 2020 гг., образцов народных произведений автор делает ряд важных наблюдений о сохранности и непрерывности эпических традиций сказительства, живом бытовании эпоса в памяти башкир. Предметное изучение записей позволяет делать характеристики, актуальные в свете визуальной антропологии, социологии фольклора, также воспроизвести особенности и специфику манер исполнения эпоса.

Abstract. The relevance of the article is based on a comprehensive study of the living traditions of epic storytelling preserved in the memory of the Bashkir people. Until recently, live performance of the epic "Ural-Batyr" and other original epic songs, were believed to be irretrievably lost. However, based on audio and video recordings made in 2003–2004, 2012, 2013, 2020, samples of folk works the author makes a number of important observations about the preservation and continuity of the epic traditions of storytelling, the living existence of the epic in

the memory of the Bashkirs. Subject study approach of the recordings allows us to make characteristics that are relevant in the light of visual anthropology, sociology of folklore, and also reproduce the features and specifics of the manner of performance.

Ключевые слова: фольклор; живое исполнение; импровизация; визуальная антропология; традиции; мифы; напевы; эпос.

Keywords: Folklore; live performance; improvisation; visual anthropology; traditions; myths; songs; epos.

Визуальная фольклористика, репрезентация историко-культурных ценностей, антропологические исследования народных знаний – относительно новое, но довольно быстро утверждающееся со своей методологией, принципами изучения, актуальное направление науки в Европе и России. Вкратце об истории записывания фольклорных материалов. Звукозаписи фольклора в Башкортостане начались только в 1960-е гг., а к настоящему моменту они оказались в весьма печальном состоянии. Эпос башкирский, в силу своего многообразия сюжетов, глубокой архаичности и неразрывной причастности к духовной жизни народа, еще фиксировался в своем активном бытовании («Алпамыша», «Куныр-буға», «Кара-юрға», «Акһак кола», «Заятүләк менән Ыуһылыу» и др.). Однако выполненные на аппаратуре тех времен записи уже трудно, почти невозможно восстановить, услышать звучание, понять слова, речевые интонации и т.д. Ряд обстоятельств (в то время сэкономили магнитофонные ленты, записывали на старые новые, не все успевали перенести на т.н. валики и т.д.) предопределил невосполнимую утрату многих ценностей фольклорных материалов. Не соответствующие народным достоинствам технические возможности использовались долгое время, почти до появления цифровой техники в 21 веке, когда уже значительная часть золотого фонда (песни, мелодии, эпос, мунажаты и др.) в их живом, напевно-речитативном звучании и аутентике ушли в забвение, а многие валики до сих пор не расшифрованы. Спасительная видеоаппаратура позволила нам начать визуальные фиксации фольклора с 2008 года на материале народной хореографии, далее издать видеокниги по сказительскому (2012), танцевальному (2009, 2013) искусству, а также аудиокнигу по народным песням (2003). Исключительная важность и значимость визуальной фиксации фольклора актуальна не только в целях комплексного сохранения бесценного наследия, создания качественно нового его фонда, но и для того, что открывает в современной науке особо важные ресурсы глубинной и масштабной репрезентации, многоуровневого исследования башкирского народного творчества.

Аудиовизуальное постижение фольклорного, историко-культурного текста дает огромную базу данных о самом Человеке-творце, носителе народных ценностей, его мировидении, мироощущениях в единстве с культурным текстом, т.е. те знания, которые не были привлечены еще в науку. Исследователь должен руководствоваться особыми принципами и возможностями, которые предоставляет видеоматериал: 1) наиболее объективно установить аутентичность передаваемого наследия; 2) описать психоментальное, чувственно-эмоциональное состояние; 3) описать жестовую

культуру и поведенческие, манерные стереотипы; 4) специфику восприятия и отношения носителя фольклора к своему материалу и степень гражданской ответственности в его передаче; 5) творческие особенности проживания информанта в сказывании, песнопениях, танцах, обрядах и т.д.; 6) способности реагирования информанта на внекультурные явления, также вопросы собирателя; 7) фиксировать смену облика человека от бытового до культурного, голосовые, звуковые, речевые, поведенческие и др. нюансы для составления этнопортрета информанта и целостной картины среды, места и пространства; 8) единичный мир информанта как части общечеловеческих универсалий культуры творческого индивида; 9) создать его точные соматические характеристики; 10) при переносе на бумагу совершать наиболее точную комплексную фиксацию акта сказывания. Одно только перечисление этих факторов указывает на огромные преимущества и перспективы визуальной фольклористики. Предложенная нами метода по визуальной антропологии апробирована на Конференции по визуальной антропологии в Москве (ноябрь 2019) и на V Конгрессе фольклора народов России и стран СНГ в Санкт-Петербурге (12–16 ноября 2020), получила высокую оценку специалистов, профессионалов. В статье презентуем данную методу на примере уникальных видеозаписей эпосов, сделанных в 2011–2020 гг.

Полный объем эпоса «Урал-батыр» записан в историческом 1910 году в Баймакском районе Башкирии М. Бурангуловым от сэсэнов Г. Арғынбаева (1856–1921 гг.; дер. Идрисово) и Х. Альмухаметова (1861–1923 гг.; дер. Мало-Иткулово), вышел в свет только в 1968 г., был «введен в научный оборот, что явилось большим событием» [Шакурова, 2007: 7], издан на башкирском, русском и английском языках [БНЭ, 2003]; многократно публиковался и переиздавался в республиканской печати [БНТ, 1972; БНТ, 1976; БХИ, 1998], а во Всероссийской научной печати появился в 1977 г. [БНЭ: 55–162; 265–373]. Эпос «Урал-батыр» из уст в уста передавался поколениями мудрецов, мастерами слова – избранниками, которым были доверены его импровизация и воспроизводство. Известны «сказочные варианты», сделанные А.И. Харисовым в 1956 году от Г. Сафаргалиной. В начале XX века, как показывают многочисленные собранные материалы, эпос еще тайком, но сказывали во время семейных собраний, в медресе муллы читали его наизусть, вечерами слушали дети. Традиции сказывания эпоса «Урал-батыр» еще не утрачены и продолжают нами фиксироваться, на сегодняшний день собран значительный фонд свидетельств. Обнаружение и видеофиксация через 100 лет живого исполнения эпоса «Урал-батыр» от А. Усмановой стали событием феноменального масштаба. Записи производились несколько раз с перерывами (2011, 2012, 2013 гг.), что позволило воспроизвести эпос в наиболее полной картине аутентичности и оригинальности передачи. В методике анализа и полной характеристики такого культурного феномена как эпос выделяем: историю записи эпоса, генеалогию-шэжэре информанта, творческую и социальную характеристику сказителя, линию преемственности; микроособенности исполнения эпоса (манеры, жесты, поведение,

голосоведение, чувства, импровизации слова, напевов, комментарии и т.д.) для антропологической характеристики творческих замыслов.

Основными результатами в работе стали обнаружение и видеофиксации 1) эпоса «Урал-батыр» от А.М. Усмановой (1930–2015; Хайбуллинский р-н, с. Акъяр, 2011 г.); 2) эпоса «Заятуляк и Хыухылу» от З.Р. Тугашевой-Снегиревой (1952 г.р.; Давлекановский р-н, с. Давлеканово, 2019); 3) эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылу» от Г.Х. Мамлеевой (1931 г.р.; Абзелиловский р-н, дер.Тал-Кускарово, 2020 г.). Все образцы уникальны тем, что аутентичны, записаны в традиционном чередовании повествовательного и речитативно (стихотворно)-напевного исполнений, с соблюдением канвы сюжета. Они являют собой яркие свидетельства о знаковых и базовых достояниях башкирского народа, феномене исконно сказительских традиций, находящихся в зоне риска исчезновения.

Текст «Урал-батыра» А.М. Усмановой составляет 895 строк в целом, из них исполненные в поэтико-напевном стиле – 319. В отличие от опубликованного текста (БХИ, 1998) в версии А.М. Усмановой (фабула эпоса «Урал-батыр» ею исполнена целостно) содержатся глубоко архаичные антропогенетические, космогонические проекции. Мифический конь Акбузат представлен в наиболее полной художественно-поэтической характеристике и, что уникально, – в собственно-эпическом напевном исполнении! Восхваление крылатого коня в обнаруженном тексте составляет 45 (60 строк – при повторном!) поэтических строк (а в БХИ 1998 года – 30); имеются портретные описания (редкое явление) («длинные как ковыль светлые волосы, большие сине-зеленые глаза, огромный рост и громоподобный голос») и человеческие качества демиурга Урал-батыра («он был очень благородным, терпеливым и прощающим»). А.Усманова исполнила в повествовании четыре собственно-эпические мелодии, издревле традиционно бытовавших в практике передачи эпоса «Урал-батыр»: это восхваления Акбузата, диалог Акбузата и Хумай, обращение Хумай к Уралу (стиль монотонного хамака, мунаджата), слово о Мече и Коне и заключительный кубаир «Уралып яткан Уралда». Такая композиция исполнения, когда финал эпоса завершает специальный кубаир-восхваление Уральских гор и проживающего там народа, также не была еще зафиксирована. Если даже эта часть была привнесена в ткань эпоса позже, она свидетельствует о творческих импровизациях, вкладе сэсэнов в жизнь эпоса. На основе нового прочтения текста выявлены древние свидетельства по антропогенезу человека, архаичные пласты о противостоянии Коня и Человека, особенности мифообразов и музыкальных традиций, позволяющие акцентировать высокий статус праэпоса (пратекста) «Урал-батыра» в мировой эпике [Sultangareeva, 2018: 127–138]. Сохранение живого напевно-речитативного исполнения башкирского кубаира (кобайыр) «Урал-батыр» (А. Усманова называла термином «карһүз») – древнейшего среди индоевропейских, ведийских и тюрко-монгольских сюжетов – расценивается нами как феномен исключительной исторической важности. Это знаковый факт сакральной силы, нерушимости Традиции и незыблемости Эпоса в сознании творца. Аудиовизуальное свидетельство представляет большой интерес для самых разных специалистов. Содержатся данные об архаических пластах эпоса,

также о процессах сложных явлений Космоса, кодах Человек-Природа, трансформациях реалий, о Туфане, также особенностях жизни эпических традиций и возрождении в современности. В свете социологии, антропологии фольклора представлен важный знак о состоянии не только мифологического сознания, языка, эпических традиций, но и о генной Памяти народа, питающей его нравственные максимы и будущность .

Асма Усманова разучила кубаир от своей бабушки Муьмины Таймасовой (1870–1973 гг.) и в процессе многократных слушаний (с 9 до 16 лет периодически жила у нее в деревне Утарбай) в точности переняла многие особенности исполнения. Ею продемонстрирована наиболее полная передача сюжета в единстве мелодий, напевных речитаций, стихотворных и прозаических частей, воспроизводимых с элементами жестового языка, ролевого интонирования и сказительских комментариев. В стиле А. Усмановой примечательны доверительный настрой, информативные манеры, степенно-спокойное повествование, выразительное, ненаигранное, а естественное интонирование голосов героев и персонажей (Хумая-Хумайры, Акбузата, Янбирды, Шульгена, Урал-батыра и др.), общий жизнеутверждающий пафос с элементами назидания. Все эти компоненты воспроизводятся А.М. Усмановой, по её признанию, «в точности, как слышала и как заучила от бабушки». В течение почти двух часов (с некоторой разницей во время других сеансов) А. Усманова без перерыва сказывала эпос, иногда делая философские отступления от основного сюжета (традиционный прием в передаче больших сюжетных произведений). Факт специально разученного с книжного варианта пересказа был исключен изначально на основе доверия и уважения к личности А.М. Усмановой, которая, высоко чтя светлую память предков и Муьмины Таймасовой, всегда утверждала, что «не знает другого текста и будет рассказывать только то, что слышала и чему учила бабушка». А.М. Усманова – представительница знатного и древнего рода Турумтаевых. Ее бабушка Габделяхат Турумтаев (1864-1942 гг.) – ученик Зайнуллы Расулева (25.03.1833–2.2.1917), выдающегося ученого-тюрколога «башкирского ишана, последователя суфизма, религиозного деятеля», был провидец, мулла, высокообразованный человек, а жена – Муьмина Таймасова (1870–1973 гг.) – знаток и исполнительница протяжных песен, мифов, сказок, религиозных преданий. Отец А. Усмановой – Мавлянбирды Турумтаев (1909–1993 гг., выходец рода мин) на йыйынах мастерски исполнял сказания, песни. Сведения о родословной сказительницы согласуются с глубоко избирательными принципами башкир, когда исполнение эпоса совершалось только духовно образованными, обладающими крепкой, глубокой памятью, наследственными способностями и благородными по натуре избранниками. Реалии истории обнаружения: А Усманова ранее не сказывала эпос, так как: 1) узнав, что книжный текст не совпадает с тем, который она знает, решила не говорить о знании эпоса вообще; 2) никто об эпосе не спрашивал; 3) всю жизнь помнила предупреждения и запреты бабушки «не рассказывай –пока не придет время». Зная, что в роду многие из-за исполнения кубаира «Урал-батыр» были сосланы в Сибирь, хранила настороженное отношение к сказыванию эпоса; 4) на

конкурсе, посвященном эпосу «Урал-батыр», в 2003 году не смогла участвовать по причине того, что ухаживала за тяжелобольным братом, который вскоре перешел в мир иной. Единичная версия живого исполнения главного эпоса башкир представляет объективную закономерность в развитии эпических традиций во времени и любви народа к родному Эпосу, по сути, никогда не исчезающей ни из памяти, ни из истории народа, потому что фольклор никогда не обобщает случайные или малозначимые явления, а эпос не уходит из души народа, пока он живет.

Следы традиций сказывания эпоса еще не утеряны и продолжают нами фиксироваться. Гульназ Саиди (1968 г.р., жительница г. Сибая) поведала, что ее дедушка Анвар авлия бине Габдулла Саиди рассказывал, что Габит Аргынбаев и Хамит Альмухаметов учились в медресе села Муллакаево Баймакского р-на и сказывали эпос, разучив его от известного сэсна Ишмухамета Мырзакаева (уроженец Абзелиловского р-на). Выдающийся теолог, провидец и вероучитель, прапрадед Г. Шарафутдиновой (Гульназ Саиди) Мухаммет Габдулла Саиди аль Хакмари аль Бурзяни аль Бухари (1856–1917 гг.) начинал уроки со сказывания эпоса «Урал-батыр», а шакирды разучивали его (записано нами в 2017 г. в г. Сибая). Директор инженерного колледжа г. Уфы Ф.А. Шагисултанов (уроженец Белорецкого р-на) помнит, как в детстве его мать Магинур Шагисултанова не только сказывала, но и жестами показывала персонажей и напевно исполняла многие части эпоса (записано 8.09.2018 г.). В дер. Аша Аскинского р-на жил Бадалбай бабай Исмаев, представитель «айыу башкортлары». Образованный мулла был репрессирован в 1937 г., семья затем жила в Кыргызстане. По воспоминаниям его внука Абдилазиза Акбаровича (1963 г.р), Бадалбай бабай в 1970-е гг. наизусть исполнял весь эпос «Урал-батыр» с напевами (зап. с. Турбаслы, 2016). На вопрос, кто такой «Урал-батыр», он детям отвечал: «Как Манас для киргизов, так Урал-батыр для башкир, для нас ..!». Бадалбай бабай горько плакал, когда осознал, что он рассказывал эпос, а дети не понимали ни языка, ни сюжета, были равнодушны. «Потому что мы выросли на чужбине, учились в киргизской школе, изучали узбекский, китайский языки», – признается А. Бадалбаев. Но он исполнил завещание дедушки – дал имя сыну Урал-батыр, который сейчас учится в колледже, подарил ему белого коня Акбузата. Б.З. Билалов (2009 г.) помнит детство, когда долгими ночами слушали эпос от Киньябики Юлановой (уроженка дер. Верхне-Смаково Зилаирскогор-на РБ) [Юлдыбаева, 2011: 206]. На основе этих и других фрагментарных сведений собраны знания о непрерывности священной традиции пересказывания и передачи великого эпоса поколениям. В контексте обязательности наличия вариантов, версий эпоса записанный от А.Усмановой эпос «Урал-батыр» стал веским аргументом преемственности и прочной сохранности его в традициях и духовной культуре народа. Исполнение эпоса, передача его поколениям до современности были движущей силой непрерывных духовно-нравственных традиций и базовой ценностью в башкирском обществоведении.

Эпический памятник «**Заятуляк и Хыухылу**» в печати известен с середины XIX в. Русский лексикограф, этнограф В.И. Даль несколько раз

опубликовал под названием «Башкирская русалка» в разных изданиях (первое – в ж. «Москвитянин», 1843 г. № 1). В.И. Даль «вводит свои авторские новшества, поэтические обрамления образов, что нисколько не умаляет, а наоборот, обогащает сюжет произведения» [Хуббитдинова, 2011: 37]. Пересказ В.И. Даля оценивается «как своеобразный вариант одного из сюжетов, вошедших в серию сказаний о Зая-Туляке» [Киреев, 1970: 11], включен в собрание сочинений писателя [Даль, 1861, 1897–1898]. Л.С. Суходольский опубликовал «Заятуляк и Хыухылу» на русском языке [«Башкирская легенда о Тюляке», 1858: 65–72], Р.Г. Игнатъев издал эпос под названием «Сказка о Сары Сагибе, сыне Абдрахманове», указав, что имя – Туляк, сын Хары-Мяркяся, и что сказитель исполнял эпос как песню (стихами) [Игнатъев, 1875: 211]. Известны публикации тюрколога из Венгрии Вильмош Прёле (1901), Х.С. Султанова (1902), М. Гафури [«Заятуляк берлә Сусылу», 1909: 1–24], [БХИ, 1998: 357; БНЭ, 1977: 478]. Обширный фонд (около 40 вариантов эпоса) с середины XX в. был собран на территориях Башкортостана и Оренбургской области. Однако традиции сказывания эпоса, хотя и не прерывались, но заметно ослабли, находятся на стадии исчезновения. На этом фоне особенно значимой и ценной находкой стала фиксация эпоса «Заятуляк и Хыухылу» в живом изустном исполнении от Зулярам Тугашевой-Снегиревой в аудио (2007) и видеоформатах (2017, 2018, 2019). Сэсения разучила эпос от бабушки Тугашевой Хапазы Калимулловны, прожившей 98 лет (1890–1988 гг.; она уроженка, как и внучка, с. Ново-Аккулаево Альшеевского р-на РБ). З. Тугашева (1952 г.р.), представитель минского рода, окончила БГУ, работала учительницей башкирского языка и литературы, Почетный работник образования РФ, народный сэсэн. Она единственный творец, который сказывает эпос «Заятуляк и Хыухылу» в полной версии, напевно, с сохранением сказительских характеристик (связь повествовательного и стихотворного, соблюдение пластических, мелосных компонентов), также стилевых, языковых, эмоциональных особенностей эпоса. З. Тугашева сказывала эпос (в течение часа с лишним!) спокойно, размеренно, при этом голос, жесты, манеры были ярко выразительны, оценочны в передаче ситуаций и образов. В манере ее исполнения эффектны «ышандырып һөйләү» (убедительность сказывания), погружение в сказ («һөйләүенә инеп китеү»), щедрость жестов и пластики (кылану, күрһәтеү), эмоциональная яркость и искусное владение вниманием аудитории (йәлеп итеү). Видеозаписи сделаны повторно в 2018, 2019 гг. Наиболее выразительные в эмоционально-экспрессивном, чувственно-психологическом плане части эпоса З. Тугашева сказывала с напевами, эмоционально ярко передавала сюжеты о красоте Хыухылу и о внезапно вспыхнувшей любви Заятуляка к ней, искусно показывала телодвижениями процессы ловли зверей, действия персонажей, порой, меняя голос. Отступая от основного повествования, сказывание дополняла собственными комментариями. Две из мелодий имеют кубаирский, т.е. речитативно-напевный стиль. Песня ожидания Хыухылу Заятуляка на горе Балкантау звучала в стиле лирической. Так, обнаружены три напева – это воспевания животного, растительного миров горы Балкантау, сцены охоты

Заятуляка, любовные песни молодых, о красотах озера Асылыкуль. Глубоко информативно то, что локус одной из четырех на Земле знаменательных гор с названием Балкан (Балканские горы, Туркменистан, Казахстан) запечатлен в башкирском эпосе, донося сакральность места и понятия. Название бал+кан-«канг» содержит символику глубокой древности событий, также крови, обиталища духов благословенных предков и священного сияния горы-«балкыу». По рассказу знатока местного фольклора Клары Хамидуллиной (с.Мэкэшево Давлекановского р-на), под горой захоронены батыры, а на вершине было погребение великана-повелителя. «Гора эта была очень высокая, пока не взорвали ее вершину. Она священная, сильная. Раньше здесь совершали многолюдные молебны во имя батыров, погибших на больших сражениях, защищая землю. Поднимались для вызывания дождя, благ, произнесения молитв стране. Эта территория вся благодатна она». Заметка К. Хамидуллиной подтверждает мнение, что горами Балкантау называют «места благодати и изобилия этого мира» [Кондыбай, 2005: 95]. Бытует у минцев изречение «Балкантауым алда эле» («Мой Балкантау еще впереди»), которое произносят, когда наступают трудные времена, неудачи. Эпос запечатлел идею о Балкантау как о месте счастья, спасения и благословения. «Балкан» обобщает также не столько конкретный локус, а материализованный образ мира предков, священности веры, перехода в другой статус. Весьма интересным стал факт, что широко распространенная на территории демского бассейна, известная как народная песня «Көмөш йөзөк» («Серебряное кольцо») оказалась «песней Хыухылу». При детальном опросе выявлено, что Хапаза инэй еще в своей молодости, как сама признавалась, разучила эпос именно с этой песней от своей бабушки Хылыу инэй и брата Абдуллы (он был известным сказочником), что по времени проецируется на конец XVIII – нач. XIX вв. Мы допускаем, что песня была традиционной частью эпоса «Заятуляк и Хыухылу». В фольклоре нами установлено явление, когда языческие заклички, речитации, обрядовые песни некогда были частью эпических сказаний. С течением времени, ослаблением эпических традиций, ритуалов они отрываются от основного контекста и продолжают самостоятельную жизнь в других формах. Видеофиксация исполнения эпоса «Заятуляк и Хыухылу» представляет уникальное наследие.

Эпос **«Кузыйкурпяс и Маянхылу»** занимает особое место в ряду главных эпосов башкир по эпико-романическому стилю, доминантой любовной темы, спецификой помещения событий в разные пространства, циклизации в разных мирах: земном – подводном – земном. В эпосе органично переплетаются глубоко мифологическое и реалистическое. В аспектах нового прочтения созданы фундаментальные исследования, глубоко раскрыты идейно-художественные, текстовые основы (Хуббитдинова, 1997: 26; 2016: 52–68), изучены главные коды и концепты (Самситова, 2014: 319–332), отмечены некоторые особенности живого варианта эпоса, записанного автором (Хусаинова, 2018: 48–51). Сказывание «Кузыйкурпяс и Маянхылу» нам удавалось фиксировать еще в 1983 г. от Нагимы Бикбердиной, Хадии Азаматовой (с. Темясово Баймакского р-на), в 1992 г от Х. Абубакировой

(с. Утяганово Абзелиловского р-на). Одной из самых ярких сказительниц эпоса является Г.Х. Мамлеева (1931 г.р.), известный знаток и собиратель башкирского фольклора, сэсэн, уроженка дер. Булатово Абзелиловского р-на РБ; закончила Темясовское педучилище (1955 г.), много лет работала учительницей башкирского языка, руководила фольклорным ансамблем «Комарткы» («Наследие»). В ее репертуаре множество баитов, легенд, эпических сказаний. «Кузыйкурпяс и Маянхылу» в речитативно-напевном исполнении от Г. Мамлеевой был записан нами еще в 1992 году, но видеозаписи нам удалось сделать только в 2009 и 2020 гг. Эпос Г. Мамлеева разучила от своего отца Байрамгулова Хайбуллы Аллабирдиевича (1897 г.р., уроженец Бурзянского р-на), знатока фольклора, который в свое время от знаменитого Габита сэсэна Аргынбаева перенял танцы, песни, слушал его эпические сказания. В версии Г. Мамлеевой «Кузыйкурпяс и Маянхылу» представлена классическая сюжетная линия. Интересным и ценным является напевный хамак, по свидетельству сказителя, издревле принадлежащий эпосу. Вариации этого напева повторяются в исполнении и других сказителей. Рассказ Г. Мамлеева вела размеренным, спокойным голосом, выразительно передавала диалоги, выделяя лирические отступления, напевные части, довольно часто обращалась к языку жестов: это прижимание ладоней матери для дознания о Маянхылу, показы табуна овец, дороги... Демонстрация процесса выщипывания пуха с макушки головы воробья – устойчивый акцент в исполнении всех сказителей (записи 1983, 1992, 2009, 2020 и т.д.). Он психологичен, отражает глубокое сопереживание, острую реакцию сказывающего к жестокому акту, сердечную жалость и одновременное осуждение коварной снохи, выдавшей секрет влюбленных. Такие масштабные понятия как Время, Пространство, Место в сказывании Г. Мамлеевой точно и лаконично изображались в движениях рук, пальцев (переписку влюбленных изображала перехлестными движениями рук, показывала полет птицы и т.д.). Версия эпоса Г. Мамлеевой является образцом аутентичной передачи, потому уникальной. Собственно-эпический напев неизменно воспроизводился при повторных записях (1992, 2020).

Специфика природы башкирского эпоса в том, что не высказываемые словами понятия, такие как Красота, Доброта, Любовь, связи Природа–Человек–Природа и др., всегда передаются в напевно-речитативных текстах. Очаровывает могучая животворная энергетика и поэтика эпоса в целом, сотворенного башкиром, как никаким другим народом, органично, в разных звукоидеалах воплотившем философию Жизни, отношений Природа–Человек и сложно выражаемые ценностные представления.

Результаты анализа аудиовизуальных образцов эпоса.

В башкирской фольклористике важно актуализировать исследования по визуальной антропологии. Оценивать, что это поле науки «стоит на нуле» неверно и некорректно. Наш опыт показателен в том плане, что нами собрана пусть небольшая, но важная конкретная база, созданы труды и достигнуты концептуальные обобщения. Записи сказывания эпоса произведены нами с соблюдением принципов фольклористического, антропологического,

этнографического описаний явления, правил фиксирования и установления оригинальности, аутентичности уникальных текстов: это составление истории сказывания, исключение передачи книжного текста; многократность записей; комплексное описание видеофиксации каждого сеанса (полное, двухчасовое сказывание эпоса А.М. Усмановой транслировано по БСТ 15 ноября 2013 гг.). Согласно требованиям современной визуальной антропологии предстоит сделать описания жестов, особенностей состояния духа, настроения, эмоций, стиля костюма, окружения, манер, намечены создание характеристик творческой лаборатории сказителя и т.д. Перенос на бумагу сказываний З.Р. Тугашевой и Г.Х. Мамлеевой – в перспективе изучения. Во время сказывания эпоса сказители, по своему желанию, были одеты в национальные костюмы. В этом отражается народный этикет, традиции почитания информантами священного текста, вход исполнителя эпоса в особый культурный мир. Облачение в народный костюм – неотъемлемая часть священного акта для настоящего носителя культуры. Аутентичный текст живого исполнения эпоса «Урал-батыр» (по первой записи) опубликован на языке оригинала [Солтангэрэева, 2012: 219–244]. Обнаружение в современности, в 21 веке, столь удивительных версий, откровений Памяти народной (в частности, эпоса «Урал-батыр») – явление знаковое, свидетельствующее о состоятельности и пробуждении движущих духовных сил нации. Скепсис и отрицание феномена обнаружения эпоса некоторыми учеными только потому, что «этого не может быть, потому что не может быть», не научны, не имеют отношения к широкому и профессиональному пониманию высокого назначения такого явления, как ТРАДИЦИЯ, которая, по своей сути, соединяет прошлое и настоящее, не давая исчезнуть коду нации, вбирает и фольклор, и этнографию, и антропологию, и историю, и этнопсихологию, и идеологию, а главное – издревле и в каждый новый виток времени создает НАРОД для будущности.

Таким образом, отмечаем особую актуальность в башкирской науке исследований по визуальной антропологии, визуальной фольклористике. Метод наш является объективной моделью воссоздания наиболее полного этнопортрета, генотипа сказителя (информанта), творца в широком смысле слова, также способом реконструкции главных кодов культуры, потенциалов национальной генной Памяти. Все это особо важно для глубинного, многоуровневого понимания народа в современный период поисков путей возрождения его духовно-нравственных сил, а также для изучения стилей, манер исполнения, традиций эпоса. Наши рекомендации: 1. Установить в Республике Башкортостан масштабный праздник «День башкирского Эпоса»; 2. Установить Праздник «День великой башкирской песни “Урал”»; 3. В дни Всемирной Фольклориады–2021 в Уфе провести «Час слушания башкирского эпоса «Урал-батыр» с участием молодых и именитых сказителей Башкортостана.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Т. 1 : Эпос / авт. предисловия М. М. Сагитова, пер. Г. Г. Шафикова. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1976.
2. Башкирский народный эпос «Урал-батыр» / предисловие и комментарий Ф. А. Надршиной. – Уфа, 2003. – 465 с.
3. Башкирский народный эпос / под ред. А. Петросяна; сост. А. Мирбадалева, М. Сагитов, А. Харисов. – Москва : Наука, 1977.
4. Башкирский народный героический эпос / А. Н. Киреев; отв. ред. М. Г. Рахимкулов. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1970. – 304 с.
5. **Даль, В. И.** Башкирская русалка / В. И. Даль // Москвитянин. – Москва, 1843. – № 1. – С. 97–119.
6. **Даль, В. И.** Полное собрание сочинений / В. И. Даль. – Санкт-Петербург, 1861.
7. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в эпическом тексте (на материале башкирского народного эпоса «Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу») / Л. Х. Самситова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 319–332.
8. **Суходольский, Л.** Легенды о Туляке / Л. Суходольский // Вестник Императорского Русского Географического общества. Часть 24. / ред. В. П. Безобразова. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1858. – № 12. – С. 65–72.
9. **Хуббитдинова, Н. А.** Фольклорные основы башкирской повести «Куз-Курпяч» : специальность 10.01.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хуббитдинова Нэркәс Ахметовна; Башкирский государственный университет. – Уфа, 1997. – 23 с.
10. **Хуббитдинова, Н. А.** Актуальные аспекты изучения проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе (XIII–начала XX вв.) : результаты и перспективы исследования / Н. А. Хуббитдинова // Филология и человек. – 2016. – № 1. – С. 52–68.
11. **Хусаинова, Г. Р.** Варианты башкирского эпоса «Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу» («Кузыйкүрпяч и Маянһылыу») в записях 30-х годов XX в. / Г. Р. Хусаинова // Проблемы востоковедения. – 2018. – № 3. – С. 47–50.
12. **Шакурова, Ш. Р.** Башкирский народный эпос «Урал-батыр». Архивный первоисточник и его текстологический анализ / Ш. Р. Шакурова. – Уфа : Гилем, 2007. – 386 с.
13. **Юлдыбаева, Г. В.** «Урал батыр» кобайыры халык хәтерендә / Г. В. Юлдыбаева // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной Году укрепления межнационального согласия в Республике Башкортостан. – Уфа, 2011. – С. 105–108.
14. Башкорт халык ижады. Т. 3 : Эпос / төз., башһүз, коммент. авт-ры Ә. М. Сөләймәнов, Р. Ф. Рәжәпов. – Өфө, 1998. – 445 б.
15. **Солтангәрәева, Р. Ә.** Башкорт сәсэн мәктәбе / Р. Ә. Солтангәрәева. – Өфө, 2012. – 291 б.

16. **Sultangareeva, R. A.** Bashkir Epic «Ural-Batyr»: Traditions of Its Modern Recitation and New Projections of Its Archaic Character / Rosalia A. Sultangareeva // Modern journal of language teaching methods. Т. 8. – 2018. – № 2. – Рр. 127–138.

УДК 81'1+811.512.1+39

*Гәрәева Г.Н.,
Башкорт дәүләт университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

БӨГӨНГӨ ПОВЕСТЬ: ЖАНР-СТИЛЬ ЫЗАТТАРЫ

Аннотация. В данной статье анализируются жанрово-стилевые черты новейшей башкирской повести, ее идейно-тематическое содержание, проблематика, творческие находки.

Abstract. This article analyzes the genre and style features of the latest Bashkir story, its ideological and thematic content, problems, and creative findings.

Ключевые слова: башкирская литература; повесть; жанр; концепция героя; стиль; психологизм.

Keywords: Bashkir literature; novel; genre; hero concept; style; psychology.

Бөгөнгө башкорт прозаһына байкау яһаһаң, заман темаһын ярайһы ук киң яктырткан, йәмғиәттәге киҫкен мәсьәләләргә кыйыу күтәргән, кешеләрҙең рухи ихтыяжын кандырған повесть жанрының өлгөрлөк күрһәтөүен икеләнмәй билдәләргә була. Дөрөҫ, оператив жанр буларак, көн темаһын-проблемаһын хикәйә тәүгеләргән булып күтәрәп сыға, шулай за повесть заман ағышын һәм замандаштың рухи йөзөн төптәнерәк, тәрәндәнерәк асыуы, йөкмәткенең фәлсәфәүи асылына баһым яһалыуы, ижтимағи һәм эстетик мөһим яңғырашлы хәл-вақиғаларҙың һайлап алыныуы менән айырыла.

Спартак Ильясовтың «Йөрөк қола» повесына хикәйәләүзә күзгә бәреләп торған милли тел-һүз байлығын оҫта кулланыу, йүгерек стиль, тәрән психологизм менән йылкы малының холок-кылығын нык беләп, еренә еткерәп тасуирлау хас. Повеста халык йырҙарынан алынған өзөктәр, мәкәл-әйтемдәрҙең урынлы кулланылышы ла, мал һәм әзәми зат тормошон образлы тел менән йәнәшә куйып, кинәйәләп һүрәтләү зә, языусының әсәр өсөн һайланған материалды биш бармағы кеүек якшы, хатта үтә якшы беләүе, мал образына инеп, уны эстән – уйҙары, тойғолары ағышын тәбиғи итеп, тәғәйен сама беләп кенә яктыртыуы ла тәүге зур әсәр языуға тотонған авторға уңыш килтергән. Айырыуса өйөр айғыры Лидерҙың бүреләр менән алышыуын, өйөрзә бергә туплап тотоусы каты холкон, сабыш аттарының холкон, төсөн, йәшен, сабыш тәртиптәрән, сабыу алымын һүрәтләгәндә языусының маһирлығы һокландырғыс: «Лидер арлы-бирле йөрөп, тартылып, ер тырнап, актарып бөттө. Ыскындырып ебәрәү менән, кешнәп, һөрән һалып, койроктарын текә сәнсеһ өйөргә табан сапты. Тояктары астынан кыртыш, үләндәре менән кыркылып, киҫәк-киҫәк булып ян-якка ырғып бара ине... конандар аҙау айғыр Лидерға каршы сығып баһтылар. Сабыш килгән килеш берененең елкәһенән

алып ситкә бырактырзы. Икенсәһен һәм өсөнсәһөн түше менән һуғып йыкты, саярак дүртенсәһенен биләнән сапсыны. Калған икеһен талап, бөтөнләй ситкә бастырып ебәрзе лә, башын ергә эйеп, йомояндап, барлык бейәләрзе, колондарзы, тай-тулактарзы бер өйөргә йыйырға кереште... Йәнәш сабырға өйрәнмәгән Кола һурылып алға сыкты... Сабыш юлының яртыһын шулай туп-туп булып үтеү был бәйгелә бик көслә, бик йүгерек аттарзың йыйылғаны тураһында һөйләй... Әммә Кола дүнән, танауы көмрө һоро, бейек туры, ак яллы, ак койрокло саптар һәм озон күк тәүге тупта нык беректеләр... Көмрө танаулы һоро юл башланы. Башын уның койроғона терәп Кола дүнән килде... Йәшәрен йәшәгән, ашарын ашаған оло кешеләр зә Кола дүнәннен сабыу алымына аптырай ине. Кола конан юрға булмаһа ла, сапканда юрға алымы менән сапты» — бындай миһалдарзы әсәрзән әле байтак килтерергә мөмкин булып ине.

Был повеста бик кыска ғына бәхетле сабыш сак мизгелен кисереп, инәһен юғалтқас, етемлек әсәһен үзәгенә үткәнсе татыған, «Ауызы йомшак колон ике бейәне имер» тигән мәкәлдәгесә, үзенен яғымлылығы, теремеклеге, сослоғо менән Кара бейәнен, һуңырак колонон юғалтқан йәш туры бейәнен һөтөн имеп, утығып, инәйле колондарзан калышмай, аякка басып-үсеп киткән ат язмышы һақында хикәйәләнә. Лидер кушаматлы өйөр айғырының, бүреләр менән каты алышта алған яраларынан һуң, һауығып аякка басыуы етем һарыкайзың язмышын тағы ла еңеләйтә төшә. Лидер атай курсыуында башка тайзарзан тибелмәй-тешләнмәй, кыйырһытылмай, ирәйеп үсеп, һарыкай колон озоная, киң түшле кола тайға әйләнә. Тағы ла ике кышты үтеп, дүртенсе йәшкә сыккан кола тай Кола конанға — «зурырак булһа ла, как башлы, торокко, мундаһы бейек, көслә тибенлекле, ыштанлы каты тояклы, тулы яллы һәм койрокко йәш айғырға» әйләнә.

Тыумышы-нәселе менән боронғо данлыклы сабыш аттарының токомонан булған, ярыш башында һиндәй тизлектә саба башлаған, шул тизлектә финишка килеп етә алған, иҫ китмәле иркен тынлы, кеүәтле, ғәйрәтле, бик нык сызам, затлыларзан да затлы буласак йөрөк Кола — етем һарыкайзан үсеп еткән Кола конан тәүзә үз колхозында үткән һабантуйза беренсе булып килә, унан күршеләге зур һужалык һабантуйында еңә.

Район һабантуйында озон араға — 12 сакрымға ярыш Кола конан өсөн беренсе мөһим еңеү була. Бында Кола конанға үз районынан ғына түгел, сит, йырак ерзәрзән — Силәбе, Троицк, Ырымбур яктарынан да килгән һайланмыш озон ботло, торған ерзәрәндә уйнап, кешнәп, арт аяктарына басып торған, затлы һаналған, ғәм һалыкты тышкы киәфәттәре менән һокландырған, туктауһыз фотоларға төшөрөлгән йүгеректәр менән беренсе тапкыр ярышырға тура килә. Тәс-киәфәттәре менән балкып торһалар за, йырак араға сабышта карыузары бик мөшкөл булып сыға был озон боттарзың: «Алда озон боттар саң туззыра...Өсөнсә урауға Кола үзенән алда барған тәүге озон ботка йәнәшәләне. Уны еңел генә үтеп киткәндә, озондоң аяктары тарбайып, кәүзәһен ян-якка һелтәгәнән генә күрзе ул... Кола конандың артынан йөз илле куһай самаһы ерзә уның ерзәштәре: уның кеүек үк колалар, бурылдар, кобалар, күктәр һәм башкалар килә. Килә улар, килә озонға сабып, ата-олаталары кеүек түземле, инсафлы, кылыктарын артык күрһәтеп бармаусы, тыныс кына үз язмыштарын ғәмәлгә ашырыусы ерзәштәре килә...».

Автор комментарийлары менэн озатыла килгән ситләтелгән тура телмәр формаһындағы эмоциональ яңғырашлы һорау-өндәү тулы Коланың уйларында: «Бизәүле йүгән кейзерелгән, еңел күн эйәр һалынған, бәкәлдәре акка бәйләнгән, текә һикереп сапқан был озон аяклыларзы күккә күтәрәп мактаулары, дәрәжәле исемдәр биреүзәре аптырата ине конанды. Минән ни ерзәре менән артык һуң ул йока яллы, озон ботлолар! Арбаға егелеп, бүрәнә ташый алалармы? Тәүлектәр буйы ашамай-әсмәй эйәр астында йөзәр сакрым ер үтәләрме? Ғәләмгә күрһәтәм тип, ер тырнап, үрәпсеп, һикереп тормаһа ла, бөгөнгө сабышыуза үз кеүәтенә, ғәйрәте барлығына, тыны иркенлегенә инанды. Озон ботлоларзан сабырлы, күп тапкыр түземле һәм ғәйрәтле ерзәштәре менән осрашты ул бөгөнгөнән бик күп, бик күп йылдарзан һуң да» — языусының тормоштоң әсе хәкикәтенә, ғәзелһезлектәр тулып ятқан, «күршенең тауығы ла каззай, катыны ла кыззай» тигән мәкәлдәгесә, сит-яттыкына кызығып, унан йөз-мең артык булған үзеңдең хазинаңды һанламауға, күрмәүгә, баһаламауға әрнеүле-рәһнеүле баһаһы ла йәшеренгән.

Һабантуйзар гөрләп үтеп китә, йүгерек Коланың даны бер нисә көн донъяны шаулата ла, онотола тора. Көндәлек тормошта ул ябай хужалык атына, йөк атына әйләнә. Йөгөн мәңге кыйыш тейәп йөрөгән аяуһыз Ғиниәтулланың икһез-сикһез миһнәттәр күрә, куштанға егелгән Ерән бейә өсөн дә ауыр йөк тартып миһтәй, койоп яуған ямғырза һәм карлы-дауыллы буранда, көйзөргөс селләлә бәйле йә тышаулы көйә асығып, сарсап та, өшөп-туңып та, күтәүен-серәкәйзәрзән таланып та тора. Йәнәштә уйнап, тыпылдап кына килгән һылыу бейәнең тартмаған йөгөн бер үзе көсәнеп тарта, Ғиниәтулланың сыбырткыһынан ярыла-ярыла үрзе үр тип белмәй, баткылды баткыл тимәй, дәм-караңғы төндә лә абынмай-һөрлөкмәй ышаныслы ат ак күбеккә батып саба: «Йөктә тизерәк етер еренә еткереп, бергәләп ашарға ине лә, кайза ул... Һылыу ерән бейә Кола конанға куштан булманы... Тормош йөгөн тартмаған һылыу байталдар, үкенес, хәзер күбәйзе шул, бик күбәйзе. Уларзың төп максаттары: йәш, карыулы төп ат булһын йәнәшәлә. Йөклә арбаны тик ул тартһын, үзе егелмәһен дә, тартмаһын да. Тик йәнәш йөрөһөн» — Ерән бейәгә кағылышлы Кола уйларында парлап донъя көтөргә тейешле кешеләрзәң холок-кылығына ла тәрән кинәйә йәшерелгәнлегә күренә.

Бынан һуңғы 8 йылда ла һабантуй һайын Кола беренселекте бирмәй, халыкта «Йөрөк кола» тигән мактаулы исем ала, алдына бер генә атты ла сығармай. Комло урында нәзек тояктары менән батып ятып калған «саф канлы», затлы токомло ахалтекиндар за, казак далаһының даны булған бик оло түрәнәң Ала аты ла, башка юғары дәрәжәле аттар за көндәлек тормошта ябай екке аты, йөк аты булған Йөрөк кола менән ярыша алмай. Әммә Ала аттың оло жыйында узып китеүе тураһында дала иленең гәзиттәре язып сыкһа, радиоһы кат-кат һөйләһә, данлаһа, түрәләре маһайһа, халкы ғорурланһа, донъя шаулап торһа, Кола йөрөктөң сит ерзә, мәртәбәле жыйында узыуы хакындағы мәкәләгә районда ла, республика матбуғатында ла урын табылмай, руһи күтәрәнкелекте тотоусы, ғорурланырға хак биреүсә, еренең, халкының бәсән арттырыусы зур еңеү тип үз ерендә баһаланмай.

Током айғыры тип кәзерләп тәрбиәләр урынға, хужалыктың белекһез вактөйәк түрә ишараттары йәш, ғәйрәте ташып торған Коланы нәсел дауам итеү һәләтенән мәхрүм итәләр. Көтөүгә каныккан, тайзарзы тамаклап, хужалыкка зур

зыян килтергән бүреләр өйөрөн туззырыуза, өс бүрене һуғып алыуза Кола дүнәннен карыулығы, Туры йүгеректең кызыулығы мактала, тик был вакиға ла тиззән онотола, бынан ғына Кола дүнәннен тормошо еңеләйеп китмәй.

«Акбузат» һарайында ил башлығы катнашлығында үткән зур байрамда, Мәскәү, Украина, Төньяк Кавказ, Урта Азия, Қазақстан, Урал, Кыргызстан, Себер яктарынан килгән кырклаған сабыш аттары катнашкан бик мәртәбәле оло бәйгелә менгез (Юлай йығылып төшөп кала) – етәксез калған килеш тә, Кола йөрөк бер үзе, исәп белмәһә лә, күңел хисабы менән, һуңғы түңәрәкте, алдына бер кемде лә сығармаҫка, еңергә тигән максат куйып, йомолоп сабып үтеп, ғәйрәтләнеп осоп барып финишка етә. Арттан килгән ике Алаға, уларға баш терәп сапкан кара туры Кавказ атына, бәйге һызығын хәзер йыртап, тип осоп килгән Кола йөрөктә узыу һис мөмкин булмай сыға. Жокейһыз, үзенән-үзе генә сабып беренсе килеүсе атты халықтың данлауы, «Лидер! Лидер!» тип юғары баһалауы, халык ыңғайына ил башлығы, оло түрәләрзең аяғүрә баһып алкышлауы, Кола йөрөк менән таң калған майзандың, ярыш яланының айкалып-сайкалып тороуы, һокланыулы ауаздар за бер һисә көндән тына, онотола. Кола йөрөк кәзимге кара эшкә төптән егелә.

Сираттағы һабантуйза ярышта катнашыузан Йөрөк коланы үсле, көнсөл кешеләр мәхрүм итә. Затлы нәселдән булығы һакында документтары булмаһа ла, ярыштарза еңелеү белмәс Кола арқаһында маһсус йылкы фермаһында тәрбиәләнгән «саф» аттарың бәсе, һакы төшә, йөлдәгә куйылған автомобиль һакы ла ферма һужаларының эсен яндыра. Астыртын хәйлә короп, улар Коланы ярыштан алып ташлай. Кәрәкле мәлдә «һәр вақыт төбөнә етеп, тоз койоп йөрөгән» һужалык етәксез лә булмай сыға, һигез йыл буйы алдына ат сығармаған йөрөктә бәйгегә индермәүзәре уның да, мал-тыуар белгесе Алмастың да, һужалык халкының да башына ла инеп сыкмай. Шамил карт менән Йөрөк кола яңғызлары ис киткес ғәзелһезлек менән йөзгә-йөз осрашлар, һаслык алдында еңеләләр, таяныр, яклашыр, ғәзеллек даулашыр кешеләр хәл иткес минуттарза данлыклы Кола янында булмай сыға. Һәләкәт котолһоз булып алға баһа...

Ошо урында языуы, һиңәлер, образлы, кинәйәле һудожестволы һүрәтләүзән туктап, моғайын, укыуы аңламаһ типтер инде, туп-тура, публицистик баһа биреүгә күһеп китә, киңәйтелгән автор моһологы алымын куллана, шунлыктан юғары зауыклы нәһис эһәби эһәр очеркка тартып алып китә: «Кола йөрөктә Оло бәйгегә индермәүзәренәң сәбәптәре кешеләрзең ижтимағи-сәйәси һәм ғәзәти тормоштарында көн һайын осрай. Ақты караға әйләндереү, якшы булғанды һасар итеп күреү, көнләшеү, күңел тарлығы, барлык халықтың теләген танымай, вакиғаны үз кулығы алған өймәкәй кешеләрзең теләген тормошка ашырыу ине был... Ул үзенәң токомон аһыкка, һыуһауға, ауыр йөккә, көндәлек эшкә, ярышка – барыһына ла кулайлашқан тоғро дуһ, яһзамсы, озон юлда ал бирмәһ талымһыз итеп танытты. Аңға әйә булған без, халкым, илем-ерем, тип яһнып йөрөгән, уның үткәнәнә һәм бөгөнгөнәнә матди һәм руһи өләш индергән шәһестәребезгә тейешле баһа бирә алабыҙмы? Быны аңлап, кул һәм тауыш күтәреү өһөн халықтың руһи баһкысы булығы мотлак. Милләтте етәкләүсе ижтимағи-сәйәси, сәнәғәт эһтәрен, уның мәнфәғәтен тормошка ашырған етәкселәребезгә, һәр сак алда йөрөгәндәргә көһ-ғәйрәт биреү, таяныу, кузғалмаһ, сыйылмаһ һигез булығы – бөтәбеззең дә оло бурысы түгелме?». Был моһолокта, риторик һораузарза повестың төп идеяһы, авторзың

әйтергә теләгән төп фекере асыла. Языусы шуны тура һуктырмай, тел төбө менән, образлы саралар аша бирһә, отошлорак булып ине, зауыклы укыусы, һис шикһез, аңлар-төшөнөр ине.

Шулай итеп, Спартак Ильясовтың «Йөрөк кола» повесында ат язмышы хақында хикәйәләһә лә, укыусы ирекһеззән йәнәшә кешеләр язмышын да сағыштырып карай, баһалай килә. Беззең илдә асыл, затлы йылкы малы кеүек үк, күтәрәп кенә йөрөтөрзәй, кәзерләр, һакларзай, донъяға һирәк тыуған зур талантлы эзәми заттар за тейешле кәзер-хөрмәт күрмәй, таяныр терәк тапмай, бакыйлыкка китә. Халкын, илен данлаған, уның ғорурлығы булған, мәртәбәле енеүзәр, затлы бүләк-баһалар алған был асыл заттар, бәсле йәшәр урында, кара эшкә, бүрәнә ташыуға егелгән, унда ла үзе менән ярышлап барған ялкау, хәйләкәр, астыртын кушары өсөн дә ауыр йөктө бер үзе көсәнеп тарткан, һәр төрлө үсле, көнсөл бәндәләрзән, үтә ғәмһез түрәләрзән кыйырһытылып йәшәргә, көсөн-кеүәтен сарыф итергә мәжбүр булған Йөрөк колалай кағылып-һуғылып ғүмер кисерәләр. Енеүзәр яулағанда алкыштар яуһа ла, ябай халықтың күнел түрендә калһа ла, вазифалы түрәләрзең хәтеренән улар тиз юйылалар. Йөрәгендә Йөрөк колалай ярыш комары йөрөткән, бәйгелә катнаша алмаузан йөрәге ярылып үлгән данлыклы, еңелмәс сабыш аты һымак, старттан гөрөп сығарылғас та, эйәрзән бәрәп төшөрөлгәс тә, ярһыу күңеленә сызаша алмаған, гөрләтеп-шаулатып оло-оло эштәр башкарып сығырға, халкына физакәр хезмәт итергә, уны данларға һәләтле узамандар, ысын мәғәнәһендәге зур шәхестәр, хозай биргән потенциал мөмкинлектәрен тормошка ашыра алмай, йөрәктәре шартлап ауа.

Әзәбиәт

1. Гәрәева, Г. Н. Заман көзгөһө : геройзың руһи донъяһы : монография / Г. Н. Гәрәева. – Өфө : БашДУ, 2003. – 127 б.

УДК 811.512.141

*Солтакаева Р.А.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ -П АФФИКСЛЫ ХӘЛ КЫЛЫМДАРЗЫҢ КУШМА ЭЙӘ МЕНӘН КУШМА ХӘБӘР ФУНКЦИЯЛАРЫНДА КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблемы определения синтаксической функции деепричастия. Приводятся различные точки зрения на место деепричастия в системе предикативных средств и утверждается, что деепричастие в предложении выступает в качестве сложного сказуемого и сложного подлежащего.

Abstract. The research is devoted to the problem of determining the syntactic function of the adverbial part. Various points of view are given on the place of the adverbial part in the system

of predicative means and it is stated that the adverbial part in a sentence acts as a complex predicate and a complex subject.

Ключевые слова: деепричастная форма глаголов; сложные глаголы; сложное сказуемое; сложное подлежащее; вспомогательные глаголы; синтаксическая функция.

Keywords: adverbial form of verbs; complex verbs; complex predicate; complex subject; auxiliary verbs; syntactic function.

Сыуаш һәм якут телдәренән башка бөтө төрки телдәргә лә кин кулланылған *-n* аффикслы хәл кылым [Юлдашев, 1977: 23] ярзамсы һәм тулы мәғәнәле кылымдар менән бергә килеп, уларзың морфологик саралары ярзамында бөтө һөйләм киҫәктәренәң дә функцияһын үтәй ала. Мәсәлән: «*Йәш сакта донъя күрөп калыу — үзе бер бәхет*» тигән һөйләмдә **күрөп** хәл кылымы **калыу** ярзамсы кылымы менән бергә аналитик эйә ролен башкара. *-a/ -ә, -й* аффиксына бөткән хәл кылымдар за шул ук ысул менән эйә функцияһын үтәй: *Хаклы яза икән, уны калтыранмайынса күтәрә алыу — үзе ир-егетлек, дан!..* (Б. Бикбай). *Өндәшмәй китеү үсегеү билдәһе булып ине* (Ф. Исәнғолов).

-n аффиксына бөткән хәл кылымдар мәғәнәләре яғынан яқын, йәғни үзаллы мәғәнәгә эйә булған кылымдар менән бергә кулланылып (*тынып калыу, тороп калыу, шымып калыу, күрмәй калыу, укып бөтөү*), кушма эйәнәң беренсе компоненты ролен үтәй: *Шуга күрә уға бөгөн Исәнбәтте калдырып китеүе һөйләп биргегез ауыр за, һағышлы ла ине* (З. Бишева).

-n аффиксына бөткән хәл кылым-синоним һәм хәл кылым-антонимдар, исем кылымдар менән кулланылып, кушма эйәнәң беренсе компоненты булып килә: *Һағыштар за булды, газантар за, ялған утта янып-көйөүзәр* (З. Бишева).

Бындай хәл кылымдар сифат кылымдар менән бергә килеп, кушма эйә яһауза катнаша: *Әммә зарланманык һис тә, иштә һаман уйнап-көлгәндәр* (Ш. Бикколов). *Кабул итеү бүлмәһендә кейем шкафының асылып ябылғаны ишетелде* (Б. Рафиков).

Кушма хәл кылым-синоним һәм хәл кылым-антонимдар за, ярзамсы һәм сифат кылымдар менән бергә кулланылып, аналитик эйә булып йөрөй: *Өстөбөззән акырып-екереп йөрөүсә юк* (Д. Юлтый). *Бындай «кара йөззә» өйөбөзгә индереп яклаған өсөн, башта безгә инеп-сыгып йөрөүселәр за инмәй башлағайны* (М. Гафури).

-n аффиксына бөткән хәл кылым эйәлек ялғаулы сифат кылым менән бергә исем функцияһында кулланылып, аналитик эйә ролен үтәй: *Заманында гәмһез йөрөгемдә өтөп алғандарың бар ине* (Р. Ғарипов).

Хәл кылымдар ярзамсы исем кылым һәм эйәлек килеш ялғаулы исем менән бергә (*һугып бөтөү бурысы*) кушма эйә булып килә: *Кандаков тигән яуаплы бер эшсәһенә ике районда малсылык мәсьәләһенәң торошон тикшереп кайтыу эше тапшырылған* (С. Агиш).

Ә.Ә. Юлдашев үрзә телгә алынған хезмәтендә төрки телдәргә типологик закондың асылы, йәғни грамматик сараларзың «һаксыл кулланылыуы» хақында яза [Юлдашев, 1977: 188—189]. Ул төрки телдәр өсөн характерлы дөйөм закондың — һөйләмдәрзәң тиң киҫәктәрендә аффикстарзың азаккы һүззә генә (төркөмләшәп килгән морфологик ысул хақында һөйләп)

кулланылыуын бөтә яклап тикшерергә кәрәклеген әйтә. Ысынлап та, был дөрөс фекер. Башкорт телендә был ысул ныклап өйрәнелмәгән. Без был ысулдың хәл кылымдарға кағылышлы яғына ғына тукталып үтмәксебез.

-n аффиксына бөткән хәл кылымдар төркөмләшеп килгән морфологик ысул менән тиң әйә булып килә. Мәсәлән: *Байзар бөтәһе лә бер калыптан һузылган. Беренен мактап, икенсәһен хурлау харам* (Я. Хамматов). Был миҫалда *мактап* хәл кылымы *хурлау* исем кылымының морфологик саралары ярзамында тиң әйә булып килгән.

Профессор Ғ.Ғ. Сәйетбатталов кушма хәбәрзең грамматик төзөлөшөнөн гәжәп катмарлы булыуы, уның ике кылымдан да, бик күп һүззәр тезмәһенән дә килеүе, уларзың күберәк тулы мәғәнәле кылымға ярзамсы кылымдар, модаль һүззәр менән бүтән һүз төркөмдәре кушылыу юлы менән яһалыуы хақында яза һәм киҫәксәләрзән башка ике йәки бер нисә һүз ярзамында бирелгән хәбәрзәрзең кушма хәбәр тип аталыуын әйтә. [Сәйетбатталов, 1972: 88—89]. К. Әхмәров та «*Ликунов тиз генә уйлай һалып алды*» (Ж. Кейекбаев) миҫалында «*уйлай һалып алды*» конструкцияһын кушма хәбәр тип иҫәпләй.

Ысынлап та, кылымдарзың аналитик формаһын өйрәнәү өс йөз йылға якын дауам итеүгә карамастан [Юлдашев, 1965: 5], «кушма кылымдан торған хәбәрзең ябай йәки кушма хәбәр булыуы тураһында төрлө караш йөрөй» [Әхмәр, 1958: 80]. Е.И. Убрятова, якут теленең һөйләм төзөлөшөн тикшереп, аналитик кылымдан торған хәбәрзе ябай хәбәр тип иҫәпләй. [Убрятова, 1950: 97]. Уның фекеренсә, икенсе бер кылымға кушылып килгән ярзамсы кылымдар теге йәки был грамматик категорияны ғына белдереп килә, улар катмарлы форма яһамай. Ошо фекерзән сығып, ул аналитик кылымдан торған хәбәрзе яңғыз кылымдан торған хәбәр менән бер дәрәжәлә итеп карай. Без, Е.И. Убрятованың был фекеренә кушылып, төп мәғәнәне аңлаткан хәл кылым менән кулланылған модаль һүззәр, теркәүестәр, киҫәксәләр һ.б. шундай һүззәр менән килгәндәрен кушма хәбәр тип карамай, икенсе термин менән атап йөрөтөү — аналитик хәбәр тип атау дөрөсөрәк булыр ине тип иҫәпләйбез. Ә инде үзаллы мәғәнәгә әйә булған ике йәки бер нисә һүззән торғандарын (уларға модаль һүззәр зә өстәлергә мөмкин), әйтәйек, *сығып ултырзы, укып сыкты, һөйләп бирзе, алып китте, сәсә барзы, аптырап китте, инеп сыкты, асылып ябылды, көйөп-янды* кеүектәрен генә кушма хәбәр тип атау яғындабыз. *Ашау кайғыһы китеберәк тора бит әле, әгәй, безгә асык кына һөйләшеп алырға кәрәк ине* (Б. Бикбай) миҫалындағы хәбәрзәрзе (*китеберәк тора бит әле, һөйләшеп алырға кәрәк ине*) кушма хәбәр итеп түгел, аналитик хәбәр тип карау дөрөс булыр ине. Ни өсөн тигәндә, бында хәл кылым ғына төп мәғәнәне белдерә, калғандары модаль төшөнсә аңлата.

Беззең күзәтеп-тикшерәүебезсә, -n аффиксына бөткән хәл кылымдар ярзамсы кылымдар менән генә түгел, ә хәбәр һөйкәләшендәге тулы мәғәнәле кылым-хәбәрзәр менән йәнәш килеп тә бер һорауға яуап бирә һәм кушма хәбәр ролен үтәй. Мәсәлән: *Берәүгә лә карамайынса ситкә барып яттым* (С. Агиш). Хәл кылым менән тулы мәғәнәле кылымдар, икеһе лә үзаллы мәғәнәгә әйә булғанлыктан, был ике кылым араһына башка әйәрсән киҫәктәр зә куйып була: *барып яттым* кушма хәбәре урынына *барып, йәшел үлән өстөнә яттым* тип

тә әйтеп була. Ә ярзамсы кылымдар менән кулланылғанда, киҫәксәләрзән тыш, әйәрсән киҫәктәр өҫтәп булмай. Был миҫалдарзағы хәл кылымдар менән хәбәр һөйкәлешендәге кылымдар, йәнәшә килеп, бер һорауға яуап биргәнлектән, уларзы бер һөйләм киҫәге — кушма хәбәр тип карарға тейеш булабыз. Ә улар араһында башка әйәрсән киҫәктәр торғанда, тиң хәбәрзәр тип карарға тура килер ине. Мәсәлән: **тороп киттем** — кушма хәбәр. *Мин иртүк тороп, базарға киттем* (М. Кәрим) тигән миҫалда **тороп, киттем** — тиң хәбәрзәр, сөнки әйәрсән киҫәктәр менән айырылған, икеһе ике һорауға яуап бирә. Түбәндәге һөйләмдәрзәге кабатланып килгән әйәрсән киҫәктәр менән кулланылғандарын да тиң хәбәр тип карарға тура килә: *Тирәктәр зә алтын тәңкәләрен һалды, йөрәктәр зә уттай көйрәп, уттай янды* (Я. Колмой).

Шуны ла әйтергә кәрәк: хәбәр һөйкәлешендәге кылым-хәбәр рәүеш хәлдәре менән дә йәнәшә килә, был осракта уларзы кушма хәбәрзәң беренсе компоненты булып килгән хәл кылым менән бутарға ярамай. Мәсәлән: *Ниңә шул тиклем текләп карайһығыз?* (М. Кәрим) һөйләмендәге «**текләп**»тең рәүеш хәлеме, әллә кушма хәбәр компонентымы икәнлеген һораузар ярзамында асыклап була: **уқып сык, барып кил, һөйләп ебәр, әйтә һал** (ни эшлә?) — кушма хәбәр компоненты; **текләп карайһығыз** (нисек карайһығыз?) — хәбәр алдында килгән рәүеш хәле. Шундай кылымдар за бар: ниндәй һорау биреүгә карап, кайһы берзәрен кушма хәбәр итеп тә, хәбәр алдында килгән хәл итеп тә карап була.

Хәзәрге башкорт телендә хәбәр һөйкәлешендәге кылым-хәбәр менән бергә хәл кылым-антонимдар за киң кулланыла. Улар за, әле карап үтелгән миҫалдарзағы кеүек үк, кушма хәбәр ролен үтәй: *Уға тиклем күпме һыузар ташып кайтты, күпме коштар һайрап тынды* (М. Кәрим); *Миңлегәл вокзалға инеп сыкты* (Ә. Вахитов).

Кушма хәл кылым-антонимдар (**асып-ябып**), хәл кылым-синонимдар (**арып-талып**) ярзамсы кылымдар менән бергә аналитик хәбәр булып килә. Мәсәлән: *Военкомат йортонә өзләкһөз инеп-сыгып торалар* (Н. Мусин).

-*n* аффиксына бөткән аналитик һәм кушма аналитик хәл кылымдар ярзамсы исем кылымдар менән бергә аналитик (**күрәп калыу**) һәм кушма аналитик хәбәр (**кайтып-китеп йөрөү**) функцияһын үтәй.

-*n* аффиксына бөткән хәл кылым, үзаллы мәғәнәле исем кылым менән бергә кулланылып, кушма хәбәрзәң беренсе компоненты функцияһын үтәй: *Яу, яу, ямгыр, — янып-көйөүем минең!* (Р. Ғарипов).

Бер үк хәл кылым, кабатланып килеп, ярзамсы кылымдар менән бергә кушма аналитик хәбәр яһай: *вакыт-вакыт быуылып йүткерәм, шул сакта күкрәгем сәнсеп-сәнсеп ала* (Д. Юлтый). Кайһы берзә, киреһенсә, хәбәр һөйкәлешендәге кылым кабатланып килә. Мәсәлән: *Мин уйлап торзом-торзом да: «Уйнап та, йырлап та күрһәтергә мөмкин, минең уйын, минең тауыштан нимә аңлай алырһығыз икән һуң?» — тинем* (С. Агиш).

-*n* аффиксына бөткән хәл кылымдар хәбәр һөйкәлешендәге кылым менән бергә кушма хәбәрзәң беренсе компоненты булып килә. Улар һызыкса аша языла: *Керпек какмай төндәр узгараһың, кыуанаһың, янып-көйәһең...* (Х. Ғиләжев).

Бер үк тамырзан яһалған хэл кылым, хәбәр һөйкәләшендәге кылым менән бергә килеп, озайлы эш-хәрәкәттә белдерә: Ә Кәлимулла атының иренен шакарып астырған да, ауызлыгын озон көйөнсә тотоп, хайуанкайзың теш казналарын буйынан-буйына **тызып-тызый** (Ф. Исәнғолов).

-*n* аффиксына бөткән хэл кылым, шул ук тамырзан килгән юклык хәбәр һөйкәләшендәге кылым менән кулланылып, үзенсәлекле бер кушма хәбәр формаһы яһай: Әллә **һизеп һизермәнең**, күтәрер, тип, был күндәм (Р. Бикбаев).

Хэл кылымдар төркөмләшеп килгән морфологик ысул менән хәбәр һөйкәләшендәге иң һуңғы ярзамсы кылымдың ялғаулары ярзамында тиң хәбәр булып килә: **Шәрифә әбей орошон та, асыланып та, илап та караны, ләкин Тимербулат быларзың беренә лә караманы** (Һ. Дәүләтшина). Стиль үзенсәлеген йәки әйтелгән фекерзе көсәйтеү өсөн ярзамсы кылым һәр бер хэл кылым менән кабатланып та кулланыла: **Күтәрәнке күңелемде борсак кеүек һүзәрәң йыгып китте, изеп китте** (Р. Бикбаев). **-а/-ә, -й-ға** бөткән хэл кылымдар за шул ук ысул менән тиң хәбәрзәр яһай: **Тик уларзы күрә, хөрмәтләй, баһалай белергә генә кәрәк** (З. Биешева).

Тиң хәбәрзәр төркөүестәр, киҫәксәләр менән дә кулланыла: **Ул бишегендә йә йоклап, йә илап ята** (М. Кәрим).

-*n* аффиксына бөткән хэл кылымдар төркөмләшеп килгән морфологик ысул ярзамында исем һәм сифат кылымдар менән бергә тиң хәбәр булып килә: **Ғүмер ике килмәй, уттар ике һүнмәй, без мең янып, тик бер һүнгәндәр** (Н. Нәжми).

Кайһы бер һөйләмдәрзә *-n* аффиксына бөткән хэл кылымдар төркөмләшеп килгән морфологик ысул менән фразеологик әйтем составында кулланыла, һәм шул әйтем һөйләмдең хәбәре функцияһын башкара: **Ун бишегерме йыл шулар тупһаһында гүмер итәһең, әле буһа шуларзың кылыктарына төшөнмәйһең, Ғәзимәһе туп-тура әйтә, ә Рәхимәһе йомшак түшәп катыға ултырта** (Һ. Дәүләтшина).

Шулай итеп, хэл кылымдарзың аналитик (**ишетен калды**), кушма (**инеп сыкты**), кушма аналитик (**барышып-килешеп йөрөйзәр**), төркөмләшеп килгән морфологик ысул менән яһалған (**Ул баләкәйзән китеп, Урал тигән якта гүмер иткән** (Һ. Дәүләтшина), фразеологик әйтемдән килгән һәм башка бик күп төрлө формалары бар.

Әзәбиәт

1. **Убрятова, Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 602 с.

2. **Юлдашев, А. А.** Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1977. – 270 с.

3. **Сәйетбатталов, Ғ. Ғ.** Башкорт теле. Т. 1 : Ябай һөйләм синтаксисы / Ғ. Ғ. Сәйетбатталов. – Өфө : Китап, 1999. – 352 б.

4. **Әхмәров, К. З.** Башкорт теле грамматикаһы. Синтаксис. II киҫәк / К. З. Әхмәров. – Өфө, 1964.

*Сабыр М.Б.,
Батыс Қазақстан инновациялық-технологиялық университеті,
Қазақстан*

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ БАШҚҰРТ ТІЛДЕРІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. В статье сравнительным путем исследуются фразеологические единицы казахского и башкирского языков. Проанализированы общая история казахского и башкирского народов и их кипчакская основа. В статье исследованы фразеологические параллели, полностью соответствующие лексическому составу и значению общей для двух языков фразеологии, фразеологические параллели, компоненты которых отличаются друг от друга, хотя значения полностью совпадают. Также проводится комплексный анализ фразеологии, перенесенной из русского языка методом калькирования, исторических фразеологизмов, фразеологизмов с лингвокультурными особенностями. Доказано, что кипчакская основа казахского и башкирского языков хорошо сохраняется не только на фонетическом и морфологическом уровнях, но и на лексическом, в том числе фразеологическом.

Abstract. The article comparatively investigates the phraseological units of the Kazakh and Bashkir languages. The general history of the Kazakh and Bashkir peoples and their Kipchak basis are analyzed. The article investigates phraseological parallels that fully correspond to the lexical composition and meaning of the phraseology common to the two languages, phraseological parallels, the components of which differ from each other, although the meanings completely coincide. Also, a comprehensive analysis of phraseology, transferred from the Russian language by the tracing method, historical phraseological units, phraseological units with linguistic and cultural characteristics is carried out. It has been proved that the Kipchak basis of the Kazakh and Bashkir languages is well preserved not only at the phonetic and morphological levels, but also at the lexical, including phraseological.

Ключевые слова: тюркские языки; древнекипчакский язык; казахский язык; башкирский язык; фразеология; лингвокультурология.

Keywords: Turkic languages; ancient Kipchak language; the Kazakh language; the Bashkir language.; phraseology; linguo-culturology.

Түркі өркениеті ХХІ ғасырда жаңа кезеңге аяқ басты. Қазақстан Республикасының тұңғыш президенті Н.Ә. Назарбаев «Ұлы Даланың жеті қыры» атты мақаласында Қазақстан – күллі түркі халықтарының қасиетті «Қара шаңырағы» дей отырып, «Түркі өркениеті: түп тамырынан қазіргі заманға дейін» атты жобаны ұсынды [Назарбаев, 2018]. Осы жоба аясында түркі әлемінің ортақ мәдени құндылықтарын, тарихи, мәдени ескерткіштерін анықтау және жүйелеу; түркі халықтарының ұлттық мәдениеттерінің дамуына ықпал ету, олардың тума, табиғи ерекшеліктерін сақтау; гуманитарлық салада әлемдік интеграциялық үдерістерді ескере отырып, түркі тілдері мен мәдениетінің қуат-күшін жасөспірімдерге тәрбие беру ісін де көрсету мақсатында Қазақстанда кешенді ғылыми зертеулер қолға алынуда.

Түркі тілдес халықтардың бір кездегі ортақ менталдық кеңістіктен өріс алып тарағаны даусыз. ХХІ ғасырда «түркі әлемі», «түркі әлемінің тілдік бейнесі» деген ұғымдардың жаңғыруы да, қалыптасуы да заңды құбылыс. Бұл

тілтанымдық мәселерді жарыққа шығарады. Түркілік біртұтас дүниетанымды тарих үдерістерден, кеңістік пен уақыт бедерінен іздей отырып, түркі әлемінің тілдік бейнесін зерттеудің өзектілігі айқындалады. Түркі әлемінің тілдік бейнесін кешенді зерттемес бұрын, жекелеген тілдік топтардың тілін, сөздік қорын салыстыра зерттеу қажет. Түркі дүниесінің бір тармағы ғасырлар бойы Еуразия кеңістігінде біте қайнасып келе жатқан Еділ-Жайық бойы түркі халықтары. Оның ішінде қазақ, башқұрт халықтарының бауырластығы мен тарихи даму үдерістері өте тығыз. Бұл халықтарының ұлт болып қалыптасу жолына үніліп қарасақ, қилы-қилы тарихи кезеңдерді басынан кешіргенін көреміз. Бүгінгі қазақ пен башқұрттардың түп төркіні – көне қыпшақтар. Қыпшақтар тарихта мың жылдан астам уақыт бойы белгілі.

Араб зерттеушілерінің еңбектерінде қыпшақтар IX ғасырда белгілі болған [Кумеков, 1987]. VIII ғасырдың II жартысы мен X ғасыр аралығында шығыста Алтай мен Ертістен, батыста Оңтүстік Орал мен Еділге дейінгі аралықта қыпшақтардың этникалық бірлестігі одан әрі қалыптаса бастады. Алғашында олар көршілес кимек тайпаларымен бір одақта болып, кимек мемлекетінің құрамына кіріп, саяси жағынан кимек қағанына бағынышты болды, әрі түркі тілдес құман, оғыз, башқұрт, пешенег, қарлұқ, қаңлы тайпаларымен тығыз байланыс орнатады. XI ғасырдың басында кимек, қыпшақ және құман тайпалары қоныстанған аумақта әскери-саяси үстемдік қыпшақ хандарының қолына көшті. XI ғасырдың екінші ширегінде қыпшақтардың әскери-тайпалық шонжарлары Сырдарияның төменгі және орта аңғарынан, Арал өңірі мен Каспий маңынан оғыз жабғуларын ығыстырды. XI ғасырдың екінші ширегінен бастап ұлы дала «Қыпшақтар даласы» («Дешті Қыпшақ») деп аталатын болды.

Қыпшақ одағына кірген түркі тайпалары қыпшақтанып, олардың тілдері қыпшақ тілінің ығында қалып, қыпшақ тілі тұтас мемлекеттік, тіпті халықаралық тіл деңгейіне көтерілді. Кейін монғол үстемдігі кезінде құрылған Алтын Орда қыпшақтардың негізгі отаны болды. Сол қыпшақтар қазақ халқының ұлт ретінде тарихтан өзіне лайық орын алуына, сондай-ақ қарақалпақ, башқұрт, татар, ноғай, қырым татарлары, қарашай, балқар, құмық, қарайым, алтай, қырғыз халықтарының ұлт болып қалыптасуына игі ықпалын тигізді.

Қазақ, башқұрт халықтарының тарихи, мәдени даму үдерісін тілдік деректерден айқын байқаймыз. Тіл-тілдегі фразеологиялық қор әр ұлттың өмірінің айнасы іспеттес. Қазақ тіл білімінде тұрақты тіркестер XX ғасырдың екінші жартысынан бастап күні бүгінге дейін әр қырынан зерттеліп келе жатыр. Профессор С.Аманжоловтың өз тұсында “Қазақ тілі идиомалар мен фразеологиялық тіркестерге өте бай. Біздің ойымызша, идеомалық және фразеологиялық оралымдар қазақ халқының ойлау жүйесін зерттеуді және тілдегі мазмұн мен форманы қарастырудың тамаша нысанасы бола алады” деген сөзінің маңызы зор [Аманжолов, 1997: 254].

Қазақ фразеологиясы жеке лингвистикалық сала ретінде қалыптасып, XX ғасырдың соңында жаңаша бағытта “адам-тіл-мәдениет” үштігі негізінде антропологиялық парадигмаға көшу үстінде. Дегенмен де бұл салада да ақтандақтар баршылық. Түркі әлемінің тілдік бейнесін анықтау үшін туыс

тілдердің, әсіресе қазақ-башқұрт тіліндегі фразеологиялық паралельдерді зерттеу аса маңызды. Фразеологизмдер тек екіншілік бейнелі атау емес, ұлттық танымның, мәдениеттің көрінісі. Түркі фразеологизмдерін тарихи салыстырмалы тұрғыдан тереңірек сөз еткен З.Г.Ураксин болды. Ғалым өзінің «Башқұрт тілінің фразеологиясы» атты монографиялық еңбегінде түркі тіліндегі ортақ фразеологизмдерге арнайы тоқталып, оларды екі топқа бөліп қарастырды: 1) Алыс туыстас тілдердегі ортақ фразеологизмдер тобы; 2) Жақын туыстас тілдердегі оның ішінде башқұрт тілі енетін қыпшақ тілдері тобы фразеологизмдері [Ураксин, 1975]. Жақын туыс тілдердегі фразеологизмдерді салыстыра келіп, бұлардың ортақ белгілерімен қатар өзіндік айырмашылықтары бар екенін де көрсетті. Тарихи салыстырмалы зерттеулер жеке туыс тілдердің фразеология теориясын қалыптастыруда маңызы зор.

Қазақ және башқұрт тіліндегі фразеологизмдерді мынадай топтарға жіктеуге болады:

1. Лексикалық құрамы мен мағынасы толық сәйкес келетін фразеологиялық паралельдер;
2. Мағынасы толық сәйкес келгенімен компоненттері тұлғалық жағынан ерекшеленетін фразеологиялық паралельдер;
3. Орыс тілінен калька тәсілі арқылы ауысып келген фразеологизмдер;
4. Ұлттың жүріп өткен тарихынан ақпарат беретін фразеологизмдер;
5. Ұлттық тұрмыс -тіршіліктің дерек көзі ретінде лингвомәдени ерекшелігі бар фразеологизмдер;

Лексикалық құрамы мен мағынасы толық сәйкес келетін фразеологиялық паралельдер. Бұл фразеологизмдер екі тілде де бір-біріне өте ұқсас, мағынасы да, компоненттерінің саны да бір-біріне сәйкес келеді. Тек әр ұлттың өзіне сай фонетикалық ерекшеліктері байқалады. Мысалы: тауықтың түсіне тары енеді (қаз.)-тауық төшөнә тары инә (башқ.), темірді қызуында соқ(қаз.)- тимерзе қызуында һук(башқ.), түтіні тура шығады(қаз.) – төтөнө тура сыға(башқ.), ат аунаған жерде түк қалады(қаз.)- ат аунаған ерзе төк кала(башқ.), арпа ішінде бір бидай (қаз.)- арпа эсендә бер бизай(башқ.), күлін көкке ұшыру(қаз.) - көлөн көкко осороу(башқ.), көзді ашып жұмғанша(қаз.) -күз асып йомғансы(башқ.), араларынан қыл өтпеу(қаз.) – араларынан кыл да үтмәй (башқ.).

Бұндай фразеологиялық паралельдер екі тілдің туыстығын, қыпшақтық ортақ белгілерінің фразеологизмдердің қорында жақсы сақталғандығын көрсетеді.

Мағынасы толық сәйкес келгенімен компоненттері тұлғалық жағынан ерекшеленетін фразеологиялық паралельдер. Көне башқұрт тайпалары Оңтүстік Оралға көшіп қоныстану барысында ғұн, бұлғар, печенег, оғыз жәнеи фин угор тайпаларымен қарым-қатынаста болды. Осы тарихи араласу үдерістері ізі тілде, тіл арқылы башқұрт халқының өмірінде, мәдениетінде сақталған. Зерттеушілердің қыпшақ бұлғар тілдерін, әсіресе, башқұрт тілінің консонантизм ыңғайында көне түркілік жүйеге жақындығын, батыс хун тобындағы кейбір тілдерге (хакас, тува, якут) жуықтайтынын айтатындығын

ескере келе, профессор М.Томанов башқұрт тілін фонетикалық ыңғайда қыпшақ тобындағы тілдерді шығыс түркі тілдерімен «жалғастырушы звено» дегенді айтады[5, 299]. Міне, осындай этникалық ерекшеліктер уақыт көшімен бірге тілде де крініс тапқан. Соның нәтижесінде фразеологизмдерінде де күрделі өзгерістер пайда бола бастаған. Мысалы, боғазынан алыу-алқымынан алу, танау күтәреу-тұмсығын көтеру, морон тығыу-тұмсығын тығу, башына етеу-түбіне жету, башым ике түгел -басым екеу емес, башын ашау-басын жұту, бит бешеу-беті күйеу т.б. Мұндай айырма белгілер башқұрт тілі материалдарында мол көрініс тапқан.

Орыс тілінен калька тәсілі арқылы ауысып келген фразеологизмдер. Еділ-Жайық бойындағы түркі халықтары ежелден орыс халқымен тығыз әлеуметтік-саяси және территориялық тығыз байланыста болды. Сөз жоқ, бұның өзі әсіресе қыпшақ-бұлғар тілдердің дамуына ықпал етіп, өзіндік ізін қалдырды. Бұл жағдаятты орыс тілінен калька тәсілі арқылы енген фразеологизмдерден анық байқаймыз. Башқұрт тілінде мұндай тұрақты тіркестердің мол қоры ұшырасады. Мысалы, бармак үтә карау – «смотреть сквозь пальцы», үз аршыныңа үлсәу «мерить на свой аршин», мыйығы һалынып төшөу «у него отвисли усы», себендән фил ясау «делать из мухи слона», гүр тынлығы «гробовая тишина», кыл да кыбырзытмау «и волоса не шевельнуть» т.б. Қазақ тілінде фразеологиялық калькалар башқұрт тіліндегідей көп болмаса да кездесіп отыратынын жоққа шығара алмаймыз. Саяси-әлеуметтік, мәдени байланыстар сөз жоқ тілде өз ізін қалдырады. Мәселен, қасқырдан қорыққан тоғайға бармас- «волка бояться – в лес не ходить», қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады-«не зато бьют, что он сер, а за то, что овца съел», ештен кеш жақсы-«лучше поздно, чем никогда», балықшы балықшыны алыстан көреді –«рыбак рыбака видит из далека».

Ұлттың жүріп өткен тарихынан ақпарат беретін тарихи фразеологизмдер. Қазақ, башқұрт фразеологиясында этнолингвистикалық зерттеу тәсілдерімен танылатын бір алуан тұрақты тіркестер тек тарихи оқиғалар мен тарихи адамдардың есіміне байланысты айтылып, бертін келе фразеологизмдер қатарына енген. Бұл тіркестердің ішкі мазмұнында халық, ұлт өмірінің басынан өткен оқиғаларының мазмұны мен тарихы жатыр. Тарихи фразеологизмдер өткен күндерден ақпарат береді. В.М.Мокиенконың пікірінше «...концептная информация добывается фразеологами прежде всего на основе исторической фразеологии, т.е. погружением во внутреннюю форму фразеологизма» [Мокиенко, 2008: 20]. XVIII ғасырдағы қазақ-жоңғар соғысының салдарын бейнелейтін «Ақтабан шұбырынды алқа көл сұлама» тұрақты тіркесі әлі күнге дейін халық жадында сақталған. Ал Ұлы Отан соғысы жылдарындағы қиындықты «сын сағат» деп бағалаған. 1928 жылдардағы кеңес үкіметінің жүргізген байларды тәркілеу саясатын «асыра сілтеу болмасын, аша тұяқ қалмасын» деген фразеологизмнен ұғамыз. Ал Қазақстандағы Голощекин саясатын С.Сейфуллин «тар жол тайғақ кешу» атаған. Тарихи фразеологизмдер тарихтың белгілі бір кезеңінен хабар береді. Башқұрт халқының да бастан кешкен тарихи оқиғаларының ізі тілде фразеологизм күйінде сақталған. Мәселен, Мамай заманында «во времена Мамайя», кырым сиреулей, дарыны

коро тоту «держать порох сухим», Әндрей казынасы, Әндрей әбете, әби патша заманында «при царе горохе» сияқты тұрақты тіркестер тарихтың әр кезеңінен хабар береді.

Сонымен тарихи фразеологизмдер тіл арқылы мәдениеттанудың құрамды бөлігі ретінде тіліміздегі тұрақты тіркестер қорында ақпараттық мәні басым болуына қарай өміршеңдігімен ерекшеленеді [Смағұлова, 2020: 26].

Ұлттық тұрмыс-тіршіліктің дерек көзі ретінде лингвомәдени ерекшелігі бар фразеологизмдер. Түркі тілдері фразеологизмдерінің лингвомәдени ерекшеліктеріне үлгі ретінде қыпшақ тобындағы қазақ және башқұрт тілдеріндегі тұрақты тіркестерді салыстыра қарастыруға болады. Әр ұлттың мәдени өмірінен із қалдырған тілдік бірліктердің әсіресе, фразеологизмдердің мәдени коннотациясы өте құнды деректер ретінде лингвомәдениеттанудың аспектісі бола алады. Мәселен, көне дәуірлерден басталатын башқұрттар мен қазақтардың мәдени өмірінің тарихы тілдің кумулятивтік қасиетімен бейнелі суреттеліп, лингвомәдени ерекшеліктері ұлт айнасы ретінде көрінеді. Фразеологизмдер арқылы ортақ түркілік, қыпшақтық және ұлттық әлем суретінің концептуалдану ерекшеліктерін саралауға болады.

Қыпшақ тобындағы халықтардың ішінде татар, башқұрт халықтары ертерек отырықшылыққа көшкендіктен болар, бұл халықтардың үй құстарын, әсіресе, қаз, үйрек секілді түрлерін ертеден өсіреді. Сол себепті де олардың атауы да басқа тілдерге қарағанда татар, башқұрт фразеологизмдерінде мол ұшырасады [Қалыбаева, 2009: 278]. Башқұрт тілінде төлөгән тауық кеуек «жүнін жұлған тауықтай», тултырған тауық кеуек «толық денелі адам», тауық Һүләп битермәс «өте көп, мол», үрдәк биреп қаз алған «пайдакүнем, есепшілдік».

Ал қазақ тілінде төрт түлік мал, яғни жылқы, түйе, қой, ешкі, сиыр атаулары тірек болған фразеологизмдер жиі кездеседі. Көшсе көлігі, ішсе асы болатын жылқы, түйе және қой атаулары фразеологизмдер жасауда өте өнімді, ал сиыр атауы өте сирек. Бұл сиыр малының көшіп-қонуға ыңғайлы емес түлік екенін және қазақтар кейінгі ғасырларда пайдалана бастаған мал екенін көрсетеді. Мәселен, қазақ тілінде «молшылықты, қуанышты» білдіретін «ақ түйенің қарны жарылды» деген тұрақты тіркес бар. Орыс тіліне сөзбе-сөз аударсақ «У белого верблюда брюхо распоролось». Дегенмен орыс тіліндегі «пир на весь мир», «из рога изобилия» деген тұрақты тіркестермен мағына жағынан сәйкес келеді. Қазақ халқының шаруашылығында жылқы сәндік, түйе байлық деп есептеліп, ақ түйе малдың басы, жақсы тұрмыстың, байлықтың кепілі ретінде саналған. Ш.Уәлиханов мынадай мәлімет береді: «...раньше, когда кто-либо из близких людей отправлялся в опасный поход или дальнее путешествие, или когда долго ждали наследника, родственники клялись принести в жертву белого верблюда при счастливом исходе» [Валиханов, 1996: 477]. Академик А. Кайдар «Это объясняется тем, что верблюд белой масти у казахов символизировал собою нечто святое, сакральное. И, естественно, приношение именно белого верблюда, с другой стороны, доставляло большой запас провизии, который хватил бы для

угощения массы народа, т.е. устроить пир на весь мир. Таковы мотивы образования фразеологизма» [Кайдаров, 1989: 23].

Қорыта айтқанда қазақ және башқұрт тіліндегі фразеологиялық паралельдер қыпшақтық тек тамыры ажырамаған, жалпы түркілік тарихи даму үдерістерінен бірге өткен тілдік бірліктер. Осы фразеологизмдердің бойынан әр ұлттың біртұтас түркілік мәдениетімен қатар, кейінгі дәуірлердегі ұлттық даралану сипатын да көреміз. Ұлттық ерекшеліктерді, лингвомәдени белгілерді бойына сақтаған фразеологизмдер әр ұлттың өзіндік даму, қалыптасу үрдісін де білдіреді. Қазақ, башқұрт тілдерінің қыпшақтық негізі фоно-морфологиялық деңгейде ғана емес, лексикалық деңгейде, оның ішінде фразеологизмдерде айқын сақталған.

Әдебиеттер:

1. **Валиханов, Ч. Ч.** Полное собрание сочинений. В 5 томах. Т. 1. – Алматы : Наука, 1996. – 431 с.
2. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Москва : Наука, 1975. – 210 с.
3. **Мокиенко, В. М.** Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Идиоматика и познание. – Белгород, 2008. – 360 с.
4. **Назарбаев, Н. Ә.** Ұлы даланың жеті қыры / Н. Ә. Назарбаев // Егемен Қазақстан. – 2018.
5. **Кумеков, Б. Е.** Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. / Б. Е. Кумеков. – Алма-Ата : Наука, 1987. – 160 с.
6. **Аманжолов, С. А.** Қазақ әдеби тілінің және диалектологиясының мәселелері / С. А. Аманжолов. – Алматы : Ғылым, 1997. – 452 б.
7. **Томанов, М.** Қазақ тілінің тарихи грамматикасы / М. Томанов. – Алматы : Мектеп, 1988. – 204 б.
8. **Смағұлова, Г.** Қазақ фразеологиясы лингвистикалық парадигмаларда / Г. Смағұлова. – Алматы : Елтаным, 2020. – 256 б.
9. **Қалыбаева, Қ. С.** Салыстырмалы түркі фразеологиясы / Қ. С. Қалыбаева. – Алматы, 2009. – 404 б.
10. **Кайдаров, А. Т.** Образно-фоночная основа устойчивых выражений, связанных со скотоводством в казахском языке / А. Т. Кайдаров // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. – Алматы, 1989.

ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УЗБЕКСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Существует несколько работ, посвященных сравнительному изучению некоторых морфологических и лексических особенностей в узбекском и турецком языках. Однако синтаксические единицы и синтаксические явления в узбекском и турецком языках сравнительно не изучены. В данной статье анализируются научные источники в узбекском и турецком языкознании, сравниваются научные подходы к определению и классификации положительных и отрицательных предложений в узбекском и турецком языках, а также способы образования положительных или отрицательных предложений в рассматриваемых языках.

Abstract. There are several works on a comparative study of some morphological and lexical features in the Uzbek and Turkish languages. However, syntactic units and syntactic phenomena in the Uzbek and Turkish languages have not been comparatively studied. This article analyzes scientific sources in Uzbek and Turkish linguistics, compares scientific approaches regarding the definition and classification of positive and negative sentences in Uzbek and Turkish. The article also compares the ways of forming positive or negative sentences in the given languages.

Ключевые слова: узбекский язык; турецкий язык; предложение; отрицательные предложения; положительные предложения.

Keywords: Uzbek language; Turkish language; sentence; negative sentences; positive sentences.

Основное направление всех работ по оптимизации преподавания иностранного языка – исследование лексики. Созданы и создаются самые различные словари, что, безусловно, очень важно и нужно для создания базовых языков и подязыков. Но базовый язык, как известно, включает как базовую лексику, так и базовую грамматику. Вполне естественно, что в родственных языках модели синтаксических построений, а также варианты их лексического наполнения должны содержать много сходных черт. Тем важнее при детальном исследовании таких моделей установить сходства и различия и главным образом разработать объективные методы грамматического анализа, адекватные изучаемому материалу.

Поскольку кафедры турецкой филологии в высших учебных заведениях готовят не только переводчиков турецкого языка, а тюркологов в широком смысле этого слова, целесообразно специальный курс по основному восточному языку посвятить проблемам сравнительной грамматики. С этой целью были разработаны спецкурсы «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» в соответствии с государственным образовательным стандартом магистратуры, бакалавриата, предназначенные для студентов 3–4 курса, а также для студентов магистратуры 1 курса. Хотя в курсе сравнительной грамматики тюркских

языков предусмотрено изучение проблем сопоставительной грамматики в высших учебных заведениях, в задачу данного курса входит в основном сопоставительное изучение и анализ фонетических, лексических и морфологических особенностей сравниваемых языков. Но при его преподавании должны быть учтены общности и различия между синтаксическими конструкциями тюркских языков. Поэтому необходимо включить сопоставительное, детальное и всестороннее исследование простого предложения, его типов и состава в тюркских языках, в частности, сопоставительное изучение этой проблемы в узбекском и турецком языках является фундаментальной базой для выявления и классификации структурных типов простого предложения. Общеизвестно, что среди основных признаков предложения одним из наиболее существенных считается модальность. По признаку модальности в узбекском языке предложения делятся на две группы: положительные и отрицательные [1; 2]. Отрицательные и положительные предложения в турецком языке рассматривается как один из видов предложения по значению. При этом повествовательные предложения не различаются [7; 5; 9; 6; 8]. У А.Н. Кононова речь идёт только об особенностях отрицательных предложений [3: 210–212]. А.Н. Баскаков, который проводил исследование по специфическим признакам предложения в турецком языке, считает, что утверждение и отрицание представляют собой субъективную модальность предложения [2]. Но по сути дела, говоря об утвердительной и отрицательной модальности, языковед имеет ввиду отрицательные и положительные предложения. По содержанию исследований, посвящённых синтаксису предложений в узбекском и турецком языках, становится очевидным, хотя и по разным критериям, различие положительных и отрицательных предложений. Следовательно, положительные и отрицательные предложения в узбекском и турецком языках можно считать довольно хорошо изученной темой, но к сопоставительному исследованию данного вопроса до сих пор не было обращено внимание, хотя этот вопрос частично освещался в других грамматических исследованиях по тюркским языкам. Поэтому сравнительное изучение и выявление различий и общности между этими типами предложений в сравниваемых языках является актуальным в области сопоставительной грамматики тюркских языков.

В узбекском языкознании, как говорилось выше, по признаку модальности принципиально различают два вида простых предложений. В турецком языке в основном тоже основываются на такой же классификации, но Х. Диздаруглу, занимаясь только синтаксическим строением предложения, подразделяет эти предложения на более мелкие виды [6: 282].

Рассмотрим классификацию положительных предложений в турецком языке. Положительные предложения в турецком языке по составу сказуемого делятся на две группы: положительные именные предложения и положительные глагольные предложения [6: 282]. В именных предложениях сказуемое выражается именем существительным или субстантивированными словами и обозначает утверждение существования какого-либо предмета или же состояния. Положительные именные предложения также бывают двух

типов: положительные именные предложения по форме и по смыслу, положительные именные предложения, являющиеся по форме утвердительными, указывающие на отрицание. Первый тип положительных именных предложений обозначает реализацию того или иного обстоятельства: *Yaşamak var olduğunu duymaktadır* (N. Tosunar) – *Жизнь это чувствовать существование*. Этот тип предложений не отличается от положительных предложений в узбекском языке, в котором в роли сказуемого выступают также имена существительные или субстантивированные слова: *Қасам ижроси билан гўзал* («Донолар бисотидан») – *Клятва хороша исполнением*. Переходим ко второму типу положительных именных предложений в турецком языке – к предложениям, которые являются по форме отрицательными, но которые носят характер утверждения. Х. Диздаруглу приводит следующие способы образования таких типов предложений [6: 283]. Однако надо отметить, что предложения, которые по форме являются отрицательными невозможно соотнести к положительным предложениям. Следовательно, предложения, являющиеся по форме отрицательными нужно приобщить к отрицательным предложениям: связка *degil*, употребленная в составе сказуемого отрицательных повествовательных предложений, хотя по форме и является отрицательной, имеет утвердительную модальность: *Haydar Atlamazoglu tuavindan bir kotuluk beklemiyor degildi* – *Хайдар Атламасуглу не ждал от заместителя чего-либо плохого*. При помощи сказуемого, выраженного долженствовательным наклонением и использованного со связкой *degilmi*, положительные именные предложения приобретают значение утверждения: *Her gün derslerimizi çalışmalı değil mi?* – *Разве не каждый день мы должны заниматься, не так ли?* Находящееся в составе положительных именных предложений сочетание слов *yok* вместе со связкой *degil* создаёт положительные именные предложения в турецком языке, которые означают отрицание: *Türk tarihinde büyük zaferler yok degildir* – *Нельзя не сказать, что в истории турков нет великих побед*. Также отрицательные вопросительные предложения иногда обозначают утверждение: *Yakınıyorsun ama, derdini söyleyecek kimse yok mu?* – *Ты всё жалуешься, разве нет человека, которому ты мог бы рассказать о своих проблемах?*

Проанализировав данные материалы, можно прийти к выводу, что не все приведённые суждения и примеры в работе турецкого лингвиста вполне обоснованы. Следовательно, предложение, в котором существуют элементы отрицания, например, связка *degil* или модальное слово *yok*, не может считаться положительным, потому что наличие таких элементов автоматически превращает положительное предложение в отрицательное. К тому же в приведенных выше примерах связка *degil* относится к спрягаемым глаголам, то есть глаголам изъявительного и долженствовательного наклонений.

Предложения, в которых сказуемое основано на спрягаемых глаголах и которые обозначают реализацию того или иного действия, считаются положительными глагольными предложениями. По мнению Х. Диздаруглу, положительные глагольные предложения в турецком языке подразделяются на две группы [6: 285–286]: отрицательные глагольные предложения по смыслу и

по форме, а также положительные глагольные предложения утвердительные по смыслу и по форме отрицательные. В турецком языке различаются следующие случаи утвердительной модальности: сказуемое, выраженное утвердительной формой глагола образует положительные глагольные предложения: *Nikahtan sonra nikahlımı görmeye gittim* (Н.Е. Adıvar) – *После помолвки я ушёл, чтобы увидеть свою невесту*. Такой же тип предложений являются нормой в узбекском языке: *Хизматкор маётидан нолинди* (Д.б.) – *Слуга пожаловался на жизнь*.

Предложения, в которых сказуемое выражено двумя отрицательными глаголами обозначают утвердительную модальность как в узбекском, так и в турецком языке: *Таклифни бажармасам бўлмади* (С. Барноев) – *Нельзя было не принять их предложения*; *O bu şeyleri anlatamış değildi* – *Нельзя было сказать, что он не понял этого*. Иногда отрицательные вопросительные предложения в турецком языке с помощью специальной интонации могут нести значение утверждения: *Cevat Bey, siz isterseniz de olmaz mı* (F.Adil)? – *Жеватбей, неужели когда вы хотите, нельзя?* В узбекском языке в вопросительном предложении тоже значение утверждения может также подчёркиваться с помощью связки *эмас*: *Ўша сизлар эмасмидингиз* (Д.б.)? – *Вы не те ли парни?* Определённые интонации помогают приобрести положительному предложению значение отрицания: *Биз яланг йигитлар энди нимадан қўрқамиз* (С.Б.) – *Теперь нам, смелым парням, чего бояться* (то есть ничего не боимся).

Определённые грамматические формы в узбекском и турецком языках превращают положительные предложения в отрицательные. Например: деепричастия с окончанием *-б* в соединении с вспомогательным глаголом *бўлмоқ* – *находиться*, который представлен в форме *-(u) + аффиксы спряжения*, тоже носит отрицательную модальность: *Бақириб бўбсан* (Ғ.Д.) – *А ну-ка, кричи (Не сможешь кричать)*. Та же грамматическая форма, где в роли вспомогательного глагола выступает слово *ўлмоқ* – *умереть* также имеет значение отрицания. Это синтаксическая единица почти что достигла форму выражения, в котором первый глагол можно изменить, а второй нет: *Устингиздан кулиб ўлибманми* (Ғ.Д.) – *Неужели я смеюсь над вами (Не смеюсь)?* В турецком языке глаголы прошедшего времени с аффиксом *-miş* будущего или настоящего-будущего времени в отрицательной форме третьего лица в единственном числе, использованные вместе с вопросительной формой вспомогательного глагола *olmak*, также являются утвердительными по смыслу, а по форме отрицательными, при этом утвердительная модальность имеет оттенок точности: *Söylediklerinizi anlamaz olur muyuz?* (R. Enis) – *Неужели мы не поняли то, что вы рассказали (В точности всё поняли)*. В этом случае значение утверждения выявляется при помощи синтаксических и интонационных способов.

В турецком языке, в отличие от узбекского языка, отрицательные предложения делятся на две группы [6: 287]: отрицательные именные предложения и отрицательные глагольные предложения. Предложение, в котором сказуемое выражено именами существительными или субстантивированными словами и которое обозначает противоположность того

или иного предмета или состояния, считается отрицательным именным предложением [6: 287]. Отрицательные именные предложения также могут быть двух видов: отрицательные именные предложения по форме и по смыслу, отрицательные именные предложения, обозначающие утвердительную модальность. Как отмечает Х. Диздаруглу, отрицательные именные предложения в турецком языке образуются четырьмя путями. Сказуемое, выраженное именами или субстантивированными словами вместе с связкой *değil*, образует отрицательные именные предложения. В узбекском языке аналогом этой связки является слово *эмас*, которое тоже выражает отрицание: *Валийбек бобомни тилдан қўймаётганлари бежиз эмас* (Х. Дўстмухаммад) – *Не зря Валийбек не переставал говорит о моем деде. Hurriyetin lüzümünü ileri sürmek, ona layık olmak için kafi değildir* (R. Safa) – *Говорить о потребности свободы недостаточно для того, чтобы быть достойной ей.* Предложения в турецком языке, в котором присутствуют частицы *na...na*, по форме и значению соответствуют отрицательному предложению: *Ne akıl ve anlayış, ne de irade bu hayvani tutmaya ve yatıştırmaaya güçlü değil* (Ү.К. Караосманоглу) – *Не ум, и не сообразительность, и не воля не сильны настолько, чтобы поймать и успокоить этого зверя.* Опять-таки в суждениях Х. Диздаругу можно увидеть необоснованное направление. То есть ниже приведенное предложение не может считаться отрицательным именным предложением, так как сказуемое этого предложения выражено спрягаемым глаголом: глаголы изъявительного наклонения, использованные со связкой *değil* в турецком языке и *эмас* в узбекском, участвуют в образовании отрицательных именных предложений: *Одамзод меҳ қачон тинч яшаган эмас* (С. Барноев) – *Человек никогда не жил спокойно; O toplantıya gelecek değiliz* – *Мы не пойдём на то собрание.*

В турецком языке прилагательные, образованные при помощи аффикса *-siz*, употребленного в функции сказуемого, образуют отрицательное именное предложение: *Bakışlar isteksiz, umutsuz* (M. Seyda) – *Взгляды без желания, без надежды.* В узбекском языке прилагательные, образованные с аффиксами *но-*, *-siz*, *-бе*, употребленные в функции сказуемого, образуют отрицательные предложения: *Мен бу маармаатга нолайиқман* (Д.б.) – *Я не достоин такой милости.* Значит, между этими аффиксами в сравниваемых языках есть существенная разница. В турецком языке только один, а в узбекском языке три словообразовательных аффикса могут обозначать отрицание того или иного признака.

В заключении турецкого лингвиста Х. Диздаругу по вопросу отрицательных именных предложений, являющихся по форме положительными и носящими утвердительную модальность, встречаются недосказанные факты. Например, частица *na...na* в узбекском языке и её эквивалент в турецком языке *na...na* считается отрицательной частицей. В узбекском языке общепринято, что одним из способов образования отрицательных предложений является именно эта частица. Значит, несмотря на то, что сказуемое в турецком языке выражено глаголом в положительной форме, при наличии данной частицы это предложение нужно отнести к отрицательным предложениям. Например, Х. Диздаругу приводит следующие примеры: предложение, в составе которого

есть частицы *na...na*, а в функции сказуемого использовано слово *var*, является, по сути, отрицательным именным предложением, но по форме положительным, носящим характер отрицания: *O çağlar içinde ilçede ne doktor var, ne sağlık tetiriği, ne de ebe* (Ү.К.К.) – *В те времена не было ни докторов, ни служащих медицины, ни акушеров.* Это относится и к следующей цитате: «Сказуемое, выраженное именами или субстантивированными словами и использованные с частицами *na...na* тоже, по мнению лингвиста, создаёт отрицательные именные предложения, которые по форме являются положительными: *Ne paranın, ne süsün, ne de dünya gösterişlerinden her hangi birinin esiridirlar* (Ү.К.К.) – *Они являются пленниками не блеска денег, не великолетия украшений и не демонстраций мира.* Как выше отмечено, по причине присутствия частицы, подобные предложения представляют собой отрицательные предложения и по внешним, и по внутренним данным. Эквивалент этой частицы в узбекском языке *na...na* тоже участвует при создании отрицательного предложения.

Некоторые положительные вопросительные предложения в сравниваемых языках посредством специальной интонации могут нести значение отрицания: *У билан ўйнашиб бўладими?* (С.Б.) – *Разве можно шутить с ним?* (в значении: *нельзя шутить*) – *Ви Boğaz harbi nedir? Var mi ki dünyada eşi* (Ү.К.К.) – *Что такое это сражение Бугаз? Есть ли в мире равное ему?* (То есть, нет).

В турецком языке предложение, в котором сказуемое выражено глаголом, определяет значение действия в противоположном значении, является отрицательным глагольным предложением. По структуре предложения такого типа бывают двух типов [6: 291]: отрицательные глагольные предложения по смыслу и по форме; отрицательные глагольные предложения по смыслу отрицательные, а по форме положительные. Отрицательные глагольные предложения в сравниваемых языках образуются при помощи аффикса *-ma* в узбекском языке [1: 64] и *-ma/-me* в турецком. Из всех спрягаемых глаголов только глаголы настоящего-будущего времени в сопоставляемых языках (*-mas* и *-maz*) и сочетание этого же аффикса со связкой прошедшего времени (*-mas* эди, *-mazdı*) имеют отдельную отрицательную форму. Предложение, в составе которого участвуют частицы *ne...ne* и сказуемое использовано в отрицательной форме, считается отрицательным глагольным предложением: *Vuna karşı yazık ki nesen, ne ben bir şey uaramayız* (Ү.К.К.) – *Несмотря на это, к сожалению, ни ты ни я не смогли сделать ничего.* Со связкой *emas* в узбекском языке и со связкой *değil* в турецком, присоединенной к спрягаемому глаголу, тоже образуется отрицательное предложение. В отличие от турецкого языка в узбекском языке слово *йўқ* тоже при определенных обстоятельствах употребляется после спрягаемых глаголов и образует отрицательные глагольные предложения: *Эсимни еганим йў²-а, болам* (Х.Д.) – *Я еще не сошла с ума, сынок.* В турецком языке существуют эквиваленты слову *уок*, но они не употребляются в данной роли.

По суждениям Х. Диздаруглу [6: 292] отрицательные глагольные предложения в турецком языке, обозначающие утверждение, образуются следующими способами: если в составе положительных предложений участвуют

частицы *ne...ne*, такие предложения считаются по форме положительными, по значению отрицательными: *Ömer Seyfettin yukarıda adı geçen hikayelerini ne Osmanlıcaı övmek, ne de geçmiş tarihimize övünmek için yazmıştı* (S. Kocagöz) – *Умер Сейфеттин написал выше названные рассказы не для того, чтобы превозносить османский язык, не для того, чтобы хвастаться нашей историей.* Предложение, в котором участвует причастие, образованное аффиксом *-maz*, употребляемым перед вспомогательным глаголом *olmak* и частицами *ne...ne*, тоже является по форме утвердительным, по значению отрицательным: *Buradan gideli beri, ne evini ne barkini düşünmez oldu* – *С тех пор как ушел отсюда, не думает ни о своем доме, ни о своей семье.* В этих предложениях частицы *ne...ne* относятся к обстоятельству причины и к дополнению. И так как отрицание не относится к сказуемому, первое предложение не может отражать отрицание. Как видим, все выше отмеченное снова повторяется. Но предложение, в котором существует данная отрицательная частица, не может считаться положительным, а является отрицательным.

Подводя итог сказанному об объекте исследования, можно констатировать следующее: отрицательные и положительные предложения в сопоставляемых языках считаются достаточно детально изученной темой. В узбекском языке эти типы предложений классифицируются по признаку модальности. В турецком же языке эти виды предложения общепринято называть типами предложений по значению. Необходимо также отметить, что в турецком языке положительные и отрицательные предложения подразделяются на более мелкие группы. По составу сказуемого существует положительные именные, положительные глагольные предложения, отрицательные именные, отрицательные глагольные предложения. И каждый тип этих предложений делится на две группы: положительные именные предложения по форме и по значению; положительные именные предложения по форме утвердительные, по форме отрицательные и т.д. Как показало исследование, выделение выше названных типов положительных и отрицательных предложений не всегда вполне обоснованно. Так, предложения названные по форме положительными, но носящие отрицательную модальность, на самом деле являются отрицательными предложениями. То есть наличие в таких предложениях отрицательных частиц *ne...ne* автоматически превращает эти предложения в отрицательные. Но для турецких лингвистов данная частица не считается элементом отрицания, поэтому они приходят к ошибочным выводам. И поэтому классификацию, предложенную Х. Диздаруглу, не обязательно принимать во внимание. В узбекском и турецком языках положительные предложения не имеют определенных грамматических форм для обозначения утверждения. Отсутствие элементов отрицания дают возможность соотносить это предложение к группе положительных предложений. Отрицательные предложения в сравниваемых языках образуются следующими способами: в узбекском и турецком языках наиболее распространенным морфологическим способом является присоединение аффиксов *-ma* и *-ma/-me*. Лексическим способом можно считать связку *эмас*, модальное слово *йўқ*, частицы *на...на* в узбекском языке, связку *degil*, модальное слово *yok*, частицы *на...на* в турецком языке. Хотя приведенные слова считаются эквивалентами, по

функциям и по значениям они различаются. Например, слово *йўқ* в узбекском языке употребляется с субстантивированными словами или спрягаемым глаголом, его аналог в турецком языке может употребляться только в первом случае. Положительные предложения в сравниваемых языках иногда обозначают отрицательную модальность, при этом значение отрицания выявляется особыми словами или с особой интонацией. И наоборот, отрицательные предложения с помощью интонации или сочетаний определенных грамматических показателей могут обозначать утвердительную модальность. Надо отметить, что в этом случае используются определенные грамматические формы в сопоставляемых языках.

Литература

1. **Асқарова, М.** Ҳозирги ўзбек адабий тили / М. Асқарова, Ш. Шоабдурахмонов. – Тошкент: Фан, 1986.
2. **Баскаков, А. Н.** Предложение в современном турецком языке / А. Н. Баскаков. – Москва : Наука, 1984. – 200 с.
3. **Кононов, А. Н.** Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов. – Москва : Академия наук СССР, 1941. – 312 с.
4. **Ўзбек тили грамматикаси** : 2 жилдлик. – Тошкент : Фан, 1976. – Ж. 2.
5. **Banguoglu, T.** Türkçenin grameri / T. Banguoglu. – Ankara : Türk tarih kurumu basim evi, 2008.
6. **Dizdaroglu, H.** Tumcebilgisi / H. Dizdaroglu. – Ankara : TDK, 1976.
7. **Ergin, M.** Türk dili bilgisi / M. Ergin. – Istanbul : Bayrak, 2003.
8. **Hengirmen, M.** Türkçe dilbilgisi / M. Hengirmen. – Ankara : Engin, 1995.
9. **Toparli, R.** Türk dili / R. Toparli. – С.ІІІ. – Erzurum : Fen Edebiyat Fakultesi Ofset Tesisleri, 1989.

УДК 811.512.141

*Chernev V.,
University of Warsaw,
Poland*

AN OUTLINE OF THE ANALYTICAL MORPHOLOGY OF THE BASHKIR LANGUAGE: AN ATTEMPT OF ALGORITHMIC DESCRIPTION OF VERB FORMS

Since the time the Bashkir language has been standardized, the work on its codification, i.e. elaboration of its standard grammar and orthography rules, is being carried out by the Bashkir philologists. This is a complex process that comprises and affects both the theoretical framework of the standard language rules, as well as a huge work carried out by the specialists in the language teaching sphere. In this paper, the author will try to elaborate the set of general rules that will enable to define the conjugation patterns (paradigms) of Bashkir verbs, as well as the declension

paradigms of the Bashkir *nomina*¹, regardless of their extra-grammatical features. The article summarizes the author’s previous research on Bashkir verbal morphology. Besides, an attempt of algorithmic description of the nominal declination patterns will be *taken* in this paper.

It is a usual practice to say that all the nominal (and/or verbal) stems share the same general pattern of declension, the main difference being the phonetic variants of corresponding affixes. However, there are several more questions one needs to answer in order to analyze the nominal and verbal paradigms, and that require a more detailed elaboration than in the *Grammar of the Modern Bashkir Literary Language* (ed. A. Yuldaşev, Moscow, 1981), hereinafter called the 1981 Grammar.

Considering the fact that using Cyrillic script may create a hindrance for English speakers in reading the Bashkir text, all the Russian Bashkir text in this article will be transliterated. ISO9:1995 standard will be used for Russian. As far as Bashkir is concerned, a slightly modified transliteration system from *Başkurt Türkçesi Sözlüğü* by Murat Özşahin (Ankara, 2017) will be used in this paper. The modifications (partly in line with [...]) are as follows:

Ozşahin’s system	This paper
Һ	X
Ҡ	Q
Ҙ	Ş
v (<i>in proper Bashkir words</i>)	W
Ġ	Ğ

Some General Notes on Parts of Speech

Generally speaking, the 1981 Grammar states that the Bashkir language shares the parts of speech with Russian, the only major difference being *postpositions* instead of *prepositions* (cf. [Usmanova, 2006, p. 10])². This approach, although not entirely wrong, is evidently induced by Indo-European, and, in particular, Russian grammar. In order to better comply with the actual situation in the language (where a great number of words have a double or triple meaning, each one belonging to a different “part of speech” from the Indo-European perspective), the 1981 Grammar uses the term ‘conversion’ in an extensive way. However, in many cases it is not clear in which direction the conversion took place, e.g. whether it was from noun to adjective or vice versa. This is often impossible to determine (a rather common exception being proper names³). Besides that, there are lexical units in the language that have a triple lexical meaning rather than a double one, cf. *yılı* “warmth, warm,

¹ The umbrella term *nomina*, sg. *nomen*, comprises all nominal parts of speech, and, in a broader sense, also the nominal forms pertaining to the verbal paradigm.

² In the margin, it is worth noting that *modal words* are always considered a separate part of speech in the Bashkir grammars written in Russian, whereas some of the Russian grammars omit this category.

³ Cf. *Keyekbayev* (a surname) and *Keyekbayev uqıwzarı* “Keyekbayev Readings”, the second case being an adjective

warmly". These meanings cannot be differentiated outside of a context; this fact, although peculiar to the Bashkir language as a whole, has not been dwelt upon in most of the Bashkir learning materials for non-native speakers known to the author of this paper.

Thus, on the one hand, it is quite easy to differentiate between the *nominal* and *verbal* stems in the language. On the other hand, the nominal stems can be divided into several subgroups according to their morphological traits. Such a classification does not coincide with the grouping of words into parts of speech. For instance, all the Bashkir words with a nominal meaning have an additional adjectival one (cf. *başqort* "Bashkir"). As far as the adjectives are concerned, some of them only have one lexical meaning (cf. *zur* "big", *bäläkäy* "small", *ijtimaği* "social", *unikal* "unique"), whereas another big group thereof can also function in the lexical system of the language as adverbs (cf. *yaqşı* "good, well", *matur* "nice, nicely"). This works even in the situation where the language of instruction (e.g. Russian or English) lacks the corresponding adjective / adverb.

An Attempt of Algorithmic Description of Bashkir Conjugation Patterns **Phonological peculiarities of the Bashkir verbal stems**

Not all of the distinct elements of the Bashkir vowel and consonant inventory (phonemes) can be used in all positions of the Bashkir verbal stem. The limitations on consonant and vowel usage include the following:

1. The consonants [v, c, ç, š] (IPA: [v], [ts], [tʃ], [ɕ:] respectively, cf. [5]) are used only in Russian loanwords. Since the Bashkir language does not directly loan any verb stems from Russian, these consonants cannot be used in any position of the verb stem.

2. The above rationale also applies to all the palatal consonants peculiar to Russian loanwords, as well as the glottal stop ([ʔ], Bashkir term: *hämzä*, cf. [6]), a phoneme (not regarded as such in the Academic Grammar) peculiar to Arabic loanwords [7] (e.g. *mö'min* "believer", *mäs'älä* "an objective" etc. [8]), as well as a limited number of compound verb components (e.g. *mä' itew* "to spank") and "childish" words (e.g. *ma'may* "doggy" [9]). Another group of phonemes not used in the verbal stems due to their being used exclusively in Russian loanwords includes a number of vowels (most notably IPA [a], [e~ɛ], [o], [i], for which the orthographical signs *a*, *e*, *o*, *i*, i.e. the ones used for denoting the proper Bashkir phonemes [ɑ], [ɪ], [u], [ʉ], are used).

The phonemes mentioned above are not used in the Bashkir verb stems at all. As far as the remaining phonemes are concerned, the following ones are not used *at the end of the verb stem*:

1. Diphthongoids [ij, u^w, ü^w]¹ denoted by the graphemes for *i*, *u*, *ü* respectively at the end of the word. The character of [i̯] (also denoted by *i*) at the end of two verb

¹ Although they are not in fact regarded as such in the Academic Grammar (cf. [1:36-41], their existence can be the only reason for the loanwords (nouns only; not applicable to verbs, since the verb stems are not loaned directly) ending in *-i* or *-u* to accept plural (and several case) affixes starting with [ž], unlike the pronoun stems *mi-* "I", *hi-* "you" (cf. *minän* "from me" but *taksižan* "from a taxi"), *u-* "he", *šu-* "that" (cf. *şular* "these" but *menüžar* "menus"). Moreover, such an explanation actually finalizes the conception outlined in the works by Jalil Kiebaev (e.g. [10]) and explains the reason for the form *ular* "they" not to be written and/or pronounced with [δ] (cf. [11:107—113])

stems (*ti-* “to say” and *i-*, a defective auxiliary verb) differs from the cases mentioned above, which can be proved by the cognates in other Turkic languages (e.g. *de-* and *e-* respectively in Crimean Tatar [12] or Kazakh [13], *de-* in Azerbaijani [14]) as well as their conjugation peculiarities in Bashkir proper (*tine* “he said”, *ine* “he were”). In the *Bashkir Manual* by N. Poppe the last grapheme in *ni* “what”, *ti-* “to tell” has been described as denoting a two-phoneme combination (*əj* in N. Poppe's transliteration system, cf. [15:27])

2. Voiced consonants [b, d, g, ğ] subject to alteration with [p, t, k, q] wherever not followed by a vowel (e.g. for the verb stem *tap-* “to find”: *tap*, *taptı*, *tapqan* but *taba*, *tabır*).

“Vowel” conjugation paradigms

The phonological elements of the verbal stem¹ that influence the choice of one or another variant of a verb form affix will hereinafter be called *the relevant phonological elements* of this stem. With regards to the Bashkir verb conjugation paradigms, the author deems it appropriate to denote *stem vowels* and *stem consonants* as the relevant phonological features of every single Bashkir verb stem. While the latter term always denotes *the final consonant of the verb’s imperative stem* (which does not contain any verb form affixes), the former one can be used to denote either the final vowel of the aforementioned stem (as in *hayla-* “to choose”), or the vowel in the final syllable thereof (as in *bir-* “to give”). It is worth mentioning that in the latter case the vowel also influences the choice of a form affix due to the vowel harmony restrictions. According to the type of the final phoneme of the imperative stem, Bashkir verbs can be classified into two major types:

1. Verb stems ending in a vowel (e.g. *hayla-*, *käme-*);
2. Verb stems ending in a consonant (e.g. *hal-*, *bir-*).

Hereinafter the terms *vowel conjugation* and *consonant conjugation* will be used to denote the set of forms pertaining to each of the above types. The main peculiar features of the verbs belonging to the first type are as follows:

Description	Feature	Example
<i>Nomen actionis</i> affix	-w	<i>haylaw</i> , <i>kämew</i>
Present stem (3 rd person singular) affix	-y	<i>haylay</i> , <i>kämey</i>
Past participle affixes	-ğan, -gän	<i>haylağan</i> , <i>kämegän</i>
First consonant of the past stem affix	-n-	<i>haylanı</i> , <i>kämene</i>
Non-categorical future stem ² affix	-r	<i>haylar</i> , <i>kämer</i>

¹ The term “stem”, whenever not preceded by a name of a tense or mood, is used in this article to denote the imperative form of the verb (the one which does not contain any affixes); the term “[tense/mood] stem” is used to denote the form of the respective tense or mood not containing any personal affixes (i.e. 2nd person singular in the case of imperative, 3rd person singular in the case of other verb forms)

² Both categorical and non-categorical future (*bildäle/bildähež kiläsäk zaman* in Bashkir), as well as the „non-witnessed“ past (Bashkir term: *şahithız ütkän zaman*) are actually formed on the basis of the respective participles; the affixes used in their formation

Description	Feature	Example
Categorical future stem ¹ affixes	-asaq, -äsäk	haylayasaq, kämeyäsäk

Given that the Bashkir language is peculiar of *labial vowel harmony* (which, with regards to the verb forms, takes place in the “witnessed” past tense, thus leading to the differentiation of four forms of its affix in the verb type in question: *aşanı, höyläne, qorono, tözönö* "he/she/it ate, spoke, dried, built"), and taking into account that the verb stems of this type cannot end in [i, u, ü], the first of the two aforementioned verb types can be divided into the following subtypes:

- a. *Verb stems ending in a non-labial back vowel (a, ɪ)*
- b. *Verb stems ending in a non-labial front vowel (ä, e)*
- c. *Verb stems ending in a labial back vowel (o)*
- d. *Verb stems ending in a labial front vowel (ö)*
- e. *Verb stems ending in -i*

Thus, it is most appropriate to conclude that the Bashkir verbs belonging to the first of the two aforementioned types conjugate according to 6 paradigms, the last two being defective²:

Paradigm	Description	Examples
1a-I	Verb stems ending in <i>-a</i> or <i>-ɪ</i>	<i>aşa-</i> "to eat", <i>mijt-</i> "to weep"
1a-II	Verb stems ending in <i>-ä</i> or <i>-e</i>	<i>höylä-</i> "to speak", <i>käme-</i> "to diminish"
1b-I	Verb stems ending in <i>-o</i>	<i>qoro-</i> "to dry"
1b-II	Verb stems ending in <i>-ö</i>	<i>yörö-</i> "to walk"
1c	Verb stem <i>ti-</i> "to say"	
1c*	Defective auxiliary verb stem <i>i-</i>	

Consonant conjugation paradigms: a detailed analysis

As far as the consonant conjugation is concerned, the system comprising all of its models is much more complex, and the models thereof are to be classified according to the following criteria:

are exactly the same as the affixes used for conveying the predicative meaning/function of nouns (i.e. there's actually no structural difference between e.g. *yegetmen* „I am a guy“, *kitkänmen* „I happened to leave“ and *belemen* „I will know“, all of which are first person singular predicative forms from *yeget* „a guy“, *kitkän* „[the one who] left“ and *beler* „[the one who] will know“ respectively.) The aforementioned statement, however, is not universally supported. The system of these tense affixes and the nominal predicative affixes system are „only seemingly similar“ according to I. Urusbiyev (cf.[16:6]). However, he doesn't provide any concrete evidence for his claim.

¹ The stem is derived from *present tense stem* rather than from the imperative one. M. Usmanova argues that the use of such a tense form in spoken Bashkir is rather limited (cf. [17]). The source cited above also contains a valuable reference to N. Dmitriyev's *Grammar of the Bashkir Language* which contains the author's view on the matter (cf. [18:124])

² The verb *ti-* „to say“ can also be considered defective due to actual lack of the 2nd person imperative thereof.

1. The character of the stem consonant (i.e. the last consonant of the imperative stem). This criterion is applied on a similar basis with the stem consonant criterion for the verbs belonging to Type 1 (cf. points a – d of their classification).

2. The character of the *stem vowel* (which, with regards to the second type of the Bashkir verb stems, means the vowel in the final syllable of that same stem). Unlike in the case dwelt upon with regards to “vowel conjugation”, the three “diphthongoid” vowels (which, in this case, are not actually diphthongoids due to their position in the word¹) can become stem vowels in the “consonant conjugation” (cf. the stems *bir-* “to give”, *qun-* “to spend a night, to stay overnight”, *bül-* “to divide, to separate”).

Generally speaking, the main features of all the verbs having type 2 stems can be described in the following way (the examples are formed from the stems *bar-* “to go”, *kil-* “to come”):

Description	Feature	Examples
<i>Nomen actionis</i> affix	-{ <i>ɪ, e, o, ö</i> }w	<i>barɪw, kilew</i>
Present stem (3 rd person singular) affix	-a, -ä	<i>bara, kilä</i>
Past participle affixes	- <i>ǧan, -gän, -qan, -kän</i>	<i>barǧan, kilgän</i>
First consonant of the past stem affix	-{ <i>d, t, ź</i> }-	<i>barźɪ, kilde</i>
Non-categorical future stem affix	-{ <i>ɪ, e, o, ö</i> }r	<i>barır, kiler</i>
Categorical future stem affixes	- <i>saq, -säk</i>	<i>barasaq, kiläsäk</i>

The fact that a narrow vowel (*ɪ, e, o* or *ö*) is used in the *nomen actionis* (as well as its derivative, *nomen agentis*, classified in the Academic Grammar as *present participle*; such a classification is disputed by Prof. Minsylu Usmanova, as well as by the author of this paper) and the non-categorical future stem can be explained by the phonotactical rules of the Bashkir language. As far as the Bashkir syllable structures are concerned, the author of this paper deems it appropriate to state that the {CVCC} syllable structure is not at all deprecated within the stem; nevertheless, it ought to be replaced with a different vowel whenever the last {C} thereof does not belong to the stem. Thus, the vowel in question is in its essence prosthetic (and that is, in the author’s view, the main reasons for it being narrow).

Owing to the fact that the *stem consonant* is the primary factor behind the choice of one of the two variants of the past participle stem affix (i.e. voiced *ǧ/g* vs. unvoiced *k/q* in *-ǧan/-qan, -gän/-kän*; the choice between the two variants within the pairs is also influenced by the character, front or back, of the stem vowel), as well as

¹ For this reason it would actually be more accurate to call these vowels „medium“, due to the fact that according to the vowel classification they’re neither broad, nor narrow. However, the term “diphthongoid” was used instead in order to avoid ambiguity, as *medium* can stand for both “neither narrow nor broad” and “neither front nor back”, of which only the second definition is applicable in the given context.

one of the twelve variants of the past tense affix, it would be appropriate to dwell upon the classification of stem consonants. Given the peculiarities of affix variation in the modern Bashkir language (they will be described further on in this section of the paper) the author suggests that the stem consonants be classified as follows:

Stem consonant classification	Past tense affixes' initial consonant	Past participle affixes' initial consonants
Nasal: [l ¹ , m, n, ñ]	[d], e.g. <i>aldı</i> "he took"	Voiced ² : <i>alğan</i> "taken", <i>kilgän</i> "come"
Oral: [r, w, y ³ , ź ⁴]	[ź], e.g. <i>birżem</i> "I gave"	Voiced: <i>barğan</i> "gone", <i>eräwgän</i> "run away"
Alternating voiceless: [p, k, q]	[t]: <i>aqtı</i> "it leaked"	Voiceless: <i>aqqan</i> "leaked", <i>hipkän</i> "sprayed"
Non-alternating voiceless: [s, ś, ş, t]		

The four subtypes of the consonant conjugation comprise the following paradigms:

Paradigm	Stem consonant	Stem vowel	Example
2a-I	[r, w, ź]	Back ⁵	<i>bar-</i> "to go"
2a-I*	[y]		<i>yıy-</i> "to collect"
2a-II	[r, w, ź]	[o]	<i>bor-</i> "to turn"
2a-II*	[y]		<i>qoy-</i> "to pour"
2a-III	Oral	Front ⁶	<i>bir-</i> "to give"
2a-IV		[ö]	<i>höy-</i> "to love"
2b-I	Nasal	Back	<i>qal-</i> "to leave"
2b-II		[o]	<i>buyhon-</i> "to be subject to..."
2b-III		Front	<i>kil-</i> "to come"
2b-IV		[ö]	<i>höyön-</i> "to be joyful"
2c-I		Non-alternating voiceless	Back
2c-II	[o]		<i>oyoş-</i> "to organize"

¹ Strictly speaking, the phoneme [l] cannot be classified as a nasal consonant (in terms of phonology). The main reason for its being included into the group is that it actually follows the same pattern as [m, n, ŋ], and no other consonant which would follow that pattern, should it be included into the scheme (e.g. [j] or [z]), can actually be a stem consonant of any verb.

² In this column, the term *voiced* stands for [k] in case of front vowel stems and [q] in case of back vowel stems, whereas the term *voiceless* stands for [g] in case of front vowel stems and [ğ] (IPA: [ɣ]) in case of back vowel stems respectively.

³ IPA: [j]

⁴ IPA: [ø]

⁵ In this table the term *back* stands for *back unrounded* vowels only, the back rounded vowel [o] is shown separately.

⁶ In this table the term *front* stands for *front unrounded* vowels only, the front rounded vowel [ö] is shown separately.

Paradigm	Stem consonant	Stem vowel	Example
2c-III		Front	<i>beş-</i> "to become ripe"
2c-IV		[ö]	<i>töş-</i> "to fall"
2d-IA	[p]	Back	<i>yap-</i> "to close"
2d-IIA		Front	<i>hip-</i> "to spray"
2d-IIB	[k]	Front	<i>eläk-</i> "to get into"
2d-IVB		[ö]	<i>bök-</i> "to fold"
2d-IB	[q]	Back	<i>ayıq-</i> "to sober"
2d-IIIB		[o]	<i>boyoq-</i> "to feel cast down"

Thus, taking into account the two models peculiar of orthography-induced stem changes, the number of consonant conjugation models of the Bashkir verbs amounts to twenty, and the total number of the verb conjugation models being 26. This classification is complete and takes into account all the norms of the Bashkir morphology pertaining to verbs. Undeniably, this research can be broadened to comprise the nominal stems as well, however it is not possible to generalize and apply the same classification to the nominal parts of speech without taking their peculiarities into account.

Some notes on nominal stem peculiarities

Apart from thematic vowels and thematic consonants, some other factors are to be taken into account when describing the nominal stem declension:

1. The type of *nomen* (e.g. the nomina with a double adjectival and adverbial meaning feature the comparative forms, whereas most others do not)
2. The origin of the stem (e.g. most Russian loanwords do not take the affixes with front vowels, even though Bashkir nomina ending in a graphically identical set of thematic vowel and consonant do).

The initial results of the author's study show that the Bashkir nomina can be declined according to more than 50 subtypes (or models). A detailed description thereof would however require additional research and analysis.

Literature

1. Грамматика современного башкирского литературного языка. – Москва : Наука, 1981. – 495 с.
2. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Башкирский язык для начинающих : учебное пособие / Ф. Г. Хисамитдинова, З. Я. Шарипова, В. И. Хажин. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1991. – 144 с.
3. **Усманова, М. Г.** Грамматика башкирского языка для изучающих язык как государственный / М. Г. Усманова – Текст : электронный. – Уфа : Китап, 2006. – 128 с. – URL: go.gl/vWPY0x (дата обращения: 29.03.2017).
4. **Biber, D.** Longman Grammar of Spoken and Written English / Douglas Biber, Stig Johansson, Geoffrey Leech, [et.al.]. – London : Longman, 1999. – 1204 pp.

5. **Jones, D.** The Phonetics of Russian / Daniel Jones, Dennis Ward. – London : Cambridge University Press, 1969. – 308 pp.
6. Толковый словарь современного башкирского литературного языка / отв. ред. З. Г. Ураксин. – Уфа : Китап, 2004. – 528 с.
7. **Әхтәмов, М. Х.** Хәзерге башкорт теле. Лексикология : укыу кулланмаһы / М. Х. Әхтәмов. – Өфө, 1986. – 136 б.
8. **Биишев, А. Г.** Арабские и персидские слова в башкирском языке / А. Г. Биишев. – Уфа : Китап, 2009. – 140 с.
9. Башкирско-русский словарь / отв. ред. З. Г. Ураксин. – Москва : Дигора, 1996. – 881 с.
10. **Киекбаев, Дж. Г.** Введение в урало-алтайское языкознание / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1972. – 171 с.
11. **Киекбаев, Дж. Г.** Избранные статьи / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа : РИО БашГУ, 2002. – 204 с.
12. Qırımtatarca-Rusça-Ukraince luğat. 1, 2, 3 qısmıları. Tertip etici S. M. Üseinov. – Aqmescit : Osaq, 2006.
13. Казахско-русский, русско-казахский словарь : деу. – Текст : электронный // Sozdik.kz : [сайт]. – URL: <http://szd.kz/P123Xb> (дата обращения: 13.03.2017).
14. Demək // O. İ. Türksevər // Azərbaycanca-İngiliscə Lüğət. – Bakı : Addi, 1998. – s. 646.
15. **Роппе, N. N.** Bashkir manual : descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary / N. N. Poppe. – Bloomington: Indiana University, 1964.
16. **Урусбиев, И. Х.** Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке / И. Х. Урусбиев. – Черкесск : Ставропольское книжное издательство, 1963. – 231 с.
17. **Усманова, М. Ф.** Киләсәктә була торған төшөнсә телдә кайһылай бирелә? // Башкортостан. – 2012. – 25 мая. – URL: <http://bashgazet.ru/kultura/2988-kilskt-bula-toran-tshns-teld-ayylay-birel.html> (дата обращения: 03.06.2017).
18. **Дмитриев, Н. К.** Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – Москва : Наука, 2007.
19. **Krippes, K.** Kazakh Grammar with Affix List / Karl Krippes. – Dunwoody Press, 1987. – 84 pp.
20. Бойоғоу // Башкирско-английский словарь / М. А. Хасанов, А. М. Хасанов. – Уфа : Китап, 2006. – 330 с.

*Абдурахманов Ф.И.,
Узбекский государственный университет мировых языков,
Республика Узбекистан*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАДЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается категория актантов, занимающих позицию существительных или их эквивалентов, которые непосредственно подчинены глаголу. Основываясь на толковании семантического класса глаголов, в процессе перевода с русского языка на узбекский используются семантические представления, являющиеся результатом сегментации гештальта толкования, так что предложно-падежным формам и глаголам приводятся в соответствие семантические инварианты – фрейм.

Abstract. The article discusses the category of actants holding the position of nouns or their equivalents that are directly subordinate to the verb. Based on the interpretation of the semantic class of verbs, in the process of translation from Russian into Uzbek, semantic representations are used, which are the result of segmentation of gestalt interpretation, so that prepositional forms and verbs are brought into correspondence with semantic invariants – frame.

Ключевые слова: дистрибутивно-трансформационная схема, фрейм, значение падежа, актант, семантический класс, ядерная конструкция, трансформ, глагол, дистрибуция элемента.

Keywords: distributional-transformational scheme, frame, case meaning, actant, semantic class, nuclear construction, transform, verb, element distribution.

Наибольшую трудность при переводе глаголов русского языка на узбекский язык представляют «конкретные» глаголы, т.е. такие глаголы, которые управляют конкретными объектами. Семантическое толкование таких глаголов как в русском, так и в узбекском языках состоит из последовательности семантических представлений для класса действий и класса предметов, фиксированных управлением глаголов.

В современной лингвистике семантические представления, которые можно вычленил из толкования актантной структуры глагола, называются фреймами [Филмор, 1988: с. 54–55]. Можно предположить, что в составе семантического толкования дистрибутивно-трансформационной схемы и реляция между фреймами минимального толкования определяет падежное значение каждого из актантов. Чтобы определить значение падежа, достаточно и необходимо отнести слово данной падежной формы к дистрибутивно-трансформационному признаку и назвать фрейм, соответствующий сегменту толкования данного существительного.

Так, дистрибутивная конструкция $C^1_{од. и} + \Gamma + C^2_{в} + C^3_{од.д}$ (Почтальон вручил телеграмму отцу) имеет толкование глагола:

«Одушевлённый субъект передаёт адресату какой-либо одушевлённый или неодушевленный объект».

Здесь фрейм дательного падежа $C^3_{од.д}$ - адресат. Фрейм $C^1_{од. и}$ $C^2_{в}$ определяются через все толкование: фрейм $C^2_{в}$ – предмет, передаваемый одушевлённым субъектом адресату.

Сами по себе падежные конструкции $C^1_{од.и}$ – одушевлённый субъект, передающий предмет адресату; фрейм $C^2_{в}$ – предмет, передаваемый одушевлённым субъектом адресату. Сами по себе падежные конструкции $C^1_{од.и}$ и $C^2_{в}$ без включения в дистрибутивную конструкцию с данным минимальным толкованием недостаточны для экспликации падежного значения.

При сопоставлении падежных значений русского и узбекского языков приходится учитывать:

- 1) включаемость фрейма падежа и семантическое толкование дистрибутивно-трансформационной схемы;
- 2) недостаточность изолированного толкования падежей для выявления фрейма;
- 3) маркированность фрейма, для экспликации которого необходима отнесённость к толкованию дистрибутивно-трансформационной схемы.

Поскольку при переводе глаголы, управляющие конкретными объектами, могут не обнаруживать изоморфизма по составу фреймов, возможен алломорфизм актантных конструкций в русском и узбекском языках.

Рассмотрим примеры толкования падежных значений в русском языке и соответствующих падежных значений в узбекском языке.

Объектом сопоставления являются дистрибутивно-трансформационные схемы и их минимальные толкования в русском языке.

Приведенной выше дистрибутивной схеме русского языка в узбекском языке соответствует схема $C^1_{\text{е}} + C^3_{\text{га}} + C^2_{\text{ни}} + \Gamma$ (пример: Почтачи отага телеграммани топширди). В данном случае имеет место совпадение валентности глаголов «топширмак» и «вручить», так что форма $C^3_{\text{га}}$ имеет фреймом «адресат», а фреймы $C^1_{\text{е}}$ и $C^2_{\text{ни}}$, как и в русском языке, определяются через толкование глагола: $C^1_{\text{е}}$ обозначает лицо, субъект действия, а $C^2_{\text{ни}}$ – передаваемый адресату объект. Можно утверждать, что падежные формы C^1 и C^2 в узбекском так же немаркированы по фреймам, как и соответствующие C^1 и C^2 в русском языке.

На данном этапе сопоставления можно предположить, что фрейм, соответствующий суффиксу -га, определяется через комбинацию фреймов глагола C^1 и C^2 . Для определения маркированности/немаркированности необходимо проверить фрейм и трансформации.

Трансформация русского языка $C^1_{од.и} + \Gamma + C^2_{од.д} + C^3_{в} \Leftrightarrow C^1_{од.и} + \Gamma + C^2_{од.в} + C^3_{\text{тв}}$ (пример: Хозяин пожаловал слуге шубу \Leftrightarrow Хозяин пожаловал слугу шубой) имеет минимальное толкование: «Одушевлённое лицо передаёт кому-либо одушевлённый или неодушевлённый объект» \Leftrightarrow «наделяет кого-либо одушевлённым и неодушевлённым объектом»

Фрейм $C^3_{\text{тв}}$ в правом трансформе обозначает «предмет, передаваемый в собственность»; фрейм $C^2_{од.в}$ – «новый собственник»; фрейм $C^2_{од.и}$ – «старый собственник».

В узбекском языке имеет место квазитрансформация:

$$C^1_{\text{е}} + C^2_{\text{га}} + C^3_{\text{е}} + (C + \Gamma) \Leftrightarrow C^1_{\text{е}} + C^2_{\text{ни}} + C^3_{\text{е}} \text{ билан} + \Gamma$$

(пример: Эга хизматкорга пўстин инъом қилади \Leftrightarrow Эга хизматкорни пўстин билан муқофотлади).

Квазитрансформации подвергается глагольно-именная конструкция и глагол (инъом қилмоқ <=> муқофотламоқ). В правом квазитрансформе значение принадлежности предмета новому хозяину выражается с помощью послелога *билан*, являющегося необходимым связующим элементом между объектом и предикатом, а глагольный фрейм обозначает: «кто-либо наделяет кого-либо некоторым предметом»; $S^2_{ни}$ не имеет специального фрейма-маркера и его значение устанавливается через всё толкование трансформы; бывший собственник в обоих случаях обозначается $S^1_е$.

Наш пример показывает, что в левом трансформе фрейм действия «передача в собственность» выражается конструкцией с вспомогательным глаголом (имя + глагол), а в правом трансформе – комбинацией значения глагола со значением существительного, сопровождаемого послелогом. Оба квазитрансформы узбекского языка алломорфны составляющим трансформам русского языка, и правильное распознавание каждой составляющей узбекской конструкции достигается через целостное толкование всей предикативной фразы.

Приведённые примеры доказывают, что:

- 1) в целом значения падежей узбекского языка алломорфны значениям падежей русского языка;
- 2) во всех случаях падежей фреймы русского языка эксплицируются в узбекском языке лишь через комбинацию фреймов минимального толкования.

Литература

1. **Филлмор, Ч.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 52–91.

УДК 811.512

*Абуталипова Р.Ә.,
Башкорт дәүләт университетының Стәрлетамак филиалы,
Рәсәй Федерацияһы*

М.В. ЗЭЙНУЛЛИН — БАШКОРТ ТЕЛЕНЕҢ ФУНКЦИОНАЛЬ ГРАММАТИКАҢЫ ТЕОРИЯҢЫНА НИГЕЗ ҖАЛЫУСЫ

Аннотация. Был мәкәлә филология фәндәре докторы, профессор, БР ФА академигы М.В. Зәйнуллиндың башкорт теленең функциональ грамматикаһы үсешенә индергән өлөшөн билдәләүгә арнала. Телсе-ғалим башкорт телендәге модаллек мәғәнәләрен белдерүсе вербаль сараларзы тәүгеләрзән булып модаллек функциональ-семантик категорияһы сиктәрәндә өйрәнә һәм башкорт теленең функциональ грамматикаһы үсешенә нигез хала. Һуңыраҡ нәшер ителгән хезмәттәрәндә лә М.В. Зәйнуллин функциональ грамматика проблемаларына зур игтибар бирә. XXI быуат башында функциональ грамматика буйынса ғилми мәктәп булдыра. Уның етәкселегендә башкорт телендәге компаративлық, аспектуаллек һәм йүнәлешлек функциональ-семантик категорияларына арналған кандидатлық һәм докторлық диссертациялары яклана, монографик хезмәттәр нәшер ителә.

Abstract. This article is devoted to determining the contribution of Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan M.V. Zainullina in the development of the theory of functional grammar of the Bashkir language. He was the first in Bashkir linguistics to study the means of expressing modal meanings within the functional-semantic category of modality and laid the foundations of the functional grammar of the Bashkir language. And in works published later, M.V. Zainullin pays great attention to the problems of functional grammar. At the beginning of the 21st century, he created a scientific school on the functional grammar of the Bashkir language. Under his leadership, Ph.D. and doctoral dissertations were written and defended, monographs were published on the functional and semantic categories of comparability, aspectuality, and pledging in the Bashkir language.

Ключевые слова: М.В. Зәйнуллин; функциональ грамматика; ғилми мәктәпкә нигез һалыусы.

Keywords: M.V. Zainullin; functional grammar; founder of the scientific school.

Хәзерге лингвистика фәне тел күренештәрен анализлаузағы төрлө парадигмаларзың катмарлы бәйләнешен тәшкил итә: системалы-структур, системалы-функциональ, коммуникатив-функциональ, номинатив-прагматик, когнитив (лингво-когнитив һәм когнитив-дискурсив) һ.б. Улар бер-береһен тулыландырып һәм байытып, телмәр берәмектәрен комплекслы анализлауға булышлык итә.

XX быуат уртаһынан алып төрлө кимәлдәге тел күренештәрен телмәрзәге функциялары һәм репрезентациялау саралары берлегендә комплекслы өйрәнеп, тел системаһының һәр компонентын уның функциональ релевантлылығы (әһәмиәте) күзлегенән тикшереү тел ғилеменәң иң перспектив йүнәлештәренәң береһе һанала. Системалы-структур (системалы-категориаль) һәм функциональ аспекттарзың берлеге принцибына королған грамматика *функциональ грамматика* тип атала. Уның төп анализлау предметы булып функциональ нигезле тел берлектәре – *‘функциональ-семантик категориялар’* һәм уларға нигезләнән *‘функциональ-семантик уратмалар (поля)’* тора. Функциональ грамматикаға нигез һалыусы тел белгестәре был термин менән: а) тел системаһындағы телмәр йөкмәткеһен тапшырыуза катнашыусы *төрлө кимәлдәге тел берәмектәре* менән үз-ара бәйләнешле *грамматик берәмектәрең телмәрзә кулланылыу законлыктарын һәм кағизәләрен* асыуға нигезләнән; б) тел берәмектәрен *«сараларзан – функцияға»* ғына түгел, ә *«функциянан – сараларға»* йүнәлешендә лә тикшереүзе үз эсенә алған грамматиканы атайзар [Бондарко, 2003: 6]. Бөгөнгө көндә донъя телдәрендә тиһтәләрсә функциональ-семантик категория айырылған һәм өйрәнелән (аспектуаллек, каузаллек, локативлык, темпораллек, эвиденциаллек, таксис, посессивлык, модаллек, компаративлык, йүнәлешлек һ.б.).

Тел берәмектәрен функциональ грамматика принциптарына ярашлы тикшереү эһтәрен башкорт теле ерлегендә тәүгеләрзән булып Марат Вәли улы Зәйнуллин башлай һәм 1986 йылда уның «Модальность как функционально-семантическая категория (на материале башкирского языка)» тип аталған монографик хезмәте донъя күрә [Зәйнуллин, 1986]. Структур лингвистика традицияларынан айырмалы рәүештә, был хезмәттә кылым формаларының модаллек мәғәнәләрен белдереүсе вербаль саралар комплексы морфологик категория күрһәткестәре буларак кына түгел, ә модаллек функциональ-

семантик категорияһын репрезентациялаусы саралар буларак өйрәнелә, башкорт тел ғилемдә тел күренештәрен уларзың семантикаһына һәм телмәрзәге вазифаһына ярашлы анализлауға королған функциональ караштың үсешенә нигез һалына.

Төрки телдәрзәге функциональ-семантик категорияларға арналған мэкәләһендә телсе-ғалим модаллек категорияһына нигезләнгән функциональ-семантик уратманың (поле) төзөлөшөн түбәндәгесә билдәләй: 1) уның үзәген (доминант компонентын) кылымдың һөйкәләш морфологик категорияһы биләй; 2) модаллектен дөйөм семантик структураһы ике макрополәнән тора – ысынбарлык (реаллек) һәм ысынбарлык булмағанлык (ирреаллек). Уратманың периферияһында модаль һүззәр һәм киҫәксәләр, императив ымлыктар, аналитик конструкциялар, айырым төзөлөшлө һөйләм типтары һ.б. урын ала [Зәйнуллин, 1991: 27].

Башкорт телендәге аспектуаллек функциональ-семантик уратмаһының төзөлөшөн билдәләгәндә, тап ошо фекергә таянып, без уның сфераһындағы үзәк һәм перифериялағы компоненттарзы асыкланык: «Үз-ара тығыз бәйле, бер-береһенә сфераһына инеп, катнаш (диффуз) аспектуаль мәғәнәләр барлыкка килтерәүсә тапкырлык һәм интенсивлык категориялары доминант, ә телдә башка кимәлдәге саралары менән вербалләшеүсә лимитативлык, озайлылык, фазалык категориялары уратманың сиген (периферияһын) биләй» [Абуталипова, 2008: 228].

М.В. Зәйнуллин модаллек категорияһын ике төргә – объектив модаллеккә һәм субъектив модаллеккә бүлә. Категорияға бирелгән билдәләмәлә төп иғтибар тел берәмектәренә телмәрзәге функцияһына йүнәлтелә: «Объектив модаллек ысынбарлыкка карата булған мөнәсәбәттә реаль һәм ирреаль пландарза белдерһә, субъектив модаллек һөйләүсенә һөйләмдә бирелгән уй-фекергә карата булған мөнәсәбәтен, карашын белдерә. Мөмкинлек һәм мөмкин түгеллек модаллеге субъектив модаллек даирәһенә карай, сөнки эш-хәлдәрзә башкарыу һөйләүсенә теге йәки был мөмкинлегә менән бәйләнгән. Әммә эш-хәлдәрзә башкарыу объектив шарттар менән дә бәйле булырға мөмкин» [Зәйнуллин, 2001: 260]. Күрәүебезсә, был билдәләмәлә телмәр теорияһына ярашлы телмәр актында катнашыусылар һәм телмәр ситуацияһы тураһында ла һүз алып барыла.

2001, 2013 йылдарза М.В. Зәйнуллиндың ғилми мэкәләләр йыйынтыктары донъя күрә. Был йыйынтыктарға ла функциональ грамматика теорияһына арналған бер нисә хезмәт ингән. Уларза, дөйөм тел ғилемдәгә һәм русистикалағы функциональ грамматика теорияһындағы һуңғы казаныштарға нигезләһенеп, башкорт тел ғилеме үсешендәгә төп йүнәләштәр билдәләһәнә [Зәйнуллин, 2001; 2012]. Мәсәләһән, «Принципы составления функциональной морфологии» (2001) тип аталған мэкәләһендә ғалим телдә коммуникатив-прагматик һәм функциональ күзлектән өйрәнәү кәрәклеген күрһәтә: «Телдә коммуникатив-прагматик яктан өйрәнәүгә бәйле һәм тел шәхесенә (тел белгән, телгә йә булған – Р.Ә.) йүнәлтелгән функциональ караш системалы-структур тикшеренәүзәрзәң потенциалын һизелерлек көсәйтә, системаның функциональ мәғәнәлә элементтарын айырып алып, телдә бөтә

тулылыгында адекват тасуирлауға булышлык итә. Телмәр берәмектәренен тел системаһындағы һәм телмәр актындағы функцияларын, шулай ук уларзың ысынбарлыкка һәм фекерләү процессына мөнәсәбәтен анализлау тел ғилеменен иң мөһим теоретик проблемаларын хәл итеү мөмкинлеген бирә» [Зәйнуллин, 2001: 188].

XXI быуат башында М.В. Зәйнуллин башкорт теленен функциональ грамматикаһы буйынса ғилми мәктәп булдыра һәм үзенен укыусылары менән был йүнәлештәге эштәрен дауам итә. 2006—13 йылдарға уның етәкселегендә башкорт телендәге компаративлык (В.Ш. Хәкимова, 2006), аспектуаллек (Р.Ә. Абуталипова, 2009) һәм йүнәлешлек (З.И. Сәләхова, 2013) функциональ-семантик категорияларына арналған диссертациялар языла, монографик хезмәттәр нәшер ителә.

Шулай итеп, филология фәндәре докторы, профессор, академик Зәйнуллин Марат Вәли улын башкорт теле берәмектәрен функциональ-семантик күзлектән тикшереп үзең теорияһы һәм практикаһына нигез һалыусы тип билдәләргә була.

Әзәбиәт

1. **Абуталипова, Р. А.** Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке : монография / Р. А. Абуталипова. – Уфа : Гилем, 2008. – 294 с.

2. **Зайнуллин, М. В.** Модальность как функционально-семантическая категория (на материале башкирского языка) / М. В. Зайнуллин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 122 с.

3. **Зайнуллин, М. В.** О функционально-семантических категориях в тюркских языках / М. В. Зайнуллин // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара, Уфа, 1991 г. / Башкирский государственный университет. – Уфа : Изд-во БГУ, 1991. – С. 25–29.

4. **Зайнуллин, М. В.** Принципы составления функциональной морфологии // Избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Изд-во БГУ, 2001. – С. 188–190.

5. **Зайнуллин, М. В.** Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание : избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Академия наук Республики Башкортостан : Гилем, 2012. – 456 с.

6. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – 3-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.

7. **Зайнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт теле : морфология / М. В. Зайнуллин. – Өфө : Китап, 2002. – 388 б.

*Авезов С.С.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «ДАСТАН» В ЭПОСЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ «АЛПАМЫШ»

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию жанровых маркеров дастана в тюркском эпосе «Алпамыш». В статье рассматривается понимание термина «дастан» в современном литературоведении. Сделана попытка осветить эпическую поэму «Алпамыш» через призму истории тюркских народов.

Abstract. The article is devoted to the identification and description of genre markers of dastan in the Turkic epic "Alpamysh". The article examines the understanding of the term "dastan" in modern literary criticism. An attempt is made to illuminate the epic poem "Alpamysh" through the prism of the history of the Turkic peoples.

Ключевые слова: дастан, жанр, тюркский эпос, литературная традиция, письменный памятник.

Keywords: dastan, genre, turkic epic, literary tradition, written monument.

Дастаны как в Башкортостане, так и в Узбекистане являются излюбленным и широко распространенным жанром устного поэтического творчества. Каждый год во время фольклорных экспедиций, организованных научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями, записываются традиционные и современные дастаны, созданные гением наших народов. В то же время ученые-фольклористы ведут кропотливую научно-исследовательскую работу по различным вопросам дастанного творчества. Например, башкирский литературовед А.Р. Каримова в статье «Художественные особенности развития жанра дастан в башкирской литературе», рассматривая известные дастаны «Чингизнаме» и «Бузьегет», выявляет в них традиции дастанства. [Каримова, 2010: 3].

В центре внимания диссертации узбекского исследователя Т.У. Зупарова «Специфика узбекских народных дастанов и их художественно-изобразительные средства» является поэтика узбекских народных дастанов и определение маркеров, характерных исключительно для произведений данного жанра [Зупаров, 1985: 7].

Однако ряд актуальных вопросов фольклористики все еще остается вне поля зрения исследователей. Одним из приоритетных среди них является характеристика специфических дастанных маркеров в народных эпических произведениях.

Искусство эпических сказаний – дастана – занимает ведущее место в традиционной культуре народов Центральной Азии. Его возникновение и развитие обусловлено художественно-эстетическими потребностями того или иного тюркского народа. В дастанах наиболее ярко и всесторонне отразились история тюркского народа и его быт, печали и радости, заботы и тревоги,

сокровенные мечты и чаяния, борьба за освобождение своего народа и родины. Отсюда основная тематика дастанов – патриотическая и гуманистическая.

Известный узбекский ученый-фольклорист М.С. Саидов считает, что «...ныне существующее в узбекском устно-поэтическом творчестве эпическое произведение – дастан, прежде всего, является сложным произведением искусства, потому что в нем нашли свое отражение многие стороны народного искусства» [Саидов, 1981: 13].

В.М. Жирмунский и Х.Т. Зарифов предлагают следующую формулировку: «Эпическая поэма обозначается по-узбекски словом дастан. Это слово, заимствованное из персидского языка, применяется в узбекском к эпическим произведениям как письменной, классической, так и устной, народной литературы» [Жирмунский, Зарифов, 1947: 4].

Теория о том, что все основные дастаны являются лишь перестройкой фрагментов «материнского дастана», была выдвинута А. Инаном. Фаткелькадир Мустафиевич Сулейманов (псевдоним Абдулкадир Инан; 1889–1976 гг.), тюркский энциклопедист, ученый, писатель, дал научный анализ и интерпретацию письменных памятников «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни, «Девони луготи турк» М. Кашкари. Его научные исследования были посвящены истории, этнологии и языкознанию тюркских народов.

Согласно этой теории, «Огуз Каган» является первым дастаном, и на протяжении веков его фрагменты были переданы во времени и пространстве, спасены от безвестности и приукрашены новым опытом различных племен. Кроме этого, дастан «Огуз Каган» оказал влияние и на некоторые нетюркские дастаны [Камилова, 2014: 52].

Эпос «Алпамыш» представляет собой художественно обработанную, совершенную устно-поэтическую историю и репрезентатором тюркской устной литературы Центральной Азии. Это главное хранилище этнической идентичности, истории, обычаев и систем ценностей его владельцев и исполнителей. Рассматриваемый дастан, широко известный среди народов Центральной Азии и за ее пределами, включает в себя множество тем о любви и дружбе, мужестве и преданности, а также демонстрирует борьбу тюркских народов за свою свободу. Для жителей Центральной Азии устное творчество, особенно дастаны, являются неотъемлемой частью идентичности, исторической памяти и самой исторической записи. Устные дастаны в Средней Азии возникли еще в начале новой эры и, передаваясь из поколения в поколение, дошли до нас.

Киргизские манасчи, узбекские и туркменские бахши, казахские и каракалпакские жырау – это основные представители и распространители сложного поэтического текста.

Сам термин «дастан» появился в Центральной Азии намного позже традиции «воспевания наследственных подвигов». Впервые это слово встречается в стелах Кюль-Тегин (732 г. н.э.; каменная стела с надписями, часть поминального комплекса, расположенного на берегу реки Орхон, в 400 км западнее Улан-Батора). Бильге-хан Богю – каган Восточно-тюркского каганата утверждает: «*Bu sabimin adguti asid, qatigdi tinla*» («Слушай мои слова хорошо и

слушай внимательно!»). Примерно 300 лет спустя Махмуд Кашгари в своей книге «Дивони луготи турк» (1076–1077 гг.) использует слово «sau» (sab, sav) для обозначения пословиц, посланий и предостережений, переданных мудрецами. После Махмуда Кашгари Ахмед Яссеви (1093–1166) писал: «Пусть ученые услышат мою мудрость. / Рассматривая мое слово как дастан, достигнете их желаний». Конечно, идея маркировки (пометки) важных событий разнообразными повествованиями или песнями не нова [Бертельс, 1960: 45, 89].

Если обратиться к истокам возникновения тех или иных дастанов, то станет ясно, что на самом деле каждое значимое событие в жизни жителей Центральной Азии имело свой тип «торжественной» песни.

Суюнджу (суюнчи) – празднование рождения алпа (богатыря) после многих испытаний и невзгод. Яр-Яр (ёр-ёр) обычно пели на свадьбах. Тем не менее, это не просто празднование союза жениха и невесты, но и начало других церемониалов свадебного мероприятия.

Джир, один из видов песнопения и восхваления батыров, алпов (богатырей), является эквивалентом дастана и включает в себя часть его компонентов. Огуз Хан, Манас, Гороглу, Кирк Киз – вот несколько примеров таких дастанов. В других случаях термин «батир» или «алп» добавляется к имени человека, которого чествуют таким образом: Камбар Батир, Кара Батир, Алп Эр Тунга, АлПамыш [Липец, 1984: 84].

Несмотря на широко распространенное использование джир и кокчо (до сих пор почитаемое в разных частях Центральной Азии), термин «дастан» используется обычно в соответствии с использованием так называемой вторичной литературы, т.е. более поздней литературной традиции, более широкого эпического литературного пласта. Первоначально джир и его составные компоненты были составлены, чтобы отпраздновать подвиги и характеристики алпа. При этом было неизбежно, что качества алпа сравнивались с природными явлениями. Например, алп может бежать так же быстро, как молния; его волосы светятся так же ярко, как солнце; его тело в расцвете сил столь же крепкое, как самое сильное дерево; его удар сильнее, чем удар молнии. А «образы природы» нередко опираются на традиции шаманизма, тотемизма, анимизма и иной доминирующей системы верований центральноазиатских тюрков до прихода ислама в VIII веке н.э. Более того, использование термина бахси (также озан, бахши), обозначающего чтеца джира, также имеет шаманский смысл. Такие верования заметны в символике композиции «торжественных песен». Кроме того, наряду с этими традициями обычно развиваются или совершенствуются и религиозные верования. Это и понятно, т.к. человек того времени был немислим вне глубокой религиозности.

Как правило, подобные сюжеты сопровождают любовь и другие общечеловеческие темы. Нередко невесту главного героя похищает враг, жених спасает ее после долгих поисков, борьбы и жертв. Враги и предатели пытаются нанести ущерб главным героям, но это не останавливает последних, в т.ч. от борьбы и победы. Предатели, часто из того же племени, что и алпы, сотрудничают с врагом или злоупотребляют доверием своего народа и своих лидеров. Однако ничто из этого не мешает неизбежному успеху алпа в финале.

Предатели получают должное, будучи время от времени наказанными за свои грехи, но нередко их прощают, и им разрешается бродить по земле в поисках примирения своей совести с Богом. Ссылка на аналогичный прошлый опыт является стандартной и подтверждает очень важную связь нового повествования с более ранними дастанами. Мотивы или целые эпизоды из более ранних дастанов могут повторяться, иногда с вариациями, в новых сказаниях. Повествование о дастане, в стихах или прозе может также содержать аллюзии на сверхъестественные силы.

Дастаны ревностно охранялись от любых серьезных текстовых изменений. Похоже, преобладает отношение: «Оно было передано нам как таковое, и мы будем его придерживаться». Для данной версии даже незначительные детали не могут быть отброшены или изменены со стороны бахши. Поэтому традиционно новые дастаны создаются только при двух обстоятельствах:

- 1) когда крупный новый алп успешно проявляется и завершает умения, соответствующие его призванию, т.е. пришло время праздновать его подвиги;
- 2) когда владельцам данного дастана грозит насильственное постороннее влияние.

Традиционно каждый успешный крупный подвиг должен отмечаться пиршеством (той, туй). При таком сборе обычно поедаются «горы мяса» и истощаются «озера кумыса». Центральным событием праздника бывает чтение дастана, который в подлинном смысле освещает данное событие. Если событие, предшествовавшее празднику, имело достаточно монументальные размеры в сознании его участников и наблюдателей, то бахши, возможно, сочтет нужным создать новый дастан, который возвысит Алпа-лидера.

Части нового дастана, несомненно, будут заимствованы у старых дастанов. Однако было бы ошибкой считать это плагиатом. Новый Алп просто сравнивается со своими предшественниками, убеждая аудиторию в доблести нового героя, его образцовых и благородных качествах, тем самым формируя еще одну связь с коллективным прошлым. Цель состоит в том, чтобы доказать, что он так же храбр и находчив, как и прежние, более древние Алпы. Это заимствование не должно быть дословным. Бахши может вспомнить достойные события или мотивы из более древнего дастана либо непосредственно цитируя эти старые отрывки, либо адаптируя их к современным потребностям. Это может быть одной из главных причин существования не менее 50 тюркских дастанов (без учета их вариантов). Возможно, зрители также могут участвовать в создании нового дастана, точно так же, как они служат судьей для проверки подлинности и полноты старого дастана. Слушатели постоянно оценивают исполнение и проверяют его содержание, сравнивая его с другими вариантами дастана, которые они слышали ранее [Брагинский, 1973: 45].

Таким образом, традиции дастанов неукоснительно соблюдались исполнителями для сохранения самобытной литературы персидских и тюркских народов. Необходимость передачи последующим поколениям фольклорных дискурсов создало почву для появления мастеров (устоз»), следящих за соблюдением классических приемов сказания.

Литература

1. Брагинский, И. С. Из истории таджикской народной поэзии / И. С. Брагинский. – Москва : Российская академия наук, 1973. – 498 с.
2. Бертельс, Е. Э. История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. – Москва : Восточная литература, 1960. – 556 с.
3. Зупаров, Т. У. Специфика узбекских народных дастанов и их художественно-изобразительные средства / Т. У. Зупаров. – Ташкент : Фан, 1985. – 154 с.
4. Камилова, С. Э. Узбекская литература : учебник-хрестоматия для учащихся групп с русским языком обучения академических лицеев и профессиональных колледжей / С. Э. Камилова, О. Н. Гибралтарская, И. А. Циндидис, Е. В. Маслова. – Ташкент : Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2014. – 492 с.
5. Каримова, А. Р. Художественные особенности развития жанра дастан в башкирской литературе / А. Р. Каримова. // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 8. – С. 3.
6. Липец, Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – Москва : Наука, 1984. – 264 с.
7. Саидов, М. С. Узбекские народные дастаны и вопросы эпического мастерства. – Ташкент : Фан, 1981. – 189 с.
8. Жирмунский, В. М. Узбекский народный героический эпос / В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. – Москва : ОГИЗ, 1947. – 530 с.

УДК 811.512.141

*Акбулатова Р.Т.,
Министерство образования и науки Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

РАЗЛИЧИЯ БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ОБЛАСТИ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИНИТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые различия башкирских диалектизмов в области личных показателей финитных глаголов. Анализ сделан на основе вопросника О.А. Мудрака по исторической морфологии и фонологии для классификации тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии.

Abstract. The article discusses the differences between Bashkir dialectisms in the field of personal indicators of finite verbs. The analysis is based on O.A. Mudrak's questionnaire on historical morphology and phonology for classification of Turkic languages and dialects applying glottochronology methods.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, диалектизм, финитный глагол, личные показатели, историческая грамматика, историческая фонетика.

Keywords: Bashkir language, dialect, dialecticism, finite verb, personal indicators, historical grammar, historical phonetics.

Диалекты и говоры считаются неотъемлемой частью своеобразного и неповторимого духовного богатства каждого народа. Диалектология – это наука, которая тесно связана с историей, этнографией, археологией, фольклористикой, лингвогеографией, лингвокультурологией и даже, что доказывают исследования последних лет, с такими точными науками как математика, генетика и т.д.

В системе башкирского языка выделяются три диалекта: восточный, северо-западный и южный. Башкиры, говорящие на восточном диалекте, исторически связывают себя с такими родоплеменными группами, как ай (с родовыми подразделениями мырзалар, тырнаклы, дуван, кошсо, сарт, айли, тюбеляс, племя катый, тамьян, бурзян, кыпчак, кувакан, барын, табын) [Максютова, 1976: 5, 6]. Носителями южного диалекта являются южные и центральные башкиры, которые в историческом прошлом представляли следующие крупные башкирские племена со своими родами: бурзян, усергян, степные тунгауры/ тангауры, тамьян/ тамйан; многочисленные роды кыпчаков; западная ветвь племени табын, племя минг; племя кудей; племя юрматы [Миржанова, 1983: 14, 15]. Согласно архивным материалам, северо-западные родоплеменные группы башкир в прошлом были расселены в следующих современных районах Башкортостана: в Аскинском районе проживали башкиры, принадлежащие к племени ун/ унлар, кыр-унлар, роду казансы; в Караидельском районе – башкиры племени су-ун (народное название сумлярские), балыксы, рода байкы; в Балтачевском районе – башкиры племени танып, кыр-танып, или кара-танып, ирякте, роды казансы, балтасы, иликей; в Татышлинском районе – башкиры племени ирякте, кыр-танып, рода кайпан; в Бураевском районе – башкиры племени таз/ тазлар, ельдяк/ ельдят, гэрэ/ гэрэй, эске-елан; в Янаульском районе – башкиры племени уран, урман-гэрэй; в Краснокамском районе – башкиры племени гэрэ/ гэрэй, ельдяк/ ельдят; кыргыз; в Дюртюлинском районе – башкиры племени канлы, ельдяк, эске-елан; в Илишевском районе – башкиры племени эске-елан, ельдяк, кыргыз; в Туймазинском районе – башкиры племени канлы, кыр-елан, кыргыз. В бывших Бугульминском, Мензелинском, Елабужском, Сарапульском уездах (ныне Агрызский, Актанышский, Мензелинский, Муслюмский, Азнакаевский районы Татарстана) жили башкиры племен буляр, байляр, елан, еней, сарылы-мин, родов мышыга, салагуш, тугыз, чурай/ турай и др. [Миржанова, 2006: 13].

Восточный диалект состоит из следующих 6 говоров и их подговоров: 1) айский (дуван-мечетлинский, лагеровский, лапасский, петрушкинский подговоров); 2) кызыльский (бурзянский, карагай-кипчакский, кубалаякский подговоров); 3) аргаяшский (ялан-катайский подговор); 4) миасский; 5) сальютский (или сальзигутский); 6) учалинский (асулинский). Южный диалект составляют говоры: 1) дёмский; 2) ик-сакмарский (южный); 3) средний (инзерский, кармаскалинский, симский подговоров); 4) зиганский; 5) уршакский. В северо-западном диалекте выделяют 5 говоров: 1) гайнинский; 2) караидельский; 3) нижебельский (нижебельско-ыкский); 4) среднеуральский; 5) таныпский [Шакуров, 2012: 34 – 35].

Диалекты и говоры башкирского языка очень близки между собой. Различия между ними незначительны и не мешают взаимопониманию и общению носителей всех трех диалектов [Хисамитдинова, 2010: 226]. Тем не менее, им, как и диалектам других языков, характерны специфические особенности, отличающие их друг от друга и других тюркских языков. Особенно интересны различия башкирских диалектов в области личных показателей финитных глаголов, поэтому в своей статье хотим обратить на них более пристальное внимание.

Финитная форма глагола (лат. *verbum finitum*) в отличие от нефинитных форм характеризуется выражением грамматических категорий времени, залога, наклонения, числа и лица. Сам термин финитная форма, если отталкиваться от его перевода с латинского языка, обозначает определённую форму глагола, т. е. такую форму, где у глагола могут быть определены и присутствуют показатели времени, залога, наклонения, а также показатели числа и лица, участвующие в предикативном согласовании глагола с субъектом действия [Вейнгарт, 2019: 57].

Личные показатели 1-го лица единственного числа у финитных глаголов. В литературном башкирском языке личным показателем первого лица единственного числа настоящего времени выступают аффиксы *-м/ -ым/ -ем/ -ом/ -өм*: *эсә+м* (пью), *ашай+ым* (кушаю), *һөйләй+ем* (говорю). В демском говоре южного диалекта функционируют личные окончания *-мын/ -мен/ -мон/ -мөн*: *утыра+мын* [Миржанова, 1983: 261]. В аргаяшском и кызыльском говорах восточного диалекта параллельно используются аффиксы *-м/ -мын/ -мен/ -мон/ -мөн*. Например, в аргаяшском говоре: *Изән түшәймен, жайзап эштәймен* (Пол стелю, потихоньку работаю) [Максютова, 1976: 129]. Пример из кызыльского говора: *йөрөй+өм/ йөрөй+мөн* (хожу), *тора+м/ тора+мын* (стою) [Там же: 275]. Личные показатели 1-го лица единственного числа настоящего времени у финитных глаголов западного диалекта не отличаются от литературных вариантов. Лишь в таныпском говоре наряду с личными показателями *-м/ -ым/ -ем* употребляются аффиксы *-мын/ -мен/ -мон/ -мөн*: *бара+м/ бара+мын* (иду), *суләй+ем* [Миржанова, 2006: 108].

Личные показатели 2-го лица единственного числа у финитных глаголов. Аффиксы 2-го лица единственного числа *-һың/ -һең/ -һоң/ -һөң* в среднем говоре южного диалекта представлены конкурирующими вариантами *-һың, -һ*, то есть элементы *-һы/ -һе/ -һо/ -һө* в процессе речи выпадают: *тора+һ* (ты стоишь), *кайза китә+һ?* (куда уходишь?) [Миржанова, 1983: 191]. В демском говоре этого же диалекта глухой интердентальный *ç* имеет необычайно широкое функционирование, поэтому часто этот говор называют “наречием ç”. Во 2-ом лице единственного числа вместо литературного аффикса *-һың* в демском говоре употребляется вариант *-сың*: *утыра+сың* (сидишь) [Там же: 261]. В айском говоре восточного диалекта глаголы настоящего времени во 2-ом лице имеют эдильрованную форму с аффиксом *-һ* вместо *-һың* литературного языка: *ала+һ* (берешь), *көтә+һ* (ждешь); в сальютском и кызыльском говорах этого диалекта аффиксы *-һ* и *-һың/ -һең/ -һоң/ -һөң* действуют параллельно: *куна+һ/ кунә+һың* (ночуешь), *бара+һ/*

бара+һың (идешь), *йөрөй+өң/ йөрөй+һөң* (ходишь) [Максютова, 1976: 54, 193, 275]. В караидельском говоре западного диалекта башкирского языка глаголы настоящего времени во 2-ом лице единственного числа наряду с аффиксом *-сын/ -сең*, имеют форму на *-сын/ -сен*, единично *-сэн*. Например: *Сулмаккә саласын йоморканы, күк сискәне, томалайсын та куясын* (В горшок кладешь яйца, цветы синего подснежника, наглухо закрываешь и настаиваешь в печи). *Нишләйсән?* (Что делаешь?) [Миржанова, 2006: 55, 56]. Такие же примеры встречаются и в таныпском говоре.

Особый интерес вызывает также различие башкирских диалектов по **личным показателям финитных глаголов 2-го лица множественного числа**. Как известно, в башкирском литературном языке глаголы настоящего времени 2-го лица множественного числа образуются при помощи аффиксов *-һығыз/ -һегез/ -һоғоз/ -һөгөз*: *бара+һығыз* (идете), *килә+һегез* (приходите), *йөрөй+һөгөз* (ходите), *корой+һоғоз* (высыхаете). Во многих говорах такая форма сохраняется, но есть и другие варианты образования глаголов настоящего времени 2-го лица множественного числа. Например, в демском говоре южного диалекта функционируют аффиксы *-сыз/ -сез/ -сығыз/ -сегез*: *утыра+сыз* [Миржанова, 1983: 261]. В среднем говоре личными показателями являются *-һыз/ -һез* и *-ғыз/ -гез*: *тора+ғыз* (стоите), *кайза бара+һыз?* (куда идете?) [Там же: 191]. Схожие аффиксы используются и в восточном диалекте башкирского языка: *ала+ғыз* (берете), *бирә+гез* (даете) – айский говор; *һөйөнмәй+һез* (не любите) – миасский говор. В сальютском говоре наблюдается личное окончание в виде *-һыһ*: *куна+һыһ* (ночуете), *тора+һыһ* (живете), *бара+һыһ* (идете) [Максютова, 1976: 54, 193, 233]. В караидельском и нижнебельско-ыкском говорах западного диалекта глаголы настоящего времени 2-го лица множественного числа имеют формы на *-сыз/ -сез* и *-сығыз/ -сегез*: *сурай+сыз/ сурай+сығыз* (спрашиваете), *сүрәй+сез/ сүрәй+сегез* (волочите), *ти+сез/ ти+сегез* (говорите) [Миржанова, 2006: 56, 174]. В таныпском говоре данного диалекта активной формой 2-го лица множественного числа является *-сыз/ -сез*. Наряду с ним бытует и форма *-сығыз/ -сегез*: *Кайа бара+сығыз?* (Куда идете?) *Китә+сегез+даме инде?* (Уже уходите?) [Там же: 109].

В своей статье мы постарались наглядно показать различия башкирских диалектов в области личных аффиксов финитных глаголов. Эти формы имеют яркие отличия не только от литературных вариантов, но даже говоры одного диалекта могут существенно отличаться друг от друга.

Литература

1. Вейнгарт, О. С. Финитность глагола и финитность клаузы: индоевропейская традиция и альтернативные подходы / О. С. Вейнгарт // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 57–62.
2. Максютова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка / Н. Х. Максютова. – Москва : Наука, 1976. – 292 с.
3. Миржанова, С. Ф. Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении) : специальность 10.02.06 «Тюркские

языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Миржанова Сария Фазулловна. – Уфа, 1983. – 364 с.

4. **Миржанова, С. Ф.** Северо-западный диалект башкирского языка / С. Ф. Миржанова. – Уфа : Китап, 2006. – 296 с.

5. **Мудрак, О. А.** Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике / О. А. Мудрак. – Москва : Изд-во РГГУ, 2009. – 187 с.

6. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Диалектная система башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы X региональной конференции. – Уфа, 2010. – С. 225–230.

7. **Шакуров, Р. З.** Башкирская диалектология: учебное пособие (на башк. яз.) / Р. З. Шакуров. – Уфа : Китап, 2012. – 240 с.

УДК 81-2

*Аминев З.Г.,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

О НЕКОТОРЫХ ИРАНИЗМАХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ, МИФОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового субстрата в башкирском языке. Автором приводится ряд башкирских слов, имеющих смысловые аналоги в индоиранских, иранских языках. Эти слова могут быть объяснены только как сохранившиеся субстратные элементы древних восточноиранских языков, делает вывод автор. Подтверждают этот вывод многочисленные данные археологии, антропологии, топонимии, фольклора, мифологии.

Abstract. The article is devoted to the problem of the linguistic substrate in the Bashkir language. The author provides a number of Bashkir words that have semantic analogs in the Indo-Iranian and Iranian languages. These words can only be explained as preserved substratum elements of ancient East Iranian languages, the author concludes. This conclusion is confirmed by numerous data from archeology, anthropology, toponymy, folklore, and mythology.

Ключевые слова: восточноиранские кочевые племена, языковой субстрат, этногенез, топонимы, древний лексический пласт.

Key words: East Iranian nomadic tribes, linguistic substratum, ethnogenesis, toponyms, ancient lexical layer.

Башкиры (самоназвание – башкорт) – один из древних тюркоязычных народов, расселены, кроме Республики Башкортостан, также в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Свердловской, Самарской, Саратовской областях и в Пермском крае Российской Федерации. В их сложении наряду с коренными обитателями района – ираноязычными сакскими, сарматскими племенами большое участие приняли начавшие проникать в Приуралье в I тысячелетии н.э. тюркские кочевники [Брук, 1981: 229–230].

Данные башкирского языка также указывают на участие в этногенезе этого народа местных племен, говоривших на восточноиранских наречиях. Так,

языковед Н.И.Егоров писал, что башкирский язык сформировался под «сильным влиянием языкового субстрата восточно-иранского (скифо-сакского) типа» [Егоров, 1991: 134]. Роль иранского субстрата в этногенезе башкир признавал и известный специалист по башкирам этнограф Р. Г. Кузеев [Кузеев, 1999: 19]. О признании Р.Г. Кузеевым иранского субстрата в этногенезе башкир отметил и уфимский историк И.В.Антонов [Антонов, 2015]. Об иранизмах различного происхождения в башкирском языке писал языковед Э.Ф. Ишбердин [Ишбердин, 2008]. К сожалению, исследователи в основном обращаются к более поздним средневековым персидско-таджикским материалам, которые проникали в башкирскую среду в ходе обоюдосторонних контактов (торговля, учеба, переезд на жительство и т. п.).

В то же время материалы башкирского языка, фольклора, мифологии показывают, что в них сохранилось многое из более ранних времен, относящихся к сако-сарматскому кочевому миру. Ниже нами предлагаются некоторые данные из башкирского языка, которые, на наш взгляд, указывают на их более древний, восточноиранский (а может быть, и еще более древний индоиранский) пласт происхождения.

Андыз – «девясил», в ведийском *andhas* – «растение, из которого приготавливают священный напиток сому», а также «сок растения сомы» [Николаев, 2010: 264]. В башкирском языке и фольклоре сохранилось множество поверий, связанных с этим растением, например, «андыз барза ат үлмәс, ирәүән барза ир үлмәс» (когда есть девясил (андыз), не околеет конь, если есть ревень, не умрет мужчина). Растение девясил до сих пор широко используется в башкирской народной медицине. Попутно необходимо отметить, что специалисты, изучающие древнеиранские, авестийские мифологию, верования до сих пор спорят, из какого растения делали священный напиток сому. Башкирский язык, как видим, сохранил название растения практически без изменения.

Һыра – «пиво», в др.-инд. *sura*- «хмельной напиток»;

мәрткә китеү (основа *mart-*) – «умирающий», «мертвый», в протоар. *mrtas*, др.-инд. *mrtas* «мертвый»;

мыр, мыр-мазар – «мелочь, мелкие существа», в др.-инд. *mṛg* – «крошить(ся)», «дробить(ся)», *mṛgna* – «раздробленный», сак. *murg* – «дробить», «крошить», осет. *mug* – «крошка», «крупица»; [Абаев, 1981: 85]. В ваханском *mīr-pəriç* – муравей [Пахалина, 1975: 326];

мурт – «хрупкий», в сак. *murg* – «дробить», «крошить», осет. *mug* – «крошка», «крупица»;

арзан — дешево (о цене), в др.-инд. *argha*, авест. *arua*, осет. *aru* – «цена»;

бот – «нога», в др.-инд., иран. *pada* – «нога»;

буре – «волк», в др.-инд. *vṛkas*, памир. (язык идга) *warg* и пр. – «волк»;

ур һалыу – «окружать», в ар. **var* – «ограждать», авест. *vara*, пехл. *war* – «ограда»;

тана — телка, в др.-инд. *dhenu* – «корова», пенджаби *dhen* – «корова», авест. *dainu* – «самка» (млекопитающих), протоар. **dhainu* [Абаев, 1981: 85];

мыртый – «младший родственник», в др.-иран. **mārya*, авест. *maīrya*, др.-перс. *marika*– «(молодой) человек», др.-инд. *mārya*- *id.*; др.-иран., др.-перс, *martya*,

перс. *mard* – «человек»;

бэрэн – «овца годовалая», в др.-иран. **varna*, пехл. *warrak* (**warna*) – «баран» (сюда в конечном счете и русское баран) [Абаев, 1981: 86];

йорт – «дом», в протоиран. **grda*, авест. *gara*^а – «дом», элам. [из иран.] *kurtas* – «слуга» (домашний), др.-инд. *grha* – «дом»;

шат – «радующийся», шатлык – «радость», в авест. *sati*-, др.-перс. *syati* – «счастье», перс. *sad* – «счастливый»;

һәр – «каждый», в авест. *harva* – «каждый»;

тарт – «тяни», в авест. *dar*-, др.-перс. *dar*-, осет. *darun* – «держатъ», «владеть», «иметь»; конечный –*t*, возможно, отражает иранскую причастную основу *darta*-;

сук(сугым) – «пучок», в авест. *suka* – «игла», осет. *sug* – «ость» (усики у колоса), др.-инд. *suka* – «ость»;

тарма – «просо», в др.-инд. *trna*, сак. *tarra* (из *tarna*-) – «трава»;

кырт кысеу – «резать резко, отрезать», в осет. *kard* – «нож», «меч», авест. *karata* – «нож»; то есть отрезать ножом;

тызынуу – «беспокоиться, дрожать, ерзать», в осет. *taersyn* – «бояться»;

теркэ – «ель» (диалектное), тирэк – «дерево», в осет. *taegaer* – «клен»;

балта – «топор» (чуваш. *purda* – «топор»), в осет. *faeraet* (из *paraihi*-) – «топор»; из скиф. вошло также в тохар.: *porat* – «топор». Пример из чувашского языка показывает, что в случае с башкирским ротирующая форма перешла в звук «л»; [Абаев, 1981: 87];

киндер – «конопля», в осет. *gaen* (из *kana*-) – «конопля», скиф. *kannabis*;

йөн – «шерсть», в осет. *qun*, *yun* – «шерсть», авест. *gaona*;

карга – «ворона», в авест. *kahrkasa* – «коршун»;

бөйөр – «почка» (анатом.), в осет. *worg id.*, др.-инд., *vṛkkau*, авест. *varaḍka*;

гөрлү, гөр – «звук», в осет. *qaer*, *γæг* – «звук», «шум» [Абаев, 1981: 88];

тас – «тазик», в авест., др.-иран. *tast*, *tasti* – «чаша»;

тасма – «лента», в перс. *tasma* [Абаев, 1981: 89];

эрэмэ – «осокорь», в шугнанском *ḡim* – «тополь»; таджикском *ḡim* – «черный тополь», «осокорь»; в мунджанском *ḡamena* – «тополь». Эти слова сопоставимы с названиями древесных пород в кафирских и дардских языках, например, в кати *ḡamo*, вайгали *wḡama* – «ива» [Стеблин-Каменский, 1984: 8];

катар («йәнэш») – «рядом», в ведийск. *kataras* в переводе на русский означает «который из двух, вдвоем» [Якубович, 2013: 104]. В этом смысле это ведийское слово совпадает с башкирским «катар», которое также означает «рядом», «вдвоем», «в паре с кем-то»;

кетэк – «сооружение, где содержатся птицы или хранят различные инструменты». От др.-иран. *kata*- / *xata*- – «дом, хижина, сооружение» [Эдельман, 2001: 340, 341–342], а также согд. *kt`k*, *ky`k* – «дом» [Неразик, 1981: 224, 225];

мөрийэ – «дымоход», также является иранским субстратным наследием. Так, в хорезмийском языке дымоход назывался «мур» [Снесарев, 2001: 62]. У сохранившегося в Памире малочисленного народа вахан, язык которого относится к восточноиранским, слово «дымоход» имеет тот же корень, что и у хорезмийцев и называется *mūrī*; *mūrī* – «отверстие, служащее дымоходом»

[Пахалина, 1975: 320, 223];

тән – «тело, туловище», в ведийском *tanuh*, авестийском *tanus* – «тело» [Николаев, 2010: 213];

яңак – «челюсть», в мл.-ав. *zapaуа*, пашто *zana*, белудж. *zanuk* и в праиранском *janуа* означает «челюсть» [Николаев, 2010: 7,8];

якшы – «хорошо» восходит к др.-иранскому «чудесный» [Лившиц, 2003: 3–10];

маһайыу – «возгордиться, увеличиваться, раздуваться в величине» и, возможно, восходит к ведийскому *mahas* (*megoh?*), др.-инд. *mahi*, авест. *mazə*, согдийскому «*maha*» – «большой» [Николаев, 2010: 298];

фэлән-төгән с иранских языков «фалони, фалон» означает «такой, такой-то» [Рахимов, 2001: 388];

јау – «место» (*башкирское – әйзә, шунда берәй нисек яйла (яйлан) – «как-нибудь там притулись, найди место»; яйын тап – «найди место» – З.А.*) [Пахалина, 1975: 209];

«һәнәк» – «вилы», видимо, восходит к инд.-арийскому *khanaka* – «копатель, роющий». Встречается в «Махабхарате» [Грантовский, 1970: 205];

сүкеш – «молоток», в авестийском *šakuš* – «боевой топор» [Лившиц, Шкода, 1982: 136];

лай – «жидкая глина», от восточноиранских – *топь*, топкое место, болото, жидкая глина и т.п. [Хромов, 1975: 43];

юш килеу – «благоприятно, положительно», где часть «юш» от вед. *Yos*, в авест. *yaos* – «благосостояние, справедливость, благо» [Барроу, 1976: 41];

серге – «потник», материал, который башкиры клали на седло. В восточноиранских языках: пашто *sary*, согдийское *srγ* – «седло», хорезмийское *sarym* – «верблюжье седло», ваханское *sirekh*, сарыкольское *siregh* – «стеганое шерстяное одеяло» [Кулланда, 2011: 63];

һөнәр – “занятие, умение, способность”, восходит к авестийскому *hunar*, *hunara*, *hunartt* – «умный, способный, совершенство», др.-перс. (h)uvnara – «способный, умелый», среднеперс. (пехлеви и манихейское), парфянского *hunar* – «талант, способность, умение»; среднеперс. зороастрийское *hunarawand*, манихейское *hwng`wund* – «способный, добродетельный»; среднеперсидское-ман., парфянско-ман. *hwng* (*hunar*) – «талант, способность, умение» [Лившиц, 2017: 1042].

Башкиры про человека смиренного, послушного, тихого, пугливого говорят «**мәшәү или мәүеш**». В языках народов, говорящих на восточноиранских языках *maу* – овца, бартанг *māw*, язгулям *maу*, авест *maēša* [Пахалина, 1975: 221]. Башкиры, утратив первоначальное значение слова, сохранили в памяти характерные для этих животных черты (пугливость, боязливость, робость), используя их в качестве эпитета при характеристике человека.

В башкирском языке корову называют «һыйыр», но ласково ее называют «**һәүкәш**». Здесь корень «һәү» восходит к иранскому «гау» (корова). Этот же корень имеется в санскритском *gaus* – «корова» [Барроу, 1976: 99, 73]. В горах Гиндукуша в труднодоступных ущельях малых горных рек обитают племена, говорящие на различных реликтовых индоиранских языках и наречиях, отличающихся крайней архаичностью, покровителя скота

они называют словом «Гавеша», созвучным с башкирским «hәүкәш» [Кузьмина, 1985: 40].

В башкирском языке сохранились также устойчивые словосочетания, находящие свое объяснение через индоиранские материалы. Например, башкиры, когда восхищаются кем-то, принесшим добрые вести или произносящим приятные слова, говорят: «ауызына бал да май». В «Ригведе» мед, масло упоминаются как жертвенные субстанции [Елизаренкова, Топоров, 1995: 487–525]. В «Атхарваведы» (XVIII, 4, 25) также упоминаются горшки, покрытые лепешками или камнями «полные меда и сочащегося жира» [Кузьмина, 1986: 78].

В башкирском языке есть диалектное выражение «эсәк артыу», что означает «мыть, чистить кишки» после забоя скота. В данном словосочетании «артыу» восходит к корню arta – «чистый, чистить» из древних индоиранских языков [Барроу, 1976: 41]. В словосочетании «эсәк артыу» башкиры сохранили древнее субстратное слово в его изначальном смысле «чистить». В башкирском языке есть слова «тазартыу» (чистить), «йыуыу» (мыть), но в ходе осеннего забоя скота к ритуальным действиям применяют словосочетание «эсәк артыу». Думается, что в данном случае само ритуальное действие способствовало сохранению древнего слова «артыу» в смысле «мыть, чистить».

На Южном Урале башкиры сохранили многочисленные топонимы, которые находят объяснение из восточноиранских или более древних индоиранских языков. Например:

Базы – местность в Баймакском, Илишевском и в некоторых других районах РБ. В восточноиранских языках Baz — пастбище, луг, загон для скота, скотный двор [Дзиццойты, 2018: 117];

Худайбанд – горный перевал с западной на восточную сторону уральских гор в Зианчуринском районе РБ. Здесь «банд» – «дорога», в др.-инд. rantha, мл.-авест. ranta – «дорога», то есть топоним означает «Божья дорога», так как раньше перевал был очень опасным для перехода. Сейчас перевал расширен, благоустроен, но несмотря на это все равно представляет собой определенную опасность для переезжающих с одной стороны на другую путников;

Куһаил – гора рядом с башкирским аулом Уметбай в Баймакском районе РБ. Первая часть данного оронима «Кух» с иранских языков переводится как гора;

«**Күркәтау**» – гора в Баймакском и Бурзянском районах Башкортостана; в переводе на русский означает «Индюшья гора». Но, как известно, индюки были завезены в Европу из Америки, поэтому эти птицы в Башкортостане никак не могли обитать в диком виде. Индюк в других тюркских языках называют «индей тауыгы», т. е. «курица индейская». Поэтому слово «күркә» (индюк) у башкир, скорее всего, первоначально означало другую птицу, которая водится на Южном Урале. Этой птицей, скорее всего, был тетерев, внешне напоминающий индюка. Поэтому можно сказать, что башкирский ороним «Күркәтау» первоначально никакого отношения к индюку не имел и может быть объяснен через индоиранские и иранские языки, где Krka-, kurka – «петух, курица». Из звуко-символического арийского krka-, ср. компонент

др.-инд. *krka-* в имени др.-инд. *krkavaka* – «петух» [Эдельман, 2001: 398–399]; «**Барда**» – населенный пункт гайнинских башкир, проживающих в Пермском крае. Слово восходит к иранскому «парда (барда)» и означает «край», «бок», «окраина». Нам остается только добавить, что башкиры-гайнинцы, которые свой край называют «Барда», действительно живут на окраине башкирского мира. Именно в этих краях найдено самое большое количество сасанидского серебра (6–9 века) [Лившиц, 2014: 73];

Һәргәй – населенные пункты в Ишимбайском и Бурзянском районах РБ. В восточноиранских языках «саргай» означал «верхний» [Хромов, 1975: 51, 58].

Происхождение названия реки **Хакмар** (рус. Сакмара), которая протекает в башкирском Зауралье, также восходит к восточноиранским языкам. В языке бартангов, проживающих в Горном Бадахшане, хак – «вода» [Зарубин, 1937: 72]. Там же, в Горном Бадахшане, встречаются гидронимы с «хак», «хок»: *γovtixok* – «родник коров», *asrixok* – «родник лошадей» [Хомидов, 2015: 55].

В Баймакском районе РБ недалеко от села Таулыккай есть небольшая гора, которую местное башкирское население называет «**Күстәнә**». В переводе с санскритского «Кустана» означает «грудь земли» [Тенишев, 1995: 99]. Действительно, небольшую возвышенность вполне можно принять за грудь.

Название реки **Раузяк** в Ишимбайском районе РБ, видимо, восходит к иранизму «*rautah*» – «поток» [Кулланда, 2016: 135]. В Суэцкой надписи Дария I Нил назван «*rauta*» – «река» [Струве, 1968: 61].

В горах Южного Урала в Белорецком районе РБ течет река Рауат, название которой также происходит из восточноиранских языков, где роуатв на языке ваханцев означает «горный поток» [Хромов, 1975: 56].

Все эти иранизмы в башкирском языке не могут быть объяснены только как заимствования в ходе контактов предков башкир с носителям иранских языков. Да, некоторые иранизмы, особенно позднего средневековья, скорее всего, вошли в лексический состав башкирского языка в ходе культурного обмена, когда башкиры ходили в регионы Средней Азии и Ближнего Востока для обучения в их учебных заведениях и, возвращаясь к себе на родину, привозили оттуда и некоторые иранизмы.

Однако те примеры, которые приведены нами выше, относятся к более раннему периоду истории иранских народов и поэтому могут быть объяснены только как сохранившиеся от древних восточноиранских языков субстратные элементы. Признать их субстратом нам позволяют данные археологии: мы видим, что пространство, где сформировался башкирский этнос до башкирского этапа истории было плотно освоено говорившими на восточноиранских наречиях сакскими, сарматскими племенами, от которых остались многочисленные курганы. Эти курганы в настоящее время изучены довольно подробно советскими и российскими археологами, материалы которых нашли отражение в многочисленных статьях и монографиях. Археологами установлено, что с началом проникновения в регион Южного Урала и прилегающей к нему территории тюркоязычных пришельцев местное ираноязычное население никуда в массовом порядке не ушло, а осталось в местах расселения и с увеличением количества пришельцев растворилось в их

среде, принимая участие в формировании нового тюркоязычного башкирского этноса [Казаков, 2002].

Версии об участии местного населения в этногенезе башкир подтверждаются также исследования антропологов. В частности, Р.М. Юсуповым в антропологии башкир выявлен довольно мощный ираноидный (так называемый памиро-ферганский) тип [Юсупов, 2006]. Таким образом, говорить о древнем иранском субстрате в башкирском языке нам позволяют материальные подтверждения — данные археологии и антропологии.

О пребывании здесь ираноязычного населения подтверждают также и исследованные лингвистами данные топонимии Южного Урала и Приуралья [Бухарова, 2015]. Исследование такой проблемы, как наличие в башкирском языке древнего иранского и даже более древнего индоиранского (арийского) лексического пласта, требует специальной языковой подготовки. Автор данной статьи не является лингвистом, но в ходе исследования башкирской мифологии вынужден обращаться к материалам лингвистики, так как исследование данной темы без обращения к языковому материалу нельзя считать полным, объективным, всесторонним. Материалы башкирской мифологии, фольклора показывают, что большинство персонажей, мотивов не могут быть объяснены с тюркских материалов, но находят объяснение из языка и мифологии народов, принадлежащих иранскому миру, особенно из данных таких малочисленных народов Памира, языки которых сохранили реликтовые восточноиранские элементы (ваханцы, рушанцы, сарыкольцы, барзанги и др.).

Исследование реликтовых восточноиранских элементов в башкирском языке необходимо, на наш взгляд, не только для изучения истории, культуры башкир, но и иранского мира, так как многие элементы, сохранившиеся в башкирских материалах, отсутствуют у более молодых ираноязычных народов. Обычно исследователи скифо-сарматского мира обращаются к осетинским материалам, так как они общепризнанно являются прямыми носителями древнего аланского языка, а через него и скифского. Но в некоторых случаях башкирские материалы могут дать больше фактов, чем осетинские. Это объясняется тем, что осетины по происхождению являются кавказоидным народом, перешедшим на иранский язык. При переходе на восточноиранский (аланский) язык местное кавказское население переняло из мифологии, религиозных верований, мировоззрения пришлых иранцев только то, что было им более понятно и совпадало с уже имеющимися у местного населения кавказскими реалиями, вызванными местными природно-географическими условиями. У башкир же дело обстояло несколько иначе. Местное южноуральское и приуральское ираноязычное население с приходом сюда тюркоговорящих пришельцев, перейдя на их язык, перенимало у них (так же, как и кавказоиды у аланов) только то, что совпадало с уже устоявшимися здесь на Южном Урале и вызванными местными реалиями мифологию, религиозные верования. Только этим можно объяснить, что фольклор, мифология, древние религиозные верования тюркоязычных башкир ближе к сохранившемуся многому из местного иранского наследия среднеазиатскому миру, чем к тюркоязычному миру Алтая-Саян.

Литература

1. **Абаев, В. И.** Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов (Тезисы) / В. И. Абаев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – Москва : Наука, 1981. – С. 84–89.
2. **Антонов, И. В.** Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья / И. В. Антонов. – Санкт-Петербург : Своё издательство, 2015. – 248 с.
3. **Барроу, Т.** Санскрит / Т. Барроу. – Москва : Прогресс, 1976. – 411 с.
4. **Брук, С. И.** Население мира. Этнодемографический справочник / С. И. Брук. – Москва : Наука, 1981. – 880 с.
5. **Бухарова, Г. Х.** Субстратные гидронимические термины индоиранского происхождения в башкирской топонимии / Г. Х. Бухарова // Перспективы развития башкирского народа: осмысление истории, сохранение традиций, модели национально-государственного строительства. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2015. – С. 46–51.
6. **Грантовский, Э. А.** Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. – Москва : Наука, 1970. – 396 с.
7. **Дзицойты, Ю. А.** О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии / Ю. А. Дзицойты // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 29 (68). – С. 117–119.
8. **Егоров, Н. И.** Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков / Н. И. Егоров // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР : тезисы докладов и выступлений. – Уфа, 1991. – С. 134–139.
9. **Елизаренкова, Т. Я.** Мир вещей по данным Ригvedы / Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров // Ригведы. Мандалы V–VIII. – Москва : Наука, 1995. – С. 487–525.
10. **Зарубин, И. И.** Бартангские и рушанские тексты и словарь / И. И. Зарубин. – Москва : Ленинград : Академия наук СССР, 1937. – 96 с.
11. **Ишбердин, Э. Ф.** Этимологии башкирских слов по данным персидского языка / Э. Ф. Ишбердин // Профессор Н. К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии : материалы международной научной конференции. – Уфа : Изд-во БГУ, 2008. – С. 97–100.
12. **Казаков, Е. П.** К проблеме тюркизации Урало-Поволжья в эпоху средневековья / Е. П. Казаков // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 55–57.
13. **Кузеев, Р. Г.** Почувствовать дыхание времени, дыхание народов... / Р. Г. Кузеев // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 4. – 1999. – № 3. – С. 7–20.
14. **Кузьмина, Е. Е.** Занавес поднимается (О семантике скифского искусства) / Е. Е. Кузьмина // Знание – сила. – 1985. – № 11 (701). – С. 38–42.
15. **Кузьмина, Е. Е.** Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. – Фрунзе : Илим, 1986. – 134 с.
16. **Кулланда, С. В.** Уроки скифского / С. В. Кулланда // Вопросы языкового родства. – 2011. – № 5. – С. 48–68.

17. **Кулланда, С. В.** Скифы: язык и этногенез. / С. В. Кулланда. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 232 с.
18. **Лившиц, В. А.** Согдийские надписи из храма I в Пенджикенте / В. А. Лившиц, В. Г. Шкода // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 5. – С. 131–141.
19. **Лившиц, В. А.** Древнее название Сырдарьи / В. А. Лившиц // Вестник древней истории. – 2003. – № 1. – С. 3–10.
20. **Лившиц, В. А.** Парфянские топонимы / В. А. Лившиц // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сборник памяти Е. Е. Кузьминой. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2014. – С.73–84.
21. **Лившиц, В. А.** NAR- «мужчина, герой, самец» и NAR- «быть умным, способным, добродетельным» в истории иранских языков / В. А. Лившиц // Вестник древней истории. – 2017. – № 4 (77). – С. 1041–1044.
22. **Неразик, Е. Е.** К проблеме развития городов Хорезма / Е. Е. Неразик // Культура и искусство древнего Хорезма. – Москва : Наука, 1981. – С. 219–227.
23. **Николаев, А. С.** Исследования по праиндоевропейской именной морфологии / А. С. Николаев. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 437 с.
24. **Пахалина, Т. Н.** Ваханский язык / Т. Н. Пахалина. – Москва : Наука, 1975. – 343 с.
25. **Рахимов, Р. Р.** Насилие в культуре таджиков / Р. Р. Рахимов // Антропология насилия. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – С. 382–475.
26. **Снесарев, Г. П.** Дургадык (материалы к истории культуры и быта хорезмских узбеков группы «сарт») / Г. П. Снесарев // Расы и народы. – 2001. – Вып. 27. – С. 61–67.
27. **Стеблин-Каменский, И. М.** Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении : диссертация на соискание степени доктора филологических наук / Стеблин-Каменский Иван Михайлович. – Ленинград, 1984. – 394 с.
28. **Струве, В. В.** Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии / В. В. Струве. – Ленинград : Наука, 1968. – 356 с.
29. **Тенишев, Э. Р.** У тюркских народов Китая (дневники 1956–1958 гг.) / Э. Р. Тенишев. – Москва : Наследие, 1995. – 240 с.
30. **Хомидов, Д.** Структурный анализ гидронимов Средней Азии / Д. Хомидов // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 4/3 (167). – С. 51–57.
31. **Хромов, А. Л.** Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана / А. Л. Хромов. – Душанбе : Ирфон, 1975. – 85 с.
32. **Эдельман, Д. И.** Этимологический словарь иранских языков. Том 4 : I-K / Д. И. Эдельман. – Москва : Наука, 2001. – 415 с.
33. **Юсупов, Р. М.** Этнология башкир на рубеже тысячелетий / Р. М. Юсупов // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. – Уфа, 2006. – С. 95–101.
34. **Якубович, И. С.** Новое в согдийской этимологии / И. С. Якубович. – Москва : Язык славянской культуры, 2013. – 240 с.

*Арысланова М.С.,
Башкорт дәүләт университетының
Стәрлетамак филиалы,
Рәсәй Федерацияһы*

З.Ғ. УРАКСИН ӘСӘРЗӘРЕ ТЕЛЕНЕҢ СТИЛИСТИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Аннотация. В статье исследуются некоторые стилистические особенности произведений известного башкирского ученого, лингвиста Зиннура Ураксина. Фактическим материалом послужил исторический роман «Карат», в котором события происходят в начале XIX века. Писатель умело использует образительно-выразительные средства языка, создавая удивительный мир жизни и быта башкирского народа, дворовых крестьян, помещиков.

Abstract. The article analyzes some stylistic features of the literary works of the famous Bashkir scientist, linguist Zinnur Uraksin. The historical novel “Karat”, in which events take place at the beginning of the 19th century, served as factual material. The writer very successfully uses the figurative and expressive means of the language, creating an amazing world of life and everyday life of the Bashkir people, courtyard peasants, landowners.

Ключевые слова: стилистические особенности; исторический роман; башкирский народ; образительно-выразительные средства языка; З.Ғ. Ураксин.

Keywords: stylistic features; historical novel; Bashkir people; figurative and expressive means of language; Z.G. Uraksin.

Мәшһүр телсе, күренекле ғалим, һүзлектәр төзөүсе, йәмғиәт эшмәкәре, укытыусы Зиннур Ғәзиз улы Ураксин йәш сағынан проза әсәрзәрен ижад итә. Уның үзенә генә хас языу үзенсәлеге бар. Телә бай, һутлы, төрлө тел саралары урынлы кулланылған. «Карат», «Каруанһарай» әсәрзәре башкорт халкының тарихын яктырта. «Карат» романында хәл-вакиғалар XIX быуатта бара. Был осорза башкорт ерзәрен талау, асаба халықты төрлө яктан кысырыкларҙар кискенләшә. Ошо кантонлашыу осоро халык тарихында ныклы уйылып калған. Г.Н. Гәрәева был роман тураһында шундай фекерзә: «З. Ураксиндың күләмле тарихи материалды йыйнаҡ композиция королошло романдарза биреү оғталығына әйә булыуын күрһәтергә кәрәк. Языуының тос йөкмәткелә “Карат” романында XIX быуаттың тәүге яртыһында башкорт халкының милли-колонизаторлык сәйәсәтенә каршы көрәшә һүрәтләнә» [Гәрәева, 2019: 268].

Һәр кешегә тыуған яғы ғәзиз, уның тарихы яқын һәм таныш. З.Ғ. Ураксин – Ырымбур башкорта, тарихи әсәрзәрендә лә ул шул ерзәрзә булған хәл-вакиғаларзы һүрәтләй. «Карат» романының кайһы бер стилистик үзенсәлектәренә тукталып үтәйек. Языуының башкорт телә лексикаһын, синонимдарын, фразеологик берәмектәрен тәрәндән өйрәнәүсә ғалим булыуы уның әсәрзәрендә лә сағыла. Әсәр тәбиғәттә һүрәтләү менән башлана, был тәбиғи: башкорт – тәбиғәт балаһы, ереккән ере уның өсөн изге: *Ә кылған мәңгелек, уның тамыры ергә ереккән. Елдәрзәң ызғыры ла, кыуаны ла уны какшата алғаны юк. Әйе, дала кото кылған – мәңгелек үлән. Ызғыр – үзәккә үтерлек әсе, бик каты ел (һыуыкка, елгә карата)* [БТАһ, X, 2018: 62], кыуан –

эсе, коро ел [БТАҺ, V, 2013: 827]. Антоним парзар аша языусы үләнден һыуыкка ла, эсегә лә бирешмәуен күрһәтә.

Романда ер биләүсе баяр Тимашев һәм асаба башкорттар араһында барған бәрелештәр һүрәтләнгән. Алпауыттың эске күнеле ниндәй булыуын автор тәүге юлдарзан ук аллегория аша аса: *Был һармакка уның йәне көйзө, кызыулык менән шөкәтһез үләнде карға куша тапап ташланы. Изгеләнгән камгак акһак эт кеүек һикерәңләй-һикерәңләй тәгәрләуен белде.* Беззең алда үз һүзен генә һүз итеп өйрәнгән, үз теләктәрен генә кәнәғәтләндереп йәшәгән зат тора. Автор үләнде *акһак эт* менән сағыштыра, йәнләндерә. Акһак, әммә йәне тере, тимәк, ғүмере дауам итә. Артабан Тимашев үзен дә камгак кеүек хис итә: *Үзен баяғы дала буйлап елеп йөрөгән камгак һымак тойоп куйзы.* Был үсемлектен мәғәнәһен һүзлектән асыклап үтәйек: *камгак* – 1. орлоғо өлгөргәс, тамырынан өзөлөп, ел ыңғайына тәгәрәп китә торған дала үсемлеге; 2. миф. Мифлаштырылған үсемлек, ышаныузар буйынса, ен-шайтан һәм кара көстәрзе тәгәрәтеп йөрөтә [БТАҺ, V, 2013: 163]; бер образ, ә мәғәнәһе буйынса ел ыңғайына йөрөүсе аумакайлык та, яуызлык та бар үзендә.

Ырымбурға барып ингәнсе үзәндәрен вак кыуак баһып алған кырзар, ә тиреҫ яғында – күкшел урмандар, бейек таузар калкан кеүек күкрәк киреп тора, әйтерһең, юлга кәртә булмаксылар. Хозур тәбиғәт, икһез-сикһез байлык баяр алдында, әммә калкан кеүек күкрәк киреп тороусы бейек таузар за бар бында. Таузарзы батыр итеп һүрәтләй автор, йәнләндерәү аша ул ошо батырлык, матурлык артында тере йәндәр (башкорттар) булыуын аңғарта. Тарихка күз һалһак, алдағы быуат буйы тынмаған ихтилалдар, баш күтәрәүзәр искә төшә: *Ул каршыһында өйкөлөп кенә ултырған кылғанға карап торзо-торзо ла, капыл әйелде һәм бер услам кылғанды йолкоп алмаксы булып, тартып карагайны, кыу һабактар шытыр-шытыр килеп өзөлдө, осондағы сәнскеле ак баштары һыпырылып, уның йока ғына бирсәткәһенең бармактарына казалды.* Крәстиәндәр һуғышы үтеуенә күп вакыт узмаған, баш бирмәс башкорттар күтәргән ихтилалдар тарихы тынмаған әле, тимәк. Автор аллегория куллана: кылған – башкорттар, уларзың тамырын коротоу мөмкин түгел.

Әсәрзә персонаждар күп, уларзың портреттарын автор оҫта һүрәтләй, күз алдына тере килеш баһтыра: *Һунарсыларзың олорағы, кара мыйыклы, бөркөт танаулыһы, йәп-йәшел күззәре мызлап янған күк бүрене һырты йылкылдап торған кара айғырзың әйәр башына аркыры һалып алған, башкалары билдәренә икешәр-өсәр төлкө, тағы ла ниндәйзәр вак йәнлек тиреләре асқандар. Ғәйникамалдың ай кашлы, сейә иренле, алһыу йөзөнә бер генә һирпелде лә кире тау үренә карай йүгерзе.* Фольклорза йыш осраған һүрәтләү алымын куллана языусы, матурлыкты ай-кояшқа, батырлыкты бөркөткә тиңләй. Башкорт өсөн ат – ул мал-мөлкәте лә, башкаһы ла: *һырты йылкылдап торған кара айғыр.* Һунар табышы – *йәп-йәшел күззәре мызлап янған күк бүре.* Эпитеттар аша айғырзың, бүренең баһаһы киммәт булыуы билдәләнә.

Романда билдәле тарихи шәхестәр Василий Перовский, Владимир Даль тураһында бүлектәр бар: *Асык маңлайлы, какса озон кәүзәле, озонса йөзлө, ябай ғына акһыл костюм кейгән Даль икеһе менән дә тыйнак кына күреште.*

Синонимдар аша автор геройының эске ызаттарын асып бирэ. Перовский уның тураһында: *«Ис киткес акыл эйәһе һәм гәжәп мәғлүмәтле кеше, үзем махсус һоратып алдырзым. Тик бер аз либерал инде, уныһы әллә ни зарарлы түгел... Сәйәсәт эшендә генә артык либераллығы бар барлығын, ләкин идара эшендә, крайзы өйрәнеүзә бик кәрәк кеше»*, – ти. Автор үзе лә геройын окшата, уның тураһында шулай тип яза: *Тик ябай санаунигы түгел, «гәзел Даль», халыктың телен, рухын аңлаган нескә күңелле кеше ине.* Ырымбур губернаторы Перовскийзың кызыу холкон языусы шулай күрһәтә: *Перовскийзың тырпык мыйыктары һикереп-һикереп куйзы, күззәренән асылулы оскон сәселде.* Метафоралар аша автор геройының хәл-торошон оҫта һүрәтләй.

Әсәрзә фразеологик берәмектәр йыш осрай, бер һөйләмдә бер нисәү килергә мөмкин, улар авторзы кабатлаузан коткара, һөйләмдәрзе һутлы итә: вақытты күрһәтеү өсөн, тиз, шәп мәғәнәһендә: *Һабан турғайы һауаға үрләгәндәй зә вақыт үтеп өлгөрмәгәндер, теге йомғак өс һыбайлы һәм улар алдынан сапкан бер йәнлеккә әйләнде. Бер аяғың бында, икенсәһе тегендә булһын! Йәйге төн, ябалак канатын каккансы тигәндәй, үтте лә китте;* озақ: *Шул Үлмәскол ағай булһа, тыу бейәһен колонлатып, еленләмәгән һыйырын бызаулатып килер инде;* урын, арауык: *Ук атымы ерзә туктап, низер һөйләшеп алдылар за, аранан ерән ат менгән кара мыйыклы берәү баяр кешеләре яғына ыңғайланы, уның менән йәнә бер нисә кеше аттарын был якка атлаттылар;* бошмау, асыу: *Үзенәң мактау һүззәренә быларзың бер зә ыжламай ғына эре тороуына баярзың әзерәк йәнә көйөп куйзы, бәлки, минең һүззәрзе аңламағандарзыр тип уйлап, күсеренә мөрәжгәгәт итте;* алдау: *Есаул Дәүләтбай мут кешегә окшай, шельма, ул ер менән беззе төп башына ултыртманымы икән?;* зур, бәләкәй: *Берәүзәр икһез-сикһез ергә хужа, берәүзәргә кыуыш корор урын да юк; көслө, көсһөз: Йәнә бер нәмәһен табырзәр, баһымсакка бака ла айғыр тигәндәй, һиңә булһа, көстәре етә торған;* аз: *Хезмәтселәргә усынан һығып, бармак араһынан сыкканын ғына ашталар;* икенсе телде аңлау, белеү мәғәнәһендә: *...Санауниктың түбәһе һалам менән ябыулы, ауызыңды самалабырак ас, – тип өлгөрзө.*

Геройзарының телмәре аша З.Ғ. Ураксин уларзың кешелек сифаттарын асып бирә. Телсе буларак языусы кеше телмәрендә уның холок-ғәзәттәре күренеүен якшы белгән. Мәсәлән, Тимашев телмәрендә ялсыларына карата ярайһы ук кәмһетерлек кушаматтар, атамалар бар: – *Кыуала әле, йүнһез такыр баш! Нимә үгез кеүек ағышып бараһың! Ах, сволочь, поганая морда! Ах һин, разбойник! Көпә-көндөз разбой менән шөгөлләнәһең. Юрый аузарзың һин, асыу, үс тотоп, һөйәгеңде Себерзә серетмәһәмме, ырыуһыз бәндә! Һинең каныңда ат урлау комары булырға тейеш бит, эй егет остого! Бур, карак! Юлбаһсарлык кылырға килгән был бәндә! Тәрки халыктарына карата: такыр баш, поганая морда, разбойник, бур, карак; Алтынбайға карата: ырыуһыз бәндә, егет остого; Ғәйникамал – пәрәй кошсого, шайтан токомо булһа, үзенә кәрәк кешегә ул яғымлы өндәшә: – *Мең һорау за мөмкин, сибәркәй. – Йүләр кызыкай.**

Халык акылы тапкыр һүззәр аша сағыла, автор персонаждарының телмәрендәге мәкәл-әйтемдәр аша аз һүз менән күпте әйтә: *Бүрене күпме*

ашатһаң да, урманға карай. – Эйелгән башты кылыс сапмай. Эт туйһа, эйәһен теһләй. Бай барза ызан һызма, түрә барза түргә узма, тигәндәр. Безгә шул хозай язған бит инде, елкәне беттән, тапканды эттән ашатырға.

Романда башкорт халык йырзаны ла кулланылған: *Уның күңелен йөрәк башын әсеттергән һағыш баһып алды, үзенән-үзе бер моң ағыла баһланы:*

Аталарҙан калған, һай, ир бала

Күкрәк көсө менән мал таба.

Телдең байлығы уның синонимияһында күренә. З. Ураксин синонимдарҙы һәм антонимдарҙы урынлы файҙалана: *Йылғаның уң яғындағы тау итәгендә спирт, май, поташ заводтары, озон торбаларын ағастарҙан да өскәрәк һоноп, кара төтөн бөркөп ултыралар. Баярҙың ат заводы ла эре ак таһтан һалынған, бүрәнә койма менән уратылған. Абсолют антонимдар пары ак – кара сифаттары аша языусы быһраҡ кара төтөн ебәрәп, һауаны зарарлаусы баяр заводтары уның аттары йәшәгән ак ташлы бина менән сағыштыра (баярҙың хатта аттары ак таштан һалынған яҡшы урында йәшәй!). Старшиналык кағызы күкрәгән өшөтһә, ырыуаһтарын иһтрафтарҙан коткарыу кағызы йылытты. Антонимдар: өшөтөү-йылытыу. Әммә ризаһыз кешеләрҙе, боласыларҙы тыйығыз, кулда тотогоз, старшина, һезҙең волостьенән үзем кызыкһынып торасаҡмын. Донъяһы каҡшаған, тузған, һарай баһаналары ла терәүле лә таяулы, кыйығының һаламы шиңеп, өңөлөп-өңөлөп баткан.*

Тиң хәбәрҙәр кулланып, автор вакифаларҙың киһкенләшеуен, бойорокто теүәл үтәргә кәрәклекте белдерә: *Жирников күрше бүлмәгә сығып, хатты асты, бойорок кәтһи иһе: артты йыйыһтырырға, телдәре озон булған катын-кыҙҙарҙың телен кыһкартырға, поптың үзенә каршы мәғлүмәт йыйырға! Эһкелек менән булыуын дәһилләргә; хәл-тороштоң киһкенләшә барыуын күрһәтә: Тоз саңы, бит-муйындар ураулы буһна ла, танауға, колак тиһектәренә тула, тамакка ултыра, күззе кырка, тәнде энәләр менән сәнскәндәй әсеттерә; геройына карата ыңғай карашын белдерә: Әз генә буһ калған вақыттарында Асылыкүл буйындағы ауылдарҙы кызырҙы, һәр тау-таһтың, йылға, морон, түбәләрҙең иһемдәрен һораһты, риүәйәттәрен төпсөнө.*

Автор сағыштырыуҙарҙың аналитик юл менән яһалған төрөн йыһ куллана: *Без барыбыз за үрмәксе ауындағы себен кеүек инде. «Ат өһтөндә һауалағы кош кеүек иһе», тип һөйләгәнә бар Егор Николаевичтың. Көндөз кыуак, камыштар араһына йәһенеп, төнөн һунарға сыккан ябалак кеүек зур һаклык менән, әҙәм күзенә салынмай йәнә бер һисә көн юл үттә ул. Тимашев үзен каймакты урлап ашаған бесәй кеүек тоя иһе.*

Тарихи романда ошо осорға кағылыһлы историзмдар бар: *Был һүзҙәрҙе писарь за йөпләп, баһ кағып торзо. Старшинаның йөзө комһарып куйһна ла, был тауыһка иһе китмәгән төһ менән һүзен шул ук етдидегендә дауам иттә: – Бының Рәсәй мәмләкәте өсөн генә түгел, йәғни, мәһәлән, башкорт иһе өсөн дә зур мәһәнәһе бар... Башкорт менән казак араһындағы туктауһыз барымта, карымталарға һуңғы сик куйыласаҡ. Был тантана кыҙгандан-кыза барғанда, Ғәзәлбәк Насирҙы Ырымбурҙың таһ диуарҙар менән уратылған*

хәбесхананына бикләп тә куйзылар. **Кантон** башлыктарының берәүзәре ил мәнфәгәте өсөн йөрөнө, икенселәре үз йүнен генә күрергә тырышты. **Йортауайзы** ышандырыр кәрәк, уның һүзе һүз инде. Алтынсы кантонда бер йортто **караттар** туззырган, тигән һүззе Ырымбурза ишеттем. Хәрби лексика аша һүрәтләнгән хәл-вакиғаларзың киҫкенләшә барыуы асыла: **Багауылдар** төнөн генә түгел, көндөз за һакка сыга башланы, **мылтык-кылыслы** һыбай кешеләр дала эсенә илешәр сакрымга ук инеп күзәтергә тейеш булып китте. Инде Мырзагәле **харунйәнең** тәкә тиреһенең Каныкайзың кәртә артынан табылыуы хақында шуны әйтеп була. Ирәнән-кискә саклы ер казыу за агас-таш ташыу, **нығытмалар**, **рәдүттәр** короу. Эвфемизмдар аша тыйылған күренештәр һ.б. белдерелә: *катын-кыз* урынына *кара сәс*: *Мин һиңә әйтәйем, ауылыңа кайтып, берәй кара сәсте алып, донъя көтөр, балалар үстөрер инең, йәшең дә байтак булып бара түгелме һуң инде; карт урынына оло*: *Ярай, оло башың менән юкка юрап ултырма инде, миңә һиндәй харам мал инһен!*

«Карат» романында кара айғыр – ул символик образ, был образ үз эсенә хатта бер нисә символик мәғәнәне йыйған. Беренсенән, башкорт өсөн ат – изге йән әйәһе, башкорттоң юлдашы; икенсенән, ат – ул азатлык образы, сөнки азат рухлы аттар нәк ошо төшөнсәне кәүзәләндерә; өсөнсөнән, карат – кара ат, йәғни төсө буйынса исемләнгән ат, ләкин романға исем биргән төп образ башка төрлө төстәр менән аталмаған (ундайзар башкорт телендә ярайһы күп булһа ла, мәсәлә, кара: [Ягафарова, 2011: 82–87], кара аттың төсө аша кара йәки ябай халык менән аллегория үткәрелә: халык күргән миһнәттә карат та күрә, күтәрә, йәғни ул да ябай халык рәтенән. Языусы һәр образын уйлап, яратып ижад иткән. Кемдендер ыңғай «ғәзел Даль», кемдендер кире «эрәмтамактар командаһы», «әтәмбайзар» сифаттары асыла романда.

Зиннур Ураксиндың языу маһирлығы әсәрзәренә телендә асык сағылыш тапқан: кулланылған антонимдар, синонимдар, сағыштырыулар, эпитеттар, аллегория, йәнләндерәү, фразеологик берәмектәр, мәкәл-әйтемдәр һ.б. йөкмәткене байытқан, хәл-вакиғаларзы асык итеп күз алдына баһтырыу өсөн хезмәт иткән. Языусы тарихи осорзо шул вакытка хас тарихи һүззәр, хәрби лексика аша һүрәтләнә.

Әзәбиәт

1. **Ягафарова, Г. Н.** Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка / Г. Н. Ягафарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 82–87.

2. Башкорт теленә академик һүзлеге. 10 томда. Т. 5 : К хәрәфе / Ф. Ф. Хисамитдинова. – Өфө : Китап, 2013. – 888 б.

3. Башкорт теленә академик һүзлеге. 10 томда. Т. 10 : Ы–Я хәрәфтәре / Ф. Ф. Хисамитдинова. – Өфө : Китап, 2018. – 980 б.

4. **Гәрәева Г. Н.** Проза / Г. Н. Гәрәева // Башкорт әзәбиәте тарихы. Т. 7 : Хәзәрге әзәбиәт (1991–2015) / яуаплы мөх. М. Х. Нәзәрғолов. – Өфө : Китап, 2019. – 800 б.

5. Ураксин, З. Ф. Карат : роман, повестар / З. Ф. Ураксин. – Өфө : Китап, 2005. – 296 б.

УДК 811.512.141

*Байназарова Г.М.,
Уфимский политехнический колледж,
Российская Федерация*

КОНЦЕПТ «МӨХЭББӘТ» («ЛЮБОВЬ») КАК СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН)

Аннотация. Статья посвящена описанию структуры концепта как основной единицы лингвокультурологии на примере концепта «мөхэббәт» («любовь») в башкирских народных песнях. Складываясь на основе личного и культурного опыта, концепты являются духовным наследием в сознании народа, результатом познания окружающего мира, отражающим языковую картину и национальный менталитет. Концепт «мөхэббәт» («любовь») в башкирских народных песнях выступает как многомерное сложное явление внутренней жизни человека, интимное и глубокое чувство. Изучение полевой структуры данного концепта позволяет расширить круг признаков, выявить контекстуальные и индивидуальные представления о чувстве любви. Ядро концепта составляет основное понятие, приядерную зону – лексические репрезентации концепта; периферия представлена коннотативными и ассоциативными приращениями, которые привносятся культурой, традициями, народным, личным опытом и реализуются при определенном наборе слов-репрезентантов.

Abstract. The article is devoted to the description of the structure of the concept as the main unit of cultural linguistics on the example of the concept «love» in Bashkir folk songs. Developing on the basis of personal and cultural experience, the concepts are a spiritual heritage in the minds of the people, the result of knowledge of the surrounding world, reflecting the linguistic picture and national mentality. The concept «love» of in Bashkir folk songs acts as a multidimensional complex phenomenon of a person's inner life, an intimate and deep feeling. The study of the field structure of this concept allows you to expand the range of features, to identify contextual and individual ideas about the feeling of love. The core of the concept makes the basic notion, the core zone is the lexical representations of the concept; the periphery is represented by connotative and associative increments, which are brought in by culture, traditions, folk, personal experience, and are implemented with a certain set of representative words.

Ключевые слова: башкирские народные песни; концепт; лингвокультурология; периферия; полевая структура; приядерная зона; структура концепта; ядро.

Keywords: Bashkir folk songs; concept, cultural linguistics; periphery; field structure; nucleus zone; concept structure; core.

Язык, будучи средством общения между индивидами, хранит культуру как определенный уровень развития общества, отражает ее, передает следующим поколениям. На основе этой идеи возникла лингвокультурология – самостоятельное направление лингвистики, в задачи которого входит изучение и описание взаимосвязи и взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и менталитета. Одним из основных единиц лингвокультурологии является концепт – лингвоментальная единица, выражающая взаимодействие

языка и культуры. В современном языкознании концепт является одним из наиболее значимых терминов. Ю.С. Степанов определяет концепт «как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [7, 2001: 43].

Концепт является многомерным ментальным образованием, что обуславливает существование различных подходов к определению его структуры. Например, С.Г. Воркачев выделяет значимую в общении информацию, прагматическую информацию языкового знака и культурно-этнический компонент [Воркачев, 2003: 66–70]. В.В. Колесов в структуре культурных концептов выделяет символический компонент (денотат через понятие) и содержание (сигнификат через образ и символ) [Колесов, 1992: 36]. З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концепт включает в себя базовые структурные компоненты разной когнитивной природы: образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Попова, Стернин, 2007: 74–80]. Подчеркивая многомерность концепта, лингвокультурологи В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают три составляющие стороны концепта: ценностное, образное, понятийное [Карасик, Слышкин 2001: 78].

Мы остановимся на полевой структуре концепта, которая представлена в трудах З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Ю.Н. Караулова, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина и др. Учеными в концепте выделяются ядро и периферия, которые тесно взаимосвязаны и не разделены жесткой границей. Ядерная часть концепта характеризуется чувственно-наглядной конкретностью и состоит из базовых единиц, наиболее полно и объёмно передающих смысловую сущность концепта. Периферийный статус означает меру удаленности от ядра в соответствии со степенью конкретности и наглядности образа, ослабление ассоциаций по мере отдаленности от ядра. При исследовании концепта оба составляющие важны и значимы, однако следует их дифференцировать, так как роль и статус ядра и периферии в процессах мышления различны.

В современной концептологии и лингвокультурологии большое внимание уделяется концептам эмоционального и этического характера (Н. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Воркачев, В. Карасик и др.), поскольку особенности вербальной репрезентации эмоционального опыта имеют непосредственное отношение к менталитету этноса. Нами исследуется один из таких концептов – концепт «мөхәббәт» («любовь»), который представляет собой сложное ментальное образование высокой степени абстракции, имеет языковое выражение, отмеченное этнокультурной спецификой. Ядром данного концепта в песнях башкирского народа является чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места значимости определенного объекта в системе его личностных ценностей. При этом любящий находит в любви смысл своего существования и высший моральный закон:

*Әхирәт тә күрке, ай, мал менән,
Донъя күрке һөйгән йәр менән.*

БХИ, Ишкәксе йыры, с. 96.

*Сорнап алды мөхәббәтең
Әйләнен ялкындарға.*

БХИ, Килсе яныма, с. 173.

В некоторых исследованиях при определении структуры концепта наряду с ядерной выделяется и приядерная зона, которые вместе образуют его центральную часть и состоят из общепринятых понятий, оценок, таким образом представляя общенациональную составляющую картины мира:

*Хак тәгәлә безгә шулай кушкан:
Айырылышып гүмер итергә.*

БХИ, Ат эйәрләп куйзым китергә, с. 119.

*Үзем үлмәй, гүргә кермәй,
Яттарға калдырмамын.*

БХИ, Бейеү такмағы, с. 190.

К приядерной зоне относятся лексические единицы, характеризующие этот процесс и включающие объективные семантические признаки анализируемого фрагмента языковой картины мира. Когнитивные признаки приядерной зоны имеют высокую степень значимости для характеристики рассматриваемого феномена. Они являются основными, через них раскрываются оттеночные значения и формируется цельный образ феномена:

*Йәнең һөйгән йәрзәр менән
Гүмерзәр рахәт үтә.*

БХИ, Бейеүсе, с. 193.

*Кешеләрзә ни эшем бар,
Үземдең күңел һөйгәс.*

БХИ, Нары хандуғас булаһың, с. 336.

В башкирских народных песнях лексемами, репрезентирующими чувства, сопутствующие любви как чувству к противоположному полу, являются такие слова, как «йән» («душа») и «йөрәк» («сердце»):

*Әгәр **йәнем** икәү булһа, дуҫкайым,
Әгәр **йәнем** икәү булһа, дуҫкайым,
Береһен һиңә бирер инем, дуҫкайым.*

Шәльяулығың бәйләгәнһең, дуҫкайым, с. 268.

*Ел елләмәй курай һелкенмәй,
Ел елләмәй курай һелкенмәй,
Бер йырламай **йөрәк** елкенмәй.*

Был донъяның кәзерен беләйек, с. 270.

Большое значение в песнях о любви и дружбе имеет также рассматривание любви как чувства привязанности, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества. Данный семантический компонент на материале народных песен предстает как чувство благосклонности к друзьям:

*Биргый-һикерә килә күк юрға,
Дуслығыбыз калһын күп йылға,
Дуслығыбыз калһын күп йылға.*

Йылтыр за ғына йылтыр ут күренә, с. 265.

*Айырылмаслык дуҫтар булайык,
Айырылмаслык дуҫтар булайык,
Был донъяның кәзерен беләйек.*

Был донъяның кәзерен беләйек, с. 270.

В менталитете башкирского народа любовь тесно связана также с разлукой, которая выражается через концепт «һағыш» («тоска») и является неизменным атрибутом чувства любви:

*Яззар йәмле, коштар һайрай,
Һағынмай булмас инде.*

БХИ, Йәмле яз, с. 186.

*Һағынганда, дуҫым, бер йырларһың,
Оттоп алсы ошо көйөмдө.*

Көйөлдө, с. 273.

В народных песнях башкирского народа концепт «мөхәббәт» («любовь») играет важную роль в выражении культурных характеристик национального языкового сознания башкирского народа, раскрываясь через понятия «нәфрәт» («ненависть»), «тыуған ил» («родина»), «язмыш» («судьба»), которые передают базовые психоэмоциональные состояния лирического героя:

*Биргән генә кейәүең теремек түгел,
Күңелкәйем бер зә ирһенмәй.*

Таштуғай.

*Илкәйемә лә шул кайтыр инем,
Аяктарым талһа имгәкләп.*

Ғилмияза.

*Һандугастай һайрар кыз баланы,
Мәзинәкәйгенәм, гөлкәйем,
Язмыш һата икән малдарға.*

Мәзинәкәй.

Периферия концепта «мөхәббәт» («любовь») в рассматриваемых нами песнях содержит субъективные, опосредованные семантические признаки, возникшие в результате концептуализации и связанные с объективными ассоциативно. В башкирских народных песнях периферийная часть данного концепта актуализируется через различные виды устойчивых словосочетаний, расширяя свои понятийные горизонты. Являясь источником образности и выразительности речи, фразеологические обороты выражают личностную оценку, эмоции, образы и формируют индивидуальную составляющую картины мира:

*Әллә низәр һөйләнең дә
Уттар һалдың йөрәккә.*

БХИ, Һызылып тандар аткан сакта, с. 338.

*Исән генә булһак, кауышырбыз,
Өмөтөңдө, йәнкәй, өзмә һин.*

БХИ, Баксаларза, базьян, ай, сәскәһе, с. 120.

Таким образом, в современном языкознании концепт является одним из наиболее значимых терминов. Концепты помогают постигать новые способы, закономерности и особенности взаимодействия языка и культуры. Рассматривая как содержательно сложное явление, в концепте можно выделить уровни, которые относятся к различным сферам человеческого бытия и культуры. Исследуемый нами эмоциональный концепт «мөхәббәт» («любовь») рассматривается в башкирских народных песнях и характеризуется как сложный многомерный феномен психической и эмоциональной жизни человека. Языковое выражение этого концепта имеет полевою структуру: нами были определены ядро, где отражаются обязательные признаки; периферия, которая содержит менее значимые ассоциации; также выделена приядерная зона – лексические единицы, приближенные к ядру.

Литература

1. **Воркачев, С. Г.** Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 164 с.
2. **Карасик, В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник научных трудов / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 75–81.
3. **Попова, З. Д.** Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 123–129.
4. **Самситова, Л. Х.** Языковое воплощение концепта «мөхәббәт» в башкирском поэтическом тексте / Л. Х. Самситова // Сравнительно-сопоставительное изучение языков, литературы и культуры народов РФ и актуальные проблемы их функционирования и трансформации : материалы

Всероссийской научно-практической конференции. 24-25 ноября 2011 г. / отв. ред. Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. – С. 180–185.

5. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в башкирских народных протяжных песнях (озон көй) / Л. Х. Самситова // Международный тюркологический симпозиум, посвященный выдающемуся тюркологу, д.ф.н., профессору, академику РАН Эдхяму Рахимовичу Тенишеву (Проект РГНФ № 13-04-14027) в рамках Международного научно-практического форума «Сохранение и развитие языков и культур». – Казань, 2013. – С. 155–158.

6. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в башкирской языковой картине мира : монография / Л. Х. Самситова; науч. ред. М. В. Зайнуллин. – Уфа : Гилем : Башкирская энциклопедия, 2015. – 360 с.

7. **Степанов, Ю. С.** Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2001. – 992 с.

8. Башкорт халык ижады. Т. 2 : Йырзар. – Өфө : Китап, 1977. – 294 б.

9. Башкорт халык ижады. Т. 1 : Совет осоро. Бәйеттәр. Йырзар. Такмактар. – Өфө : Китап, 1981. – 392 б.

10. Башкорт халык ижады. Йырзар һәм көйзәр. Ноталар менән. – Өфө : Китап, 1983. – 312 б.

11. Башкорт халык йырлары, йыр-риүәйәттәре / автор-төзөүсене Ф. А. Нәзершина. – Өфө, 1997. – 288 б.

12. Башкорт халык йырлары. Башкирские народные песни : [сайт]. – URL: <http://yir.atspace.com>. – Текст : электронный.

УДК 372.8

*Биргалина А.Р.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Султакаева Р.А.*

ОРГАНИЗАЦИЯ УРОКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОВЕСТИ ЗАЙНАБ БИИШЕВОЙ «БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ»

Аннотация. Данная статья посвящена организации урока башкирского языка на основе концептосферы повести Зайнаб Бишевой «Будем друзьями». Актуальность темы определяется тем, что преподавание башкирского языка с опорой на лингвокультурологическую парадигму обладает огромным обучающим, познавательным и воспитательным потенциалом и способствует развитию культурологической компетенции обучающихся.

Abstract. This article is devoted to the organization of the Bashkir language lesson based on linguistic and cultural material. The relevance of the topic is determined by the fact that teaching the Bashkir language based on the linguistic and cultural paradigm has a huge educational, cognitive and educational potential and contributes to the development of cultural competence of students.

Ключевые слова: языковая личность; лингвокультурологическая концепция; концепт; лингвокультурный текст; культурный стереотип.

Keywords: language personality; linguistic and cultural concept; concept; linguistic and cultural text; cultural stereotype.

Современная концепция обучения башкирскому языку предполагает формирование высоко нравственной, интеллектуально развитой языковой личности. Этот процесс ориентирован на приобретение обучающимися языковых знаний и на их основе формирование коммуникативной и лингвокультурологической концепций.

Концепция формирования языковой личности посредством родного языка уходит своими корнями в идеи Ф.И. Буслаева, который сформулировал методические принципы своего труда на представлениях о единстве языка с личностью ученика. Он писал: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить одному значит вместе с тем и развивать (личность) духовные способности обучающегося» [Буслаев, 1884: 234].

Изучение башкирского языка подразумевает в первую очередь развитие коммуникативно-культурологической компетенции: научить обучающихся постигать систему мировоззрения народа как носителя языка, научить воспринимать язык не как свод грамматических правил, а как феномен духовной культуры.

Лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку исходит из понимания языка как информационного кода, служащего основой знаний о мире; языковой способности человека, дара слова; феномена культуры, культурно-исторической среды, исторической памяти, формирующей личность. Основное внимание в данной концепции уделено развитию культурологической компетенции обучающихся [Самситова, 2010: 4].

Лингвокультурологическая парадигма обучения башкирскому языку в школах республики должна реализоваться с опорой на общую систему обучения, направленную на формирование личности с широким диапазоном языковых возможностей: человека культуры, хорошо говорящего, правильно пишущего, способного понять и интерпретировать башкирские тексты, передавать свои мысли и чувства в собственных текстах на башкирском языке. Такая подготовка предполагает восхождение языковой личности от элементарной грамотности до сформированности лингвистической, коммуникативной и культурологической компетенций.

Лингвокультурологическая концепция преподавания башкирского языка рассматривается не просто как частнометодическое направление обучения, а как целая новая область методики со своей терминологией, содержанием, специфическими целями, стратегией и тактикой обучения башкирскому языку в процессе формирования полилингвальной языковой личности, ее лингвокультурологической компетенции [Саяхова, 2006: 14].

Познание мира башкирской культуры, народных стереотипов поведения, этики, обычаев, взглядов на личность подростка возможно только через изучение художественных текстов башкирской литературы на уроках родного

языка в школе. Повесть Зайнаб Биишевой «Будем друзьями» представляет собой в этом плане ценный лингвокультурный материал для изучения базовых концептов национальной картины мира обучающимися и формирования у них культурологических знаний.

Основная задача организации урока башкирского языка в среднем и старшем звене по произведению «Будем друзьями» – изучение художественных концептов в национальной картине мира повести и формирование лингвокультурной компетенции обучающихся.

На уроке мы поставили следующие задачи:

- определить лингвокультурные реалии художественной картины мира повести З. Биишевой «Будем друзьями»;
- выделить базовые концепты, вербализующие лингвокультурные понятия в повести;
- провести с обучающимися упражнения по выбранным концептам и путем анализа формировать у них навыки анализа прецедентного текста, познания национальных стереотипов;
- на основе выделенных концептов формировать самостоятельную исследовательскую деятельность обучающихся.

В начале урока обучающимся в рамках этапа мотивации и выявления ассоциативного поля ключевых концептов повести «ғүмер» («жизнь»), «хезмэт» («труд»), «батырлык» («храбрость»), «дуслык» («дружба»), «язмыш» («судьба»), «акыл» («ум»), «күңел» («душа»), «якшылык» («добродетель») могут быть предложены следующие задания:

- провести ассоциативный эксперимент, то есть написать максимальное количество слов и словосочетаний, связанных с данными концептами;
- обучающиеся делятся на 4 группы и определяют значения каждого ключевого слова и их этнокультурные этические установки (например, слово «батырлык» в башкирском языке выражает смелость и храбрость. В языке следующие этнокультурные ассоциации: батыр, Урал-батыр, батыр в народных сказках).

Далее обучающиеся составляют определения к ключевым словам, говорят о морально-этической культуре народа, самостоятельно определяют базовые значения определенных концептов из повести в лексическом составе языка.

На следующем этапе урока обучающиеся кратко знакомятся с содержанием и языковой картиной мира повести Зайнаб Биишевой «Будем друзьями». Далее выступают с подготовленными докладами о повести «Будем друзьями». Основные тезисы докладов:

- Воспитательная ценность повести «Будем друзьями». Зайнаб Биишева на материале повести изображает две противоположные личности – Юлдаша и Кыдыраса. На примере их личностного развития показаны основные этические проблемы подросткового возраста – отношение к труду, дружбе, коллективу, развития познания, интереса к миру.

– Язык повести отличается богатством и своеобразием. Зайнаб Биешева широко использует народную паремиологию – пословицы и поговорки, фразеологизмы.

– В повести «Будем друзьями» отражена народная культура. Писательница изображает деревенский быт, обычаи, в ткань художественного произведения вплетены легенды и другие фольклорные материалы.

На основе выступлений обучающихся делается общий вывод о национально-культурном своеобразии языка повести «Будем друзьями».

Ключевым компонентом содержания обучения в рамках урока в повести «Будем друзьями» является лингвокультурный текст. Под ним мы понимаем текст, который характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, культурологической насыщенностью, ситуативной адекватностью используемых языковых средств. Отметим, что основную часть текстов, используемых нами в качестве средства обучения, составляют фольклорные тексты, их использование определяется принципом межкультурной направленности и характером познавательной деятельности обучающихся в работе с ними.

Обучающиеся на следующем этапе урока на материале упражнения по лингвокультурной ассоциации с ключевыми словами последовательно выполняют упражнения по лингвокультурным текстам из повести З. Биешевой «Будем друзьями». Рассмотрим некоторые из них:

1. Концепт «хезмэт».

В тексте повести Зайнаб Биешевой обучающиеся должны найти выражения, вербализующие концепт «хезмэт». В качестве «дорожной карты» предлагаются следующие лексемы, на основе которых репрезентируются семантические структуры концепта:

- уңғанлык – умелость;
- эшсәнлек, эш яратыу – трудолюбие;
- ялкау – лень и др.

2. Концепт «күңел» («душа»).

Лингвокультурный текст:

а) *Кызырас күңелләнен, кыуанып:*

– *Ни, был мин тоткан сабак бит ул. Бынауы алабуганы, ни, Юлдаш, һин тоттоңмо? Был өлкән кызылганатты ла мин тоттом бит ул, – тин һөйләп кенә ултырзы* [Биешева, 2008: 39].

б) – *Кызырас, без зә быйыл Октябрьскийга күсен барабыз бит, – тине ул. Унан Кызырастың быга нисек кыуанасагын, унда баргас та, ошоллай дуҫ булып бергә йөрөйсәктәрен һөйләй башлаясагын көтөп, күңелле йылмайып уга теклән е* [Биешева, 2008: 39]. *Унан, күңелһез генә тороп, күл буйына табан китте. Уның был күңелһезлеге сабак менән емләп һалынган кармагына зур бер шамбы капкас кына бөттө. Бынан һуң улар тагы, бөтәһен онотоп, балык кармакларга керешеп киттеләр* [Биешева, 2008: 41].

Задания:

1. Определите значения слов *күңелле/күңелһез, кыуаныу*.

2. Найдите в тексте повести устойчивые выражения и крылатые слова о радости и несчастье. Составьте антонимичные пары.

3. Концепт «якшылык» («доброта»).

Лингвокультурные тексты:

а) – *Нисек, нисек?! – тип кыскырып ук ебәрзе. Ғәбит ағай, тыныс кына итеп:*

– *Ни өсөн һин насар? Ни өсөн ул якшы? Һин ипләп кенә һөйләп бир инде, йәме? Юкһа мин бер ни зә аңламайым, – тине* [Биешева, 2008: 112].

б) *Бөгөн ул, бында килгәс, Кызыраска карап, хатта өләсәһенең кем тураһындалыр бер вақыт «якшынан яман тыуған» тип әйткән һүзен хәтерләп тә куйзы* [Биешева, 2008: 60].

в) *Ул Кызырасты бик нык шатландырырға тейешле булған был вақиға уңайы менән дуһының һуңғы вақытта үзенә карата һалкынайыңкыраған мөнәсәбәтен якшыртып калырға тырыша ине* [Биешева, 2008: 101].

г) – *Мин һиңә нимә тим? Үз урыныма һине кымыз оштаһы итеп әзерләгем килә тим түгелме? Ә? Ниңә якшы һүззе аңламайһың?* [Биешева, 2008: 89].

Задания:

1. Какие значения являются основными в слове «якшы»?

2. Определите значение пословицы «Якшы һүз – йән азығы». Найдите в текстах репрезентацию данного значения.

На завершающем этапе урока обучающиеся в беседе с учителем приходят к общему выводу о значениях анализируемых концептов, о национальных стереотипах и культурных стереотипах, народной этике в повести. Беседа завершается самостоятельной оценкой детьми усвоенных знаний (этап рефлексии). В качестве домашнего задания можно предложить составление исследовательского проекта на тему репрезентации выбранного концепта в повести Зайнаб Биешевой.

Таким образом, изучение концептов на основе лингвокультурного текста (на примере повести «Будем друзьями») расширяет познавательные и творческие умения и способности. Развивается лингвокультурное сознание детей, на уроках башкирского языка упражнения на анализ группы концептов формирует речевые умения и навыки выявления этнокультурного компонента национальной языковой картины мира.

Литература

1. **Буслаев, Ф. И.** О преподавании отечественного языка : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература» / Ф. И. Буслаев. – Москва : Просвещение, 1992. – 512 с.

2. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.

3. **Самситова, Л. Х.** Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / Л. Х. Самситова; под ред. М. В. Зайнуллина, Л. Г. Саяховой. – Уфа : Китап, 1999. – 176 с.

4. Самситова, Л. Х. Лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан / Л. Х. Самситова. – Уфа : Китап, 2010. – 21 с.

5. Саяхова, Л. Г. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения : методическое руководство для учителей русского языка (5–11 классы) / Л. Г. Саяхова. – Уфа : Китап, 2006. – 223 с.

6. Бишева, З. Дуэ булайык / З. Бишева. – Өфө : Китап, 2008. – 340 б.

УДК 894.343

*Бухарова Г.Х.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

МИФОКОНЦЕПТ «ДУША» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР»

Аннотация. Мифоконцепт «душа» относится к глубинным слоям культурного пространства – древнейшему (архетипическому) представлению башкир и является ядерным понятием в эпическом кубаире «Урал-батыр». В статье сделана попытка описания того, как данный мифоконцепт хранится в мифопоэтической модели мира текста эпоса «Урал-батыр» и в национальном сознании, при помощи каких кодов культуры фиксируется в языке в виде культурной памяти.

Abstract. The mythological concept “soul” refers to the deep layers of the cultural space - the most ancient (archetypal) representation of the Bashkirs and is a nuclear concept in the epic kubair “Ural-Batyr”. The article attempts to describe how this mythological concept is stored in the mythopoetic model of the world of the text of the epic "Ural-Batyr" and in the national consciousness, with the help of which codes of culture are fixed in the language in the form of cultural memory.

Ключевые слова: эпический кубаир «Урал-батыр»; мифоконцепт; душа; вербализация концепта.

Keywords: epic kubair “Ural-Batyr”; mythoconcept; soul; concept verbalization.

В религиозно-мифологическом представлении башкир, как и у всех народов, понятие *йән* («душа»), возникшее на основе олицетворения жизненных процессов человеческого организма, воспринимается как реально существующая субстанция. *Йән* – это сверхъестественное, нематериальное, бессмертное начало в человеке, продолжающее жить и после его смерти. Иногда *йән* («душа») может иметь материально видимое воплощение в образе птицы или насекомого – бабочки и т.п. Материальная часть человека – это тело. Вся сущность человека – *кешенең бөтә булмышы* – в башкирском языке выражается композитом иранского происхождения *йән-тән*, букв. «душа и тело» [БТһ, 1993: 467].

Согласно мифологическим представлениям башкир, а также и других тюркских народов, душа присуща не только человеку, но и всему живому и имеет различные ипостаси. Например, тюркоязычные народы Сибири (алтайцы и др.) различают душу: *тын* (дыхание, неотделимое от человека), *кут* (жизненная сила, похищение которой влечет за собой смерть), *сюр* (призрак, двойник, который может отделяться от тела), *кермес* (букв. «невидимый», дух умершего): *ару-кермес* («чистый») и *дьяман-кермес* («нечистый, злой») [Токарев, 1991: 414].

Известные исследователи духовной культуры алтайцев В.И. Вербицкий и А.В. Анохин, подробно описавшие шаманизм тюрков и их представления о душе, приводят семь основных названий души, встречающихся у алтайцев: *sune*, *tyn*, *qut*, *djula*, *sur*, *djel-salqyn*, *uzut*, которые обозначают различные ипостаси и метаморфозы души человека. Кроме того, существуют еще названия для души умерших людей – *aruu kormos* и *djamankormos* [Баскаков, 1973: 108].

Как пишет ученый этнограф А. Инан, понятие души древние тюрки обозначают словом *тын алышы*. Якуты душу называют *тын*, *кот*. Если *тын* покидает тело, наступает смерть, а если *кот* покидает тело, то смерть не наступает. *Сюр* – энергия, имеющаяся у человека, она связана с его желанием, волей и представляет собой духовную сущность человека. Во время сна *сюр*, оставив тело, путешествует. Душа умерших людей у алтайцев называется *узут*, у якутов – *йөр*. У казанских мусульман это понятие именуется *өрәк*. По представлениям шаманистов, душа находится в крови или в сердце [Инан, 1998: 184–185].

По мнению венгерского тюрколога Й. Тормы и башкирского лингвиста Ф. Г. Хисамитдиновой, башкиры различают четыре типа души: *йән* – «душа жизни», *тын* – «душа дыхания», *кот* – «душа сердца и счастья» и *исем* – «душа имени» [Торма, Хисамитдинова, 1992: 112–117].

Башкирское название души *тын* («душа», «дыхание») имеет параллели во многих современных и древних тюркских языках: алт. *tyn* – «дыхание, дух»; «душа, которая является нематериальной субстанцией, неотторжимой при жизни человека; при лишении ее человек умирает»; ср.: *tynu suqtu* («душа его вышла, он умер»), *tynuzuldi* («душа его оборвалась, он умер»), древнетюрк. *tyn* («дыхание, дух»; «дышать»), *tynugly* («живой, живущий»); *tynlyg* («живое существо»); *tynsyz* («неживой»); тувинск. *tyn* («жизнь»; «дышать»), *tynnyg* («живой, одушевленный»), хакас. *tyn* («душа», «дыхание»); *tynu suhtu* («он умер»). Происхождение этого слова связывают с понятием «дух, дышать, дыхание, душа», то есть его можно считать прямым аналогом русского слова «душа» [Баскаков, 1973: 109]. Вместо башкирского названия души *йән*, заимствованного из персидского *guan*, в некоторых современных тюркских языках, а также в словаре Бадр ад-Дина Ибрахима «Фарханг-и зафангуйа ва джаханпуйа» (Словарь говорящий и мир изучающий) (XIVв.) употребляется лексема *ozak* («душа»). За этим словом закреплены также значения «артерия», «кровеносный сосуд». В словаре первого тюрколога-лингвиста, этнографа и фольклориста М. Кашгари «Дивану луғат ат-турк» («Словарь тюркских языков») (XI в.) *ozak* означает «кровеносный сосуд», а в «Сравнительном

словаре турецко-татарских наречий» дореволюционного лексикографа Л.З. Будагова (1812–1878) *ozak* – «сердце», «жила» «нутро» [Наджиб, 1989: 256]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортяна, кроме указанных выше, зафиксированы значения «мозг», «дыхание», «сила», «мощь» и т.д. [ЭСТЯ, 1974: 509]. Понятия «душа», «кровь», «кровеносный сосуд», «сердце», «нутро» в тюркских языках передаются одним и тем же словом *ozak*; это свидетельствует о том, что, по представлениям тюрков, вместилищем души является кровь, сердце, нутро.

Тюркское название души *ozak* сохранилось в башкирском языке в виде устойчивых словосочетаний *үзәккә тейеү*, *үзәккә үтеү*, *үзәкте өзөү* («вымотать душу»), *йөрәкте өзгәс* («душераздирающий») и т.п.

Следующая ипостась души в тюркских языках называется *кот*. Как показывают материалы исследования Н.А. Баскакова, душа *qut* – неотторжимая субстанция живого человека, утрата ее приводит к смерти. *Qut* означает «эмбрион, жизненная сила», «дух, душа» и противопоставляется понятию нематериальной души *tyn* как материальное ее воплощение, как жизненная сила, ниспосланная *anam djajisu*, т.е. матерью-творцом, и появляющаяся еще в утробе матери в виде красного червяка *quzylqurt*. *Qut* является общетюркским (общеалтайским) словом (ср.: древнетюрк. *Qut*) и употребляется в значениях: 1) «душа, жизненная сила, дух»; *qutumny beremen* «я отдаю душу, я умираю»; 2) «счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех, состояние блаженства»; 3) «достоинство, величие»; отмечаются также его производные: *quta-qutla* («становиться счастливым»); *qutad* < *qutlat* («делать счастливым»); *qutadgu bilik* («знание о том, как быть счастливым»); *qutlu* («счастливый, обладающий жизненной силой»); *Qut* имеет соответствия во всех тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, т.е. является общеалтайским словом: казахск., каракалпакск. *qut* («жизненная сила, дух»; «амулет, охраняющий скот»; «счастье»), *qutum qasty* («мне не везет»); тувинск. *qut* («душа, животворная сила»); хакас. *xut* («душа, дух, жизненная сила»); монгольск. *xutag* («счастье, благополучие»); маньчжурск. *xutu* («счастье»), тунгусск. *qutu* («счастье») [Баскаков, 1973: 110].

В башкирском языке название души (*кот*) употребляется почти во всех выше перечисленных значениях. Но, в отличие от других тюркских народов, башкиры считают, что утрата души (*кот*) не приводит к смерти. *Їот осоу* (*кот алыныу, кот калмау*) – утрата *кот* может произойти при сильном испуге и часто приводит к болезни, несчастью. В этом случае башкирские знахарки обрядом «отливание свинца» вызывали улетевшую душу больного *кот* и по форме отлитого свинца устанавливали, что явилось причиной испуга. После такой процедуры, по их мнению, душа (*кот*) человека возвращается (*кот кайта*), воплощаясь в слитке свинца в форме сердца. Поэтому свинец отливался до тех пор (иногда и до 7 раз), пока не принимал форму сердца. *Кот*, принявший таким образом материальную форму, носили как амулет, охраняющий человека от всего дурного.

Душа (*кот*) присуща не только человеку, но и всему живому и неживому. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в башкирском языке словосочетания

өй кото («душа дома»), *мал кото* («душа скота») и благопожелания (*алгыш*): *өйөгөз котло булһын!* Выражение *өй кото* («душа дома») обеспечивает удачу, счастье, материальное благополучие его обитателей. Башкиры верили, что при плохом поведении или при болезни хозяйки – *өйзөң кото каса, өйзөң кото китә* – букв. «душа дома» исчезает, уходит.

В семантическом пространстве эпоса «Урал-батыр» мифоконцепт «душа» реализуется различными способами. Он вербализуется посредством лексем, обозначающих душу: (*йән, кот, коба, тын, бәгер*), устойчивых словосочетаний (*йән эйәһе* – букв. «хозяин души», в смысле «все живое, в том числе и человек»; *йән биреү, йән сығыу, йән кыйыу, күбәләктәй осоу, үлгәнгә йән биреү, үлемгә йән биреү, үлмәс йән, йырткыс йән, йән кыйыу*) и мифопоэтических символов (*Янбике, Янбирде, Хумай, Ирамал, Кот тау, Йәнишишмә*).

Первобытные представления башкир о душе, которые нашли отражение в эпосе «Урал-батыр», сводятся к следующим закономерностям мифологического мышления.

Как видно из содержания эпоса, *йән* («душа») рождается от союза мужского и женского начал и даруется ими: *Янбирде* (от перс. *йән* – «душа» и башк. *бирзе* – «отдавший», досл. – «отдавший душу») и *Янбике* (от перс. *йән* – «душа» и башк. *бикә* – «госпожа», возможно, «носительница души»). Они – первые прародители человечества, от их союза родились сыновья Шулген (башк. Шүлгән) и Урал.

В эпосе «Урал-батыр» понятие *йән* («душа») выражается среднеперс. словом *gvan* («дыхание; дух»), которое восходит к индоевроп. **an-* («дышать; дуть»), лат. *animus* («душа, дух»), *anima* («дуновение, дыхание, дух»). Именные производные: **an-* «душа; дыхание; в(з)дох» – из арийск. **an-* (ср. древнеинд. *anila-* «дыхание; ветер», *ana-* «дыхание») и в обозначениях рта и носа как органов дыхания [ЭСИЯ, 2000: 153].

Как показывают наши примеры, душа *йән* так же, как и душа *тын* типологически сходны: они связаны с общим представлением о душе – «дышать, дыхание, душа».

Название души *тын* закреплено в следующем контексте. [Ворон]:

Ерзәгеһыу тынсыһа,

Если протухнут земные воды,

Шу сакта без нишләрбез?

Что мы станем делать тогда?

По представлениям башкир, если вода «задыхается» – (*тынсый*), она становится неживой.

Во многих мифологических системах вода связывается с мотивами рождения, плодородия, а также с мотивами смерти. Это находит отражение в разделении живой и мертвой воды: в башкирской мифологии соответственно *тереһыу* и *үлеһыу*. *Тереһыу* – источник живой воды в эпосе выражается словом *Йәнишишмә*, которое образовано от персидских слов *йән* – «душа» и *шишмә* – «родник». Слово *шишмә* как гидронимический термин восходит к иранским языкам, где **casma-ka-* (со старым суф. **-ka-*) среднеперс. ран. *casmak*, поздн. *casmag* (*{csmk'}*), ман. *{csmg}*) «источник, родник», кл. перс., дари, тадж. *casma*; совр. перс. *casme / cesme* «источник, родник, ключ» [ЭСИЯ, 2000: 240].

Как повествуется в башкирском эпосе «Урал-батыр», *Йәнишимә* дарует бессмертие. [Янбирде]:

*Дейеү батша ерендә,
Әйттеләр, бер ишимә бар,
Анан һыу эскән кешегә,
Һис тә үлмәй йәшәү бар,
Тип һөйләне ололар...*

*«...В царстве дивов, на дальней земле,
Протекает Живой родник.
Выьет кто из него – и вмиг
Обессмертит себя, говорят,
Смерть отступится, говорят.*

[Урал]:

*Шшимәнән һыу алайык,
Үлгәнә йән бирәйек.
Кешеләрзе донъяла
Үлмәҗәндәр кылайык.*

*Водою Живого Родника
Род человеческий окропить.
И тогда всех людей на земле
Сможем в бессмертных мы превратить»*

Согласно религиозно-мифологическим представлениям башкир и в контексте всего эпоса, смерть воспринимается как процесс отделения души от тела. Вместо стилистически нейтрального үлеү («умереть») в эпосе используются устойчивые словосочетания *йән биреү*, *йән сыгыу*:

*Йәнең сыкһа кулымда,
Тәнең кайза ташлайым?
Соргаткансы үлмәһә,
Кайһы илгә сөйәйм?
Тип бер батыр Уралға
Алып һүзен әйткән, ти.*

*«Если от рук наших Смерть найдешь,
В какую яму твой труп забросить?
Если случится, что не умрешь,
В какую страну твоё тело
забросить?»
Так один из четверых
Уралу с издевкою сказал.*

[Урал]:

*Кулыгызза йән бирһәм,
Арысланыма бирегез;
Көсөгөз етһә ташларға,
Йәнишимәгә сөйөгөз.*

*Если умру я в ваших руках,
Тело бросьте льву моему;
Коль хватит сил меня одолеть,
Закиньте к Живому Роднику.*

Как отмечалось выше, душа даруется родителями. Раскрытие символического значения слова *Хумай* подтверждает, что представленный в эпосе образ *Хумай* является олицетворением души, дарующей жизненную силу *омиа* всему земному началу. Об этом свидетельствует прежде всего семантика текста кубaira, где о функции *Хумай* говорится так: *бары шунан йәнләнган* («все ожило, оживилось ею»):

*Бары шунан йәнләнган
Һымак төслө тойолган;
Күз алдында бар донъя,
Гүйә, аңа әйелгән!*

*И казалось, что все кругом –
И подруги в платьях своих,
И все, что окружало их, –
Озарялось ее красотой,
Ее целомудренной чистотой;
Будто весь мир пред девушкой той
Голову низко к земле клонил.*

В эпосе «Урал-батыр» *Хумай* выступает то в облике птицы – *аккош* («лебедь»), то красивой девушки. Она знает дорогу к роднику *Йәнишишмә*, дарующему бессмертие, и сама, как и душа, бессмертна: ведь мать купала ее в роднике *Йәнишишмә*:

*Аш булып мин һеңмәмен:
Йәнишишмәнән һыу алып
Әсәм тәнем йыузырган
Барығызга билдәле
Үз нурына һугарған
Кояш тигән әсәм бар.*

*Если ж съедите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено –
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыл
Солнце-Кояш – мать моя,
Светом бессмертья меня озарила.*

После смерти Урал-батыра как бы прекращается, прерывается одна из материальных функций *Хумай* на земле – быть супругой человека и рожать детей. В этом заключен один из этапов ее жизненного пути. После гибели Урала она вынуждена принять облик лебедя и улететь, став олицетворением души. Много лет спустя *Хумай* прилетает на родину Урала со стаей белых лебедей и дарует всему жизнь. В башкирском эпосе в такой поэтической форме изображается функция образа *Хумай*. Мотив дарования жизненной силы *омиа* восходит к общей алтайской мифологии. В тюркской, тунгусо-маньчжурской и монгольской мифологии *омиа*, *оми*, *оме*, *умай* (зародыш, женская утроба, матка), с одной стороны (т.е. материальное существо), и жизненная сила, душа *оми//омиа*, способная к перевоплощениям (нематериальное, идеальное существо) – с другой.

Наиболее древнее значение этого слова сохранилось, на наш взгляд, в тунгусо-маньчжурских языках, где *оми* – душа. Как видно из тунгусо-маньчжурской мифологии, первоначально словом *оми* называлось изваяние человека из камня и глины, которое изготовил один из двух братьев – создателей Вселенной. Сотворив изваяние, он вдохнул в него душу – *оми* [Василевич, 1992: 254].

Согласно мифологическим представлениям тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока, все живое на земле – растения, животные и сам человек – имело свой источник жизни – жизненную силу *омиа*, получаемую в момент зарождения. *Омиа* человека представлялась особой субстанцией, способной к самому продолжительному существованию вне тела человека в течение нескольких поколений до его рождения и после смерти, к изменениям и перевоплощениям, переходу от предков к потомкам. Вероятно, поэтому «перенявшие души предков» внуки, назывались «*омоло*». Как пишет Т.Ю. Сем, чаще всего *омиа* человека представлялась в образе птицы или бабочки [Сем, 1991: 180].

По содержанию текста эпоса «Урал-батыр» образ *Хумай* ближе общетюркскому образу *Умай*. Однако в народных верованиях башкир образ *Һомай* сближается с классическим перс. *һита*, *һитау* (имя сказочной птицы, приносящей счастье и царствование тому, на кого при полете упадет ее тень); совр. перс. *һоти*, *һотау*: 1) «птица Феникс (по поверью, приносящая счастье

тому, на кого упадет ее тень”); такое же верование сохранилось и у башкир); 2) зоол. “ягнятник” [ЭСИЯ, 2015: 348]. Внутреннее значение слова һомай: *hu- “хороший, добрый”; таја- “счастье, радость, удовольствие, блаженство” [ЭСИЯ, 2015: 131].

Согласно тунгусо-маньчжурской мифологии, *оми* «душа» животного помещалась в той части его тела, которая участвовала в добывании средств к жизни: у оленей – в резцах, у пушных зверей – в носу, у медведя – в лапе и т.д. Такая локализация души имеет аналог и в верованиях башкир. Например, судя по языковым данным и по представлениям башкир, душа находится в сердце, печени; душа женщины – в груди, душа мужчины – «*йән ере*» находится в половом органе.

Башкиры, как и все архаичные народы, поклонялись фаллосу как символу жизненной творческой силы Бога. Об этом свидетельствуют записки ибн-Фадлана, где указано, что башкиры носят на шее деревянные амулеты в виде фаллоса. Когда ибн-Фадлан с удивлением спросил, почему башкиры почитают фаллос своим господом, то один из них дал ему следующий ответ: «Потому, что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого иного творца, кроме этого» [Фахретдинов, 1993: 66].

Данный культ башкир подтверждается и археологическими данными: археологи нашли мужские барельефы с длинными подвесками на шее и бронзовые антропоморфные предметы – амулеты в виде фаллоса [Ахмеров, 1994: 31–33].

С нашей точки зрения, интересным представляется то, что этот культ подтверждается и языковыми данными. Сохранившиеся в современном башкирском языке устойчивые выражения *әмәлгә калыу*, *әмәлгә багыу*, *әмәлгә баккандай*, *әмәлгә таяныу*, *әмәлгә таянгандай*, *әмәле табылыу*, возможно, связаны с амулетом в виде фаллоса и являются далекими отголосками фаллического культа. Возможно, слово *әмәл* означало амулет в виде фаллоса, который носили мужчины на шее не только для подчеркивания мужественности, но и как оберег, амулет-спаситель, покровитель, связанный с душой предков. Как пишет ибн-Фадлан, башкиры носили деревянный фаллос с собой, обращались к нему, как к богу (раббы) по любому поводу с мольбой о помощи, об исполнении того или иного желания. Фразеологизм *әмәлгә багыу* не просто означает смотреть на *әмәл*, в него вкладывается и значение «смотреть с мольбой о помощи, смотреть с надеждой и верой». В дальнейшем в башкирском языке развились дополнительные значения слова *әмәл*, оно стало означать «средство, способ, возможность». Как было отмечено выше, отлитую из свинца в форме сердечка душу (*кот*) башкиры также носили как амулет, оберегающий от всего дурного.

В эпосе «Урал-батыр» слово *әмәл* употребляется в составе слов и словосочетаний: *Ирәмәл* (название горы), *ирәмәлләп тороу*, *ирәмәлләп сабыу* в следующем контексте:

*Һомай һүзен ишеткәс,
Изел уйга калган, ти;*

*Идель, услышав эти слова,
Задумался, сошел с седла,*

Акбузаттан төшкән, ти,
 Атайының булатын
 Кулына тотоп алган, ти,
Бейек тауға менгән дә,
Ирәмәлләп торган, ти.
 Халык бары ла Изелдең
 Ни эшләүен көткән, ти.
 «Атайымдың кулында
 Булат дейү тураны;
 Уралдан тыуган ул булып,
 Халыкты һыуһыз қаңгырттып,
 Батыр исеме күтәрәп,
 Һыу табалмай, тилмереп,
 Тороу ирлек буламы?
 Тигән дә Изел, ирәйеп,
 Таузы яра сапкан, ти.
 Көмөштәй бер ак йылга
 Шылтырап шунда аккан, ти;
 Таузы буйлап киткән, ти
 ... Изел басып торган тау,
Ирәмәлләп сапкан тау –
Йылга сыгып аккан тау –
Ирәмәл булып калган, ти.

Меч, который оставил Урал,
 В руки могучие он взял,

На высокую гору взошел
 И такие слова сказал:
 «В руках отцовских алмазный меч
 Мог змей и дивов-драконов сечь;
 От Урала пришедший в мир,
 Достоин ли имя носить – батыр,
 Кто мужчиной меня назовет,
 Если жаждой страдает народ
 Без воды, без живительных рек?» –
 Так промолвил Идель, и вот
 Гору мечом он алмазным сечет;
 Воды, белые, как серебро,
 Прохладные понесли дары.
 Вновь размахнулся Идель что есть сил
 И гору напололам разрубил.
 Дальше устремилась река;
 Гора, на которой Идель стоял,
 Там, где весело он скакал,
 Откуда выбилась та река,
 Название приняла – Иремель

Семантику слова *ирәмәлләү* башкирский языковед И.Г. Галаяутдинов связывает со значением «чувствовать себя вольно, гордо» [Галаяутдинов, 2000: 159]. Мы считаем, что данное значение передается словом не *ирәмәлләү*, а *ирәүәнләү*, *ирәйеү*, которые своим происхождением восходят к санскриту, где *iryu* «бодрый, подвижный».

На наш взгляд, семантика слова *ирәмәлләү* должна вытекать из общей семантики текста, в котором оно употребляется, и должна быть связана с функцией героя – Идель-батыра. Он, как и владыка моря Посейдон, который трезубцем заставлял бить родники, ударом булатного меча творит водный источник, давая выход живительной влаге. Главное оружие героя, его атрибут – булатный меч, как и трезубец Посейдона, можно отнести к фаллическим символам. Остальные сыновья Урал-батыра – Яик, Нугуш, Сакмар – вслед за Идель-батыром ударом булатного меча раскалывают, взламывают земное лоно, даруя земле жизнь. Мотив *ирәмәлләп тороу*, *ирәмәлләп сабыу*, возможно, связан с обрядом поклонения душе предков в образе фаллоса, с сексуальной силой и плодородием.

Следующая ипостась души – *кот*. Название души *кот* в эпосе находит отражение в следующем контексте:

*«Атаң безгә тәңреләй,
Ярзам итте балакай,
Атаң хакын һаклайбыз,
Әсәң хәтерен һаклайбыз,
Һин – атаңдан кот йыйған,
Һин – әсәңдән һөтт имгән.*

*«Отец твой для нас что бог,
Дитя, он выручил нас.
Мы бережем честь отца твоего,
Помним о чести матери твоей.
Ты от отца своего жизнь получил,
Грудью матери вскормлен ты,*

А также:

*Атаң һиң әкот биргән,
Әсәң һиңә һөт биргән.*

*Дал тебе жизнь отец,
Мать вскормила тебя молоком.*

Как даруется родителями душа – *йән*, так и *кот* получают в дар. Если в тюрко-монгольской мифологии *кот* даруется женским божеством Отукен, в эпосе «Урал-батыр» *кот* – дар отца. Это, возможно, говорит о том, что данный мотив в эпосе мог появиться в период патриархата. Олицетворением души *кот* в эпосе является гора *Кот тау*: «*Әзрәкә эште аңлаган, алап һалып Кот тауга бар дейеүзе йыйнаған*». *Кот тау*, в современном представлении башкир, мифическая гора, которая раньше являлась местом совершения обрядов, религиозного поклонения, проведения йыйынов, совещаний. Оним образован от *кот* – «благодатная», «благословенная», «священная» и *тау* – «гора».

Судя по языковым данным, *йән* («душа») не физическая субстанция, она является духовной константой культуры. Константы культуры – это такие концепты, которые появляются в глубокой древности и прослеживаются через взгляды мыслителей, писателей и рядовых носителей языка вплоть до наших дней [Пименов, 2006: 52–61].

В народной культуре душа воспринимается как носительница, средоточие добра и зла – морально-нравственного начала в человеке. Такие жизненноважные части человеческого организма, как кровь, сердце и печень, олицетворяющие собой душу, употребляются при образовании морально-нравственных терминов: *бәгерлек* – «человечность», *бәгерле йөрәк* – букв. «сердце, имеющее душу», т.е. «великодушный», *ыулы йөрәк* – букв. «сердце, имеющее яд» или же «сердце, наполненное ядом», т.е. «коварный»:

*Бәгерлектәң токомо
Тыумыштан ук юк буган
Һинең ыулы йөрәгең,
Таш ирер, ул иремәс.*

*Семена блага и доброты
С рожденья покинули тебя;
Пока ядовитое сердце твое
Смягчитсся – камень скорее растает.*

Бәгер «душа», в свою очередь, есть переосмысление *багыр*, *бауыр* («печень»). По представлениям башкир,местилищем души является не только кровь и сердце, но и печень.

Душа осмысливается народом как нечто самое ценное и дорогое: *йәндәй күреү*, *йән кичәге*, *йән дуҫ*, *йән кәрзәш*, *йән серзәш*, но в то же время существует выражение *йәндән артык күреү*. Понятие «ценное и дорогое» в эпосе выражено устойчивым словосочетанием *йәндәй һанап йөрөрзәй* [Хумай]:

*Зур тауыңдыңкуйынында
Илгә затлы булырзай,
Кешега татлы булырзай,
Йәндәй һанап йөрөрзәй
Тагы ла затлы булырһың
Югалмас алтын булырһың.*

*Отныне, в объятых могучей горы,
Будешь светочем ты страны,
Будешь светлой душой для людей,
Еще прославленной будешь ты,
Немеркнувшим золотом будешь ты.*

Хороших душевных людей башкиры называют *кеше йәнле* (букв. «человечья душа»), а плохих и злых – *йырткыс йән* (букв. «звериная душа», «животная душа»). Последнее закреплено в эпосе в следующем контексте:

***Йырткыс буган йәндәргә,**
Кара төнө көн булыр,
Күзе калгыр байгошто
Төндә аулап, шат булыр.*

*Тому, чья душа истекает злобой,
Ночью светлый день обернется.
День будет мраком глаза затмевать;
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать.*

В эпосе этический герой Урал-батыр является *кеше йәнле*, а его брат Шульген, употребивший запретную кровь, становится коварным, злым, т.е. «звериной душой» – *йырткыс йәнле*.

Стать настоящим человеком можно лишь, очистив душу, совесть. В тексте значение «очистить душу» передается словосочетанием *йән азарыу* (букв. «беление души»). В башкирской народной культуре очищение души связывается также с покраснением черной крови – *кара кан кызарыу*:

*Карайып бөткән каныңды,
Үткәнеңде уйлатып,
Йөрәгеңде һызлатып
Йәнең һыктап азарһын;
Йөрәгеңдәге кара кан
Кибеп кабат кыбарһын,
Шунда Кеше булырһың,
Илдә бергә калырһың,
Яуза батыр буларһың.*

*Пусть почерневшая кровь твоя
Напоминаньем о прошлой судьбе
Будет сердце твое сжимать,
Тело болью одолевать;
Пусть скверная кровь, что в тебе
течет,
Иссохнув, красный цвет обретет.
Тогда человеком станешь опять,
С нами останешься в нашей стране,
Будешь батыром на войне».*

Таким образом, в эпосе «Урал-батыр» находит отражение система представлений башкир о душе. Мы также предполагаем, что само исполнение *кобайыр* было связано с культом души предков. Люди верили, что после смерти героя душа отделяется от тела и выполняет все функции героев-тотемов. Как пишет выдающийся исследователь фольклора и мифологии О.М. Фрейденберг, «душа представлялась человекообразной именно в виде ее былой тотемной природы, и она являлась метафорическим дубликатом бога, бывшего тотема, героя» [Фрейденберг, 1998: 165]. Скорее всего, именно поэтому после смерти героя сакрализировались все этапы его жизненного пути: рождение, брак, зрелость, смерть. В башкирском эпосе Урал-батыр является предком, который связывает собой три мира: мир живых, мир мертвых и мир богов. Он как предок

легко переходит из одного мира в другой, т. е. сам воспринимается как душа, и отсюда ядерным понятием в эпосе является мифоконцепт «душа».

Литература

1. **Ахмеров, Р. Б.** Наскальные знаки и этнонимы башкир. (Из записок историка-краеведа) / Р. Б. Ахмеров. – Уфа : Китап, 1994. – 113 с.
2. **Баскаков, Н. А.** Душа в древних верованиях тюрков Алтая / Н. А. Баскаков // Советская этнография. – 1973. – № 3. – С. 108–113.
3. **Василевич, Г. М.** Оми / Г. М. Василевич // Мифы народов мира. Т. 2. – Москва : Советская энциклопедия, 1992. – С. 254.
4. **Галяутдинов, И. Г.** Два века башкирского литературного языка / И. Г. Галяутдинов. – Уфа : Гилем, 2000. – 448 с.
5. **Наджип, Э. Н.** Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. / Э. Н. Наджип. – Москва : Наука, 1989. – 283 с.
6. **Пименов, Е. А.** Когнитивная лингвистика на современном этапе / Е. А. Пименов // Язык. Культура. Коммуникация : материалы международной научной конференции. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 52–62.
7. **Сем, Т. Ю.** Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока к XIX–начала XX вв. и их средневековые параллели / Т. Ю. Сем // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – Санкт-Петербург : ГМИР, 1991. – С. 179–192.
8. **Токарев, С. А.** Душа / С. А. Токарев // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 томах. Т. 1. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – С. 414–415.
9. **Торма, Й.** З. В. Туган и проблемы традиционной культуры и мировоззрения башкир / Й. Торма, Ф. Г. Хисамитдинова // Востоковедение в Башкортостане : История. Культура : материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения З. В. Тугана. – Уфа, 1992. – С. 112–117.
10. **Фрейденберг, О. М.** Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Восточная литература, 1998. – 800 с.
11. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. – Москва : Восточная литература, 2000. – 327 с.
12. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. – Москва : Восточная литература, 2015. – 566 с.
13. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – Москва : Наука, 1974. – 766 с.
14. Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда. / Россия Фәндәр Академияһы. Башкортостан ғилми үзәге. Тар., тел һәм әз. институты. – Москва : Русский язык, 1993. – 2 т.
15. Башкорт халык ижады. Т. 3 : Эпос. – Өфө : Китап, 1998. – 448 б.
16. **Инан, А.** Шаманизм тарихта бөгөн / А. Инан. – Өфө : Китап, 1998. – 224 б.

17. Фахретдинов, Р. С. Болгар вә Казан төрекләре / Р. С. Фахретдинов. – Казан : Татар китап нәшрияты., 1993. – 287 б.

УДК 372.881.1

*Вильданова Г.З., Юлмухаметова А.Р.,
МБОУ СОШ с. Комсомольск Учалинского района,
Российская Федерация*

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ВЗАИМОСВЯЗАННОГО ОБУЧЕНИЯ ДВУМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ С РОДНЫМ НЕРУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье предлагается вниманию опыт применения методики взаимосвязанного обучения русскому и родному башкирскому языкам. Особое внимание уделяется общим подходам в изучении предметов «русский язык» и «родной башкирский язык». Важность проблемы обусловлена необходимостью поиска эффективных способов для создания условий, обеспечивающих формирование универсальных учебных действий у обучающихся школ с родным (нерусским) языком обучения и в их качественном и результативном применении.

Abstract. The article offers an experience of applying the methodology of interrelated teaching of Russian and native Bashkir languages. Special attention is paid to the General approaches to studying the subjects "Russian language" and "native Bashkir language". The importance of the problem is due to the need to find effective ways to create conditions that ensure the formation of universal educational actions for students of schools with their native (non-Russian) language of instruction and in their high-quality and effective application.

Ключевые слова: методика; русский язык; башкирский язык; двуязычие; взаимосвязанное обучение.

Keywords: methodology; Russian language; Bashkir language; bilingualism; interconnected learning.

*Я пишу и думаю по-башкирски, но для
меня русский язык существует как
эталон. Поэтому, работая над словом,
незаметно, подсознательно проверяю
себя по-русски. Точно ли ложиться моё
башкирское слово? Обращение к русской
речи помогает мне глубже постичь
тайны моего родного языка.*

Мустай Карим.

Идея необходимости установления тесной связи в преподавании родного и русского языков в школе с родным нерусским языком обучения не нова в методической литературе, но она не нашла реализацию в практике преподавания языков. До сих пор нет методических разработок по построению взаимосвязанного обучения родному и русскому языкам в условиях конкретного вида национально-русского двуязычия в нерусских школах.

Это же явление наблюдается в школах с русско-башкирским двуязычием. Отсюда возникает необходимость создания благоприятных условий, способствующих формированию языковых компетенций обучающихся на уроках русского языка с опорой на родной (башкирский) язык. Неоправданная трата времени на изучение уже известного по урокам родного языка материала приводит к снижению интереса обучающихся к изучению русского языка ввиду отсутствия новизны.

Актуальность решения проблемы в следующем: потребность формирования билингвальной личности, активно владеющей системой двух языков; возможность использования метапредметных связей (башкирский язык, башкирская литература, история и культура Башкортостана); необходимость наполнения профессионального стандарта учителя новыми компетенциями (преподавание русского языка обучающимся, для которых он не является родным, владение методами и приемами обучения русскому языку как неродному); направленность на формирование универсальных учебных действий, лежащих в основе базовых компетентностей личности (информационной, коммуникативной, решения проблем и т.д.).

Решение данной проблемы заключается в поиске эффективных способов для создания условий, обеспечивающих формирование УУД у обучающихся школы с родным (нерусским) языком обучения и в их качественном и результативном применении.

Решение проблемы можно найти в методике взаимосвязанного обучения двум языкам. Информационно-методической базой являются труды К.З. Закирьянова, также работы Л.Г. Саяховой, Т.М. Гарипова, Р.Х. Хайруллиной, Р.Г. Давлетбаевой.

- Суть методики взаимосвязанного обучения двум языкам заключается в опоре на знания учащихся по родному языку при изучении русского, в формировании фундаментальных лингвистических знаний, в развитии общеречевых умений на уроках родного языка. Теоретический языковой материал учащиеся легче осваивают на своем родном языке, которым они владеют практически. На их фоне выявляются специфические особенности родного языка, например, особенности произношения, словоизменения, порядка слов в предложении и т.д. На уроках же русского языка эти знания используются как усвоенные, готовые, опираясь на которые обучающиеся находят сведения, составляющие специфику русского языка.

Работа с обучающимися в аспекте реализации основных моментов данной методики позволяет создать необходимые условия для целенаправленного формирования УУД у обучающихся, для которых русский язык является неродным.

Условиями успешности использования методики взаимосвязанного обучения двум языкам является следующее:

- системность работы самого учителя по реализации идеи компетентностно ориентированного образования;
- учёт индивидуальных стартовых возможностей обучающихся;

- учёт специфики предметного материала, наличие общеязыковых универсалий и общеречевых умений обучающихся.

Так, общеязыковыми универсалиями являются, например:

- в области фонетики – разграничение звуков речи, деление их на гласные и согласные, звонкие и глухие и т.д.;

- в области морфемики и словообразования – выделение морфемы в словах, умение образовывать новые слова с помощью морфем;

- в области морфологии – разграничение частей речи, объединение слов по частям речи, умение изменять слова в соответствии с их принадлежностью к частям речи;

- в области синтаксиса – умение связывать слова между собой, составлять из слов предложения, из предложений текст и т.д.

Новизна предлагаемого материала заключается в следующем: применение известной методики, её адаптация к конкретной группе обучающихся; составление и применение практического инструментария известной методики; представление положительного опыта в формировании УУД посредством реализации известной методики.

Задача, которую необходимо решать учителю, применяя данную методику, – знать структурно-типологические схождения и расхождения между русским и родным языками, помочь преодолеть влияние указанных особенностей на русский язык и русскую речь билингов.

Нельзя ни искусственно ограничивать, ни преувеличивать роль опоры на родной язык при обучении неродному (русскому) языку, а необходимо рационально использовать прочные знания по родному языку в процессе обучения по мере естественной надобности, естественной необходимости, тогда, когда все другие средства, кроме опоры на родной язык, не могут стать такими оптимальными и эффективными. Поэтому следует не избегать, а наоборот, заострять структурно-типологические расхождения, обращая на них внимание учащихся. Например, при изучении категории рода, одушевленности, связи слов в словосочетании необходимо подчеркнуть, что первых двух категорий в башкирском языке не существует, а типы связи слов в словосочетании не совпадают с типами связи в русском языке. В основном же в лексике, фонетике, морфологии и синтаксисе русского и башкирского языков много общего.

ЛЕКСИКА

Например, при изучении темы «Синонимы» возможно использование проблемных вопросов:

– Что вам известно о синонимах по урокам родного языка? (дети воссоздают теоретические знания о синонимах: Синонимдар – мәғәнәләре менән окшаш йәки бер төрлө булған һүззәр, мәсәлән: тиз, күз асып йомғансы, йәшен тизлегендә; юл, һукмак; зур, өлкән, дәү, эре, гигант; Ватан, Тыуған ил.)

Далее можно предложить рассмотреть примеры на русском языке: большой, огромный, громадный, колоссальный; теплый, горячий, жаркий, обжигающий. Какой вывод можно сделать? (Это синонимы, потому что близки по значению). Затем учащиеся сами приводят примеры.

– Как вы думаете, зачем в языке нужны синонимы?

Далее составляются словосочетания с данными синонимами. (Теплый день, горячий кофе, жаркое солнце, обжигающий чай).

– Всегда ли синонимы взаимозаменяемы?

Эти задания нацелены на формирование регулятивных УУД.

МОРФОЛОГИЯ. ОРФОГРАФИЯ

Можно ли применить знания родного языка при подготовке к ЕГЭ по русскому языку? Можно.

Проблемный вопрос: В каком предложении оба выделенных слова пишутся слитно?

Воспитательное значение литературы огромно, (ПО)ТОМУ что она действует на мысли человека ТАК(ЖЕ) сильно, как и на чувства.

ПОТОМУ что она действует – СӨНКИ – теркәүес (союз), пишем слитно.

Действует ТАК ЖЕ сильно – шулай – рәүеш (наречие), частицу с наречием пишем раздельно.

Лесная малина по сравнению с садовой мелкая, но гораздо сладкая и душистая, (ПО)ЭТОМУ, даже выращивая прекрасную крупную садовую малину, деревенские жители любят ходить за лесной. Давненько не ходил я (ПО)ЭТОМУ пути.

ПОЭТОМУ любят ходить за лесной – шуға күрә – теркәүес (союз), пишется слитно. ПО ЭТОМУ ПУТИ – ошо – алмаш, местоимение, с предлогом пишется раздельно.

СИНТАКСИС

Например, в 8 классе при изучении темы «Односоставные предложения» можно поставить перед учащимися такую задачу: вспомнить виды односоставных предложений в башкирском языке и предложить примеры на русском. Дети сравнивают и делают выводы, что структура предложений одинакова. Для наглядности и для лучшего закрепления материала составляем сопоставительную таблицу и заносим ее в тетради-справочники учащихся.

Односоставные предложения	Бер составлы һөйләмдәр
1. Глагольный тип: а) определенно-личное предложение; б) неопределенно-личное предложение; в) безличное предложение; г) обобщенно-личное предложение. 2. Именной тип: назывное предложение	1. Хәбәр составлы һөйләмдәр: а) билдәле эйәле һөйләм; б) билдәһез эйәле һөйләм; в) эйәһез һөйләм; г) дөйөм эйәле һөйләм. 2. Эйә составлы һөйләм: атама һөйләм

Данный тип заданий нацелен на формирование познавательных УУД.

СТИЛИСТИКА

При изучении стилистики можно предложить текстовые упражнения, несущие духовно-нравственный смысл:

Бер бала ағаска үрмәләй. Өскә менгән һайын, баҫкан бер ботағын тырышып-тырышып һындырып төшөрә бара. Ағастың осона еткәс, ниндәйзер ғорурлык менән тирә-якты байкап тора, һуңынан кире төшә башлай. Аяктары менән һындырған ботак урындарын һәрмәп карай, ләкин улар таяныс булырлык түгел ине инде. Әммә ул, олонға йәбешеп, зур кыйынлык менән аска шыла, тотонорға хәле етмәй, шыуып төшөп китә лә бөтөн беләктәрен канға туззырғансы һызырта.

Үрлэгәндә баҫкан ботактарзың төшкәндә лә кәрәк буласағын оноткайны шул был бала. (З. Ураксиндан.)

Задания: 1. Прочитайте текст на башкирском языке, перескажите содержание на русском языке. 2. К какому жанру можно отнести? Почему? 3. Определите тип и стиль речи. 4. Что хочет сказать автор? 5. О чем этот рассказ? 6. О чем заставил вас задуматься? Какие выводы вы сделали для себя после прочтения притчи? 7. Из книг, Интернета подберите текст на русском языке, где раскрывается подобная тема.

Эти задания нацелены на формирование личностных УУД.

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Методику взаимосвязанного обучения широко можно применять во внеурочной деятельности. К примеру, в организации научно-исследовательской, переводческой деятельности учащихся, развитии их творческих способностей.

Результативность применения методики взаимосвязанного обучения для развития познавательных способностей школьников отразилась в позитивной динамике предметных достижений обучающихся нашей школы: это наличие победителей и призеров конкурсов сочинений, предметных олимпиад, конкурсов научно-исследовательских работ, занятия в школе переводчиков «Тылмастар» на базе БГПУ им. М.Акмуллы, позитивные результаты ГИА по русскому языку, наличие высокобалльников.

Таким образом, использование методики взаимосвязанного обучения двум языкам открывает новые перспективные возможности в изучении как русского, так и башкирского языка. При этом обучающийся может использовать готовые имеющиеся знания по одному предмету при изучении другого, тем самым закрепляя имеющиеся знания и, сопоставляя, приобретать новые. Такой подход, на наш взгляд, делает процесс обучения более увлекательным, познавательным и плодотворным.

Литература

1. Давлетбаева, Р. Г. Формирование современной билингвальной языковой личности в процессе обучения русскому языку в башкирских дошкольных и школьных учреждениях : монография / Р. Г. Давлетбаева; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение

высш. проф. образования Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. – 127 с.

2. **Закирьянов, К. З.** Активное двуязычие: сущность и функционирование : пособие для учителя / К. З. Закирьянов. – Уфа : Китап, 2011. – С. 205.

УДК 811.512.141

Валиева М.Р.,

Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеү үзәге Почет билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты, Рәсәй Федерацияһы

З.Г. УРАКСИНДЫҢ ЯҢҒЫЗЛЫК ИСЕМДӘРЗЕ ӨЙРӘНЕҮГӘ АРНАЛҒАН ХЕЗМӘТТӘРЕНӘ КҮЗӘТЕҮ

Аннотация. Статья посвящена научно-исследовательской деятельности академика Академии наук РБ профессора З.Г. Ураксина в области башкирской ономастики. Автор анализирует его научные статьи, опубликованные в разные годы в средствах массовой информации Республики Башкортостан, в сборниках материалов конференции «Ономастика Поволжья», «Диалекты и топонимия Поволжья», «Вопросы топонимики Башкирии», «Башкирская этнонимия» и др. Отмечено, что научные поиски З.Г. Ураксина по антропонимии и топонимии Башкортостана открывают новые неизученные страницы в истории формирования топонимической системы края.

Abstract. The article is devoted to the research activities of the academician of the Bashkir Academy of Sciences, professor Z.G. Uraksin in the field of Bashkir onomastics. The author analyzes his scientific articles published in different years in the mass media of the Republic of Bashkortostan, in the collections of materials of the conference «Onomastics of the Volga region», «Dialects and toponymy of the Volga region», «Questions of toponymy of Bashkiria», «Bashkir ethnonymy», etc. It is noted that scientific searches for Z.G. Uraksin on the anthroponymy and toponymy of Bashkortostan open new unexplored pages in the history of the formation of the toposystem of the region.

Ключевые слова: З.Г. Ураксин; топонимия; антропонимия; ономастика.

Keywords: Z.G. Uraksin; toponymy; anthroponymy; onomastics.

Билдәле ғалим-тәркиәтсе һәм язуысы Зиннур Ғәзиз улы Ураксин башкорт тел ғилемдә төрлө характерзағы ғилми эштәр калдырҙы: һузыһалышты һәм грамматик категорияларҙы өйрәнеү; язма телмәрзәге орфография канундарын камиллаштырыу һәм һөйләү телмәрендәге орфоэпия кағизәләрен дөрөс кулланыу; лексикология һәм лексикография; диалектология һәм ономастика бүлектәре, тел сәйәсәте һәм әсә телен укытыу буйынса ла баһалап бөткөһөз хезмәттәр яҙды.

Без был зур булмаған мәкәлә сиктәрәндә уның ономастика буйынса эштәрәнә тукталып үтмәксебез.

70-се йылдарҙа З.Г. Ураксиндың ономастика буйынса язылған эштәре матбуғат биттәрәндә күпләп баһыла башлай. Мәсәлә, 1966 йылда

«Башкортостан укытыусыһы» журналында «Кеше исемдәре, уларзы мәктәптә өйрәнеү», «Ленинсы» гәзитендә «Исем кушыу», 1967 йылда «Совет Башкортостаны» гәзитендә «Исемен матур, кемдәр куйған?», 1968 йылда «Совет Башкортостаны» гәзитендә «Кем исемле һин?», 1969 йылда «Прогресс–Т» гәзитендә «Имена хранят историю», 1972 йылда «Совет Башкортостаны» гәзитендә «Көн тәртибендә исемдәр, атамалар» кеүек мәкәләләре донъя күрә. Башлыса был мәкәләләргә ғалим шул осор башкорт халкы өсөн көнүзәк мәсьәлә булып торған йәш быуынға башкортса исемдәр кушыу проблемаһына кағыла һәм кеше исемдәренә асылы мәғәнәле һәм яңғырашы аһәңле йәки колакка ятышлы булыуы мотлак икәнән билдәләп үтә. Балаға исем һайлағанда быуындан быуынға күсә килгән гөрөф-ғәзәттә тотоп, балаға карата булған изге теләктәргә сағылдырған исемдәр кушып, уның «физик яктан ныклы, рухи яктан саф булыуын юрау» фарыз икәнән билдәләй [Ураксин, 2015: 42].

Ата-әсә биргән, документта теркәлгән башкортса исемдәр булып та, кеше үз исемен бозоп урыслаштырыу, кысқартыу йә үзгәртеү осрактарын тел белмәүзән йә әсә теләнән мәрхүм булыузан килеп тыуған афәт икәнән йыш кына әсенеп яза.

Әйтеп үтергә кәрәк: ул заманда башкорт зыялылары, ғалимдар матбуғат биттәрендә әүзем язышып, халык менән туранан-тура асык әңгәмәләшәп торор булған һәм матбуғат битендә йыш кына шул заман заңы, шул заман рухы, йәмғиәттәге сетерекле хәл-вакиғалар яктыртылған. Улай ғына ла түгел, ғалимдар тарафынан тел белеү һәм туған телдә аралашыу, саф башкортса һөйләшеү, телмәр культураһын күтәреү кеүек тәрбиә саралары ла алып барылған, тиһәк тә, хата булмаҫ.

«Совет Башкортостаны» гәзитендә басылған «Кем исемле һин?» мәкәләһендә З.Ғ. Ураксин донъялағы барлык халыктарза ла исем кушыу гәзәте барлығын һәм исем кушыу кағизәләренә, уларзы документка дөрөҫ теркәү буйынса иҫкәрмәләргә һәм башкортса кеше исемдәренә дөрөҫ язылышына бер ни тиклем ғилми аңлатма биреп үтә. Ошо ук мәкәләлә ғалим Мәскәүзә үткән махсус кәңәшмәлә катнашыуын, ундағы докладтарзың күбеһе кеше исемдәренә хәзерге торошон билдәләүгә, исем атау йолаларын асыклауға бағышланғанын әйтеп китә. Шулай ук «кәңәшмәлә союздаш һәм автономиялы республикаларзан, өлкәләргән килгән телселәр, тарихсылар, социологтар, этнографтар һәм ЗАГС хезмәткәрзәре катнашыуын, унда венгр академигы, урал-алтай телдәре белгесе Лайош Лигети, тюрколог, профессор Н.А. Баскаков һәм башкорт исемдәре буйынса Т.Х. Күсимова, К.З. Зәкирейәнов һәм А.Н. Мирославская кеүек телселәр докладтар менән сығыш яһауын» билдәләп үтә [Ураксин, 2015: 48]. Мәкәлә азағында киләсәктә фамилияларзың дөрөҫ язылышын күрһәткән һүзлек төзөү идеяһы менән яныуын да халыкка еткерә.

Башкорт антропонимияһы буйынса язылған күп кенә хезмәттәре башкорттар тарихын һаклаған антропонимдарзы өйрәнәүгә һәм анализлауға кайтып кала. Йыш кына ғалим фарсы һәм гәрәп сығышлы, төп төрки исемдәрен айырып карай, уларзың фонетик составы һәм семантикаһына тукталып үтә. Шулай ук кеше исемдәрендәге мал-тыуар атамаларына туктала

һәм был күренеште төрки сығышлы антропонимдарзағы боронғолок билдәһе икәнән, уның тотемизмға нигезләнәп барлыкка килеүен һызык өстөнә ала.

З.Ғ. Ураксин башкорт ономастикаһы буйынса язылған иң кызыклы, әһәмиәтле һәм тарихи сығанактарға нигезләнәп ғилми күзәтеү яһаған мәкәләләрен «Ономастика Поволжья» йыйынтығында баһтыра. Өсөнсө тапкыр 1971 йылда Өфө калаһында үткән конференция материалдарына уның 3 мәкәләһе урынлаштырылған: «Имя собственное в составе башкирских фразеологизмов» (1973), «Башкирские антропонимы из этнонимов» (1973), «Морфологическая и фонетическая структура собственных имен тюркского происхождения в русских говорах северо-востока Башкирии» (1973) А.И. Шалашова менән берлектә; дүртенсәһе – 1973 йылда Саранск калаһында үткән конференцияла ул «Клички лошадей у башкир» темаһына доклад яһай.

«Имя собственное в составе башкирских фразеологизмов» тигән мәкәләһендә ул тарихи шәхестәрҙең исемдәре канатлы һүз булып телгә инеп китеүенә туктала. Мәсәлән, бер нисә фразеологик берәмек эсенә ингән антропонимдар араһында *Әндрәй казнаһы* тигәнә XVIII быуатта батша администрацияһында эшләүсә Андрей Жихаревтың башкорттарға 72 төрлө һалым һалып, шуны йыйып, халыкты ныклап бөлгөнлөккә төшөрөүе аркылы килеп сыккан фразеологизм булығы хақында билдәләп китә.

Башкорт этнонимдарынан булған кеше исемдәрен өйрәнгәндә ул, билдәле этнограф һәм социолог Льюис Генри Моргандың хезмәттәренә һылтанып, бындай төр башкорт антропонимдарын Америка индеецтарының кеше исемдәре менән сағыштыра һәм индивидтың аймакка, ырыуға йә кәбиләгә карауын күрһәткән антропонимдар тип атай. Шулай ук 1930-сы йылдарҙа башкорт зыялылары үз ырыу атамаһын псевдоним (Ибраһим Кыпсак, Ж. Табын һ.б.) итеп алыуҙарына ла туктала.

1980 йылда «Башкортостан пионеры» журналында баһылып сыккан «Атамалар донъяһына сәйәхәт» мәкәләһе башкорт топонимияһының асылмаған серҙәренә күзәтеүҙән ғибәрәт. Ғалим тау-һыу, төрлө калкыулык һәм болон, ялан атамаларына туктала. Мәсәлән, Башкортостан ерендә *шазы /шизе /сәзе /шиле* элементлы топонимдарзың 30-зан ашыуы йылғалар атамаһы булығы һәм «был атамалар башкорттар йәшәгән тирәлә генә билдәле, башка халыктарҙа әлегә тиклем табылмауы, ... уның тәүге мәғәнәһе “һыу сығанағы, шишмә”» [Ураксин, 2015: 196] тигәндә аңлатып, *каран, шишмә, йыла, кылы* кеүек һүзҙәргә синоним булып йөрөүе әйтәлә. Шулай ук боронғо гидротерминологияны тәшкил иткән *мана /мәнә /мәлә, ус, уғуз /үгүз* кеүек һыу атамаларының семантикаһына ла асыклыҡ индереп китә.

З.Ғ. Ураксин 1980 йылда «Башкортостан пионеры» журналында йәнә бер риторик һорау астында исемләнгән «“ДИМ” һүзә ни аңлата?» мәкәләһен баһтыра. Ул әлегә тиклем топонимистарзың күз уңынан ситтә кала килгән һәм мәғәнәһе асыкланмаған гидротермин *дим* тураһында тарихи һәм географик мәғлүмәттәр бирә, түбәндәге фекере менән уртаклаша: «Дим тип аталған ике йылға бар: береһе Башкортостандың көнбайыш райондары буйлап аға һәм Ағизелгә қоя, икенсәһе – Татарстанда, Ык йылғаһына қушыла, икененәң дә башланған урындары бер тирәлә. Тел ғилемдә Дим тигән атаманың қайзан

килеп сығыуы, ни аңлатыуы тураһында ышандырырлык кына фекер әйтелгәне юк. Уның төрки телдәренә түгел, фин-уғыр телдәренә тоташыуы мөмкин. Димде башкорттар элегерәк Күгизел тип йөрөткән. Дим атамаһы тәү башлап XVI—XVII быуаттарға караған башкорт шәжәрәләрендә иҫкә алына. XVIII быуатта язылған тарихи документтарза был атама бик күп осрай. Атаманың килеп сығыуын бының менән генә аңлатып булмай, әлбиттә. Кулланышта ул бынан һис шикһез бик күп алда йәшәгән булырға тейеш». Шулай ук ғалим борон төрки донъяһында оло һыузарзы, йәнә ырыу, кәбилә атамаларын төстәр менән атау күренешен дә билдәләп китә. Был хакта шулай ук «Цветовые обозначения в башкирских этнонимах» тигән хезмәтендә лә тәфсирләп яза.

Башкорт ономастикаһын өйрәнеүгә байтак өлөш индергән З.Ғ. Ураксин – 1980 йылда баһылған «Башкорт АССР-ының топонимдар һүзлегенә»нең М, Ш, Щ хәрәфтәренә башланған топонимдар мәкәләләрен языуы топонимист та ул. Был киммәтле һәм Башкортостандың бик күп географик атамаларын үз эсенә алған һүзлек-сығанақты улар Азат Камалов, Рәшит Шәкүр, Мөхәмәтйән Хисмәтов менән берлектә төзөп баһтыра. Билдәле булыуынса, топонимдар һүзлегенә төзөү айырыуса зур ғилем талап итә. Уның өсөн ер-һыузың географик характерын, этимологик тикшеренеүзәрзе, урал-алтай телдәрендәге топоформанттарзың лексик-семантикаһын өйрәнмәй тороп бындай хезмәт язып булмай.

Топонимдар һүзлегендә З.Ғ. Ураксин *Шәкетау* топонимына түбәндәгесә аңлатма биреп үтә:

Шәкетау (Шахтау) – гора вблизи города Стерлитамака. Вариант названия *Шахтау*. От диал. *шәке* ‘пик’ (ср.: башк. лит. *суки*, казах. *шоки*) и *тау* ‘гора’ [Башкорт АССР-ының топонимдар һүзлегенә, 1980: 173].

Күреүебезсә, ер йөзөндә *Шәкетау* географик объект буларак юк, атамаһы тик легендаларза һәм телсә-ғалимдар төзөгән һүзлектә генә һакланып калды. Ошо миҫал ғына ла билдәле телсә, Башкортостан фәндәре академигы З.Ғ. Ураксиндың хезмәттәре мәңгелек һәм баһалап бөткөһөз белем сығанағы икәннен иҫбатлай.

Әзәбиәт

1. **Ураксин, З. Г.** Башкирские антропонимы из этнонимов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – 1973. – Вып. 3. – С. 86–88.

2. **Ураксин, З. Г.** Имя собственное в составе башкирских фразеологизмов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – 1973. – Вып. 3. – С. 420–421.

3. **Ураксин, З. Г.** Морфологическая и фонетическая структура собственных имен тюркского происхождения в русских говорах северо-востока Башкирии / З. Г. Ураксин, А. И. Шалашова // Ономастика Поволжья. – 1973. – Вып. 3. – С. 409–413.

4. **Ураксин, З. Г.** Клички лошадей у башкир / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья : материалы IV конференции по ономастике Поволжья. – Саранск, 1976. – С. 309–313.

5. **Ураксин, З. Г.** Словообразовательная вариантность башкирских местных географических терминов / З. Г. Ураксин, З. Г. Уразбаева // Диалекты и топонимия Поволжья. – 1975. – Вып. 3. – С. 102–107.
6. **Ураксин, З. Г.** Топонимы с элементом шазы/шизе / З. Г. Ураксин // Диалекты и топонимия Поволжья. – 1978. – Вып. 6. – С. 90–93.
7. **Ураксин, З. Г.** Топонимы с элементом мана (мәнә и мәлә) / З. Г. Ураксин // Вопросы топонимики Башкирии. – Уфа, 1981. – С. 41–43.
8. **Ураксин, З. Г.** Ареальные признаки топоформантов / З. Г. Ураксин // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тезисы V конф. Проблемы атласной картографии. – Уфа, 1985. – С. 17.
9. **Ураксин, З. Г.** Цветовые обозначения в башкирских этнонимах / З. Г. Ураксин // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1987. – С. 127–132.
10. **Ураксин, З. Г.** Мир животных в личных именах / З. Г. Ураксин, Р. А. Уликанова // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии: материалы международной научной конференции. – Уфа, 2002. – С. 184–185.
11. **Ураксин, З. Г.** Башкорт АССР-ының топонимдар һүзлеге / З. Г. Ураксин, А. А. Камалов, Р. З. Шәкүров, М. Ф. Хисмәтов. – Өфө: Башкнигоиздат, 1980. – 200 б.
12. **Ураксин, З. Г.** Башкортостан Республикаһының топонимдар һүзлеге / З. Г. Ураксин, А. А. Камалов, Р. З. Шәкүров, М. Ф. Хисмәтов. – Өфө: Китап, 2002. – 256 б.
13. **Ураксин, З. Г.** Халкым язмышы – минең язмышым / З. Г. Ураксин. – Өфө, 2015. – 456 б.

УДК 811.512.145

*Гайнуллина Г.Р., Фаезова Л.Р.,
Казан федераль университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

ЮГАЛГАН МАТУРЛЫК ЭЗЕННӘН (Р. ТУФИТУЛЛОВАНЫҢ «ЯЗМЫШ ЖИЛЕ» РОМАНЫ БУЕНЧА)

Аннотация. В татарской прозе образ идеальной женщины воссоздавался в течение всего XX века. Образ великой женщины Уммугульсум Камаловой-Акчуриной, воссозданной в новом романе Розы Туфитулловой «Ветер судьбы», примечателен тем, что отсылает к национальному идеалу прозы начала XX века и второй половины. Биографический материал, обогащенный историческим материалом, приравнивает произведение к прозе Г. Исхаки, Ф. Амирхан, А. Гилязова, А. Еники. В статье впервые дан филологический анализ произведения в аспекте изображения татарской женщины.

Abstract. In Tatar prose, the image of the ideal woman was recreated throughout the twentieth century. The image of the great woman Ummugulsum Kamalova-Akchurina, recreated in the new novel by Roza Tufitulova «Wind of fate» is notable for the fact that it refers to the national

ideal of prose of the early twentieth century and the second half. Biographical material, enriched with historical material, equates the work to the prose of G. Iskhaki, F. Amirkhan, A. Gilyazov, A. Eniki. The article provides the first philological analysis of the work in the aspect of the image of the Tatar woman.

Ключевые слова: роман; хронотоп; национальный идеал.

Keywords: novel; chronotope; national ideal.

Мәкаләдә сүз Роза Туфитуллованың 2019 елны дөнья күргән «Язмыш жиле» дигән романындагы Гөлсем образы, узган гасыр башында татарның музасы, XX йөз башында формалашкан татар хатын-кызы идеалы, Чистай кызы Өммегөлсем Камалова-Акчурина турында бара.

Романның хронотобы бу образның әдәби эшләнүендә хәлиткеч рольне уйный. Автор укучысын XX гасыр башындагы татар мохитенә, шул ук вакытта тулаем Россия жәмгыятенә рухи атмосферасына күмә. Гөлсем Россия империясенә төньяк башкаласы Петербуртта, Бестужев югары курсларында (Россиядә хатын-кызлар өчен иң беренче югары уку йорты) белем ала. Мәгълүм булганча, Петербург – ул вакытта татар дөньясы өчен дә мәдәни үзәкләренә берсе. Биредә беренче татар газетасы – «Нур» чыга, ахун Гатаулла Баязитов, дин галиме Муса Бигиев яши. Татар милләтенә идеологы Исхакый әледән-әле төньяк башкалага килеп чыга, аның һәм Садри Максудиның мәкаләләре өзлексез рәвештә «Нур»да басылып бара. Һәм менә шушындый мәдәни тормышның тажы – Петербургка Тукай килә. Гөлсем образының төп билгеләмәсе Тукай белән бәйлә эпизодларда бары тик романтик ноталарда яңгыраш ала: ул – «кара төннең ак фәрештәсе».

Икенче яклап, Петербург – рус мәдәниятенә көмеш гасыры дип аталачак тектоник үзгәрешләр барган урын да. Д. Мережковский, К. Бальмонт, А. Блок, А. Ахматова, О. Мандельштам кебек шагыйрьләрнең исемнәре, хәтта ки «Бродячая собака» арт-кафесы Бестужев курсисткаларына таныш булмый калмагандыр. Романда моңа дәлил дә бар: «1911 елның ноябрь башында Гөлсем укыган институтка курсисткалар белән очрашуга бер төркем шагыйрьләр чакырыла. Алар арасында бердәнбер хатын-кыз шагыйрә Анна Ахматова да була» [Туфитуллова, 2019: 28]. Шәһәрнең, гомумән, ижади мохитнең шигырь белән генә яшәгән чагы әле. Шигырь, ягъни акыл белән хис квинтэссенциясе атмосферада ялангач нерв кебек зыңлап тора. Роза Туфитуллова эсәрендә шигырьләргә шуның өчен дә мулдан бирә. Гөлсемгә Джоконда дип дәшүләрәненә тамырын энә шул үзгәрешләрдән эзләргә кирәк. Аның да мотивлары көнбатышка барып тоташа.

XIX гасырның икенче яртысында Франциядә башланып киткән позитивистик, хәтта ки антиклерикаль мәдәният Флоренция даһие Леонардо да Винчининң ижатына кызыксыну уята. Аның моңа кадәр әллә ни билгеле булмаган «Джоконда»сында символистлар (мәсәлән, Шарль Бодлер) өр-яңа чалымнар күреп ала: Мона Лизаның серле елмаюы символ дәрәжәсенә житкерелә, шул рәвешле портрет сәнгать тарихындагы иң зур табышмакка әйләнә [Анджела]. Джоконда мифы 1911 елда – портретны Луврдан урлап алып чыккач формалашып бетә. Аны 1913 елга кадәр эзлиләр. Әлбәттә, бу турыда Россиядә дә ижади мохит хәбәрдар булып торган. Әлбәттә, югалган

матурлыкны эзлэгәннәр: Исхакый белән Анна Ахматова аны татар кызы Гөлсем Камаловада тапкан. Автор Роза ханым XX гасыр башы татар музасының элге исем белән аталып йөртүенә кат-кат басым ясы: «Институт белән танышып йөргәндә, кунаклар баскыч янында серле елмаюга төренеп берьялгызы басып торган зифа буйлы кызга игътибар итми калмыйлар.

– Бу кызыгыз Джоконданы хәтерләтә. Итальян кызы түгелдер бит? – дип сорый Анна Ахматова.

– Юк, юк, – ди кунакларны озатып йөрүче олы яшьтәге мөлаем ханым. – Ул – мөселман кызы. Эмма, якына кил әле. Кунаклар синең белән танышырга тели, – дип кызны үзләре янына чакырып ала.

– Мин – Чистайдан. Кама елгасы ярындагы иң гүзәл шәһәрләрнең берсеннән. Татар кызымын.

– Сез бик тә Джокондага охшагансыз. Аның хакында ишеткәнегез бармы? – ди Ахматова, әңгәмәне дәвам итеп.

– Ул бөек Леонардо да Винчининиң данлыклы портретларыннан берсе дип беләм. Элеге портрет Парижда, Луврда саклана, – дип җавап бирә Гөлсем, аз гына да икеләнмичә» [Туфитуллова, 2019: 28].

Татар кызына Джоконда исемнең чынлап торып ябышмый калуы Тукай белән бәйлә:

«Ә нигә сез аңа “Джоконда” дип эндәшәсез? – дип сорады Тукай, кыз чыгып киткәч.

“Өммегөлсем”, дип, эчтән генә өзәлгән, үзе дә хыялый елмайган егетләрнең берсе җавапны озакка сузмады.

– Нигә дип... Серле елмаюы өчендер. Гаяз ага Исхакый Петербуртта чагында аңа һәрчак “Джоконда”, дип эндәшә иде. Ул: “Мәшһүр итальян рәссамының атаклы портретын хәтерләтә”, – дигән иде.

– Аның үз исеме тагын да килешләрәк, минемчә, – диде Тукай, егетләргә карамаска тырышып» [Туфитуллова, 2019: 28].

Тукай хаклы: да Винчининиң Джокондасы, белгечләр фикеренчә, үзәндә фәрештә белән иблис башлангычларын берләштергән тәкъдири хатын-кыз архетибын гәүдәләндерсә, Роза Туфитуллова Гөлсем образында аның фәрештәлеген асызыклап бара. Автор аңа карата «ак фәрештә» эпитетын мулдан куллана. Илһамландыручы муза буларак, Гөлсем образында фәрештә башлангычы сюжетта Габдулла Тукай, Гаяз Исхакый, Магжан Жомбаев сызыклары аша гамәлгә ашырыла. Гәрчә Гөлсем-Джоконда бу шәхесләргә язмыш җиле булып кагылып узса да, фәрештә канаты сыйпаган кебек кенә итеп, аларның тормышларын бизәп кенә үтә, ә аларның һәлакәтенә сәбәпче булмый. Әсәрнең исемнең үк чыгарылган «язмыш җиле» метафорасының семантик яктан бер вазифасы шушы. (Бу урында искәртмә ясап, шуны әйтергә кирәк: Роза Туфитуллованың «Язмыш җиле» романы 2019 елда «Гөлсем» исеме белән Төркиядә төрек телендә китап булып басылып чыкты).

Икенчедән (автор үзе дә метафораның шушы вазифасына өстенлек бирә кебек), язмыш җиле – татар милләте тарихының кыска, эмма хәлиткеч олы бер дәвернең җил искәндәй кебек кенә итеп юкка чыгуына, Россия җәмгыятендәге катаклизмнарга ишарә ул.

Гомумән, әсәрдә «мәхәббәт сакчысы», «ак фәрештә», «язмыш жиле», «шәфкать туташы» кебек тропларның күплеге әсәрнең эмоциональ катламын көйли, шуның бәрабәрәнә аның экспрессивлығын тәәмин итә. Шул ук вакытта аларның һәркайсының тирәндәрәк яткан эчке мәгънәсе бар. Әсәргә аерым бүлек булып кергән «Шәфкать туташы»н да туры һәм күчерелмә мәгънәдә аңларга була. Гөлсемнең Балкан сугышы вакытында, укуын калдырып, Төркиягә шәфкать туташы булып китәргә алынуы, гомумән, рухи яктан үзен югары идеалларга корбан итәргә әзерлегә янә шул чорның мәдәни логикасы белән аңлатыла. Белүбезчә, XIX гасыр ахыры – XX гасыр башында татар дөнъясы көнбатыш мәдәнияте контекстына йөз тотта башлый. Л. Гумилевның пассионар шәхес концепциясе нәкъ шушы вакыттагы шәхес тибы алышыну вакытында барлыкка килә. Моңа кадәр обывательлек дәрәжәсендә тормыш куып яшәгән кешеләр тибына алмашка югары максатлар белән илһамланган романтик шәхесләр тибы килә. Татар дөнъясында ул югары максат – милләт була. Гөлсем – әнә шундый пассионар шәхес тибы, ул үзен башкалар бәхетә хакына корбан итәргә әзер. Аның Истанбул университетында алты мең төрек хатын-кызы катнашында зур жыенда ясаган чыгышы гына да моңа дәлил булып тора. Ул гүя татар әдәбиятындагы мәгърифәтчелек реализмы әсәрләреннән реальләшкән зат. Нәкъ менә либераль карашлар белән дә коралланган мәгърифәтчеләр беренчә булып хатын-кызларны укымышлы, зыялы, ир-атлар белән иңгә-иң яшәргә хокуклы зат, ирекле шәхес итеп күрәргә теләгән иде бит. Мәгърифәтчеләрнең хатын-кыз идеалында шәфкәтлелек, игелеклелек сыйфатлары да гыйлемлелек белән бер дәрәжәдә хуплана, алай гына да түгел идеаллаштырыла. Бу жәһәттән Гөлсем теләк-омтылышлары белән Гаяз Исхакыйның «Мөгәллимә» (1913) драмасындагы Фатыйма образына да якын. Исхакыйның жәмәгәтчелектә шактый бәхәс уяткан «Мөгәллимә» драмасының герое пассионарий белән обыватель арасындагы дилемманы гәүдәләндерүе белән жәмгыять каршына зур сорау куя: «Адәм баласы өчен шәхси бәхет өстенрәкме, әллә милләт, халык бәхетә өчен көрәшме?» Исхакыйның музасы Гөлсем Камалова чынбарлык тормышта бу дилемманы бер якка да хилафлык китермичә хәл итә: 1913 елда ул Сембер фабриканты Абдулла Акчуринга кияүгә чыга, мөгәллимлеген ташламый, киресенчә, матди ягы яхшыру сәбәпле, милләтенә, халкына тагын да күбрәк хезмәт итү мөмкинлегенә ия була. Хәтта инкыйлабтан соң, бөтен байлыклары тартып алынгач та, Гөлсем хыялына тугры кала. Әмма Исхакый үзенең илһам чыганагы булган туташының бай сәүдәгәр хатыны булып китүен хупламаган булса кирәк: шактый еллар узып, Кызылъярда (Петропавловск) очрашкач, Гөлсемнең күңелен яралардай сүзләр дә әйтә: «Бай хатыны булдым, диген инде, Гөлсем?! Байлыкка чумасым килде, диген... Хыялыма хыянәт иттем, диген...» [Туфитуллова, 2019: 9]. Кем белә, бәлки, «Мөгәллимә» драмасы Гөлсемнең туй хәбәре Гаяз абыйсына килеп ирешкәч язылгандыр? Әсәрдә Исхакый – Гөлсем сызыгы Пигмалион турындагы миф сюжетындагыча төгәлләнә. Исхакый Төркиядә мөһажирлектә үзенеке генә булган Гөлсемне - мөгәллимә-шәфкать туташын таба: «Әнә, башкалардан чак кына аерылыбрак торганы – Гөлсем ич моның! Гөлсем! Тукта, нәкъ шул картинаның алдында ап-ак мәрмәрдән ясалган сылу кыз да Гөлсем

ләбаса! Әйе, әйе, ак гүзәл сын астына “Гөлсем” дип язып та куелган. Исхакый түзмәде, таш сынны кочаклап ук алды. Билгеле, шул минутта ук күзәтеп торучы музей хезмәткәре дә килеп житте.

– Пәһале бәй, экспонатларга кул белән кагылырга рөхсәт ителми.

Исхакый, гафу үтенеп, тиз-тиз эшнең нәрсәдә икәнлеген аңлатырга тотынды. Үзе һаман “Гөлсем”нән күзен ала алмады. Еларлык яшьләре кипте дип уйлаган иде дә, үзеннән-үзе бите буйлап кайнар яшь акты» [Туфитуллова, 2019: 85]. Димәк ки, Роза Туфитуллованың Гөлсем образы шәхси бәхеткә тиенүе белән (яратып кияүгә чыга, өч тапкыр ана булу бәхетенә ирешә) XX гасыр башындагы хатын-кыз идеалынан күпмедер дәрәжәдә аерыла да. Әмма барыбер төрле сословие, төрле карашлы кешеләр өчен үз вакытында ук чын мәгънәсендә идеалга әверелә. Гөлсем кебекләр күп була ул заманда: автор аның белән бергә Төркиягә шәфкать туташлары булып киткән Петербург кызы Рокыя Юнусова, Ташкенттан Мәрьям Якупова, Ростовтан Мәрьям Поташеваны, Чистай кызлары Зәйтүнәне, Сания Гыйффәтне шулай ук бары тик романтик рухта сурәтли.

Инкыйлабтан соңгы авыр елларда да, репрессияләр чорында да, Бөек Ватан сугышы чорында да, аннан соңгы каршылыклы заманда да Гөлсем Камалова-Акчурина үз йөзен, үз мәсләген югалтмый.

Әсәрнең XXI гасырда барлыкка килүе – энә шул татар хатын-кызы идеалын сагыну ул.

Автор Роза Туфитуллова Гөлсем образын эшләгәндә, аның эчке дөньясына, кичерешләренең, эш-гамәлләренең мотивларына үтеп керүне, аларны тирән анализлап шәрехләүне максат итеп куймый, монысын ул эзерлекле укучының үзенә калдыра. Роза Рәхмәтулла кызы эзтабар логикасына таянып, музаның биографиясен сәнгати алымнар кулланып торгыза, художестволы алымнар белән документальлекне кирәк кадәрле генә баланста тотып, һәр яклап камил булган матурлык эталонын, яңа хатын-кыз образын тудыра.

Әдәбият

1. **Анджела, А.** Глаза Джоконды. Секреты Моны Лизы / Альберто Анджела. – Текст: электронный // Knizhnik.org : [сайт]. – URL: <https://knizhnik.org/alberto-andzhela/glaza-dzhokondy-sekrety-mony-lizy/1> (дата обращения: 23.09.2020).

2. **Туфитуллова, Р. Р.** Язмыш жиле. Роман / Р. Р. Туфитуллова // Казан утлары. – 2019. – № 4–5.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация.Статья посвящена описанию татарских пословиц, в которых отражены семейные отношения. Основное внимание уделяется пословицам, в которых представлены образы отца и матери, детей и крепкой семьи, семантика которых вобрала в себя многовековой культурно-исторический опыт татарского народа. Как показывает анализ, данная группа пословиц является не только транслятором этнокультурных традиций, она составляет основу этнопедагогики.

Abstract.The article is devoted to the description of Tatar proverbs, which reflect family relationships. The main attention is paid to proverbs, which represent the images of a father and mother, children and a strong family, the semantics of which has absorbed the centuries-old cultural and historical experience of the Tatar people. As the analysis shows, this group of proverbs is not only a translator of ethnocultural traditions, it is the basis of ethnopedagogy.

Ключевые слова: фольклор; пословицы; татарский язык; этнокультурные традиции; семейные отношения.

Keywords: folklore; proverbs; Tatar language; ethnocultural traditions; family relations.

Основным носителем этнокультурных норм служит язык, он функционирует для передачи традиций, информации об истории и культуре народа. Представители различных этносов воспринимают окружающую действительность по-разному. Отдельные факты и события реального мира у разных народов могут иметь большую вариативность, что связано со спецификой жизнедеятельности данного этноса, его особенностями восприятия мира. Эти особенности напрямую находят отражение и в речевом поведении представителя данного этноса. Специфика этнокультурных знаний и передачи многовекового опыта народа обнаруживается, главным образом, в способах их реализации. Одной из действенных форм передачи норм и поведения является фольклор, который отражает моральные, правовые, этнические, эстетические и другие нормы поведения. Языковые средства фольклорных текстов способны наиболее точно, эмоционально выразительно передать стереотипы и нормы поведения народа, тем самым оказать прямое воздействие на носителя языка. Посредством языка человек прививается к этнической культуре, к мудрости народа.

Одна из важнейших ролей при передаче этнокультурной информации принадлежит пословицам и поговоркам. Они также играют огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Известный исследователь татарского фольклора М.Х. Бакиров определяет: «Пословицы и поговорки, являясь хранителями и проводниками межнациональных и общечеловеческих ценностей, одновременно представляют упорядоченные модели, отражающие в той или иной степени образ жизни, национальный дух и этническую культуру отдельного народа» [Бакиров, 2012: 103]. С давних времен пословицы и

поговорки являлись основной составляющей этнопедагогике. К примеру, у татар существует целая система пословиц, поговорок, сказок, загадок, которая отражает специфику национального воспитания. Даже существовала поговорка: «Песни – обязанность матерей; пословицы – дедов; сказки – бабушек; загадки – отцов; считалки – сестер».

Во многих фольклорных текстах отражаются отношения между членами семьи. Изучая такие тексты, можно понять этническую психологию и способ мышления. Созданные много веков назад и трансформированные под воздействием различных факторов такие тексты являются основой этнопедагогике народа. Группа пословиц, в которой отражены семейные отношения, представлена во втором томе сборника татарских пословиц Н. Исанбета и составляет довольно большой пласт. Они в основном представлены во 2–5 разделах [Исанбэт, 2010]. Более подробно остановимся на некоторых из них.

В формировании и развитии татарской семьи огромную роль сыграла мусульманская религия. Она проявляет себя как идеологическая основа, формирует мировоззрение общества, диктует свои этические и нравственные нормы, что в первую очередь отражается в семейном быту. Жизнедеятельность татарской семьи, начиная с принятия ислама до современности, подчинена канонам ислама. Отношения между родителями и детьми, между родственниками подчинены основным принципам мусульманской религии. Как всем известно, произошли глобальные изменения в XX веке, усиливаются процессы глобализации и проникают ценности других культур в настоящее время. Эти процессы внесли свои коррективы в жизнедеятельность татарских семей. Несмотря на это основные принципы жизнедеятельности татарской семьи смогли сохраниться и транслироваться в современную семейную жизнь. Попробуем обосновать вышесказанное на примере поговорок и пословиц, которые употребляются в татарском языке.

Главным постулатом татарских семей является уважение к родителям. Известное изречение пророка Мухаммада «Рай под ногами ваших матерей» является главным показателем значения родителей в семье. Необходимость уважения и почитания родителей отражается и в фольклоре, например, *ата-анаңны тәрбия ит, үзең дә тәрбия күрерсең; балаларны табып була, ата-ананы юк; адәм булсаң, ата-анаңны карарсың, эт булсаң, аларны таларсың; ата-анадан бизгән Алладан бизгән; ата-ана теләге утка-суга батырмас; ата-анасына игелек күрсәтмәгән, олыгайгач үзе дә күрмәс; ачтан үлсәң дә, ата-анаңны ташлама* и др.

Татары издавна обращали особое внимание на род, на родителей будущего жениха или невесты. По поверьям, какие родители – такие и дети. В устном народном творчестве можно найти достаточно примеров, где зафиксировано это поверье и активно употребляется среди татар и в настоящее время: *атасына карап улын коч, анасына карап кызын коч; оясында ни күрсә, очканында шул булыр; алма агачыннан ерак төшми, улы оят – атага, кызы оят - анага* и др.

Роль отца в татарских семьях весьма высокая. Для многих семей почитание, беспрекословное подчинение отцу как главе семейства и на современном этапе является нормой. По сравнению с прошлым татарских семей основной функцией главы семейства в настоящее время является организация семейного быта и улучшение условий жизни. Уважение и почитание отца зафиксировалось в текстах устного народного творчества, например, *атасы барның – бәхете бар; ата аркасы – кала аркасы; алты көн ач торсаң да, атаң гадәтен онытма; яман атадан – яман ул; атаң исән чакта һөнәрен өйрән, ул югында куәтен истә тот; атасы кем – углы шул; эт атасын танымас; ата өчен улы җан бирсә, улга дан; мөгезен кем хур иткәннен болан онытмас, атасын кем хур иткәннен олан онытмас* и др. Такие выражения активно употребляются и в современных семьях, особенно в семьях с устойчивыми этническими корнями, передающими национальные традиции из поколения в поколение [Галиуллина, 2010: 11].

Во всех современных культурах образ матери представляется как жизнедающее начало, святой образ. В татарских семьях мать выполняет функцию хранителя домашнего очага. Об этом свидетельствуют такие примеры из фольклора, как *ата – йортның матчасы, ана – йортның өрлеге, балалар – стенасы; ирсез өй – көнсез өй, хатынсыз өй – айсыз өй*. Воспитание дочерей, подготовка их к будущей семейной жизни, организация домашнего быта – все это прямые обязанности матери. Идеализация образа матери, ее доброты отражается в таких примерах: *әнкәм йорты – алтын бишек; эни суккан авыртмый; өйнең яме ана белән; ана җылысы - кояш җылысы; ана ачуы – язгы кар: күп булса да, тиз эри; ана – шәфкать диңгезе; кояш янында - җылылык, ана янында – изгелек*.

Татарский народ уделяет особое внимание тому, чтобы семья была крепкая и долговечная. Традиционно татарские семьи отличались тем, что среди них мало было разводов. Причиной этому является, во-первых, мусульманство, которое крайне отрицательно относится к свободным отношениям, во-вторых, в этнопедагогике разными способами критикуются те качества, которые приводят к разводам. В этом особую роль выполняют образцы устного народного творчества: *кош канатын үзе аермас, яхшы ир хатын аермас; барып кайту өчен генә иргә барма, базарга бар; иргә бер кат бару гадәт, икенчесе – оят; ирдән-иргә йөргәнче, гүрдән-гүргә йөр* и др.

Среди татар бытуют такие выражения, как *бала – гаиләнең тоткасы; күлнең яме кама белән, өйнең яме бала белән; өең оҗмах түре икән, эчендә уйнар баласы булса*, которые показывают роль детей в устойчивом существовании семьи. Бездетность рассматривалась как большая беда семьи. Отголоски этого встречаются и в настоящее время в следующих пословицах: *балалы өй – базар, баласыз өй – тулы зар; баласыз гомер – янмаган күмер; өеңдә балаң булмаса, өй өйгәннән ни мәгънә*. Татарские семьи и семьи других этнических групп, проживающих на территории Поволжья, были ориентированы на многодетность. Это было связано с феодальным укладом жизни, где дети были основными помощниками в семейном быту. Если дети

мужского пола были помощниками отцов, то девочки помогали матерям в семейном быту. Заложённое в ментальность татар понятие «дети – опора родителей» (*бала – ата-ананың терәге*) не теряет свою актуальность и в наши дни. Родители надеются не столько на материальную поддержку со стороны детей, сколько на поддержку психологическую. Сказанное доказывают и исследования социологов, например, исследователь Н.В. Богачева высказывает следующее: «Как показывают ответы татар, дети дают надежду на спокойную старость (ответы 53% татарских, 40% русских респондентов). Больше жалуются на то, что дети создают определенные трудности работающим членам семьи респонденты русской национальности (ответы 24% русских, 16% татарских респондентов). На детей как источников стрессов и переживаний также больше указывают русские (ответы 18% русских, 11% татар)» [Богачева, 2006: 20].

Таким образом, пословицы играют первостепенную роль при передаче этнокультурных традиций. В современных условиях, когда подрастающее поколение получает огромный объем информации извне, порой отрицательно влияющую на психологию молодежи, на формирование личности в рамках этнической культуры, образцы устного народного творчества выполняют функцию мостика, связующего звена между прошлым и современностью.

Литература

1. **Бакиров, М. Х.** Татарский фольклор / М. Х. Бакиров. – Казань : Ихлас, 2012. – 400 с.
2. **Богачева, Н. В.** Дети и отношение к ним в татарстанских семьях / Н. В. Богачева // Современное российское общество: состояние и перспективы : материалы Всероссийской научной конференции, Казань, 1–16 ноября 2005 г. Т. 5. – Казань : Центр инновационных технологий, 2006. – С. 18–21.
3. **Галиуллина, Г. Р.** Хэзерге татар гаилэләрәндә исем сайлау традицияләре / Г. Р. Галиуллина. – Казан : Ихлас, 2010. – 110 б.
4. **Исәнбәт, Н. С.** Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыйнагы. Т. 3 / Н. С. Исәнбәт. – 2-нче басма. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2010. – 748 б.

*Гейт М.В.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: РАЗВИТИЕ ТАКТИЛЬНОГО КОНТАКТА У ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье рассматривается технология обучения башкирскому языку, способствующая развитию тактильного восприятия у обучающихся, грамотному использованию невербальных жестов.

Abstract. This article discusses the technology of teaching the Bashkir language, which contributes to the development of tactile perception in students, the competent use of non-verbal gestures.

Ключевые слова: современное образование; урок башкирского языка; невербальное общение; тактильный контакт.

Keywords: modern education; the lesson of the Bashkir language; non-verbal communication; tactile contact.

*Ум ребенка находится
на кончиках его пальцев.
В.А. Сухомлинский*

Одним из составляющих невербальной коммуникации является тактильный контакт, т.е. прикосновения к предметам, к самому себе и к другим людям. Тактильный контакт – один из первых способов восприятия и познания окружающего мира. Под тактильным контактом подразумевают прикосновения, поглаживания, касания, объятия, поцелуи, подталкивания, дотрагивания людей друг до друга и/или предмета. Тактильный контакт является неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека. Ежедневно каждый из нас прикасается к различным предметам и взаимодействует с другими людьми.

Новорожденный чувствует тепло матери, через несколько месяцев способен держать в руках погремушки. Младенец ощущает предмет: какой он? – мягкий или твердый, теплый или холодный, мокрый или сухой... Тем самым познает мир. С физиологическим ростом ребенок начинает понимать, какие особенности имеет та или иная игрушка. Например, одна погремушка издает звук при встряхивании, другая – приятная на ощупь.

Тактильный контакт служит двигателем мыслительного процесса. Не зря наиболее ранними для ребенка формами обучения считают игры и упражнения, направленные на восприятие окружающей действительности через тактильные ощущения. Развитие моторики рук и пальцев благоприятно влияет как на физиологические (развитие двигательных навыков), так и психологические особенности ребенка (мышление, психику, интеллект).

Тактильный контакт играет важную роль в жизни ребенка. С малых лет для развития мыслительных процессов и двигательного аппарата при игре используют раскраски, изображения которых нужно раскрасить пальцами, различные доски, развивающие игрушки и др. С исполнением одного года, при нормальном развитии, дети самостоятельно могут передвигать и отодвигать легкие предметы и т.д.

О положительном влиянии тактильного контакта в своих трудах писал советский педагог В. А. Сухомлинский: «... за год до начала обучения в школе детям надо давать такие виды труда, как вырезание из картона и бумаги ножиком (резцом) и ножницами, резьба по дереву, плетение, конструирование и изготовление маленьких моделей из дерева. Тонкие трудовые движения вырабатывают необходимые соразмерность и ритм движения пальцев, формируют их чуткость, чувство миниатюрного рисунка, каким в сущности и является буква» [Гейт, 2017: 48–50].

Дошкольное образование содержит большой объем методик, получение знаний которых подразумевает прикосновения, дотрагивания, поглаживания, нежели на средней и/или высшей ступенях образования в Российской Федерации. В школьной среде значимость тактильного взаимодействия обучающихся друг с другом и разного рода предметами в процессе обучения постепенно угасает.

Тактильное взаимодействие обучающихся мы можем наблюдать преимущественно на занятиях физической культуры, изобразительного искусства, труда, музыки и ОБЖ. Дети касаются друг друга при физических упражнениях, совместной творческой работе, во время мероприятий по оказанию первой медицинской помощи.

Тактильные ощущения помогают лучше освоить учебный материал. Например, на уроках химии детям интересно помимо лекционной и практической частей проведение лабораторных работ, где обучающиеся наглядно и, при возможности, тактильно познают процессы соединения химических веществ, на уроках физики – притяжение опилок к магниту или движение маятника, на уроках биологии – рассмотрение живых растений или камней.

Нехватка тактильного взаимодействия в образовательном процессе выявляется при обучении лингвистическим предметам. Здесь тактильный контакт практически отсутствует. Педагогика лингвистического образования акцентирует внимание на правильном произношении единиц языка и вербальную интерпретацию.

Упражнения, выполняющиеся при помощи тактильных контактов, способствуют повышению у детей когнитивных способностей невербального характера. Мы предлагаем серию упражнений, которые помогут повысить мыслительные процессы, ощупывая разные предметы.

Упражнение № 1. “Тылсымлы эйберзэр” (“Волшебные предметы”).

Учитель даёт обучающемуся какой-нибудь предмет, например, зелёный карандаш. Обучающийся должен сказать на башкирском языке, какими свойствами обладает этот предмет, какой он на ощупь: горячий или холодный,

мокрый или сухой, большой или маленький, колючий или гладкий, круглый или квадратный и т.д. В данном случае о зелёном карандаше обучающийся может сказать, что карандаш гладкий, сухой, длинный, твердый. Это упражнение помогает выявить уровень восприятия обучающегося посредством тактильного контакта. В качестве предмета учитель может использовать школьные принадлежности, ткань, фрукты, игрушки и др.

Упражнение № 2. “Мөгжизэле һандык” (“Чудесный сундук”).

Учитель кладет в небольшой сундучок три разных предмета и ставит сундучок у школьной доски. Обучающемуся, вышедшему к сундучку, завязывают глаза платком. С объявления учителя о старте, обучающийся должен, ощупывая предметы в течение минуты, назвать их на башкирском языке.

Упражнение № 3. “Серле капсығым” (“Мой секретный мешочек”).

Учитель кладет в непрозрачный мешочек предмет. Вышедший к доске обучающийся должен в течение 30 секунд ощупать предмет. Предметы учитель должен выбрать, соответствующие теме урока. Узнавая свойства предмета (размер, фигура, материал, из которого сделан предмет, температура и т.д.), говорить классу свойства данного предмета на башкирском языке, чтобы обучающиеся догадались, что находится в мешочке. Обучающийся, правильно отгадавший название предмета на башкирском языке, становится следующим игроком.

Упражнение №4. “Тап урынды” (“Найди место”).

Учитель кладет на парту две небольшие коробки. Ведущему обучающемуся завязывают платком глаза. Задача обучающегося – распределить предметы, которые учитель расположит на парте между коробками по его свойствам: форма/размер/признаки на ощупь (шершавый, колючий, гладкий, мягкий, жесткий и т.д.).

Упражнение №5. “Ә, ул бит алма!” (“А, это же яблоко!”).

Учитель кладет на парту несколько муляжей фруктов и овощей. Ведущему обучающемуся завязывают платком глаза. Ребенок ощупывает муляж и отгадывает. На отгадку одного муляжа дается 3 попытки. Названия фруктов и овощей обучающийся называет исключительно на башкирском языке.

Таким образом, применение методики обучения с помощью тактильных ощущений дает возможность проведения занятий в нетрадиционной форме; повышает усвоение материала; уменьшает чувство стеснительности и неуверенности у обучающегося; устанавливает тесное взаимодействие обучающихся в образовательной среде; увеличивает навыки общения; способствует повышению уровня невербального поведения; стимулирует грамотность учебной и воспитательной работы преподавателя. Упражнения на тактильное восприятие способствуют активизации мыслительной деятельности, развитию мелкой моторики и повышению концентрации внимания.

Литература

1. Гейт, М. В. Такесика в поликультурном пространстве РБ / М. В. Гейт, А. Р. Хурамшина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании (XII Международные Акмуллинские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции. 14 декабря 2017 г. – Уфа : БГПУ, 2017. – С. 48–50.

УДК 82-1

*Гудзина В.А.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

СПЕЦИФИКА ИНКОРПОРИРОВАНИЯ ТЮРКСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ В ЛИРИКЕ УЗБЕКСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗУЛЬФИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрена специфика инкорпорирования тюркского мироощущения в лирике узбекской поэтессы Зульфии. Проанализировано художественное осмысление действительности Зульфией Исроиловой в рамках узбекской национальной модели мировоззрения. Сделана попытка рассмотрения ее видения и понимания мира через призму тюркского и европейского миромоделирования. Основное внимание в работе автор акцентирует на реализации взаимодействия литератур Востока и Запада, повлиявшей на становление идиостиля одного из ярких представителей тюркской литературы.

Abstract. This article examines the specifics of incorporating the Turkic worldview into the lyrics of the Uzbek poetess Zulfiya. The article analyzes the artistic interpretation of reality by Zulfiya Isroilova within the framework of the Uzbek national model of worldview. An attempt is made to examine her vision and understanding of the world through the prism of the Turkic and European world modeling. The author focuses on the implementation of the interaction of the literatures of the East and the West, which influenced the formation of the idiostyle of one of the brightest representatives of Turkic literature.

Ключевые слова: тюркское мировосприятие; национальная модель; метрическое начало; тюркское стихосложение.

Keywords: Turkic worldview; national model; metric origin; Turkic versification.

Рост интереса в мировом масштабе к компаративному литературоведению, осознание необходимости его генезиса и расширения области исследований, его значения для адекватной оценки литературного наследия русского и узбекского народов, а также важной роли в реализации взаимодействия литератур Востока и Запада определили приоритетность компаративистских исследовательских работ в данном направлении.

Разработка типологических категорий, сближающих разные национальные литературы, является одним из магистральных направлений в развитии современного литературоведения.

Художественное осмысление действительности у каждого поэта происходит в рамках определенной национальной модели мировоззрения. В свою очередь, это мировоззрение определяет основные поэтико-эстетические

направления, такие как авторская позиция, тип лирического героя, система лейтмотивов, статус слова, образное выражение и композиционно-методологическое своеобразие.

В творчестве Зульфийи Исраиловой есть несколько моделей видения и понимания мира. Мы разделяем их на две части: 1) основанные на тюркском мировосприятии; 2) опирающиеся на европейское миромоделирование.

В то же время творчество Зульфийи создает общие идейно-логические связи, объединяющие поэтическую лирическую систему. Ниже мы опишем некоторые из центральных идей ее поэзии как сокровищницы знаков онтологической значимости жизни узбекского народа как представителя тюркских народностей.

Мы интегрируем художественную мысль Зульфийи в мир тюркского мироощущения, который различается в периоды ее создания. Лирика Зульфийи очень структурирована. Каждый поэтический сборник – это копия трогательной композиции определенного периода. Жизнь и творчество Зульфийи совпадает с эпохой перемен в узбекской литературе в целом и узбекской поэзии, в частности. До этого времени вся узбекская лирика создавалась в традиционном ритме, характерном для всего корпуса тюркской поэзии. В ней огромное значение придавалось концепции круга, когда конец смыкается с началом. Она проявляется на уровнях части и целого. Формула круга используется для удобства счета и усвоения ритма. Суть его – в сведении разных стоп в единый круг.

В поэтическом трактате гератского ученого XV века Атоуллох Хусайни приводится демонстрация круга мухталифа на примере стихотворной строки «Туро гар жафо бегад набуди неку будий» [Хусайниев, 1981: 288]. Итак, если строку начать с «Туро» и закончить «будий», получится размер тавиль. А если начать с «гар жафо» и закончить «туро», образуется размер мадид. При начале с «бегад» и завершении «жафо» возникает размер басит. Начав с «неку», завершив «набудий», получим размер аксу тавиль.

Объединение двух стоп составляет метрическое соотношение. Следовательно, в исходной формуле зарб-л-кадим в минимальной форме присутствуют и ритмическое, и метрическое начала. Усуль (мн. число от асль – корень, основа) предполагает некое множество стоп. Поэтому в усуле их должно быть не менее двух. В данном случае зарб и усуль находятся в соотношении пары понятий – часть и целое.

Ритмические круги в поэзии соответствуют строке. Из строк образуются строфы (бейты). Таким образом, получается, что термины усуль, круг, период, бейт выражают явление одного порядка – законченное или относительно законченное построение.

Естественно, что жизнь в XX столетии менялась, поэтому поддерживать такую систему было уже невозможно: в Узбекистан проникали западные влияния, с одной стороны, а с другой стороны, велик был фактор моды – поддерживая традиционную систему поэзии, узбекский поэт рисковал быть непонятым. Первыми начали менять эту систему такие известные узбекские поэты, как Хамза Хакимзаде Ниязи, Чулпан Абдулхамид Сулейман угли,

Абдурауф Фитрат. Продолжили эту «революцию форм» Хамид Алимджан, Уйгун и другие, перенимающие опыт мировых и русских мастеров литературы.

Зульфия, понимая важность постижения не только классических постулатов тюркского стихосложения, но и современных законов художественного мышления, начинает более глубоко изучать русскую классическую литературу, благодаря чему открывает для себя уникальный мир художественных образов русской культуры, созданных Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Тютчевым и Фетом.

Если в первых сборниках Зульфийи восприятие мира питается двумя основными принципами – гармонией природного мира и осмыслением внутренних кризисов, то в поздней лирике представления о реалиях жизни формируются под влиянием философских тезисов об улучшении жизни людей. Эти идеи были направлены против «конформизма» символистов.

Такое понимание существования индивида означает объективную причастность к повседневности. По той же причине жизненная позиция Зульфийи вращается вокруг принципа «оживления» и «воскрешения» окружающей среды:

Тюльпаны
Тюльпаны, тюльпаны, –
Повсюду тюльпаны,
В тюльпанах Вселенная вся...

В большинстве работ Зульфийи так или иначе присутствует человеческий облик, что может многое рассказать о личности поэтессы, для которой главным источником большой любви к миру является субъективное ощущение причастности ко всему, что есть во Вселенной:

Бывал ли ты в ночном саду,
Обрызганном луною?
Земного мира красоту
Постиг ли ты со мною?

Очевидно, что лирическая героиня чувствует себя тесно связанной с материальным миром. Она охватывает все: от «песни в руках» до любовного настроения, от влюбленных до «Луны и звезд». Лирическая героиня также демонстрирует свою способность привести все в гармонию:

Захочу – с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта – как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Принятие реальных предметов в качестве отдельной ценности создало новый взгляд на эмоции в ее поэзии. Такая тесная связь с окружающей действительностью неслучайна: на поэтессу, по ее собственному признанию, огромное влияние оказала личность отца, который был кузнецом. Процесс превращения куска железа в какой-либо предмет вызывал у девушки трепет с детства: «Все время я наслаждалась этой деятельностью «спутника огня».

В моей жизни больше не было такого сильного человека, как мой отец. Я не была бы удивлена, если бы железо распространяло молнии в руках моего отца. Его руки были в состоянии превратить кусок железа в желаемую форму, в то, что нужно человеку. ... умение проникать в человеческую душу не труднее, чем обработка железа, потому что нужно, чтобы сердце горело, как молния» [Султонова М., 1985: 16].

Вместе с тем следует отметить две характерные черты поэзии Зульфийи: во-первых, ее стихи всегда отражают какую-либо динамику:

Как жадно цветы вырывала я с корнем,
 Дивясь то одним, то другим,
 И красное пламя тюльпанов
 Я к черным
 Глазам прижимала своим.

Как показывает анализ поэтических дискурсов Зульфийи, в ее стихах не только лирическая героиня, но и одушевленная ею природа всегда динамична, поскольку «занята каким-то делом» – она или «вырывает», или «идет», или «щелкает» и т.д.; во-вторых, стихи Зульфийи чрезвычайно красочные, в буквальном смысле, в них постоянно перечисляются различные цвета. В процессе проведения количественного анализа частотности использования колористических номинаций в сборнике «Стихи», выявлены следующие данные (см. Рис. 1).

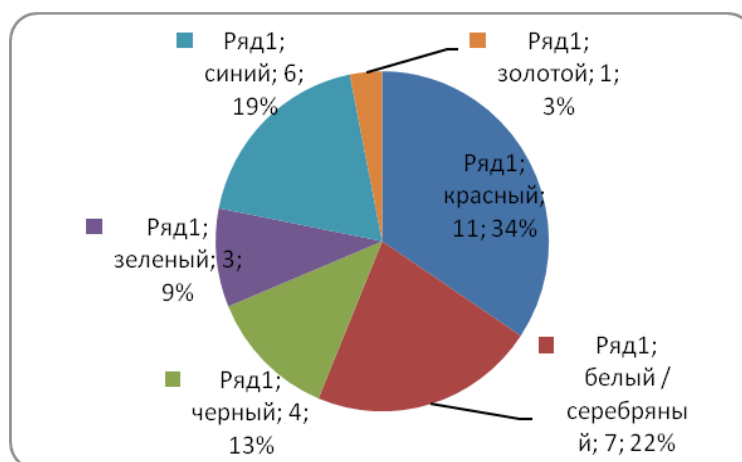

Рис. 1. Представленность наименований цветов в 13 стихотворениях сборника Зульфийи «Стихи», ед.

Как можно увидеть, наиболее часто упоминаемым является красный цвет (также багряный, пламенный). Красный цвет, исходя из символики цвета, символизирует активность, власть, силу, страсть, агрессию, разрушение [Миронова, 2014: 3.]. Это цвет действия, что вполне согласуется с нашим предыдущим выводом относительно представленности движения в поэзии Зульфийи. На втором месте находится белый/серебряный цвет. Согласно символике цвета, белый цвет имеет значение отрешенности от мирского, устремления к духовной простоте. На третьем месте – синий цвет. Он символизирует непостижимую тайну, мистицизм, правосудие, покой. На

четвертом месте – черный цвет. Интересно, что с черным цветом у тюркской лингвокультуры, к которой относится и узбекский язык, весьма тесные взаимоотношения. Черный цвет в символике тюркских языков, как было установлено академиком А.Н. Кононовым, является очень распространенным и его символика вовсе не является негативной, как в случае западных лингвокультур [Жаркынбекова, 2011: 17]. К сожалению, относительно символизма именно черного цвета в тюркских лингвокультурах пока не существует исчерпывающих исследований, поэтому на данный момент расшифровать его семантику не представляется возможным. На пятом месте по распространенности – зеленый цвет. Он означает «жизнь, возрождение природы». На последнем месте находится золотой цвет, его наименование было употреблено всего лишь один раз. Золото олицетворяет солнце, жизнь, власть, величие, счастье, победу.

Таким образом, анализ творчества Зульфии позволил прийти к следующим выводам:

- 1) в творчестве Зульфии Исраиловой присутствуют несколько моделей видения и понимания мира, которые основаны и на тюркском мировосприятии, и на европейском миромоделировании;
- 2) гармония природного мира и осмысление внутренних кризисов в лирике узбекской поэтессы, а также ее представления о реалиях жизни формируются в основном под влиянием привычного ей тюркского менталитета.

Литература

1. **Жаркынбекова, Ш. К.** Цвет – сознание – менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах / Ш. К. Жаркынбекова. – Астана : Мастер ПО, 2011. – 188 с.
2. **Миронова, Л. Н.** Цвет – это что? / Л. Н. Миронова. – Ташкент : Фан, 2009.
3. **Салиджанов, Ю.** Изучение творчества Зульфии в узбекском литературоведении / Ю. Салиджанов // Преподавание языка и литературы, 2015. – № 2. – С. 17.
4. **Султонова, М.** Зульфия / М. Султонова. – Ташкент : Фан, 1985. – 44 с.
5. **Хусайниев, А. Б.** Художественные средства словесного искусства / А. Б. Хусайниев. – Ташкент, 1981.

АЛИ КАРНАЙ ӘСӘРЗӘРЕНЕҢ ЖАНР-СТИЛЬ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Аннотация. В данной статье анализируются жанрово-стилевые особенности произведений одного из самых ярких представителей новой башкирской литературы первой половины XX века Али Карная, исследуется его индивидуальная манера повествования.

Abstract. This article analyzes the genre and style features of the works of one of the most prominent representatives of the new Bashkir literature of the first half of the XX century - Ali Karnai and examines his individual style of narration.

Ключевые слова: башкирская литература; Али Карнай; жанр; стиль; рассказ; повесть; романтический стиль; реализм.

Keywords: Bashkir literature; Ali Karnai; genre; style; short story; novel; romantic style; realism.

Революцион романтика менән һуғарылған күп һанлы хикәйәләрендә яңы йәмғиәт төзөүсә заман геройын, уның ижтимағи-социаль эшмәкәрлеген, хистойғоларға бай күнел донъяһын сағылдырыусы, мешандарзы үткер сатира алымдары ярзамында ирония менән һүрәтләүсә, тарихи революцион тематикаға арналған киң эпик әсәр тыузырыуза зур уңышка өлгәшкән күренекле әзип Али Карнай милли һүз сәнғәтендә юйылмаһ урын алды. Ул — ялкынлы публицист, башкорт әзәбиәтендә очерк жанры формалашыуға тос өлөш индереүсә.

Али Карнай (Имамғәле Мөхәммәтдин улы Зөлкәрнәев) 1904 йылдың 6 (19) ғинуарында хәзерге Мишкә районы Зур Шазы ауылында крәстиән ғаиләһендә тыуа. Бөрөләге педогогия техникумында, 1924—27 йылдарза Мәскәүзәге Юғары кооператив курстарында укый. Бер аз Башсоюзда инструктор булып эшләп ала. Али Карнайзың артабанғы эшмәкәрлеге ғүмеренең һуңғы көндәренәсә бәйле.

Педтехникумда укыған осоронан башлап А. Карнай ижад эшенә ылыға, 20-се йылдарза республика матбуғатында уның күп һанлы нәсерзәре донъя күрә. Лирик хис-кисерештәргә бай, романтик рух менән һуғарылған «Комсомол анты», «Әсәйем хаты», «Кышкы елдәр йырлағанда», «Бунтарь йырзар», «Без таң кешеләре», «Мөхәббәтем тураһында» һ.б күп кенә нәсерзәрендә иҫке менән яңының үлемесле көрәше сағылдырыла, халыктың үткән хәйерсә, бәхетһез тормошона бөгөнгө шат көнкүреш каршы куйыла, яңы йәмғиәт төзөү эшенә күтәрелгән алдыңғы карашлы йәштәр кәүзәләндерелә.

20-се йылдарзың икенсе яртыһында Али Карнай реалистик хикәйәләр ижад итеүгә күсә. Башкорт ауылдарында барған киҫкен синфи бәрелештәрзе, шул бәрелештәрзең уртаһында кайнаған, ирекле тормош төзөргә хыялланған геройзарзы һынландырған «Аҡ кайын», «Буранлы юлдарза», «Дим буйзарында», «Тирмәнсе кызы», «Көтөүсә малайы», «Йүрүзән кызы Әминә», «Зимагор», «Үткән көндәр иҫтәлектәре» хикәйәләрендә нәсерзәренә хас үзенсәлектәр артабан үстөрелә, реалистик картиналар геройзарзың

хис-тойғолары менән тығыз үрелеп килә. Шул рәүешле реалистик һәм романтик стилдәр синтезы тыуа.

«Буранлы төндә», «Зарифа» хикәйәләрендә Али Карнай коллектив тормошка ойшоу крәстиәндәрҙең, хатта бер ғаилә кешеләренең ике төркөмгә айырыуын һүрәтләй. Хосуси милекселек психологияһынан арыныусы, «межаларҙы шаулатып емереүсә», «күңелдәрәндә бер төрлө иркенлек һизеүсә» крәстиәндәр — был хикәйәләрдәң төп геройҙары.

«Барометр», «Йыртылған указ», «Мүк еләге», «Кышкы төндәрҙә» кеүек сатирик хикәйәләрендә автор иштәлеккә йәбешеп, социаль үзгәртеп короузарға каршы сығыусы, яңылыктарға аяк салыусы дин әһелдәрен фашлай, геройҙарының күңел донъяһын һүрәтләүҙе мөһим художество алымы итеп һанай.

30-сы йылдар башында А. Карнай ауыл хужалығын коллективлаштырыу эшендә актив катнашыу максаты менән Дәүләкән районының «Возрождение» совхозында тракторсы булып эшләй. Был осор уның «Тракторҙар гөрөлдәйҙәр», «Балкан тау буйында», «Енәйәт», «Айлы төн» очерктарында сағылыш таба, намыслығы, яуаплығы, дәүләт милкенә һаксыл караш һымак әхлаки мәсьәләләр күтәрелә.

Коллектив хужалыктарға берләшеү өсөн көрәш теманы 1932 йылда донъя күргән «Далалағы уттар» повесында айырыуса уңышлы сағылдырылды. Повесть тракторсы Нәғимовтың совхозға эшкә килеүен һүрәтләүҙән башлана. «Далалағы уттар» повесында Али Карнайҙың тормошто күп кырлы итеп төрлө өлкәләрдә күрһәтергә ынтылыуы вакифаларҙы ла, персонаждарҙы ла күпләп алыуға килтергән, был бер ни тиклем әсәрҙә композицион яктан таркаулаткан.

1932—35 йылдарҙа Али Карнай Ишембайҙағы «Башкортостан вышкаһы» исемле гәзит редакцияһында яуаплы секретарь булып эшләй. Языусының «Яр башында фонтан», «Кочегар Кәрим», «Фонтан», «Баязитов үзгәрҙә», «Тулкын» һымак очерк-портреттарында, һүрәтләмәләрендә беренсе башкорт нефтселәренең намыслы хезмәтә сағылдырыла.

30-сы йылдарҙағы башкорт әҙәбиәтә өсөн яңы күренеш тип табылған, 1935 йылда айырым китап булып донъя күргән «Ишембай» очеркы нефтселәр тормошона арналған иң зур әсәр булды. Очеркта тәүге башкорт нефтселәре Бәзретдинов, Ишембаев, инженер Принц, геолог Носаль үз исемдәре менән алынған, нефть өсөн көрәш картиналары документаль теүәллек менән күрһәтелгән. Әсәр әзип ижадындағы яңы басҡысты билдәләй.

Али Карнайҙың «Гөлзифа», «Рауза», «Сафаровтарҙың шатлығы», «Батырбаев» һ.б. хикәйәләре үрҙә телгә алынған очерктарҙа күтәрелгән тема-проблемаларҙы дауам иттерә.

1935 йылдан алып Али Карнай Өфөлә «Башкортостан» гәзите редакцияһында эшләй. Журналист буларак республиканың төрлө райондарына командировкаға сыға, халыҡ тормошон өйрәнәү әсәрҙәренең идея-тематик даирәһен киңәйтә. «Яңы симфония», «Әсә», «Шакир дуҫ тураһында», «Яңы таң кызы Сәскә», «Ғәлим Шәмсиғолов», «Барнауыл кешеһе», «Үткән көндәрҙән бер өзөк» һ.б. очерк һәм хикәйәләрендә замандың яңы кешеһен һынландырыуҙы

максат итеп куя. Совет ысынбарлығын, кешеләрзең мул, бәхетле тормошта йәшәуен раҫлау өсөн әзип хәзерге менән үткәнде капма-каршы куя.

Күренеүенсә, Али Карнай халыктың шат тормошта йәшәуен, рухланып социалистик йәмғиәт төзәуен шул осор идеологияһына, сәйәсәтенә ярашлы сағылдыра. Колхозлаштырыузың, илде индустриялаштырыузың ниндәй ауырлыктар, юғалтыузар иҫәбенә аткарылғанлығын языусы күрмәс булмас. Әммә ижади фекерләү сикләнгән шарттарза ла Али Карнай за, башка языусылар һымак, рәсми пропаганда талаптарына буйһонорға мәжбүр. Барыһында тик якшы ғына итеп күрһәтеүзең әсәрзәрзе конфликтһыз итеүен, бер төрлөлөлөккә килтереүен, тормошсан кыркыу, көсөргәнешле мөнәсәбәттәр, караштар бәрелешен күрһәтмәүзән геройзарзың ярлыланыуын, төшһөзләнеүен күреп-аңлап, языусы төрлө алымдар эзләп карай. «Турғай», «Өйрәк менән тәлмәрийен», «Урманда» романтик хикәйәләрендә Али Карнай, бөйөк рус языусыһы М. Горькийзан өлгө алып, Турғай, Өйрәк, Тейен образдарында сафлык, батырлык, әскерһез дуслык идеяларын сағылдыра. Карға, Ирлән, Йылан, Тәлмәрийен образдары аша автор яктыға, юғарыға ынтылыусыларзан көнләшкән яуыз, кара әслеләрзе кире каға, караңғыла, һазлыкта бикләнеп ятыусыларзың фәлсәфәһен фашлай. Әммә романтик рух менән һуғарылған был аллегорик хикәйәләрзә фекер айыклығы етешмәй, авторзың тел төбөн тойомларға ғына кала.

Ошондай етешһезлектәрзе тойоп, заман проблемаларын бөгөнгө тормош күренештәрен һүрәтләү аша ғына асып һалырға мөмкин булыуын күз уңында тотоп, Али Карнай сатира алымына таянып ижад итә. Совет йәмғиәтендә саф күнелле, батыр йөрәкле көрәшсе төзәүселәр менән бер каттарзан тормошка кулайлашып, үз мәнфәғәттәрен генә кайғыртып йәшәүсе мешандар за булыуын әзип «Әбсәләмовтар» (1939) хикәйәһендә сағылдыра. Үрзә телгә алынған хикәйәләрзәге әхлаки проблемаларзы, мешандар философияһын ситләтелгән, аллегорик алымдар менән күрһәтә.

20-се йылдарзағы сатирик әсәрзәрендә фаш итеү объекты итеп синфи дошман һаналған дин әһелдәрен, «Әбсәләмовтар» хикәйәһендә үзенә файзалы булыуын аңлап, партия сафына ингән, етәксе урынға оялаған, һәр һүзен, һәр эшен осор идеологияһына яраштырған, алдыңғы караштар пәрзәһенә төргән совет бюрократын ала. Бюрократ мешандың өйөндәге көнкүреште, Зиннурзың үзен һәм уның ғаиләһен кызыкһындырған нәмәләрзе тасуирлау, уларзың портрет характеристикаларын тыузырыу, оҫта төзөлгән диалогтар, «һоро корттар» тормошона вуз укытыусыһының уй-хыялдарын капма-каршы куйыу алымдары кызыклы. Замандың алдыңғы кешеһе, алмаштырғыһыз етәксе тип иҫәпләнгән совет бюрократын һүрәтләүе менән дә «Әбсәләмовтар» хикәйәһе айырым урын алып тора.

Бер яклылыктан, конфликтһызлыктан котолоу, идеологик тарлыктан сығыу максатында артабанғы ижадында Али Карнай тарихи вакиғаларға мөрәжәғәт итә, йәш үсмерзәрзең Граждандар һуғышында күрһәткән батырлыктарын тасуирлаған «Кәрим», «Дункан» исемле хикәйәләрен ижад итә.

1940 йылда озайлы һәм ныкышмалы хезмәт емеше булған зур күләмле «Без кайтырбыз» повесы донъя күрә. Авторзың иғтибар үзәгендә вакиғалар

түгел, ә кишкен социаль боролоштоң кешеләр күңелендәге һынылышка алып килеүе тора. Повесть геройзары — тарихи вакиғаларзы күзәтеүсе генә түгел, ә катнашыусы, уларға көс биреүсе лә булып сығыш яһай.

1918 йылда Башкортостандың төньяк райондарында ойошторолған кулак фетнәләрен бақтырыу өсөн коммунистарзың ярлы крәстиәндәр менән берлектәге көрәшенә бәйлә үзәк вакиға бөтә образдарзы ла бер фокуска туплай. Һәр бер герой синфи көрәштә үзенсә катнаша, автор уларзың һәр беренен рухи, интим донъяһын, ынтылыштарын сағылдыра. Һуңғы һулышынаса еңеүгә тәрән ышаныс менән караусы Сәғизуллин, бошмақ тәбиғәтле волком секретары Камалов, Чернявский һ.б. был бәрелештә социализм идеяларын яклай. Әхмәзулла, Гудков – дошман, Ишмөхәмәт – астыртын дошман, Изрисов – анархист. Уларзың барыһы ла идеялар көрәшендә, караштарзың бәрелешендә асыла. Хатта көрәштән ситтә торорға тырышқан геройзарзың индивидуаль һызаттары ла ошо көрәшкә булған мөнәсәбәттә сағыла. Ялсылыкта йөрөгән Күтебай һәм Сәлимә синфи көрәш процесында, аңдары үсеп, үз урынын таба. Әсәрзә дөйөмләштерелгән халык массаһы образы ла ошта бирелгән. Үткер репликалар, сағыу деталдәр аша халыктың йәнле портреты күзаллана. Гөмүмән, автор зур масштаблы геройзар тыузырыуға ирешкән, уларзың һәр берене тарихтың кишкен боролоштарында каты һынау үтә. Геройзар язмышы илдә барған тарихи-революцион процестан айырылғыһыз, дөйөм әһәмиәтле проблемаларға килеп тоташа һәм ошонан повестың эпик коласы бермә-бер киңәйә. Әсәрзәң идея-тематик йөкмәткеһе лә бик бай: пролетариат диктатураһын урынлаштырыу өсөн көрәш мәсьәләһе, яңы йәмғиәт төзөү барышында яңы кеше формалашыуы, социаль революцияның культура революцияһын барлыкка килтереүе һ.б.

Был сәйәси, әхлаки, сәнғәт проблемалары революцияның еңеп сығыуы, халыктың тарихта тотқан урыны, ғәзел йәмғиәт төзөләсәгенә тәрән ышаныс менән һуғарылған төп темаға йүнәлтелгән. Характерзар, идея һәм караштар бәрелешенә, геройзарзың рухи донъяһын яктыртыуға басым яһау авторзы һуғыш картиналарын күпләп һүрәтләүзән коткара. Дөрөс, кайһы бер проблемаларзы яктыртыуза языусының бер яклы, рәсми идеология калыптарынан сығып кына эш итеүен дә күрмәү мөмкин түгел. Мәсәлән, Верховтың хыялын сағылдырыусы ысын сәнғәт әсәрен кызылармеец һүрәте менән алмаштырыу һәм был плакатты сәнғәт үрнәге тип тәкдим итеү эстетика канундарына һыйып бөтмәй. Верховтың рухи эзләнеүе-азашыузар аша итеүе һәм шуға бәйлә көрәштә үз урынын тапты тип раслау за ышандырмай.

1937 йылда илдә репрессиялар башланғас, эзәрлекләнеүсе языусылар араһында Али Карнай за була. Эшенән сығарылғас, ул Кыргызстанға китергә мәжбүр була, унда бухгалтер булып эшләп йөрөй. Ғәйепһезлеге расланғас, 1938 йылда Өфөгә кайта. 1940 йылдан «Кызыл Башкортостан» гәзитендә үз хәбәрсе булып эшләй башлай. Бөйөк Ватан һуғышы башланғас, Дәүләкән район гәзите мөхәррире итеп тәғәйенләнә.

Фронтка киткәнсе язған «Ул көндө», «Йырланып бөтмәгән йыр», «Бала» хикәйәләрендә Али Карнай совет халкының патриотик тойғоларын, фашизмға кайнар нәфрәтен сағылдырзы. 1942 йылдың мартында Башкорт атлы

дивизияһында сығарыласак «Кызыл атлылар» исемле хәрби гәзиттең яуаплы мөхәррире итеп тәғәйенләнгән. Каһарман эзип һәр сак фронттың алғы һызыктарында булырға тырыша, алыш мәлдәрен ишетеп кенә түгел, ә үз күзгә менән күреп, шунда катнашып язырға ынтыла. Шуға ла уның әсәрҙәре фронт ысынбарлығын нисек бар, шулай яктыртыуы менән айырылып тора. Али Карнайзың «Дуслык», «Һабан туйында», «Фашист кеше түгел», «Без үс алырбыз», «Герой-артиллеристар», «Урал», «Нисә фрицты үлтерзең?», «Сәләм Галина» исемле очерк, хикәйә, һүрәтләмәләренә фашистар менән тинһез көрәш эпизодтарын эсе мәлендә тәфсирле, художестволы яктан үтемле итеп яктырта барыу характерлы. Уларҙа башкорт һыбайлыларының батырлығы, фашистарҙың йырткыслығы, фронт һәм тыл берҙәмлеге, төрлө милләт һуғышсыларының дуслығы сағылдырыла. Языусы бәләкәй генә очерк-һүрәтләмәләргә бер-ике генә штрих, деталь ярҙамында ла яугирҙарҙың иҫтә калырлык йәнле образдарын тыузырыуға өлгәшә.

1943 йылдың 16 июнендә талантлы прозаик, абруйлы журналист Али Карнайзың ғүмере фажигәле өзөлә. «Без кайтырбыз» повесының дауамын язырға хыялланған, икенсе китабының күп кенә өзөктәрен язып та өлгөргән, «Дошман тылында» исемле зур очерк өстөндә эшләгән, тыл хезмәтсәндәренең физикәрлеген сағылдырған пьеса ижад итә башлаған, башка күп төрлө ижади пландар менән кайнап йәшәгән оло йөрәкле эзиптең 39 йәшендә – ижадының өлгөрөп еткән мәлендә генә йөрәге тибеүзән туктауы тоташ башкорт әҙәбиәте өсөн зур юғалтыу булды.

Әҙәбиәт

1. Башкорт әҙәбиәте тарихы. 7 томда. Т. 3. – Өфө : Китап, 1991. – 543 б.

УДК 821.512

*Ғалина Ғ.Ғ., Колһарина Н.А.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

М. КӘРИМ ҺӘМ С. АЙТМАТОВ ПОВЕСТАРЫНДА БАЛАЛАР ОБРАЗЫ

Аннотация. В статье анализируется проблема детских судеб в повестях М. Карима «Долгое-долгое детство» и Ч. Айтматова «Белый пароход». Рассматриваются литературные и дружеские взаимосвязи М. Карима и Ч. Айтматова. Авторы акцентируют внимание на образах Кендека (Пупка), Мальчика, Деда Момуна и т.д. В статье отмечается, что в современной башкирской литературе проблема детских судеб находит отражение в творчестве молодого писателя А. Баймухаметова.

Abstract. The article analyzes the problem of children's fates in the stories of M. Karim's «Long, long childhood» and Ch. Aitmatov's «White steamship». Examines the literary and friendly relationship M. Karim and Aitmatov. The author focuses on the images of Kendek (Navel), Boy,

Grandfather momun, etc. The article notes that in modern Bashkir literature, the problem of children's fates is reflected in the work of the young writer A. Baimukhametov.

Ключевые слова: проблема детских судеб; М. Карим; Ч. Айтматов; Кендек; Мальчик; добро; зло; народные традиции.

Keywords: the problem of children's destinies; M. Karim; CH. Aitmatov; Kendek; Boy; good; evil; folk traditions.

Үткән быуаттың 70-се йылдарында күп милләтле Рәсәй әҙәбиәте уңыштары тураһында һүз алып барғанда Мостай Кәрим, Рәсүл Ғамзатов, Сыңғыз Айтматов, Михаил Дудин, Кайсын Кулиев, Давид Кугултдинов һәм башка бөйөк шәхестәрҙең ижадын күз уңында тоткандар, уларҙың исемдәрен бер рәткә куйып карағандар. Был исемдәрҙә дуслыҡ бәйләнеше генә түгел, уларҙа Совет әҙәбиәтенә үзенсәлекле феномены сағылыш тапкан. Уларҙы тығыз ижади бәйләнеш, шәхси дуслыҡ бәйләгән. Һәр кайһыһы үз халкының рухи мазәниәтенә һәләтле вәкиле булыу менән бергә улар үзҙәрен оло ғорурлыҡ менән көслө бер державаның уландары буларак тойған.

XX быуаттың 60—70-се йылдарында бер халықтың әҙәби асыштары икенсе халықтың әҙәбиәтендә лә сағылыш тапкан, ошондай бәйләнештә бөйөк илдең берҙәм байлығы төзөлгән. Йәш башкорт шағирҙары өсөн М. Кәримдең генә түгел, С. Айтматов, Р. Ғамзатовтың да әсәрҙәре үзенсәлекле ижади мәктәп булып торған. Милли әҙәбиәт, тәү сиратта, башкаларға үзенә көслө, талантлы шәхестәре ярҙамында барып етә. М. Кәрим башка халыктарға, үз милләтенә илсәһе буларак өндәшеп, үз еренә, тыуған иленә йылылығын, яқтылығын бүләк иткән. Шағир «Дуһтар бүләге» шиғырында былай тигән:

«Ут үрсемле — яһна. Йылға тере —

Аҡһа ғына.

Йыр, аҡыл һәм дуслыҡ — бүләшкәндән

Арта ғына», — тик бының өсөн һинәң аңың, йырың, һүҙең башка халыктарҙың ихтирамын яуларға тейеш [Бикбаев, 2014: 9]. Сыңғыз Айтматов, Мостай Кәрим ижадтары тормош ысынбарлығын сағылдырыуҙары, тәрән уй-фекерҙәре, кабатланмаһ образдар һәм үзенсәлекле поэтикалары менән йәш быуын һөйөүен дә яулап ала алдылар.

Башкортостандың халыҡ шағиры Мостай Кәримдең дуһына арнап яҙған түбәндәге шиғыры билдәле:

Ғүмерем минәң сәйер уйын булды,

Серле бер йәрәбә – тотоштан.

Алмаш-тилмәш килде так менән йоп,

Отолоузар менән отоштар.

Сыңғыз Айтматов үзенә әсәрҙәрен рус телендә ижад иткән. Рус теле аша бөйөк дуһтар бер-береһенә ижады менән таныша, рус теле аша уларҙың әсәрҙәре бөтә донъяға таныла. Был хакта Мостай Кәрим «Таузар ташы» иһтәлегендә былай ти: «Мин изге ихтирам һәм тоғролок менән бөйөк рус теле хакында – уның аша телдәребез һәм һөйләштәребез яңғызлыҡка дуһтар булып азашмауы хакында нисәнсе тапкыр уйланам инде. Уйзарибызды һәм тойғоларибызды үз йөрәге аша үткәреп, был тел уй-хистәребездә донъяға ла аңлайышы итә. Әгәр Рәсүл Ғамзатовтың тауышы, шулай ук ошо йәһәттән

миҗал итеп алғанда, Кайсын Кулиев һәм Сыңғыз Айтматов тауыштары без теләгән офоктарзы айкамаһа, еребезең поэтик сәнғәте ниндәй зур юғалтыу кисерер ине!» [Кәрим, 1999: 224].

Донъя мәзәниәтендә үз халкын танытып, С. Айтматов халыктар араһындағы татыулыҡтың илсәһе лә булып торзо. Языусының ижадында тыуған илгә һөйөү тойғоһо көслөрәк булған һайын, милли башланғыс та көслөрәк яңғыраны, шуның өсөн дә башка илдәр һәм милләттәргә яқыная барзы.

Үткән быуаттың 70-се йылдарында М. Кәримдең «Озон-озак бала сак», С. Айтматовтың «Ак пароход» повестары язылды. Ике әсәрҙә лә төп геройҙар — малайҙар. Бала сак — ул һәр кешенең ғүмерендә үзенсәлекле, кабатланмаҗ осор. Был осорҙа әхлаки байлыктарзы, тирә-як мөхиттең ысынбарлығын үзебезгә һендерәбез. Бер үк вақытта Совет иленең төрлө өлөштәрендә язылған был ике әсәр донъя кимәлендә сағыу балкып, укытыусылар араһында зур уңыштарға өлгәшә.

М. Кәрим әсәрендә төп герой Кендек, үзенең бай күзәтеүҙәре, асыштары ярҙамында үзәккә үтәрлек поэтик хикәйә кора. Булған хәл-вақиғаларзы герой күңеле аша үткәреп, эске кисерештәрен төрлө юлдар менән: кайғырыуҙар, уйланыуҙар ярҙамында белдерә. Кеше ғүмерҙәрен күзәтеп, уларҙа эске матурлыҡ, күңел сафлығын аса. Бала аңына барып етмәҗлек уй-кисерештәрен, үсеп, тормош тәҗрибәһе туплағас, кайтанан барлай, баһалай. Языусының төп идея-эстетик принцибы булып кеше ғүмеренең уның үткәне, бала сағы менән тығыз бәйләнешен иҗбатлау тора. Сөнки тап шул осорҙа рухи башланғыска нигез һалына, характер формалаша.

Хәзерге башкорт әҙәбиәтендә лә балалыҡ темаһына мөрәҗғәт итеүсә йәш языусылар юк түгел. Ул талантлы йәштәрҙең береһе — Айгиз Баймөхәмәтов. Үзенең «Калдырма, әсәй» әсәре менән ул балалыҡ иленә укыусыны әйзәй алды. Әсәрҙәге Ильяс та, М. Кәримдең Кендек образы кеүек үк бик теремек, тормош һынауҙары аша үтеп үз-үзенә юл ярған герой. Ата-әсәһе ауырып мәрхүм булғандан һуң Ильяс туғандары менән үкһез етем тороп калып балалар йортона барып элэгә. Автор хәзерге заманда балалар йортона хөкөм һөргән аяуһыз тәртиптәрҙе фашлай. Етәкселектең тикшереү килгәндә генә балаларға матур, яҡшы кейемдәр кейзереп, тәмле ашаткандрын һүрәтләп, бөгөнгө көндә йәмғиәттә йәшәгән күз буяусылыҡ кеүек проблемаларзы тәнкитләй.

Бәләкәй геройзы ауыр һынауҙар һындыра алмай, киреһенсә, рухын нығыта, юғарыға әйзәй.

М. Кәримдең Кендеге, С. Айтматовтың малайы менән Ильясты эскерһез бала сак берләштерә. Кендек тормош канундарын Оло инәһе ярҙамында асыклаһа, С. Айтматовтың малайы олатаһы Мәмүн ярҙамында изгелеккә, яҡшылыҡка ышана, Ильяс, иһә, башта әсәһе менән атаһынан, һуңынан тәрбиәсә Флүрә апаһынан тормош һабактары ала.

Ильястың балалар йортонадағы тормошонда таянырҙай кешеләре бик аз. Балалыҡтан сығып етмәгән үтә лә ышаныусан, эскерһез күңелле малай иртә өлгөрөргә мәҗбүр була.

Төрлө осорза язылган был эсэрзэр бала сак донъяһын төрлөсә һүрәтләй. Бала сак иле һәр сак мөгжизәнән генә түгел, катылыктан, ауыр тормош һынаузарынан да тора. А. Баймөхәмәтов балалык илен үзенсәлекле бирә алыуы менән хәзерге вақытта киң билдәлелек яуланы. Әле интернет селтәрәндә А. Бердин, Ф. Күзбәков, Т. Буракаева һ.б. мэкәләләрендә йәш языусы ижадына кағылышы төрлө фекерзэр яңғырай. Әлбиттә, художестволылык яғынан А. Баймөхәмәтовка үсәһе лә үсәһе. Шулай за киләсәктә уның М. Кәрим, С. Айтматов кеүек донъя кимәленә сығырға бөтә мөмкинселектәре бар.

Башкорттарзың «Олоно оло, кесене кесе тип бел», «Оло һүзен тыңламаған, оролған да бәрелгән», «Ололарзы ололаһаң, ололарзар үзенде», «Ололарзы ололау — якшылыктың билдәһе» кеүек мэкәлдәре бик күп. Башкорт халкының «Урал батыр» архаик эпосында Урал үлер алдынан уландарына киләһе һүзәрән әйтә:

Олоно оло итегез, —
Кәңәш алып йөрөгөз;
Кесене кесе итегез, —
Кәңәш биреп йөрөгөз.

Һаналып киткән халык ижады өлгөләрәндә башкорттоң этнопедагогикаһы, менталитеты сағылыш тапкан. Ололар – ул үткәндең хәзергә төбәлгән тере тауышы, үткәндәрһез киләсәк тә юк. М. Кәримдең «Озон-озак бала сак» эсәре оло быуынға тәрән хөрмәт менән язылган. Оло инәй образы назлылык, сафлык, акыллылык символы, ул өй усағын һаклаусы, балаларзы яклаусы, һөйгән йәрзәрзе кауыштырыусы ла булып тора. Якты донъянан китер алдынан ауылдаштары менән һабуллаша, тик эсәһенә кул күтәргән Тәжетдинға ғына кәберенә тупрак ташлаузан тыя, ундай зур гонаһ кылған кеше быны эшләргә һакы юк. Икенсе осракта ул йондозло малай Әскәтте үз атаһынан яклай.

С. Айтматов эсәрзәрәнең геройлары кеүек, Кендектең дуһы Әскәт тә туғандары тарафынан йәберләтелгән бала. Хыялы й булмышы, матур, саф, шиғри күңеле аркаһында уға йыш кына ағаһынан да, атаһынан да эләгеп тора. Үгез койроғо өзөлгән өсөн генә атаһы уны иштән яззырғансы тукмай. Ошо вақытта Оло инәй килеп, Әскәттең атаһы Искәндәргә былай ти: «Бала күңеленә хәзер асыу сәһәң, һуңырак нәфрәт урырһың. Иң яман каза – ата менән бала дошманлығы», «Өзөлгән өмөт менән калған хәтер генә төзәлмәй». Был һүзәрзең мөгәнәһен ябай мэкәл ярзамында еткерергә була: «Ни сәсәһең – шуны ураһың». Был һүзәрзә халык акылы сағылған. Ата-әсә менән бала араһындағы бәйләнеш мөхәббәт, ихтирам менән тулы булырға тейеш.

«Ак пароход» повесында С. Айтматов мәңгелек һорауға яуап эзләй: тәбиғәт менән бәйләнешен юғалтқан кеше, үзенең «мин»ен, асылын юғалтмасмы? Ата-бабаларзың йолаларын һанламау һәләкәткә килтермәсме? Һәр кеше үзенең ата-бабаһын исләмәһә, ул бозоласак. Сөнки бер кем дә һасар кылыктары, эштәре өсөн оялмаясак. Балалар, уларзың балалары уны исләмәйәсәк. Бер кем дә изге эштәр кылмаясак, сөнки йәш быуын уны белмәйәсәк [Айтматов, 2010: 43].

Быуаттарзан-быуатка кеше үзенен кылыктарын бер калыпка халып үлсэй: ололар нимэ тейер, э минен тистерзәрем быға нисек карар һәм йәш быуын был турала ни уйлар? Күп кенә халыктарза оло кешеләргә карата ихтирам төп урында тора.

С. Айтматовтың «Ак пароход» повесында халык традицияларына булган ихтирамһыз мөнәсәбәт трагедияға алып килә. Ырыскол — бер ыңғай сифатка эйә булмаған, насар эштәр кылған, яуызлык символы. Ул ололарзы — үзенен кайныһын ихтирам итмэй. Кыргыз кешенә катыныңдың атаһын хөрмәт итмәү — ят күренеш. Мәмүн — оло быуын вәкиле буларак йола һаксыһы, тоткаһы. Ырыскол — каты бәгерле, дорфа кеше. Берәй сәбәбен табып, һәр вакыт катынын тукмай, кешелекһез кылана. Ул үзен тәбиғәттең бер өлөшө буларак тоймай, тәбиғәткә лә каты, ихтирамһыз мөнәсәбәттә. Уға матурлык, тәбиғәт байлығы, рух тойғолары бөтөнләй ят [Абдусаламова, 2013: 120]. Ул Мәмүнден кулдары менән кыргыз өсөн изге булган Маралды үлтерә. Марал — ул Мөгөзлө инәй-боландың образы. Малай, Инәй-болан килеү менән, донъяның якшырыуына ышана, сөнки ул бугин халкының курсалаусыһы, был халыкка ғүмер биреүсе, уның хыянатын ғәфү итеүсе. Хатта яуыз Оразкулаға ла төшөндө мөгөзөнә элөп сәңгелдәктә бала алып килә. Хәлдең фажиғәлеген олатаһы көсәйтә. Ул малайға Инәй-болан тураһында мөгжизәле хикәйәләр һөйләй, баланы тылсым иленә алып инә, уның хыялдарын селпәрәмә килтереп, үзе үк Инәй-боланды атып үлтерә. Донъялағы иң яраткан кешеһе — малайзың күңеленә хәнийәр казай. Кызғаныска күрә, тик якшылыкка, изгелеккә генә ышанған бала, олатаһына, кешеләргә ышанысы бөтөп һәләк була.

Мәмүн образы ла ике яклы итеп күрһәтелгән. Бер яктан, ул ейәнен сикһез ярата, халкының йолаларын һаклаусы булып тора. Малайға ла изге Инәй-болан тураһында һөйләй, уға мөгжизәле хыялдар иленә юл аса. Икенсе яктан, ул бигерәк йомшак күңелле, яуызлыкка каршы тороп, ейәнен яклай алмай. Автор уны йомшаклыкта ғәйепләй, үз һүзе булмағаны өсөн тәнкитләй.

Ырысколдың үткәнә лә, киләсәге лә юк. Бәләкәй ауылда ул үзенен амбициоз хыялдарын тормошка ашыра алмай, эшендә лә, өйөндә лә шәхес буларак үзен асмай. Шуның өсөн дә ул бар донъяға асылы, үзенән рухи яктан тазарак, бейегерәк кешеләрге күрә алмай, уларзы яйы сыккан һайын кәмһетеп кәнәғәтлек кисерә [Ибраһимов, 2018: 88].

Әсәрзә малай ата-әсәһе булыуына карамастан етем тип һанала. Был факт аша кыргыз йолаларының бозолоуы күзгә ташлана. Ата-әсәнен балаға карата булган яуапһыз мөнәсәбәте малайзың һәләк булыуында зур роль уйнай.

Шулай итеп, М. Кәримдең «Озон-озак бала сак», С. Айтматовтың «Ак пароход» әсәрзәрендә балалар язмышы темаһы милли үзенсәлектәр кысаһында яктыртылды. Был әсәрзәрзә кызыл еп булып кеше өсөн ата-бабаларзың йолаларын һаклау бик мөһим тигән фекер үтә, сөнки улар тарафынан бөгөнгөнөң нигезе булган ғүмер кисерелгән, тормош тәжрибәһе тупланған, үз сиратында хәзерге заман кешеләренен эштәре, кылыктары киләсәкте билдәләй.

Литература

1. **Абдусаламова, Р. А.** О некоторых особенностях построения художественных образов повести Ч. Айтматова «Белый пароход» / Р. А. Абдусаламова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 118–120.
2. **Айтматов, Ч. Т.** Белый пароход. Прощай, Гульсары! / Чингиз Айтматов. – Москва : АСТ, 2010. – 349 с.
3. **Бикбаев, Р. Т.** Жизнь и творчество, достойное энциклопедии / Р. Т. Бикбаев // Творчество Мустая Карима и мировая художественная культура : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 95-летию народного поэта Республики Башкортостан. – Уфа : Издательство БГПУ, 2014. – С. 9.
4. **Ибраимов, К.** Чингиз Айтматов как мифотворец-мудрец века / К. Ибраимов. – Бишкек : Турар, 2018. – 224 с.
5. **Баймөхәмәтов, А. Ғ.** Калдырма, эсәй / А. Ғ. Баймөхәмәтов. – Уфа : Инеш, 2014. – 93 с.
6. **Кәрим, М.** Әсәрзәр. 5 томда. Т. 5 : иҫтәлектәр, мәкәләләр, телмәрзәр, әңгәмәләр / Мостай Кәрим. – Өфө : Китап, 1999. – 592 б.

УДК 371.3; 371.2

*Демичев И.В.,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОМПЛЕКСНЫЕ РЕШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационной инфраструктуры школы в контексте становления информационного общества и обеспечения повышения качества образования. Отталкиваясь от неоднородности и противоречивости существующей «цифровой» составляющей образования, выдвигается мысль о необходимости создания единой комплексной информационной системы школы, формулируются основные задачи, которые она должна решать. Отдельно поднимается вопрос о роли комплексной информационной системы не только в обеспечении образовательного процесса, но и в других аспектах школы, как специфического пространства социализации молодежи, а также важного фокуса интереса и отношений для территориального сообщества. Высказываются соображения относительно основных сложностей при разработке и внедрении подобных систем.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-411-020017 Сетевые практики родительских сообществ общеобразовательных школ как механизм развития локальных территориальных сообществ (на примере г.Уфы)

Annotation. The article deals with the problem of school information infrastructure in the context of the formation of the information society and ensuring the improvement of the quality of education. Based on the heterogeneity and inconsistency of the existing "digital" component of education, the author puts forward the idea of the need to create a unified integrated information system for schools, and formulates the main tasks that it should solve. The issue of the role of an integrated information system not only in ensuring the educational process, but also in other aspects of the school, as a specific space for socialization of young people, as well as an important focus of interest and relations for the territorial community, is raised separately. Suggestions are made about the main difficulties in developing and implementing such systems.

Ключевые слова: цифровизация; информационные технологии; информационные сервисы; школа как социальный институт; социализация; территориальное сообщество.

Keywords: Digitalization; information technologies; information services; school as a social institution; socialization; territorial community.

На данный момент цифровая инфраструктура, так или иначе привязанная к школе и обеспечивающая ее деятельность, может быть охарактеризована как крайне разнородная и противоречивая. В силу неоднородности социально-экономического положения территорий сами школы находятся в разном состоянии и по-разному пользуются цифровой составляющей. Есть школы, которые активно осваивают информационную инфраструктуру и используют ее для обеспечения учебного процесса, расширения его содержания и функционала. В то же время есть множество школ, которые по различным причинам не могут ее использовать и даже не рассматривают ее как сколь-нибудь значимую, полезную и возможную. Помимо обоснованных проблем (например, износ фондов школы, перед которым тема «цифровизации» представляется как ненужное и избыточное баловство), очевидно, что в этом случае учащиеся, образование которых строится по устаревшей логике, оказываются в заведомо проигрышной ситуации по сравнению со своими сверстниками. «Современность», значимым аспектом которой выступают «цифровые сервисы», оказывается для них чем-то внешним и непонятным. Даже если предположить, что в остальном школа обеспечивает образование на достаточном уровне (что, скорее всего, совершенно не так), по самому освоению информационных технологий и навыку их использования такие ученики далеко уступают своим сверстникам. В дальнейшем это сказывается на многих аспектах процесса социализации, и тем больше, чем в меньшей степени школа предоставляла информационную среду для своих учеников – для освоения ее, образования и закрепления соответствующих навыков выпускникам в дальнейшем будут требоваться дополнительные усилия в индивидуальном порядке. Учитывая, что интернет и основанная на нем среда коммуникации в любом случае проникает в жизнь общества, в отсутствие нормативно создаваемой и используемой информационной системы, которая, как и полагается школе, как институту, обеспечила бы должный уровень и формы ее освоения, означает, что учащиеся будут вовлекаться в нее в частном порядке, по собственным склонностям и на том уровне, который позволяет социально-экономическое и культурное положение их семей. Можно предположить, что это означает большую склонность пользоваться цифровыми технологиями для развлечений и досуга, и меньшую – для целей образования, работы и т.п.

общественно-полезных практик. Разумеется, не стоит полагать, что досуг в данном случае – нечто ненужное и вредное, наоборот, в подобных условиях он будет помимо рекреации работать на освоение информационной и коммуникативной среды. Однако частный, спонтанный и неоднородный его характер, несомненно, будет понижать эффективность вовлечения в последнюю. Более того, значительное противопоставление «нецифровой» школы с ее организацией занятий и жизни и «цифрового» досуга, интересного и современного, само по себе сильно понижает и без того невысокий авторитет школы, в целом также снижая эффективность выполнения ею своих основных функций по передаче знаний, умений и навыков. Это признается и Министерством просвещения Российской Федерации, что отражено в его «Методических рекомендациях для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий» [6].

Таким образом, школа, в которой отсутствует собственная «информационная среда», фактически оказывается одновременно слаба в передаче знаний и выработке форм мышления, не способна социализировать учащихся в отношении современного общества и лишена авторитета, а значит, не может выступать пространством реализации и закрепления морально-нравственных установок у подростков. Учитывая, что школа для них выступает наиболее близким образом, репрезентирующим общество в целом, поскольку представляет собой нормативно организованное пространство, подобное положение «нецифровой» школы, по факту означает, что она оказывается дисфункциональна.

В этом смысле следует проанализировать, как основные функции института школы должны реализовываться в новых условиях «цифровой» среды. Выделяют следующие функции школы:

- культурно-образовательная;
- регулятивно-воспитательная;
- социально-интегративная;
- организационно-управленческая;
- производственно-экономическая;
- общественно-политическая.

При этом первые три функции выступают базовыми для института, а последние три представляют собой следствие его деятельности и зависят от эффективности реализации первых.

Помимо функциональной стороны школу следует рассматривать как специфическое социокультурное пространство, которое одновременно предназначено для формирования личности учащихся, представляет собой среду их общения и взаимодействия, выступает некоторым фокусом жизни территориального сообщества, а также задает наиболее структурированный образ нормативной культуры общества в целом, являясь, своего рода представлением культуры общества в территориальном сообществе.

Соответственно, уже в рамках первой базовой функции школы – культурно-образовательной – очевидна необходимость «цифровизации», которая должна быть представлена в двух основных ипостасях. С одной

стороны, школа должна способствовать освоению и задавать культуру взаимодействия с информационными системами, от поиска информации и фильтрации ее содержания, до логики и форм сетевой коммуникации. С другой стороны, школа должна переводить образовательный процесс на современные «цифровые» формы, от формирования нормативной базы данных до «геймификации», т.е. использования современных технологий и методов моделирования ситуаций и их разрешения, которые широко используются в современной игровой индустрии, однако оказываются практически неосвоенными в школе. В самом деле, существующие проблемы интернет-коммуникации (широкое распространение ложной и непроверенной информации, низкая культура общения и т.п.) проистекают в основном из-за спонтанного процесса вовлечения в нее участников (наглядный пример – распространенный стереотипный образ, получивший нелюбимое обозначение «школота»); с другой стороны, различные «нетрадиционные» представления с различными общественно-опасными последствиями, от на шумевших недавно «групп смерти», движения «антипрививочников», протестные или экстремистские сообщества). Для эпохи становления интернета и неразвитости его инфраструктуры пренебрежение к этой среде было понятным и отчасти, оправданным, однако в современных условиях эту область нельзя оставлять в произвольном состоянии. В то же время, учитывая наличие и широкую распространенность онлайн-библиотек, онлайн-курсов, форм удаленного образования и тестирования, появления современных форм коллективной работы и взаимодействия, оставлять образовательный процесс, основанный на бумажных учебно-методических пособиях, классно-урочной системе и т.п. формах индустриального образования, без изменений не просто анахронизм. Он просто не будет выполнять возложенные на него функции и даже станет вредить процессу образования и социализации. Разумеется, это не значит, например, что уроки необходимо отменить: они по-прежнему сохраняют определенную значимость, в качестве нормативно-организованной среды взаимодействия между учениками, учителем и родителями. Однако уроки, очевидно, должны менять свой характер, дополняться другими видами учебного процесса и организовываться с использованием современных «цифровых» средств: от форм визуализации и презентации до поиска, отбора и обработки информационных источников и данных.

Исходя из этого понятно, что и организация основных единиц образовательного процесса должна претерпеть изменения. Класс, урок, распределение учебного года, школьные мероприятия – они все на данный момент сформированы по модели индустриального общества и все больше дисфункциональны в условиях современности. Некоторые изменения, вводимые отдельными школами, конечно, присутствуют, однако обладают различной и неоднозначной эффективностью и в любом случае не влияют на ситуацию в целом. Понятно, что групповая динамика современных коллективов, к которым, по функции, должны приучать школьные классы, имеет иной характер, проявляющийся не только в виде скорости образования и распада групп, не только в их гибкости, но и в самой структуре, типе

процессов, наборе ролей и статусов и т.п. В то же время культурно-массовый сектор, организация воспитательной работы с учащимися, кружковая и досуговая деятельность, выступающие пусть и вторичным, но не менее значимым, чем образование, элементом школы как института, также изменились. Это хорошо заметно как на примере общественно-политических событий (упадок партий, изменение логики митинговой и прочей активности), так и на примере распространения таких форм досуга, как «ивенты». Хотя данная тема касается преимущественно «оффлайн-активности», т.е. непосредственного взаимодействия учащихся, учителей, организаторов, однако и здесь «цифровая» составляющая играет определенную роль. В первую очередь, в плане организации, координации активности, а также презентации ее результатов – в качестве, с одной стороны, необходимости базовой инфраструктуры, с другой, в качестве специфической области приложения собственных усилий участников в использовании и освоении ее. Учитывая широкое применение социальных сетей в организации, проведении и презентации досуга (как бы ни относиться к феномену «селфи», «стримеров» и т.п.), такой взгляд должен быть не просто «одним из возможных» – это уже реальность, которую должна освоить школа, чтобы не остаться вне контекста современности.

Наконец, социально-интегративная функция института школы проявляется в трех отношениях. Во-первых, как интеграция учащихся между собой в функциональные и досуговые группы; во-вторых, как интеграция молодежи в отношения местного сообщества; в-третьих, как интеграция групп местного сообщества, по крайней мере, в некоторых процессах, опосредованных школой. Если о первом уже говорилось выше, как организации внутришкольного социального пространства, то второе и третье отношение касается более широкой роли школы как института – собственно, роли социализации. Учебные достижения, творчество, общественная и гражданская активность, иные формы солидарности, которые на данный момент в большинстве случаев остаются областью либо семейной, либо, в лучшем случае, внутришкольной, должны быть выражены вовне, становясь частью базовых коммуникаций, образного ряда и повестки дня территориального сообщества, своего рода, публичной ценностью. Дело даже не в том, что, согласно стереотипному, но справедливому мнению, «то, чего нет в интернете – не существует»: дети и их достижения являются, с одной стороны, одной из базовых ценностей и для семей, и для сообщества в целом, а потому должна появиться специальная область в публичном пространстве, которая их демонстрирует. Это одновременно и стимулирует солидарность самого сообщества, которое в подчеркнута положительных ценностях получает возможность взаимодействовать и сообща добиваться «общего блага», и презентует как самому сообществу, так и вне его результат такой солидарности, формируя на фундаментальном уровне закрепление положительных ценностей и норм. Непосредственным же результатом здесь становится стимулирование территориальных сообществ добиваться повышения качества человеческого капитала, в первую очередь, разумеется, молодежи, но также и собственного,

оздоровительные эффекты чего для территории множественны и полезны (например, даже в таком узком отношении, как «инвестиционная привлекательность» или «миграционная привлекательность»: сообщество, совместно и солидарно заботящееся о собственных детях, менее склонно покидать, более склонно к нему присоединиться и за счет общей положительной среды несколько выше деловая привлекательность, не говоря уже о том, что появляется некоторая специальная область деятельности, в том числе в сфере бизнеса, обеспечивающая и развивающая данные ценностные установки; грубо говоря, не пивная, но фитнес- и центры детского развития).

Хотя и в данном случае речь в большей мере идет об организационных решениях, однако, как и в предыдущем случае, роль базовой информационной инфраструктуры для них нельзя забывать. Кроме того, это предполагает формирование специальной коммуникационной площадки, которая должна решать соответствующие задачи: организация событийной повестки школы, презентации ее во внутреннем и внешнем информационном пространстве, а также вовлечение в нее групп территориального сообщества (прежде всего, родительского, или шире, семейного, однако, учитывая, что родители, как правило, представляют собой если не наиболее крупную, то наиболее активную часть, а следование ценностям сообщества в целом повышает социальную роль, скажем, бизнеса, общественников или администрации – следует смело говорить о вовлечении всего сообщества).

Существующие информационные сервисы в значительной степени позволяют уже реализовать обозначенные выше задачи [Заставский А.А., 2016]. В самом деле, информационные решения по организации бизнес-процессов (от пакетов «Умного офиса» до систем организации удаленной работы, планировщиков и т.д.), полнотекстовые онлайн-библиотеки, удобные сервисы по 3D-моделированию, социальные сети и Вацап-чаты, каналы Ютуба, не говоря уже о специальных системах, вроде Дневник.ру – все они уже сейчас способны практически полностью закрыть собой такой функционал «цифровой» среды школы. В какой-то мере они уже используются: либо в силу директивных решений (Дневник.ру), либо в силу удобства (группы ВКонтакте, Вацап-чаты, Зум и т.д.). В этом смысле «цифровая реальность» уже входит в школу и меняет ее, и речь должна идти не в плане обсуждения ее необходимости, а в плане формирования эффективных и продуктивных решений в данной сфере.

Не вдаваясь в детали собственно цифровой среды школы, поскольку это дело конкретных разработок программного продукта [см., напр., подборку такого рода решений на портале «Цифровое образование»], следует отметить ряд основных требований, которым она должна соответствовать.

Во-первых, очевидно, она должна иметь комплексный характер, сводя на единой площадке уже используемые информационные сервисы и унифицируя их как между собой, так и между школами [Бурдыко Т.Г., Бушмелева К.И., 2016]. Унификация в данном случае позволяет устранить дублирующие друг друга компоненты (например, Вацап-чаты и чаты ВКонтакте и иных социальных сетей) внутри информационной среды школы, а также обеспечить

достаточно простое освоение самой подобной инфраструктуры со стороны школьного персонала, учащихся, родителей и иных заинтересованных субъектов. Кроме того, унификация на уровне всей системы школьного образования должна обеспечить возможность относительно простого перехода учащихся между организациями, учитывая высокую и возрастающую мобильность учащихся и их семей; комплексность системы должна обеспечивать, возможно, большую автоматизацию обмена данными, в частности, в области документооборота, обеспечивая взаимосвязь, например, приказов, учебно-методических комплексов, учебной литературы, школьного расписания, классного журнала и личного дневника учащегося. Разработки такого рода уже существуют и применяются на практике [7].

Во-вторых, такая комплексная информационная система должна состоять из трех базовых элементов: базы данных, авторизованных аккаунтов и сервисов по организации документооборота, общению и агрегации событий (мероприятий, проектов, практик и т.п.), полноценно обеспечивая информационное сопровождение деятельности школы, учеников и иных форм образовательного процесса. При этом, очевидно, необходимо формировать одновременно мобильную и стационарную версии доступа в систему, предполагая возможность полноценного доступа к ней по уровню авторизации с домашних компьютеров учащихся и их семей. Логичнее всего, учитывая опыт «личных кабинетов», собирать доступ ко всему функционалу системы в рамках одного приложения. Кроме того, возможно рассмотреть три варианта организации самой системы: базирующейся на сервера отдельной школы (повышается ответственность персонала школы, оперативность обработки данных; понижается защищенность данных и унификация систем в рамках системы образования), либо на удаленные сервера, например, регионального или общегосударственного уровня (по образцу сайта Госуслуги или баз данных федеральных министерств и ведомств). По крайней мере, федеральная программа требует второго варианта [8].

В-третьих, комплексная информационная система школы должна предполагать интеграцию и синхронизацию данных с другими информационными системами, например, медицинских учреждений, образовательных порталов, компаний и фирм, гражданского учета. Разумеется, на данный момент все они еще имеют, скорее, перспективный, предполагаемый характер, однако следует иметь в виду, что так или иначе они будут сформированы, и проблема их синхронизации неизбежно встанет.

В-четвертых, учитывая неоднородность социально-экономического положения территорий, муниципалитетов и социальных групп, следует рассмотреть возможность базирования предполагаемой КИС на авторизованные мобильные устройства – планшеты или ноутбуки, выдаваемые учащимся централизованно в пользование через школы. Это позволит не только задать стандарт устройств и рассчитываемой на них информационной системы, но также реально обеспечить единство учащихся, заменить данными устройствами (по крайней мере, в перспективе) остальные выдаваемые школой или приобретаемые семьями средства (учебники, тетради, книги и т.п.). Такие

устройства также должны будут синхронизироваться с прочим медийным оборудованием школы (интерактивные доски, столы, проекторы и т.д., школьная библиотека и прочие сервисы и программы), которым, следует на это рассчитывать, неизбежно будут оснащаться образовательные учреждения.

Разумеется, это только общие соображения, касающиеся контуров такой перспективной комплексной информационной системы школы.

Здесь можно выделить несколько ключевых проблем «цифровизации» школы.

Во-первых, очевидна сложность и затратность разработки такого рода комплексных информационных систем и оснащение образовательных учреждений необходимым оборудованием. Учитывая, что данная система желательно должна быть универсальной для всей страны, очевидно, что за пределами инициативных проектов и перспективных разработок, это должна быть федеральная программа и стратегическое решение, обеспечиваемое силами и средствами как федерального центра, крупных федеральных компаний, так и силами и средствами регионов, которые будут выступать, скорее, операторами программы. Однако до введения универсальной КИС на уровне региона вполне возможно в качестве инициативы и обеспечения стратегических целей развития последнего разработать и внедрить пилотные проекты или отдельные компоненты системы, что не только позволит отработать их, но также резко повысит престиж региона и качество человеческого капитала его населения.

Во-вторых, понятна проблема кадрового потенциала системы школ. Дело не в том, что качество педагогического и административного состава образовательных учреждений неоднородно и, скорее всего, по большей части, совершенно недостаточно для формирования и пользования подобного рода сложными информационными системами. В конце концов, это вопрос квалификационных требований и системы подготовки-переподготовки кадров, штатного расписания (очевидно, что для обеспечения дееспособности КИС в штате должны быть соответствующие специалисты). Более глубокая проблема заключается в том, что педагоги, администраторы и чиновники если и рассматривают подобного рода проекты, то в качестве неясной и отдаленной перспективы, мало пересекающейся с практикой школы. Это наглядно можно заметить на примере использования возможностей современных информационных сервисов и программных продуктов при организации удаленного обучения (Зум-конференции, вебинары и т.п.). Хотя обусловленная пандемией необходимость «удаленного обучения» заставила школы перейти к подобного рода формам (не будем говорить о «передаче заданий по почте и курьерами»), в целом школьная (впрочем, и ВУЗовская тоже, хотя и в меньшей степени) система оказалась не готова к такому стрессу и не использовала потенциал онлайн-площадок в полной мере. Другим аспектом этой проблемы выступает реакция общественности на «удаленное образование», выразившаяся в формировании относительно заметного алармистского движения против него, разворачивающегося на фоне общего недовольства или, в лучшем случае, нейтралитета родителей. Разумеется, нельзя не понимать общий контекст

перехода на «удаленное обучение» и не оценить относительно высокие темпы его, однако столь же нельзя пренебрегать отрицательным отношением к нему, выступающему компонентом в общем неприятии процессов «цифровизации» общественных процессов. Угрозы, вытекающие из такого отношения, также необходимо будет купировать.

В-третьих, следует понимать, что изменения в организации школы и процесса образования в ее рамках далеко выходят за пределы собственно «цифровых» вопросов. Скорее, наоборот, предполагаемая комплексная информационная система будет следовать за изменением самого института школы, обеспечивая его функционирование. В этом смысле такая «новая школа» должна и может выступать, с одной стороны, фокусом «общества будущего» и пространством входа в него, а с другой – и на федеральном, и на региональном, и на локальном уровнях должна стать в силу этого ценностью для сообщества и страны в целом. Она должна стать, своего рода, «точкой фокуса» общественного интереса и солидарности сообщества как целого – роль, с которой не могут справиться администрации, экономические субъекты или политические объединения. Собственно, именно эта проблема – изменение роли, статуса и ценности школы – представляется главной.

Литература

1. Об утверждении архитектуры, функциональных и технических требований к созданию федеральной информационно-сервисной платформы цифровой образовательной среды и набору типовых информационных решений : Приказ № 218/172 : [принят Министерством Просвещения РФ, Минкомсвязи РФ 30 апреля 2019 года]. – Москва, 2019. – 16 с.

2. Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий : Распоряжение № Р-44 : [принято Министерством Просвещения РФ 18 мая 2020 года]. – Москва, 2020. – 27 с.

3. **Бурдыко, Т. Г.** Анализ использования информационно-коммуникационных технологий в образовании / Т. Г. Бурдыко, К. И. Бушмелева // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2016. – Т. 1. – С. 209–212.

4. **Ваграменко, Я. А.** Техничко-технологические требования к адаптивной автоматизированной системе управления учебным процессом в общеобразовательной школе / Я. А. Ваграменко, Г. Ю. Яламов // Педагогическая информатика. – 2014. – № 4. – С. 3–19.

5. **Заславский, А. А.** Классификация сервисов для организации информационного пространства образовательной организации / А. А. Заславский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Информатизация образования. – 2016. – № 4. – С. 106–112.

6. **Звездичев, Г. Ю.** Проблемы и противоречия внедрения адаптивных информационных систем в образовании / Г. Ю. Звездичев // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 2 (53). – С. 85–91.

7. Информационные системы школ. – Текст : электронный // Портал «Цифровое образование» : [сайт]. – URL: <http://www.digital-edu.ru/issn/> (дата обращения: 20.10.2020).

8. Информатизация школьного образования на современном этапе развития. – Текст : электронный // [сайт]. – URL: <http://edu-lider.ru/> (дата обращения: 20.10.2020).

УДК 373.21

*Ередеева Ф.Л.,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация.
Научные руководители: д.п.н., профессор Курпешко Н.Н.,
к.ф.н., доцент Сарбашева С.Б.*

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ И ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Г. ГОРНО-АЛТАЙСКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития речи и обучения родному языку в дошкольных учреждениях г. Горно-Алтайска. Исследуются основные и парциальные функционирующие образовательные программы в дошкольных учреждениях. Рассматривается реализация этнокультурной составляющей в содержании дошкольного образования. Особое внимание уделяется проблемам обучения родному языку и функционированию национальных (алтайских) групп в дошкольных учреждениях г. Горно-Алтайска.

Abstract. The article is devoted to the problem of speech development and teaching the native language in preschool institutions in the city of Gorno-Altaysk. The main and partial functioning educational programs in preschool institutions of Gorno-Altaysk are investigated. The article considers the implementation of the ethnocultural component in the content of preschool education in Gorno-Altaysk. Special attention is paid to the problems of teaching the native language and the functioning of national (Altai) groups in preschool institutions in the city of Gorno-Altaysk.

Ключевые слова: дошкольное образование; родной (алтайский) язык; развитие речи; этническая культура.

Keywords: preschool education; native (Altai) language; speech development; ethnic culture.

Дошкольный возраст является важнейшим периодом в развитии личности ребенка, так как именно в это время закладываются основы физического, речевого, социального развития. В дошкольном возрасте активно формируется речь ребенка. Особенности речевого развития дошкольника отмечает доктор психологических наук, профессор и автор инновационной программы дошкольного образования «От рождения до школы» Н.Е. Веракса: «В возрасте с 2 до семи лет особенно интенсивно формируется речь ребенка. Связи между предметами (действием) и словами, их обозначающими, формируются в 6–10 раз быстрее, чем до двух лет. Дети усваивают названия предметов, действий,

обозначения некоторых качеств и состояний... В младшем возрасте стремительно развиваются языковые навыки, легко переходя от детского языка к нормальной описательной речи и наоборот» [Веракса, 2019: 223].

К 7–8 годам ребенок уже полностью овладевает родным языком, который становится его основным средством самовыражения и принятия своей этнической культуры. Каждый язык уникален и несет в себе «сокровищницу духовной культуры». Для того, чтобы сохранить и развивать её, необходимо обучать ребенка родному языку с рождения. Сначала ребенок слышит родную речь в семье. Подражая взрослым, а именно матери и отцу, ребенок впитывает и пытается проговаривать слова на родном языке. Затем ребенок при достижении 2–3 лет начинает посещать дошкольное учреждение, в котором проводит большую часть дня. И чтобы не прерывать процесс обучения алтайскому языку, начавшийся в семье, необходимо в дошкольной организации попасть в ту среду, где обучение будет вестись на родном языке.

Очень важно именно в дошкольном возрасте обучить ребенка родному языку. Язык, являясь отражением культуры родного народа, помогает ребенку адаптироваться в окружающей среде. Ребенок, овладевший родным языком, является цельной личностью, который понимает и принимает себя, свои корни, историю и культуру своего народа.

Так, главной целью российского образования является «Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций», которая была сформулирована в майском Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ, 2018].

В связи с этой целью во всех дошкольных учреждениях Республики Алтай (далее РА) воспитательно-образовательный процесс в детских садах должен быть выстроен с учетом этнокультурной составляющей образовательного процесса. Для этого используется часть Программы, формируемая участниками образовательных отношений из числа парциальных и иных программ и/или созданных ими самостоятельно.

По состоянию на 1 января 2018 года на территории РА функционируют 176 образовательных организаций, предоставляющих услуги дошкольного образования, из них 2 государственные организации, 160 муниципальных дошкольных образовательных организаций и 14 негосударственных организаций [Постановление, 2018].

Нами были исследованы основные образовательные программы на предмет развития речи и обучения родному языку в МБДОУ «Детский сад № 1 “Ласточка” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 2 “Айучак” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 3 “Хрусталик” компенсирующего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 4 “Медвежонок” комбинированного вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 5 комбинированного вида г. Горно-Алтайска»,

МАДОУ «Детский сад № 6 комбинированного вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 7 общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 8 “Сказка” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 9 “Солнышко” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 10 общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска». МБДОУ «Детский сад № 11 “Колокольчик” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 12 “Березка” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МАДОУ «Детский сад № 14 общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МБДОУ «Детский сад № 15 “Василек” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска», МАДОУ «Детский сад № 16 “Теремок” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска».

Во всех детских садах основой для образовательных программ является примерная общеобразовательная программа дошкольного образования «От рождения до школы» под редакцией Н. Е. Вераксы (2019).

Основной программой, используемой для реализации этнокультурной составляющей в содержании дошкольного образования в условиях реализации ФГОС ДО в нашем регионе, является программно-методическое пособие «Этнокультурная составляющая в содержании дошкольного образования в условиях реализации ФГОС ДО», составленная Тобоевой Е. Н. (2015).

Для успешного развития речи и обучения родному языку необходима обогащенная развивающая среда. Вопрос об обучении алтайскому языку в дошкольных организациях рассматривался на коллегии Министерства образования и науки РА. От 3 апреля 2014 года №2/8 было вынесено решение об открытии национальных алтайских групп в ДОО. Если количество детей позволяет, то решается проблема с педагогическими кадрами и открываются национальные алтайские группы. Национальная группа – это группа, в которой кроме занятий и кружковой работы по обучению родному языку, создана среда, где дети развиваются, обучаются и общаются на родном языке каждый день [Мандина, 2015: с. 57].

В настоящее время только в МАДОУ «Детский сад № 14 общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска» функционируют две национальные алтайские группы: 1) от 3–4 лет общеразвивающая (национальная), 2) от 5–6 лет общеразвивающая (национальная). Обучение ведется на русском и алтайском языках. Надо отметить, что в МАДОУ «Детский сад № 14» уже в течение нескольких лет ведется работа по обучению алтайскому языку. В национальных (алтайских) группах создана образовательная среда для углубленного изучения детьми родного языка, культуры и традиции своего народа.

Для развития речи и обучения родному языку в МБДОУ «Детский сад № 9 “Солнышко” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска» представлена возможность изучения алтайского языка в организованной образовательной деятельности в старшем дошкольном возрасте по желанию родителей (законных представителей). В МБДОУ «Детский сад № 12 “Березка” общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска» есть возможность

дополнительного образования по изучению алтайского языка с детьми старшего дошкольного возраста 2 раза в неделю и в среднем дошкольном возрасте 1 раз в неделю, по желанию родителей (законных представителей). В МБДОУ «Детский сад № 10 общеразвивающего вида г. Горно-Алтайска» в целях создания условий для сохранения алтайского языка в детском саду функционирует кружок «Изучение алтайского языка».

Методические рекомендации по созданию условий для открытия национальных (алтайских) групп в дошкольных организациях РА рассматривала методист кафедры методики преподавания алтайского языка и литературы БОУ «ИПК и ППРО РА» Я.А. Мандина. Так, автор подробно описывает, как организовать национальную (алтайскую) группу, какую учебно-методическую и художественную литературу использовать для занятий по познавательной-речевой деятельности и обучении грамоте, как составлять режим дня с использованием малых форм фольклора, как можно оформить национальные уголки. Пристальное внимание автор уделила наличию мини-музея в дошкольном учреждении, и его особом значении для развития интереса к алтайскому языку [Мандина, 2015: 58].

Как видим, ведется активная работа по сохранению и развитию алтайского языка в дошкольных учреждениях РА. Для достижения данной цели разрабатываются и реализовываются программы с этнокультурной составляющей, предоставляются возможности для кружковых занятий по обучению алтайскому языку.

Таким образом, развитие речи и обучение родному языку в дошкольных учреждениях РА все еще являются актуальными на сегодняшний день, так как дети хуже владеют родным (алтайским) языком. В связи с этим возникает потребность в формировании национальных (алтайских) групп в дошкольных учреждениях, где обучение будет вестись на алтайском и русском языках.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной думой 29 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. – Москва, 2012. – 404 с.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года. – Москва, 2018. – 19 с.
3. Об утверждении государственной программы Республики Алтай «Развитие образования» : Постановление правительства РА № 213 от 5 июля 2018 года (с изменениями на 4 сентября 2020 года). – 202 с.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования : Приказ № 1155 : [принят Министерством образования и науки Российской Федерации 17 октября 2013 года]. – Москва, 2013. – 30 с.
5. **Мандина, Я. А.** Методические рекомендации по созданию условий для открытия национальных (алтайских) групп в дошкольных организациях

Республики Алтай / Я. А. Мандина // Актуальные проблемы образования и воспитания. Сборник № 4. – Горно-Алтайск, 2015. – С. 57–64.

6. От рождения до школы. Инновационная программа дошкольного образования / под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, Э. М. Дорофеевой. – Москва : Мозаика-Синтез, 2019. – 336 с.

7. Реализация этнокультурной составляющей в дошкольных образовательных учреждениях в условиях внедрения федеральных государственных требований / Е. Н. Тобоева, Ж. И. Амырова, О. Ф. Шадрина. – Горно-Алтайск, 2012. – 58 с.

8. Тобоева, Е. Н. Основная общеобразовательная программа дошкольного образования «Росточек» / Е. Н. Тобоева. – Барнаул : Концепт, 2013. – 170 с.

9. Тобоева, Е. Н. Этнокультурная составляющая в содержании дошкольного образования в условиях реализации ФГОС ДО : программно-методическое пособие / Е. Н. Тобоева. – Горно-Алтайск, 2015. – 120 с.

10. Тобоева, Е. Н. Арба кылгада : хрестоматия по алтайской литературе для дошкольников / сост. Е. Н. Тобоева. – Горно-Алтайск, 2016. – 163 с.

УДК 811

*Жетибай Ж.М., Купжанов М.Е.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ҚАСҚЫР/ВОЛК» В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Аннотация. В статье рассматривается концепт «қасқыр/волк» во фразеологическом фондах казахского и русского языков. В работе изучаются казахские и русские устойчивые словосочетания, связанные с концептуальным образом «волк». Описываемые единицы характеризуются наличием оценочных значений. Цель данного исследования – изучение специфики языковых явлений в неродственных языках относительно друг друга, изучение идиоэтнических черт системы казахского языка относительно русского.

Abstract. The article considers the concept of "Kaskyr/wolf" in the phraseological units of the Kazakh and Russian languages. The paper studies Kazakh and Russian set expressions associated with the conceptual image of "wolf". The units described are characterized by the presence of estimated values. The purpose of this research is to study the specifics of language phenomena in unrelated languages relative to each other, to study the idioethnic features of the Kazakh language system in relation to Russian.

Ключевые слова: волк; концепт; фразеологические единицы.

Keywords: wolf; concept; phraseological units.

Фразеологические единицы (ФЕ) в лингвокультурном и семантическом аспектах характеризуют мир человека, выражают восприятие носителей казахского и русского языков.

По мнению ученых, фразеологизмы дают сведения о человеке в иносказательной, экспрессивной, оценочной форме с точки зрения этнического менталитета. Они как средство номинации лица связаны с сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью человека, раскрывают связь между языком и ментальностью индивида и этноса, выявляют своеобразие ассоциативных связей образа этого хищника с образом человека [Дамянова, 2013: 95].

Человек внимательно наблюдал за волками, а потом соотносил некоторые особенности жизни этих животных с миром своих чувств, с миром отношений между людьми. Эти особенности казахского и русского народов отражаются в фразеологических единицах.

Свирепость, агрессия. Естественные свойства волка повлияли на его становление как символа вражды, кровопролития, жестокости. В общей языковой системе сформированы следующие устойчивые сочетания, которые отражают злость волка, его жадность: *қасқырдай қырып-жсою* (букв. «уничтожать, как волк»); *қасқырдай мейірімі жоқ* (букв. «нет доброты, как у волка») и т.д. [КТФС, 2007: 312].

«*Қасқыр шапқан қойдай болды*» («как овцы, на которых напал волк») – в «Фразеологическом словаре казахского языка» Исмета Кенесбаева описывается, что это устойчивое словосочетание происходит в значении разбиться в пух и прах, разбредаться – «*быт-шыт болды, тоз-тозы шықты*».

Исходя из этих примеров можно заметить, что фразеологизм «*Қасқыр шапқан қойдай*» означает страх человека быть разбитым, понести большие потери. Аналогично ФЕ «*Қасқыр көрген қозыдай*» (букв. «как коза, которая увидела волка») используется, когда человек боится встретиться с кем-либо лицом к лицу.

Страх. Фразеологизмы, включают в себя мудрость народа, гибкость его ума и образность мышления. В приведенных выше фразеологизмах сила волка выходит на передний план тогда, когда описываются пугливость, нерешительность и колебания человека: «*Қойға шапқан батырың, қасқыр көрсе қой болар*» (букв. «смелый нападающий на овец, видя волка, сам становится овцой»), то есть, о хвастливом человеке, который переоценивает свои силы, ставит себя выше других. Данные ФЕ созвучны с русской поговоркой «*Молодец против овец, а против молодца сам овца*».

Голод, жадность. Наиболее распространенный образ волка связан с голодом. В современном казахском и русском языках часто используется фразеологизм «*Аш бөрідей*», «*Голодный как волк*». Данную ФЕ И. Кенесбаев в своем фразеологическом словаре казахского языка трактует следующим образом: «*Жалақтап, опырып жіберді, ашқарақтану*» («Напористо, жадно кушать, проявлять нетерпение во время еды, быть ненасытным, прожорливым»), то есть коррелирует очень голодного, ненасытного человека, вызывает представление о его беспредельной жадности.

С символикой голода, большого аппетита связан фразеологизм «*бөрі құрсақтанды*» (букв. «волчье чрево, желудок») в казахском языке. В русском языке данная единица идентична выражению «*волчий аппетит*» (*зверский*

appetit), которое означает беспредельную жадность, алчность [ФСРЛЯ, 2008: 880].

Грубость. Волк – символ грубого попираания общепринятых норм поведения, беззакония, опирающегося на грубую силу, что находит отражение в фразеологизмах. Кальки *Қасқыр апаны* (рус. *Волчье логово*) и *Ұялы бөрідей* (рус. *Волчья стая*) активно используются в художественной литературе, характеризуя пристанище преступников, жилище или место расположения врагов, а выражение «волчьи законы» обозначает жестокие, стадные, крайне далёкие законы от тех, по которым должны жить люди: *Қасқыр тойғананы емес, қырғанына мәз* (досл. «Волк рад не тому, что много съесть сумел, а тому, как много напोकостить успел»).

В русском языке имеется ФЕ «*волчьи законы*», что означает грубое попираание общепринятых норм поведения: «*Он рассказал мне о том, что люди, на словах исповедующие неписанные «законы», на деле и не думают им подчиняться. И живут они по волчьему закону: “Ты умри сегодня, а я — завтра”. Каждый только для самого себя*» (В. Болохов. Путь к себе).

ФЕ «*Волчье логово*» (жилище, пристанище преступников, врагов и т.п.): «*Денно и ночью будет разрабатывать Данилов беспроигрышный план взятия в капкан волчьего логова Крука и первым скажет своему начальнику генералу, что лично возглавит ликвидацию банды*».

Относительность. В фразеологизме «*қасқыр да тоқ, қой да аман*» («И волки сыты, и овцы целы») говорится о таком решении дела, которое удовлетворяет диаметрально противоположные стороны, всех устраивает (чаще в ситуации, когда стремятся угодить разным людям).

Двуличие, лицемерие. В русском языке существует фразеологизм «*Волк в овечьей шкуре*» (о лицемере, прячущем под маской добродетели свои дурные поступки), который восходит к библейскому выражению «*Опасайтесь ложных прорицателей: они приходят к вам в овечьей шкуре, но внутри они – волки хищные*» [Серов, 2003: 120].

В казахском языке фразеологизм «*қой терісін жамылған бөрідей*» (букв. «накрытый волчьей шкурой») характеризует трусливого, невежественного и морально слабого человека, который добившись каких-то высот, угрожая и шантажируя других, получает удовольствие. Пословица *бөріні бөрікке салып асырасаң да, бөрілігін қоймайды* означает, что такой человек не меняется несмотря ни на что.

Солидарность. «*Қасқыр да қас қылмайды жолдасына*» (букв. «Даже волк не навредит своему товарищу»). Эта ФЕ символизирует жизненный закон любого общества. Он основывается на том, что члены любого социума не имеют права наносить ущерб друг другу, то есть означает, что представитель того или иного общества свободно или произвольно принимает его обычаи и традиции.

Опыт. ФЕ «*Старый волк, травленный волк*» о человеке, приобретшем опыт, испытав много лишений: «*Гришка Челкаш, старый травленный волк, хорошо знакомый гаванскому люду, заядлый пьяница и ловкий, смелый вор*»

(М. Горький). В казахском языке данное значение имеет ФЕ «Кәрі қасқыр»: «кәрі қасқыр какпанға түспейді» (букв. «Старый волк не попадется в капкан»), что указывает на опытного и бывалого человека.

Вражда. ФЕ «Человек человеку волк» употребляется для характеристики враждебных отношений между людьми. Хотя люди равны силой и умом, каждый думает, что он сильнее других. От этих обстоятельств возникает недоверие друг к другу между людьми. Естественное равенство создает равновесие надежды, и оба человека стремятся к одной цели. В ходе достижения цели один старается навредить другим или властвовать над другими, поэтому люди всегда идут на войну друг с другом. В этом случае в разговорной речи употребляется данная ФЕ.

Казахи, называя мужчину Волком, отдавали дань уважения. Кроме того, на основе зоометафорического подхода в позитивном смысле слово Волк относится к шустрым людям. В словаре казахского литературного языка использовалась фразеологическая единица «қасқыр адам» [КАТС, 2011: 431], второй лексико-семантический вариант, заданный как показатель «устной речи» лексем «волк».

В русском языке человека называют волком в значении вора, пьяницы, негодяя: «Он был дрянной человек... довольно сказать, что волком его прозвали, – а хуже, позорней такого прозвища в лесах за Волгой нет... Волк — это вконец проворовавшийся мужик, всенародно осрамленный, опозоренный» (П.И. Мельников. В лесах. 1, 9).

Табу. ФЕ «Легок (волк) на помине», «Про волка речь, а волк навстречь», «Как волк в басне» другие объясняют эти изречения поверьем древних, что при появлении волка надо замолчать, как при неожиданном появлении человека, о котором идет разговор, прекратить беседу, чтоб этим отвратить беду, так как называя волка (олицетворение злого духа), накликают беду. [Михельсон, 1896–1912].

В результате анализа синонимического словаря казахского языка к слову «бәрі» выявлены синонимы *қасқыр, ұлыма, ит-құс, серекқұлақ, абадан*. Слово «қасқыр» немного вытеснило слово «бәрі» из литературного казахского языка. Но слово «бәрі» все еще употребляется и понятно для общего носителя языка. Другие синонимы: *ит-құс, абадан, серекқұлақ, ұлыма* являются словами-табу [Бизаков, 2007: 634].

Табу – строгий запрет на совершение какого-либо действия, основанный на вере в то, что подобное действие является либо священным, либо несущим проклятие для обывателей под угрозой сверхъестественного наказания. В то же время можно говорить, что принципы табуизации отражают место образа волка в мировосприятии древних кочевников и имеют параллели в индоевропейской традиции. В сакской традиции, например, дикие животные «Среднего мира» объединяются общим названием «животные богов», в их число входит и волк, более того, относительно «Мирового древа» он имеет преимущественное положение среди других животных, так как находится в самом верху.

Г.Н. Потанин объясняет существование подставных имен для волка общеизвестным у тюрков обычаем, запрещающим называть своим именем старших родственников [Потанин, 1972: 382].

В «Фразеологическом словаре казахского языка» И.Кенесбаева [КТФС, 1976: 356] зафиксированы фразеологизмы, образованные от лексемы *бүре* (волк) прилагательного *волчий*:

Қасқыр жүректі (букв. «с сердцем волка») – отважный, смелый человек;

Бөрі ойнақ (букв. «волчья игра») – место, где много волков;

Бөрілі байрақ (букв. «волчий флаг») – общетюркское знамение;

Бөрілі найза (букв. «волчье копьё») – нападать, как волк.

Несмотря на тотем волка у тюркских народов, существует общепринятая, универсальная для казахского и русского народов узуальная семантика данного зооморфизма. Название животного волк/қасқыр в русском и казахском языках зачастую является описанием жадного, злого, вероломного человека. Подтверждением тому является паремиологическое отражение зооморфизма в русском языке: «Сколько волка не корми – он все в лес смотрит», соответствующее казахскому «Асыранды қасқырда далага қарап ұлиды» («Прирученный волк все равно воет в сторону степи»), «Волк в овечьей шкуре», «Волком выть», «Смотреть волком» и др. В казахском языке выделяются следующие ФЕ: «Бөрінің аузы жесе де қан, жемесе де қан» («Украл волк или нет, а пасть у него всегда в крови»), «Қасқыр қасқырлығын қоймайды» («Волк не перестанет быть волком»), «Қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады» («Волка бьют не за то, что он сер, а за то, что он овцу съел»), характеризующие постоянство признаков «жадность», «ненасытность». Отсюда следует, что в коннотативной семантике зооморфизма значение слова «волк» является общим для русского и казахского языков.

Таким образом, ФЕ с лексемой *бөрі, қасқыр/волк* составляют подсистему фразеологического фонда казахского и русского языков, отражают культурно-историческое мировоззрение двух народов, дают полезную информацию о казахской и русской ментальности и ее языковой вербализации через оценочно-образный эталон. Зооним *бөрі, қасқыр/волк* обладает активным фразообразовательным потенциалом. Большая часть ассоциативных признаков, связанных с данным зоонимом, имеет негативную окраску. В комплексе коннотативных характеристик ФЕ с зоонимом *бөрі, қасқыр/волк* преобладает отрицательное отношение человека к этому животному. Образ волка служит критерием физических и нравственных человеческих качеств.

Некоторые казахские и русские ФЕ уникальны и характерны каждая для своей культуры, непередаваемы на другой язык, не имеют компонентных соответствий, что делает их яркими сигналами наличия национально-культурной специфики и, как следствие, несовпадения этнических образов сознания.

Литература

1. **Дамянова, Л. Т.** Опыт европейских стран в создании нового типа университетов / Л. Т. Дамянова // Креативная экономика. Т. 7. – 2013. – № 12. – С. 95–101.
2. **Михельсон, М. И.** Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. – Санкт-Петербург: Российская академия наук, 1912. – 2 т.
3. **Потанин, Г. Н.** Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 382 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. – Москва : АСТ, 2008. – 880 с.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2003. – 880 с.
6. **Бизақов, С.** Синонимдер сөздігі / С. Бизақов; жауапты шығ. Ғ. Әнес; ред. алқ. Ө. Айтбайұлы; ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігі; Тіл комитеті. – Алматы : Арыс, 2007. – 634 с.
7. **Кеңесбаев, І.** Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі / І. Кеңесбаев. – Алматы : Қазақпарат, 2007. – 356 б.
8. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. – Алматы : Арыс, 2011. – 742 б.

УДК 37.013.42

*Жумагулова А.А.,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан*

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости формирования лингвоэкологического компонента языковой компетенции. Так как основной целью ноосферного периода образования является объединение мирового и отечественного психолого-педагогического опыта современной эпохи и создание системы образования, способной противостоять вызовам XXI века. Современное образование предусматривает воспитание и обучение подрастающего поколения в соответствии с общечеловеческими законами мира, результаты обучения направлены на сохранение глобальной окружающей среды, сохранение физического и психического здоровья учащихся. Поэтому языковую компетенцию нужно формировать с лингвоэкологическими характеристиками, которые помогли бы обучающимся успешно войти в мировое сообщество. Современный специалист должен обладать не только всеми необходимыми знаниями и умениями, но и ценностными ориентациями, опытом творческой деятельности, владеть новыми информационными технологиями и быть готовым к общению – межличностному и межкультурному – на любом уровне.

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the need for the formation of the linguoecological component of language competence. Since the main goal of the noospheric period

of education is to combine the world and domestic psychological and pedagogical experience of the modern era and create an education system that can withstand the challenges of the 21st century. Modern education provides for the upbringing and training of the younger generation in accordance with the universal laws of the world, the learning outcomes are aimed at preserving the global environment, preserving the physical and mental health of students. Therefore, language competence must be formed with linguo-ecological characters that would help students to successfully enter the world community. A modern specialist must have not only all the necessary knowledge and skills, but also value orientations, experience of creative activity, master new information technologies and be ready for communication - interpersonal and intercultural - at any level.

Ключевые слова: компетенция; языковая компетентность; современное образование; лингвоэкология.

Keywords: competence; linguistic competence; modern education; linguoecology.

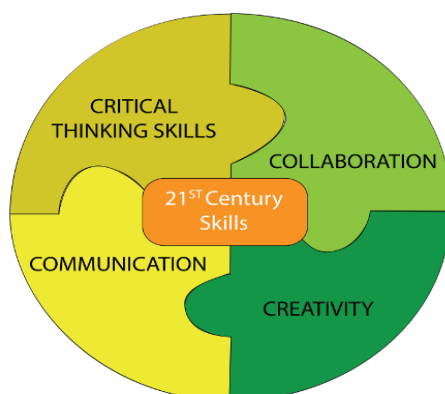
Феномен глобализации, межкультурная коммуникация, стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий являются основами современного общества знаний. В связи с трансформацией социальной сферы и образа жизни эти явления отражают потребность в получении соответствующих знаний и освоении новых навыков.

Авторы книги «Переосмысление педагогики для цифровой эпохи» Э. Битэм и Р. Шарп отмечают: «Цифровые технологии, такие как более ранние письменные и издательские новшества, меняют мир, который признан полезным знанием для общества и предоставляет необходимые инструменты для его воспроизведения» [Битэм, Шарп, 2019: 32]. Значит, в эпоху цифровых технологий необходимо пересмотреть полезное для общества образование.

Непрерывное научное развитие технологий требует не только технических навыков, но и когнитивных способностей. Это связано с необходимостью быстрой адаптации к цифровой среде и анализа ее преимуществ и рисков, а также с тем, что в будущем механическая работа может быть заменена роботами и автоматами, оставив людям такие задачи, как управление, работа с людьми, которые требуют социального и эмоционального интеллекта, эмпатии и креативности. Следовательно, новый мир требует, чтобы человечество освоило четырехмерную модель образования: креативность, коммуникация, коллаборация и критическое мышление (Рис.1).

Рисунок 1.

Модель 4 К:

Автор этой модели – Чарльз Фадель, ведущий специалист в области образования, футурист и изобретатель, основатель и председатель Центра перепроектирования учебных программ, преподаватель педагогической школы Гарвардского университета, соавтор бестселлера «Навыки XXI века».

Четырехмерное образование обеспечивает четкую и эффективную, взаимно организованную модель компетенций, необходимых сегодня. Данное образование представляет собой сложную модель: «В прошлом образование заключалось в том, чтобы научить людей чему-либо. теперь его задача — обеспечить личность надежным компасом, умением прокладывать собственный путь во все более неопределенном, непостоянном и усложняющемся мире» [Фадель, Бялик, Триллинг, 2018: 25]. Эта модель образования очень необходима в условиях глобализации, так как миру больше не интересны просто знания. Сейчас интересно, как люди распоряжаются своими знаниями, как себя ведут в мире, насколько могут к нему адаптироваться. Это главное, чем сегодня определяется успех, и в этом суть сегодняшнего образования. Его задача — воспитывать креативность, критическое мышление, умение общаться и сотрудничать; давать актуальные знания и развивать способность распознавать и использовать потенциал новых технологий. И еще одна немаловажная цель – развитие индивидуальных качеств, которые помогают жить и вместе работать, строя устойчивое человеческое общество.

Мировые лидеры в области образования говорят, что этим «глобальным компетенциям» необходимо обучать будущие поколения как способ решения проблем глобализации и всестороннего взаимодействия.

XXI век – иное временное и социальное пространство – связан с особым вниманием к формированию ценностных установок личности. Более широко и глубоко, чем прежде, декларируется идея компетентности личности в области владения языками, основанная на открытости образовательного пространства, непрерывности образования [Огдонова, 2017: 32]. Поэтому одним из основных компонентов ключевых компетенций XXI века является языковая компетенция. Языковая компетенция – понятие достаточно сложное и многомерное. Разграничивают собственно языковую (лингвистическую), коммуникативную (речевую), социолингвистическую, лингвокультурологическую компетенции и т.п. Согласно определению Ян ван Эка, языковая компетенция выступает одним из основных компонентов коммуникативной компетенции при любом уровне ее сформированности и выражается в способности создавать и интерпретировать грамматически правильные высказывания, состоящие из слов, употребленных в своем традиционном, внеконтекстном значении, т.е. в значении, которое обычно придают этим словам носители языка. Поэтому в основе языковой компетенции, по его мнению, лежит способность человека правильно конструировать грамматические формы и выполнять синтаксические построения в соответствии с нормами конкретного языка [Оглуздина, 2012: 116]. Также в структуре языковой компетенции выделяются следующие компоненты: лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая. Но задачи современного образования требуют необходимости формирования новых компонентов языковой

компетенции. Одним из таких важных компонентнов является лингвоэкологическая компетенция.

Мы считаем, что лингвоэкологическая компетенция является одной из важнейших компетенций, которую необходимо освоить не только лингвистам, но и всем членам общества. Об этом свидетельствует отчет «Навыки будущего: что нужно знать и понимать в новом сложном мире», подготовленный в 2014–2017 гг. компаниями Global Education Futures и WorldSkills Russia, совместно отслеживающими глобальные изменения и трансформации в развитых и развивающихся странах. Авторы доклада Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин и Д. Судаков выделяют 7 новых тенденций в новом сложном мире:

1. Цифровизация всех сфер жизни;
2. Автоматизация и робототехника;
3. Глобализация (экономическая, технологическая, культурная);
4. Экологизация;
5. Демографические изменения;
6. Становление сетевого общества;

7. Ускорение скорости изменений [Лошкарева и др., 2017: 13].

Формирование нового подхода к экологии в условиях глобализации ставит задачу массовой экологизации различных производств. Поэтому неизбежно актуальным станет вопрос формирования экологической, в том числе лингвоэкологической компетенции. Лингвоэкологическая компетенция обучающихся выражается в совокупности знаний, навыков, умений и способностей лингвоэкологического характера, которые составляют содержание его языковой компетенции.

Как определяет Е.А.Сущенко: «Лингвоэкологическая компетентность – владение в качестве индивидуальной (государственной) ценности языковой культурой, влияющей на состояние информационного пространства, здоровье индивида и окружающих людей» [Сущенко, 2011: 248].

Под лингвоэкологической компетенцией Г.Т. Чукенаева понимает «владение нормами устной и письменной форм литературного языка, умение соблюдать ортологические и этологические нормы, связанные с коммуникативным качеством речи, умение определять место и значение факторов, формирующих языковое сознание личности, умение справляться с нигилистическими взглядами, которые припятствуют функционированию казахского языка». Лингвоэкологическая компетенция пробуждает уважение к родному языку в языковых сознаниях личностей, способствует построению отношения, основанные на принципах экологии [Чукенаева, 2018: 123].

Формирование лингвоэкологической компетенции у обучающихся дает возможность: 1) обладания выпускниками мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности; 2) владения основами профессиональной этики и речевой культуры; 3) готовности к взаимодействию с участниками образовательного процесса; 4) способности работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия; 5) способности к коммуникации в устной и письменной формах на родном и

иностранных языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия и др.

Лингвоэкологическая компетенция позволяет будущим специалистам осуществлять эффективную экологическую коммуникацию с представителями любого лингвокультурного социума, а с другой стороны, создавать условия положительной языковой среды, развивать устойчивое эмоциональное отношение к определенным фактам и явлениям родной и иноязычной языковых картин мира, формировать и развивать систему знаний, навыков, умений и способностей, обеспечивающих эффективность межкультурного взаимодействия и прагматику экологической коммуникации, что позволяет реализацию модели 4 К.

Таким образом, лингвоэкологическая компетенция позволяет подрастающему поколению развить чувство ответственности за будущее языка и заботу о языковой среде, тем самым выполняя одну из важных задач модернизации системы образования – формирование интеллектуальной нации, представители которой не только хорошо образованны, развиты, но и обладают высокими гражданскими и моральными принципами, патриотизмом и социальной ответственностью.

Литература

1. **Битэм, Х.** Переосмысление педагогики для цифровой эпохи. Дизайн в обучении XXI в. / Х. Битэм, Р. Шарп. – Алматы : Ұлттық аударма бюросы, 2019. – 352 с.
2. **Фадель, Ч.** Четырехмерное образование : компетенции, необходимые для успеха / Ч. Фадель, М. Бялик, Б. Триллинг : пер. с англ. – Москва : Точка, 2018. – 240 с.
3. **Огдонова, Ц. Ц.** Лингвистическая экология – базовая программа преподавания лингвистических дисциплин / Ц. Ц. Огдонова // Известия ВГПУ. – 2017. – № 3. – С. 28–32.
4. **Оглуздина, Т. П.** Структура языковой компетенции в концепциях зарубежной и отечественной методики обучения иностранным языкам / Т. П. Оглуздина // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 11 (126). – С. 116–119.
5. **Лошкарева, Е.** Навыки будущего : что нужно знать и понимать в новом сложном мире / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко [и др.]. – Текст : электронный // [сайт]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/10/navyki-budushhego-что-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire.pdf>.
6. **Сущенко, Е. А.** Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е. А. Сущенко; под ред. Л. Г. Татарниковой. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2011. – 424 с.
7. **Чукенаева, Г. Т.** Лингвоэкологияны жоғары оқу орындарында оқыту әдістемесі : философия докторы (PhD) дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация / Г. Т. Чукенаева; І. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті. – Талдықорған, 2018. – 187 б.

*Зинурова Р.Р.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ “ЯБЛОКА” В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию символа яблока в традиционной культуре народов мира. Для древних людей яблоко считалось символом вечной молодости, красоты, любви, плодом древа жизни, началом новой жизни.

Abstract. The article is devoted to the study of the Apple symbol in the traditional culture of the peoples of the world. For ancient people, the Apple was considered a symbol of eternal youth, beauty, love, the fruit of the tree of life, the beginning of a new life.

Ключевые слова: яблоко; символ; мифология; эпос; богатырская сказка.

Keywords: Apple; symbol; mythology; epic; heroic tale.

Яблоко издавна вошло в мифы народов мира. Древние люди вкладывали в этот образ определенный смысл. Почти идеальная круглая форма связывалась с представлениями о мире, Вселенной, космосе; золотистый нежный цвет, «румянец» яблочка – с красотой, здоровьем и молодостью; гладкая атласная кожица, которая скрывает сочный плод, – с тайной и богатством; сладость и аромат – с удовольствием и наслаждением.

Не удивительно, что многие народы видели в яблоке необыкновенный плод – плод древа жизни. А древо жизни в мифах почти всех народов – это одновременно и мировое древо, то есть ось мира, Вселенной. Именно здесь, под мировым деревом решаются судьбы человеческие, под ним собираются боги для больших советов, сюда приходят за советом и знанием, здесь ищут бессмертия и здоровье. И таким деревом в мифах чаще всего была яблоня. И даже если это не яблоня, то плоды древа мира – всегда яблоки.

«...На краю мира, у берегов реки Океан, разместили древние греки замечательный сад с золотыми яблоками, которые принадлежали богине Гере. Золотые яблоки дают вечную молодость, и поэтому Гера поручила их охранять дракону Ладону и сестрам-нимфам Гесперидам. Гераклу удалось похитить эти чудесные яблоки – это был его двенадцатый подвиг. И хотя Эврисфеей подарил яблоко герою, а Геракл, в свою очередь, Афине, они вновь возвратились к Гесперидам, ибо эти прекрасные плоды всегда должны оставаться в заветном саду. Вечность и бессмертие – удел богов» [7]. Только души праведников и героев попадали в необыкновенные яблонево-сады древнегреческого рая.

Скромная и тихая скандинавская богиня Идунн – владелица волшебной корзины, наполненной яблоками юности. Ими она потчует богов и те наполняются силой и цветущей красотой. Никогда не пустеет корзина. Яблоки молодости – предмет зависти великанов, и однажды они похитили корзину. Но яблоки все равно пришлось вернуть [19].

Яблоня, яблоко во многих мифах связаны с раем или райским садом. Старое название яблони «серебряный сук» происходит от поверья, что яблоки растут на серебристых ветвях и обладают свойствами бессмертия. Кроме того, считают, что яблоками могут питаться души умерших.

В Библии яблоко становится символом грехопадения человечества, и оно изображается в руках Адама или Евы. Яблоко было запретным плодом, но Ева не только сорвала яблоко и попробовала сама, но и передала Адаму. Следствием стало изгнание из рая на Землю и весь долгий и тяжкий путь человечества. Таким образом, яблоко здесь сыграло роковую роль.

Вспомним еще яблоко раздора из античных мифов. Богиня раздора Эрида, обидевшись на богов, похитила одно из яблок Гесперид (дающих бессмертие). И с надписью «Прекраснейшей» подкинула на свадебный пир. Гера, Афина и Афродита стали спорить, каждая претендовала на это яблоко. Разгорелась ссора о том, кому же яблоко принадлежит. Спор этот решил пастух – царевич Парис, присудив яблоко Афродите, что послужило впоследствии причиной долгой, кровопролитной Троянской войны, в которой погибло много славных воинов. [8].

Таким образом, можно выделить следующие значения образа яблока в мифах: яблоко – символ вечной молодости и бессмертия; яблоко – символ раздора, грехопадения, или символ, определяющий жизнь героя; яблоня – древо жизни, познания.

Образ яблока нашел отражение и в башкирском эпосе. Например, в башкирских народных эпосах “Урал-батыр”, “Акбузат” дочка царя выбирает себе жениха при помощи яблока:

Яблоко в руки дала ему,
А прислужнику одному
Без промедления приказала
Во дворец приводить Урала.
[БНТ. Т.1, 1987: 531].

Такой же способ выбора жениха при помощи яблока наблюдается и в эпосе “Акбузат”:

Масем-хан говорит дочери:
Пусть сердце батыра себе изберет.
И, кто условие примет мое,
Из рук твоих яблоко тот возьмет.
[БНТ. Т.1, 1987: 166].

Принять в подарок яблоко от своего суженного значило для девушки согласие на брак. В данном эпизоде заметно сходство Урал-батыра с героем эпического сказания шумеро-аккадского происхождения о Гильгамеше (“О все выдавшем”), а дочери царя Катила – с богиней Иштар. Близость этих эпических произведений отмечена некоторыми башкирскими исследователями. [Надршина, 2011: 20; Хусаинова, 2011: 115-116; 2015: 425; Юлдыбаева, 2007: 61].

Следующий огромный пласт народного наследия это – сказки. В сказках многих народов отражены чаяния и надежды о долгожданном ребенке. Например, в русской богатырской сказке “Богатырь Иван Яблочкин” инициатива поиска средства для оплодотворения переходит к героине, и именно она отправляется за советом к старухе: “... это яблочко съешь, половину кобыле скорми, у тебя, говорит, родится сын, а у кобылы, говорит, родится жеребец твоего сына” [Богатырь Иван Яблочкин, 1979: 159]. В итальянской сказке “Яблоко и Кожура”: “... Волшебник протянул ему яблоко и сказал:

– Дай это яблоко своей жене, и ровно через девять месяцев у нее родится чудесный мальчик.

В один и тот же день у знатной дамы и у служанки родилось по сыну: у служанки – румяный, как яблочная кожура, а у дамы – белолицый, как очищенное яблоко. Вельможа любил Яблоко и Кожуру, словно оба были его сыновьями [20].

В грузинской сказке «Иван-Заря» яблоки в дар бездетной семье приносит река: “Только наполнила кувшин доверху, как видит – несет река три яблока. Понравились ей яблоки, потянулась она за ними, достала и понесла домой. Одно мужу дала, другое сама съела, третье с мужем поровну поделила». И родились у нее затем три сына”. [5].

И в башкирских богатырских сказках имеет место мотив чудесного рождения от съеденного яблока. Сказка “Алма-батыр и Алмабика” напоминает сюжет АТ 675* (Рождение от волшебного яблока): мотив рождения героя и героини от съеденных их матерями половинок чудесного яблока. В ней одна старуха “Әбей уларга бер алманы уртага ярып бирә лә, йәмәгәттәрәнә ашатырға куша. Ошо алманы ашаһалар, бала табырзар”, – ти әбей [Йәшәгән, ти, батырзар, 1990: 507] (“Достала одно яблоко, разрешила попалам и каждому по половине подала: – Пусть ваши жены этого яблока отведают, и тогда у вас родятся дети” [БНТ. Т.3, 1988: 386]); “... – Анау алманы өзөп алып бирегез әл, – ти. Шунан алманы уртага яра ла бер яртыһын батшага, икенсе яртыһын катынына бирә. – Ашағыз ошоно, – ти. – Һезҙең бер кыз балағыз донъяға килер” [БНТ. Т.3, 1988: 91] (Дайте мне вон то яблоко, – говорит старик. Берет яблоко и делит попалам, одну половину дает царю, а другую – жене: “Ешьте эти яблоки и у вас родится дочка”).

Также в башкирских сказках яблоко имеет свойство убить и исцелить (оживить). В сказке “Ахмет-жулик” “...сын монгольского царя отправляется искать подарок царице и находит на берегу моря яблоню, а на ней росли всего два яблока, и была записка на дереве: “Кто первое яблоко съест – умрет, кто другое съест – оживет”. Он сорвал эти яблоки и поехал домой. Когда приехал домой монгольский принц, отправляет посылку в Багдад своей монголке-землячке, чтобы та угостила царицу. Землячка угощает, и царица умирает. Когда он узнал, что царица мертва, монгольский царевич подносит к лицу девицы второе яблоко, и та сразу вскакивает, оживает” [БНТ. Т.4, 1989: 279, 281]; “... вот-вот умрет царская дочь. Тогда разрезал Киезбай яблоко на кусочки и стал кормить царицу. Когда царица все яблоко съела, вернулись к

ней силы, открыла она глаза, поднялась на нарах, потом на землю ступила, разговаривать стала, повеселела, смеялась. За два дня совсем выздоровела” [БНТ. Т.4, 1989: 22, 32]. По мнению В.Я. Проппа, яблоко, как и вода, берется “оттуда” и выполняет исцеляющую функцию.

Чадородное значение яблока с рождением детей нашло отражение в этнографии, в свадебных обрядах, приметах и в ритуалах многих народов. Например: сербы совершают ритуал разделения одномесечников при помощи яблока, а также они перед венцом невесту подводили к яблоне [Штенберг, 1936: 441]; у югославов “во время свадебной церемонии сваты несли символ плодородия – яблоко; а во Франции для усиления детородных способностей съедали разрезанное на четыре части яблоко [Любарт, 1997: 215]. В грузинской свадьбе яблоко составляло часть особого обрядового хлеба с крестом [Кагаров, 1929: 177]. У турков молодые съедают яблоко в первую брачную ночь [Серебрякова, 1979: 97], а во время русской свадьбы молодая пара, возвращаясь из церкви, ели яблоко [Сумцов, 1881: 78]. Узбеки для обеспечения плодovitости у невесты выполняли специальный обряд “стрельба яблоками”, когда жених со своими друзьями бросали в невесту яблоки и сладости [Слесарев, 1969: 79].

У русского народа дерево яблони ассоциировалось с плодородием, богатством, добротой. «Молодильные» яблоки в фольклоре олицетворяли возвращение молодости. На Руси считалось, что прекрасная «яблоня в цвету» возрождает из стужи холодной зимы наши желания выглядеть молодыми и здоровыми. Плоды яблос в фольклоре являются символом надежды на успешное заключение брачного союза для будущих супругов, а также олицетворяют семейные узы. Ветками яблони украшали праздничный свадебный стол. Яблоко – это символ целомудрия невесты. По половине яблока съедали жених и невеста перед первой брачной ночью. Во время венчания невеста бросала яблоко за алтарь, чтобы иметь много детей. Беременная женщина держалась за ветку яблони, чтобы родить здорового и красивого ребенка. По древней русской традиции, яблоками одаривали рожениц. С помощью яблос крестьяне призывали в хозяйство изобилие.

Яблоко связано с миром мертвых и играет значительную роль в похоронных обрядах: его клали в гроб, в могилу, чтобы покойник отнес его на «тот свет» предкам. В болгарских поверьях Архангел Михаил принимал душу в рай только с яблоком. Яблоко на столе в Сочельник предназначалось для умерших, поэтому в Польше, боясь мести предков, запрещалось брать яблоки с рождественского деревца.

Яблоня выступает как посредник между двумя мирами, как связующее звено в приобщении души к миру предков. В Сербии и Болгарии маленькую яблоню несли перед гробом, сажали на могиле (вместо креста), чтобы умершие могли через нее общаться с живыми. Полагали, что деревце находилось с покойником в пути до самого его перехода на «тот свет». Когда яблоня засыхала, это значило, что душа достигла рая.

Образ яблока встречается в пословицах: “Алма ағасынан йырак төймэй” (Яблоко от яблони недалеко падает), что означает “каковы родители, таковы и

дети”, где мы снова встречаемся с образом плодоносящего дерева и плода. Архаичные мотивы, имеющие мифологическую основу, со временем теряли свою сакральность, видоизменялись и воспринимались как игра фантазии, художественный вымысел, но отголоски, следы их не исчезли: они сохранились в языке, генетической памяти носителей фольклора. Яркий пример тому – песенное четверостишие, которое исполнялось сравнительно недавно (вторая половина XX века) молодежью во время круговой игры, пляски:

Дружочек мой, даю тебе яблоко,
Не ешь только кожуру.
Позарившись на красоту,
Не люби ту, что была уже с другим.

Во время игры эту песенку начинает запевать обычно та девушка, которая, будучи в центре круга, приглашает на парный танец понравившегося парня. Песня исполняется как чисто лирическая, и вряд ли кому приходит на ум вкладывать мотиву дарения яблока его древний символический смысл. Возможно, когда-то четверостишие функционировало в составе свадебной обрядовой поэзии и сакральное значение яблока осознавалось участниками игрищ [Надршина, 2011: 20].

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что частая встречаемость этого образа в мифах, сказках, в эпосе, в обрядах, в приметах, в песнях и т.д. не случайна. Этот символ, уходящий корнями в историю народа, наполнен глубочайшим философским и человеческим смыслом, он – отражение мировоззрения и культуры народа, его мудрости. Не случайно образ яблока сохраняется в народных традициях и культуре и сегодня.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Т. 1 : Эпос / сост. М. М. Сагитов; комментарии Н. Т. Зариповой, М. М. Сагитовой, А. М. Сулеймановой. – Уфа : Китап, 1987. – 541 с.
2. Башкирское народное творчество. Т. 3 : Богатырские сказки / сост. Н. Т. Зарипов; вступительная статья и комментарии Л. Г. Бараги, Н. Т. Зариповой. – Уфа : Китап, 1988. – 447 с.
3. Башкирское народное творчество. Т. 4 : Волшебные сказки / сост. Н. Т. Зарипов; вступительная статья и комментарии Л. Г. Бараги, Н. Т. Зариповой. – Уфа : Китап, 1989. – 512 с.
4. Богатырь Иван Яблочкин // Русские народные сказки Сибири о богатырях. – Москва : Наука, 1979.
5. Иван-Заря // Грузинские народные сказки. Сто сказок / сост. Н. И. Долидзе; под. ред. М. Я. Чиковани. – Тбилиси : Мерани, 1971.
6. **Кагаров, Е. Г.** Состав и происхождение свадебной обрядности / Е. Г. Кагаров // Сборник музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. Т. 8. – Ленинград : Академия наук СССР, 1929. – С. 152–195.
7. **Кун, Н. А.** Двенадцать подвигов Геракла // Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Москва : Просвещение, 1975. – 528 с.

8. **Кун, Н. А.** Троянский цикл // Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Москва : Просвещение, 1975. – 528 с.
9. **Любарт, М. К.** Народы Франции // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / М. К. Любарт; отв. ред. Н. Н. Грацианская, А. Н. Кожановский. – Москва : Наука, 1997. – С. 211–249.
10. **Надршина, Ф. А.** Отражение брачных отношений в башкирском фольклоре: мотив выбора жениха / Ф. А. Надршина // Духовная культура народов России : материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию доктора филологических наук Ф. А. Надршиной. – Уфа : Академия наук Республики Башкортостан : Гилем, 2011. – С. 19–28.
11. Отражение традиционных целительских знаний башкир в народных сказках // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11 (192). – С. 143–146.
12. **Серебрякова, М. Н.** Семья и семейная обрядность в турецкой деревне : новейшее время / М. Н. Серебрякова. – Москва : Академия наук СССР, 1979. – 168 с.
13. **Слесарев, Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма / Г. П. Слесарев. – Москва : Наука, 1969. – 337 с.
14. **Сумцов, Н. Ф.** О свадебных обрядах, преимущественно русских : монография / Н. Ф. Сумцов. – Москва : Государственная публичная историческая библиотека России, 2015. – 262 с.
15. **Хусаинова, Г. Р.** Сказочные мотивы в башкирском эпосе / Г. Р. Хусаинова // Урал-Алтай: через века в будущее. Сборник статей. – Уфа, 2005. – С. 424–426.
16. **Хусаинова, Г. Р.** К проблеме взаимодействия жанров башкирского фольклора: эпос и сказка / Г. Р. Хусаинова // Интеллектуальный потенциал XXI в. : материалы региональной научно-практической конференции: в 2 частях. Часть 2. / Л. Ф. Муслимова, А. Ж. Хайруллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 138 с.
17. **Штернберг, А. Я.** Первобытная религия в свете этнографии / А. Я. Штернберг. – Ленинград : Издательство института народов севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – 572 с.
18. **Юлдыбаева, Г. В.** Сюжет и стиль эпоса «Урал батыр» / Г. В. Юлдыбаева. – Уфа: Гилем, 2007. – 136 с.
19. Похищение Идунн. – Текст : электронный // Скандинавские мифы : [сайт]. – URL: mifs.su/mifs/idunn_abduction.html (дата обращения: 11.04.2016).
20. Яблоко и кожура. – Текст : электронный // Хранители сказок : [сайт]. – URL: <http://hobbitaniya.ru/italian/italian66.php> (дата обращения: 9.02.2016).
21. Йэшэгэн, ти, батырзар. Башкорт халык экиэттәре. – Өфө : Китап, 1990. – 543 б.

*Ильмухаметов А.Г.,
Институт развития образования Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕБ-РЕСУРСА “ИНТЕРАКТИВНЫЙ БАШКИРСКИЙ” В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Данные рекомендации предназначены для оказания методической помощи учителям башкирского языка, педагогам дополнительного образования образовательных организаций Республики Башкортостан по использованию веб-ресурса “Интерактивный башкирский” в образовательном процессе.

Abstract. These recommendations are intended to provide methodological assistance to teachers of the Bashkir language, teachers of additional education of educational organizations of the Republic of Bashkortostan on the use of the “Interactive Bashkir” web resource in the educational process.

Ключевые слова: веб-ресурс; обучение; башкирский язык; урок; занятие; задание; словарь.

Keywords: web resource; training; Bashkir language; lesson; lesson; task; dictionary.

С развитием информационных технологий все более расширяется их образовательный потенциал. Помимо традиционных информационных носителей, сегодня широким спросом пользуются электронные образовательные ресурсы, размещенные в сети Интернет, не ограниченные географическими и временными границами. Доступность данных материалов в любое время, в любом месте дают возможность для построения индивидуальной траектории обучения. А применяемые интерактивные формы организации учебного процесса позволяют достичь высоких результатов обученности, т.к. средства мультимедиа позволяют вызвать повышенный интерес и более эмоциональное отношение обучающихся, что оказывает положительное влияние на запоминание учебного материала, компенсирует недостатки внимания, повышает воспитывающий аспект обучения. Поэтому, по мнению Девтеровой, использование Интернет-ресурсов в современной методике преподавания иностранного языка (в данном случае, башкирского языка как иностранного) связывается с «решением проблем индивидуализации обучения, его интенсификации и оптимизации» [Девтерова, 2019: 76].

Предлагаемый нами виртуальный веб-ресурс является одной из первых работ в этой области.

Проект “Интерактивный башкирский” представляет собой виртуальный веб-ресурс для самостоятельного изучения и развития навыков разговорной речи башкирского языка (базовый уровень), размещенный в сети Интернет с доменным именем <http://bashlang.ru> – Интерактивный башкирский.

Основная концепция подачи материала основана на линвокультурологическом, коммуникативном, интерактивном подходах обучения с опорой на опыт изучения иностранных языков. Материал предложен в современных интерактивных формах (видео, мультимедийный

словарь, автоматический тренажер). Используются аудирование, мультимедийный словарь, интерактивные упражнения, модели речевых ситуаций, автоматизированная проверка правильности выполнения заданий.

Для использования веб-ресурса не требуется установка дополнительных программ и приложений, доступен как с ПК так и мобильного устройства. Материал расположен таким образом, что каждый пользователь сможет выстроить индивидуальную траекторию обучения в соответствии с уровнем владения языком.

Для поиска веб-ресурса достаточно набрать на любом поисковике доменное имя <http://bashlang.ru> на английской раскладке клавиатуры или **Интерактивный башкирский** на русской раскладке клавиатуры (привязана к доменному имени). Через найденное имя веб-ресурса входим в основной образовательный контент.

На странице ГЛАВНАЯ представлены краткая информация о веб-ресурсе, главное меню и навигация сайта. Также в верхнем правом углу размещена ссылка на регистрацию. При прохождении регистрации необходимо указать электронную почту, затем активировать аккаунт при помощи кода активации. Регистрация в веб-ресурсе позволяет сохранить результаты выполненных упражнений. Способ регистрации максимально упрощен: в разделе РЕГИСТРАЦИЯ нужно создать аккаунт (учетную запись) со своим электронным адресом и паролем. На указанную электронную почту приходит письмо со ссылкой для подтверждения учетной записи, которая перенаправляет на страницу входа на сайт. При помощи логина (электронной почты) и пароля входим в веб-ресурс. В случае утери пароля его можно восстановить через электронную почту. Все результаты выполненных упражнений сохраняются в разделе ПРОФИЛЬ.

Просмотреть контент и выполнять упражнения можно и без регистрации, однако в данном случае результаты выполненных упражнений не сохранятся в памяти ресурса. Поэтому для сохранения результатов работы каждый раз рекомендуем заходить со своей учетной записью (логин-паролем).

В главном меню веб-ресурса можно выбрать разделы: "Онлайн-уроки", "Словарь", "Визуальный словарь", "Грамматика".

В разделе "Онлайн-уроки" общим списком представлены 34 онлайн-урока башкирского языка. Каждый урок обозначен определенной темой. Слушатель по личному выбору вправе открыть любой урок, однако необходимо учесть, что материал дается по принципу "от простого к сложному", и каждый последующий урок основывается на изученном ранее лексическом и грамматическом материалах. Поэтому рекомендуется сохранить последовательность при первичном изучении, точно обращаться при повторении и закреплении отдельных тем.

Навигация внутри отдельно взятого урока простая, однотипная для всех занятий, последовательность рекомендательного характера. На горизонтальном меню первым расположен ВИДЕОУРОК на тему занятия. В ходе видеоурока учитель устанавливает психологический контакт со слушателями, дает краткие комментарии по теме урока, разъясняет некоторые грамматические категории

башкирского языка. При необходимости видео можно расширить на весь экран, останавливать (делать паузы), прокрутить вперед-назад, смотреть заново.

Башкирско-русский СЛОВАРЬ дает возможность ознакомиться со словами и фразами, которые будут употреблены при изучении данной темы. Словарь имеет возможность аудирования, для этого необходимо направить курсор на знак треугольника в кружке перед словом на башкирском языке и сделать щелчок левой кнопкой “мышки”.

Раздел УПРАЖНЕНИЯ состоит из семи подразделов.

Упражнение 1. Ознакомьтесь с фразами и их переводом. В данном “окне” представлены слова и фразы по теме занятия в форме словаря, сверху – на башкирском языке, внизу окна – на русском языке. Расположенный посреди знак треугольника, при нажатии курсором, позволяет прослушать слово или фразу на башкирском языке. Навигационные кнопки “вперед”, “назад” дают возможность пролистать страницы “окна”.

На следующее упражнение – **Упражнение 2. Прочитайте и выберите подходящий перевод слов и фраз** – можно перейти навигационной кнопкой “следующее” или нажатием цифры 2 на навигационной панели. В данном упражнении в верхней части “окна” дается слово на башкирском языке, из предложенных 4 вариантов в нижней части необходимо найти правильный перевод на русском, направить курсор и нажать левую кнопку “мышки”. При правильном ответе слово выделяется зеленым шрифтом и в верхней части “окна” появится надпись “Правильно”, в случае ошибки слово выделяется красным шрифтом, вверху появляется надпись “Неправильно”. Для перехода к следующему слову необходимо нажать кнопку “Далее”. В варианте веб-ресурса для мобильных гаджетов при включенном режиме “Автопереход”, после выбора и нажатия варианта ответа, через 2 секунды происходит автоматический переход к следующему слову.

Упражнение 3. Прочитайте и выберите подходящий перевод слов и фраз. Это задание построено на следующем принципе работы: нажатием кнопки “проиграть” нужно прослушать башкирское слово, из предложенных 4 вариантов в нижней части необходимо найти правильный перевод на русский, направить курсор и нажать левую кнопку “мышки”. При правильном ответе слово выделяется зеленым шрифтом и в верхней части “окна” появится надпись “Правильно”, в случае ошибки слово выделяется красным шрифтом, и вверху появляется надпись “Неправильно”. Для перехода к следующему слову необходимо нажать кнопку “Далее”. Так же можно воспользоваться режимом “автопереход”. Можно воспользоваться режимом “автопереход”.

Упражнение 4. Найдите русский вариант фразы. Это упражнение выполняется следующим образом: в верхней части “окна” дается фраза на башкирском языке, из предложенных 4 вариантов в нижней части необходимо найти правильный перевод на русский, направить курсор и нажать левую кнопку “мышки”. При правильном ответе фраза выделяется зеленым шрифтом и в верхней части “окна” появится надпись “Правильно”, в случае ошибки фраза выделяется красным шрифтом, и вверху появляется надпись

“Неправильно”. Для перехода к следующей фразе необходимо нажать кнопку “Далее”. Можно воспользоваться режимом “автопереход”.

Упражнение 5. Найдите башкирский вариант фразы. В верхней части “окна” дается фраза на русском языке, из предложенных 4 вариантов в нижней части необходимо найти правильный перевод на башкирском языке, направить курсор и нажать левую кнопку “мышки”. При правильном ответе слово выделяется зеленым шрифтом и в верхней части “окна” появится надпись “Правильно”, в случае ошибки фраза выделяется красным шрифтом, и вверху появляется надпись “Неправильно”. Для перехода к следующей фразе необходимо нажать кнопку “Далее”. Можно воспользоваться режимом “автопереход”.

Упражнение 6. Выберите подходящий перевод. Это задание имеет следующий принцип работы: нажатием кнопки “проиграть” нужно прослушать фразу на башкирском языке, из предложенных 4 вариантов в нижней части необходимо найти правильный перевод на русский, направить курсор и нажать левую кнопку “мышки”. При правильном ответе фраза выделяется зеленым шрифтом и в верхней части “окна” появится надпись “Правильно”, в случае ошибки фраза выделяется красным шрифтом, и вверху появляется надпись “Неправильно”. Для перехода к следующей фразе необходимо нажать кнопку “Далее”. Можно воспользоваться режимом “автопереход”.

Упражнение 7. Сделайте перевод фразы с помощью предложенных слов. Задание направлено на закрепление пройденного материала. При выполнении данного упражнения нужно составить предложения из предложенных слов и знаков пунктуации. В верхней части “окна” на белом фоне дана фраза на русском языке, необходимо, направляя курсор на одно из предложенных слов и знаков препинания, щелчком левой кнопки “мышки” составить фразу – перевод на башкирском языке. Если допустили ошибку, можно составить фразу заново: для этого нужно нажимать на крестик справа от текстового поля. Чтобы перейти к следующему заданию в упражнении, нужно нажать кнопку «Далее». Если поставить галочку рядом с надписью «автопереход», переход к следующему заданию будет осуществляться автоматически после проверки текущего задания.

Упражнения составлены таким образом, что даже начинающие без особого труда смогут выполнить не менее 25% заданий, что создаст “ситуацию успеха” у слушателей курса, а повторяющиеся из упражнения в упражнение слова и фразы будут лучше запоминаться, употребление их в разных контекстах шире раскроет их значение, расширит функциональность.

Составление фраз и предложений из предложенного набора слов поможет закрепить знания, полученные на данном уроке.

РЕЧЕВЫЕ СИТУАЦИИ призваны дать возможность увидеть и услышать слова и фразы по теме урока, изученные ранее в упражнениях, в живой башкирской речи.

По завершению данного этапа рекомендуется организовать диалог между слушателями (обучающимися) по теме урока, используя изученные слова и фразы.

В разделе СЛОВАРЬ представлен башкирско-русский словарь по тематическим группам с возможностью аудиовоспроизведения слов на башкирском языке. Для воспроизведения нужно направить курсор на треугольник в кружке и щелкнуть левой кнопкой “мышки”. Словарь поможет обогатить лексику слушателей (обучающихся) новыми словами, которые можно использовать при составлении диалога, монолога на определенную тематику.

В разделе ВИЗУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ представлен башкирско-русский словарь с картинками по тематическим группам. Для просмотра нужно направить курсор на тематическую группу и щелкнуть левой кнопкой “мышки”. Визуальный словарь также направлен на обогащение лексического запаса пользователем ресурса.

В разделе ГРАММАТИКА дана краткая грамматика башкирского языка. На странице данного раздела размещены ссылки на грамматические категории башкирского языка, через ссылку можно пройти непосредственно к тексту по данному вопросу.

Данный виртуальный веб-ресурс “Интерактивный башкирский” для самостоятельного изучения и развития навыков разговорной речи башкирского языка, размещенный в сети Интернет с доменным именем <http://bashlang.ru>, можно использовать в качестве учебного пособия как для самостоятельного изучения башкирского языка, так и для организации учебного курса по изучению башкирского языка как государственного.

Контент веб-ресурса также рекомендуется использовать на уроках родного (башкирского) языка и государственного башкирского языка при изучении похожих и смежных тем. Материалы могут помочь при объяснении новых тем (видеоуроки, грамматика), при изучении нового материала (тематический и визуальные словари, упражнения). Упражнения контента будут способствовать освоению и закреплению лексического материала, развитию навыков аудирования.

Литература

1. Девтерова, З. Р. Новые образовательные технологии: компьютерные телекоммуникации в обучении иностранному языку / З. Р. Девтерова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 1. – С. 121–124.

2. Интерактивный башкирский : [сайт]. – URL: <http://bashlang.ru>. – Текст : электронный.

3. Хәзерге заман башкорт теле дәрестәрен проектлау : методик кәңәштәр. – Өфө : БР МҮИ нәшриәте, 2015. – 44 б.

СХОДНЫЕ МОТИВЫ ВЕНГЕРСКИХ И БАШКИРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Аннотация. Исследование фольклора является важной задачей гуманитарных наук, так как фольклор сохраняет важные элементы национальной культуры, о чем упоминается в известных работах по этнографии. При изучении башкирских и венгерских волшебных сказок мы обнаружили сходные мотивы, которые отражают общие древние элементы башкирской и венгерской культур. Мотивы важного элемента обычного права минората и богатырских эпосов свидетельствуют об общих традициях степных кочевников. Упомянутые общие мотивы не типичны для волшебных сказок Запада. Сходные мотивы сюжета и диалогов сохранили следы культурных и языковых контактов. Во время миграции венгерского народа венгры обитали на башкирских землях, что подтверждается не только археологическими, но и этнографическими доказательствами.

Abstract. The scientific investigation of the folklore is important task of ethnography and other provinces of science, which mentioned by the famous researchers. The folklore preserve the important elements of the ancient culture and the national mentality. Studying the Bashkir and Hungarian fairy-tales we observed the parallel elements of the plot, the common episodes, the similar character of heros. The parallel folk-tales reflect the ancient elements of customary law, the heroic epic and body of beliefs of the nomad peoples. The common elements in the Bashkir and Hungarian fairy-tales reflect the ancient cultural an linguistics connection, namely the similar elements borrowed by the verballity.

Ключевые слова: сопоставительное исследование фольклора; волшебные сказки; языковые и культурные контакты; общие элементы культурных традиций кочевников; минорат; богатырские эпосы; сходные мотивы диалогов.

Keywords: scientific inveestigation; folklore; comparative researche; fairy-tale; similar elements of plot; customary law; the heroic epic; body of beliefs; nomad people.

Прежде чем начать изложение материалов по сопоставлению типичных мотивов венгерских и башкирских волшебных сказок, мы в самом начале выражаем огромную благодарность известному башкирскому этнографу, прекрасному знатоку башкирского фольклора Закирьяну Аминеву за его бескорыстную помощь, оказанную при исследовании заявленной темы нашего исследования. От него мы получили ценные этнографические советы и исторические сведения по венгерско-башкирским связям, а также им были высланы все сборники башкирских волшебных сказок, которые послужили важным источником при компаративном исследовании данного жанра. В основе нашей дружбы лежит взаимный интерес к культурным традициям и историческому прошлому наших народов, особенно того периода истории, когда между предками венгров и башкир были тесные этнические контакты. Эти связи нашли отражение и в фольклоре, что отражено в нашем исследовании.

Изучение фольклора является важной задачей гуманитарных наук, о чем свидетельствуют работы таких известных исследователей, как

Е.М. Мелетинский и В.Я. Пропп. По мнению Е.М. Мелетинского, в волшебных сказках сохранились многие элементы древних мифов, которые помогают составить представление о древних элементах культуры. В главе «*Миф, сказка, эпос*» (262–276) книги «*Поэтика мифа*» (1976) им предлагается термин **мифологическая сказка**, представления о которой автором здесь же тщательно анализируются.

Изучение венгерских мифологических (волшебных) сказок чрезвычайно важно с точки зрения исследования древних венгерских культурных традиций, так как с возникновением феодального государства и принятием христианства (XI век) древние языческие культурные традиции вырывались с корнем. Католическая церковь считала ее враждебной культурой, и началось преследование представителей языческой культуры. О подобном процессе в русской среде писал В.И. Чичеров (1959), объясняя причины исчезновения скоморошества в России, их преследованием православной церковью.

При изучении фольклора народов так называемой «русской культурной зоны», установленной Н.С. Трубецким (1927), нами обнаружены общие мотивы венгерских и восточных волшебных сказок, типичных, в первую очередь, для устного народного творчества скотоводов. В первую очередь надо отметить то, что нами выявлено множество сходных мотивов и сюжетов в венгерских и башкирских волшебных сказках, которые можно объяснить только интенсивными культурными контактами между предками указанных народов в самые древние времена. Эти факты из фольклора указанных народов заслуживают пристального внимания исследователей, так как основа культуры венгерского народа, в том числе и его фольклора, имеет восточные корни.

Общие мотивы самого известного типа венгерских сказок Fejérlófia (Сын белой кобылы)

При сопоставительном исследовании важным ориентиром для нас служил каталог венгерских народных сказок Magyar népmesetípusok (1957), составленный выдающимся венгерским этнографом Яношем Берзе Надь. В данной работе установлено то, что тип Fejérlófia («Сын белой кобылы») имеет больше 50 вариантов, то есть этот тип является самым известным и распространенным в венгерских фольклорных традициях. Источниками нашей работы служили самые аутентичные сборники венгерских народных сказок, составленные выдающимися венгерскими этнографами. Сравнивая венгерский сказочный материал с материалами башкирских волшебных сказок, мы обнаружили параллельные мотивы, сюжеты и общие элементы в древних верованиях, мифах этих двух народов.

Общие мотивы сказочного сюжета:

- чудесное рождение героя. Необыкновенно быстрый рост и сверхчеловеческая сила молодого парня;
- уход героя в странствование по миру, в ходе которого он встречает нескольких силачей и продолжает путь уже с ними;
- драматичная встреча с длиннобородым карликом в маленьком домике. Карлик побеждает товарищей главного героя, съедает всю приготовленную ими

пищу, и только главный герой смог победить карлика и захватить в плен, прищипав его за длинную бороду;

– карлик сумел освободиться из плена и сбежать от богатырей, которые начинают его преследование. Идя по следу, богатыри добираются до входа в бездонную яму, ведущую в подземное царство;

– только главный герой сказки сумел спуститься по длинной веревке в подземное царство;

– приключение героя. Борьба с жестокими чудовищами (драконами), хозяевами медного, серебряного, золотого замков. Победив и убив чудовищ, он освободил красавиц, похищенных чудовищами;

– предательство жадных товарищей. Главный герой первым посылает, привязав к веревке, в верхний мир к ждущим его товарищам красавиц с драгоценностями; сам он собирается подняться наверх последним, но когда он начинает подъем, жадные друзья обрезают веревку и он падает снова в подземный мир;

– герой остается в живых и скитается в подземном царстве, где спасает птенцов птицы-великана от смертельной угрозы (дракона, змея) и за это получает благодарность от волшебной птицы;

– подъем героя на этой птице в верхний мир и кормление птицы во время полета наверх. В последний раз, когда запасы, взятые с собой, иссякли, герой накормил птицу мясом, кусок которого он вырезал из своей ноги. Когда поднялись в верхний мир, птица вернула мясо, прицепив его к ноге героя;

– приехав домой, герой наказал алчных и жестоких друзей-предателей. Счастливая жизнь с девушкой из золотого замка.

Первоисточником этого типа сказок венгров является сказка *Fehérlófia*, вошедшая в сборник венгерских народных сказок, составленный Ласло Арань (Arany László), сыном Яноша Арань (Arany János) – известного венгерского поэта XIX века, друга выдающегося венгерского поэта Шандора Петёфи (Petőfi Sándor). Здесь необходимо отметить, что заглавия типа: **Fejérlófia** и **Fehérlófia** являются тождественными. Берзе Надь Янош назвал тип сказок древней формой **fejér** ('белый') венгерского слова **fehér** ('белый'), которое используется в древнем венгерском топониме *Fejér megye* ('область **Фейер**').

Надо отметить, что и в венгерских, и в башкирских волшебных сказках товарищи-силачи главного героя носят имена, отражающие их сверхчеловеческую силу в той или иной природной стихии. Например, в одном из вариантов данного типа сказок *Vasgyúró*, *Hegyhengergető* помощники главного героя именуются: **Fanyűvő** («дёргающий деревья»), товарищи-силачи носят имя **Vasgyúró** («месящий железо – меси железо»), **Hegyhengergető** («катающий горы (горокат)»). Заслуживает внимания тождество семантики названий венгерских и башкирских сказок. Способности венгерского **Fanyűvő** соответствуют способностям и деятельности башкирского **Урман-батыра**, выдергивающего большие деревья, а сила парня **Hegyhengergető** (катающий горы) и **Тай-батыра** (гора-богатырь) состоит в том, что они оба катили, переставляли в одного места на другое огромные горы.

О популярности и о широком распространении сказок типа **Fejérlófia**

с указанными персонажами свидетельствуют волшебные сказки словацкого фольклора, где обнаруживаются персонажи *Lomidrevo* alebo *Valibuk*. Именаварианты *Lomidrevo* («ломающий дерево»), *Valibuk* («дергающий буки») словацких сказок являются эквивалентами имени героя *Fanyúvő* венгерской и Урман-батыр башкирской сказок. Сила героев словацкой сказки обозначается и сходными действиями силачей. О том, что указанные словацкие сказки являются заимствованиями из венгерского фольклора, свидетельствует полное тождество сюжета и восточный мотив эпизода с птицей-великаном, широкое распространение и типичность которого для фольклора многих тюркоязычных народов установила И. Стеблева (1969).

„Помимо животных, пери и дэвов, героям туркменских волшебных сказок помогают мифические птицы Сымург и Зумурд (Замыр). Эпизоды с их участием всегда одинаковы, разница только в более или менее подробном изложении. Герой спасает птенцов птицы Сымург (или Замыр) от дракона (Змеи) и ложится спать. Прилетает птица Сымург и хочет убить героя, но птенцы рассказывают ей, что он спас их от смерти, и тогда, в благодарность, птица Сымург помогает герою: переносит его в нужное место. По пути птице не хватает мяса, и герой сказки отрезает часть своей ноги. Птица догадывается об этом и не ест мясо, а впоследствии выплевывает его и исцеляет ногу героя. Точно в таком же виде эпизодом с птицей Сымург встречаются в турецких, азербайджанских и других сказках.” [Стеблева, 1969: 10]. Тщательно описанный И. Стеблевой общий мотив в фольклоре исследуемого региона послужит важным средством при анализе общих мотивов в венгерских и башкирских сказках.

Мы установили, что мотив птицы-великана восходит к иранской мифологии, изученной У. Голмбергом (U. Holmberg: *Der Baum das Lebens* 1922). Первоосновой образа птицы-великана является волшебная птица *Сымург* из иранских мифов, покровитель королевича Рустема, воспеваемый Фирдоуси в поэме «Шахнаме». Образ Сымурга является типичным мотивом персидской, а также иранской народной культуры и в наши дни.

Словацкий народ напрямую не имел контактов с восточными народами и выявляемые нами в фольклоре этого народа восточные мотивы можно объяснить, думается, только влиянием венгерского. О сильном влиянии венгерского фольклора свидетельствуют словацкие сказочные термины **tátošík**, **tátoš** < *táltos* – «волшебный конь/тулпар»; **šarkan** < *sárkány* – «дракон»; **bosorka**, **bosorák** < *boszorkány* – «ведьма»; **orias** < *óriás* – «великан»; **gondáš** < *kondás* – «пастух свиней», заимствованные из венгерских волшебных сказок и широко использованные в словацких вариантах.

Следы обычного права (минората) в венгерских и башкирских народных сказках

Важным и типичным мотивом венгерских волшебных сказок является победа младшего сына над своими старшими братьями, и эта идеализация образа «младшего сына» в венгерской сказочной традиции связана с таким важным элементом обычного права, как минорат.

Отражение обычая минората в венгерских народных сказках рассматривается в этнографической работе *Magyar néprajz. Népköltészet* («Венгерская этнография и фольклор»), так как данная этнографическая проблема находит свое наиболее полное отражение в этом жанре венгерского фольклора и является его важнейшей характеризующей чертой. В венгерской сказочной традиции, в отличие от соседних европейских сказочных традиций, образ младшего сына занимает центральное место в волшебных сказках. По мнению венгерских этнографов, образ **младшего сына** связывается с таким пережитком древнего обычного права как **минорат**, который оказался глубоко укоренен в венгерском народном сознании. Венгерская этнографическая работа противопоставляет венгерские традиции институту первородства, доминирующему мотиву европейского права. Типичным привилегированным персонажем венгерских волшебных сказок является **младший сын**, одерживающий победу как над страшными чудовищами, так и над своими жестокими, алчными старшими братьями. В волшебных сказках старшие братья избивают и губят младшего брата, победившего страшных чудовищ в преисподней и доставшего впоследствии драгоценности и красивую невесту. Укорененность этого мотива о скверных старших братьях в венгерской фольклорной культуре доказывает пример использования этого мотива в знаменитой поэме *Toldi* выдающегося венгерского поэта XIX века Яноша Араня. Здесь главный герой – молодой силач *Миклош Толди* – был угнетен алчным и жестоким старшим братом, но после многих приключений Миклош одерживает победу и становится рыцарем короля Людовика Великого.

По мнению Е.М. Мелетинского, идеализация младшего сына является характерной чертой волшебных сказок, и в этом мотиве идеализации отражаются следы древней системы обычного права, традиции родоплеменного общества. Возникновение идеализации Е.М. Мелетинский возводит к доисторическим временам, когда произошла смена системы минората майоратом.

При сопоставительном изучении сюжета волшебных сказок обнаруживаются различия в статусе младшего сына в урало-алтайских и европейских фольклорных произведениях. Победа младшего сына является важным морфологическим элементом сюжета венгерских и башкирских волшебных сказок. Многие башкирские сказки также говорят о победе младшего сына. В то же время данный мотив является не столь важным в фольклоре западных славян и романо-германских народов.

По мнению Е.В. Баранниковой (1978), минорат является важнейшей и наиболее почитаемой традицией также и для обычного права бурят и монголов, у которых «**младший сын**, по сравнению со старшими, всегда находился на особом положении – пользовался множеством привилегий. Он не только обладатель имущественного наследства, родовых традиций, но и преемник родового, семейного очага – **гуламта**» [Баранникова, 1978: 9]. О таком же привилегированном положении младшего сына свидетельствуют материалы башкирского фольклора. Например, на это указывает пословица: «*агай оло – мин зур*» (БРС 6) – «**брат старше, но я важнее**». В отличие от башкирской, в

персидской пословице говорится об униженном положении младшего сына в семье. Пример этого можно найти в книге: «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова» (1973), где содержатся следующие пословицы: «**Будь собакой, но не будь младшим в доме**» [Перс. посл., 1973: 544]; «**Лучше быть собакой, чем младшим братом**» [Перс. посл., 1973: 575].

При сопоставлении с содержанием персидских пословиц в башкирской обнаруживается совсем другое положение младшего сына в отцовском доме. Башкирская пословица по своему содержанию намного ближе к рассмотренным нами венгерским волшебным сказкам и обычному праву, фиксированному в первом венгерском юридическом кодексе.

Институт обычного права (минората), широко распространенный среди алтайских народов, противоречит общепринятым юридическим традициям, в том числе зафиксированным в Ветхом Завете. Общеизвестная история Якова и Исаи, где говорится о нарушении древней традиции Яковом, который приобрел обманом право первородства и отцовское благословение. Значение имени Яков («плут, обманщик») и его трагическая судьба (изгнание из родной земли и смерть в чужом краю), право унаследования старшим братом явилось одним из наиболее почитаемых библейскими народами прав.

В работе „*Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука*”, вышедшей в Москве в 1957 году (под редакцией Н.П. Шастинной), упоминается об институте минората у монголов, у которых «именно двор отца и матери **достается всегда младшему сыну**» [1957: 101].

В каталоге венгерских народных сказок, составленном Я. Берзе Надь, зафиксированы волшебные сказки, соответствующие по морфологическим элементам к типу „*Férfi Hamupipóke*” (Парень-Золушка), зарегистрированному под номером 530/Б. Варианты волшебных сказок данного типа отличаются друг от друга по первому мотиву. Образ умершего отца, подарившего коней младшему сыну является мотивом сказки, записанной Д. Галом (1860). Мотивы приобретения волшебных (медного, серебряного, золотого) коней, алчность старших братьев, превращение Парня-изгоя в богатыря, победа младшего сына на соревновании ездоков являются общими мотивами обеих венгерских сказок.

В башкирской волшебной сказке «*Тан-батыр*» [БНС: 78–81] завистливые старшие братья совершают покушение на младшего брата, добывшего драгоценности и освободившего красавиц из плена девок. Они перерезали веревку и младший брат упал в глубокую яму, стал пленником преисподней. Его освободил из подземного царства волшебная птица-великан Самург, птенцов которой он спас от великого дракона (аждахи), собирающегося сожрать птенцов.

В башкирской сказке «*Искатели лекарства*» [БНС: 272–281] тоже используется мотив покушения старших братьев на жизнь младшего брата. Добывший волшебное лекарство младший сын был убит своими завистливыми старшими братьями, но потом был оживлен девушкой-красавицей.

В башкирской сказке «*Кыран-батыр*» [БНС: 268–272] алчные старшие братья совершают покушение: прикрепленной к двери саблей срезали ноги

младшего брата и оставили в пустыне. При помощи своей жены, скрывшей лепешки в остывших очагах, он остался в живых. Во время странствования он подружился с безногим и слепым человеком, и они стали помогать друг другу, чтобы спастись от выпавших на их долю бед. Они заставили схваченную ведьму вернуть им здоровье. Ведьма проглотила и выплюнула их, и они после этого стали здоровыми.

В отличие от европейских традиций, преемником отцовского дома у венгров был младший сын, имеющий право первым выбрать свою долю отцовского наследия. Из истории венгров мы видим, что институт минората в жизни венгров имел большое значение, например, преемником предводителя венгров, князя Арпада, основателя знаменитой династии Арпадов, стал его младший сын.

Следы древнего обычного права венгров отражаются в первом венгерском юридическом кодексе „*Tripartitum*” (1517), составленном Иштваном Вербеци. В главе „*De divisionibus bonorum paternorum a avitorum, inter fratres fiendis*. (Titulus XL) («О распределении отцовского добра между сыновьями») этой юридической работы, служившей долгое время образцом права, говорится о правах младшего сына – преемника отцовского дома: „*Domus autem paterna filio juniore deputatur ad residendum a habitandum*” («Младший сын наследует отцовский дом, который будет его жилищем и очагом»). Знаменитый исследователь традиции обычного права венгров Карой Тагани (1919) также подчеркивает, что младший сын был хранителем семейного очага.

Следы богатырских эпосов в волшебных сказках

В башкирских и венгерских волшебных сказках обнаруживаются общие мотивы героических эпосов. Важнейшим мотивом является описание богатырского волшебного коня, помощника и верного друга главного героя. В венгерских народных сказках верным другом и соратником героя является чудесный конь ТАЛТОШ, говорящий человеческим языком. Слово **талтош** в венгерском языке означает как «жрец», так и «волшебный конь», в венгерских этнографических работах подчеркивается, что **герой-шаман** и **конь-шаман** чудесные поступки совершают совместно (225).

Необходимо упомянуть о том, что венгерское слово **талтош** («волшебный конь») в форме **татош** вошло и в языки словацкого и украинского (русинского) фольклора.

В венгерских народных поверьях сохранился мотив о поединке „**талтоша**” (волшебного коня) с другим „талтошом” в образе черного быка, коня. Бытует такое представление, что «талтоши» сражаются друг с другом в виде синего и красного пламени либо пламенных колес. Победителем в поединке богатырских коней всегда является волшебный конь главного героя, обладающего положительными чертами.

Образ коня в фольклоре

Образ богатырского коня является обязательным мотивом в венгерских сказках, подобно коням в героических эпосах тюркоязычных народов.

В венгерских волшебных сказках, как и в богатырских эпосах, образ героя и его судьба тесно связаны с его волшебным конем, выдающаяся роль которого исследуется в этнографической работе „*Népköltészet*” (1988: 98–100); в главе „*Táltosló*” (‘волшебный конь’) показано, что способности волшебного коня из венгерского фольклора аналогичны способностям, приписанным образу коня в сказках народов, принадлежащих тюркскому языковому миру. Богатырский конь венгерской волшебной сказки назван термином „*táltos*” (талтош), который используется также и для названия венгерского шамана. Образ и понятие коня-талтоша нельзя отделить друг от друга, в народной стихии они органически связаны. Часто меняются способности человека и коня, они предвидят будущее, меняют свой образ. **Человек-талтош** в начале сказки не обладает свойствами будущего положительного героя: он ленивый бездельник, не заботится о других, часто меланхоличный, молчаливый. Сначала в будущем волшебном коне богатыря невозможно обнаружить каких-либо сверхъестественных способностей, он, как паршивый жеребенок, валяется на гумне. Важным мотивом венгерской сказки является сражение богатырских коней противников, предшествующее поединку своих хозяев.

Волшебный конь главного героя волшебных сказок умеет летать как над землей, так и в подземном царстве. Это свойство коня, по мнению венгерского этнографа Вилмоша Диосеги (1958), отражают шаманские поверья предков венгров эпохи завоевания родины (IX в.) о Талтоше, о связи коня и человека и об их способности путешествовать по разным мирам.

В башкирской пословице „*Алтарына күре толпары*” (БРС: 28) („смелому воину под стать крылатый конь”) выражается стихия степных кочевников. Связь батыра и богатырского коня неотделимы друг от друга, так как только вместе они способны совершать героические поступки. Добрый конь будет верным помощником и товарищем молодого богатыря. Богатырский конь никого не подпускает к себе, а в батыре почувствовал настоящего хозяина и дает себя взнуздать.

Волшебный конь богатыря способен говорить человеческим языком, предупреждает своего седока об угрожающей ему опасности, дает ему советы, как вести себя в трудном положении, и спасает своего хозяина. Данный элемент типичен для всех венгерских волшебных сказок. Вот примеры из венгерских сказок, где волшебный конь Талтош говорит человеческим голосом:

Zöld királyfi: „No, _ édes gazdám, mindjárt leszállunk amellé a palota mellé” (В 12)
Зеленый королевич: „Ну, мой дорогой хозяин, сразу опускаемся возле этого дворца”

Az örök ifjúság vize: „Ne félj, kicsi gazdám, csak vedd hátra a lóvakarót.”(В 49)
Вода вечной молодости: „Не бойся, мой дорогой хозяин, только брось назад гребень”

Szép Miklós: „Miér sírsz, édes gazdám?” (В 161). Миклош-красавец: „Почему ты плачешь, мой дорогой хозяин?”

Hamupipőke királyfi: „No most, édes gazdám, – mondotta a táltos – ássál nekem egy gödröt...” (В 161). „Ну, сейчас, мой дорогой хозяин, – сказал волшебный конь, – вырой мне большую яму ... ”.

Mese Bruncik királyfiról: „No, kedves gazdám, mot már három éjjel, három nappal mehetünk, nem éhezem meg.” (I, 333). Сказка о Брунцвик-королевиче: „Ну, сейчас, мой дорогой хозяин, мы можем летать три ночи и три дня, а я не проголодаю”.

Vitéz János és Hollófernyiges: „Ugye, megijedtél, kedves gazdám?” (i 452). „Видно, что ты испугался, мой дорогой хозяин.”

Szélkötő Kalamona: „Hát aztán, gazdám, meg mersz-e verekedni azzal a Kalamonával?” (i 524). Каламона, похитивший ветер: „Не боишься ли ты, мой дорогой хозяин, побороться с чудовищем Каламона?”

Мотив волшебного коня, говорящего человеческим языком, чужд как романо-германским, так и западнославянским сказочным традициям, но является типичным для башкирских сказок, например, в сказках «**Ахмет-батыр и Касим-батыр**» [БНС: 384], «**Кыран-батыр**» [252–267], «**Сыновья Бугархана Актым и Хемендир**» [БНС: 365–373] Кокбузат конь дает своему батыру советы, спасает его от бед.

Кличка и масть коня в кочевых традициях

Следы богатырских эпосов сохранились в ранних венгерских преданиях, рассказывающих о героических поступках князей, королей из династии Арпадов. С образом князя *Szent László* (Святого Ласло) связаны многие легенды, даже росписи стен древних венгерских церквей изображают легендарного короля-рыцаря. Многие географические образования связаны с его именем. В преданиях упоминается не только о князе, сохранилась и кличка его коня *Szög* (Сёг), который назван по своей масти. Устарелое венгерское слово *szög* означает «рыжий», что сохранилось в названии венгерского города **Сексард**.

В богатырских эпосах тюркских народов всегда упоминаются кличка и масть коня героя. Данный элемент богатырского эпоса сохранился в венгерской исторической песне XVIII века, отражающей борьбу за независимость Венгрии. Во главе освободительной борьбы стоял князь Трансильвании Ференц Ракоци, солдаты-освободители которого назывались куруцами. В песне полководца куруцев Адама Балог упоминается его боевой конь, называемом **Мурза** и имеющем пегую масть: „*Fakó lovam a Murza Lajta vizét megúsztá*” (Мой пегий конь Мурза переплыл через реку Лайта). В вышеуказанной поэме **Toldi** (XIX в.) тоже обнаруживается мотив богатырского эпоса. Здесь конь главного героя силача **Миклоша Толди** имел черную масть и назывался **Rigó** (Дроздь).

Кличка и масть волшебного коня главного героя упоминаются и в башкирских богатырских эпосах. Анализируя специфические особенности известного башкирского сказания „**Урал-батыр**”, записанного в 1910 г. выдающимся собирателем башкирского фольклора башкирским сэсэн М. Бургангуловым, А.С.Мирбадалева (1977) заостряет внимание на свойствах коня башкирского батыра, на его особой роли в этом эпосе. Кличка коня **Акбузата** обозначает масть коня. В башкирском языке словом **буз** [БРС: 106] (светло-серый, светло-пепельный, землисто-серый) обозначается масть коня. Данное

прилагательное входит в словосочетание *буз ат* [БРС: 106] (сивая лошадь), которое обнаруживается в названии *Акбузат*. Словосочетание *ак буз* [БРС 106] (светло сивый) тоже связано с тем названием. Слово *Акбузат* состоит из компонентов *ак* [БРС: 106] (белый; светлый) и *буз ат* (сивая лошадь). Кличка коня Урал-батыра явно отражает закономерности богатырских эпосов, о которых упоминалось в венгерской фольклорной работе.

Герой башкирского эпоса „Урал-батыр” одерживает победу при помощи своего волшебного коня *Акбузата*, который является не только породистым боевым конем, но и тулпаром – сказочным крылатым конем.

А.С.Мирбадалева выявляет общие характеристики в изображении данного мифологического образа у башкир и народов Передней и Средней Азии, а также Древней Греции. Сохранившиеся в упомянутых регионах монументальные памятники изобразительного искусства с изображениями мифических крылатых коней, быков, львов, свидетельствуют о распространенности и типичности данного мотива в мифологии народов вышеуказанных территорий, откуда они проникли, думается, и в башкирский фольклор.

Образ **тулпара** (волшебного коня) – типичный мотив башкирского народного эпоса, о чем свидетельствуют кроме эпоса „Урал-батыр”, также и другие эпосы, например, „Акбузат”, „Затуляк и Хыухылу”, где помощником главного героя является крылатый боевой конь.

Приобретение волшебного коня

Герой венгерской волшебной сказки не может одержать победу над чудовищем, не может освободить похищенную жену без волшебного коня, который быстрее коня дракона (чудовища). Этот мотив является ключевым в венгерских сказках. Герой должен искать быстрого волшебного коня. Этот конь живет за тридевять земель у Бабы-яги. Герой может приобрести коня, прислуживая ведьме. Об угрожающей герою большой опасности говорят головы богатырей, воткнутые на высокие колья вокруг дома; эти персонажи не смогли выполнить задачу у ведьмы. При помощи животных (лисы, сокола, щуки), которым герой оказал в свое время помощь по пути к ведьме, он три раза мог схоронить коней. Эти кони являются дочерьми ведьмы, которые превращаются в яйца, голубь, рыбу, чтобы герой не мог их найти до вечера. Очень важным моментом в башкирских сказках является требование клячей-жеребенком **необыкновенного корма**, от которого он превращается в тулпара. Этот мотив выявляется и в венгерских волшебных сказках «*Az égigérő fa*» («Дерево до небес»), «*Vitéz János és Hollófernyiges*» («Богатырь Янош и чудовище Холлофернигеш»). Этот же мотив приобретения коня выявлен мной в русской волшебной сказке «*Марья Моревна*».

В венгерской волшебной сказке «*Férfitamipipőke*» («Парень-Золушка») также используется чудесное приобретение волшебных коней (несмотря на сходство заглавия, венгерская сказка не имеет никакой связи с немецкой волшебной сказкой «*Золушка*», записанной в сборнике Якоба Гримма.) Только младший сын сторожил три ночи подряд могилу умершего отца. Жестокие старшие братья отказывались выполнить наставление отца. Покойник подарил

добродушному и послушному младшему сыну трех волшебных коней. Младшего сына кони превращают в богатыря, и он будет участвовать на скачках, где станет победителем и женится на дочери короля. Наличие этого мотива в венгерском фольклоре можно объяснить его восточным происхождением, так как он выявлен исследователями у многих алтайских народов, например, в казахских, узбекских, бурятских волшебных сказках. Этот же сюжет мы обнаруживаем и в русской сказке «*Сивко-бурко*», где название клички коня свидетельствует об алтайском происхождении этого мотива, упомянутого С.А. Мирбадалевой. Венгерский фольклор практически не имел контактов с русским народным творчеством, но известно, что имел тесные связи с тюркским миром, поэтому посредником здесь являлась тюркская сказочная традиция.

Выполнив задачу три раза, парень может просить любые вещи как плату. Он просит хилого жеребенка, который валяется на свалке. Этот жеребенок превращается в тулпара (волшебного коня) быстрее коня дракона.

Очень часто при обращении к своему любимому коню батыры используют метафору «крыло», которые обнаруживаются в пословицах, поговорках многих тюркоязычных народов: „**Крылом** моим был ты и другом в пути” [Казахские народные сказки: 22]; киргиз.: „*Ат – эрдын канаты*” [КиргРС] («Конь – крылья молодца»); туркм.: „*Аты барын ганаты бар*” [ТуркмРС: 55] («У кого конь, у того и крылья»); чуваш.: „*Ар сукаче – ут*” [ЧРС: 424] («Крылья мужчины – конь»); узбек.: „*Аты барын, ганаты бар*” [УзРС: 55] («У кого конь, у того и крылья»); „*Конь – крылья джигита*” [Узб. пос.: 41]. Венгерские пословицы также отражают положительное отношение хозяина к любимому животному: „*Zab hajtja a lovat, nem ostor*” [ONG.: 731] («Погоняют коня не кнутом, а овсом»); „*Zabos lónak jókedv az ostora*” [ONG. 444] («Резвого коня овсом кормят»).

Жестокие враги главного героя сказки, воплощающие в себе все отрицательные качества, со своими конями обращаются очень грубо. Их грубость, злость подчеркивают отрицательные черты представителей черных сил, противопоставленных положительным героям сказки. Грубое отношение к своему коню обнаруживаются, например, в венгерских сказках. В волшебной сказке „*Szép Miklós*” («Миклош-красавец») дракон гневно обращается к коню: „*Nye te, nye, hogy a kutyák egyék meg a húsoadat, talán bizony sem szénát, sem zabot nem kaptál eleget, hogy olyan erősen dobokolsz?*” [Benedek, 1976: 161] («Ну, ты! Пусть собаки сожрут тебя! Разве мало тебе сена и овса дают, что такой шум ты поднимаешь?»).

Грубость и жестокость отрицательного героя другой венгерской сказки „*Vitéz János és Hollófernyiges*” («Янош-богатырь и чудовище») также подчеркивается отношением к коню: „*Mi bajod, ebek egyék-igyák a véred! Nincs mit enned? Nincs mit innod? Nincs szép gazdasszonyod?*” [Шыяс, 1974: 439] («Чудовище закричало на коня: „Что случилось, чтоб собаки высосали твою кровь! Нечего тебе есть? Нечего пить? Нет у тебя прекрасной хозяйки?»). В традициях скотоводческих народов для героя самая дорогая вещь на свете – быстроногий конь.

Отражение следов шаманизма в мифологических сказках изучаемого региона

Изучение волшебных сказок имеет особое значение с точки зрения выявления древних культурных традиций венгров, так как после принятия ими в XI веке христианства и совершенных после этого преобразований были уничтожены жрецы, певцы, народные сказители, исчезли многие следы древних верований венгерского народа. В результате этого преследования исчезли также мифы и древние легенды, богатырские песни, принесенные венграми в **Карпатский бассейн**. Некоторые остатки этих элементов древнего культурного наследия вошли в кодексы, в первую очередь, о происхождении венгров: в частности, в легенду о волшебном олене, приведшем венгров на новую родину. О роли мифологических сказок в национальной культуре упоминается в работе Е.М. Мелетинского (1958).

При сопоставительном исследовании морфологических структур алтайских и венгерских волшебных сказок обнаруживаются не только соответствующие друг другу сюжетные мотивы, но при углубленном изучении культурологического фона данных мотивов, элементы поверий и прарелигий, восходящих к древним мифам Азии. Об интенсивности культурных контактов свидетельствуют следы шаманских поверий в сюжете народных сказок. Данные мотивы шаманизма, выявленные в волшебных сказках органически связаны с корнями мифологии степных народов. При сопоставлении определенного типа сказок можно отметить в них мотивы шаманских поверий. Наиболее убедительным является это сходство в сопоставлении венгерских сказок со сказками алтайских народов.

Герой, спускающийся в подземное царство, обладает характерными чертами **шамана** (сверхчеловеческой силой и ловкостью, храбростью и смекалкой). Его чудесное рождение, необыкновенные мотивы своей жизни (растет не по дням, а по часам) и необыкновенные способности должны быть присущи шаманам. Данное действующее лицо сказки сражается с чудовищами, драконами, змеей, т.е. врагами орла, представляющего верхнего бога.

В венгерских народных сказках типа «*Fejérlófia*» («Сын белой кобылы») мотив чудесного рождения является типичным. Мотив чудесного рождения и его необыкновенного быстрого роста главного героя характерен и для сказок изученного ареала. Этот мотив типичен для венгерских сказок «*Fehérlófia*» («Сын белой кобылы») и «*Fanyűvő*», «*Vasgyúró*», «*Hegyhengergető*».

Девушки-красавицы, попавшие в плен властителя подземного царства, воплощают в себе образ **богов-планет**, т.е. Солнце, Луну и Звезду. Это представление передается описанием замка (дома) рабыни-красавицы. Первая красавица живет в **медном** (бронзовом), вторая – в **серебряном**, а третья – в **золотом** замке (доме). Материал и цвет символизируют сущность планеты. Медный цвет – символ **Звезды**, серебряный – **Луны**, а золотой цвет символизирует **Солнце**, так как в соответствии с символикой цветов в шаманских поверьях ей соответствует золотой (желтый) цвет. Самая красивая девушка живет в золотом замке в самом нижнем слое **подземного** царства, либо в самом верхнем слое небесного царства. Ее захватил в плен самый сильный дракон (чудовище).

При анализе мотивов шаманских поверий и мифологии восточно-евразийских народов, отраженных в волшебных сказках, наблюдается **иерархия** представителей разных планет. Данная система, иерархия, наблюдается в венгерских и алтайских народных сказках. Главный герой спускается в подземный мир, где находит три замка (дома): медный, серебряный, золотой. В замках живут красавицы. Самая красивая – это девушка, живущая в золотом царстве, на которой он женится, освободившись из подземного царства.

При описании подземного царства обнаруживается расчлененность преисподней на три части, что символизирует их медный /бронзовый/, серебряный, золотой цвет. В работе «*Sámánok*» («Шаманы») венгерского этнографа М. Хоппала (1994) важной проблемой является представление мироздания, согласно которому мир делится на три части: верхний, средний и нижний.

В **средней** части живут земные люди, а в нижней части – чудовища, драконы, карлики, ведьмы и другие зловредные персонажи. Герой в упомянутых волшебных сказках спускается в подземное царство через щель на земле и глубокую яму, что, согласно представлению шаманов, является переходом в нижний слой мироздания.

Это представление о структуре **верхней** и **нижней** частей мироздания находит отражение в волшебных сказках народов, бывших когда-то шаманистами.

В шаманских верованиях и в солярной мифе **орел** – символ **солнца**. Шаман, спускающийся в подземное царство (либо поднимающийся в верхний мир), также является солярным героем. Убив удава (Змея), владыку подземного царства и тьмы в азиатской мифологии, смертельного врага орла, герой-шаман станет соратником Орла. О расчленении мира, представленном в книге „*Шаманы*” М. Хоппала (1993), говорится об изображении мироздания на бубнах и одеждах шаманов. При изображении шаманского мироздания особое внимание уделяется „**древу жизни**”, являющемуся его стержнем. В действительности, только „Млечный Путь” соответствует данному символу, так как это созвездие на небе стоит неподвижно, а другие же созвездия меняют свое положение. По представлениям родоплеменного человека, данный элемент космоса держал все мироздание.

При совершении своих обрядов шаман поднимается вверх по сучьям главного стояка юрты, символизирующего **дерево жизни**, т.е. стержень мироздания. Этот элемент, по представлениям шаманов, соединяет нижний и верхний миры. Центральное место дерево жизни также занимает в мифах ираноязычных народов и народов Восточной Евразии.

У кочевых народов, приверженных к шаманизму, юрта символизирует небо, а основной опорный столб в середине юрты соответствует дереву жизни. У некоторых тюркских племен этот элемент народного зодчества называется „**орлиное дерево**”. Шаман при исполнении своих обрядов поднимается по сучьям этого стояка (орлиного дерева). Высовывает голову через отверстие в юрте, что символизирует его переход в другой мир.

О сохранении древних мифологических мотивов свидетельствует сохранившийся венгерский термин зодчества *sasfa* (орлиное дерево) для

обозначения элемента, выполняющего важную статистическую функцию в народной архитектуре. Он соответствует, как по названию, так по своей функции, вышеупомянутому элементу юрты кочевых народов, что также служит доказательством многосторонних и древних языковых и культурных контактов изучаемого региона.

В сказках многих тюркоязычных народов, в том числе и башкир, на высоком древе, находящемся в подземном царстве, живет **волшебная птица**, будущий помощник героя, оказавшегося по тем или иным причинам в подземном царстве.

При сопоставлении башкирских и венгерских волшебных сказок, соответствующих друг другу по сюжету, в них выявляется общий мотив – приключения героя и участие в нем **птицы-великана**. Использование этого мотива объясняется не только приключенческим характером сказочного морфологического элемента, предпочитаемого в жанре волшебной сказки, но и тесными и интенсивными культурными контактами тюрков с иранским миром.

В предисловии к сборнику туркменских народных сказок, написанном И. Стеблевой (1969), говорится: *„Помимо животных, пери и дэвов, героям туркменских волшебных сказок помогают мифические птицы Симуург и Зумурд (Замыр). Эпизоды с их участием всегда одинаковы, разница только в более или менее подробном изложении. Герой спасает птенцов птицы Симуург (или Замыр) от дракона (Змеи) и ложится спать. Прилетает птица Симуург и хочет убить героя, но птенцы рассказывают ей, что он спас их от змеи, и тогда, в благодарность, птица Симуург помогает герою: переносит его в нужное место. По пути птице чуть не хватает мяса, и герой сказки отрезает часть своей ноги. Птица догадывается об этом и не ест мясо, а впоследствии выплевывает его и исцеляет ногу героя. Точно в таком же виде эпизодом с птицей Симуург встречаются в турецких, азербайджанских и в сказках других тюрков.”* [Стеблева, 1969: 10]. Как указывает И. Стеблева, историческая судьба туркменского народа была тесно связана с Ираном и населяющими эту страну народами, что благоприятствовало ознакомлению с иранскими сказочными мотивами, сюжетами и проникновению их в фольклор туркмен.

Описанный И. Стеблевой данный мотив в фольклоре народов указанного региона служит важным средством при ареальном исследовании венгерских и башкирских сказок. Например, герой венгерских сказок защищает птенцов птицы-великана от грозы, покрывая их своей шубой. Отсутствие этого важного морфологического элемента мифа, думается, можно объяснить лишь забвением его в венгерском фольклоре под давлением христианства: шло постепенное ослабление позиций венгерской мифологии. Культурная политика государства после принятия венграми христианства характеризовалась идеологической борьбой церкви с былыми кочевыми традициями.

Путешествие героя на Орле-великане наблюдается как в шаманских обрядах, так и на культовых предметах шамана, украшенных мотивами мифологии. На шаманских бубнах изображен верхний мир со своими жителями, где орел /птица-великан/, солнце являются главными мотивами. При

описании шаманского обряда у алтайских тюрков тоже упоминается о полете шамана на большой птице.

В самом верхнем слое живет главная богиня **Бай Ульген**, которая воплощает в себе признаки главного солярного персонажа. По верованиям тюркских народов, орел – символ **солнца**. (С точки зрения настоящего компаративного исследования заслуживает пристального внимания тот факт, что имя главной богини **Бай Ульгэн** в калькированной форме **nagyboldogasszony** 'великая блаженная /святая/ женщина' перешло в христианскую религию венгров [Берзе Надь, 1957, Т.1: 240]. Культ богоматери в венгерской народной стихии свидетельствует о синкретизме языческих и христианских элементов. Типичным мотивом является условие, согласно которому в нижний слой мироздания способен спускаться только шаман.

В волшебных сказках мотивы «героя, спускающегося в подземный мир» или «вступающего в брачный союз с животным, зверем (лошадью медведем, коровой, овцой и т.д.)», уходят своими корнями во времена господства **тотемизма**, одного из важных элементов древних поверий.

Проблема тотемизма

При исследовании **прарелигии** человечества одним из важнейших проблем является изучение тотемизма, следы которого обнаруживаются как на предметах материальной культуры, так и в фольклоре приверженцев шаманистских культов. Следы тотемизма можно увидеть, например, в ряде венгерских и башкирских сказок: герои венгерских сказок типа «*Fejérlófia*» [Berze Nagy, 1957: 208–243], а именно – в сказке „*Fehérlófia*” [Arany László: 78–87] («Сын белой **кобылы**»), «*Tehéntől lett gyermek*» [Kríza, 1972] («Парень, рожденный от **коровы**»), «*Medve Jankó*» [Berze Nagy, 1957: 230] («Иван – Медведь»), «*Juhfi Jankó*» [Berze Nagy, 1957: 233–235] («Иван – **овечий** сын»). Эти сказки родственны башкирским сказкам «*Акъял-батыр*», «*Бузансы-батыр*», «*Аюголак*» и др.

Широко известный тип венгерских волшебных сказок „*Fejérlófia*” («Сын белой кобылы») не случайно имеет больше пятидесяти вариантов и является основным типом венгерской сказки. В ней в наиболее чистом виде воплощаются следы древнейших венгерских народных поверий. Образ **белого коня** (кобылы) представлен не только в венгерских сказках, но и в легендах. Согласно древним традициям, перед значительными событиями в жизни племени жрецы (шаманы) по внутренним органам жертвенного белого коня определяли будущее. В венгерских легендах также отражается данный мотив шаманского верования. Имя *Fehérlófia* (Сын белой кобылы), главного героя венгерской волшебной сказки, явно отражает связь сказки с тотемизмом. Имя главного героя этой венгерской сказки свидетельствует о бытовании шаманских поверий и тотемизма у древних венгров.

Сходные элементы тотемизма имеет и башкирская волшебная сказка «*Бузансы-батыр*» [БНС: 197–200], в которой главный герой был рожден **кобылой**, хозяева усыновили и воспитывали его. Мальчик рос не по дням, а по часам и стал сильным парнем.

Акъял-батыр родился с длинной белой гривой, что отражает связь с тотемным предком. Слово **ял** [БРС: 835] (грива) в имени указывает на его происхождение. Он тоже рос неслыханно быстро и стал очень сильным парнем, побеждающим всех врагов.

Известно, что в основе тотемических верований лежит представление о тождестве тотемного животного и человека. Эти сказочные герои могут иметь мать-животное, что объясняет их сверхчеловеческие способности. Эти общие мотивы, кроме наличия морфологических мотивов, установленных В.Я. Проппом (1976), отражают бывшие шаманские традиции. В работе венгерского этнографа Михая Хоппала (1994), исследовавшего шаманские традиции Азии, подчеркивается роль **белой кобылы** в обряде жертвоприношения.

Мотив чудесного рождения от брачной связи женщины с **медведем** встречается и в венгерской, и в башкирской сказочных традициях. Необходимо указать на то, что в сказке «*Medve Jankó*» (венг.; «Иван – Медведь») имя главного героя отражает его происхождение от отца-медведя. Мы обнаружили этот мотив также в другой венгерской сказке «*Medve Jankó*» («Иван-медведь»), которая является подтипом главного типа сказки «*Fejérlófia*» («Сын белой кобылы»). Мотив чудесного рождения мы видим и в венгерской сказке „*Virág Péter*” («Парень-цветок»): мать родила сына после того, как проглотила красивый цветок.

При исследовании данных мотивов в фольклоре народов того или иного культурного ареала, как следует полагать, представляется возможность получения более конкретных результатов в области культурных связей с соседними этносами. Примером служит изучение шаманских мотивов, обнаруженных в славянском фольклоре, которые и были ривнесены в него извне.

Изображение ДРАКОНА

Чудовища /драконы/ в башкирских и венгерских сказках также являются обязательными действующими лицами, так как через победу над этими персонажами герои должны подтверждать свою силу и ловкость. Эти жестокие сказочные персонажи являются хозяевами подземного мира.

В венгерских и башкирских волшебных сказках драконы ведут человеческий образ жизни: они живут в дворцах (медном, серебряном, золотом), а не в берлогах или в море, как в западноевропейских сказках. Они так же, как и люди питаются за столом и пользуются подобно людям булавой. Дракон ездит на волшебном коне и борется с героем, подобно человеку; не используют ружье, так как, по восточным традициям, сверхчеловеческие существа не могут ранить друг друга ружьем. Сила и ловкость в этих сказках являются решающими мотивами в борьбе богатыря и дракона. Необходимо отметить, что характер борьбы носит ступенчатый характер: герой и враг в ходе борьбы вбивают друг друга в землю сначала по колено, потом по пояс, и, наконец, по самую шею. Только после этого положительный герой одолевает дракона.

Расчленение героя также является типичным мотивом венгерских волшебных сказок. Жестокое чудовище победив героя, рассекает его на мелкие

куски, остатки его тела собирает в мешок и грузит на спину своего коня. Добрый конь везет домой тело хозяина, где помощники героя при помощи волшебных веществ (живая вода, волшебная трава и т.п.) оживляют умершего, который после этого становится в семь раз сильнее и красивее. Мотив расчленения в сказке восходит к такому важному шаманскому обряду, как символическое **расчленение** будущего шамана при помощи наркотика, когда происходит как бы преобразование личности данного человека. Этот процесс символизирует возникновение в новом качестве с приобретением сверхчеловеческих качеств будущим шаманом.

Таким образом, сравнение мотивов венгерских и башкирских волшебных сказок показывает на наличие в них параллелей, которые можно объяснить, думается, только связями в самую древнюю эпоху завоевания венграми Родины, когда на новой родине шло переформатирование вновь формирующегося венгерского этноса, куда вливались и части различных тюркских этносов, в том числе и башкир.

Литература

1. **Баранникова, Е. В.** О бурятской волшебной сказке / Е. В. Баранникова. – Москва : Наука, 1978. – 341 с.
2. Башкирский народный эпос. – Москва : Наука, 1977. – 520 с.
3. **Бикбулатов, Н. В.** Отражение минората и майората в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. – 1974. – Вып. 1. – С. 52–62.
4. Бурятские народные сказки. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1973.
5. Бурятские народные сказки. – Москва : Художественная литература, 1990.
6. Казахские народные сказки. – Алма-Ата : Художественная литература, 1959.
7. **Каскабасов, С. А.** Казахская волшебная сказка / С. А. Каскабасов. – Алма-Ата : Наука, 1972. – 260 с.
8. Киргизские народные сказки. – Фрунзе : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1961. – 356 с.
9. **Мирбадалева, А. С.** Башкирский народный эпос : предисловие / А. С. Мирбадалева // Башкирский народный эпос. – Москва : Наука, 1977. – С. 8–51.
10. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. – Москва : Наука, 1973. – 613 с.
11. Проданный сон. Туркменские народные сказки. – Москва : Наука, 1969. – 400 с.
12. **Пропп, В. Я.** Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Наука, 1969. – 168 с.
13. **Пропп, В. Я.** Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. – Москва : Наука, 1976. – 328 с.
14. **Стеблева, И.** Туркменская сказка // Проданный сон. Туркменские народные сказки. – Москва : Наука, 1969. – С. 5–22.

15. Туркменские пословицы и поговорки. – Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1961. – 166 с.
16. Узбекские народные сказки. – Ташкент: Госполитиздат, 1955. – 512 с.
17. **Чичеров, В. И.** Русское народное творчество / В. И. Чичеров. – Москва: Изд-во Московского университета, 1959. – 522 с.
18. **Benedek, E.** Világszép Nádszál Kisasszony és más mesék / Elek Benedek. – Budapest: Uzsgorod, 1976.
19. **Berze Nagy János.** Magyar népmesetípusok III / Berze Nagy János. – Pécs, 1957.
20. **Holmberg U.** Der Baum des Lebens / U. Holmberg. – Helsingfors, 1922.
21. **Hoppál Mihály.** Sámánok. Lelkek és jelképek / Hoppál Mihály. – Helikon Kiadó, 1994.
22. **Illyés Gyula.** Hetvenhét magyar népmese / Illyés Gyula. – Budapest, 1974.
23. **Kríza János.** Csókalányok / Kríza János. – Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1972.
24. **László, A.** Magyar népmesék / Arany László. – Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1979.
25. **Ligeti, L.** A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban / Lajos Ligeti. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
26. **Magyar Néprajz V.** Népköltészet / Magyar Néprajz V. – Budapest: Akadémia Kiadó, 1988.
27. **Tagányi Károly.** A hazai élő jogszokások gyűjtéséről / Tagányi Károly. – Budapest, 1919.
28. **Werbőczy István.** Tripartitum (Hármaskönyv) / Werbőczy István. – Budapest, 1990.

УДК 004

***Иргалина З.Г.,**
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы
Филми етәксеһе: п.ф.к., доцент Таһирова С.А.*

БАШКОРТ ТЕЛЕ ДӘРЕСТӘРЕНДӘ «WHATSAPP» МЕССЕНДЖЕРЫН КУЛЛАНЫУ МӨМКИНСЕЛЕКТӘРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования на уроках башкирского языка инновационных мобильных технологий, а именно мессенджеров, так как это является актуальным в современных условиях цифровизации образовательного процесса. Применение на уроках башкирского языка мобильного мессенджера «WhatsApp» способствует более глубокому языковому погружению обучающихся в новую среду, облегчению и разнообразию учебного процесса, стимулированию активизации учеников, преодолению психологического и эмоционального барьеров, которые зачастую возникают у новичков при изучении

иностранных языков. В статье дана подробная характеристика мессенджера и способы его применения.

Abstract. The article discusses the possibilities of using innovative mobile technologies, namely messengers, in the Bashkir language lessons, since this is relevant in modern conditions of digitalization of the educational process. The use of the mobile messenger «WhatsApp» in the lessons of the Bashkir language contributes to a deeper language immersion of students in a new environment, facilitates and diversifies the educational process, stimulates the activation of students, overcomes the psychological and emotional barrier that often arises among beginners in learning foreign languages. The article provides a detailed description of the messenger and how to use it.

Ключевые слова: цифровизация образования; мобильные мессенджеры; «WhatsApp»; психологический барьер; эмоциональный барьер.

Keywords: digitalization of education; mobile messengers; «WhatsApp»; psychological barrier; emotional barrier.

XXI быуатта яңы технологияларзың барлыкка килеүе бер зә шиклэндәрмәй, сөнки кешелектен үсеш донъя закондарына ярашлы бара. Яңы технологиялар бөгөнгө көндә йәмғиәттең төрлө өлкәләрендә сағылыш тапкан: мәғарифта, көнкүреш тормошта, укытыу эшмәкәрлегендә, медицинала, мазәниәттә. Ә бөгөн Ер шарының кайһы ғына мөйөшөнә бакма, был үсеш компьютер технологияһы менән туранан-тура бәйле. Һуңғы йылдарза мәктәптә яңы информатсион технологияларзы файзаланыу үсеште.

XXI быуат – фән быуаты, иктисадтың һәр тармағында юғары инновация һәм технологиялар менән эшләй белеү быуаты. Ул укытыусылар алдына яңы бурыстар куйзы. Быға тиклем йәшәп килгән ғәзәти дәрестәр, тәрбиә саралары менән генә сикләнеп калмайынса, яңыса эш итеүзе талап итә. Укыусыларға белем биреүзе генә түгел, ә белем алырға, алған белемдәрен тормошта кулланырға өйрәтеүзе төп бурыс итеп куя. Был беззән белем биреүзең яңы алымдарын һәм методтарын кулланып эш итеүзе, бөгөнгө көн талаптарына яуап биргән дәрестәр ойоштороузы талап итә.

Белем биреүзең Федераль дәүләт стандарттарында кабул ителгәнсә, бөгөнгө көндә укыусыларза белем, оҫталык, күнекмә булдырыу урынына төрлө компетентлыктар формалаштырыу каралған. Мәктәпте тамамлаусы йәштәрзең киләсәге ошо компетентлыктарзың үсеш менән бәйле. Әгәр зә без коммуникатив компетентлыкты үстерһәк, балаға бирелгән белем «буш багаж» булып калмаясак, ә ул төрлө аралашыу ситуацияларында кәрәкле коралға әйләнәсәк. Федераль дәүләт белем биреү стандарттарының нигезендә белем биреүзә хезмәттәшлекте ойоштороу һәм уны тормошка ашырыуға йүнәлтелгән коммуникатив һәләттәрзе үстөрөү айырыуса мөһим. Тимәк, социаль заказдың белем сифатына талабы – коммуникатив компетентлы укыусы әзерләү. Ул башкаларзы тыңлай, аңлай белеү, улар менән диалогка керөү, әңгәмәсенен фекерен иҫәпкә алыу, мәғлүмәтте кабул итеү һәм тапшырыу, хезмәттәшлек итә белеү оҫталығын үз әсенә ала [Муллаярова, 2018: 3].

Коммуникатив компетентлы укыусы әзерләү өсөн башкорт теле дәрестәрендә яңы инновацион технологиялар кулланыу күз уңында тотола. Ошо мәкәләлә без башкорт теле дәрестәрендә «WhatsApp» мессенджерын кулланыу мөмкинселектәре менән танышып үтербез.

Нимә һуң ул «WhatsApp» мессенджер? Ул – интернет аша аралашыуы еңелләштергән, аралашыу кеүәһен үстөргән, модернизациялауға йүнәлтелгән уңайлы социаль селтәр. Ошо мессенджер ярзамында һез якындарығыз менән төрлө вакытта гел бәйләнештә була алаһығыз. Уның менән кулланыу өсөн һезҙең кеҫә телефонығызға интернет булыуы мотлак. Был мессенджерҙы якшы итеп өйрәнөү, ыңғай яктарын аңлау өсөн, дәрестә уның менән нисек эшләргә тигән һорауҙарға ошо мәкәләлә яуап бирәсәкбез [Электрон ресурс, 2019: 2].

Һәр кешегә социаль селтәрҙәр һәм заманса мессенджерҙар таныш. Уларҙың килеп сығыуы кешенең көнкүрөш тормошон еңелләштерҙе. Ул замандың барлык функцияларын үтәүе менән бәйле. Ошо уңайлы мессенджерҙы укыу процесында кулланыу мөмкинме? Бөгөнгө инновацион мобиль технологиялар безгә киң уңайлыктар тәкдим итә.

Заманса социаль селтәрҙәр һәм мессенджерҙарҙың укыу процесында кулланылыуы ғәзәти класс бүлмәһенән яңы интерактив укыу платформа мөхитенә инергә мөмкинселектәр бирә.

Ни өсөн урыс балаларына башкорт (дәүләт) телен өйрәнгәндә «WhatsApp» мессенджерына мөрәжәғәт итергә кәрәк?

Беренсенән, улар ғәзәти мөхиттә шөғөлләнә ала. «WhatsApp» ярзамында уларҙың дуһтары, туғандары менән аралашыу мөмкинселеге килеп тыуа.

Икенсенән, укытыусы «WhatsApp» ярзамында төркөмдөң аралашыу чатын булдыра ала. Аралашыу чаты урыс балаларына башкорт (дәүләт) телен өйрәнгәндә ярзам итә. Был төркөмгә укытыусы башкорт телендә һөйләшкән укыусыларҙы өстәй ала. Чатта балалар үз аллы аралашыу, практик һөйләшеү булдыра. Онлайн форматта булғаны өсөн укыусылар хата яһауҙан оялмай, психик-эмоциональ көсөргәнеш бөтөнләй юғала. Укытыусы чатка төрлө укыу китаптарын, кызыклы видеоязмалар, аудиоязмалар, фотоһүрәттәр, презентациялар ебәрә. Төркөмдә төрлө темаларға һөйләшеү ойошторола, укытыусы ошо һөйләшеү вакытында укыусыларҙың телмәрҙәге хаталарына иғтибар итә. Һәр бер балаға, телмәрҙәге хаталарына карап, өстәмә материал, күнегеүҙәр ебәрә. Был бик уңайлы, балаларҙың һәләттәрен, белем кимәлдәрен, ынтылыштарын иҫәпкә алып, укытыуы индивидуалләштерөүҙе һәм дифференциациялауы тәьмин итә.

Тәкдим ителгән эш формаһы бик уңайлы. Башкорт телендә һөйләшкән һәм башкорт (дәүләт) телен өйрәнгән укыусылар араһында төрлө темаға диалогтар төзөү, һөйләшеү, аралашыу, яңы һүҙҙәр үзләштерөү ярзамында телмәр кеүәһе арта бара, укыусы бәләкәй азымдар ярзамында һөйләшергә өйрәнә.

Өсөнсөнән, укыусыларҙың кеҫә телефондары гел янында булыуҙан «WhatsApp» мессенджерына теләгән вакытта инеү мөмкинселеге бар. Мәҫәлән, өйгә эш буйынса һорауҙарын үзенә уңайлы булған вакытта һорай, төркөмдәштәре менән кәңәшләшә ала.

Дүртенсенән, укытыусы чат төркөмөнә үткән һәм үтәсәк темалар буйынса өстәлмә материал, видеоязмалар, аудиоязмалар, презентациялар, фотоһүрәттәр ебәрә ала. Был материалдар төркөмдөң архив документында һаклана. Теманы насар үзләштергән укыусы, үзенең индивидуаль темпында,

нисә минут өйрәнеүгә, үзләштерегә бүлергә үзе хәл итә. Мәсәлән, берәй укыусы ауырып, дәрәскә килә алмаһа, дәрәс видеоға язылып, чат төркөмөнә һалына. Тимәк, ул теманы өйрәнеүзән артта тороп калмай, аңламаған урындарын чатка һорап яза ала.

Башкорт (дәүләт) телен якшы итеп өйрәнеү, үзләштерегә өсөн «WhatsApp» мессенджеры тәкдим иткән өс алымды карап үтәйек. Дәрәстән тыш, укыусылар ошо мессенджер ярзамында башкорт теленә белем кимәлен күтәрә ала, уларзы кызыкһындырған төрлө материал менән эш итеү, башкорт телендә видеоязмалар карау мөмкинселектәре бар.

1. «WhatsApp» чаты

Укыусыларзың башкорт телендә иркен һөйләшкән дуһтары булһа, улар менән «WhatsApp» мессенджеры аша һөйләшеп, телдәрән яңы кимәлгә күтәрә алалар.

Улар башкорт телендә төрлө темалар тураһында фекер алышып, окшаған шөгөл, фильмдар, донъя яңылыктары, төрлө илдәр мазәниәте, халык ижады буйынса һөйләшеү төзөргә мөмкин.

Бындай алым, укыусыға гәзәти мөхит шарттарында, кешеләр менән көнкүреш темаларға һөйләшә башларға зур этәргес көс булып торасак. Шулай ук һүзлек запасын арттырыуға, оһталык кеүәһен үстәреүгә йүнәтелгән.

2. Төркөм «WhatsApp» чаты

Төркөм чаты — «WhatsApp» мессенджерының барлык кулланыусылар өсөн уңайлы функцияһы. Был чаттар менән эш итеү кыйынлыктар тызуырмай. Башкорт телендә иркен һөйләшкән кешеләр менән аралашыу, телде практик яктан үзләштерегә өсөн бик файзалы корал.

Төркөм чатын булдырыу өсөн һезгә «WhatsApp»ка инеп, яңы төркөм тигән казауыска баһып, кешеләрзе һайлап, төркөм чатына өһтәп куйырға кәрәк булып. Төркөмдөң исемен алмаштырып була һәм уңайлы вакытта инеп үз-ара аралашыу булдыра алаһығыз. Бер ниндәй зә катмарлылык юк!

3. «WhatsApp» аша тауыш һәм видео-шылтыратыу

«WhatsApp»та бик шәп функция бар. Уның ярзамында кешеләргә шылтыратырға, йәғни видео ярзамында күрәп һөйләшәргә мөмкинселектәр бар. Иң мөһиме, унда барыһы ла бушлай! «WhatsApp» аша шылтыратыузар укыусыларзың башкорт телендә уйлау һәм ишетегә һәләттәрән үһтерә. Был телефон аша һөйләшеү форматы укыусыларза психологик көсөргәнеште өнергә ярзам итә. Сөнки күп балалар күзмә-күз карап һөйләшеүзә уңайһызлыктар кисерә.

Шулай итеп, заманса мобиль технологиялар коммуникатив компетентлы укыусы әзерләүзә ярзам итә. Яңы дәүерзә һәр бер укытыусыла, укыусыларза кеһә телефондары бар, шуға күрә «WhatsApp» мессенджеры башкорт (дәүләт) телен укытыуза уңышлы алым тип һанала. Сөнки был алым балаларза башкорт (дәүләт) телен өйрәнеүзә кызыкһыныу, ыңғай мотивация булдырыу, күп мәғлүмәттәрзе, белем һәм культураны үстәреүзе камиллаштыра. Федераль белем бирегә стандарттары буйынса укытыусы менән укыусы араһында бәйләнеш булдырыуға булышлык итә.

Ўзбекият

1. Муллаярова, Э. Р. Башкорт теле һәм эзбекиятен укытыуза информация технологиялар кулланыу : реферат / Э. Р. Муллаярова ; Башкортостан Республикаһының мәғарифте үстереу институты, башкорт теле һәм башка туған телдәр һәм эзбекияттәр кафедраһы. – 13 б.

2. Мессенджеры как обучающая среда. – Текст : электронный // Яндекс.Дзен : [сайт]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/digitalteacher/messendjery>.

3. Что такое «WhatsApp» и как им пользоваться? – Текст : электронный // Яндекс.Дзен : [сайт]. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/>.

УДК 811.512.121'373.423

*Калжанов А.К.,
Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения
Академии наук Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан*

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМЫ В РУССКОМ И КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Данная статья относится к области сравнительной лексикологии и посвящена изучению омонимичных единиц русского и каракалпакского языков. Исследование межъязыковой омонимии представляет значительный интерес для переводчиков, исследователей лингводидактики, сопоставительной и компьютерной лингвистики, поскольку ставит своей целью решение теоретических и практических задач. Проблема межъязыковых омонимов стала одной из главных для лингвистов, так как слова близкородственных языков являются главной причиной языковой интерференции, которую необходимо избегать при переводе с одного языка на другой.

Abstract. This article is related to the field of comparative lexicology and is devoted to the study of homonymous units of the Russian and Karakalpak languages. The study of interlingual homonymy is of considerable interest to translators, researchers of linguodidactics, comparative and computational linguistics as it aims to solve theoretical and practical problems. The problem of interlingual homonyms has become one of the main ones for linguists since words of closely related languages are the main cause of language interference, which should be avoided when translating from one language to another.

Ключевые слова: омонимы; межъязыковые омонимы; русский язык; каракалпакский язык, «ложные друзья переводчика».

Keywords: Homonyms; interlingual homonyms; Russian, Karakalpak language; "false friends of the translator".

Традиционно омонимия определяется как «звуковое совпадение двух или нескольких звуковых единиц, различных по значению», а омонимы как «слова, имеющие одинаковое звучание, но различное значение» [Розенталь, 1976: 242]. Однако в современном языкознании до сих пор нет единого общепринятого определения омонимов.

Существует множество подходов к определению и пониманию омонимии. Одни авторы считают основной этимологогенетическую точку зрения, другие – важный лексико-семантический подход к изучению омонимии [Vicek, 1966: 232]. Словарь включает в себя не только лексику повседневной коммуникации и современного литературного языка, но и устаревшие единицы, историзмы, экспрессивные слова.

Большинство омонимов в естественном языке развивались в результате полисемии. Изменения в значении слов определяются множеством различных причин как языкового, так и экстралингвистического характера.

Как известно, в тюркских языках в силу их общего происхождения имеется большое количество лексем, частично или полностью тождественных по своей форме, но расходящихся в неодинаковой степени по лексическому значению. Одним из первых соответствия омонимичного характера в каракалпакском языке отметил профессор Н.А. Баскаков.

Жизнь и развитие языков приводит к новым интересным явлениям. Одним из них является межъязыковая омонимия, о которой много говорят в современной лингвистике. Внимание лингвистов к вопросам омонимии обусловлено тем, что это явление характерно для всех языков и является одной из проблем переводоведения: исследователи останавливаются на различных объектах перевода, которые часто являются источниками противоречивых мнений.

Особую разновидность межъязыковых омонимичных пар впервые выделил А. Е. Супрун в 1958 г.: полные и частичные (межъязыковые омонимы, по его мнению, могут сохранять общее основное значение при различных оттенках в сопоставляемых словах). Согласно исследователю, различие может касаться только эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической окраски слов [Супрун, 1958: 35].

Некоторые авторы употребляют термины «ложные друзья переводчика» и «межъязыковые омонимы» одинаково, не разграничивая их семантически. Так, Р.А. Будагов, назвав свою статью «Ложные друзья переводчика» в соответствии с названиями словарей, которые анализирует, в то же время отмечает: «„Ложными друзьями переводчика” обычно именуются межъязыковые омонимы – слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения» [Будагов, 1974: 141–146].

Известный русист А. Н. Гвоздев определял омонимы как слова разного значения и одинакового звучания, несмотря на часть речи, к которой принадлежат, включая также нарочно совпавшие грамматические формы слов, также он утверждал, что «возникновение двусмысленности при омонимичности двух слов – ошибка, довольно часто встречающаяся в речи» [Гвоздев, 1952: 408].

Межъязыковая омонимия охватывает все то, что формально идентично и семантически различно в контактирующих языках. Однако, по признанию многих исследователей, важнейшая часть межъязыковой омонимии отмечается на лексическом уровне в категории межъязыковых лексических омонимов [Супрун, 1958: 35].

Межъязыковая омонимия достаточно широко распространена, а количество ошибок, которые совершают не только обычные люди, но и сами переводчики, высоко.

В каракалпакской лингвистике до сих пор нет никакого исследования, посвященного каракалпакско-русским межъязыковым омонимам. Поэтому целью этой работы является исследование каракалпакско-русских межъязыковых омонимов.

В практике лексикографической и переводческой работы, а также преподавания иностранных языков особые трудности представляет категория слов, которая получила название «ложные друзья переводчика». Разнообразие точек зрения, связанных с явлением межъязыковой омонимии, свидетельствуют о том, что в лингвистике до сих пор нет четкого, непротиворечивого определения этого понятия.

Подобное явление давно привлекает внимание лингвистов. Термин «ложные друзья переводчика» (калька с франц. *faux amis*) был введен М. Кёсслером и Ж. Дероккины в 1928 г. в книге «*Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*».

Изучая иностранный язык, человек склонен переносить свои языковые привычки в систему чужого языка. Прочно укоренившийся в нас родной язык толкает на ложные аналогии. Как отмечает В.В. Акуленко, это языковое явление вводит в заблуждение не только начинающих изучать иностранный язык, но и опытных специалистов, филологов, в том числе преподавателей, переводчиков-профессионалов, лексикографов. Неверные ассоциации направляют переводчика в семантические кальки, и отсюда возникают случаи нарушений лексической сочетаемости или стилистического согласования при переводах на родной язык или просто при разговоре на иностранном языке. Смысловая структура высказывания кажется переводчику достаточно очевидной, но на самом деле оно может иметь совсем другое содержание. Расхождения в парах межъязыковых омонимов могут намечаться в понятийном содержании, стилистических характеристиках и лексической сочетаемости; все эти типы расхождений на практике часто переплетаются.

Изучая «ложных друзей переводчика», нельзя не углубиться в историю их возникновения. Иностранные слова, вызывающие у человека неверные ассоциации, наверное, существуют столько же, сколько и сами языки. Сохранились свидетельства о различных случаях, когда межъязыковые омонимы приводили к комическим ситуациям.

В современном мире человек каждый день сталкивается с различными иностранными языками: и в межличностных контактах, и в хозяйстве (например, этикетки на товарах), и в профессиональных сферах (например, много заимствований в офисной лексике). Это приводит к возникновению новых, до этого времени неизвестных взаимоотношений между языковыми что находит отражение в межъязыковой омонимии.

Причины появления «ложных друзей переводчика» обуславливаются национальным своеобразием лексического состава каждого языка. В таблице мы рассмотрим межъязыковую омонимов:

Таблица 1

Межъязыковые омонимы	Русские значения	Межъязыковые омонимы	Каракалпакские значения
Ар	Единица земельной площади, равная 100 кв. м.	Ар	Совесть
Ас	Выдающийся по летному и боевому мастерству лётчик.	Ас	Пища, корм
Баба	Вообще о женщине	Баба	Старик, дед
Бал	Большой танцевальный вечер	Бал	Мёд
Дар	Подарок, приношение	Дар	Виселица
Дым	Совокупность мелких твёрдых частиц и газообразных продуктов	Дым	Влага
Еле	То же, что едва	Еле	Пока, ещё
Жаба	Сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей.	Жаба	Вилы
Жара	Жаркая погода	Жара	Рана, язва
Оба	И тот, и другой	Оба	Холера
Он	Указывает на предмет речи или на лицо, не являющееся ни говорящим, ни собеседником.	Он	Десять
Пал	Степной или лесной пожар.	Пал	Ворожба
Пир	Празднество, торжество с обильным и роскошным угощением	Пир	Духовный руководитель
Сын	Лицо мужского пола по отношению к своим родителям	Сын	Критика
Сан	Звание, связанное с почётным положением	Сан	Бедро
Сыр	Пищевой продукт в виде твёрдой или полутвёрдой массы, получаемый путём специальной обработки молока	Сыр	Тайна
Там	В том месте, не здесь	Там	Изда, дом
Усы	Волосной покров над верхней губой	Усы	Тот, этот
Яд	Вещество, вызывающее отравление	Яд	Память
Яр	Крутой берег, обрыв	Яр	Любимый

Межъязыковая омонимия – сложное явление, которое требует изучения своего метода исследования, использования данных других наук (истории языка, грамматики, фонетики, лексикологии, стилистики, страноведения).

В результате нашего исследования был собран омонимический материал на основе лексикографических источников. Изначально были раскрыты базовые вопросы, касающиеся истории русского и каракалпакского языков, описания общих понятий межъязыковой омонимии. Далее нами были выявлены различные классификации омонимии русского и каракалпакского языков, аспекты изучения омонимических единиц, групповое разделение межъязыковых омонимов.

Мы собрали и проанализировали лексический материал, опираясь на лексикографические источники, классифицировали межъязыковые соответствия омонимичного характера по двум основным критериям: по соответствию в плане выражения и плане содержания, также проследили семантические трансформации и выявили их причины.

Таким образом, мы попытались показать, что русско-каракалпакская омонимия касается группы слов, которая образовалась не только по причине формального сходства, но из-за семантического расхождения ранее одного многозначного слова. На основе проведенного нами исследования можно сделать вывод, что интерес к межъязыковой омонимии у современных исследователей не угас. Внимание к истории появления омонимов, их значению позволит любому повысить свой общий уровень знаний.

Литература

1. **Баскаков, Н. А.** Каракалпакский язык. Т. 2 : Фонетика и мофология / Н. А. Баскаков. – Москва : Академия наук СССР, 1952. – 542 с.
2. **Будагов, Р. А.** Ложные друзья переводчика / Р. А. Будагов // Человек и его язык. – Москва : Изд-во Московского университета, 1974. – С. 141–146.
3. **Гвоздев, А. И.** Очерки по стилистике русского языка / А. И. Гвоздев. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 408 с.
4. **Розенталь, Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – Москва : Просвещение, 1976. – 543 с.
5. **Супрун, А. Е.** Ответ на вопрос: каковы типы лексических омонимов в системе славянских языков. Сборник ответов на вопросы по языкознанию : к IV международному съезду славистов / А. Е. Супрун. – Москва, 1958.
6. **Vlcek, J.** Uskaha ruske slovn zasoby. Slovmk rusko-ceske homonymie a paronymie. – Praha : Svet soveth, 1966. – 232 s.

*Каримова Г.Р.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКИ СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДОВ В ТРУДАХ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ З.Г. УРАКСИНА

Аннотация. В данной работе содержится попытка анализа роли известного тюрколога, академика АН РБ, доктора филологических наук, профессора Зиннура Газизовича Ураксина в башкирском языкознании и тюркологии, а также дан краткий обзор его многолетней деятельности. Рассматривается отражение лексики семейных обрядов в трудах ученого. Отмечается неоценимый вклад З.Г. Ураксина в этнолингвистику, фразеологию, лексикографию, терминологию башкирского языка, подчеркивается его роль в сохранении и развитии башкирского языка.

Abstract. This paper talks about the role of the famous Turkologist, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Philology, Professor Zinnur Uraksin in Bashkir linguistics and Turkology, and also provides a brief overview of his long-term activity. The reflection of the vocabulary of family rituals in the works of the scientist is considered. The invaluable contribution of Uraksin to ethnolinguistics, phraseology, lexicography, terminology of the Bashkir language is noted, his role in the preservation and development of the Bashkir language is emphasized.

Ключевые слова: З.Г. Ураксин; тюркология; башкирское языкознание; лексикология; лексикография; фразеология; этнолингвистика.

Keywords: Z.G. Uraksin; Turkology; Bashkir linguistics; lexicology; lexicography; phraseology; ethnolinguistics.

Фразеологизмы, являясь значимым элементом, играют важную роль в системе языка и культуры. Одним из первых проблемы фразеологии башкирского языка исследовал известный тюрколог, академик АН РБ, доктор филологических наук, профессор З.Г. Ураксин. Научно-исследовательская деятельность профессора Зиннура Газизовича Ураксина охватывает практически все основные направления современного языкознания. Он активно занимался актуальными проблемами лексикологии, фразеологии, лексикографии, терминологии, этнолингвистики, ономастики, истории и грамматики башкирского языка и т.д. З.Г. Ураксин – автор более 300 научных работ, в т.ч. более 20 монографий, словарей, учебников и методических рекомендаций. Он принимал непосредственное участие в подготовке издания «Грамматика современного башкирского литературного языка» (Москва, 1981), в составлении и редактировании двухтомного толкового словаря башкирского языка [Башкорт теленең һүзлеге, 1993], содержащего 55000 единиц, в т.ч. фразеологизмы, термины, диалектную и устаревшую лексику.

Именно с именем З.Г. Ураксина связано становление фразеологии как отдельной дисциплины в башкирском языкознании. В своей докторской диссертации он исследует проблемы фразеологии башкирского языка и тем

самым вносит существенный вклад в развитие теории фразеологии тюркских языков.

К наиболее значимым трудам академика в сфере фразеологии относятся «Башкирско-русский фразеологический словарь» [Ураксин, 1973], «Русско-башкирский фразеологический словарь» [Ураксин, 1989], «Фразеологический словарь башкирского языка» [Ураксин, 2006], «Словарь синонимов башкирского языка» [Ураксин, 1966, 1985, 2000]. Монография ученого «Фразеология башкирского языка» [Ураксин, 1975] представляет собой первый опыт описания идиоматики в тюркском языкознании. При этом автором учтены также и достижения некоторых смежных наук, в частности, лексикологии, стилистики и лексикографии. Монография З.Г. Ураксина – ценный вклад в башкирскую фразеологию. Многие выводы и наблюдения автора заслуживают внимания с точки зрения проблем общей тюркологии.

Наряду с другими пластами лексики, характеризующей повседневный, традиционный быт и уклад жизнедеятельности народа, в трудах З.Г. Ураксина отражается и лексика семейных обрядов башкирского языка. Исследователь отмечает: “Разговорная речь и фольклор – главные источники образования фразеологии любого национального языка. А для башкирского языка, письменные традиции которого до революции были развиты относительно слабо, исследование живой речи и изучение фольклорных записей приобретают особое значение. В устойчивых словосочетаниях находят отражение различные стороны жизни народа, его обычаи и нравы. Эти словосочетания, передаваясь из поколения в поколение, дошли до наших дней и вошли в сокровищницу башкирского литературного языка” [Ураксин, 1975: 166].

Действительно, большое количество лексики, относящейся к семейным обрядам, зафиксировано во “Фразеологическом словаре башкирского языка” З.Г. Ураксина [Ураксин, 1996: 45, 52, 77]. К ним относятся слова, характеризующие, например, родинный обряд: *ауыр аяклы* – буйында булған, йөклө, ауырлы ‘беременная’: *Айбулат Гөлйөзөмдөң ауыр аяклы булыузан азгына һурьлып уйкыланған сикәләренә һокланды*. ‘Айбулата восхищали (щеки, виски) Гульюзум, немного осунувшиеся от беременности’. (Х. Давлетшина); *ауырга калыу* ‘забеременеть’, *балаға узыу, буйға калыу* ‘забеременеть’: “*Мин уянганда, катыным юк ине... Буйға калгайны, нишләгәндер инде, бахыркай* ‘Когда я проснулся, жены не было... Была беременная, что с ней стало, с бедненькой’ (Я. Хамматов) и т.д.; похоронно-поминальный обряд: *яткан ере йомшак булһын* ‘да будет земля ему пухом’; *вафат булыу* ‘отойти от мира сего, испустить дух’; *зүмер һүнәү (өзөләү)* ‘лишаться (решаться) жизни’; *дәфен итеү (кылыу)* иҫк. ‘предавать земле кого’; *зыярат итеү (кылыу)* иҫк. ‘помолиться на чьей-л. могиле, почтить память’; *йән биреү* ‘отдавать концы прост.; отдавать богу душу’: *Ә һин инде һалкын окоп төбөндә, һуңғы тыныңды алып, гәзиз йәнәңде биргәнһең, һин хәзер мәңгегә ер куйынына инәсәкһең* (Д. Юлтый); *йәне кыл өстөндә кемдең* ‘жизнь на волоске висит у кого’; *йәнен йәһәннәмгә озатыу (ебәрәү) кемдең* ‘отправить на тот свет кого; отправить к праотцам’ кого: *Рәүф Дәүләтов үзе алты фрицтың йәнен йәһәннәмгә озатты* (Ә. Ихсан);

кәбер эйәһе булыу ‘отправиться на тот свет; сойти в могилу’, досл. ‘стать обладателем могилы’. *Ике-өс йыл эсендә бер өй эсенән өс кеше кәбе рэйәһе булһынсы, ә?* (Ж. Кейекбаев); *үлем түшәгендә (өстөндә) ятыу* ‘на смертном одре; дышать на ладан’; *үлмәктән калмак кына* ‘ еле-еле душа в теле’.

Отличие подобных устойчивых сочетаний слов от свободных сочетаний заключается в том, что их значения развились как следствие закрепления за сочетанием слов краткого изложения широко распространенных ранее обычаев, традиций, обрядов, часть которых бытует и поныне, а часть утеряна, позабыта. К примеру, среди терминов родинного, свадебного и похоронно-поминальных обрядов в монографии “Фразеология башкирского языка” упоминается *күз тейеу* ‘сглаз, сглазить’ – досл. ‘коснуться глазами’ (от поверья о воздействии дурного, злого глаза *яман күз* на детей, животных и даже растения) и т. д. [Ураксин, 1975: 168]. Данное сочетание является одним из самых популярных в башкирской культуре, т. к. поверие до сих пор применяется в каждой семье. В фольклористике подобные действия и выражения рассматриваются в структуре особого микрожанра – суеверных примет [Алчинова и др., 2019: 1034–1042], которые представляют собой «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Харченко, Тонкова, 2008: 5]. Краткая метафорическая форма получает словесное оформление в виде фразеологизма, суть которого известна носителям языка. Ср.: *күз тейеу* – сглазить, сглаз, чтобы уберечь от которого необходимо было провести целое ритуальное действие: на грудь, головные уборы детей нашивали яркие лоскутки материи, перламутр и другие вещи (чтобы отвести взгляд). Если ребенок все же подвергся сглазу, проводили обряд: незаметно вырывали куски из одежды того человека, который сглазил, и клали под голову ребенка. Чтобы не сглазить, при виде ребенка или кого-л. другого нужно было говорить: *Тфу, тфу, күз теймәһен!* досл. ‘Тьфу, тьфу, чтобы глаз не коснулся’. Таким образом, за фразеологизмом – суеверной приметой скрывается целый обряд, включающий в себя и ритуальное действие, и словесные формулы-заговоры. В работах З.Г. Ураксина подобные устойчивые сочетания слов получают развернутое описание и объяснение.

Особенно большое внимание профессор З.Г. Ураксин уделял этимологии фразеосочетаний, в процессе раскрытия которых выявлялась их связь с древними обычаями. Например, с первобытными формами верований, представлений связаны различного рода пожелания и запретные выражения, рассматривающиеся также в составе фразеологизмов: *Сәстәре сәскә байләһен* досл. ‘Пусть их волосы свяжутся (пожелание, исходящее из представления о силе волос’; у кого волосы сплетутся, те люди соединятся навсегда), *Төклә аягың менән!* ‘Пожелание добра, достатка’ (говорят, когда в дом поселяется невеста).

Таким образом, в тюркологии труды З.Г. Ураксина являются первым опытом сбора, систематизации и составления фразеологической лексики. В его научной деятельности башкирская фразеология и фразеологизмы занимают

ключевое место, при рассмотрении этимологии которых он останавливается в том числе и на выявлении обрядовой лексики как одним из источников и путей появления фразеологизмов. В дальнейшем исследования З.Г. Ураксина стали основой в становлении другого направления башкирского языкознания, занимающегося исследованием фоновых знаний по духовной и материальной культуре народа, заложенных в языке – башкирской этнолингвистике, для которой сведения по фразеологии явились ценным языковым материалом.

Литература

1. **Алчинова, Г. Р.** Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора / Г. Р. Алчинова, Г. Р. Хусаинова, Г. Н. Ягафарова // *Oriental Studies*. – 2019. – 45 (5). – С. 1034–1042.
2. **Ураксин, З. Г.** Фразеологические синонимы в современном башкирском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ураксин Зиннур Газизович. – Уфа, 1966. – 18 с.
3. **Ураксин, З. Г.** Словарь синонимов башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1966. – 272 с.
4. **Ураксин, З. Г.** Башкирско-русский фразеологический словарь / З. Г. Ураксин. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1973. – 167 с.
5. **Ураксин, З. Г.** Русско-башкирский фразеологический словарь / З. Г. Ураксин. – Москва : Русский язык, 1989. – 405 с.
6. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ураксин Зиннур Газизович. – Уфа, 1975. – 53 с.
7. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Москва : Наука, 1975. – 192 с.
8. **Ураксин, З. Г.** Фразеологический словарь башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Уфа : Китап, 2006. – 342 с.
9. **Харченко, В. К.** Лингвистика народной приметы / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. – Белгород : Белгородская областная типография, 2008. – 224 с.
10. Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда. Т. 1. – Москва : Русский язык, 1993. – 867 б.
11. **Ураксин, З. Г.** Башкорт теленең синонимдар һүзлеге / З. Г. Ураксин. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1966. – 272 б.
12. **Ураксин, З. Г.** Башкортса-русса фразеологик һүзлек / З. Г. Ураксин. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1973. – 167 б.
13. **Ураксин, З. Г.** Башкорт теленең фразеологик һүзлеге / З. Г. Ураксин. – Өфө : Китап, 2006. – 342 б.

*Кетенчиев М.Б.,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СВАДЕБНЫХ АЛГЫШЕЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению свадебных здравниц, отражающих важный сегмент карачаево-балкарской национальной картины мира, в которой нашли свою нишу архетипические представления этноса о семье. В ней рассматриваются благопожелания, адресованные жениху и невесте, а также семье, в которой проходит свадебное торжество, отмечаются их наиболее релевантные семантические и этнокультурные характеристики.

Abstract. The article is devoted to the consideration of wedding toast reflecting an important segment of the Karachay-Balkar national picture of the world, in which the archetypal ideas of the ethnic group about the family found their niche. It examines the well-wishes addressed to the bride and groom, as well as the family in which the wedding celebration takes place, and notes their most relevant semantic and ethno-cultural characteristics.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; устное народное творчество; здравницы; структура; семантика; этнокультурное значение.

Keywords: Karachay-Balkar language; oral folk art; toast; structure; semantics; ethno-cultural significance.

В карачаево-балкарской филологической науке алгыши относят к малым жанрам фольклора, хотя они все еще не подвергались систематическому изучению. Они представлены лишь в некоторых хрестоматийных изданиях, содержащих образцы устного народного творчества [Карачаево-балкарский фольклор, 1996: 380–409]. К ним в большей степени обращаются литературоведы, раскрывая семиотические характеристики эпических произведений [Узденова, 2017], поэтику произведений отдельных авторов [Хульчаева, 2003], ментальность и систему представлений этноса [Узденова, 2018], а также историки, описывая различные перипетии жизни народа [Сабанчиев, 2007]. Для некоторых языковедов рассматриваемый жанр фольклора представляет собой источник богатого иллюстративного материала устойчивых фразеологизированных конструкций [Хуболов, Улаков, 2013], а также собственно фразеологических единиц различной структуры и семантики [Хуболов, 2015].

Алгыши, связанные со свадьбой, спорадически рассматриваются в научных статьях, посвященных различным концептам, например, концепту «гостеприимство» [Ахматова, 2015]. Соответствующий эмпирический материал свидетельствует в пользу того факта, что «они занимают важное положение в коллективном языковом сознании, поэтому их исследование становится актуальной проблемой» [Самситова, 2015: 1531]. К тому же в них «закодированы базовые архетипические характеристики этноса в целом и семьи в частности» [Кетенчиев и др., 2018: 82]. Исходя из этого, в данной

статье нами предпринимается попытка осветить наиболее релевантные проблемы, сопряженные с особенностями языка, архетипических алгышей, произносимых на традиционных свадебных торжествах карачаевцев и балкарцев.

Для обозначения свадебного торжества в карачаево-балкарском языке употребительны следующие лексемы, являющиеся синонимичными друг другу: *къууанч* «радость, отрада; радостный (в позиции определения); веселье, развлечение, забава; торжество, праздник; торжественный, праздничный (в позиции определения)», *той* «свадьба, свадебный пир; празднество, торжество».

Алгыши приурочиваются к определенным этапам свадебного торжества. Эти этапы номинируются целым рядом дескрипций, которые по форме представляют собой обороты, стержневыми элементами которых являются причастия на *-гъан/-ген*, например, *келин келген* «приход невесты», *къыз чыгъаргъан* «вывод девушки», *баи ау алгъан* «снятие фаты (показ невесты родителям и родственникам жениха)», *киеу чакъыргъан* «приглашение зятя (показ зятя родителям и родственникам невесты)» и т.д.

Для алгышей релевантны специфические для данного жанра субстантивные лексемы: *келин* «невеста», *киеу* «зять», *ата* «отец», *ана* «мать», *къайын ата* «тесть; свекр», *къайын ана* «теща; свекровь», *жууукъ юлюш* «семья зятя и снохи (как родственники)», *алгъыш аякъ* «заздравный тост (чаша, бокал, стакан с напитком, выпиваемый в знак добрых пожеланий кому-либо)», *киеу аякъ* «заздравный тост (чаша, бокал, стакан с напитком, выпиваемый дружкой жениха в знак добрых пожеланий кому-либо)» и др.

Важными представляются лексические образные средства здравиц. К ним, например, относятся эпитеты различной семантики: *алтын саугъа* «золотой подарок», *акъ ниет* «белая мысль», *къара ниет* «черная мысль», *кюмюш керек* «серебряная принадлежность», *бийик намыс* «высокая честь», *халал ырысхы* «чистое богатство» и т.д.

В качестве образных средств больше всего представлены сравнения различной структуры: *Ырысхысы алай болсун: // Кечеледе жукъу киби, // Сабанлада къылкъы киби, // Агъачда чырны киби* «Богатство пусть будет таким: // Слово сон в ночи, // Слово колосья на пашнях, // Слово ветки в лесу»; *Жарыкъ берсин, жулдузча, // Жылтырасын, къундузча* «Пусть свет дает, как звезда, // Пусть блестит, как бобр»; *Сатанайлай уста болсун* «Как Сатанай, пусть мастерицей будет»; *Пелиуанлай батыр болсун* «Как пехлеван, пусть храбрым будет».

В алгышах наличествует целый спектр когнитивных характеристик невесты, отражающих различные аспекты достаточно устойчивого архетипического мировосприятия этноса, т.е. в них моделируется идеальный образ, которому должна соответствовать невеста:

Хороший след: *Келген келин иги ызлы болсун* «Приходящая невеста пусть добрый след оставляет».

Доброта: *Келген келин огъурлу болсун* «Приходящая невеста пусть доброй будет».

Улыбчивость: *Бшара келсин, // Кюле келсин* «Улыбаясь пусть приходит, // Смеясь пусть приходит».

Любовь к новой семье: *Келген жерин сие келсин* «Пусть любит место, куда приходит».

Работоспособность: *Келинни кьолу жигер болсун* «Руки невесты пусть деятельными будут»; *Ишге жетсе – ёгюз болсун* «До работы дойдет – пусть волом будет».

Малословность: *Келинни ауuzu хомух болсун* «Уста невесты пусть ленивыми будут».

Соответствие этике: *Келин бутун буруп олтурсун* «Невеста пусть садится, сомкнув ноги».

Многодетность: *Тапханлары эгиз болсун, // Эм алгъа тыякъчы тапсын, // Бзы бла таракъчы тапсын* «Пусть близнецов рождает, // Сперва пусть мальчика (держашего палку чабана) родит, // Потом пусть девочку (чесальщицу) родит».

Богатство, изобилие: *Ырысхысы тенгиз болсун* «Пусть богатство ее будет морем».

Определенного рода характеристиками отмечается и зять:

Умение разбираться в жизни: *Жашау ызыны биле турсун* «Пусть знает перипетии жизни».

Умение поддерживать разговор, беседу: *Олтургъанда сора билсин* «Когда сидит (за столом), пусть умеет спрашивать (о житье-бытье)».

Красноречивость, уверенность в словах: *Киеу бёкем сёзлю болсун* «Зять пусть крепким на слово будет».

Наличие надежных друзей: *Киеу нёгерине тыянычу болсун* «Зять пусть будет опирающимся на друзей».

Зачин рассматриваемых алгышей имеет определенные функции. С одной стороны, произносящий здравицу привлекает к себе внимание участников торжества, с другой – вводит их в курс событий путем вербальной интерпретации радостного события, т.е. объяснения того, по какому случаю проводится торжественный сбор: *Ха, жашла, киеу аякъны алайыкъ кьолгъа, // Чыгъайыкъ биз ахшы жолгъа* «Ха, парни, чашу зятя мы в руки возьмем, // Выйдем мы в добрый путь» (из алгыша перед отправкой дружков жениха за невестой); *Алгъыш аякъ кьолубузда, // Уча, сый да аллыбызда, // Жангы келинни намысыды, // Келин юйню насыбыды* «Заздравная чаша в наших руках, // Угощения перед нами, // Это честь новой невесты, // Невеста счастье дома» (из алгыша, посвященного обряду ввода невесты в дом жениха) и т.п.

В свадебных здравицах обязательным является и коллективное благопожелание дому, в котором проходит свадьба, представителям рода, этносу в целом: *Ахшылыкъ бу юйден (тукъумдан, миллетден) кетмесин, // Аманлыкъ бу юйге (тукъумгъа, миллетге) жетмесин, // Сюймегенлери айтхан кибик да // Бу юйню (тукъумну, миллетни) Аллах (Тейри) этмесин!* «Благодеяние из этого дома (рода, народа) пусть не уходит, // Зло этого дома (рода, народа) пусть не достигнет, // От недругов помыслов тоже // Этот дом (род, народ) пусть Аллах (Тенгри) оградит».

Финальная часть здравниц также представляет собой универсальную формулу, актуализирующую существенные для жизнедеятельности этноса

концепты, например, концепт *саулукъ* «здоровье»: *Мен кѣп алгыши эте билмейме, // Жаратхан Аллах иги алгыши этсин, // Бу боза баргъан жерге да ауруу бармасын!* «Я не умею произносить много алгышей, // Породивший нас Аллах пусть много алгышей сделает, // В место, куда течет эта буза, пусть болезнь не идет!».

Как видно из проанализированного выше фактологического материала, свадебные здравницы в целом представляют собой ритмически и тематически организованные глагольные построения, в которых преобладают побудительные конструкции с семантикой благопожелания, на что обращается внимание в специальной лингвистической литературе [Кетенчиев, 2010: 37–45]. Алгыши в целом носят устойчивый характер и не подвергаются кардинальной трансформации, но они открыты для новаций, связанных с изменениями в жизни этноса, и отражают видение носителей карачаево-балкарского языка перспективы становления и развития семьи.

Литература

1. **Ахматова, М. А.** Аспекты реализации концепта «гостеприимство» в карачаево-балкарском языке / М. А. Ахматова // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик : Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. – С. 107–111.
2. **Кетенчиев, М. Б.** Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке / М. Б. Кетенчиев. – Москва : Поматур, 2010. – 274 с.
3. **Кетенчиев, М. Б.** Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре / М. Б. Кетенчиев, А. Т. Додуева, А. А. Девеева // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 7. – 2018. – № 1 (22). – С. 81–84.
4. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / сост. Т. М. Хаджиева. – Нальчик : Эль-Фа, 1996. – 592 с.
5. **Сабанчиев, Х.-М. А.** Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е–начало XXI в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич. – Ростов-на-Дону, 2007. – 54 с.
6. **Самситова, Л. Х.** Сущность и специфика культурных концептов в языковой картине мира / Л. Х. Самситова // Вестник Башкирского университета. Т. 17. – 2012. – № 3–1. – С. 1529–1532.
7. **Узденова, Ф. Т.** От образа к знаку: механизмы трансформации (на материале нартского эпоса) / Ф. Т. Узденова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–2 (78). – С. 55–58.
8. **Узденова, Ф. Т.** Факторы этнической специфики: ментальность и система представлений / Ф. Т. Узденова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2018. – № 2 (82). – С. 94–97.
9. **Хуболов, С. М.** Полупредикативные конструкции как облигаторные компоненты фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке / С. М. Хуболов, М. З. Улаков // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 1. – С. 140–145.

10. Хуболов, С. М. Семантические типы фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке / С. М. Хуболов // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 647–662.

11. Хульчаева, М. Х. Поэтика Керима Отарова (художественные принципы утверждения лирического героя): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хульчаева Марьям Хажидаутовна. – Нальчик, 2003. – 20 с.

УДК 811.512.145

*Киндикова А.В.,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация*

ПРОБЛЕМНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЭМЫ БОРИСА УКАЧИНА «ЧАКЫЛАР» (КОНОВЯЗИ)

Аннотация. Статья посвящена проблемному изучению поэмы алтайского поэта, прозаика и публициста Бориса Укачиновича Укачина. Автор в поэме поднимает вечные философские и нравственные проблемы, они продиктованы высокими патриотическими чувствами, стремлением понять истоки народного характера, ощутить связь времен. Автор ставит множество вопросов для рассуждения, этим углубляет и расширяет смысл поэмы. В ходе проблемного анализа удается охарактеризовать композицию, образную систему поэмы, выявить нравственную проблематику, основной конфликт.

Abstract. The article is devoted to the problem study of the poem of the Altai poet, prose writer and publicist Boris Ukachinovich Ukachin. The author in the poem raises eternal philosophical and moral problems, they are dictated by high patriotic feelings, the desire to understand the origins of the national character, to feel the connection of times. The author poses many questions for reasoning, this deepens and expands the meaning of the poem. In the course of the problem analysis, it is possible to characterize the composition, the figurative system of the poem, to reveal the moral problematics, the main conflict.

Ключевые слова: алтайская литература; поэма; анализ; проблема; глава; диспут; изучение.

Key words: Altai literature; poem; analysis; problem; chapter; dispute; study.

К проблемному изучению произведений в школе обращались Н.М. Киндикова, Е.Д. Чандыева, У.Н. Текенова и др. исследователи алтайской литературы. Так, Н.М. Киндикова [Киндикова, 2004: 53] отмечает, что существуют разные пути анализа: бѳткѳлинче (целостный), шѳѳп кѳргѳдий сурак тургузып (проблемный), сѳр-кеберди тангынан ылгап (по образам). Проблемный анализ широко используется при изучении прозы в старших классах. Для того, чтобы применить данный анализ в практике, сначала нужно выяснить проблемные вопросы в произведении. Задать вводные вопросы, только потом приступить к анализу произведения. Алтайских прозаиков интересуют проблемы настоящего и будущего народа: вечные темы человеческого бытия, взаимоотношения человека с природой, обществом и

самим собой. Особый интерес представляют произведения Б.У. Укачина, А.О. Адарова, Э.М. Палкина, Ж.Б. Каинчина и др., в которых затронуты нравственно-этические проблемы современного села, а также судьбы сельских тружеников и молодежи.

На уроках при изучении произведений алтайских писателей интерпретационная деятельность направляет учащихся к самостоятельному постижению смысла произведения, заложенных в нем вечных философских и нравственных ценностей. Мы обращаем внимание, прежде всего, на интерпретацию текста, направленную на раскрытие авторской позиции. При изучении произведения на основе проблемного метода желательно каждый урок нужно начинать с обсуждения проблемы, что приводит учащихся к анализу текста.

Рассмотрим, с этой точки зрения, поэму алтайского писателя Бориса Укачина «Коновязи» (Чакылар). В этом произведении с наибольшей полнотой раскрывается исторический кругозор поэта, потому что древние коновязи для него не просто приметы времени, но еще и вехи памяти народной. В этом произведении отражены высокие патриотические чувства, стремление понять истоки народного характера, ощутить связь времен. Разные судьбы и дороги переплелись в поэме, как и в жизни. Вот судьба богатея Карыма, которого постигло возмездие. Время рассчиталось с ним сполна. Оно определило и судьбу его сына, Саду, ставшего агрономом и коммунистом, сыном своей эпохи. Вторая глава поднимает острейшие проблемы чести и предательства. Старик Кылыш сражался за власть Советов в Гражданскую войну, а вот его сын Байрыш, дезертировал с фронта. Кылыш повесился от стыда, жестоко наказав тем самым и вероотступника. Сложно время, в котором мы живем, сложны и люди, как бы говорит автор.

Третья глава переносит нас в урочище Кыргысту, где живут новые люди и бытуют новые обычаи. Женится Орой, средний сын Кочкора, отличного наездника, безвременно погибшего в трудные годы.

Поэма – это свидетельство того, что сегодня взгляд поэта обращен не столько на себя и свои переживания, сколько вперед, в будущее, которое дается в бою.

На изучение данной поэмы отводится 3 урока. Учащиеся заранее самостоятельно читают произведение.

Тема первого урока: «Где коновязь, там и жизнь» (С.С. Суразаков).

На первом уроке учитель ставит перед собой задачу выявить основную идею произведения. В ходе урока проводится беседа о значении коновязей в мировосприятии алтайцев. Поэма помимо из трех глав состоит из введения и заключения. На первом уроке необходимо поработать над введением поэмы. Выявить значение коновязей. Почему они так значимы в жизни и культуре алтайского народа.

Ход первого урока:

В начале урока учитель ставит основной проблемный вопрос: «Коновязи. Какую роль они играют в жизни народа?» Урок выстраивается вокруг этого

вопроса. В ходе свободной беседы о «коновязях» учащиеся высказывают свое понимание этого понятия.

Рассуждения о коновязях, какую роль они играют в жизни народа, приводят к следующим выводам: «Коновязь играет важную роль, это священный и самый значимый символ в культуре алтайского народа. У каждого уважающего себя алтайца дом начинается с коновязи. Конюязи – свидетели прошлой жизни. Предмет, предназначенный для коня. Конюязь находится за пределами дома. У коновязи хозяин встречал гостя и провожал его, также выходил из юрты до коновязи. Это начало пути и его конец.

Коновязь (чаки) – это символ, герб кочевого мира, в котором конь, по убеждению алтайцев, эрдине мал – покровитель хозяина, залог его успеха и удачи. Конюязь не должна переноситься на другое место. Хозяин в силу каких-то обстоятельств может перенести свое жилище, но коновязь вечна и непоколебима.

В местах проведения праздников алтайских сеоков (родов) стоят коновязи, каменные стелы – свидетели нового явления в социальной жизни современных алтайцев и в то же время как проявление традиций кочевого мира. По звону уздечки о коновязь конь богатыря узнает о зове хозяина и предстает перед ним. По внешнему виду коновязи можно определить характер, мастерство хозяина и к какому роду он принадлежит.

Коновязь священна и значима в традиции народа. Она связывает роды, отношения отца и сына, прошлое с настоящим.

Итак, первая глава «Коновязь в урочище Аtpазар». Учащиеся делятся своими впечатлениями. Беседа по первым впечатлениям от чтения позволяет выявить характер восприятия и уровень понимания содержания поэмы. Вопросы для беседы:

- Какие чувства и мысли вызвала у вас поэма?
- Кому принадлежал коновязь в урочище Аtpазар?
- Кто из героев поэмы больше всего вам понравился, а кто нет? Почему?

Анализируя читательское восприятие старшеклассников, важно определить и эмоции, и работу воображения ученика, и осмысление им содержания текста, и эстетическую реакцию на содержание поэмы.

В каждой главе автор перед читателями ставит множество вопросов для рассуждения и этим углубляет и расширяет смысл поэмы. Проблемный вопрос «Как вы понимаете понятие “Кровавая коновязь”?» вызвал у одиннадцатиклассников разные точки зрения. Противоречивость ученических позиций создает проблемную ситуацию. Учитель формулирует основной проблемный вопрос, который позволяет вести дальнейшую работу: агроном Карымов «Сын времени? или наследник врага?». Если подумать, наследник Саду Карым был плохим человеком и приносил многим людям зло. Виноват ли? Отвечать за плохие поступки отца?

Последующая аналитическая работа с текстом ведется в вопросно-ответной форме, включающей в себя репродуктивные вопросы и вопросы аналитического характера.

Вопросы, подводящие к анализу текста:

- Расскажите, о чем идет речь в первой главе поэмы?

– С кем мы знакомимся?

– Как описана внешность и характер Карыма? Найдите в тексте данное описание.

– Какие чувства у вас возникли к герою Карымову Саду?

Учащиеся приходят к выводу, что современность совсем отличается от прошлого и люди меняются. Выводом этой главы является мысль о том, что все зависит в жизни от самого человека, а не от рода и поступков предков. Учащимся дается задание прочитать к следующему уроку вторую и третьи главы. Для стимуляции чтения учитель заранее дает учащимся задание: «Считаете ли вы виноватым честного человека за плохие поступки другого?»

Второй урок.

Тема: «Если бы не сын, страдал бы так отец?»

Задача урока: подвести учащихся к дискуссии: «Виноваты ли мы за плохие поступки других?»

На втором уроке проблемный анализ продолжается, ведется пообразный анализ в вопросно-ответной форме, дается характеристика двух героев поэмы – Кылыша и Байрыма.

Вторая глава поэмы уносит нас в урочище Кырышкан. Здесь совсем другое время и коновязь другого человека.

Ход второго урока:

– Виноват ли Кылыш в поступке сына?

– Признает ли свою вину Байрыш?

– Какое время отражено в поэме?

– Кому принадлежит коновязь в этой главе?

– Как вы думаете, как относится Кылыш к своему сыну?

Учащиеся рассуждают, высказывают свои мнения по данным вопросам. Раскрывается проблемный вопрос «Достоин ли прощения Байрыш, единственный сын Кылыша?» Учащиеся вступают в дискуссию. Бурно обсуждают и высказывают свою точку зрения, беседа перерастает в спор.

– Что мы узнаем во второй главе поэмы?

– Опишите внешность, характер Кылыша.

– Сопоставьте характер отца и сына.

Каков центральный конфликт поэмы, в чем трагизм ситуации? Конфликт раскрывается. Из-за позора и стыда Кылыш ушел из жизни. «Как жить дальше с таким позором, как смотреть людям в глаза», – подумал он. Одним словом сын убил отца. Урок завершается дискуссией на тему: «Виноват ли отец за плохие поступки сына?»

Во время дискуссии старшеклассники приходят к самостоятельной интерпретации текста.

Почему за поступки людей отвечают другие? Почему сын не жалеет и не уважает своего отца?

Отсутствие у людей таких важных человеческих качеств, как способность к сочувствию, сопереживанию, стремлению помочь людям, приводит к разобщению и разрушению человеческих отношений между людьми.

В конце дискуссии события поэмы желательно сопоставить с реальной жизнью: «Как вы думаете, есть ли в реальной жизни такие, как Байрыш?»

Третий урок.

В урочище Кыргысту показана спокойная жизнь. Но опять же есть моменты, возвращающие к прошлой жизни. Лирический герой связывает продолжение рода. Здесь показана жизнь человека, прошедшего через боль и страдание, через муки и голод, а сегодня он в почете и уважении на свадьбе сына.

Таким образом, в этой главе описана счастливая и спокойная жизнь. Людским радушием полон этот богатый поселок, где носят и шубы из овчины, и московские костюмы. Свадьба. Женится сын Кочкора, отличного наездника, погибшего от своего коня.

Тема третьего урока: «Счастливая жизнь Бачыма». В этой главе таких острых и проблемных ситуаций не наблюдается.

– Какие впечатления у вас остались после прочтения поэмы?

Учащиеся делятся своими впечатлениями.

– Кому принадлежит коновязь в урочище Кыргысту?

– Какие чувства и мысли вызвала у вас поэма?

– Как бы вы определили основную тему главы поэмы?

– Найдите в тексте эпизод, где автор использовал сравнительные средства в образе счастливой Бачым. С чем он сравнивает Бачым?

– Какие фольклорные мотивы использовал автор в поэме? (пословицы)

– Опишите образ Кочкора. Найдите в тексте описание.

– В чем трагизм ситуации? (Кочкор был отличным наездником, погиб от собственного коня). Вспомним образ так нелепо погибшего Кочкора. Сколько боли в словах поэта о нем! Найдите и прочитайте этот эпизод.

– Какова авторская позиция в поэме? Что хотел донести автор читателям? Как он относится к своему герою? Что хотел сказать автор данной поэмы читателю?

Третья глава поэмы заканчивается заключением «Уч сѳс». Написав поэму, автор молится бумаге и перу.

Сопоставив прошлое и настоящее, связь двух поколений, можно сделать вывод, что недостатки показаны не только в прошлой жизни, но и в нашей настоящей жизни могут возникнуть подобные проблемы. Страх, страшную картину текущей жизни автор отмечает в двух строках: «Танкы тартканча, чай асканча, кижиликти кижии јоголтор».

Итак, человек – он не только живет своим временем, но он должен и за прошлое и за будущее время нести ответственность. Автор считает коновязи – символ прошлого и предвестник настоящего. Жизнь продолжается...

Таким образом, ведущим в 11 классе является проблемно-поисковый метод, который на уроке теснейшим образом связывается с репродуктивным и эвристическими методами. В ходе проблемного анализа удастся охарактеризовать композицию, образную систему поэмы, выявить нравственную проблематику, основной конфликт.

Посредством постановки учителем проблемных вопросов, самостоятельного поиска, подробного анализа произведения учащиеся

приходят к интерпретации смысла поэмы. Также на уроке совершенствуются речевые навыки и пополняется лексический запас.

Литература

1. Актуальные проблемы преподавания литературы : материалы научно-практической конференции. – Горно-Алтайск, 2002. – 194 с.
2. **Богданова, О. Ю.** Методика преподавания литературы : учебник для студентов педагогических вузов / О. Ю. Богданова. – 3-е изд. – Москва : Академия, 2004. – 397с.
3. **Киндикова, Н. М.** Алтай литература : проблемы и суждения / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 2008. – 187 с.
4. **Киндикова, А. В.** Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие : монография / А. В. Киндикова; науч. ред. Т. Н. Галиуллин. – Горно-Алтайск, 2005. – 215 с.
5. Литературное наследие Бориса Укачина : материалы научно-практической конференции / ред. А. В. Киндикова. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2017. – 101 с.
6. **Ойношев, В. П.** Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе / В. П. Ойношев. – Горно-Алтайск, 2006. – 32 с.
7. **Чандыева, Е. К.** Методика обучения алтайской литературе : учебно-методический комплекс для студентов / Е. К. Чандыева, Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 2008. – 124 с.
8. Алтай литературанын түүкизи : учебное пособие. Часть 1. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2008. – 207 с.
9. **Киндикова, Н. М.** Алтай литератураны жаан класстарда үренери / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 1994. – 113 с.
10. **Киндикова, Н. М.** Алтай литератураны школдо үренери / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 1994. – 111 с.
11. **Киндикова, Н. М.** Алтай литературанын методиказы аайынча јетирүлер / Н. М. Киндикова. – Горно-Алтайск, 2004. – 207 с.
12. **Чандыева, Е. Д.** Алтай литератураны үредеринин методиказы / Е. Д. Чандыева. – Горно-Алтайск, 2007. – 66 с.

УДК 821.512.141.09

*Киряева Л.Р.,
Башкортостан Республикаһы Мәғарифты үстереү институты,
Рәсәй Федерацияһы*

ЦИФРЛЫ БЕЛЕМ БИРЕҮ РЕСУРСТАРЫ МЕНӘН БӘЙЛЕ ТӨШӨНСӘЛӘРГӘ КҮЗӘТЕҮ

Аннотация. В статье рассматриваются основные понятия в сфере информатизации образования, связанные с электронными образовательными ресурсами.

Abstract. The article presents terminology on digital educational resources.

Ключевые слова: эдьютейнмент; электронные (цифровые) образовательные ресурсы; информатизация; дистанционное обучение; смешанное обучение.

Keywords: edutainment; electronic digital educational resources; informatization; distance learning; blended learning.

Мәғлүмәти технологиялар йәшәйешөбеззең күп кенә өлкәләренә, шул иҫәптән мәғарифка ла йоғонто яһай. Укыу-укытыу системаһын яңыртыу юлдарының береһе – традицион белем биреү сараларын заманса мәғлүмәти һәм компьютер технологиялары менән берлектә кулланыу. Рәсәй Федерацияһының «Мәғариф тураһында»ғы канунында ла электрон ресурстарға айырым игтибар бирелә.

Бөгөн һәр укытыусы алдына шундай төп проблемалар килеп баҫты: «Укыусыларзы сифатлы укыу контенты менән нисек тәьмин итергә?», «Укыусылар менән үз-ара бәйләнеште һәм белем биреү һөзөмтәләрен асыклаузы нисек ойшторорға?». Цифрлы белем биреү платформаларының дидактик мөмкинлектәрен, укыу процесын ойштороу контексында заманса Интернет-сервистарзы анализлау һәм уның һөзөмтәләрен дистанцион форматта баһалау кеүек һорауларзы карау за төп бурыстарзы тәшкит итә.

Билдәле булыуынса, Рәсәйҙә «Мәғариф» милли проектын ғәмәлгә ашырыу дауам итә. «Мәғариф» милли проектына шундай федераль проекттар ингән: «Заманса мәктәп», «Һәр баланың уңышы», «Цифрлы белем биреү мөхите», «Йәш профессионалдар», «Киләсәк укытыусыһы», «Балалары булған ғаиләләргә ярзам итеү». Улар араһында иң мөһиме – «Цифрлы белем биреү мөхите».

Цифрлы белем биреү мөхитенең моделен ғәмәлгә индереү өсөн белем биреү ойшмаларына 79,8 млрд. һум акса йүнәлтеләсәк. Был белем биреү программаларын яҡшыртырға һәм ойшмаларзың электрон федераль платформаларза, онлайн-сараларза катнашыуын тәьмин итергә мөмкинлек бирер тип күзаллана.

Элек мәктәптә кабул ителгән укытыу моделе буйынса укытыу технологияһының үзәгендә – укытыусы; ә укытыузың асылы белемдәрзе (факттарзы) тапшырыу ине. Яңы укытыу моделе түбәндәге кағизәләргә нигезләнә: укытыу технологияһының үзәгендә – укыусы; укыу эшмәкәрлегенең нигезендә – хезмәттәшлек; укыусылар укыу процесында әүзем роль уйнай; технологияның асылы – укыусыларзың үз аллы белем алыу һәм коммуникатив компетенцияһын үстөрөү.

Һуңғы йылдарза электрон белем биреү ресурстарын кулланыу менән бәйле түбәндәге билдәләмәләр йыш кулланыла: электрон (цифрлы) белем биреү ресурстары, дистанцион укытыу, «катнаш укытыу» һ.б.

Яңыраҡ «эдьютейнмент» термины барлыкка килде. Эдьютейнмент – визуаль сараларға, заманса психологик алымдарға, уйын форматына, мәғлүмәти һәм коммуникацион технологияларға, белем биреү объекты менән эмоциональ бәйләнеште тәьмин итеүгә нигезләнгән педагогик инновация.

Электрон (цифрлы) белем биреү ресурстары – укыу-укытыу процесында кулланылған электрон формалағы фотографиялар, видеофрагменттар,

видеокүрһәтмәләр, статик һәм динамик моделдәр, виртуаль ысынбарлыҡ һәм интерактив моделләштерев объекттары, график материалдар, аудиоязмалар, аудиокитаптар, төрлө символдар, текстар һәм башка белем бирев материалдары.

Дистанцион укытыу – традицион белем бирев алымдары менән бер рәттән компьютер, техник саралар һәм мәғлүмәт, телекоммуникация технологияларына нигезләнән белем бирев формаларын һәм укытыу сараларын кулланыу.

Дистанцион белем бирев технологияларын кулланып, укыусыларзың үз аллы эшен күз уңында тотоп укытыу («катнаш укытыу») – белем бирев процесында класс-дәрес системаһын һәм электрон белем бирев алымдарын берләштерән, яңы дидактик мөмкинлектәргә нигезләнән технология. Укыу процесын онлайн-укыу эшмәкәрлеге менән бәйле булмаған ойоштороу моделдәренән («традицион формалар») һәм дистанцион укытыузан (унда укытыусы менән укыусы араһында туранан-тура шәхси бәйләнеш юк) тыш, бар комбинацияларзы ла катнаш укытыуға индерергә мөмкин. Бөгөн «Ротация», «Үзең һайлап алыу» төркөмдәре моделдәрен кулланыу максатка ярашлы. «Ротация» моделдәре араһында «Автоном төркөм», «Әйләндерелән класс», «Эш урынын алмаштырыу» моделдәре айырылып тора.

«Автоном төркөм» моделендә класты ике төркөмгә бүләбез, берендә проект эшен традицион формала (стена гәзите сығарыу, китапсык, сығыш эзерләү һ.б.), икенсе төркөмдә проект эше онлайн режимда башкарыла. «Әйләндерелән класс» моделендә укыусылар өйзә бирелән проект темаһы буйынса интернет селтәре аша укып, белеп киләләр, ә традицион дәрестә практик эш ойошторола. «Эш урынын алмаштырыу» моделендә кабинет зоналарға бүленә һәм проект эшен башкаралар: онлайн зона; төркөмдәрзә проект эше; укытыусы менән эш.

Башкортостан Республикаһының Мәғарифты үстереу институтының сайтында (<https://igorb.ru>) дистанцион укыу-укытыу методикаһы материалдарын, бик күп электрон платформалар менән эшләү үзенсәлектәре хақында мәғлүмәттәр алып була.

«Юғары эзерлек режимы осоронда белем бирев ойошмалары өсөн дистанцион укытыу» бүлегендә «Методикалар», «Вебинарзәр», «Интернет-сервистар менән эш», «Ата-әсәләр өсөн кәңәштәр», «Укыусыларға укыу платформалары буйынса кәңәштәр», «БР халыктарының милли кейем көнө», «Йыш бирелә торған һораузар» кеүек рубрикалар бар.

Интернет-киңлегендә актуаль темаларға белгестәрзең фекерзәре, әңгәмәләр; фән донъяһындағы һуңғы яңылыктар; укыу-укытыу проблемаларын яктырткан донъя матбуғаты, виртуаль экскурсиялар менән танышырға, мәктәп укыусылары һәм укытыусылар өсөн олимпиадалар, конференциялар, курстар тураһында мәғлүмәт, Рәсәй һәм Башкортостандағы норматив документтарзы ла һ.б. бик күп материалдарзы табырға мөмкин. Классик әсәрзәрзең оригиналдары, әзәбиәт-тел темаһына мәкәләләр, популяр әзиптәребеззең тормош юлы һәм ижады менән бәйле сайттар, аудио- һәм видеоязмаларзы табыу за кыйынлыҡ тыузырмай.

Һуңғы йылдарҙа Башкортостан Республикаһының Мәғарифты үстөрөү институты ғалимдары һәм белгестәре тарафынан «Интерактив башкорт теле», «Туған тел донъяһы» кеүек веб-ресурстарҙың һәм порталдарҙың эшләнеүе башкорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыларының эшендә зур ярҙам булып тора.

«Интерактив башкорт теле» веб-ресурсын булдырыуға Мәғариф министрлығы, Мәғарифты үстөрөү институты, алдыңғы уҡытыусылар күп көс һалды. Проект Башкортостан Республикаһы Башлығының дәүләт һәм туған телдәрен үстөрөгә йүнәлтелгән грант аксаһына башкарылды. Веб-ресурс 2019 йылдың аҙағында Рәсәй мәғариф министрлығы туған телдәргә өйрәнеүҙә ин яҡшы практикалар буйынса үткәргән конкурста «Иң яҡшы интернет проекты» тип танылды.

Мәғариф ойошмаларын информатизациялау – мәғариф үсешендәге өстөнлөклө йүнәлештәрҙең береһе. Мәктәптәр интерактив такталар, мультимедиа проекторҙары менән йыһазландырыла, дәрестәргә компьютер технологиялары әүзем кулланыла.

Әҙәбиәт

1. Институт развития образования Республики Башкортостан : [сайт]. – URL: <https://irorb.ru/>. – Текст : электронный.
2. Интерактивный башкирский : [сайт]. – URL: <http://bashlang.ru>. – Текст : электронный.

УДК 811.512.141

*Куланчин А.Ю., Хәбибуллина Н.И.
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

«АКМУЛЛА» ЖУРНАЛЫ ТЕЛЕНЕҢ ЛЕКСИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексические особенности текстов в журнале «Акмулла», который издавался на старотюркском языке. Авторы отмечают, что в журнале часто встречаются арабские заимствования и старотюркские слова.

Abstract. The article discusses the lexical features of the texts in the journal «Akmulla», which was published in the Old Turkic language. The authors note that the magazine often contains Arabic borrowings and Old Turkic words.

Ключевые слова: лексика; заимствования; старотюркский язык.

Keywords: vocabulary; borrowings; Old Turkic language.

XX быуаттың башы төрки донъяһында гәзит-журналдар күпләп сыжкан осор булып тора. Башкорт журналистикаһының да башланғысы тап ошо дәүергә барып тоташа. Был осорҙа һәр бер өлкә өсөн айырым матбуғат баһмаларын күрергә була. Шулар араһында сатира һәм юмор менән бәйлә гәзит-журналдар за юк түгел. Шундай көлкө журналдарының береһе булып

«Акмулла» басмаһы тора. Был журнал 1911—16 йылдарза Ырымбур губернаһының Троицк калаһында иҫке төрки телендә сығарылған. Журнал билдәле башкорт мәғрифәтсене Мифтахетдин Акмулла исемен йөрөткән. «Акмулла»ла күп башкорт, татар, казак языусылары һәм шағирзары үззәренен тәүге әсәрзәрен бастырған. Мәжит Ғафуризың «Себер тимер юлы» шиғырзар йыйынтығы һәм «Фәкирлек менән үткән тереклек» хикәйәһе тәү башлап тап ошо журналда донъя күрә. Шулай ук Шәйехзада Бабич та был журналдың даими авторы була.

Журнал иҫке төрки телендә һәм ғәрәп графикаһында сыккан. «Акмулла»ның телен анализлағанда иң беренсе унда күп ғәрәп алынмаларының кулланылыуын күрергә була. Уларзың күбеһе хәзерге башкорт телендә һакланмаған: *«Акмулла»ға беренче йәм биреүче мөхәррирнең ғәйеп улуына кәлбемнең иң нечкә үә иң тирән нөктәсендән мәхзүнийәтемне белдерәм* («Акмулла»ға беренсе йәм биреүсе мөхәррирзең арабыззан китеүенә йөрәгемдең иң нескә һәм иң тәрән нөктәһенән кайғымды белдерәм). Был өзөктә кулланылған *кәлеб, мәхзүнийәт* һүззәре хәзерге башкорт теленә килеп етмәгән. Шулай ук *ғәйеп булыу* был текста «вафат булыу, үлеү» мәғәнәһендә килә. *Шөгбәмез Верхнеуральскида* (Филиалыбыз Верхнеуральскиза). Хәзерге башкорт теленә рус теле аша ингән *филиал* һүзенең ғәрәпсә варианты булған *шөгбә* һүзе осрай.

Хәзерге башкорт телендә әле кулланылған ғәрәп һүззәре лә журнал биттәрендә күренә: *Мәктәб, мәдрәсә, имам, мугаллим, имлә мәсьәләләренә, сауда эшенә, ауыл турмышына уртак артык әһәмиәт бирачакдар* (Мәктәп, мәзрәсә, имам, мөгәллим, имлә мәсьәләләренә, сауза эшенә, ауыл тормошона уртак (бер төрлө) әһәмиәт бирәсәктәр). Күреүебезсә, әлеге көндә лә башкорт телендә *мәктәп, мәзрәсә, имам, мөгәллим, мәсьәлә, әһәмиәт* һүззәре кулланыла. Журнал телендә улар тик фонетик яктан ғына хәзерге формаларынан айырыла.

«Акмулла»ла хәзерге әзәби башкорт телендә һакланмаған иҫке төрки һүззәре лә актив кулланыла: *Дин, әхлак хақында мұһим мәкәләләр язылачағы киби, иң эшлекле булған Уфа земствосының эшләре илә мосолманларны танышдырыб, мосолманларга земстводан фәидаланыу юлларны курсәтергә ғәйрәт итәчәкдәр* (Дин, әхлак хақында мөһим мәкәләләр языласағы кеүек, иң эшлекле булған Өфө земствоһынан фәйзаланыу юлдарын күрһәтергә ғәйрәт итәсәктәр). Был һөйләмдә боронғо төрки *илә* һәм *киби* һүззәрен күрәбез.

Рус теле аша үзләштерелгән һүззәр бик һирәк осрай. Улар күбеһенсә тауар етештереү, документ эштәре менән бәйлә һүззәр: *«Иканум» исемендә үз заводымызда саф таза майдан эшләнүб чыкған кер джуар үчүн һәм мунча үчүн беренче дәрәжәдә әглә (мидаллы) кер сабынлары тәкдим итәмез* («Эконом» исемендә үз заводыбызза саф таза майзан эшләнәп сыккан кер йыуыр өсөн һәм мунса өсөн беренсе дәрәжәлә юғары (мизаллы) кер һабындары тәкдим итәбез). Был өзөктә рус теле аша килеп ингән *эконом, завод, мизал* һүззәре кулланылған.

Кайһы бер һүззәр журнал телендә кыска формала килә, йәғни уларзың беренсе өнө төшөп калыуы күзәтелә. *Бабай да эчдән генә «ләкде бит» ди*

(Бабай за эстан генә «эләкте бит» ти). Күреүебезсә, *эләкте* һүзәндә тәүге һузынкы өнө юк – *ләкде*. *Булыу* кылымындағы тәүге *б* өнө кулланылмай: *Сәйәси фиркәгә мәнсүб улмаган, хурр* (Сәйәси фиркәгә кағылышы булмаган, ирекле).

Шулай итеп, «Акмулла» журналында, саф төрки һүзәр менән бер рәттән, гәрәп теленән үзләштерелгән лексика актив кулланыла. Рус теле аша ингән һүзәр, хәзерге әзәби тел менән сағыштырғанда, күпкә әзерәк осрай.

Әзәбиәт

1. Акмулла. – 1912. – № 13. – С. 2–16.

УДК 811.512.141

*Кульсарина Г.Г.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

РОЛЬ ПРОФЕССОРА М.В. ЗАЙНУЛЛИНА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ БАШКИРСКОЙ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Аннотация. Профессор М. В. Зайнуллин внёс значительный вклад в развитие башкирской и тюркской лингвистической науки. Его основные научные интересы были сосредоточены в области теории языка, общего языкознания, тюркологии, башкирского языкознания, сопоставительного изучения башкирского и русского языков, а также он активно занимался вопросами социолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики, лингвофольклористики и лингводидактики. В последние годы активно вёл научно-исследовательскую деятельность по проблеме лингвокогнитивистики, в частности, лингвокультурологии и лингвофольклористики. Создал научную школу по башкирскому языкознанию, разработал теорию модальности в современном башкирском языке. Под руководством профессора М.В. Зайнуллина были выполнены работы по лингвокультурологическому описанию лексики башкирского языка, а также по анализу языка и стиля отдельных жанров башкирского фольклора. Взгляды и идеи ученого были плодотворно продолжены и развиты в научных изысканиях его учеников Г.Х. Бухаровой, Г.Г. Кульсаринной, З.М. Раемгужиной, Л.Х. Самситовой, Ф.Б. Саньярова и др.

Abstract. Professor M.V. Zainullin made a significant contribution to the development of Bashkir and Turkic linguistic science. His main scientific interests were concentrated in the field of language theory, general linguistics, Turkology, Bashkir linguistics, comparative study of the Bashkir and Russian languages, and he is also actively involved in sociolinguistics, cultural linguistics, intercultural communication, cognitive linguistics, linguistic and folkloristic studies and linguodidactics. In recent years, he has been actively conducting research activities on the problem of cognitive linguistics, in particular, cultural linguistics and linguistic folkloristics. He created a scientific school for Bashkir linguistics, developed the theory of modality in the modern Bashkir language. Under the guidance of Professor M.V. Zainullin carried out works on the linguoculturological description of the vocabulary of the Bashkir language, as well as on the analysis of the language and style of certain genres of Bashkir folklore. The views and ideas of the

scientist were fruitfully continued and developed in the scientific research of his students G.Kh. Bukharova, G.G. Kulsarina, Z.M. Raemguzhina, L.Kh. Samsitova, F.B. Sanyarov and others.

Ключевые слова: профессор М.В. Зайнуллин; башкирская лингвофольклористика; башкирское языкознание; тюркология.

Keywords: professor M.V. Zainullin; Bashkir linguistic folkloristics; Bashkir linguistics; Turkology.

М. В. Зайнуллин – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, академик Академии наук Республики Башкортостан – внёс значительный вклад в развитие башкирской и тюркской лингвистической науки. Его фундаментальные работы получили широкое признание не только в нашей республике, но и далеко за её пределами. Основные научные интересы профессора М.В. Зайнуллина были сосредоточены в области теории языка, башкирского языкознания, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Он плодотворно занимался изучением на материале башкирского и других тюркских языков таких функционально-семантических категорий, как темпоральность, персональность, аспектуальность и модальность. В статье «Языковая личность и национальный менталитет» М.В. Зайнуллин размышляет о феномене мультикультурной языковой личности, о картине мира разных этносов и, придя к заключению о том, что между языком и менталитетом существует несомненная связь, резюмирует: «Язык – это не просто средство коммуникации; язык – это философия мира, это представление об этом мире и неотъемлемый признак нации. За потерей языка следует разрушение исторической наследственности, связи времен, памяти» [Зайнуллин, 2015: 78]. Взгляды и идеи ученого были плодотворно продолжены и развиты в научных изысканиях его учеников Г.Х. Бухаровой, Г.Г. Кульсаринной, З.М. Раемгужиной, Л.Х. Самситовой, Ф.Б. Саньярова и др. В последние годы профессор М.В. Зайнуллин активно вёл научно-исследовательскую деятельность по проблеме лингвокогнитивистики, в частности, лингвокультурологии. История становления и развития башкирской лингвофольклористики в башкирском языкознании также связана с научной школой профессора М.В. Зайнуллина. Под его руководством были выполнены работы по лингвокультурологическому описанию лексики башкирского языка, а также по анализу языка и стиля отдельных жанров башкирского фольклора. Велась активная работа по составлению этнолингвистических словарей, тезаурусов, что также стало существенным вкладом в развитие башкирской филологической науки.

Язык башкирского фольклора всегда был в центре внимания исследователей. В отличие от художественных и публицистических произведений фольклорные тексты представляют собой стабильный источник, отражающий общенародный обиходный язык. В семидесятые годы прошлого века, рассматривая глагольные формы и средства выражения экспрессивности и эмоциональности в башкирском языке, М.В. Зайнуллин обращается к текстам народных сказок [Зайнуллин, 1974; 1976]. Анализируя отдельные лексические и синтаксические средства языка народной прозы, он приходит к выводу о том, что словесная ткань произведений башкирского устного народного творчества

требует многостороннего изучения. Эта идея ученого впоследствии была реализована в многочисленных научных исследованиях его учеников, где мы можем выделить несколько направлений в изучении фольклорного текста в башкирской лингвистике. Например, проведены исследовательские работы в русле грамматического, функционально-семантического и стилистического подходов. Особое внимание уделялось изучению лексического фонда и поэтического арсенала фольклорных произведений. В диссертации «Особенности языка и стиля эпоса “Урал-батыр”» [Саньяров, 1999] и монографии «Эпос “Урал-батыр”: опыт лингвистического исследования» Ф.Б. Саньярова рассматриваются лексико-стилистическое богатство небезызвестного памятника башкирского народа, подробно описываются употребление в его словесной ткани морфологических категорий и средств образности языка [Саньяров, 2006]. Анализу словесной ткани башкирских народных сказок была посвящена наша монография, в которой были выявлены лексические, синтаксические и стилистические особенности, определены традиционные формульные речупотребления народной прозы [Кульсарина, 2009]. Этноязыковой картине мира башкир была посвящена монография «Национальная языковая картина мира в текстах башкирского фольклора» [Кульсарина, 2017]. Нами также был подготовлен и издан словарь-справочник «Концептосфера башкирского фольклора» [Кульсарина, 2017].

Среди работ, посвященных лингвокультурологическому анализу лексической системы башкирского фольклора, выделяются труды Л.Х. Самситовой. Результаты научных поисков Л.Х. Самситовой базируются на обширном языковом материале, долю которого составляют фольклорные тексты. В третьей главе своей докторской диссертации «Вербализация культурных концептов в башкирском фольклоре» она обращается к опубликованным устно-поэтическим текстам и отмечает, что «культурные концепты, репрезентируемые в фольклорном тексте, содержат значительный объем этнокультурной информации и обладают когнитивной направленностью, употребляясь в текстах при описании человека и окружающей его действительности» [Самситова, 2015: 500]. Самситовой Л.Х. подготовлены и изданы глоссарии, отражающие духовную культуру башкирского народа: «Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь» [Самситова, 2010], «Концептосфера башкирского фольклора. Лингвокультурологический словарь» [Самситова и др., 2013].

Что касается термина «башкирская лингвофольклористика», то он впервые был использован в нашей совместной в статье с профессором М.В. Зайнуллиным «Актуальные проблемы современной башкирской лингвофольклористики» [Зайнуллин, Кульсарина, 2008]. В статье «Языковая картина мира в башкирских загадках» были намечены перспективы дальнейшего изучения специфики отражения языковой картины мира в разных жанрах башкирского фольклора в диахроническом аспекте [Зайнуллин, Кульсарина, 2009: 57]. За последние годы в центре нашего внимания оказались

разные жанры башкирского фольклора, ставшие объектом функционально-семантического и концептуально-дискурсивного анализа.

Из учеников М.В. Зайнуллина значительный вклад в развитие башкирской лингвофольклористики внесла профессор Г.Х. Бухарова. Так, в её докторской диссертации «Башкирский народный эпос “Урал-батыр”»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ» известный эпос башкирского народа анализируется как фольклорно-речевой дискурс в рамках интегративного подхода. Как правильно заметила автор работы, «наиболее важной функциональной категорией фольклорного дискурса в семантическом и культурологическом планах является интертекстуальность, что означает способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты» [Бухарова, 2009: 16]. В монографии «Башкирский народный эпос “Урал-батыр”»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ» Г.Х. Бухарова особое внимание уделяет рассмотрению семантического пространства в смысловой структуре эпоса и описанию мифопоэтической картины мира, представленной в тексте известного героического эпоса [Бухарова, 2008]. Г.Х. Бухаровой был издан глоссарий «Башкирская ономастика в контексте духовной культуры. Словарь мифотопонимов» [Бухарова, 2006].

З.М. Раемгужина, внесшая вклад в изучение антропонимической системы башкирского языка, также отмечает, что обычаи, поверья, привычки закрепляются в антропонимической системе в виде отдельных имен (или их опорных компонентов) и таким образом вливаются в память культуры [Раемгужина, 2009: 10]. Практической ценностью обладает трехязычный паремиологический словарь: «Башкирско-русско-немецкий словарь пословиц и поговорок» З.М. Раемгужиной [Раемгужина, 1995].

Одним из перспективных направлений в лингвофольклористике, по нашему мнению, является сопоставительное исследование произведений народного творчества на материале разноструктурных языков. Сопоставительный лингвокультурологический анализ башкирского и русского фольклорных текстов был апробирован нами в ряде статей, а также в учебных пособиях для вузов и школ республики. В пособии для учителей «Изучение языковой картины мира в школе: опыт сопоставительного и лингвокультурологического описания (на материале башкирских и русских текстов)» нами был продемонстрирован лингвокультурологический анализ башкирского и русского фольклорных текстов с приложением словаря-минимума терминов по лингвокультурологии [Кульсарина, Салимова, 2012].

Таким образом, большую роль в становлении и развитии башкирской лингвофольклористики играла научная школа профессора М.В. Зайнуллина. Значительный вклад он внес в подготовку научных и научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защищено более десяти докторских и пятидесяти кандидатских диссертаций.

Литература

1. **Бухарова, Г. Х.** Башкирская ономастика в контексте духовной культуры. Словарь мифотопонимов / Г. Х. Бухарова. – Уфа : Гилем, 2006. – 112 с.
2. **Бухарова, Г. Х.** Башкирский народный эпос «Урал-батыр» : когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : монография / Г. Х. Бухарова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 352 с.
3. **Бухарова, Г. Х.** Башкирский народный эпос «Урал-батыр» : когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бухарова Гульнур Харуновна. – Уфа, 2009. – 49 с.
4. **Зайнуллин, М. В.** Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок / М. В. Зайнуллин // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1974. – С. 92–97.
5. **Зайнуллин, М. В.** Средства выражения эмоциональности и экспрессивности в башкирских сказках. Фольклор народов РСФСР / М. В. Зайнуллин. – Уфа, 1976. – С. 45–49.
6. **Зайнуллин, М. В.** Актуальные проблемы современной башкирской лингвокультурологии / М. В. Зайнуллин, Г. Г. Кульсарина // Актуальные проблемы региональной фольклористики, литературоведения и лингвистики. – Уфа : Изд-во БГУ, 2008. – С. 66–75.
7. **Зайнуллин, М. В.** Языковая картина мира в башкирских загадках / М. В. Зайнуллин, Г. Г. Кульсарина // С любовью к родному краю : сборник научно-популярных статей. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – С. 51–58.
8. **Зайнуллин, М. В.** Языковая личность и национальный менталитет / М. В. Зайнуллин // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 3. – С. 73–78.
9. **Кульсарина, Г. Г.** Язык и стиль башкирских народных сказок : монография / Г. Г. Кульсарина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – 144 с.
10. **Кульсарина, Г. Г.** Изучение языковой картины мира в школе : опыт сопоставительного и лингвокультурологического описания (на материале башкирских и русских текстов) : пособие для учителя / Г. Г. Кульсарина, Л. М. Салимова. – Уфа : НМЦ Педкнига, 2012. – 158 с.
11. **Кульсарина, Г. Г.** Концептосфера башкирского фольклора : словарь-справочник / Г. Г. Кульсарина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – 76 с.
12. **Кульсарина, Г. Г.** Национальная языковая картина мира в текстах башкирского фольклора : монография / Г. Г. Кульсарина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – 350 с.
13. **Раемгужина, З. М.** Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования) / З. М. Раемгужина. – Уфа, 2009. – 48 с.
14. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в башкирской языковой картине мира : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Самситова Луиза Хамзиновна. – Уфа, 2015. – 578 с.
15. **Саньяров, Ф. Б.** Особенности языка и стиля эпоса «Урал-батыр» / Ф. Б. Саньяров. – Уфа, 1999. – 164 с.

16. **Рәйемғужина, З. М.** Башкортса-урыҫса-немецса мәкәлдәр һәм әйтемдәр һүзлегә / З. М. Рәйемғужина. – Өфө, 1995. – 96 б.

17. **Саньяров, Ф. Б.** «Урал батыр» : лингвистик тикшереп тәҗрибәһе : монография / Ф. Б. Саньяров. – Өфө : БДУ, 2006. – 175 б.

18. **Сәмситова, Л. Х.** Башкорт тел картинаһында мазәниәт концепттары. Лингвокультурологик һүзлек / Л. Х. Сәмситова. – Өфө : Китап, 2010. – 164 б.

19. **Сәмситова, Л. Х.** Башкорт фольклоры концептосфераһы. Лингвокультурологик һүзлек / Л. Х. Сәмситова. – Өфө : Китап, 2013. – 492 б.

УДК 821.161.1

*Кульсарина И.Г.,
Башкирский государственный университет,
Российская Федерация*

БАШКИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БАШКОРТОСТАНА

Аннотация. В статье анализируются идейно-художественные функции сюжетов и образов башкирского фольклора в творчестве русскоязычных писателей Башкортостана. Особое внимание уделено роли устного народного творчества в идейно-художественной структуре произведений Р. В. Паля, А. П. Филиппова и других писателей республики. Выявлены приемы и принципы использования фольклорного материала в авторском тексте.

Abstract. The article analyzes the ideological and artistic functions of plots and images of Bashkir folklore in the works of Russian-speaking writers of Bashkortostan. Special attention is paid to the role of oral folk art in the ideological and artistic structure of the works of R. V. Pal, A. P. Filippov and other writers of the Republic. Techniques and principles of using folklore material in the author's text are revealed.

Ключевые слова: русскоязычная проза Башкортостана; мотивы и образы башкирского фольклора; духовная культура башкир.

Keywords: Russian-language prose of Bashkortostan; motives and images of Bashkir folklore; spiritual culture of Bashkirs.

Исследование вопросов литературного фольклоризма – одно из перспективных направлений филологии второй половины XX – начала XXI вв. Разным типам фольклоризма были посвящены работы В. Е. Гусева, У. Б. Далгат, Л. И. Емельянова, Д. Н. Медриша, А. М. Новиковой, Б. Н. Путилова, Н. И. Савушкиной, А. И. Лазарева и др. Литературно-фольклорная проблема, безусловно, вызывает большой методологический и теоретический интерес. Особенно актуальным представляется нам исследование форм и принципов использования авторами инонационального фольклора. Как показывает богатая сокровищница русской литературы о Башкортостане, многие авторы при изображении жизни, быта и культуры коренного населения края обращаются к их фольклору. Это объясняется тем фактом, что произведения устного творчества являются исторически глубоким художественным обобщением жизненного опыта и мировоззрения народа,

отражением национального характера. Вопросы творческого использования русскими писателями XIX – начала XX в. сюжетов и мотивов башкирского фольклора были отражены в трудах М. Г. Рахимкулова, А. Н. Усманова, А. Н. Киреева, Л. Г. Барага, В. Г. Прокшина и других ученых в контексте изучения башкирской тематики в русской литературе [Рахимкулов, 1988, 1994; Усманов, 1953; Киреев, 1957; Бараг, 1958].

В произведениях русских писателей о Башкортостане часто встречаются топонимические предания и легенды. В некоторых случаях народное название местности выносится в заглавие произведения: «Тайна Абзаковской лиственницы» (Н. Г. Кондратовская), «Шульган-таш» (Н. Л. Грахов), «Соловьиное горло Урала» (Р. В. Паль), «Снова над Белым озером...» (Г. П. Молодцов), «Опять увидел я лаклинские поля...» (М. Д. Львов) и т.д. Часто встречаются они в тексте художественных произведений в виде цитат. Собственно цитата может использоваться как на фабульном, так и внефабульном уровне. Если первая форма часто встречается в исторических, то вторая преобладает в документальных жанрах (в статьях, очерках, путевых зарисовках) литературы. Основная функция топонимических преданий в структуре художественных произведений – информативная. Авторы часто обращаются к ним, чтобы объяснить название местности, где происходят изображаемые в произведении события. В повести Р. В. Паля «Оглянусь – постою, постою – подумаю...» использованы топонимические легенды о стерлитамакских шиханах Йорак-тау, Куштау, Шахтау. Автор приводит также и русские названия гор: «Согласно существующим легендам, башкиры называют её Йорак-тау, то есть Сердце-гора. Русское название Лысая...» [Паль, 1975: 324].

Образцы башкирского фольклора часто встречаются в творчестве Р. В. Паля. Так, в повести о дважды Герое Советского Союза Мусе Гарееве «Есть у неба земля» использованы сюжеты башкирских преданий и легенд, а также образцы афористического жанра. В восьми главах повести автор, удачно используя прием ретроспекции, рельефно воссоздает юношеские и зрелые годы известного летчика. В раскрытии неординарного характера героя и в индивидуализации его речи важную роль играют образцы устной прозы. Так, на слова одного из сослуживцев, что он со своими золотыми звездами проживет легко и спокойно, Мусса ответил: «У нас в народе говорят: «Чтобы достать высокое, нужно подняться высоко» [Паль, 1975: 31].

В образе славного летчика писатель показал истинного патриота, глазами которого читатель видит красивые места башкирского края, овеянные легендами и преданиями. Так, в пятой главе герой вспоминает легенды о реке Агидель, о стерлитамакских шиханах. Он с гордостью думает о лесах и степях, горах и равнинах Башкирии и заключает: «Хорошее место выбрали для себя наши предки!» [Паль, 1975: 98]. Он искренне любит свою малую родину – деревню Таш Чишму. В седьмой главе повести «В родном краю. Легкой жизни не было. Есть у неба земля!» описываются детские годы героя. Рядом с родной деревней Мусы протекал прозрачный, выбивающийся прямо из камней родник. Название его Таш Чишма, что в переводе с башкирского означает Каменный

Ключ, закрепилось и за деревней. Автор показывает, как сильное воспитывающее значение имели сказки, легенды и предания старины в формировании характера героя. Повествование Багау-бабай об Урале, отважно защищавшего свой народ от хищных и кровожадных соседей, обессмертившего живой водой родную землю, глубоко запало в душу маленького Мусы. Жизненные принципы Гареева оформились уже в эти годы. «Я бы поступил, как и Урал-батыр. Все-таки самое главное, чтобы была бессмертной наша земля, чтобы никакой враг не смог ее победить...», – говорит он своим друзьям [Паль, 1975: 168]. Увлеченный техникой и авиацией Муса поступает в школу военных летчиков и остается верным отцовскому завету: «Есть у неба и земля». Писатель выделяет еще одну грань в характере М. Гареева: находчивость и сообразительность. Так, рассказав командиру полка башкирскую сказку о хитром мужике, обманувшем двух жадных баев и съевшем гуся, Гареев говорит: «Побеждают не только силой, но и хитростью, находчивостью, расчетом. Это я к тому, что много еще в наших действиях шаблона. А фашист не глуп» [Паль, 1975: 129]. Писатель сумел показать образ беззаветно служившего своей стране летчика, у которого не были бескрылыми и годы, проведенные без полетов на земле.

В повести «Земля родная – живая и мертвая» Р. В. Паля использован сюжет об Акбузате в связи с раскрытием этимологии Горы Белого Жеребенка. По преданию, рассказанному отцом героя, жеребенок спасается от нападавших на него волков, поднявшись на своих крыльях в небо. С детских лет мечтает Егор Кирюхин об Акбузате, а когда его друг Минтимер подарил ему жеребенка, то тот стал не только его незаменимым помощником в хозяйстве, но и другом, разделяя с ним все беды и тяготы его судьбы. Однако, в отличие от легендарного Акбузата, конь Егора не смог уйти и спастись от кровожадных волков.

Особое место занимает башкирский фольклор в творчестве народного поэта Башкортостана А. П. Филиппова. В стихотворении «Не цветы под ногами, а камни...», посвященном М. Кариму, поэт размышляет о трудностях, встречающихся на пути творца. При этом умело включает в поэтическую структуру стихотворения башкирскую пословицу: «Если конь спотыкается нечаянно, / Не считают погибшим коня. / Так и в жизни прощают отчаянных / И напористых вроде меня» [Филиппов, 2006: 35]. В стихотворении «Башкиры», посвященном Газиму Шафику, А. П. Филиппов приводит пословицу: «Телега сломается – будут дрова, / А лошадь падет – будут шкура и мясо» [Филиппов, 2006: 408]. Она использована для создания контрастных образов: равнодушным и беспечным людям, о которых так мудро выразился народ в вышупомянутом образце, противопоставляются борцы за справедливость и свободу. В рассказе «Единственная дочь Ибрагима» русский писатель обращается к пословице: «Хорош аркан, когда длинный, а язык – короткий» [Филиппов, 2008: 198]. Так подумал герой рассказа Ибрагим, узнав о том, что Садык не раскрыл его дочери давнюю семейную тайну. В данном произведении А. П. Филиппов также использовал сюжет башкирской легенды о птицах Сак и Сук. Главный герой вспоминает историю, рассказанную ему еще в детстве дедом, услышав ночью

монотонные птичьи крики, похожие на плач. Птицы напомнили старику о грустных событиях, произошедших в военное время. В стихотворении «Акбузат» А. П. Филиппова с образом мифического коня сравнивается быстротечность человеческой жизни.

Многие художники слова, размышляя о духовных корнях башкир, обращаются к прошлому народа, отчасти их произведения приобретают форму исторических преданий. Так, в рассказах Ш. Хазиахметова «Порт-Артур», «Исповедь семьи Пушкаревых» использована форма воспоминаний. В последнем из них описывается история одной семьи, где исповедь матери, отца и сына своеобразно раскрывает перед читателем судьбу башкирской женщины Мадины, связавшей свою жизнь с русским парнем Павлом. Автор вводит в текст исторические рассказы о нугайцах, пословицы и приметы.

Таким образом, мотивы и образы башкирского фольклора сыграли важную роль в сюжетостроении, сохранении местного колорита, раскрытии духовного мира героев и совершенствовании стиля и поэтики произведений русских авторов о Башкортостане.

Литература

1. **Бараг, Л. Г.** Башкирия и башкиры в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. Г. Бараг // Литературная Башкирия. – 1958. – № 11. – С. 185–195.
2. **Киреев, А. Н.** Русские писатели о Башкирии / А. Н. Киреев // Эдэби Башкортостан. – 1957. – С. 32–34.
3. **Паль, Р. В.** Есть у неба земля : повесть / Р. В. Паль. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1975. – 192 с.
4. **Рахимкулов, М. Г.** Народной мудрости родник. Башкирский фольклор в русской литературе / М. Г. Рахимкулов. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1988. – 184 с.
5. **Рахимкулов, М. Г.** Воспевшие Салавата. Образ батыра в русской литературе (Художественно-краеведческие очерки) / М. Г. Рахимкулов. – Уфа : Китап, 1994. – 160 с.
6. **Усманов, А. Н.** Башкиры в произведениях А. С. Пушкина / А. Н. Усманов // Записки Института истории, языка и литературы БФАН СССР. – Уфа, 1953. – С. 63–76.
7. **Хуббитдинова, Н. А.** Художественное отражение фольклора в литературе XIX в.: к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей / Н. А. Хуббитдинова. – Уфа, 2011. – 126 с.
8. **Филиппов, А. П.** Избранное. Т.1 / А. П. Филиппов. – Уфа : Китап, 2006. – 504 с.
9. **Филиппов, А. П.** Избранное. Т.3 / А. П. Филиппов. – Уфа : Китап, 2008. – 472 с.

*Латипова Р.М.,
Өфө киң профилле һөнәр биреү колледжы,
Рәсәй Федерацияһы*

З.Г. УРАКСИНДЫҢ ЙӘШ ҒАЛИМДАР ӘЗЕРЛӘУ ҺӘМ ҮСТЕРЕҮЗӘГЕ РОЛЕ

Аннотация. Данная статья посвящена научной деятельности выдающегося ученого, известного лингвиста, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора З.Г. Ураксина. Подчеркивается неопределимая роль ученого в развитии и сохранении башкирского языкознания, воспитании молодых ученых.

Abstract. This article is devoted to the scientific activity of the outstanding scientist, famous linguist, academician Of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, doctor of Philology, Professor Z. G. Uraksin. The invaluable role of the scientist in the development and preservation of Bashkir linguistics, education of young scientists is emphasized.

Ключевые слова: ученый, лингвист, научная деятельность, башкирское языкознание, лексикология, лексикография, фразеология.

Keywords: scientist, linguist, scientific activity, Bashkir linguistics, lexicology, lexicography, phraseology.

2020 йылдың 5 ноябрҙә бөйөк телсе-ғалим, Башкортостан Республикаһы Фәндәр академияһының мөхбир ағзаһы, фиология фәндәре докторы, профессор, Рәсәй Федерацияһының һәм Башкортостан Республикаһының атказанған фән эшмәкәре, Башкортостан Республикаһының Халыктар дуслығы ордены кавалеры Зиннур Ғәзиз улы Ураксинға 85 йәш булып ине.

Зиннур Ғәзиз улы – күп яклы шәхес. Ул күренекле ғалим, тел белгесе генә түгел, Башкортостан Республикаһы Языусылар союзы ағзаһы ла була. Уның «Карат» (2003), «Карауанһарай» (2008) романдарын, «Дауаларын кайзан табырға?» (2001) драмаһын, «Яраларҙы төзәткәндә..?», «Әрем әсәһе», «Көрәш» (2002) повестарынын һәм уймак хикәйәләрен укыусылар бик йылы кабул итте.

Илем, милләтем тип янып йәшәгән, туған тел һағында торған бөйөк ғалим әүзем йәмәғәт эшмәкәре лә ине. 1995-2002 йылдарҙа – Бөтә донъя башкорттары королтайының башкарма комитеты рәйесе урынбағары, 1994-2004 йылдарҙа Башкортостан Республикаһы Президенты советы ағзаһы була. Башкорт теленә дәүләт статусы биреү мәсьәләһе күтәрелгәндә абруйлы ғалим үзенә төплө фекерен әйтә, кәрәкле документтар әзерләүгә зур өлөш индерә, дәүләт программаларын төзөүҙә, “Башкортостан Республикаһы халыктары телдәре тураһында” Законды әзерләүҙә катнаша. Башкортостан Республикаһы Президенты яныдағы Терминологик комиссияны етәкләй, Башкортостан Республикаһының ЮНЕСКО эштәре буйынса комитеты ағзаһы була. Ғалим башкорт теленә торошо, кулланылыу даирәһе, уны һаҡлау һәм үстереү проблемалары буйынса кыйыу сығыштар яһай. Был материалдар “Телем минең – язмышым” йыйынтығында баһылып сыға [Ураксин, 2002].

З.Ғ. Ураксин Башкорт дәүләт университетының филология факультетында уқығанда ук фән менән ныклап кызыкһына башлай, ғилми-ғәмәли конференцияларға сығыш яһай. Жәлил Кейебаев, Талмас Ғарипов кеүек күренекле тел белгестәре мәктәбен үткән ижади эзләнеүсә артабанғы тормошон фән менән бәйләй һәм ғүмеренең һуңғы көндәренә тиклем ғилми эзләнеү эшенә тоғро қала. 1963 йылдан алып Тарих, тел һәм әзәбиәт институтында эшләй, унда ябай ғилми хезмәткәрзән директор дәрәжәһенә тиклем күтәрелә.

Ғалим башкорт тел ғилеменә лексикология, лексикография, терминология, фразеология, ономастика, социоллингвистика өлкәләрен, төрки телдәрзән грамматик төзөлөшөн ентекле өйрәнә. 1966 йылда “Хәзерге башкорт әзәби телендә фразеологик синонимдар” темаһына – кандидатлык, 1975 йылда “Башкорт теле фразеологияһы” темаһына докторлык диссертацияһы яқлай. Тикшеренәү һөзөмтәләре “Башкорт теленә фразеологияһы” исемле монографияһында һәм башка 300-гә яқын ғилми хезмәтендә сағылыш таба. Теоретик мәсьәләләрзә хәл итеүзән тыш, ул башкорт лексикографияһын үстәреүгә арымай-талмай хезмәт итә. Уның тарафынан “Русса-башкортса фразеологик һүзлек” [Ураксин, 1989], “Башкорт теленә синонимдар һүзлегә” [Ураксин, 1985, 2000], “Кысқаса русса-башкортса һүзлек” [Ураксин, 1994], “Башкорт теленә фразеология һүзлегә” [Ураксин, 1996, 2006] һәм башка һүзлектәр төзөлә һәм донъя күрә. Ул шулай ук ике томлы башкорт теленә аңлатмалы һүзлеген (1993), башкортса-русса (1996) һәм ике томлык русса-башкортса (2005) һүзлектәрзән төзөүсә һәм мөхәррирзәренә береһе. 1993-1998 йылдарға Башкорт энциклопедияһы ғилми-мөхәрририәте баш мөхәррире һәм рәйесе була. Шулай ук республикалағы “Йәдкәр”, бөтә Рәсәй кимәлендә “Совет төркиәте” журналдары мөхәрририәте составында эшләй.

Туған телде уқытыу методикаһы өстөндә лә эшләй телсе-ғалим, байтак укыу кулланмаларын төзөүзә катнаша. Мәсәлән, Ф.Ғ. Хисамитдинова, М.Әрсен-Раш менән бергә башкорт телен башлап өйрәнәүселәр өсөн “Башкорт теле? Рәхим итегез!” [Башкирский, 2000]; Э.Ф.Ишбирзин, Г.М.Котлобаева, М.Х.Әхтәмовтар менән башкорт мәктәптәренә 5-9-сы класс укытыусылары өсөн “Кызыклы грамматика” кулланмаһы [Ураксин, 1973, 1979, 1993]; Э.Ф.Ишбирзин менән авторзашлыкта урта мәктәп укыусыларына кластан тыш файзаланыу өсөн “Туған тел серзәре” [Ураксин, 1983] һ.б. Уның етәкселегендә авторзар коллективы педагогия юғары укыу йорттары студенттары өсөн “Хәзерге башкорт теле” [Современный, 1986] дәреслеген төзөй.

З.Ғ.Ураксиндың башкорт һәм башка төрки телдәре тураһында лекцияларын Башкорт дәүләт университеты, М.Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты, З.Биишева исемендәге Стәрлетамак дәүләт педагогия академияһы (хәзер: БДУ-ның Стәрлетамак филиалы) студенттары ғына түгел Төркиә һәм Германияла ла зур кызыкһыныу менән тыңлайзар.

Ғалимдың йәш белгестәр, йәш ғалимдар әзерләүгә индергән өлөшө айырыуса зур. Тәүге аспиранты К.Ғ. Ишбаев (1937-2015) 1975 йылда башкорт телендә кылымдың инфинитив формалары буйынса кандидатлык диссертацияһын уңышлы яқлай [Ишбаев, 1975]. Остазының кәңәштәре менән 1996 йылда башкорт теленә һүзьяһалыш системаһы буйынса докторлык

дәрәжәһен ала [Ишбаев, 1996]. Киләһе шәкерте Ғ.Ғ. Каһарманов ижтимағи-сәйәси терминологияны ентекле өйрәнәп, уның структур-семантик үзенсәлектәрен асықлай, 1979 йылда «Башкорт эзәби телендә ижтимағи-сәйәси терминологияның формалашыуы һәм үсешә» тигән темаға кандидатлык диссертацияһы яқлай [Каһарманов, 1979]. Ошо ук йылда З.Ғ. Ураксин тағы бер укыусыһы У.Ф. Нәзәрғоловтың “Һарытау һәм Куйбышев өлкәләре һөйләштәре” темаһына язылған эшен яқлауға сығара [Надергулов, 1979].

Күп профилле ғалимдың аспиранттары тикшеренәү эшен төрлө йүнәләштә алып бара. Х.А. Толомбаев диссертацияһын башкорт мәктәптәрендә туған тел дәрестәрендә балаларзың язма телмәрен үстәреүгә арнай [Тулумбаев, 1982]. В.П. Гуцинаның тикшеренәүзәре XVII-XVIII быуаттарзағы рус телендәге сығанактарза төрки һүзәрәнең кулланылыш үзенсәлектәрен өйрәнәүгә [Гуцина, 1984], ә З.Б. Ғәниеваның хезмәте [Ганеева, 1985] хәзәрге башкорт телендә билдәләлек һәм билдәһезлекте белдәреүсә сараларға бағышлана.

Тел, эзәбиәт һәм тарих институтында эшләп киткән һәм хәзәрге вақытта эшләүсә байтак ғалимдарзың да ғилми етәксәһә тап З.Ғ. Ураксин була. Улар араһында З.Ғ. Уразбаева, Ш.В. Нафиков, Г.Д. Зәйнуллина, И.Ғ. Илишев, Н.Ф. Суфьянова, Г.Н. Баһауәтдинова, Р.Н. һазыева, Ф.Х. Ғарипова, Р.Ә. Сәләймәнова кеүек тел ғилемән, башкорт лексикографияһын үстәреүгә зур өләш индәргән, фундаменталь хезмәттәре [Уразбаева, 1980; Нафиков, 1987; Зәйнуллина, 1988; Илишев, 1990; Суфьянова, 1993; Баһауәтдинова, 2001; Хадыева, 2003; Гарипова, 2005, Сәләймәнова, 2006] менән халқыбызға хезмәт иткән билдәле телсәләребез бар.

Башкорт теленә республикабызза ғына түгел, башкорттар күпләп йәшәгән төбәктәртә лә иғтибар көсәйгән осорза Ырымбур дәүләт университетынан Л.Ф. Әбүбәкерованы ла З.Ғ. Ураксин үз канаты астына ала. Аспирант 2003 йылда башкорт телендә аналитик кылымдар һәм уларзың семантик-грамматик үзенсәлектәктәренә арналған диссертацияһын яқлай [Абубакирова, 2003].

Ғөмүмән, З.Ғ.Ураксин төрлө укыу йорттарына кадрзар әзерләүгә тос өләш индәрә. Урал арьяғында 1990 йылда асылған Сибай институтына (ул вақытта: Башкорт дәүләт педагогия институтының Сибай филиалы, хәзәр: Башкорт дәүләт университетының Сибай институты (филиал)) кадрзар әзерләүзә ярзам итә. Уның “Башкорт телендә кабатлаулы һүзәрзәң структур-семантик төртәре һәм функциялары” темаһына яқлаған шәкерте Р.Ғ. Зәкирова [Зәкирова, 1987] 90-сы йылдарза ошо укыу йортонда эшләй. Филиал асылыузың тәүге йылдарынан эшләгән Х.Б. Нурғәлина һәм Р.Ә. Галина шулай ук Зиннур Ғәзиз улы етәксәлегендә ғилми-тикшеренәү эштәрен башкара. Р.Ә.Галинаның хезмәте руссанан башкортсаға эзәби тәржемәләртә милли үзенсәлектәртә бирәүгә [Галина, 2000], Х.Б. Нурғәлинаның эше башкорт художестволы эзәбиәтендә фразеологик берәмәктәртәң кулланылышын тикшерәүгә арнала [Нурғалина, 2002].

Күп йылдар “Йыл укытыусыһы” конкурсында жюри ағзаһы булған З.Ғ. Ураксин бәйгеләртәң берәһендә Сибай институтының икенсә сығарылыш

студенты, йәш укытыусы Р.М. Латыпованың сығышын күреп, уны артабан укыуын камиллаштырырға аспирантураға сақыра. Етәксеһе кулындағы 1902 йылда басылған “Евангелие” (“Инжил”) китабының башкортса тәржемәһе аспирантта кызыкһыныу уята. Ғалим уға XIX быуат азағы – XX быуат башындағы рус графикаһын булдырыуға ынтылыштар, ошо осорза кириллица нигезендә басылған һүзлек, дәрәслек һәм тәржемәләрҙе өйрәнәү йүнәлешен бирә. Р.М. Латыпова был сығанактарҙы лингвистик күзлектән анализлап, тел тарихы буйынса диссертацияһын уңышлы яклай һәм БДУ-ның Сибай институтына (филиал) әйләнеп кайта [Латыпова, 2005].

З.Ғ. Ураксиндың шәкерттәре араһында Хакасия һәм Төркиә вәкилдәре лә бар. М.С. Торокова (1968-2000) хакас теле лексикологияһы, атап әйткәндә, кылымдарҙа синонимия күренеше буйынса кандидатлык диссертацияһын яклаһа [Торокова, 1998], Төркиә егете Исмет Бинерҙың хезмәте башкорт мәкәл һәм әйтемдәренә тел-стиль үзенсәлектәрен өйрәнәүгә арнала [Исмет Бинер, 2004].

Ғөмүмән, Зиннур Ғәзиз улы етәкселегендә 23 телсе кандидатлык һәм докторлык диссертациялары яклай. Тағы шуны билдәләргә кәрәк: Л.А. Боҫконбаева башкорт телендә телмәр экономияһына арналған тикшеренәү эшен З.Ғ.Уракин етәкселеге астында башлай, артабан был йүнәлеште филология фәндәре докторы Э.Ф.Ишбирзин етәкләй [Бускунбаева, 2009]. Г.Н. Йәғәфәрованың докторлык диссертацияһы темаһын билдәләргә лә З.Ғ. Ураксин ярзам итә [Ягафарова, 2018].

З.Ғ.Ураксин шәкерттәренә кызыклы темалар тәкдим итеп, дөрөс йүнәлеш биреүсе талантлы етәксе, уларға фән өлкәһендә лә, тормошта ла алмаштырғыһыз укытыусы булды ул. Күп профилле ғалимдың укыусылары бөгөн уның башланғыстарын дауам итә, хезмәттәрен өйрәнә һәм үстәрә.

Әзәбиәт

1. **Абубакирова, Л. Ф.** Аналитические глаголы в башкирском языке и их семантико-грамматические особенности : специальность 10.02.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хадыева Р. Н. – Уфа, 2003. – 26 с.

2. **Багаутдинова, Г. Н.** Традиционная военная лексика башкирского языка : специальность 10.02.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Багаутдинова Гульназ Нурфаезовна. – Уфа, 2001. – 20 с.

3. Башкирский язык? Пожалуйста! : учебное пособие / Ф. Г. Хисамитдинова, М. Эрсен-Раш, З. Г. Ураксин. – Уфа : Китап, 2000. – 248 с.

4. Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. – Москва : Дигора : Русский язык, 1996. – 865 с.

5. **Бускунбаева, Л. А.** Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке : специальность 10.02.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бускунбаева Лилия Айсовна. – Уфа, 2009. – 22 с.

6. **Галина, Р. А.** Передача национального своеобразия в художественном переводе с башкирского языка на русский : специальность 10.02.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галина Рашида Ахмадиевна. – Уфа, 2000. – 25 с.

7. **Ганеева, З. Б.** Средства выражения определенности и неопределенности в современном башкирском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Ганеева З. Б. – Уфа, 1685. – 16 с.

8. **Гарипова, Ф. Х.** Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан : специальность 10.02.19 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гарипова Файруза Хависовна. – Уфа, 2005. – 21 с.

9. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1981. – 495 с.

10. **Гущина, В. П.** Функционирование и семантическая эволюция тюркизмов (на материале памятников XVII–XVIII вв.) : специальность 10.02.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гущина Вера Петровна. – Саратов, 1984. – 16 с.

11. **Зайнуллина, Г. Д.** Формирование и развитие башкирской лингвистической терминологии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Зайнуллина Г. Д. – Уфа, 1988. – 25 с.

12. **Закирова, Р. Г.** Структурно-семантические типы и функции слов-повторов в башкирском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Закирова Р. Г. – Уфа, 1987. – 20 с.

13. **Илишев, И. Г.** Актуальное членение предложения в башкирском и английском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Илишев И. Г. – Москва, 1990. – 24 с.

14. **Исмет Бинер.** Особенности языка и стиля пословиц и поговорок в башкирском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Исмет Бинер. – Уфа, 2004. – 26 с.

15. **Ишбаев, К. Г.** Инфинитивные формы глагола в башкирском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ишбаев Карим Гайсеевич. – Уфа, 1975. – 28 с.

16. **Ишбаев, К. Г.** Проблемы словообразовательной системы башкирского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ишбаев Карим Гайсеевич. – Уфа, 1996. – 37 с.

17. **Кагарманов, Г. Г.** Формирование и развитие общественно-политической терминологии башкирского литературного языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Кагарманов Г. Г. – Уфа, 1979. – 21 с.

18. **Латыпова, Р. М.** Письменные источники конца XIX–начала XX вв. и их влияние на формирование башкирского литературного языка (на основе русской и латинской график) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Латыпова Р. М. – Уфа, 2005. – 24 с.

19. **Надергулов, У. Ф.** Говор Саратовской и Куйбышевской областей : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Надергулов У. Ф. – Алма-Ата, 1979. – 24 с.

20. **Нафиков, Ш. В.** Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке (синхронная и сравнительная характеристика) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Нафиков Ш. В. – Уфа, 1987. – 24 с.

21. **Нургалина, Х. Б.** Функционирование фразеологических единиц в башкирской художественной литературе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Нургалина Х. Б. – Уфа, 2002. – 20 с.

22. Русско-башкирский словарь : [в 2 томах] / под ред. З. Г. Ураксина. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. – 2 т.

23. **Тулумбаев, Х. А.** Развитие письменной речи учащихся башкирской школы на уроках родного языка (с использованием средств синтаксической стилистики) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Тулумбаев Х. А. – Москва, 1982. – 17 с.

24. **Уразбаева, З. Г.** Вариантность слова в современном башкирском литературном языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Уразбаева З. Г. – Уфа, 1980. – 24 с.

25. **Ураксин, З. Г.** Словарь синонимов башкирского языка / З. Г. Ураксин; под ред. Т. М. Гарипова. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1966. – 272 с.

26. **Ураксин, З. Г.** Фразеологические синонимы в современном башкирском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ураксин Зиннур Газизович. – Уфа, 1966. – 18 с.

27. **Ураксин, З. Г.** Занимательная грамматика (для учащихся 5-9 классов башкирских школ) / З. Г. Ураксин, Э. Ф. Ишбердин, Г. М. Кутлубаева, М. Х. Ахтямов. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1973. – 128 с.

28. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка. – Москва : Наука, 1975. – 192 с.

29. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ураксин Зиннур Газизович. – Уфа, 1975. – 53 с.

30. **Ураксин, З. Г.** «Инжил» как источник изучения истории башкирского языка / З. Г. Ураксин // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 98–103.

31. **Ураксин З. Г.** Тайны родного языка / З. Г. Ураксин, Э. Ф. Ишбердин. – Уфа : БКИ, 1983. – 64 с.

32. **Ураксин, З. Г.** Словарь синонимов башкирского языка / З. Г. Ураксин; под ред. Т. М. Гарипова. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1985. – 164 с.

33. **Ураксин, З. Г.** Русско-башкирский фразеологический словарь / З. Г. Ураксин; под ред. Э. Р. Тенишева. – Уфа, 1989. – 404 с.

34. **Ураксин, З. Г.** Краткий русско-башкирский словарь / З. Г. Ураксин. – Уфа, 1994. – 312 с.
35. **Ураксин, З. Г.** Фразеологический словарь башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Уфа : Китап, 1996. – 289 с.
36. **Ураксин, З. Г.** Язык мой – судьба моя / З. Г. Ураксин. – Уфа: Гилем, 2002. – 119 с.
37. **Ураксин, З. Г.** Горечь полыни : повесть, рассказы / З. Г. Ураксин. – Уфа, 2002. – 220 с.
38. **Ураксин, З. Г.** Караван-Сарай: роман-хроника, рассказы, миниатюры / З. Г. Ураксин; пер. с башк. М. Гафурова. – Уфа, 2010. – 461 с.
39. Современный башкирский язык : учебник для студентов факультета начальных классов педагогических институтов / отв. ред. З. Г. Ураксин, К. Г. Ишбаев. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1986. – 400 с.
40. **Суфьянова, Н. Ф.** Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Суфьянова Н. Ф. – Уфа, 1993. – 19 с.
41. **Торокова, М. С.** Глагольная синонимия хакасского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Торокова М. С. – Уфа, 1998. – 25 с.
42. **Хадыева, Р. Н.** Этнокультурное значение лексики башкирского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук / Хадыева Р. Н. – Уфа, 2003. – 24 с.
43. **Ягафарова, Г. Н.** Ономазиологический анализ лексики современного башкирского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ягафарова Г. Н. – Казань, 2018. – 50 с.

УДК 070

*Леонтьев А.П.,
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Российская Федерация*

«ХЫПАР» УФИМСКОГО ПЕРИОДА – ГАЗЕТА НАРОДНОЙ АРМИИ КОМУЧА

Аннотация. В истории чувашской периодической печати газета «Хыпар» («Весть»), которой в январе 2021 г. исполнится 115 лет, занимает особое место. Профессиональная чувашская журналистика начинается именно с этой газеты. Неоценимую роль она сыграла в популяризации и росте чувашской оригинальной художественной и публицистической литературы, а также в деле создания чувашского литературного языка. Газета способствовала росту этнического самосознания чувашского народа. В годы Первой русской революции и в 1917–1918 гг. «Хыпар» – печатный орган чувашских социалистов-революционеров и руководимого ими Чувашского национального общества. На страницах этого издания господствовал идеологический плюрализм, велась непрерывная жаркая

дискуссия о будущем чувашской нации, квинтэссенцией которой стало создание в июне 1920 г. Чувашской автономной области. В советский период значительные пласты истории газеты «Хыпар» по идеологическим соображениям не изучались объективно или вовсе оставались вне исследовательского внимания. Например, ее номера, изданные в Уфе. Целью настоящей статьи является освещение данного периода деятельности редакции «Хыпара».

Abstract. In the history of the Chuvash periodical press, the newspaper «Khypar» (Vesti), which will be 115 years old in January 2021, occupies a special place. Professional Chuvash journalism begins with this newspaper. She played an invaluable role in the popularization and growth of Chuvash original fiction and journalistic literature, as well as in the creation of the Chuvash literary language. The newspaper contributed to the growth of ethnic consciousness of the Chuvash people. During the First Russian revolution and in 1917-1918, «Khypar» was the press organ of the Chuvash socialist revolutionaries and the Chuvash national society led by them. The pages of this publication were dominated by ideological pluralism, and there was a continuous heated discussion about the future of the Chuvash nation, the quintessence of which was the creation of the Chuvash Autonomous region in June 1920. During the Soviet period, significant layers of the history of the newspaper «Khypar» were not studied objectively for ideological reasons or were completely left out of research attention. For example, its issues published in Ufa. The purpose of this article is to highlight this period of operation, the wording «Khypar».

Ключевые слова: газета «Хыпар»; чувашские социалист-революционеры; Комуч; уфимский период.

Keywords: newspaper «Khypar»; Chuvash social revolutionaries; Komuch; Ufa period.

Периодизация деятельности первой чувашской газеты нами логически выверена: «Хыпар»–1 выходил с января 1906 по май 1907 гг. (Казань); направление – на первом этапе при редакторстве Н.В. Никольского – культурно-просветительское, с № 34 по № 65 – эсеровское с сохранением культурно-просветительской программы. «Хыпар»–2 издавался с мая 1917 по февраль 1918 гг. в Казани первоначально Чувашской секцией Общества мелких народностей Поволжья, созданного в марте 1917 г. по инициативе «отца-основателя» первой чувашской газеты, в то время приват-доцента Казанского университета Н.В. Никольского. Все члены редколлегии были выпускниками (например, соредактор А.В. Васильев) или учениками Казанской духовной семинарии [например, соредактор А.П. Прокопьев (Милли)]. Чувашский язык там преподавал (до 1917 г.) Н.В. Никольский, он же вел предмет грамматики, обучал азам перевода [НА ЧГИГН: тет. 12]. С 10 августа (с № 27) 1917 г. газета становится печатным органом Чувашского национального общества, в руководстве которого преобладали правые эсеры, идеология – антисоветская и антибольшевистская.

С 28 февраля вместо «Хыпара» начинает выходить газета «Канаш». Ее политическую линию координировали левоэсеровские Чувашский центральный совет «Канаш» (Совет) [председатель – Д.П. Петров (Мётри Юман)] – №№ 2–5, Чувашский центральный совет и Чувашский социалистический комитет «Канаш» [председатель – Д.П. Петров (Мётри Юман)] – №№ 6–13, Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, Чувашский комиссариат исполкома Советов Казанской губернии, Чувашский левый социалистический комитет [Д.П. Петров (Мётри Юман), А.Д. Краснов] – №№ 14–53.

«Хыпар»–3 выпускали в августе–сентябре 1918 гг. в Казани чувашские правые эсеры после кратковременного установления на территории Казанской

губернии власти Комуча (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания). Все три номера нацелены были на защиту Учредительного собрания и Народной армии Комуча. После взятия Казани частями Красной армии внесудебными решениями органов ЧК 5-й армии Восточного фронта были расстреляны редактор «Хыпара» А.Г. Гаврилова и корреспондент газеты Н.И. Рубачев. Однако буквально через месяц в Уфе возобновляется издание «Хыпара»–4.

После отступления Народной армии здесь оказались все чувашские депутаты Всероссийского Учредительного собрания, добровольно вступившие в Комуч: Гавриил Федорович Алюнов, Иван Васильевич Васильев, Семен Николаевич Николаев, Дмитрий Петрович Петров (Мётри Юман), Гермоген Титович Титов. Именно они стали инициаторами возрождения легендарного печатного издания, и, главное, под тем же названием. Издатель – Центральный агитационный культурно-просветительный отдел¹. Газета печаталась в типографии Уфимского губернского союза кооперативных союзов. Редактор: Редакционная коллегия [Хыпар, 1918: 2].

Все пятеро чувашских учредителей категорически не были согласны с разгоном большевиками Учредительного собрания. Скорее всего, они заранее были информированы о создании в Самаре Комитета членов Учредительного собрания. Сигналом к вступлению их в новоявленную военно-политическую структуру стало разоружение частями сформированной ей Народной армии большевистских сил в Самаре и начало стремительного наступления в сторону Симбирска, а затем Казани. Данный факт, по всей вероятности, дал мощный толчок для пересмотра своих идеологических воззрений Д.П. Петрову. Основатель чувашского театра, в 1918 г. бывший заведующий Чувашским подотделом политотдела 5-й армии Восточного фронта И.С. Максимов-Кошкинский вспоминал, что накануне взятия Казани Народной армией и чехословаками, после поездки в родную деревню, он вернулся в Казань и первым делом посетил редакцию газеты «Канаш». Редактора Д.П. Петрова на месте не застал. Оказывается, он спешно взял отпуск и уехал якобы на малую родину [Максимов-Кошкинский, 1963: 394]. Причина экстренности выезда скоро прояснилась. В Симбирске, занятом антибольшевистскими силами, Д.П. Петров был назначен как гражданский голова бургомистром губернского города и дополнял систему военного коменданта [Изоркин, 1994: 69]. Вскоре оказался в Уфе.

По сообщению «Хыпара»–3, И.В. Васильев и Г.Т. Титов сначала выехали в Самару» [Хыпар, 1918: 3], а оттуда (скорее всего, вместе с С.Н. Николаевым, прибывшим туда еще в августе) добрались до Уфы. Помощник

¹ Отдел руководил культурно-просветительной работой и агитацией в частях Народной армии и среди населения. Включал в себя подотделы: организационный (занимался созданием агитационных отделов в губерниях, уездах, волостях); литературный (посылал агитаторов на места, организовывал школы пропагандистов, снабжение пропагандистской литературой армии и населения); культурно-просветительный (ведет открытием библиотек, читален, медицинских пунктов, книжных лавок); военный (осуществлял вербовку добровольцев в Народную армию). Отделом издавались газеты «Народ», «Халк» («Народ») на татарском языке, а после эвакуации в октябре 1918 г. в Уфу – «Хыпар» («Весть») на чувашском языке. Отдел также издавал листовки и «Вестник освобожденной России» (вышел один номер тиражом 15 тыс. экз., который распространялся в прифронтовой полосе и на советской территории с использованием аэропланов и курьеров). При отделе был создан фонд «Просвещение в деревню», собранные которым средства шли на издание газет, листовок для сельской местности, организацию там курсов, лекций, бесед. Создавались и отделения на местах.

особоуполномоченного Комуча по Казанской губернии Г.Ф. Алюнов поехал туда с другой группой учредителей. Все пятеро 8–23 сентября 1918 г. участвовали в работе Государственного совещания (известно также как Уфимское государственное совещание, Уфимское совещание) – наиболее представительного форума антибольшевистских правительств, политических партий, казачьих войск и местных самоуправлений востока России – в составе чувашской фракции Комуча. Весьма примечателен «автограф», оставленный Д.П. Петровым на мандате участника форума на чувашском языке: «*Пёр сын сурать – тинсе пырать, халӑх сурать – кӳлӗ пулать* = Один плюнет – высохнет, народ плюнет – получится озеро» [Кузнецов, 1962: 396]. Тем самым Дмитрий Петрович, в феврале 1918 г. во главе группы левых социалистов, вероломно захвативший редакционное имущество «Хыпара»–2 и создавший просоветскую газету «Канаш», товарищам по Комучу как бы дал понять: отныне нам быть в одних рядах за общее чувашское дело.

Поскольку газета издавалась редколлегией, а материалы не подписывались, невозможно достоверно установить, кто конкретно работал в редакции. Известно, что доставить чувашские шрифты помог переводчик «Хыпара»–3 С.М. Михайлов. Он же, по утверждению А.В. Изоркина, как редактор (без права подписи) принимал участие в подготовке номеров газеты [Изоркин, 1998: 3]. Однако С.М. Михайлов до этого, то есть в «Хыпаре»–2 и «Хыпаре»–3, не был замечен как журналист, не имел оперативных навыков действующего газетчика. На наш взгляд, материалы для фронтовой чувашской газеты готовили Д.П. Петров (Мётри Юман), И.В. Васильев и Г.Ф. Алюнов. А.Г.Т. Титов мог быть автором статей по вопросам культуры и просвещения. С.Н. Николаев, в августе 1918 г. избранный секретарем Комуча и одновременно начальником его канцелярии, возможно, помог решить финансово-хозяйственные вопросы.

Изгнанные из родных краев чувашские патриоты, находясь на подвластной Комучу и Народной армии территории, заселенной большой компактной массой чувашей Уфимской губернии, в первом же номере воссозданного издания оглашали здравие во имя всего чувашского народа. «Большевики уничтожили зачатки свободной жизни страны, стоило им только появляться, – говорится в передовице первого номера. – Черные тучи накрыли и путеводную звезду чувашей – газету «Хыпар». Прошлым летом, в июле (правильно: в августе. – *А.Л.*), после изгнания из Казани чехословаками большевиков, наш «Хыпар» снова, было, засиял. Газета возродилась. Было выпущено три номера. Но не дано было их читать чувашам. Из-за нестабильной работы почтовых органов на территории, оккупированной большевиками, эти номера читателям не доставлялись. Они так и остались в Казани, в редакции. Работники редакции перебрались из Казани в Уфу – туда, где нет большевиков. Они и сейчас, несмотря на тяготы жизни, не отказываются от помыслов помочь родному народу. «Если мы, собратья, не протянем друг другу руки, кто нам поможет? Поэтому с Божьего благословения, при помощи избранного народом Учредительного собрания редакция решила заново возродить газету “Хыпар”» [Хыпар, 1918: 1].

В другой статье «Хыпара»–4 популярно разъясняется структура и сущность Советов, правом делегирования куда были наделены лишь крестьяне и рабочие. «С одной стороны, вроде бы это хорошо, – размышляет автор. – Но, с другой стороны, еще неизвестно, чем со временем обернется Совдепия исключительно рабочих и крестьян». Дальше говорится о том, что большевики поделили крестьян на две части – бедняков и зажиточных: бедняки получили избирательное право, а более состоятельные лишены этого права. А затем они, большевики, обложили всех сельчан контрибуцией, распустили армию и заключили мир (с Германией. – *А.Л.*) [Хыпар, 1918: 2]. «Так трезвонили чувашские эсеры, – заявляет И.Д. Кузнецов. – Алюновы даже выпустили специальное воззвание на чувашском языке против Брестского мира» [Кузнецов, 1962: 388].

В Уфе, вдалеке от основной массы читателей, которые были в основном населены в Казанской, Самарской, Симбирской и Уфимской губерниях, издатели «Хыпара»–4 проникновенно обращались к *хура халӑх* = черный люд (крестьянству), поскольку именно ради их просвещения и возрождения, ради их процветания вступали в свое время в партию социалистов-революционеров и ради их просвещения учреждали, издавали и воссоздавали всечувашскую газету. Наверняка, они уже понимали, что расчет на чехословацкие войска не оправдался. Но они верили, что те соплеменники, которые вступили в Народную армию еще на «исконно» чувашских землях, будут биться до конца, не желая жить под «комиссародержавием». Они также надеялись, что в противостоящую комиссарам и безжалостным латышским полкам в Народную армию вольются свежие силы из чувашской среды. А действительность была такова: территория проживания читателей чувашской газеты «Хыпар»–4 к октябрю 1918 г. сузилась до размеров Уфимской и Оренбургской областей, куда пока еще могли доставляться номера газеты. И, конечно же, «Хыпар» ждали солдаты и офицеры Народной армии, которые тоже нуждались в искренних печатных словах своих лидеров, не продавшихся и не предавших соплеменников и идеи народовластия.

«Теперь мы все должны направлять своих сыновей в нашу единую Народную армию, – призывает в следующем материале безымянный автор. – Собрав грозную Народную армию, мы не будем опасаться ни немцев, ни большевиков». «Хыпар» уверен, что Народная армия защитит и крестьян, и весь российский народ от любых внешних недругов, а победа над большевиками поможет утвердить на российской земле новый, справедливый миропорядок. Да, в России есть еще и Красная армия, напоминает журналист, но эта армия всецело принадлежит комиссарам, а не народу России. Она воюет только ради интересов Германии. Кто идет на службу в Народную армию, воюет за свободу российского народа. Тот, кто в Красной армии, защищает лишь интересы большевиков [Хыпар, 1918: 2].

В каждом номере «Хыпара» публикуется оперативная сводка боевых действий на фронте. В одной из них размещена информация управляющего ведомством иностранных дел Уральской армии, где говорится, что полки Народной армии «разгромили дивизию Чапаева, идущую на ст. Таловую, в этой

дивизии один из полков полностью был перебит, остатки другого полка разбежались. Наши полки преследуют остатки дивизии Чапаева» [Хыпар, 1918: 2]. Безусловно, после войны часть чувашей-чапаевцев вернется в родные места, абсолютному большинству (если не всем) их соплеменников-народоармейцев уже не суждено будет увидеть родимые свои поля и луга, свидеться с родственниками, они сгинут на просторах Сибири, Монголии, кому-то повезет оказаться в Маньчжурии, в других странах.

В Приуралье решалась судьба не только Народной армии, но и партии эсеров вместе с Комучем как активной силы в борьбе против большевизма. Пока еще армия Комуча была народной. Комитет учредилковцев и допустить не мог, чтобы его армию впоследствии отождествляли с Белым движением, ибо последнее было антагонистом Комуча и Народной армии. Безымянный автор «Хыпара»–4 разъясняет соплеменникам: «Воюющую против себя Народную армию большевики называют “белой гвардией”. Они давно уже взяли привычку утверждать, мол, только они “революционеры”, а будто все остальные, кто не с ними, – контрреволюционеры. По их мнению, на этой большой войне только две противостоящие друг другу силы – Красная армия и Белая гвардия. Но такое утверждение противоречит действительности, потому что *на нынешней войне участвуют не две главные силы, а целых три* (курсив наш. – А.Л.)» [Хыпар, 1918: 2]. Из этой «тройки» автор сначала выделяет большевиков, утверждая, что на их стороне «темные массы», они в годы самодержавия терпели всякие притеснения и унижения, поэтому, вдруг освободившись от оков, начали громить все и вся. Поэтому эту силу только формально можно назвать революционной. В действительности же она является разрушительницей устоев жизни и самостоятельно никогда не сможет построить новое общество. Эта разрушающая сила раздробила Россию, имя ей – Красная армия. Вторая «революционная сила» представлена истинно народной мощью. Она вместо старого порядка предлагает необходимые всему народу зачатки новой жизни. «Имя данной мощи – демократия, ее опора – Народная армия». Третья же сила тянет народ к старым порядкам и отжившим устоям. В их рядах люди, обиженные революцией. Эти люди стоят за царя. Потому что они, находясь на государственной службе, получали большие жалованья. Они не принимают новую власть и не любят народ. «Борющихся за старые порядки и устои должно и называть Белой гвардией». Народная армия представляет собой созидательницу новой жизни. Белая же гвардия – темная сила эксплуататоров трудового народа. «Народная армия и Белая гвардия не скрывают ненависти друг к другу. Если же они сойдутся на узкой тропе, то войны между ними не избежать». Если же белогвардейцы завладеют Народной армией, пророчески пишет автор, она обессилит и не сможет противостоять противникам новой жизни [Хыпар, 1918: 2].

Это был крик души чувашских правых эсеров. Они как в воду глядели. Вскоре происходят совершенно алогичные, с точки зрения истинных революционеров (туда нужно отнести всех чувашских учредилковцев), события, итог чего – ослабление и ликвидация Комуча. Остатки Народной армии вошли

в состав единой армии адмирала А.В. Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России.

В дальнейшем судьба чувашских учредителей и «хыпаровцев» сложилась более чем трагически (намного повезло Д.П. Петрову). Арестованные вместе с группой эсеров И.В. Васильев и С.Н. Николаев зимой 1919 г. содержались в колчаковской тюрьме, откуда их вызволил прокурор Казанской судебной палаты Н.И. Миролубов, бывший профессор Казанского университета, преподаватель С.Н. Николаева. И.Д. Кузнецов не прав, утверждая, что «С.Н. Николаев вплоть до эмиграции воевал на стороне белых» [Кузнецов, 1962: 396]. С.Н. Николаев, ответственный секретарь «Хыпара» 1906–1907 гг., один из авторитетных идеологов чувашского национального движения, после колчаковских застенков оказался сначала на Дальнем Востоке, где в рядах эсеров активно участвовал в политической жизни Дальневосточной Республики. 30 января 1922 г. эмигрировал в Чехословакию. 24 мая 1945 г. был арестован органами НКВД СССР, доставлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 24 мая 1950 г. выслан в Красноярский край, в 1954 году освобожден из ссылки. В сентябре побывал в родной деревне Начар Упи (в то время Красномайск) Батыревского района Чувашской АССР, 5 мая 1956 г. вернулся в Прагу. Умер в июле 1976 г. Оставил воспоминания, где, в частности, подробно осветил свою работу в газете «Хыпар» [Николаев, 2006–2007]. Один из соредакторов «Хыпара»–2, председатель Союза чувашской учащейся молодежи И.В. Васильев после освобождения из колчаковской тюрьмы остался в Томской области, затем переехал в Кемеровскую область, работал в советских органах. В 1938 г. был арестован и предан суду военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян [Протасов, 2008]. Члену редакционной комиссии «Хыпара» 1906–1907 гг., соредактору «Хыпара»–2, председателю комитета чувашской организации партии эсеров Г.Ф. Алюнову удалось избежать ареста колчаковцами. Устроился на работу в Тобольске (в одноименной губернии он отбывал ссылку с октября 1906 по май 1907 гг.). После разгрома войск Колчака чекисты выследили Г.Ф. Алюнова, арестовали и 20 июня 1920 г. доставили в Уфу, вскоре он «вместе с делом был направлен в Казань в губчека» [Изоркин, 1998: 2]. Руководители Чувашской автономии неоднократно обращались в Казань с ходатайством препроводить Г.Ф. Алюнова в Чебоксары. Однако из этих попыток ничего не вышло. 12 июля 1921 г. Г.Ф. Алюнов умер. Д.П. Петров (Мётри Юман) вспоминал: «... я очутился в Сибири, где скрывался... и в Омске демобилизовался. Отправили в инструкторскую школу армии Колчака. С ними я отступал. <...> Сбежал, жил у одного извозчика, чувашей. Пришли красные части, я явился к коменданту и меня отправили в Омск, назначили командиром роты. Затем [меня] арестовал особый отдел. 4 месяца проверялся, затем передали ВЧК, где я просидел 2 недели» [Юман Мётри, 1997: 493–494]. Умер 18 февраля 1939 г. Г.Т. Титов, спасаясь от диктатуры Колчака, преследовавшего членов Учредительного собрания, скрылся под чужой фамилией в Уфимской губернии [Александров, 2011: 227], в феврале 1919 г. умер в деревне Давлеканово от болезни.

Одним из авторов «Хыпара»–4 мог быть пятый редактор «Хыпара–1» В.И. Иванов (Кривов). Известно, что Василий Иванович был другом и единомышленником Д.П. Петрова еще со времен учебы в Симбирской чувашской школе. Перу В.И. Иванова, возможно, принадлежит публикация под названием «*Сисекене симёс курăк, сисменнине хытă курăк* = Догадливому зеленая трава, недогадливому сухая трава» [Хыпар, 1918: 4]. Именно эта чувашская пословица была использована автором *Юлташ* (Товарищ) (один из многочисленных псевдонимов В.И. Иванова) как эпитафия к материалу «Авалхи халлап», опубликованному в № 13 газеты «Хыпар» от 22 апреля 1907 г. Метафоры, эпитеты, другие стиливые особенности материала дают основание идентифицировать безымянного автора именно как В.И. Иванов. Тем более, Д.П. Петров и В.И. Иванов (Кривов) в 1918 г. в Казани вместе готовили «Чувашский календарь». «Материалы календаря я потерял в Сибири, – пишет Д.П. Петров, – В.И. Кривов умер в Сибири же» [Юман Мётри, 1997: 423]. Значит, они до конца смерти последнего были вместе.

Пока невозможно достоверно назвать всех сотрудников редакции и авторов «Хыпара» уфимского периода. Исследователям предстоит большая работа в архивах по розыску еще шести номеров газеты, выпущенных в Уфе с 3 октября по 17 ноября 1918 г. Нам (впервые среди постсоветских исследователей истории чувашской периодической печати) удалось ознакомиться с тремя номерами, которые предоставил отдел «Книжная палата» Национальной библиотеки ЧР. Ранее эти номера держали в так называемом «спецхране», закрытом для широкого доступа.

Литература

1. **Александров, Г. А.** Титов Гермоген Титович // Чувашская энциклопедия. Т. 4. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2011.
2. **Изоркин, А. В.** Невостребованный талант / А. В. Изоркин // Их имена останутся в истории. Биографические очерки. Вып. 2. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1994. – С. 63–73.
3. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. II. Ед. хр. 841.
4. **Николаев, С. Н.** Воспоминания / С. Н. Николаев // ЛИК. – 2006. – № 3. – С. 38–94. – № 4. – С. 73–136. – 2007. – № 1. – С. 61–137. – № 2. – С. 60–130.
5. **Протасов, Л. Г.** Люди Учредительного собрания : портрет в интерьере эпохи / Л. Г. Протасов. – Текст : электронный. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2008. – URL: https://bogorodsk-noginsk.ru/biblioteka/new_2008_11_2.html (дата обращения: 30.10.2020).
6. **Изоркин, А. В.** Çу вёçёнче шавланă туй / А. В. Изоркин // Хыпар. – 1998. – Авăн, 18. – № 191.
7. **Кузнецов, И. Д.** Чăваш халăх историйĕ çинчен / И. Д. Кузнецов. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1962. – 443 с.

8. **Максимов-Кошкинский, И.** Пьесӑсем, калавсем, асаилӗсем / И. Максимов-Кошкинский. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 1963. – 415 с.
9. Северо-Уральский фронтра большевиксене сӑмӑрни // Хыпар. – Юпа, 26. – № 2.
10. Халӑх сарӑ тата Шурӑ гварди // Хыпар. – 1918. – Юпа, 26. – № 2.
11. Хыпар. – 1918. – Авӑн, 18. – № 1.
12. Хыпар. – 1918. – Чӳк, 3. – № 3.
13. Хыпар. – 1918. – Юпа, 19. – № 1.
14. Хыпар. – 1918. – Юпа, 26. – № 2.
15. Юман Мӑтри. Суйласа илнисем. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви. – 1997. – С. 493–494.

УДК 821

*Мандаева К.Э.,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация*

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. МАНИТОВА

Аннотация. Данная статья посвящена одной из важных задач современного алтайского литературоведения – исследованию «культурного ландшафта» в произведениях С. Манитова. В статье рассматривается пейзаж, в произведениях алтайского писателя один из путей решения данной задачи.

Abstract. This article is devoted to one of the important tasks of modern Altai literary studies – the study of the "cultural landscape" in the works of S. Manitov. The article discusses the landscape, in the works of the Altai writer, one of the ways to solve this problem.

Ключевые слова: алтайский писатель; Сергей Манитов; культурное гнездо; культурный ландшафт; произведения Сергея Манитова; биография и творчество.

Keywords: altay writer; Sergey Manitov; cultural nest; cultural landscape; works of Sergey Manitov; biography and creativity.

До недавнего времени понятие «культурный ландшафт» использовался в основном в географии, археологии, истории, этнологии, в междисциплинарных направлениях, например, в этноэкологии. Термин «культурный ландшафт» в гуманитарную науку ввёл в начале XX века немецкий географ О. Шлютер (kulturlandschaft), противопоставивший его естественному, первозданному ландшафту (Urlandschaft). Согласно мнению российского учёного Ф.Н. Милькова, культурный ландшафт – только целесообразно устроенный, материально и духовно продуктивный антропогенный ландшафт. Его характерные черты: рациональное земле- и природопользование, высокие эстетические и функциональные качества, наличие ценных элементов природного и культурного наследия [Мильков, 1973: 224].

По К. Зауэру, в статье доктора географических наук, профессора Рагулиной М.В., культурный ландшафт – территория, которую в течение определённого исторического периода населяла группа людей – носителей специфических культурных ценностей, она отличается «характерной взаимосвязью природных и культурных форм» [Рагулина, 2013: 173]. В культурный ландшафт также входит повседневная жизнь человека, идеи и установки восприятия людьми среды своего обитания, представления местного населения о своем местожительстве (священные места, почитаемые места, перевалы, минеральные источники, родовые горы), о видении природы в древности и современности, новое прочтение рунических надписей и интерпретация археологических памятников. Вместе с тем в современной общественной географии сохраняется и более традиционная трактовка культурного ландшафта как облика местности, в котором проявляются специфические культурные черты той или иной группы (территориальной общности) людей.

В современной алтайской литературе ландшафт стал восприниматься писателями по-новому. В произведениях Л.В. Кокышева, Э.М. Палкина, А.О. Адарова описание пейзажа отдаленно напоминают места, где прошли детство и юность этих писателей. В произведениях Д.Б. Каинчина, А.Я. Ередеева, С.К. Манитова природа проникает во внутренний мир человека. В рассказе С.К. Манитова «Элик» («Косуля») мир природы повествователем показывается через призму мироощущения матери косули: обильные луга, мирно спящий детеныш, привычные запахи цветов, трав. Но внезапно гармонию мира нарушают чужие запахи человека-охотника, страшного зверя. Противоборство косули и охотника показано не только как нарушение табу о запрете отстрела весной косуль, которого придерживались алтайцы испокон веков. Охотник вторгается в мирную жизнь природы, материнства [Алтай литература, 6 кл., 2016: 223].

Вся жизнь С.К. Манитова с детства была связана с окрестностью села Онгудай Онгудайского района. Поэтому, вероятно, все пейзажные зарисовки в его произведениях, в основном соответствуют ландшафту этой местности. Его роман «Кайкамчылу кижы» («Интересный человек») посвящен строительству Чуйского тракта в Горном Алтае, дороги, которая объединяет Россию с Монголией, Китаем. По проекту Вячеслава Яковлевича Шишкова строительство было начато во второй половине XIX века. Роман изобилует реалистичными образами, событиями. Известный русский географ, этнограф, фольклорист, ботаник, публицист Г.Н. Потанин обращается к В.Я. Шишкову с просьбой посетить могилу М. В. Чевалкова в селе Онгудай [Манитов, 2002: 256]. Действительно известный миссионер, первый писатель Горного Алтая Михаил Васильевич Чевалков был похоронен в местечке Жаан-Чет, где он крестил алтайцев и где была построена церковь.

Вот как описывает автор село Онгудай в середине XIX века «Жолчылар жортыпбаратса, Урсул суудын солжанында алтайлардын беш-алтыа йыл турат. Урслудын он јанында он сигис кире чадыр айылдары тургулайт. Бистин Туулу Алтайды текшиалза, Ондойай макканчыйын Тулу Алтайдынортозында

јаткантегерикайакча. Је Кремль база јаан эмес, а кайкал. Јазап куучындаза, маат јок, Ондой аймакта кайкалдар бар» [Манитов, 2002: 116] («Если взять наш Горный Алтай в целом, Онгудайский район небольшой. Словно круглое блюдце, лежащее в середине Горного Алтая. Но ведь и Кремль тоже небольшой, но удивительный. Если хорошо рассказать, несомненно, и в Онгудайском районе есть удивительное») (пер. М.С. Дединой).

В рассказе «Албатымнын јурумнен» («Из жизни моего народа») С. Манитов, используя пословицу, описывает плодородные пашни своей земли: «Јерди элбегинен эмес, байлыгынан билетен» («Землю узнают не по ее широте, а по ее богатству») [Манитов, 2005: 176]. В этом же произведении он пишет о судьбе Зубакиной Анны Николаевны, которая в старости по просьбе детей переселяется к ним, но, не выдержав в чужом селе, возвращается в родной дом. В рассказе «В.Я. Шишков в Ондойдо» («В.Я. Шишков в Онгуде») показано, как инженер В.Я. Шишков изучает природную особенность окрестностей Онгудая, по которой должен пройти Чуйский тракт. Прототипами героев его рассказов, повестей, романов являются его односельчане, а также известные личности такие, как В.Я. Шишков, Г.Н. Потанин, Г.И. Чорос-Гуркин, А. Кульджин, Т.Я. Чачияков

Так, описание писателем окружающей персонажа природы, поэтически одухотворенное восприятие превращают обыденное бытие пейзажа в художественную ценность, в творение, дарящее человеку радость на протяжении веков. Писатель и сам становится активным участником формирования пейзажа. При деятельном преображении природы С.К. Манитовым в своих произведениях происходит рождение литературного ландшафта с. Онгудай.

Литература

1. Алтай литература. 6 класс : учебник-хрестоматия для общеобразовательных организаций / М. П. Чочкина, Е. Д. Чандыева. – Горно-Алтайск, 2016. – 223 с.

2. Дедина, М. С. Языковые особенности произведения Сергея Манитова / М. С. Дедина // Алтайский язык и его диалекты : современное состояние, перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М. Ч. Чумакаевой, избранные труды и полевые материалы М. Ч. Чумакаевой. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. – С. 151–158.

3. Дедина, М. С. Образ матери и тема материнства в творчестве Сергея Манитова / М. С. Дедина // Идеино-художественные искания алтайских писателей конца XX–начала XXI вв.: к 80-летию Дибаша Каинчина : материал Межрегиональной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 19–21 сентября 2018 г. / под ред. У. Н. Текеновой, М. С. Дединой. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2018. – С. 98–103.

4. Дедина, М. С. Художественная модель мира в романе С. Манитова «Тожулей» / М. С. Дедина // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5. – С. 437–439.
5. Манитов, С. К. Человек большой души : повесть / С. К. Манитов. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2002. – 256 с.
6. Манитов, С. К. Из жизни моего народа : рассказы, очерки, поэма / С. К. Манитов. – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2005. – 176 с.
7. Мильков, Ф. Н. Человек и ландшафты : очерки антропогенного ландшафтоведения / Ф. Н. Мильков. – Москва : Мысль, 1973. – 224 с.
8. Пиксанов, Н. К. Два века русской литературы : пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования / Н. К. Пиксанов. – Москва : Петроград : Государственное издательство, 1923. – 208 с.
9. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар : приложение указатель словарей местных деятелей / Н. К. Пиксанов. – Москва : Петроград : Государственное издательство, 1928. – 32 с.
10. Рагулина, М. В. Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность / М. В. Рагулина // Известия Иркутского государственного университета. Т. 6. – 2013. – № 1. – С. 174–182.

UDC: 83:213

*Mengliyeva M.,
Andijan state university,
Uzbekistan*

ON THE STUDY OF TRANSLATION OF MOTION MANNER MEANINGS FROM UZBEK INTO ENGLISH

Аннотация. К художественному переводу и переводу любого текста в целом можно подойти четырьмя способами. Перевод одной грамматической категории на другой язык в рамках той же грамматической категории указывает на то, что переводчик подошел к тексту с филологической точки зрения. Когда переводчик подходит к тексту на основе метода лингвистического перевода, перевод с использованием грамматической структуры исходного текста и той же альтернативы компонентам предложения становится второстепенным вопросом, и переводчик рассматривает полное значение исходного текста в целевом объекте, смысл текста становится приоритетом. Коммуникативный метод, который строится на принципах прагматического подхода к тексту, также требует учета различных прагматических особенностей перевода текста. Статья посвящена изучению перевода значений образа действия с узбекского на английский, анализу достоинств и недостатков переведенного художественного текста.

Abstract. Literary translation, and the translation of any text in general, can be approached in four ways. The translation of one grammatical category into another language within the same grammatical category indicates that the translator approached the text from a philological point of view. When a translator approaches a text on the basis of a linguistic translation method, translating through the grammatical structure of the original text and the same alternative to the sentence

components becomes a secondary issue, and the translator considers the full meaning of original text in the target language to be a priority. The communicative method, which forms basis on the principles of a pragmatic approach to the text, also requires the consideration of various pragmatic peculiarities in the translation of the text. The article focuses on the approach to the translation of motion manner meanings from Uzbek to English, the advantages and disadvantages of translated text.

Ключевые слова: филологический; лингвистический; коммуникативный перевод; значение образа действия.

Keywords: Philological; linguistic; communicative translation; the meaning of the motion manner.

It is known that a number of difficulties arise in the process of mutual translation of works created in languages belonging to different families, which are the means of communication of representatives of distant cultures. Of course, this is due, firstly, to the fact that the phenomena of existence are imprinted differently in the minds of different cultures and occur differently in language, and secondly, to the fact that objects or concepts existing in the daily life of one speaker are not completely new, foreign and alternative to another. “The basis of translational research is, first of all, the word, but the word is studied not in isolation from the textual environment (micro-macro context of the work), but on the basis of which the text is connected with other words and enters into various relationships. is one of the means to achieve the aesthetic goal.”[Мусаев, 2005: 6]

However, when it comes to verb translation in particular, the second problem mentioned above is not entirely specific to their translation. The reason is that realities are inherent in the concepts that represent things, and in other cases, the search for some realities does not justify itself. The word *realia* is defined in the Glossary of Linguistic Terms as: “The result of material culture in existence, and in classical grammar, is a linguistic unit that expresses the state-structure of a particular country, the history and culture of a particular people, the features of communication in a particular language.” [Влахов, Флорин, 2006: 381]

It is understood that no cultural differences are observed in the translation of verbs denoting action and state according to their semantic function. It can be said, therefore, that if action becomes a concept of substance, its accidental disappearance of the search for reality in the mode of motion will disappear by itself. That is, as long as the movement is perceived uniformly in the minds of different cultures, its manners are understood in the same way. However, while the concept of manner in different constructed languages is a logical universality, the linguistic thinking of each nation forms linguistic peculiarities in the expression of these concepts. The similarities and differences of language and thinking, as well as linguistics and logic, become evident in the same situations.

For example:

1. *I washed up and looked outside? A gutter on the verge of the iron-roof turned out to have got lopsided.* (trans. by H.Allanazarova “Gutter”) – original: *Yuvinib chiqib qaragam, tunuka tom oldidagi tarnov bir tomonga qiyshayib yotibdi.* (U. Hoshimov “Tarnov”);

2. *I made an effort somehow, yet couldn't mend that damn gutter. Either because it rusted or its stain stickled to...*(trans. by H.Allanazarova “Gutter”) –

original: *Uvallo urinaman, lanati tarnov bilan o'nglansa qani! Zanglab ketganmi, bo'yog'i yopishib qolganmi ...* (U.Hoshimov "Tarnov");

3. As if out of spite it **started to rain**, at first it was **drizzling** but then it **almostpoured down**.(trans. by H.Allanazarova "Gutter") – original: *Aksiga olib, yomg'ir shivalay bo'ladi. Avvaliga tomchilabturdi-da, keyin shiddat bilan yogib ketdi.* (U. Hoshimov "Tarnov");

4. **Sliding** on the roof I **ran** towards the ladder. (trans. by H.Allanazarova "Gutter") – original: *Tomda sirg'alib-sirg'adib, narvon tomon yugurdim.*(U.Hoshimov "Tarnov");

5. As soon as spring came, boys **alwaysmade** whistles from new branches of the osier, and girls **played** chertal...(trans. by H.Allanazarova "Frightened dream") –original: *Bahor kelishi bilan bolalar to'la navdalardan xushtak yasashar, qizlar bo'lsa barak taqib, daraxt soyasida cherta uyinashardi.* (U.Hoshimov "Hurkitilgan tush");

6.He **leappto his feet**, and raised his stick up. (trans. by H.Allanazarova "Frightened dream") – original: *Irg'ib o'rnidan turdi-yu, qo'lidagi tayoqni baland ko'tardi.* (U.Hoshimov "Hurkitilgan tush").

In the process of translation, the verbs to start, stop, end, continue, which have the absolute meaning of manner, and the auxiliaries formed on their basis, do not cause significant difficulties. However, the means of expression that are inactive in their application, as well as the translation of meanings such as continuity, inaccuracy, and discontinuity, sometimes may lead to confusion. The compound verb with the meaning of *to stickle to* in the second of the above sentences has been mistranslated into English, and even a mistake in the whole sentence can lead to a misunderstanding in the mind of the reader. More precisely, the expression *stickled to...* is combined with stain and results in rust and stain, *to stick* is not applied to paint, so by replacing it with the verb "*to cling*" it means that the paint is stuck. If the word *sliding* in the fourth sentence was used repeatedly as sliding and sliding, we could say that the repetitive pattern of action in the original had been fully expressed.

We know that "text is a comprehensive concept. In addition to its immediate purpose, the text is distinguished by its lexical structure, the specificity of linguistic means, syntactic and logical construction, stylistic and a number of other peculiarities. All of the features listed above are somewhat specific in their content, they relate to a particular or type of text, as well as the process of translating from one specific language to another. However, in the general theory of translation, the general features of the text are important, one of these common features is the informative content of the text, the meaning of which has a fundamental value" [Миньяр-Белоручаев, 1996: 60]

That is, in most cases, one of the most optimal solutions is to approach the means of style expression in the context of the general translation theory's assumption that the delivery of basic information is a priority.

"In order to fully comprehend the artistic and aesthetic vocabulary created by the author, the translator has the power of wide observation, a correct understanding of the semantic and stylistic and aesthetic features of the linguistic means in the work of art, as well as the main idea, its intentions and goals. In addition to the description

of the events that take place in the autumn, it is necessary to imagine the reality behind the text, in other words, not only linguistic but also non-linguistic factors. So that work would provide aesthetic pleasure and the same impression to the reader who cannot read the text in the original.” [Mycaев, 2005: 10] When a translator translates a text from another language into his native language, it is natural that he should not have any difficulty in choosing and realizing his national linguistic potential in accordance with the law of common language and thought. However, when a translator translates a text in his native language into a foreign language, it is difficult to find the necessary means of expression and at the same time maintain the style of the text. As a result, the translator undertakes the task of delivering a particular literary text methodology as fully as possible, taking into account the linguistic capabilities of the native language and the foreign language.

For instance:

1. *I ate a hasty snack and ran into the barn. (trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok»)*—original: *Choyni naridan-beri ichib, otxonaga yugurdim. (A.Qodiriy “Uloqda”)*;

2. *For some time I thought of what I should do about this problem. Suddenly I remembered a band of leather which my brother was keeping to make a bridle. I went down to the dugout to get it. I made a curb-bit.*(trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok»)—original: *Anchagina o’ylab turishdankeyin, akamning yugan uchun asrab qo’rgan qayishi esimga tushib, sekingina ertalabdan haligi qayishni olib chiqib, umuldiriq yasadim. (A.Qodiriy “Uloqda”)*;

3. *I raised the hem of my robe and put it in place so as to sit comfortably. I whipped the colt and it loped forward.*(trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok»)—original: *To’nimning etaklarini yig’ishtirib, qashqachamning choviga bir-ikki qamchi bergan edim, jonvor shataloq otib ketdi. (A.Qodiriy “Uloqda”)*;

4. *Hearing his praise I whipped the colt again. He flew like an arrow from a bow.*(trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok») – original: *«Ha, barkalla! Chavandoz!» degandan tovushini eshitish, qatiroq qamchilab edim, jonivor qachaqam ko’tarib ketayotdi. (A.Qodiriy “Uloqda”)*;

5. *I took care of my colt by giving him water from an aryk waterway. Here I came across a group of horsemen. (trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok»)*— original: *Chuqur ariqdan toyimni sug’orib chiqayotganimda bir joyda uloqchi-chavandozlar uchrab goldilar. (A.Qodiriy “Uloqda”)*;

6. *We all went on together. But soon he lashed his horse and flew off like a bird. (trans. by Sh. Sattorov «At the Ulok»)* – original: *Biroz borgach, bizning otimizning oyog’i bilan chavandoz yigitning sabri tugadi shekilli, otiga birdan shartillatib qamchi berdiva qushdek uchib ketdi.*(A.Qodiriy “Uloqda”).

In the first of the above sentences, the verb formed at the core of the imitative expression is successfully translated, and the manner of motion is fully expressed. It was also possible to use the word galloped to mean this, meaning that the movement begins and continues for a long time, but the word loped chosen by this author can also perform the same semantic function. In the second sentence, the phrase adopted was translated as “keeping”. Although this does not affect the quality of the general information in the text, replacing this unit with the phrasal verb to keep up, serves to

preserve the style of the original text. The conditional case in the last sentence represents that the action occurred unexpectedly and several times. In translation, the full expression of the meaning of a sentence in English can be achieved by repeating the verb *lashed* (to *lash*) in pairs and attaching it with the word *suddenly*.

Admittedly, "A word that is separated and not connected to a textual situation does not constitute a dialogue, it is only a separate element of the communicative unit." [Степанова, Шашкора, 1980: 109] For this reason, it is natural for the translator to focus on the meaning he represents, rather than on the unity of style in the translation process. At the same time, regardless of whether the unit belongs to a morphological, syntactic or lexical layer, attention should be paid not to its exact translation, but to its meaning in a form that is understandable to the recipient, easy to accept.

However, the degree of compatibility of linguistic and linguistic thinking is more or less noticeable in the process of translation. Sometimes the semantic properties of grammatical units are overlooked. Therefore, the meaning of style is partially translated or dropped.

However, the degree of compatibility of linguistic and linguistic thinking is more or less noticeable in the process of translation. Sometimes the semantic properties of grammatical units are overlooked. Therefore, the meaning of style is partially translated or dropped.

Масалан:

1. *All – dried apricot trader, raisin trader, nut trader that were laying on the lateral position on the mall as leaning over the big bags rose with a suspicion, viewed round with a troubled look, checked their pockets. As lifting a load from their mind one by one some of them circled around the suffered woman that was screaming distressfully. (trans. by Sh. Sattorov «Jajman») – original: Rasta ustida, ostida, qop-qanorga yonboshlab omonat uxlab yotgan keksayu yosh turshakfurush, yong'oqfurush, mayizfurush, pistafurush va hokazo furushlar uyquli ko'zi bilan apiltapil yon verini paypaslay ketdi, ko'ngli joyiga tushganlar birin-sirin oh chekayotgan juvon tevaragiga to'plana boshladi. (H. Do'stmuhammad "Jajman");*

2. *As Turobjon was coming hurriedly through the door, the sleeve of his kalami robe caught on safety chain. It tore up to his elbow (trans. by Sh. Sattorov «Pomegranate») – original: Turobjon eshikdan hovliqib kirar ekan, qalami yaktagining yengi zulfiga ilinib qolib tirsagigacha yirtildi. (A. Qahhor "Anor");*

3. *The mortar rocked slightly and fell. The unfinished corn spilled on the ground. (trans. by Sh. Sattorov «Pomegranate») – original: Keli lapanglab ag'anadi, chala tuyilgan jo'xori yerga to'kildi. (A. Qahhor "Anor");*

4. *She sat and opened the bundle right there, at the door. Suddenly her happiness disappeared; she raised her head and looked at her husband. (trans. by Sh. Sattorov «Pomegranate») – original: Xotini shu yerning o'zida, eshik oldida o'tirib tugunchani ochdi-da birdan bo'shashib ketdi va sekin boshini ko'tarib eriga qaradi. (A. Qahhor "Anor");*

5. *A lame cat which was wandering through the courtyard went over to the spilled corn and smelled it. Apparently, it did not like the corn, and looking at Turobjon it mewed mournfully. (trans. by Sh. Sattorov «Pomegranate») – original:*

Hovli yuzida aylanib yurgan oqsoq mushuk to'kilgan jo'xorini iskab ko'rdi, ma'qul bo'lmadi shekilli, Turobjonga qarab shikoyatomuz "myov" dedi. (A.Qahhor "Anor");

6. *There was only a flashing light by the guzar (trans. by Sh.Sattorov «Pomegranate») – original: Guzar tomonda faqat bitta chiroq miltillar edi. (A.Qahhor "Anor").*

The laws of asymmetry and aparelity between languages of different constructions “confuse” the relationship between the levels of originality and the languages of translation, and this should be considered as an inevitable phenomenon. It is well known that “the theory of asymmetry is based on the difference in the amount of information and its quality between the original text and the translated text. They are formally disproportionate to each other because the number of means of expressing the same meaning is formally different in different languages. They are also disproportionate at the semantic level, because the same events occur differently in different languages, and their semantic components are different.”[Миньяр-Белоручаев, 1996: 60].Therefore, in order to convey a certain meaning, the interpreter can change the syntactic structure of the sentence, since the interpreter must ensure that it is easily accepted by the recipient.

Hence, in some cases, the verb means and action, which express the meaning of manner, can also be translated as a separate independent verb in different sentences. Such structural changes are made taking into account the syntactic and morphological features of the language being translated.

“Syntactic units are manifested in a number of verbal forms in real life. Any syntactic unity in itself reflects the essence and the phenomenon, the generality and the specificity, through the division of dialectics into units of language and speech. Every definite phrase has a linguistic meaning behind it.”[Махмудов, Нурмонов, 1995:17].

In many cases, in translated works, the combination of certain combinations, in particular the means of stylistic expression and the action verb, is transformed into a single lexeme quality. This situation has both positive and negative consequences. On the one hand, the text shortens and its semantic density increases. However, in most cases, when a translator chooses a lexeme and does not take into account the frequency of its use in the language being translated, it causes methodological ambiguities in the text. So, in the translation of a literary text, we can say that it is a wrong approach to try to present the means of expression as a definite form of action. On the contrary, the meaning of the action should be clarified in the target language text, so that keeping grammatical category of manner means identical to original text cannot be evaluated as a priority.

Literature

1. **Влахов, С. И.** Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Валент, 2006. – 448 с.
2. **Миньяр-Белоручаев, Р. К.** Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручаев. – Москва : Московский Лицей, 1996. – 298 с.

3. **Степанова, А. Н.** О синонимии на уровне текста / А. Н. Степанова, С. А. Шашкора // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин, 1980. – С. 119.

4. **Мусаев, Қ.** Таржима назарияси асослари / Қ. Мусаев. – Тошкент : Фан, 2005. – 352 б.

5. **Махмудов, Н.** Ўзбек Тилининг Назарий Грамматикаси (синтаксис) / А. Нурмонов, Н. Махмудов. – Тошкент : Ўқитувчи, 1995 – 149 б.

УДК.81.2.44

*Мухамедова С.Х.,
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы им. Алишера Навои,
Республика Узбекистан*

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЯЗЫКОВ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема идентичности языков в языковой политике Узбекистана. Дан анализ языковой политики, направленной на сохранение идентичности и развитие языков других наций и национальностей, проживающих в Республике Узбекистан.

Annotation. The article deals with the problem of language identity in the language policy of Uzbekistan. The language policy aimed at preserving identity and developing the languages of other nations and nationalities living in the Republic of Uzbekistan is analyzed and shown

Ключевые слова: идентичность языков; языковая политика; нации и национальности; компоненты национальной идентичности; язык межнационального общения; национальные культурные центры.

Keywords: identity of languages; language policy; nations and nationalities; components of national identity; language of interethnic communication; national cultural centers.

Как известно, язык – один из ключевых компонентов национальной идентичности. Как отмечает А.В. Филатов, язык – это «орудие и материал мышления, главное средство самовыражения, идентификации и развития личности <...> Весь интеллектуальный и духовный арсенал человека сформирован, закреплен и представлен на родном языке» [Филатов, 2011: 6]. Воспитываясь в рамках социокультурной среды с определенным языком, индивид, становясь носителем этого языка, как правило, выстраивает и свою национальную идентичность на языковой основе.

В Узбекистане узбекский язык имеет большое значение в процессе развития других национальных языков, формирования нации и национального государства. Узбекский язык значим как основа межнациональной интеграции населения страны, формирования общей идентичности.

Узбекский язык сегодня – один из распространенных языков в мире, является родным для около 30 миллионов человек на земле. Узбекский язык

является одним из развитых языков мира, на котором создана богатейшая литература, отражен исторический опыт узбекского народа, также достижения всего тюркского мира. Роль узбекского языка в развитии мировой цивилизации неоднократно отмечали деятели литературы, искусства и культуры разных стран, народов.

На современном этапе, являясь национальным языком узбекского народа, языком межнационального общения народов Узбекистана, государственным языком Республики Узбекистан, он выполняет важнейшие функции. В Законе Республики Узбекистан «О государственном языке» определены основные сферы функционирования узбекского языка как государственного: высшие органы государственной власти и управления; законотворческая и правовая сферы; проведение выборов; деятельность государственных органов; официальная переписка и делопроизводство; средства массовой информации. Отношение к языкам в Республике Узбекистан, включая сферу образования, является важной составляющей государственной политики.

В период независимого развития роль и статус узбекского языка поднялся на более высокую ступень развития. С уверенностью можно констатировать, что узбекский язык как государственный развивается и крепнет с каждым днем. В учебных планах общеобразовательных школ республики узбекский язык и литература представлены тремя учебными предметами: узбекский язык как родной, узбекский язык как государственный, узбекская литература.

Узбекистан – многонациональная страна, в ней проживают представители более 130 национальностей. В республике осуществляют свою деятельность более 140 национальных культурных центров. В Конституции Республики Узбекистан закреплено право всех народов на развитие своего языка и культуры. В республике созданы все условия для создания ими национальных культурных обществ, центров, клубов и ассоциаций, призванных удовлетворять культурно-образовательные потребности граждан на их родном языке.

Ежегодно 21 февраля отмечается день родного языка. Представители всех национальностей широко отмечают этот праздник.

На территории республики имеют социальные и коммуникативные функции русский, киргизский, казахский, таджикский, туркменский и др. языки. Следует особо отметить, что в общеобразовательных школах обучение ведется на 7 языках: узбекском, русском, таджикском, киргизском, казахском, каракалпакском, туркменском. Вся учебная литература на этих языках издается за счет государственных инвестиций. Учебники в республике создаются специалистами – носителями данных языков.

Это только фиксация языкового состояния полиэтнического общества республики, и она свидетельствует не об ассимиляции других народов по признаку «язык», о распределении функций языков в разных сферах жизнедеятельности, о развитии реального билингвизма и полилингвизма.

По мнению О.В. Озаевой, «язык – обязательное условие возникновения этнической общности, символ и защита группового единства, сохранения этнокультурной самобытности» [Озаева, 2008: 4]. Именно языковая общность,

во многом, формирует национальную, поскольку благодаря языку осуществляется коммуникация между индивидами и группами индивидов.

Нами проведен анализ состояния и развития некоторых языков в республике. Так, наибольшую часть узбекского населения составляют таджики, их более 1,5 млн. В республике многотысячным тиражом издается газета «Овози тожик». Транслируются теле- и радиопередачи на таджикском языке. В местах компактного проживания таджиков (Сурхандаринская и Самаркандская области) издаются газеты местного значения. За годы независимости издано вдвое больше литературы, чем за все 70 лет советского режима.

В Узбекистане проживает более 1 млн казахов. Тиражом в 3000 экземпляров издается республиканская газета «Нурлы жоль». Транслируются передачи «Дийдар» и «Арайлы окир». В Ташкентском государственном педагогическом университете имени Низами функционирует кафедра методики преподавания казахского языка и литературы. Специалисты данной кафедры занимаются сравнительным исследованием узбекского и казахского языков. Поэт Мекенбай Омаров, писатель Колдыбек Сейданов пишут свои произведения также и на узбекском языке.

Русский язык имеет особенное значение в жизни узбекистанцев. Для многих он является языком межнациональной коммуникации. В республике проживет более 900 тысяч представителей русского народа. Издаются газеты «Правда востока», «Голос Узбекистана», «Народное слово». Теле- и радиоканалами осуществляется постоянное вещание на данном языке. Только в самом Ташкенте функционирует более 60 школ, где обучение ведется на русском языке. Ежегодно проводятся олимпиады по русскому языку среди учащихся общеобразовательных школ, академических лицеев и профессиональных коллеждей, студентов вузов по двум направлениям: среди носителей языка и среди обучающихся на национальных языках. За годы независимости защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, посвященных актуальным вопросам русского языкознания и литературы, методики преподавания данного языка.

Более 305 тысяч туркмен дружно живут и трудятся в Узбекистане. Тиражируется специальное издание на туркменском языке «Микан».

В Узбекистане проживает более 310 тысяч киргизов. В местах их компактного проживания (Андижанская, Ташкентская и Сырдарьинская области) издаются газеты на киргизском языке. Учеными исследуются актуальные вопросы киргизского языка. Так, профессор Суюн Караев изучает узбекские и киргизские топонимы.

Более 70 тысяч уйгуров проживают в Узбекистане. На уйгурском языке ведутся регулярные теле- и радиопередачи. Крупные ученые и деятели искусства – уйгуры О. Бокиев, Р. Нодиров, У. Маматохунов творили свои произведения на узбекском языке.

Очень дружно с узбекским народом живут 50 тысяч азербайджанцев. В республике функционирует два национально-культурных центра: при республиканском интернациональном центре (директор – Фирдавси Гусейнов)

и национально-культурный центр при посольстве Республики Азербайджан (директор – Самирбек Аббасов). При центре функционируют бесплатные курсы изучения азербайджанского языка. По инициативе данного центра в Ташкентском государственном педагогическом университете имени Низами открыта аудитория «Дружбы узбекского и азербайджанского народов», где планируется открытие курсов изучения азербайджанского языка. Великие ученые Узбекистана М. Шейхзаде и С. Ализаде, представители азербайджанского народа, создавали свои бесценные произведения на узбекском языке. Максуд Шейхзаде был великим знатоком творчества Алишера Навои. Его диссертации и несколько монографий посвящены научному исследованию произведений Навои. Он создал своеобразную школу художественного перевода. Благодаря его трудам, узбекские читатели имели возможность прочитать на узбекском языке произведения Эзопа, Эсхила, Шекспира, Низами, Фузули, Гёте, Байрона, А.С. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, Назима Хикмета и многих других великих писателей и поэтов мира. Трудно переоценить его заслуги перед узбекским народом в качестве поэта, ученого, переводчика и преподавателя. За выдающиеся заслуги перед народом, в годы независимости, Шейхзаде был награжден орденом «Буюк хизматлари учун».

Таким образом, узбекский язык способствует консолидации многоязычных народов Узбекистана, взаимообогащению национальных языков и культур, их сближению и созданию в республике атмосферы взаимного доверия и согласия. По данным последней переписи, узбекским языком свободно владеют 80% населения.

Большинство тюркских народов, проживающие в Узбекистане, в качестве языка коммуникации выбирают в основном узбекский. Все большее предпочтение отдают граждане обучению детей на государственном языке республики. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что тюркские народы, проживающие в республике, знают узбекский язык на 70%. Принцип учета культуроформирующей роли узбекского языка предполагает внимание к истории, культуре народа, к установлению связей с узбекским народом, роли узбекского языка в их развитии.

Роль духовно-культурной консолидации – важнейшая, но не единственная социально-культурная функция узбекского языка. Он является и тем инструментом, который объединяет всех граждан страны, способствует освоению культурно-экономического опыта. Овладение узбекским языком – одно из важнейших условий повышения конкурентоспособности личности, расширения пространства ее жизненного успеха. В наше время, когда само существование человечества зависит от возможностей найти общий язык, поистине решающее значение в Республике Узбекистан приобретает подлинный диалог, узбекский язык как язык межнационального общения.

Из выше изложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Языковая политика Республики Узбекистан направлена на развитие языков народов, проживающих в нем. Для этого созданы все необходимые условия;

2. Представители различных языков имеют свои специальные издания на родном языке. Многие из них публикуются на республиканском уровне многотысячным тиражом. Осуществляется теле- и радиовещание на национальных языках;

3. Многие крупные ученые и деятели искусства – представители разных национальностей творили и творят свои произведения на узбекском языке, внося свой неопределимый вклад в развитие узбекского языка и литературы;

4. Тюркские семьи отдают предпочтение обучению своих детей в школах и вузах, где преподавание ведется на узбекском языке;

5. Имеют место определенные пробелы в научном изучении туркменского, киргизского, азербайджанского, уйгурского и таджикского языков;

6. Важной проблемой для многих национальных языков является сохранение своей идентичности в условиях полиязычности. Некоторые языки используются только в семейном общении.

Литература

1. **Озаева, О. В.** Этнонациональное измерение языковой правовой политики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Озаева Ольга Владиславовна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 31 с.

2. **Филатов, А. В.** Еще раз о родном языке / А. В. Филатов // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2011. – № 1. – С. 6.

УДК 821.512.141

Ф.А. Надршина,
*Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

БАШКИРСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу башкирских преданий о происхождении селений. Автор подчеркивает, что мотив выбора места для основания селения осуществляется по принципу удобства расположения и богатства промысловыми угодьями. В связи с этим просматриваются легенды о мифическом покровителе-предводителе (Волк, Олень, Конь), с помощью которого, якобы, древнейшими предками башкир осваивалась их родовая территория. Рассматриваются также легенды, в которых родовую территорию определяют люди. Собранный материал об истории сел и деревень позволил выделить 11 типов мотивов, среди которых чаще встречаются два: “селения названы именами их основателей и первых жителей” и “происхождение топонима связано с племенной или родовой принадлежностью первопоселенцев”.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Bashkir legends about the origin of villages. The author emphasizes that the motive of choosing a place of establishing a village is based on the principle of convenience of location and richness of fishing grounds. In this regard in the legends about the mythical patron-leader (Wolf, Deer, Horse) with the help of which, as we can suppose, the most ancient ancestors of the Bashkirs mastered their ancestral territory. The legends in which people define the ancestral territory are also considered. The collected material about the history of villages made it possible to identify 11 types of motives, among which two motives are the most common: “the villages named after their founders and first inhabitants” and “the origin of the toponym is associated with the tribal or clan affiliation of the first settlers”.

Ключевые слова: предания; башкирские; происхождение; селения; мифологические; племя; род; мотив.

Keywords: traditions; Bashkir; origin; villages; mythological; tribe; genus; motive.

В составе башкирских преданий и легенд значительное место занимают сюжеты о происхождении селений, получившие в народной среде их бытования, а также в научной литературе название “истории деревень” (ауыл тарихтары). Предания этой группы связаны с повествованиями о происхождении племен и родов, с одной стороны, с собственно-историческими – с другой.

Связь с этногенетическими легендарными преданиями достаточно определенно проявляется в рассказах, в структуре которых мотив выбора места для основания селения осуществляется по принципу удобства расположения и богатства промысловыми угодьями.

Для ясности приведем фрагмент из мифологической легенды, объясняющей происхождение этнонима “башкорт”. В основе этого сюжета лежит мотив “волк (корт)-предводитель”. Место, где остановился или исчез волк, стало местом обитания башкир: “В давние-давние времена наши предки кочевали из одной местности в другую. Однажды откочевали они в поисках лучших пастбищ далеко. Долго шли, прошли великий путь и наткнулись на волчью стаю. Волчий вожак отделился от стаи, встал впереди кочующего каравана и повел его дальше. Еще долго следовали наши предки за волком, пока не дошли до благодатной земли, обильной тучными лугами, пастбищами и лесами, кишашими зверьем. А ослепительно сверкающие дивные горы здесь достигали облаков. Дойдя до них, вожак остановился. Посоветовавшись между собой, аксакалы решили: «Нам не найти земли, прекраснее этой. Подобной нет на всем белом свете. Остановимся же здесь и сделаем ее своим становищем» [БИПЛ, 2015: 56–57].

С указанной выше легендой сходны легендарные сюжеты об олене-предводителе. Легенды об олене-предводителе, отмеченные еще в трудах древних авторов (Приске, Иордан...), а также известные у тюркоязычного племени хун, однотипны по сюжетике с башкирскими легендами о волке-предводителе (внезапное появление перед заблудившимися людьми чудесного животного и его внезапное исчезновение после нахождения благодатного места для обитания). В башкирских легендах, записанных в наше время (“Айна и Гайна”, “Гайнинцы”, “Толбуйцы”), традиционный мотив нахождения родовой территории с помощью оленя раскрыт несколько своеобразно, в рамках другой

сюжетной коллизии: будущий основатель рода Гайна и его брат Айна прибывают на берега реки Тол вблизи нынешней Перми верхом на белом олене. Постоянным местом жительства гайнинцев (Гайны, впоследствии его потомков) становится та территория, где наступил на раскаленную землю олень, ударом копыт освободив из-под земли Солнце, похищенное и спрятанное демоническим существом (диковинная волосатая старуха с обвисшими грудями) («Айна и Гайна»). Согласно другой версии, оленя заезживает волосатая старуха – хозяйка местности. Герой избивает чудовищную старуху, та превращается в красивую девушку, на которой он женится («Тулуайцы»); по третьей версии, Гайна-батыр, убив аждаху (дракона), вызволил Солнце из подземелья, повесил его на рога оленя, перенес через реку Тол. Далее следует примечательная деталь: «Каждый день жди меня в это время», – сказала Солнце и поднялось в небо. Гайна ждал Солнце, и оно каждый день в одно и то же время восходило над землей. Так, ежедневно ожидая Солнце, Гайна незаметно для себя привязался к этим местам, решил не покидать их, там и обосновался. Отсюда распространился род гайнинцев. Гайнинцы – самые первые/главные башкиры («Гайнинцы») [БИПЛ, 2015: 66–68].

Башкирские легенды о чудесном коне-родоначальнике и предводителе представляют собой новые версии легенд о волке-родоначальнике («Род Баштая – главного стригунка») [БИПЛ, 2015: 62], отчасти являются дальнейшим развитием традиционного мотива о волке-предводителе («Аулы Ямаш и Юмаш»). Последнее особенно часто наблюдается в преданиях о происхождении селений и их названий (ойконимов), но в отличие от легенд, в преданиях этого типа благодатные места (котло урын) находят не чудесное животное, а собственный скот жителей определенной местности. Мотив обоснования на новом месте в большинстве случаев в преданиях передается традиционным приемом: дети того или иного старика (чаще это двое, трое, пятеро братьев), уйдя в поисках пропавшего скота, находят их в благодатных местах, которые и становятся потом местом расположения, постоянного обитания рода.

При этом в народном сознании понятие «благодатное место», отраженное в легендах с мифологической основой, свой сакральный смысл не утратило, о чем свидетельствует, например, отрывок из предания «Аулы Ямаш и Юмаш». Обращаясь к сыну, отец говорит: «Сынок, ты уже взрослый, женись и переселяйся на берег той реки, где зимовали лошади. Ты должен найти свое счастье именно у той благодатной реки. Осенью Ямаша женили, и он поселился на берегу реки, где провели зимовку пропавшие лошади. <...> Эта местность действительно оказалась благодатной. Скот Ямаша размножился. Его табуны и косяки коней паслись на широком просторе. Родные и близкие Ямаша тоже стали селиться на берегах реки Кышлауар. Там образовался большой аул <...>. В честь первого поселенца аул тот и назвали Ямашем. Второй сын Юмаш также по совету отца выбирает удобное место для поселения: «Юмаш, женившись, тоже хотел поселиться на берегу той же реки. Но отец не разрешил: «Сынок, чужое счастье не тебе будет, — сказал он. – Свое счастье сам ищи. Дойди до того места, где речка Кышлауар впадает в Сакмар-реку, и отправляйся оттуда

вниз по Сакмару, какая речка тебе приглянется, на берегу той и поселяйся». Юмаш поступил так, как советовал отец. Вернувшись домой, он сказал отцу:

Һакмар буйлап түбәнгә
Утыз сама ер үттем.
Аттан төшөп тубыклап,
Өс йылғанан һыу эстем.
Дүртенсәһенә еткәс,
Атымдан һикереп төштәм,
Шул яланды иш иттем,
Шул туғайзы хуш иттем.

По течению Сакмара
Я прошел верст тридцать вниз.
Из трех рек, сойдя с коня,
Воду пил, колени преклоня.
До четвертой я доехал,
Спрыгнул с верного коня.
И долина та навеки
Стала милой для меня.

[БХИ, 1997: 135–136]

Отец благословил сына. Долина той речки тоже оказалась благодатной. Через два–три года скот Юмаша размножился. На берегу реки образовался еще один аул. Пока старик был жив, он называл ту речку Куасле. Позднее ее стали называть Куашле. А аул получил название Юмаш [БИПЛ, 2015: 407–408].

Традиционные мотивы явственны и в тех сюжетах, где родовую территорию определяют люди. Например, в предании “Мамбет”, записанном в Хайбуллинском районе Башкортостана, есть строки, однотипные с древними легендами о волке-предводителе, благодаря которому люди нашли благодатное место для постоянного обитания, хотя мотив чудесного покровителя и отсутствует, стереотипность – в описании местности. В предании “Мамбет” интересна еще одна деталь, связанная с выбором благодатного места. Главный персонаж предания Мамбет – казах по происхождению, выросший среди башкир, по пути на родину предков, теряет свою плетку (камчу), при возвращении на башкирские земли находит ее и обосновывается со своей семьей там, где это плетка лежала. Сакральный смысл найденной вещи и поступка персонажа в предании не расшифрован, однако с точки зрения традиционных воззрений башкир, связанных с почитанием коня, он объясним. В исследуемом предании мы встречаемся со случаем замены образов: вместо потерявшихся коней, нашедших благодатное место для проживания рода, плетка, пропитанная конским потом (ею герой повествования погонял коня своего). Примеров много.

Как положительные символы в народных рассказах при выборе места расселения фигурируют также птицы (беркут, голубь), предметы со знаком сакральности (стрела, меч, серебряная монета, посох). В этих случаях обычно разъяснения смысла священности образа, предмета не наблюдается, т.к. они в сознании людей старшего поколения закрепились как стереотипные представления. Образы стариков, мнение которых является решающим при определении места для поселения, ассоциируются с традиционными образами родоначальников из ранних типов преданий-легенд. Не случайно в преданиях об истории селений так много места уделяется передаче информации о родовых подразделениях (ара, аймак, нәсел, түбә): “Родовые подразделения аула Ямансарово: шепшә, кушай, ширмеш, калмык” [БИПЛ, 2015: 418].

Систематизация собранного материала об истории сел и деревень позволяет выделить следующие типы мотивов: 1) селения названы именами их основателей и первых жителей; 2) название селения объясняется количеством сыновей родоначальника; 3) происхождение ойконима связывается с племенной или родовой принадлежностью первопоселенцев; 4) происхождение названия селения объясняется заселением края представителями других народов (народностей); 5) происхождение названия селения объясняется наличием возле него особого камня; 6) происхождение топонима объясняется наличием специального сооружения (крепости); 7) происхождение названия селения связывается особенностями ландшафта; 8) селения названы именем Салавата Юлаева, сподвижника Е. Пугачева; 9) название селения связано с обычаем наречения детей особым именем; 10) происхождение названия селения связывается с каким-нибудь житейским случаем; 11) названия деревень происходят от некогда сказанных слов.

Среди обозначенных наиболее часто встречаются названия деревень первого и третьего типов.

В истории деревень отражены миграционные процессы, межэтнические, межнациональные отношения. Например, в Башкортостане семь деревень носят названия с этнонимом сарт (һарт). Населенные пункты с этим этнонимом встречаются также в Курганской области. Жители деревень, названных именем сарт — это небольшие группы среднеазиатских тюркских племен, влившихся в состав башкирского народа и ассимилировавшиеся им на рубеже XVIII — XIX вв.

Происхождение родовых подразделений от потомков мальчика, оставленного на башкирской земле во время казахских или калмыцких набегов [БһҮ, 1988: 86–87] – традиционный мотив народных преданий.

Имеется предание о проживании мадьяр (самоназвание венгров) на территории Приуралья [БИПЛ, 2015: 416].

Как свидетельствуют письменные исторические источники, мадьярские племена до IX в. занимали территорию Приуралья. Во второй половине IX в. мадьяры, теснимые огузами и печенегами или по какой-то другой причине, покинули Приуралье и обосновались в Паннонии (современная Венгрия). До ухода с Приуралья мадьяры были соседями башкирских племен и находились с ними в тесном этническом контакте [Очерки, 1956: 33].

В историях некоторых деревень имеются ценные сведения, относящиеся к общественно-социальной тематике. Например: “Место, где мы обосновались – это земли башкир из деревни Бугазово. Наши предки пришли сюда из Кайын-Тубэ. Добравшись до этих мест, они поселились рядом с усадьбой жителя Бугазов – Мэшкэ-бабая. Бугазинские башкиры припустили башкир-енейцев (мы – енейцы).

Башкиры-вотчинники (бугазинцы) владели 30-ю десятинами земли, тогда как припущенникам достались 15 десятин [Нэзершина, 2010: 63–64; БИПЛ, 2015: 442]. “В деревне «Большой Чалманарат» проживают типтяре (5-6 семей), башкиры (61 семейство). Башкиры происходят из рода енейцев (йәнәйзәр). Часть этих башкир переселилась сюда из долины реки Сюнь. Башкиры из Большого Чалманарата относятся к родовому подразделению из Суракай-тубэ

(түбә). В селе Новое Курмашево осели башкиры. В деревне Старое Курмашево – башкиры-типтяре, в селе Старое Телякаево – телякаевские башкиры.

«Мы – родом из Еней-тубә. Мы – енейские башкиры. Древний род енейцев раньше обитал на землях ближе к Уфе.

Насколько я знаю, жители села Малый Чалманарат переселились на другой берег Идели. Там сейчас осталось 15 дворов, где проживают енейцы” [Нәзершина, 2010: 61].

Имеются интереснейшие данные по типам хозяйства (охота, скотоводство, пчеловодство, земледелие, добыча руды, заводская работа, строительные дела, платогонство, домашние ремесла).

Обращает на себя внимание еще следующая особенность: в передаче пространственно-временных категорий в преданиях о возникновении селений больше конкретики, чем условностей, характерных ранним типам легендарных преданий об освоении новых земель, заселении края. Это естественно, т.к. хронологические рамки зарождения данных типов рассказов разные.

В целом, предания о происхождении деревень представляют огромный интерес как в познавательном, так эстетическом отношении. Их связь с действительностью проявляется в историзме и мировоззренческой направленности.

Литература

1. Башкирские исторические предания и легенды / авт.-сост. Ф. А. Надршина. – Уфа : Китап, 2015. – 528 с.

2. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1956. – 303 с.

3. Башкорт халык ижады. Т. 2 : Риүәйәттәр, легендалар / төз., инеш мэкәлә һәм аңлатмалар авторы Ф. А. Нәзершина. – Өфө : Китап, 1997. – 440 б.

4. Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / ред. Н. Х. Мәксүтова. – 1-се басма. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 б.

5. **Нәзершина, Ф. А.** Халык күңеленә сәйәхәт (башкорт халык ижадын йыйыу тарихынан) / Ф. А. Нәзершина. – Өфө : ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 248 б.

УДК 81.42

*Nazlı Atiye,
Hitit Üniversitesi,
Türkiye Cumhuriyeti^{1*}*

YÖRESEL ŞAŞIRMA İFADELERİ: ‘YA!.. HANGİ İFADELERİN YERİNE GEÇTİ?’

Аннотация. Язык является важнейшим и незаменимым элементом культуры любого народа. Богатство языка – это прежде всего признак его богатой культуры. Колорит местных

* Hitit Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Öğretim Üyesi, atiyenzli@hitit.edu.tr, atiyenzli@gmail.com

диалектов в Турции по-разному отражается в разговорном языке, который мы используем ежедневно. Сегодня, когда собираются вместе жители Анкары, Афона, Коньи или Чорума, они говорят не на своих диалектах, а на общепринятом, понятном для всех жителей Турции языке. На диалекты своей провинции или города они переходят в том случае, когда собираются вместе из одной и той же местности. В диалектах турецкого языка есть выражения, понятные только людям из Коньи или из Чорума, которые будут странными для уроженцев других районов. Одними из них являются «выражения удивления». Этим термином они называются потому, что сами по себе они не несут конкретной смысловой нагрузки, а являются выражениями, значение которых становится понятно только из стиля произношения. Эта концепция также включает восклицательные выражения, которые легли в основу данной работы.

Abstract. Language is the most important essential of a nation. Substantiality of the language indicates the substantiality of the culture. The substantiality of local dialect in our country reflects into our spoken language differently. Today, while individuals from Ankara, Afyon, Konya and Çorum speak very different from their local dialects when they meet up, they speak according to their dialectic characteristics of their own cities or districts when individuals from Konya or Afyon only meet up. There are some expressions of which only an individual from Konya or Çorum can understand and do not find strange. One of them is 'jeezes'. The reason for defining it as "jeez" is that such expressions do not have a meaning by its own, however they are understandable from the dialectic style. This concept within exclamation diction will create the basis of our statement.

Ключевые слова: культура речи, языковое богатство, диалект, удивление, выражения удивления.

Keywords: Dialect, astonishment, jeez, culture, language substantiality.

Türkçe uzun ve köklü bir geçmişe sahiptir. Orhun Anıtlarından bugüne kadar süre gelen yazılı eserler dışında Türk insanının nesiller boyunca sözlü olarak aktardığı ağız özellikleri her alanda kendini göstermektedir. Bunların başında masallar, ninniler, türküler, vb.nin yanında kullandığı tarım aletleri, hitap ettiği akraba adları, karşılık bulduğu edebiyat terimleri, oluşumuna ya da benzetmeye dayalı yer adları, vb. olarak sıralanabilir. Ancak Türk insanının kuşaktan kuşağa aktardığı temel olgu; 'ana sütü' gibi helal ve temiz olan 'ana dili'dir. Bu dil, ait olduğu millet gibi savaşlar görmüş, çeşitli felaketlerden çıkmış, ancak söylenilmekten ve kaybolup gitmekten hiç korkmamıştır. Belirli dönemlerde Moğolca, Farsça ve Arapça ile kelime alışverişinde bulunmuş, bazı dönemlerde ise Rumca, Ermenice, Fransızca, Almanca ve İngilizce dilleri ile karşılaşmış ve alışverişine devam etmiştir. Tarih boyunca yapılan bu karşılıklı alışveriş sonucunda ise Türk insanının aldığı kelimeyi millileştirmesiyle Türkçe yeniden ve daha güçlü olarak yoluna devam etmiştir.

Ancak yeni alınan kelimeler, daha önce kullanılan bazı kelimelerin daha az kullanılmasına hatta sadece belirli bölgelerde söylenilmesi yol açmıştır. Belirli bölgelerde söylenilen ve o bölgede yaşayan insanlar tarafından anlamı bilinen bu kelimeleri 'yöresel' olarak tanımlayabiliriz.

Yöresel kelimelerin derlenmesi ve yazıya geçirilmesi başta Prof. Dr. Ahmet Caferoğlu, Prof. Dr. Zeynep Korkmaz olmak üzere birçok araştırmacı tarafından çalışma konusu olmuştur. Ayrıca Türk Dil Kurumu *Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi* (1951) dört cilt ve *Derleme Sözlüğü ve Kavramlar Dizini* (1995) adlı sözlüğü yayınlamıştır.

Çalışmamızı hazırlarken, *Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi*'nden yararlanılmış, buna ek olarak gezdiğimiz yerlerden duyduğumuz ifadeleri de yazımıza ekleyerek çalışmamızda yer alması sağlanmıştır.

Araştırmamıza konu olan 'şaşıрма ifadeleri' için yapılan çalışmamızda, çok farklı kelimelerle karşılaşılmıştır. İlk gruptaki kelimeler, doğrudan şaşıрма eylemini karşılayan kelimeler olmakta diğer ya da ikinci grup olarak nitelendirilen kelimelerin de çoğunluğunun yazılış anlamı bulunmayan ancak söyleyişte beden dilini kullanılarak anlamlandırığımız ifade kalıpları olduğu görülmektedir. Kullanılan bölge ya da yöre dışında pek bir anlamı olmayan bu ifadeler doğrudan 'şaşıрма ünlemi' olarak da kullanılmaktadır. Ancak kullanıldığı yörelerde o bölgenin halkı tarafından kullanılmakta, dışarıdan gelen bir kişi de beden dili sayesinde 'şaşıрма ifadeleri'ni anlayabilmektedir. Aşağıda örnekleri yer alan bu ifadeleri öncelikle şaşıрма eylemini karşılayan kelimeler olarak verecek daha sonra 'şaşıрма ifadeleri' olarak kullanılan il, ilçe ya da beldeye göre sıralamasını sunacağız.

Bu konuda yapılan bir çalışma A. Deniz Abik tarafından makale boyutunda ele alınmıştır.

ŞAŞIRMA FİİLLERİ

eneben ol-: şaşırmak (Abik, 2010:14).

eyin beyin ol - (eyit beyil ol-): şaşırmak (Abik, 2010: 15).

eğit meğit ol-: şaşırmak, hayrete düşmek (Abik 2010: 20).

anayana gal-: şaşmak, şaşırmak (Abik, 2010: 25).

ene yana ol-: şaşır-, şaşırpılmak (Abik, 2010: 25).

ön yan ol-: Umulmadık durumla karşılaşınca ne yapacağını bilmemek, şaşırmak (s. 26) (Abik 2010: 14).

apış-: Büyük Türkçe sözlükte birinci anlamı (Korkudan kuyruğunu iki bacağı arasında olmak üzeri bacaklarını birleştirmek; hayvanlar, daha çok köpekler için kullanılır.) kullanılmıştır.

Çalışmamız için ikinci anlamı; "Mec. Beklenmedik bir olay karşısında donup kalmak, şaşırmak" önemlidir. (Korkmaz 2009: 342).

Berinle-: Büyük Türkçe sözlükte anlamı "afallamak, şaşırmak" eylemleri ve diğer anlamı (Kötü düş görmek, kâbus görmek, sayıklamak.) görülmektedir. (Korkmaz 2009: 349).

matlan-: şaşmak, şaşırmak (Erzurum) (T. H. A. S. D. D. 1947: 1042)¹.

ŞAŞIRMA İFADELERİ

abari/abaru: Korku ile karışık hayret bildirir (Nakiboğlu 1994: 235).

abo: 1. Korku ile karışık hayret bildirir (Emirdağ-Afyon) (T. H. A. S. D. D. 1951: 1597).

abu: 1. Şaşma ve korku bildirir (Ereğli, Yeniköy, Ortaca-Akşehir, Konya çevresi, Kurşunlu-Ilgaz/Çankırı, Gülağzı-Ula, Kızılkaya, Milas, Köyceğiz/Muğla, Çeşme/İzmir.) (T. H. A. S. D. D. 1951: 1598).

abûv: Şaşma ve korku bildirir (T. H. A. S. D. D. 1951: 1598).

¹ T. H. A. S. D. D: Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi kısaltması olarak verilmektedir

apari: şaşma bildirir (Küçükyozgat-Zir/Ankara) (T. H. A. S. D. D. 1951: 1613).

awu!: O [şaşma bildirir] (Nakiboğlu 1994: 235).

bay/vay: [şaşırma bildirir] (Nakiboğlu 1994: 236).

ceh: Şaşma bildirir (Çavuşçu-Ilgın/Konya, Mastat/Karaman) (T. H. A. S. D. D. 1951: 1632).

ceh, ceh: Hayret bildirir [şaşırma] (Nakiboğlu 1994: 236).

mah!: Şaşma ünlemi (Nakiboğlu 1994: 239).

obi!: Şaşma bildirir (Nakiboğlu 1994: 239).

ob'u: Şaşma bildirir (Nakiboğlu 1994: 239).

op: Yâ, â gibi şaşma bildirir (Kütahya) (T. H. A. S. D. D. 1947: 1092).

pâ: Şaşma ve korku bildirir (Alpı-Karaisalı-Seyhan/Adana) (T. H. A. S. D. D. 1947: 1126).

uşak!: Hayret bildirir. [şaşırma] (Nakiboğlu 1994: 239).

vîy!: ay, oy, uy [şaşırma] (Nakiboğlu 1994: 240).

viş!: şaşma bildirir (Nakiboğlu 1994: 240).

vişş!: Şaşırma İfadesi. (Kemaloğlu 2012: 71).

vuy!: [şaşırma bildirir] (Nakiboğlu 1994: 240).

TARAFIMIZDAN BELİRLenen ŞAŞIRMA İFADELERİ

anağ!: Şaşırma ifadesi (Konya).

heri: Şaşırma ifadesi (Çorum).

he'mi: Şaşırma ifadesi (Yozgat).

peee: Şaşırma ifadesi (Yozgat).

Çalışmamızda ele aldığımız konu, günümüzde sadece belirli ifadelerle dile getirdiğimiz 'şaşırma ifadeleri'nin Anadolu'da çok farklı şekillerde söylenmesidir. Ancak bu ifadeler birer birer unutulmaya başlanmıştır. Dilimizin zenginliğini ortaya koymak için bu kelime ya da kelime gruplarını sadece yaşlı ya da kullanılan yöre insanların insafına bırakmak yerine gerekli düzenlemelerin ve çalışmaların yapılarak ülkemizin her yerinde kullanılmasını sağlamak olmalıdır.

Bunu yapmanın en kolay yolu ise bu ifadeleri kullanan insanların güzel Türkçe ya da şehirli ağzı ile konuşma zorunluluğunu üzerlerinde hissetmemeleridir. Konya'da kullanılan 'anağ!' ifadesi Konyalı olan ya da Konya'da yaşayan herkesçe bilinmekte yazı dili hariç çok sık kullanılmaktadır. Burada Konya örneğini vermek istememizin sebebi Konya ilinin büyükşehir olmasına karşın Konya ağzında var olan kelimeleri kullanmaya devam etmesidir. İster eğitim görmüş, ister mahalle veya köyünden dışına hiç çıkmamış olsun, Konyalı olarak 'anağ!' ifadesini kullanmayan yok gibidir. Diğer ifadelerin de yaşatılması kullanıldığı yörenin insanına bağlı olduğu gibi dünya dili olan Türkçe'nin sözlüklerinde de yer almasıdır.

'şaşırma ifadeleri'nin yaşatabilmesi için yapılması gereken çalışmaların başında yazı dilinde kullanılmasa bile *Türkçe Sözlük*'te yer alan 'Ya... ifadesinin yanında yer alarak gelecek nesillerce bilinmesi ya da gittiği yerlerde bu türden karşılaştığı ifadelerin 'şaşırma ifadeleri' olarak kullanıldığını fark edebilmesidir. Ayrıca kitle iletişim araçlarının başında gelen televizyon ve çeşitli televizyon kanallarında yayımlanan dizilerde de bu ifadelerin kullanılması kanaatimizce önemlilik arz etmektedir.

Kaynaklar

1. **Abik, A. Deniz.** Derleme Sözlüğü'nde İkinci Kelimesinin Başında S-Bulunduran Tekrarlar Ve Başka Seslerle Benzer Diğer Tekrarlar / A. Deniz Abik. – 2010. – URL: http://turkoloji.cu.edu.tr/pdf/deniz_abik_derleme_sozlugu_ikinci_kelime.pdf (e.t. 3.10.2012).
2. **Durmaz, R.** Oğuzcadan Gelen Esinti: Karakoyunlu Yörükleri Ağzından Büyük Türkçe Sözlüğe Katkılar / Ramazan Durmaz. – URL: <http://turkishstudies.net/sayilar/sayi17/durmazramazan.pdf> (e.t. 3.10.2012).
3. **Kemaloğlu, M.** Terekeme-Karapapah Türkleri Ağzına Ait Sözcükler Muş-Bulanık Çevresi / Muhammet Kemaloğlu. – URL: <http://iudergi.com/tr/index.php/turkiyat/article/view/11429/pdf> (e.t. 3.10.2012).
4. Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi. Cilt 3. – İstanbul, 1947.
5. Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi. Cilt 4. – İstanbul, 1951.

УДК 811.512.141

Нафиков Ш.В.,

*Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Аннотация. В статье представлены воспоминания о Зиннуре Газизовиче Ураксине, научном руководителе автора. Академик Ураксин ввел его в науку, наставления и рекомендации ученого помогли ему защитить кандидатскую диссертацию по сложной, неразработанной и неоднозначно трактуемой в свое время тематике.

Abstract. The article presents the author's memoirs about the teacher, Zinnur Uraksin, the author's scientific adviser. Academician Uraksin introduced him to science, the instructions and recommendations of the scientist helped him to defend his Ph.D. thesis, which was written on a complex, undeveloped and ambiguous subject at one time.

Ключевые слова: башкирский язык; З.Г. Ураксин; воспоминания.

Keywords: Bashkir language; Z.G. Uraksin; memories.

В начале несколько слов о себе. Я – научный работник с многолетним стажем. Лучшие годы моей научной карьеры приходятся на период 1990-е – начало 2000 гг. XXI века. И все это время моя работа проходила в стенах Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы. Это научное учреждение с 80-х гг. XX века возглавлял академик Академии наук Республики Башкортостан Зиннур Газизович Ураксин.

«Путевку в жизнь» мне дал именно Зиннур-агай, став моим научным руководителем в далекое теперь время – начало 80-х гг. прошлого века. Хотя тему своей кандидатской диссертации, область исследований выбрал я сам, а именно «Названия рыб в башкирском языке», он всесторонне поддерживал

меня своими советами, рекомендациями и другой помощью. Именно Зиннур-агай дал мне автореферат кандидатской работы казахского ученого Айтазина Казтая о названиях рыб и орудий рыболовства в казахском языке [Айтазин, 1973]. Автореферат был на казахском языке, и мне пришлось осваивать азы этого близкого к нам тюркского языка. По совету моего учителя поехал я Москву и в «Ленинке» конспектировал саму диссертацию Казтая, получив оттуда много сравнительного материала.

Тему моей научной работы проф. Ураксин считал диссертабельной, говоря, что башкиры занимались рыболовством шире, чем бортничеством. «Я и сам, будучи мальчишкой, любил рыбу в годы войны. Она во многом помогла нам выживать в те голодные, трудные годы», – говорил мой учитель.

Как руководитель, Зиннур-агай рекомендовал мне собирать башкирские названия рыб, снастей “из народа”, послав меня в разные районы БАССР – на север, юг, восток и на запад. Тогда часто имелся скептицизм целесообразности написания труда по нашим названиям рыб: и самих-то названий, видов рыб у нас маловато (всего с полсотни), и что рыбалка – вряд ли достойное занятие для коренных башкир и т.д. Вместе с тем, башкирский язык по названиям рыб (особенно многочисленные его говоры) выработал в течение веков достаточно богатую и развитую по средствам и способам номинации и словообразования тематическую группу. В результате комплексного описания и анализа наименований рыб современного башкирского языка нами было установлено, что данная тематическая группа лексики охватывает более 500 названий с различными вариантами, обозначающими виды рыб, показывающих их дифференциальные признаки по возрасту, величине и т.д. [Нафиков, 1986].

Зиннур-агай неоднократно читал и правил мои научные статьи, фрагменты диссертации, а эту работу я сам переделывал не раз – всего имелось четыре версии.

Несмотря на мои старания, учебу в заочной аспирантуре я завершил с просрочкой в полтора года. Мой учитель договорился со своими коллегами из Стерлитамакского пединститута принять мой автореферат и диссертацию на внешний отзыв. Там я встретил благожелательную обстановку и успешно прошел собеседование с учеными-башкироведами. Также Зиннур-агай нашел для меня хороших оппонентов – профессора Н. Ишбулатова и доцента Ф. Хисамитдинову. Они много мне дали на заре моей научной карьеры. В феврале 1988 года состоялась защита самой диссертации на научном диссовете при БашГУ. Зиннур-агай, проф. Э. Ишбердин и другие дали высокую оценку моей работе. В августе того же года пришло утверждение ВАК из Москвы. Так я стал кандидатом филологических наук. И то, что сейчас автореферат диссертации о названиях рыб активно цитируется, на него ссылаются при исследовании лексики тюркских языков – это главным образом благодаря научному наставничеству акад. З.Г. Ураксина.

Литература

1. **Айтазин, К.** Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Айтазин Казтай. – Алма-Ата, 1973. – 20 с. : ил.

2. **Нафиков, Ш. В.** Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нафиков Шамиль Валеевич. – Уфа, 1986. – 198 с. : ил.

УДК 81'25

*Нигматова Л.Х.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

ПРИНЦИПЫ «СОВРЕМЕННОСТЬ» И «УСТАРЕВАНИЕ» В СЛОВАРЯХ

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода. Уделяется большое внимание словарям, тенденции развития словарей. Поднимается проблема словарей с точки зрения “современности” и “устаревания”. А также рассматриваются проблемы, стоящие перед переводчиками в процессе перевода произведения с одного языка на другой. При создании любого современного словаря (отражающего создаваемый период) понятие «время» требует определения. В конце концов, нет другого уровня языка, который был бы настолько изменчив, как лексический уровень языка, отражающий в себе противоречие стабильности и нестабильности. Слово «современный» также означает «последний пункт» и «последний разрез». Хотя они объединены как с одной стороны, также они противоречивы и с другой.

Abstract The article is devoted to the problems of translation. Much attention is paid to dictionaries, trends in the development of dictionaries. The problem is raised from the point of view of "modernity" and "obsolescence". It also examines the problems faced by translators in the process of translating a work from one language into another. When creating any modern dictionary (reflecting the period being created), the concept of "time" requires a definition. After all, there is no other level of language that would be as changeable as the lexical level of the language, which reflects the contradiction between stability and instability.

Ключевые слова: словарь, слово, современный, этимология, произведение, архаизмы, историзмы.

Keywords: dictionary, word, modern, etymology, work, archaisms, historicisms.

При создании любого современного словаря (отражающего создаваемый период) понятие «время» требует определения. В конце концов, нет другого уровня языка, который был бы настолько изменчив, как лексический уровень языка, отражающий в себе противоречие стабильности и нестабильности. Слово «современный» также означает «последний пункт» и «последний разрез». Хотя они объединены как с одной стороны, также они противоречивы и с другой. Например, слово «современный» может относиться к сегодняшнему дню, сегодняшнему веку и сегодняшнему столетию. В частности, в какой степени это относится к лексикографии и как словари оцениваются с точки

зрения современности? Ведь если новые слова и термины постоянно вводятся в язык, опубликованный же словарь имеет ограниченные возможности, основываясь на определенный отрезок времени. Это означает, что так же, как словарь без публикации никогда не существует, сама публикация делает словарь устаревшим. Таким образом, термин «современный», применяемый к традиционным печатным словарям, как правило, относителен. Это качество применяется в соответствии с его полной сущностью до публикации словаря и начинает отходить от его сущности после завершения процесса публикации. Поэтому Э. Косериу предлагает убрать современное слово из названия любого вновь изданного словаря. Его основой было следующее: язык не развивается как техника, индустрия, не говоря уже о литературе, поэтому неправильно использовать современное слово в современных литературных сочетаниях по отношению к лингвистическому словарю. Новые слова основаны на старых, между ними есть преемственность, подобная ситуация не встречается ни в технике, ни в литературе. [Будагов, 1989: 12–13] Козериу указывает на то, что при вводе нового слова в словарь лингвист вырезает его из языка, из потока языка, и в результате он теряет язык и остается абстрактным, вне контекста, имея *свой определенный смысл и свое значение*.

Являются ли новые аннотированные толковые словари узбекского языка современными? Насколько в них отражено понятие «современность»?

Развитие информационно-коммуникационных технологий XXI века, создание онлайн-словарей в результате глобальной «паутины» позволило современному слову в области лексикографии полностью сохранить свою сущность. Только онлайн-словари идут в ногу со временем и имеют возможность отслеживать все происходящее в языке.

Применяя термин «современность» к словарям, мы имеем в виду последний отрезок в данный момент и данное время, но никак не последний пункт в развитии языка. Следовательно, возвращаясь к самому последнему моменту времени, образуется временной интервал развития языка. «Специфика таких понятий, как современный и современность, по отношению к языку в целом и особенно по отношению к лексикографии заключается в том, что подобные понятия опираются и на данное время («теперь») и на близкое прошлое время («классики»). [Будагов, 1989: 14]

Нам всем известно, что язык нормирован, кодифицирован, устойчив. Изменения в языке между «сегодняшним днем» и «недавним прошлым» не следует понимать только как введение новых слов и исчезновение старых. Языковые изменения очень сложный процесс, который может проходить столетия. На образование новых слов может влиять социально-экономическое, техническое развитие. Как утверждает В.В.Виноградов, «...от Пушкина до наших дней сменилось несколько (по крайней мере три) лексико-стилистических систем и соответствующих и литературно-языковых норм». [Виноградов, 1966: 25] Поэтому при определении современности языков или показе границ «современности» также необходимо изучать свойства слов для образования соединений. Итак, одним из принципов «современности» является грамматический принцип. Грамматический принцип связан с обновлением

семантико-методологических возможностей слов. Обновление или устаревание семантико-стилистической окраски слова также изменяет валентность слова. Как указывает Ян Парандовский, польский историк, ученый писатель. Автор книг «Алхимия слова», «Олимпийский диск». Польские писатели эпохи романтизма различали язык XIX века начала, середины, первой, второй половины, а также конца XIX века. Писатели более позднего периода не обращались к языку начала XIX века вплоть до конца столетия.[Я.Парандовский, 1972: 112]

Категории восприятия и понимания в психологии имеют большое значение как в словарях, так и в выборе слов для словарей. По словам Ананьева Б., новизна слов в словаре должна определяться их пониманием, а не их восприятием. В психологии восприятие означает частичное знание объекта, понимание означает его полное покрытие истинного значения. [Ананьев, 1960: 25] Для того, чтобы слова не входили в разряд устаревших слов или историзмов, они должны полностью осознаваться человеком. Если когда-то оно находилось в состоянии «полного сознания», сегодня оно может находиться в состоянии полного непонимания, или же может восприниматься без знака «современности». Например, слово *позор* в словаре Ушакова: постыдное, унижительное положение, вызывающее презрение ◆ Не вынесла душа поэта // **Позора** мелочных обид. М. Ю. Лермонтов, «Смерть Поэта», 1837 г. ◆ Это было огромным ударом и величайшим **позором** для революционного правительства... Н. Н. Суханов, «Записки о революции», Книга 6, 1918–1921 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы);

устар. вид, зрелище ◆ Благодарю, что вновь чудес, красот **позор** // Открыл мне в жизни столь блаженной. Г. Р. Державин, «Евгению», „Жизнь званская“, 1807 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы) ◆ Величествен и грустен был **позор** // Пустынных вод, лесов, долин и гор. Е. А. Баратынский, «Последняя смерть», 1827 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы).

В своих «Лексикологических заметках» Виноградов дает следующее толкование слова *позор*:

Позор [...] понимание литературного текста зависит и от хорошего знания словаря самого данного писателя. Например, в языке ранних стихотворений Пушкина слово *позор* употребляется в своем старом, церковно-славянском значении: 'зрелище'. Так, в оде «**Вольность**» (1817):

Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный **позор**.

(т. е. зрелище гибели, разорения законов).

В стихотворении «Деревня»(1819):

Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный **позор**.

В поэме «Руслан и Людмила»:

Но между тем какой *позор*
Являет Киев осажденный?

С начала 20-х годов это архаическое значение слова *позор* отмирает в Пушкинском языке. И с этого времени Пушкин употребляет слово *позор* в современном значении: 'бесчестье, постыдное, презренное положение'. Например, в стихотворении «Кинжал» (1821):

Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия *позора* и обиды.

В стихотворении «Наполеон»(1821):

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный *позор*.

В стихотворении «Недвижный страж дремал» (1823):

Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с *позором*
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

В поэме «Цыганы»:

Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный *позор*.

В стихотворении «Дружба» (1825):

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства *позор*?

Ср. также:

И наконец на свой *позор*
Вперил он равнодушный взор.
(Из *Ариостова «Orlando furioso»*, 1826)

Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!

Какой *позор*!

Таким образом, изучение индивидуального словаря Пушкинского языка устанавливает хронологическую грань, за которую не переходит архаическое, славянское употребление слова «позор» как синонима «позорище» (зрелище) в языке Пушкина. (Только в «Отрывке из литературных летописей» Пушкин употребляет слово *позор* несколько двусмысленно: «все простодушные обмолвки выведены на *позор*»). ... Но в широком русле истории русского языка этот индивидуальный факт приобретает глубокий интерес и выразительную силу лишь на фоне общей картины семантических изменений слова *позор* в русской литературной речи. Следовательно, и здесь подлинное историческое осмысление факта упирается в вопрос об историческом слове русского

литературного языка. Для его создания необходимо семантическое обследование литературных источников, необходимы исследования по семантической истории отдельных слов и выражений. [Виноградов, 1941, т. 1, с. 18–19].

Или же слово **невеста**:

Невѣста (ст.-слав. *невѣста* — от *не* и *вѣдать*, то есть «неизвестная», «незнакомая») – девушка или женщина, вступающая в брак. Неофициально девушка считается невестой с момента согласия на предложение руки и сердца. Официально – с момента подачи заявления в ЗАГС. Возможно, также в значении «девушка, достигшая брачного возраста».

Слово «невеста» происходит от праславянского слова, от которого в числе прочих произошли: ст.-слав. *невѣста* (vѣmъ), рус. *невеста*, *невѣстка*, укр. *невѣста*, белорус. *невѣста*, болг. *невѣста* (в значении «невеста, молодая женщина»), сербохорв. *неvjеста* («невеста, невестка»), словен. *nevěsta*, чеш. *nevěsta*, словацк. *nevesta*, польск. *niewiasta* («женщина»), в.-луж. *ńewěsta*. Первоначальное значение слова – «неизвестная» (*не* и *вѣдать*), как в в.-луж. *wěsty* – «известный, определённый», а *ńewěsty* – «неизвестный». Невеста – «новейшая» в роде, то есть только что вступившая в семью. Табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для неё дом — дом её жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у неё свадебного покрывала. Все прочие этимологии сомнительны. [wikipedia]

Словарь Даля:

невеста, девица, вдова или разводка, сговоренная замуж; обычно понимают девицу; обреченная или обрученная мужу, засватанная, просватанная, зарученная; запитая девка. Жених с невестой князь да княгиня, в день брака. Невесте везде почет. Невеста без места, жених без куска, о бедной свадьбе. Невеста не жена: можно разневеститься.

Толковый словарь Ефремовой:

невеста – общеслав. Общепринятой этимологии нет. Наиболее предпочтительным до сих пор кажется объяснение слова как преф. производного (отрицание не-) от утраченного *věsta «известная», суф. [Ефремова Ф., 2000]

Этимологический словарь Шанского:

невеста — древнерусское – невеста. Старославянское – невеста (жена сына). Общеславянское – nevesta. Слово «невеста» – славянское по происхождению, в русском языке известно с XI ...

Общеслав. Общепринятой этимологии нет. Наиболее предпочтительным до сих пор кажется объяснение слова как преф. производного (отрицание не-) от утраченного *věsta "известная", суф. образования от той же (< *vědta; dt > tt > ст) основы... [Шанский, 1975: 125]

Таким образом, мы пришли к выводу, что конечная цель лексикографа состоит в составлении «современного» в данное время словаря. Однако это относительное понятие в лексикографии, конечно, невозможно сделать в максимальной степени, так как мы сказали, что значение слов со временем меняется. В конце концов, в большинстве языков словари постоянно

пополняются, поток ассимилируемых слов продолжает попадать в языковую среду быстрыми темпами.

Как и в случае с любым явлением бытия, слова в языке столь же многогранны, как и они, и имеют потенциал принадлежать различным словарям с каждым аспектом.

Говоря о различиях и сходствах между словарями, мы считаем целесообразно было бы процитировать слова Л. В. Щербы: «Моя задача немного другая: во-первых, я думаю, что необходимо подчеркнуть сходство, а не различия между словарями.

Что сближает словари, так это то, что все словари имеют дело со словами и вещами, все анализируют словарный запас языка, который отражает мир человеческого воображения, а также мир конкретных знаний. Но словари в той или иной степени сталкиваются с проблемой, существования слова или вещи в человеческом воображении. Это основа существования всех принципов материалистической лексикографии. Любой качественный энциклопедический словарь охватывает все термины периодической таблицы Менделеева, в частности, слова *перекись*, *окись*, оставляя объяснение выражений *ксенон*, *гафний* для специальных терминологических словарей. Но ни в одном энциклопедическом словаре мы не находим глаголов таких, как *идти*, *говорить*, *слушать* [Щерба, 1974: 262–275].

Литература

1. **Ананьев, Б. Г.** Психология чувственного познания / Б. Г. Ананьев. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 486 с.
2. **Аникин, А. Е.** Русский этимологический словарь. Вып. 10 (гáлочка I – глѣ́ча) / А. Е. Аникин. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН : Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 368 с.
3. **Будагов, Р. А.** Толковые словари в национальной культуре народов / Р. А. Будагов. – Москва : Изд-во Московского университета, 1989. – 151 с.
4. **Виноградов, В. В.** Лексикологические заметки / В. В. Виноградов // Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектологического ин-та. Т. 1. – Москва, 1941. – С. 18–19.
5. **Виноградов, В. В.** Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. – 1966. – № 6. – С. 25.
6. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [в 2 томах]. – Москва : Русский язык, 2000. – 2 т.
7. **Парандовский, Я.** Алхимия слова / Ян Парандовский. – Москва : Прогресс, 1972. – 336 с.
8. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь русского языка : [в 4 томах] / Ушаков Д. Н. – Москва : Советская энциклопедия, 1935. – 4 т.
9. **Шанский, Н. М.** Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 6.3 / под. ред. Н. М. Шанского. – Москва : Изд-во Московского университета, 1975.

10. Щерба, Л. В. Языковая систем и речевая деятельность / Л. В. Щерба.
– Ленинград : Наука, 1974. – 428 с.

УДК: 821.161.1

*Носиров О.Т.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ (ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ) СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ВРЕМЕНА ГОДА» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация. В данной статье рассмотрены универсальные средства выражения концептосферы “Времена года” в русской и узбекской языковых картинах мира. Проанализированы словарные определения концептов, входящих в рассматриваемую концептосферу, отраженные в русском и узбекском толковом словарях. Сделана попытка рассмотрения концептуальных оппозиций, представленных в качестве изолированных антонимических пар. Освещается национально-специфическое содержание концептов «Зима» и «Лето» в русской и узбекской языковых картинах мира, связанных с климатическими особенностями и культурно-ценностными доминантами русской и узбекской культур.

Abstract. This article discusses the universal means of expressing the concept sphere “Seasons ” in the Russian and Uzbek language pictures of the world. The article analyzes the dictionary definitions of concepts included in the considered concept sphere, reflected in the Russian and Uzbek explanatory dictionaries. An attempt is made to consider the conceptual oppositions presented as isolated antonymic pairs. Russian Russian and Uzbek language images of the world are characterized by the national-specific content of the concepts "Winter" and "Summer", which are related to the climatic features and cultural-value dominants of the Russian and Uzbek cultures.

Ключевые слова: концептосфера; когнитивный признак; оценочное поле; ядро; периферия концепта; базовый код.

Keywords: concept sphere; cognitive symptom; the evaluation field; nucleus; periphery of the concept; the underlying code.

В современной сопоставительной лингвистике изучению концептов уделяется особое внимание, что делает возможным, используя накопленные данные, структурировать концепты и сопоставлять их, исследуя в их наполнении общечеловеческие (общемировые) и национально-специфические характеристики с помощью приемов и методов сопоставительной лингвистики. Еще Л. В. Щерба придавал большое значение сравнительному изучению языков для лучшего понимания своего собственного [Щерба, 1974: 101].

Применение методов сопоставительной лингвистики, то есть составляющих концептосферы времена года (концепты зима, лето, весна и осень) на материале разноструктурных языков – русского и узбекского, позволяет выявить и обнаружить сходства и различия содержания концептов. Поскольку в целом в рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную

подсистему, выявляется ядро и периферия подсистем сравниваемых языков. При таком подходе применяется сравнение одновременно двух или нескольких языков, при этом одинаково важны как сходства, так и различия. [Стернин, 2007: 13–15; Францева, 2012: 128]

К числу общечеловеческих (общемировых) характеристик концептов зима и лето концептосферы «времена года», относятся наиболее древние (архаические) когнитивные слои в значении концептов, в основании которых лежит система наблюдений древних людей и их поведенческих реакций на природно-климатические условия. Так, например, определение «самое холодное время года» или «период года, следующий за осенью и предшествующий весне» можно применить к словарному определению зимы как в русском, так и в узбекском языке: см., например, «самое холодное время года, следующее за осенью» [Ожегов, 1983: 206] и «Йилнинг куздан кейин келадиган совуқ фасли» [ЎТИЛ, 1981: 253]. А такие характерные погодные явления, связанные с зимой на территории евразийского пространства, как холод, снег, снегопад, мороз, укороченный световой день, и сопутствующие им значения, позволяющие создание метафор со словом зима (например: голод, замерзание, смерть, тьма, зло, старость), одинаково присутствуют и/или могут метафорически (или контекстуально) присутствовать как в русском, так и в узбекском концептах «Зима».

Словарные определения лета в русском и узбекском толковых словарях также практически идентичны: «Самое теплое время года, следующее за весной» [Ожегов, 1983, с.285] и «Йилнинг баҳор билан куз орасидаги энг иссиқ фасли» [ЎТИЛ, 1981, с.253]. Оба определения подчеркивают характерное погодный признак – «самое теплое время года», а в значениях концепта как в русском, так и в узбекском языке встречаем такие общие значения как жара, отдых и каникулы.

Отметим, что реальные, прагматические значения концептов зима и лето, связанные с состоянием природы, погоды и температуры, относятся к глубинным когнитивным слоям концептов, так как они отражают опыт Homo sapiens, восходящий к архетипическим, древнейшим представлениям, основанным на опыте познания окружающего пространства и действительности и выживания в них. Древние люди, чтобы выжить, должны были быть очень наблюдательны, поэтому циклические изменения в природе они заметили очень рано. Свои наблюдения, знания они фиксировали в астральных рисунках, которые отражали довольно сложные закономерности поведения Луны и Солнца [Найдыш 2002: 47]. Такие наблюдения носили практический характер и были связаны с коллективной хозяйственной деятельностью человека. Подобного рода наблюдения и представления соотносимы с базовыми кодами культуры, в них фиксируются представления о мироздании. Базовые коды культуры прослеживаются в базовых оппозициях, к которым относятся оппозиции «верх–низ», «далеко–близко», «хорошо–плохо», «свой–чужой» и некоторые другие [Красных, 2003: 375]. К ним можно отнести пару зима–лето, противостояние которой отражается в фольклоре: пословицах, поговорках и загадках, в которых мироощущение зимы – это плохо, сопоставимо с угрозой

жизни – холод, голод, смерть, опасность и др.; мироощущение лета – хорошо, солярность, дары природы, и благоприятный период для тяжелой изнуряющей работы по подготовке к выживанию зимой. Таким образом, два этих времени года превращаются в концептуальную оппозицию «зима–лето». Например, в русском языке:

*лето работает на зиму, а зима на лето;
что летом родится, зимой пригодится;
летом не соберёшь – зимой не найдёшь;
будет зима — будет и лето;
готовь сани летом, а телегу зимой;
лето пролежишь, зимой с сумой побежишь;
летом нагуляешься, зимой наголодаешься;
летом не вспотеешь, так и зимой не согреешься.*

В узбекском языке:

Қиш гамини ёз ўйла (о зиме заботься летом);

Ёз гамини қишда, қиш гамини – ёзда (заботься о лете зимой, о зиме – летом);

Ёзда ёзиласан, қишда йиғиласан (Летом все разложишь, зимой все подберешь).

Таким образом, как и в русском, так и в узбекском языке, несмотря на языковое оформление, то есть структурные различия между славянским и тюркским языками, прослеживается схожесть отображения в языке оппозиции концептов «зима–лето», отражая, тем самым, схожесть когнитивных процессов древних людей, то есть схожесть миропонимания и мироосмысления нашими предками фрагментов окружающей действительности (коллективное бессознательное, согласно термину, предложенному К. Юнгом). В языковой системе такие концептуальные оппозиции представлены в качестве изолированных антонимических пар, не связанных отношениями полисемии или синонимии с другими словами, выраженных однозначными словами, противопоставленными друг другу. Так, антонимическую пару зима (самое холодное время года) и лето (самое теплое время года) наблюдаем как в русском, так и в узбекском языках [Введенская, 2006: 360; Рахматуллаев, 1992: 305], и подобная пара в русском и узбекском языках проявляет максимальное сходство, как по семантике так и по структуре [Мамасолиев, 2011: 17]. Также в русском и в узбекском языках, в плане темпоральных установок, концепт «Зима» и концепт «Лето» отражают линейную концепцию времени, то есть зима и лето противостоят друг другу, но не следуют друг за другом; их повторяемость циклична согласно ходу четырех времен года.

Учитывая, что языковые проекции коллективного бессознательного, в данном случае концептуальная оппозиция «зима–лето», не имеют кровной и расовой наследственности, а принадлежат человечеству в целом, можно заключить, что в глубинных, или базовых когнитивных слоях концептов зима и лето как в русском, так и в узбекском языках, содержится единая для всего человечества, общая целостная и идентичная основа.

Дальнейшее развитие человечества, смена исторических, социальных и культурных реалий работали на привнесение дополнительных слоев – смыслов и значений в концептах зима и лето в целом и в частности: Как, например,

празднование Нового года 31-го декабря на 1-е января и связанные с ними реалии и праздничные традиции. Поскольку эта традиция, по сравнению с территорией России, появилась в Центральной Азии сравнительно недавно, в начале XX века, то связь данного явления с концептом зима в русском языке исторически «старше», на более чем 200 лет, чем в узбекском языке, поскольку в России данный праздник празднуется с 1700 года, согласно указу Петра I о реформировании календаря. До Петра I новый год наступал в начале сентября, а до указа от 1492 года царя Ивана III – в марте, то есть согласно календарным ритмам солнечного календаря, сохранявшимся с дохристианской, языческой эпохи. Отметим, совпадение древнерусской традиции отсчета нового года в марте по солнечному календарю: она совпадает с традицией празднования Навруза в марте у иранских и тюркских народов, также по астрономическому солнечному календарю. Однако, если после исторических государственных реформ в лингвокультурном пространстве русского языка празднование Нового года «закрепилось» на даты с 31-го декабря на 1-е января, то в центральноазиатском регионе в лингвокультурном пространстве тюркских языков в целом и узбекского языка, в частности, к началу XX века сосуществовали традиции отсчета нового года по лунному календарю (мусульманский календарь, «плавающая» дата) и по солнечному календарю – Навруз. В XX веке к ним добавилось празднование нового года и по западному стилю. На сегодняшний день, в XXI веке в связи с возрождением мусульманских традиций в рамках светского государства в лингвокультурном пространстве узбекского языка наблюдается уникальное явление – новый год здесь ассоциируется с тремя явлениями: «зимний» Новый год, новый год по лунному мусульманскому календарю, и «весенний» национальный новый год по солнечному календарю – Навруз. Тем самым, подчеркивая, что концепт «Зима» в русской языковой картине мира и в узбекской языковой картине мира явления, хоть и имеющие ряд схожих характеристик, но, тем не менее, не одинаковые, а уникальные в своей национальной специфичности.

В отличие от рациональной оценки глубинного слоя концепта (объективная оценка окружающей действительности, явления), в периферийных слоях значений концептов зима и лето доминирует эмоционально-ассоциативное начало (субъективная оценка окружающей действительности, явления), тесно связанное с оценочностью. «Оценочность, представляемая как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляет двух разных компонентов значения, они едины. Оценка как бы впитывает в себя соответствующую эмоцию <...>» [Лукьянова, 1986: 11]. Положительная оценка связана с одобрением, восхищением и т.п., отрицательная оценка – с неодобрением, негодованием и т.п.). Отсюда проистекают и определенные психообразы зимы и лета в сознании носителей русского языка и узбекского языка. Н.В. Красовская и В.И. Драчук в своих исследованиях определяют это как традицию национального употребления данного концепта [Красовская, 2009: 22; Драчук, 2013, <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section086.html>].

Таким образом, в каждом концепте, составляющем концептосферу «Времена года» в целом, и в концептах «Зима» и «Лето», в частности, можно выделить базовое и национально-специфическое содержание.

Национально-специфическое содержание концептов «Зима» и «Лето» в русской и узбекской языковых картинах мира связано, в первую очередь, с климатическими особенностями и культурно-ценностными доминантами русской и узбекской культур; их этнокультурные отличия проявляются в дополнительных когнитивных признаках концептов на семантическом, образном, понятийном, ассоциативном и символическом уровнях. Интенсификация межкультурных и межсоциальных контактов в современную эпоху максимально эффективно воздействует на изменение и расширение дополнительных когнитивных признаков концептов зима и лето при сохранении схожести их базового древнего слоя в каждом из описываемых языков.

Литература

1. **Введенская, Л. А.** Словарь антонимов русского языка (более 500 антонимических гнезд) / Л. А. Введенская. – Москва : АСТ, 2006. – 445 с.
2. **Красовская, Н. В.** Художественный концепт : методы и приёмы исследования / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета. – 2009. – Вып. 4. – С. 21–25.
3. **Красных, В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
4. **Лукьянова, Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лукьянова Нина Александровна. – Свердловск, 1986. – 40 с.
5. **Мамасолиев, И. У.** Антонимические группировки в русском и узбекском : специальность 10.02.20 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мамасолиев Ильхам Убайдуллаевич; Узбекский государственный университет мировых языков. – Ташкент, 2011. – 169 с.
6. **Найдыш, В. М.** Философия мифологии : от античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. – Москва : Гардарики, 2002. – 554 с.
7. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов, под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Русский язык, 1983. – 797 с.
8. **Стернин, И. А.** Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Москва : Восток-Запад, 2007. – 282 с.
9. **Францева, А. И.** Сопоставительная и контрастивная методики в лингвокультурологических исследованиях (на примере концепта башня в русском, чешском и английском языках) / А. И. Францева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 4. – С. 128–133.
10. **Щерба, В. Л.** Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / В. Л. Щерба. – Москва : Высшая школа, 1974. – 112 с.

11. **Драчук, В. И.** Концепт «зима» в русской поэтической картине мира (на материале русской лирики XIX в.) / В. И. Драчук – Текст : электронный // Молодежь и наука : сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section086.html>. – Режим доступа: свободный.

12. **Рахматуллаев, Ш.** Ўзбек тилиантонимларининг изоҳли луғати / Ш. Рахматуллаев. – Тошкент : Ўқитувчи, 1992. – 305 с.

13. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 2 томли. 2-чи том. 60000 сўз ва бирикма / С. Ф. Акабиров, Т. А. Алиқулов, С. З. Зуфаров ва бошқ.; Э. М. Маъруфов тахрири остида. – Москва : Русский язык, 1981. – С. 253.

УДК 81'373

*Нуркенова С.С., Кинжагалиева К.У.,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан*

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Аннотация. В предлагаемой статье описаны особенности употребления субстандартной (сниженной) лексики, даны сведения из истории вопроса изучения стилистически сниженной лексики, изложены и обобщены взгляды выдающихся лингвистов на проблему стилистически сниженной лексики. Раскрываются взгляды исследователей на стратификацию элементов сниженной лексики, развитие и функционирование терминов. Основным этапом исследования выступили теоретические соискания в рамках сниженной лексики: изучены работы выдающихся ученых: E. Partridge, B.A. Хомякова, Т.М. Беляевой.

Abstract. The article deals with the features of using substandard vocabulary, provides information from the history of the study of substandard vocabulary, and summarizes the views of famous linguists on the problem of substandard vocabulary. The views of researchers on the classification of the elements of substandard vocabulary, the development and functioning of terms are revealed. The main stage of the research was theoretical investigation in the framework of substandard vocabulary: the works of outstanding scientists such as E.Partridge, V.A.Khomyakov, T.M.Belyaeva were studied.

Ключевые слова: языковая норма; сниженная лексика; субстандартная лексика; просторечие; разговорная речь.

Keywords: language norm; substandard vocabulary; substandard vocabulary; vernacular; colloquial speech.

Национальный язык состоит из нескольких слоев, он варьируется согласно не только территориальным особенностям, но и различается в социальном плане. Кроме литературного языка, в нем существуют другие, нелитературные разновидности – территориальные диалекты, социальные диалекты, нелитературное просторечие и некоторые другие.

Языковую норму можно определить как образцовый, нормализованный языковой стандарт, нормы которого воспринимаются как правильные и общеобязательные, общепринятые. Данный стандарт противопоставляется диалектам и просторечию. В пояснении понятие «языковой стандарт» совпадает с понятием литературного языка как одной из форм существования национального языка.

Основными характеристиками языкового стандарта традиционно считаются обработанность, устная и письменная реализация, общепонятность, общеупотребительность, стилистическая дифференциация средств выражения, нормативность, кодифицированность [Филин, 1981: 176].

Тем не менее, помимо литературной нормы языка существует ряд других норм: норма диалекта, норма просторечия и др. Т.М. Беляева и В.М. Хомяков отмечают, что «с точки зрения современной социолингвистики, nonstandard English так же логичен и избирателен, как standard English и является нормой». [Беляева, Хомяков, 2010: 17].

Впервые термин «субстандарт» был введен в научный оборот в 30-е гг. Л. Блумфильдом. Следует отметить, что в определении природы субстандартной лексики среди лингвистов нет единства взглядов. По мнению В.А.Хомякова, «нестандартная лексика или английское лексическое просторечие – это сложная лексико-семантическая категория – определенный фрагмент словарного состава национального языка, то есть известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, представляющее совокупность социально-детерминированных лексических систем (жаргоны, аргю) и стилистически сниженных лексических пластов («низкие» коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах». [Хомяков, 1980: 39]. Другие лингвисты относят субстандартную лексику к социальным вариантам речи или речевым стилям, подчеркивая специфику ее употребления в определенном функциональном стиле. Отсюда термин «стилистически сниженная лексика», употребляемый рядом авторов по отношению к данному лексическому стилю. [Миллер, 1972: 38]. З.Кёстер-Тома понимает под субстандартной лексикой разновидность этноязыка. [Кёстер-Тома, 1993: 31]. По мнению В.Б. Быкова, субстандарт представляет собой «нормированную подсистему национального языка, в которой преобладают некодифицированные, узуальные нормы» [Быков, 2001]. В современных языковых системах субстандартная лексика составляет значительный пласт, в связи с чем возникает проблема ее вычленения из состава стандартной лексики и дальнейшей классификации.

Нестандартная лексика является частью национального языка и отражает его нормы. Данный пласт формируется по его тенденциям и законам развития. Иногда эти слова заимствуются из других языков.

«Агриться» (от англ. *angry* – «сердитый, злой, разгневанный») – употребляют это слово в качестве синонима слов «злиться», «раздражаться».

Панч, панчлайн (от англ. punch – удар кулаком, punchline – кульминация) – сильный аргумент, оскорбительный выпад. Термин пришел из баттлов рэперов.

Таргетолог (от англ. target – цель) – специалист по таргетированной рекламе. Определяет целевую аудиторию и направляет рекламу именно на нее. Таргетолог создает цепочки продаж, работает с трафиком, занимается ретаргетингом (показывает рекламу уже контактировавшим с сообщением людям).

Тян – японский суффикс, употребляется для придания слову уменьшительно-ласкательного оттенка. Иногда употребляется в значении «девушка, девочка».

Юзер стори (от англ. userstory – история пользователя) – требования целевой аудитории, которые поэтапно, на спринтах, реализует команда разработчиков. Своего рода формат технического задания, который помогает разработчикам смотреть на продукт с позиции пользователя.

Пример: *Моя подруженька такая тян!*

Значительное количество слов пласта сниженной лексики возникает в результате различного рода переносов, метафорических и, реже, метонимических. В ходе метафорического переноса может происходить генерализация первоначального стандартного значения слова. По выражению Ю.Е. Скворонской, «особенность метафоризации английского субстандарта заключается в ее отчетливом антропоцентризме. В качестве источника метафоризации избираются явления, относящиеся к человеческой личности, ее существованию и т.п.». [Скворонская, 2007: 153].

Айболит – антивирусная программа;

бомба – девушка или заранее приготовленный ответ для экзамена;

огонь – положительная характеристика чего-либо;

колбаса – ручная кладь, сумка.

Взрывать мозг – 1. *неодобр.* Надоедать разговорами кому-л.; 2. *неодобр.* Говорить что-то бессвязное, ненужное.

Стилистически сниженная лексика как сложная лексическая система занимает определенное место в социально-стилистической иерархии компонентов национального языка. В пределах этой системы наблюдается повышенная вариативность лексики различных подсистем, которые рассматриваются как совокупность стилистических средств литературного языка, профессиональных и социальных сфер речи, как лексико-семантический «свод» нестандартной лексики, противопоставленной стандартной лексике.

Нестабильность, подвижность данной лексики, которая со временем становится литературной нормой, затрудняет ее дифференциацию. Например, в вопросе структурирования субстандартной лексики в современном английском языке В.А. Хомяков и Т.М. Беляева придерживаются существующего классического подхода, беря за основу, который лингвисты вычлениют в так называемую нелитературную лексику и фразеологию (диалектизмы, сленгизмы, жаргонизмы, вульгаризмы). Каждому такому пласту приписываются определенные стилистические функции, которые фиксируются в лексикографических пособиях в

виде функционально-стилистических помет. В рамках такого подхода вся английская нестандартная лексика подразделяется на «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, специальные сленгизмы (жаргонизмы, кентизмы) и вульгаризмы. В сферах внелитературной речи и литературного языка вульгаризмы стоят особняком. Заметим, что вульгаризмы – это лексический слой с непристойной экспрессией, который можно рассматривать под углом их этико-стилистической сниженности, хотя эта сниженность качественно отлична от других нестандартных слов. [Беляева, Хомяков, 2010: 125].

По выражению М.Ю. Скребнева и М.Д. Кузнец, лексика, лежащая ниже нейтрально-литературной лексической нормы, неоднородная по своему составу. Среди сниженных слов следует различать: фамильярно-разговорные слова, свойственные повседневной бытовой разговорной речи (естественное ситуативное снижение); арготизмы и сленг (намеренное снижение); вульгаризмы (эмоционально-подчеркнутое снижение). [Кузнец, Скребнев, 1960: 49].

З. Кёстер-Тома к субстандарту относит языковые элементы, обладающие свойствами системы, которые проявляются на всех языковых уровнях. К типичным языковым сферам субстандарта принадлежат диалекты, а также язык фольклора. Разговорный кодифицированный и некодифицированный язык занимает промежуточное положение между стандартом и субстандартом [Кёстер-Тома, 1993: 15–16]. Кроме указанного выделяются также формы существования субстандартной лексики, обладающие статусом языковых микросистем, входящих в макросистемы, такие, как социальные диалекты, арготизмы (кент), профессиональные и корпоративные (групповые) жаргоны, городские полудиалекты, как «кокни» и «скауз», «внелитературное просторечие», под которым понимают фонетически, грамматически и лексически неправильную с точки зрения литературного стандарта речь необразованных или малообразованных людей. Особняком стоят территориальные диалекты, которые ничего общего со сленгом не имеют [Беликов, 2001: 47–54].

Существует также мнение, что английская нестандартная лексика как сложная, иерархически организованная макросистема национального языка включает в себя определенные лексические пласты экспрессивной нестандартной лексики, и языковые микросистемы социально-профессиональной нестандартной лексики [Хомяков, 1980: 13].

В литературном языке выделяются кодифицированные и некодифицированные разновидности. К кодифицированному типу относится литературный стандарт в его книжно-письменной и устно-разговорной формах, к некодифицированному – нестандартная лексика. Ю.М. Скребнев называет нестандартную лексику *Subneutralwords*, определяя их как «слова, являющиеся сниженными по отношению к нейтральной лексике». К данному пласту он относит слова, используемые исключительно в неформальной речи – разговорные (нелитературные) слова; жаргон и сленг, а также окказионализмы (т.е. представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент говорения и которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с данным словом); вульгаризмы.

По мнению американского лингвиста Уильяма О'Грэйди, вся сниженная лексика делится на сленг, жаргон и арго, в свою очередь, жаргон и арго часто употребляются в одном значении. Они характеризуют определенную социальную группу, включающую довольно небольшое количество членов и являются совершенно непонятными для людей, не входящих в данную группу. Сленг, хотя и подвергается частым изменениям, более распространен и знаком достаточно большому количеству говорящих. Какие-то определенные варианты сленга тем не менее являются показателем членства какой-либо группы, и использование его в присутствии другого члена той же группы является символом согласия и солидарности членов группы.

Сегодня сниженная лексика является неотъемлемой частью лексикона, без знания которой обойтись совершенно невозможно. Исследование сниженной лексики и субстандартных подсистем языка и выявления их системных возможностей дает обширный и интересный материал для наблюдения за словообразовательными процессами в языке, способствует выявлению общих тенденций и закономерностей с учетом социальной и ареальной дифференциации языка. Сниженная лексика, бесспорно, является сегодня одним из проблемных, но вместе с тем и одним из самых интересных для изучения пластов лексики, так как она ближе всего к живой коммуникации, наиболее ярко отражающей менталитет носителей языка.

Литература

1. **Беликов, В. И.** Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Изд-во РГГУ, 2001. – 315 с.
2. **Беляева, Т. М.** Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. – Москва : Либроком. 2010 – 136 с.
3. **Быков, В. Б.** Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Быков Владимир Борисович. – Москва, 2001. – 30 с.
4. **Кёстер-Тома, З.** Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 15–31.
5. **Кузнец, М. Д.** Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Ленинград : Учебно-педагогическое издательство, 1960. – 250 с.
6. **Миллер, А. А.** Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Миллер А. А. – Алма-Ата, 1972. – 30 с.
7. **Нуркенова, С. С.** Проблемы передачи стилистически сниженной лексики и фразеологии (на материале русских переводов англо-американских художественных текстов) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нуркенова Сауле Слямбековна. – Тбилиси, 1988. – 24 с.
8. **Сковронская, Ю. Е.** Статус субстандартной лексики в системе языка и проблемы выделения субстандартных английских прилагательных /

Ю. Е. Сковронская // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 9. Вып. 4. Ч. 2. – С. 149–154.

9. **Филин, Ф. П.** Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – Москва : Наука, 1981. – 326 с.

10. **Хомяков, В. А.** Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Хомяков Владимир Александрович. – Ленинград, 1980. – 30 с.

УДК 811.512.141:81.38

*Псянчин Ю.В.,
Башкирский научно-исследовательский центр
по пчеловодству и апитерании,
Российская Федерация;
Султанова Г.И.,
Башкирский хореографический колледж им.Р.Нуреева,
Российская Федерация*

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)

Аннотация. Первая часть статьи представляет собой историю изучения разговорного стиля башкирского языка. Здесь отдельно показана роль известных исследователей этой проблемы. Также много внимания уделено теории и практике разговорного стиля, дана характеристика специальной терминологии. Вторая часть посвящена анализу двух подстилей разговорного стиля – разговорно-официального и разговорно-бытового.

Abstract. The first part of the article presents the history of the study of the spoken style of the Bashkir language. The role of renowned researchers of this problem is separately shown here. Also, a lot of attention is paid to the theory and practice of the conversational style, the characteristics of special terminology are given. The second part is devoted to the analysis of two sub-styles of the colloquial style - colloquial-official and colloquial-everyday.

Ключевые слова: башкирский язык; функциональная стилистика; функциональный стиль; разговорный стиль; подстиль; жанр; стилевая черта.

Keywords: Bashkir language; functional stylistics; functional style; colloquial style; sub-style; genre; style trait.

Разговорный стиль любого языка выполняет свою основную функцию, а именно – функцию общения [Стилистика русского языка, 1989: 191], но лишь в устной форме. Спектр его применения очень широк, поскольку ему характерна непринужденная специфика общения в быту, семье, сфере неофициальных отношений на производстве, общественно-политической работе, а также в учебной, культурно-просветительской, научной, спортивной деятельности [Стилистика русского языка, 1989: 191; Барлас, 1978: 161; Кожина, 1993: 213–214]. В итоге именно по этим признакам разговорный стиль отличается от стилей книжной сферы.

Традиционно стилевыми, или стилеобразующими чертами разговорного стиля башкирского языка, как и других языков, принято считать непринужденность, непосредственность и неподготовленность; эмоциональность, экспрессивность, оценочную реакцию; конкретность содержания [Плещенко, Федотова, Чечет, 1999: 73]. Известный российский языковед-лингвист М.Н. Кожина в данный список стилевых черт добавляет еще и такие особенности, как фамильярный характер речи, глубокую эллиптичность, аффективность [Кожина, 1993: 214]. Конечно, все это реализуется в разговорной речи путем специфического использования средств лексики, морфологии и синтаксиса.

Один из ведущих башкирских языковедов Г.Г. Сайтбатталов, описывая разговорный стиль башкирского языка, отметил две его специфические особенности: а) отражение в нем элементов разных говоров и диалектов; б) процесс сближения разговорного стиля с башкирским литературным языком [Сайтбатталов, 1978: 57–58]. Получается, что автор в первом случае намекает на существование разговорно-бытового, во втором – разговорно-официального подстиля.

Авторы коллективной монографии «Очерки истории башкирского литературного языка» также проводят эту идею. Но делают это по-своему. Например, они считают, что «<...> К лингвистическим свойствам разговорной речи относятся употребление некнижных, а в ряде случаев также нелитературных средств, что проявляется на всех уровнях языка <...>» [Очерки истории башкирского литературного языка, 1989: 231]. Получается, что авторы в той или иной форме ведут речь о разговорно-бытовом подстиле разговорного стиля башкирского языка. Сам факт наличия разговорно-официального подстиля подтверждают строки о том, что башкирский разговорный язык претерпевает «<...> интенсивное влияние литературного языка. В целом, это видимо, можно считать положительным явлением <...>» [Очерки истории башкирского литературного языка, 1989: 235]. Эти же идеи авторов представлены и в башкирском варианте этой монографии [Ишбирзин һ.б., 1993: 279–280].

В итоге мы выражаем свое согласие с теми языковедами-лингвистами, которые справедливо и вполне обоснованно выделяют два подстиля: разговорно-официальный и разговорно-бытовой [Плещенко, Федотова, Чечет, 1999: 73; Бельчиков, 1997: 57; Бельчиков, 2000: 142–143; Курбатов, 1978: 24–25; Курбатов, 2002: 24–25]. Но для обоих подстилей основным жанром является диалог [Трошева, 2003: 45; Плещенко, Федотова, Чечет, 1999: 73], но бывает, что в качестве такового еще могут признавать и монолог [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982: 117; Горшков, 2006: 288–289].

А. РАЗГОВОРНО-ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПОДСТИЛЬ

Как правило, его специфической особенностью является литературно-обработанная, нормированная устная речь [Стилистика русского языка, 1989: 193]. В основном его образцы в виде диалогов персонажей применяются в литературно-художественном стиле [Стилистика русского языка, 1989: 193]. Возьмем, к примеру фрагмент из повести народного поэта Башкортостана Мажита Гафури «На золотых приисках поэта»:

<...> Мин казарманан сыкканда, караңгы төшкән булып, каршымда бер караскы тора ине. Текләп карагас, уның Хәзисә икәннен белдем.

– Китәһеңме ни?

– Китәм шул...

– Ниңә китәһең инде? Бында ла эш бар бит.

– Шулай за иптәштәр менән китергә уйланым.

– Кире бында кайтаһыңмы һуң?

– Без бер-ике айзан кайтырбыз.

– Безгә төшөрһөң инде.

– Ярай...

Без аз гына һөйләшкәс, мин уга кулымды һуззым. Ул кулын биреү менән бергә, миңә бер кағызза тотторзо. Уның кулы эсе, ләкин кулга рәхәт бирә торган эсе ине...<...>» [Ғафури, 1979: 364].

Пер.: «<...> Когда я вышел из казармы, уже наступили сумерки. Я увидел перед собой темный силуэт и, приглядевшись, узнал Хадичэ.

– Уезжаешь? – спросила она.

– Да, уезжаю...

– Почему уезжаешь? – продолжала она просто, но мне почудился в ее словах укор. – Ведь и здесь есть работа...

– Да, но мы с товарищами решили уехать...

– Мы вернемся ... через месяц-другой.

– Остановись тогда у нас, – попросила девушка.

– Хорошо.

Обрадованный, я протянул ей руку. Она пожала ее и сунула в мою ладонь какую-то бумажку. Рука Хадичэ была горяча, и мне было приятно чувствовать теплоту этой доверчивой девушки <...>» [Ғафури, 1981: 137–138].

Как видим, диалог состоит в основном из простых неполных предложений, но сам он при этом строго нормирован фонетически. Наличие полного предложения *Без бер-ике айзан кайтырбыз*. Пер.«Мы вернемся ... через месяц-другой» только усиливает книжность, т.е. нормированность данного диалога. Именно эта специфика и составляет ее официальность.

Б. РАЗГОВОРНО-БЫТОВОЙ ПОДСТИЛЬ

В этом случае в качестве образца диалога, представляющего основной жанр разговорно-бытового подстиля, можно привести фрагмент из повести писателя Тимергали Кильмухаметова «Жизнь – одна, мир – вечен».

Данный диалог представляет собой образец его информативного типа, который способен функционировать только на основе принципа «вопрос – ответ», но характеризуется при этом связностью речи и логичностью [Беляева, 2005: 10]. Однако информативный диалог имеет свои специфические особенности: во-первых, роль того, кто задает вопросы, должна быть минимальной, поскольку он не проявляет инициативы; во-вторых, инициатор диалога дает только правильное направление, после этого он начинает активно задавать вопросы [Беляева, 2005: 10].

Итак,

<...>Ислам иһә әңгәмәне әленән-әле ауыл тормошона борзо. Хужалар һүззе корорак тотто:

– *Нәмәһен һөйләйһең ауылтың. Халык аслыктан–яланғаслыктан интегә. Күз алтыңта үлеүселәр бар. Әлеге көнтә келәт төбөн кырһаң, ауылтың тел осона һалырлык ашлык сыкмас. Күз терәп торғаны – яңы уңыш. Аныһы нисек булыр – алла белә.*

– *Көрсөккә терәлгән кеше тәғәм ризык өмөт итеп идараға килә. Бер шәшкә он биреп ебәрә алмайбыз. Аның күзенә тура карарға көсөң етмәйенсә, уртыңны сәйнәргә мәжбүрһең.*

– *Кайза нинтәй эш – бисә-сәсә, кыз-кыркын. Ирләр фронтта. Кайтканнар, йыйын кылай, бер табын, тигәнтәй, беззең шикелле, сатан йә сулак.*

– *Райкум упалнамучене Зәйнәгетдинова килгән һайын бер һүззе кабатлай: «Туганнар, тағы әзерәк түзегез, тиззән немес дәмөгөр. Бөркөт кеүек ирләр, егетләр кайтыр. Иркен итеп тын алырбыз». Алырһың...*

– *Мине берсизәтел итеп куйганда ла Зәйнәгетдинова: «Тиззән арысланнарыбыз кайтыр. Шуңарсы түз», тигәйне. Ну, үзегез уйлап карағыз: ниндәй етәксе инте мин – булыр-булмаҫ ете класс. Ағас атка – ағас кусырсы – и все!...*

– *Әтнәке, һин бик меҫкенләһең тә китмә. Бирелгән бөтә заданһыны үтәйме колхоз – үтәй. Ана сәсеү сәселте, утау утала, бесәнкә әзерлек бара. Береһе лә үзенән-үзе килмәй: теҫе, гәзиттә язырға ярата торғанынса, һәммәһе лә хужаларзың «акыллы етәкселеге астынта» эшләһә...*

– *Ярар, ярар, матур һайрайһың. – Председатель тегенең һүзен бүлдә. – Ә хәзер мин һорайым, һин яуап биреп кенә тор. Викторина үткәреп алабыз.*

– *Әтнәке...*

– *Аңлашылты тиң.*

– *Ней, эйе.*

– *Һин тә фронтовик, мин тә фронтовик. Шулай бит?*

– *Так точно.*

– *Беззең рядовой кем өстәнән командовать итә ала әле?*

– *Әтнәке, әтнәке... үзе өстәнән. <...>» [Килмөхәмәтов, 2001: 27–28].*

Досл. «<...>Ислам по-тихонечку перевел беседу на деревенскую жизнь. Хозяева говорили сухо:

– Ну, чего тут расскажешь о деревне. Народ страдает от голода, нищеты.

Люди умирают прямо на твоих глазах. Вот пройдишь по амбарным сусекам, даже зерна с гулькин нос не найдешь. Вся надежда – на новый урожай. А каким он будет – один бог знает.

– Доведенный до отчаяния человек с надеждой получить хоть какую-то пищу идет в правление. Не можем дать ему даже чашку муки. Мы даже не в силах посмотреть ему в глаза, от того и трясем желваками.

– Где, какая работа – одни женщины, девушки. Мужики на фронте. Все вернувшиеся, как и мы, то незрячие, хромые, или однорукие.

– Уполномоченный райкома партии Зайнагетдинова в каждый свой приезд повторяет одно и то же: «Родные, потерпите уж немножко, скоро и немец

сдохнет. Вот тогда и вернутся орлы – мужчины, джигиты. Вздохнем свободно...». Вздохнешь тут...

- Когда меня ставили председателем, та же Зайнагетдинова говорила: «Скоро арсланы наши вернутся. Потерпи уж до этого». Ну, сами подумайте, какой из меня руководитель – кое-как семь классов. Деревянный кучер для деревянного коня – и все!
- Однако, ты уж не прибедряйся. Выполняет колхоз все возложенные на него задания – выполняет. Вон посевная состоялась, прополка идет, началась подготовка к сенокосу. Ничто само собой не происходит: Как принято там, писать в газетах, все делается «под мудрым руководством»....
- Ладно, ладно, красиво заливаешь. – Председатель превал его. – А теперь я спрошу, только успевай отвечать. Проведем викторину.
- Однако...
- Скажи, что согласен.
- Ну, ладно.
- И ты фронтовик, и я фронтовик. Так ведь?
- Так, над кем же может командовать рядовой?
- Однако, однако... Только над собой.<...>».

Таким образом, участники этого диалога получают различную информацию друг у друга: а) по колхозным делам; б) о личной жизни. Получается, что данный диалог представляет собой обмен информацией.

Традиционно принято считать, что просторечие представляют собой «<...> Слова, выражения, обороты, формы словоизменения, не входящие в норму литературной речи; часто допускаются в литературных произведениях и разговорной речи для создания определенного колорита <...>» [Ахманова, 1966: 368]. В этом мы согласны с автором данного определения О.С. Ахмановой.

Итак, исключительно бытовой характер предложенного нами диалога подтверждается наличием в нем диалектных форм: *ауылтың* – лит. ауылдың «деревни»; *күз алтыңта* – лит. күз алдында «на глазах»; *нинтэй* – лит. ниндэй «какой»; здесь мы наблюдаем диссимилятивное употребление звуко сочетаний *лт, мт, нт, мк, нк* [Миржанова, 1979: 110–111], характерное для среднего говора южного диалекта башкирского языка. В представленном нами диалоге имеются и варваризмы *шәшке* «чашка», *райкум упалнамучене* «уполномоченный райкома», *берсизәтел* «председатель», *немес* «немец», *заданьы* «здание», *әтнәке* «однако», которые усиливают заметный отход разговорно-бытового подстиля от литературных норм.

Но в качестве другого жанра, представляющего разговорно-бытовой подстиль [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982: 117; Горшков, 2006: 288–289], мы можем привести монологи в виде диалектной речи, представленные в хрестоматии «Образцы башкирской речи» по всем трем диалектам башкирского языка – восточному, южному и западному [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр, 1988: 12–224].

Разговорный стиль башкирского языка и сегодня продолжает оставаться объектом разностороннего его изучения. Например, очень интересны

изыскания в этом направлении Г.А. Басыровой [Басыров, 2016; Басырова, 2018] и З.А. Хабибуллиной [Хабибуллина, 2009; Хабибуллина, 2015], что еще раз свидетельствует о новом этапе изучения функциональной стилистики башкирского языка.

Одним словом, на современном этапе разговорный стиль требует систематического подхода, что, в свою очередь, позволит перейти к системному его описанию.

Литература

1. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / ред. Н. Х. Мәксүтова. – 1-се басма. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 б.
3. **Барлас, Л. Г.** Русский язык. Стилистика : пособие для учителей / Л. Г. Барлас. – Москва : Просвещение, 1978. – 256 с.
4. **Басырова, Г. А.** Оценочные слова в башкирской разговорной речи / Г. А. Басырова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3-х частях. Часть 2. – 2016. – № 11 (65). – С. 49–51.
5. **Басырова, Г. А.** Виды назывных предложений в башкирской разговорной речи / Г. А. Басырова // Проблемы востоковедения. – 2018. – № 1 (79). – С. 57–61.
6. **Бельчиков, Ю. А.** Функциональная стилистика русского литературного языка : конспект лекций / Ю. А. Бельчиков. – Москва : ИПКРТиР. ФСТР, 1997. – 66 с.
7. **Бельчиков, Ю. А.** Стилистика и культура речи / Ю. А. Бельчиков. – Москва : УРАО, 2000. – 160 с.
8. **Беляева, П. А.** Лингвистический анализ диалогической речи в художественном тексте : специальность 10.02.19 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Беляева Полина Александровна; Институт языкознания РАН. – Москва, 2005. – 21 с.
9. **Горшков, А. И.** Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учебник для педагогических университетов и гуманитарных вузов / А. И. Горшков. – Москва : АСТ, 2006. – 367 с.
10. **Гафури, М.** Повести. / Мажит Гафури; пер. с башк. А. Ворщаговского. – Москва : Советский писатель, 1981. – 352 с.
11. **Кожин, А. Н.** Функциональные типы русской речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – Москва : Высшая школа, 1982. – 223 с.
12. **Кожина, М. Н.** Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Просвещение, 1993. – 221 с.
13. **Курбатов, Х. Р.** Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х. Р. Курбатов; отв. ред. М. З. Закиев. – Москва : Наука, 1978. – 218 с.
14. **Миржанова, С.Ф.** Южный диалект башкирского языка / С. Ф. Миржанова. – Москва : Наука, 1979. – 272 с.
15. Очерки истории башкирского литературного языка. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.

16. **Плещенко, Т. П.** Основы стилистики и культуры речи : учебное пособие / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Чечет. – Минск : ТетраСистемс, 1999. – 240 с.

17. Стилистика русского языка : учебное пособие / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартапетова [и др.]; под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд, дораб. – Москва : Просвещение, 1989. – 223 с.

18. **Трошева, Д. Б.** Диалог // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – С. 44–45.

19. **Хабибуллина, З. А.** Факторы, определяющие специфику разговорной речи / З. А. Хабибуллина // Проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания в свете традиционных и новейших направлений в лингвистике : сборник научных статей. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – С. 217–221.

20. **Хабибуллина З. А.** Типология диалогической речи на материале романа Дж. Киекбаева «Родные и знакомые» / З. А. Хабибуллина // Тюркская филология в свете современных достижений : материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году литературы в РФ и РБ, 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Д. С. Тикеева, Стерлитамак, 11 декабря 2015. – Стерлитамак : СФ БашГУ, 2015. – С. 223–239.

21. **Ғафури, М.** Шағирзың алтын приисқыһында // Мәжит Ғафури. Әсәрзәр 4 томда. Т. 4. Повестар, хикәйәләр, мәкәләләр. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1979. – С. 267–368.

22. **Ишбирзин, Э. Ф.** Башкорт әзәби теленә тарихы / Э. Ф. Ишбирзин. – Өфө : Китап, 1993. – 320 б.

23. **Килмөхәмәтов, Т.** Гүмерберәү, донъямәңгелек // Йәнқишәк. Повестар, хикәйәләр, пьеса, фәнни-публицистик очерк / Тимерғәле Килмөхәмәтов. – Өфө : Китап, 2001. – С. 5–121.

24. **Курбатов, Х. Р.** Сүзсәнгәте : татар теленә лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы / Х. Р. Курбатов; фәнни ред. Р. Юсупов. – Казан : Мәгариф, 2002. – 199 с.

25. **Сәйетбатталов, Ғ. Ғ.** Башкорттеленә стилистикаһы. 2 китап / Ғ. Ғ. Сәйетбатталов. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1978. – 144 б.

УДК 81.44

*Саидова М.Р., Болтаева М.Ш.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем классификацию односоставных предложений по факторам, которая является более удобной и научно обоснованной, так как

классификация проводится последовательно и по одному общему основанию. К тому же она позволяет ввести в типологию понятие типологический эквивалент.

Abstract. In this article, we consider the classification of one-part sentences by factors. The classification of one-piece sentences by factors is more convenient, and scientifically grounded, since the classification is carried out sequentially and on one common basis. In addition, such a classification allows us to introduce a typology into concept of a typological equivalent.

Ключевые слова: типологическое исследование; недоступность грамматической структуры предложения; факторы односоставности; маркированность; немаркированность; значение лица, числа.

Keywords: typological research; inaccessibility of the grammatical structure of a sentence; factors of one-part composition; marking; unmarking; meaning of a person; numbers.

Типологическое исследование односоставных предложений в русском и узбекском языках позволяет сделать вывод о том, что односоставность предложения типологически присуща обоим языкам, хотя распространена в каждом из них по-разному. Онтологичность односоставности показывается тесной взаимосвязью односоставности с «безличными» словами в русском языке и с особенностями страдательного залога и пассивных конструкций в узбекском языке.

В современном языкознании понятие односоставности толкуется и понимается неоднозначно и нуждается в уточнении. Простое отсутствие какого-либо члена предложения в поверхностной структуре речевого предложения не может быть критерием для классификации строя предложения. Поэтому под односоставностью целесообразно понимать не простое отсутствие подлежащего на поверхностной структуре, а структурно – грамматически обусловленную невозможность подлежащего в строе предложения, т.е. подлежащее не просто отсутствует, а, наоборот, оно не предполагается и не допускается грамматической структурой предложения и его центра. [Саидова, 2003: 2].

Типологическое изучение особенностей односоставных предложений в разносистемных языках отчетливо показывает, что подлежащее в тех случаях, когда его лицо/число отчетливо маркированы в морфологическом составе сказуемого, является факультативным и даже избыточным компонентом поверхностной структурной организации предложения в обоих языках. Отсутствие/наличие такого подлежащего не влияет на строй предложения, поэтому отсутствие подлежащего служит критерием односоставного строя предложения быть не может. Односоставными являются такие предложения, которые не предполагают подлежащее и не допускают его.

Следовательно, односоставными являются такие предложения, которые состоят лишь из состава сказуемого и не допускают подлежащего. Поэтому, во-первых, односоставность тесно связывается с морфологической оформленностью сказуемого, и морфологически не оформленные типы предложений считать односоставными (т.е. слова-предложения, обращения, наименования и т.д.) нецелесообразно, во-вторых, деление односоставных предложений на «подлежащные» и «сказуемостные» неправомерно. Односоставные предложения формируются и грамматически оформляются вокруг одного единого центра – сказуемого, т.к. присущая ОП парадигма форм

времен, накоплений, утверждения/отрицания модальностей, свойственная именно сказуемому, а не подлежащему. Отсюда все номинативные предложения должны оцениваться как сказуемостные.

Указанные нами критерии позволяют оценить все типы т.н. «личных» (определенно-личных, обобщенно-личных, неопределенно-личных) односоставных предложений рассматривать как контекстуально-стилистические речевые варианты двусоставных предложений, или что одно и то же, как неполные варианты реализации двукомпонентных подлежащно-сказуемостно структурных схем. «Односоставность» таких предложений обуславливается не структурно-грамматически, а контекстуально-стилистически. То, что т.н. «личные» ОП не имеют собственно языковую строевую природу, доказывает факт зависимости функционирования таких предложений от таких факторов как:

- а) маркированность/немаркированность значения лица/числа подлежащего в морфологической структуре сказуемого;
- б) наличие/ отсутствие подчеркивания производителя действия;
- в) стилистические цели определения направленности (соотнесенности) действия (состояния) конкретному лицу или обобщенному.

Все эти метаязыковые факторы, общие для обоих языков, чем и обуславливаются большие межъязыковые общности в структуре и функционировании «личных» ОП в сопоставляемых двух разносистемных языках.

При устранении из состава односоставных предложений (т.н. «личные» типы) все односоставные предложения обоих языков приобретают общее семантическое ядро – констатация состояния (наличного, данного или другого действия/состояния). Именно с этим может быть связана большая степень распространения функционирования односоставных предложений при отрицании в русском языке, т.к. при констатации отсутствия (отрицания) значение состояния значительно сильно, более отчетливо, чем при утверждении. Однако это не снимает с повестки дня вопрос: «Не имеет ли русский язык особый неноминативный строй для выражения и оформления отрицания, отсутствия, устранения и ограничения носителя состояния (деятеля)?».

Общая семантика наличного состояния наиболее ярко проявляется в номинативных предложениях обоих языков, которые служат языковым обозначением и выражением иллюзорной бытийности. Номинативные предложения в обоих языках являются единственным средством выражения такой информации и метаязыковой реальности. Значительный, можно даже сказать полный, параллелизм в структуре и функционировании номинативных предложений в русском и узбекском языках. Кроме того, они явственно доказывают, что односоставность онтологически присуща этим языкам.

Односоставность в русском языке очень развита и поддерживается делением русских слов на «личные» (в позиции сказуемого, сочетающиеся с подлежащим в И.п.) и «безличные» (в позиции сказуемого, не сочетающегося с подлежащим в И.п., что свойственно узбекскому языку). Именно поэтому

лексико-структурно обусловленные односоставные предложения русского языка в узбекской речи передаются в основном двусоставными предложениями.

В русском языке, где очень развита лексико-структурно обусловленная односоставность, слабо развита морфолого-конструктивно обусловленная односоставность. В узбекском языке наоборот – достаточно сильно развита морфологически обусловленная односоставность. В качестве средства выражения морфологической односоставности узбекский язык широко пользуется возможностями страдательного залога, а также специальными аналитическими конструкциями с вспомогательным глаголом *bolmoq*, и словами типа *kerak*, *zarur*. Падежи в узбекском языке как средство оформления морфологически обусловленной односоставности функционируют неактивно. В противовес этому в русском языке косвенные падежи являются средством выражения морфологически обусловленной односоставности, что наиболее ярко выступает в соотносительных конструкциях типа *Народ собрался./Народу собралось; Видна гора./Видно гору* и т.п.

Сравнительно-типологический анализ односоставности в русском и узбекском языках позволяет сделать шаг вперед в вопросах классификации односоставных предложений в этих языках. Наши наблюдения показали правильность гипотезы о том, что помимо семантических и информативно выразительных целей, односоставность предложения обуславливается особыми факторами. Нам удалось выявить:

1. Контекстуально-речевой фактор, когда неполная реализация структурной схемы, пропуск в речи определенной обязательной или возможной части предложения обуславливаются контекстуальными, стилистическими целями;
2. Коммуникативно-информативный фактор, когда односоставная конструкция является единственным языковым средством для оформления, передачи и сохранения какого-либо рода информации;
3. Лексико-структурный фактор, когда в лексическом арсенале языка имеются специальные слова, которые, реализуясь в позиции сказуемого, не имеют семантико-синтаксическую валентность сочетания с формой И.п. и обуславливают односоставность (неноминативность) предложения;
4. Морфолого-конструктивный фактор, когда особые формы сказуемого или субъекта, потенциального подлежащего, и особые формы сказуемого или субъекта, потенциального подлежащего, и особые конструкции, образуемые ими, исключают наличие подлежащего в форме И.п. в структуре предложения.

Литература

1. **Бабайцева, В. В.** Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – Москва : Просвещение. 1968. – 168 с.
2. **Саидова, М. Р.** Безличные предложения и способы их передачи в узбекском языке / М. Р. Саидова // Преподавание языка и литературы. – 1993. – № 2. – С. 18–21.

3. Саидова, М. Р. Односоставность. Аспекты грамматические и логические / М. Р. Саидова // Первые Бухарские философские чтения. – Бухара, 1995. – С. 70–74.

4. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. Краткий очерк. – Ташкент: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1970. – 200 с.

5. Шведова, Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигмы / Н. Ю. Шведова // Проблемы современной филологии: сборник статей к 70-летию В. В. Виноградова. – Москва: Наука, 1965.

УДК 004

*Салихова З.А.,
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

ОБУЧЕНИЕ И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются информационные технологии. Указываются функции учителя в учебном процессе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Описывается использование ИКТ в классном обучении и учебных процессах. Рассматриваются классификации информационных технологий учебного назначения.

Abstract. The article deals with information technologies. The functions of the teacher in the educational process using information and communication technologies are indicated. It describes the use of ICT in classroom teaching and learning processes. Discusses the classification of information technologies for educational purposes.

Ключевые слова: ИКТ; успеваемость учащихся; обучение; воздействие; образование.

Keywords: ICT; student performance; learning; impact; education.

В XXI веке информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали важной и неотъемлемой частью большинства образовательных организаций во всем мире. Использование ИКТ в процессе преподавания и обучения в классе стало незаменимым, поскольку оно дает учителям и учащимся возможность оперировать, хранить, контролировать и извлекать данные в дополнение к содействию саморегулируемому и активному обучению.

Исходя из этого, в настоящей работе предпринята попытка изучить взаимосвязь между ИКТ и обучением студентов. Этот концептуальный документ основан на вторичной информации, собранной из различных источников, таких как книги, журнальные статьи, газеты, отчеты различных правительственных организаций, неправительственных организаций.

Образование играет важную роль в жизни общества. Это одно из важнейших требований для общего развития человека. Образование начинается с рождения человека и продолжается на протяжении всей его жизни. Это

бесконечный процесс. Качественное образование помогает расширить возможности нации во всех аспектах.

Технология – это важнейшее и эффективное средство распространения личных знаний.

Есть много способов увеличить знания обучающегося, и технология является наиболее эффективным способом. Общее определение ИКТ включают: радио, телевидение, спутник, мобильные телефоны, компьютеры, интернет и т.д.

Они в основном делятся на две группы: традиционные ИКТ (радио, телевидение) и новые ИКТ (интернет, искусственный интеллект, роботы, интеллектуальные приложения, телекоммуникации и т.д.)

Обучение с помощью этих новых инструментов ИКТ также называется электронным обучением. ИКТ являются неотъемлемой частью современного мира. [Ubaru, 2005].

ИКТ рассматриваются в качестве посредника или механизма расширения прав и возможностей, имеющего глубокие последствия для образования, перемен и развития в целом. ИКТ помогают упростить сложные вещи и внести ясность в понимание с помощью моделирования, которое еще раз добавляет к реальным учебным ситуациям. Таким образом, ИКТ служат посредником активного обучения и мышления более высокого порядка.

Роль ИКТ в образовании. Коммуникация – это процесс, в котором два или более человека обмениваются идеями, фактами и чувствами между собой таким образом, что коммуникация каждого человека знакома со смыслом, содержанием и использованием этого сообщения [Leagans, 1961]. ИКТ быстро повлияли на сектор образования. Растет использование различных средств ИКТ в сфере образования. В систему образования вливаются современность и реформы.

ИКТ играют важную роль в том, чтобы сделать процесс обучения учащихся ориентированным на учащихся. Их использование становится все более важным для развития учителей и всестороннего развития, неотъемлемой частью повседневной работы по обеспечению бесперебойной и хорошо организованной работы системы образования или учебного заведения. ИКТ становятся потенциально мощным инструментом расширения образовательных возможностей.

Использование ИКТ вносит существенные изменения в подход к обучению и обучению студентов. Многие исследования показывают, что студенты, использующие средства ИКТ, в основном демонстрируют успехи в обучении. ИКТ обеспечивают быстрый и легкий доступ к более полной и актуальной информации.

ИКТ также могут быть использованы для выполнения сложных задач, поскольку они обеспечивают исследователям устойчивый путь для распространения исследовательских отчетов и выводов, и Тай предложил три основные причины использования информационно-коммуникационных технологий в образовании: они являются инструментом для решения проблем в

преподавании и обучении; агентом перемен и центральной силой экономической конкурентоспособности.

Как агент изменений они помогают улучшить содержание, метод преподавания и общее качество учебно-воспитательного процесса, тем самым также способны снизить рабочую нагрузку учителя и обеспечить ориентированные на запрос классы. [Honey and Mandinach, 2003]. [Swati Desai, 2010] и [Baishakhi Bhattacharjee et al., 2016] описывает основную роль ИКТ в секторе образования, а именно:

1. Эффективно развивать или создавать разнообразие образовательных услуг и сред;

2. Содействовать обеспечению равных возможностей для получения образования и информации для всех;

3. Разработать систему сбора и распространения образовательной информации, которая в дальнейшем поможет всем индивидам получить доступ к образованию в целом;

4. Продвигать технологическую грамотность и дистанционное обучение с помощью технологий, то есть электронного контента, онлайн-класса и т.д.;

5. ИКТ помогают учителям и учащимся правильно общаться. Таким образом, ИКТ сокращают разрыв между преподавателем и учащимися и играют важную роль в оценке учащихся.

ИКТ играют важную роль во всех областях человеческой деятельности. Они используются во всем мире для преобразования идей в реальные цели и развития в равной степени в осязаемые достижения. [Lopez, 2003] Они обладают большим потенциалом для того, чтобы дбыть дополнением к общим существенным улучшениям в системе образования, однако до сих пор эта способность была достигнута относительно немногими, несмотря на то, что ИКТ оказывают значительное влияние на традиционную школьную систему.

Они обеспечили новаторский механизм преподавания и обучения. Распространение ИКТ придало ускорение развитию человеческого общества, которое сейчас называют информационным веком. Фактически ИКТ становятся неотъемлемой частью повседневной жизни человека.

Благодаря ИКТ быстрые изменения заметны во всех областях. Подчеркивается необходимость инвестиций в образование и профессиональные навыки с уделением особого внимания навыкам ИКТ и научно-исследовательским разработкам, что делает его более эффективным и ориентированным на ценности на международном уровне.

ИКТ изменили облик исследований в различных дисциплинах современного мира. Это подчеркивает необходимость того, чтобы исследовательские организации устанавливали связи друг с другом через развитую сеть, которая работает над тем, чтобы соединить каждую часть мира.

ИКТ начали предоставлять ресурсы и услуги университетам для поддержки образовательных, исследовательских и общественных миссий. ИКТ вносят значительный вклад в разработку и осуществление политики и процедур, необходимых для обеспечения эффективного, безопасного и надлежащего использования информационных ресурсов и услуг университетов.

Сегодня ИКТ обеспечивают систему, основанную на знаниях, в рамках которой осуществляется накопление знаний, инкубация, расширение и распространение знаний. Стало ясно, что информация является важным ресурсом, позволяющим осуществлять преподавание, обучение, исследования и публикации.

Как мы все слышали с незапамятных времен, что все в жизни подобно двум сторонам монеты, всегда есть одна положительная и другая отрицательная сторона каждого события. Но независимо от того, является ли этот эффект положительным или отрицательным, он далек от воздействия ИКТ и не может быть переоценен. Инструменты ИКТ используются для поиска, изучения, анализа, обмена и представления информации ответственно и без дискриминации.

Возможно, самое большое влияние ИКТ на отдельных людей было связано с огромным ростом доступа к информации и услугам, который увеличивается с развитием интернета. ИКТ в настоящее время являются полезным мощным инструментом в области сельского хозяйства, машиностроения, медицины, права, архитектуры, авиации, торговли, страхования, банковского дела и финансов, а также морской деятельности и т.д. [Юсуф, 2000].

ИКТ обеспечивают более широкий доступ к образованию, например, дистанционному обучению и онлайн-учебным пособиям; новые способы обучения, например интерактивные мультимедиа и виртуальная реальность; новые возможности трудоустройства, например, гибкая и мобильная работа, виртуальные офисы и занятость в индустрии коммуникаций. [Moursund:2005]. ИКТ несут в себе некоторые из очень мощных вспомогательных средств для воплощения теории в практику.

Среди всех двух важных достижений в области образования – компьютерное обучение и дистанционное образование. В наши дни компьютеры с подключением к интернету стали обычным явлением, как и другие предметы домашнего обихода.

В сфере высшего образования и профессиональной подготовки взрослых имеются некоторые свидетельства того, что новые образовательные возможности открываются для отдельных лиц и групп, которые не могут посещать традиционные университеты. [Robinson: 199] Использование новых информационных технологий может выполнять три основные функции в развитии национального образования.

Они предназначены для того, чтобы:

- а) предоставлять учащимся новый и инновационный опыт обучения;
- б) предоставлять им новые знания, дополнять и расширять контент, предоставляемый в различных формах, отличных от традиционных печатных (бумажных) и т.д.; обеспечить двусторонний канал коммуникации для обмена информацией между преподавателем и обратной связью или для обучения, решения проблем, консультаций, дебатов и отчетов.

Таким образом, преимуществ ИКТ перед образованием больше, чем недостатков, поэтому можно сказать, что ИКТ оказывают положительное

влияние на образование, но способ преподавания предмета тем не менее оказывает большее влияние, чем простое использование ИКТ. То есть, если учитель не перенимает его методы, чтобы наилучшим образом использовать ИКТ, то цель их использования терпит поражение, а также отношение образовательного учреждения будет иметь большее влияние, когда люди, которые управляют ими, имеют навыки. Если нет знаний и опыта, а часто и денег, чтобы обеспечить широкое и эффективное использование ИКТ в своих школах, это оказывается недостатком.

Наконец, отношение общества и правительства имеет большое влияние на то, как воспринимаются ИКТ и, следовательно, насколько эффективно они используются. Из литературы видно, что те страны, где правительство поощряет использование средств ИКТ и где большинство людей их ежедневно используют, скорее всего, будут лучше использовать эти средства в области образования, а также в обществе в целом.

Литература

1. **Агарвал, Р.** Влияние Интернета на экономическое образование / Р. Агарвал // Журнал экономического образования. – Индия, 2008. – С. 29.

2. **Бутчер, А.** Технологическая инфраструктура и использование информационно-коммуникационных технологий в образовании в Африке : обзор / А. Бутчер. – Париж, 2003.– С. 60.

3. **Карле, Д.** Вовлечение студентов колледжа в науку и изменение академических достижений с помощью технологии / Д. Карле. – Париж, 2009. – С. 376–380.

4. **Коллис, Б.** Использование информационных технологий для создания новых образовательных ситуаций / Б. Коллис. – Париж, 2010. – С. 19.

УДК811.512.141

*Саляхова З.И.,
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета,
Российская Федерация*

М.В. ЗАЙНУЛЛИН – ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию научных изысканий доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук РБ, известного тюрколога Марата Валиевича Зайнуллина. Рассматриваются области научных интересов М.В. Зайнуллина, одно из центральных мест которых занимает функциональная грамматика башкирского языка. Описывается роль М.В. Зайнуллина как крупного ученого, основоположника научной школы, выдвинувшего научную идею и сформулировавшего основы исследовательской программы функциональной грамматики башкирского языка.

Abstract. The article is devoted to the research of doctor of Philology, Professor, academician Of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, famous Turkologist Marat Valievich Zainullin. The article considers the area of scientific interests of M. V. Zainullin, one of the Central places of which is occupied by the functional grammar of the Bashkir language. The article describes the role of M. V. Zainullin as a major scientist, the founder of the scientific school, who put forward a scientific idea and formulated the basics of the research program of functional grammar of the Bashkir language.

Ключевые слова: башкирский язык; грамматика; функциональная грамматика; функционально-семантические категории.

Keywords: Bashkir language; parts of speech; grammar; functional grammar; functional-semantic categories.

Функциональная грамматика – направление лингвистики, в основе которого лежит изучение универсальных категорий языка. Специфика функциональной грамматики проявляется в её преимущественной направленности на раскрытие закономерностей взаимодействия грамматических единиц, лексики и контекста, системы функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания. Функциональная грамматика рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным уровням языка, но объединённые на основе общности их семантических функций. При анализе языкового материала используется подход «от семантики к её формальному выражению» («от функций к средствам», так называемый ономаσιологический подход) как основной, определяющий построение грамматики, в сочетании с подходом «от формы к семантике» («от средств к функциям») [Бондарко, 1984]. Важно отметить, что объектом исследования в функциональной грамматике являются не только факты собственно грамматики в ее традиционном понимании (морфология и синтаксис), но и единицы других уровней языка (лексики, словообразования и др.).

Существуют различные направления функционально-грамматических исследований: французская школа функциональной лингвистики, последователи которой ориентируются на грамматические аспекты речи, анализируемые с точки зрения коммуникативной функции языка; пражская школа функциональной лингвистики, концентрирующие внимание на соотношении языковой системы и использования языковых средств в конкретной ситуации речи. Теоретические проблемы функциональной грамматики и различные концепции были освещены в трудах отечественных языковедов: В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, В.Г. Гак, Г.А. Золотовой, С.Д. Кацнельсона, В.П. Неद्याлкова, Ю.С. Маслова, Д.М. Насилова, Н.А. Слюсаревой, А.А. Холодовича, В.С. Храковского, Н.Ю. Шведовой, М.А. Шелякина, Е.И. Шендельс, Д.Н. Шмелёвой и других. Основные принципы функциональной грамматики изложены в работах А.В. Бондарко и коллективных монографиях возглавляемой им группы исследователей. В цикле монографий представлен опыт рассмотрения системы функционально-семантических полей, базирующихся на основах семантических категорий грамматики. Вопросы функциональной грамматики

в той или иной степени раскрываются в исследованиях тюркологов Н.Д. Алмадаковой, Н.А. Баскакова, Ф.А. Ганиева, В.Г. Гузева, А.И. Геляевой, Э.А. Груниной, М.З. Закиева, С.Н. Иванова, А.К. Казем-Бека, Н.Ф. Катанова, А.Н. Кононова, С. Кудайбергенова, К.М. Любимова, Э.В. Севортына, Б.А. Серебренникова, А. Троянского, Л.Н. Харитонова, А.М. Щербака, С.В. Шкуридина, Б.Ч. Чарыярова и др.

В башкирском языкознании исследованию функционально-семантических категорий посвящены труды Н.К. Дмитриева, Дж.Г. Киекбаева, А.А. Юлдашева, А.Х. Фатыхова, Р.З. Мурясова, М.А. Ахметова, К.Г. Ишбаева, Р.А. Абуталиповой, З.И. Саляховой, Г.Р. Абдуллиной, Г.А. Исянгуловой и др. Основателем башкирской функциональной грамматики по праву считается доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук РБ, известный тюрколог Марат Валиевич Зайнуллин.

Марат Валиевич Зайнуллин внес значительный вклад в развитие башкирской и тюркской лингвистической науки. Основные научные интересы профессора сосредоточены в области теории языка, башкирского языкознания, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Ученый занимался исследованием вопросов социолингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики, результаты этих исследований обобщены в 12 монографиях и учебниках, а также более чем в 400 статьях. Центральное место в области научных интересов М.В. Зайнуллина занимает функциональная грамматика башкирского языка. Профессором исследованы такие функционально-семантические категории башкирского и других тюркских языков, как темпоральность, персональность, аспектуальность и модальность. В своих научных изысканиях ученый приходит к выводу о том, что функционально-семантический метод дает возможность изучения языковых явлений во взаимосвязи и взаимообусловленности, а также объективно описать языковую систему. В функционально-семантическом аспекте написаны монографии М.В. Зайнуллина «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)» (Саратов, 1986), «О сущности и границах модальности» (Уфа, 2000; Уфа, 2013), которые посвящены проблеме модальности, относящиеся к числу сложных вопросов современного теоретического языкознания. В монографии определен лингвистический статус модальности, исследованы и систематизированы средства выражения модальных значений в современном башкирском языке, выявлены и классифицированы семантические типы модальных отношений. С точки зрения профессора, разновидности и типы модальных значений и способы их реализации образуют стройную систему, и сущность этой системы может быть раскрыта при условии рассмотрения ее с функциональной точки зрения. Модальность интерпретируется как функционально-семантическая категория, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных способов выражения, связанных между собой семантической общностью. Иначе говоря, для выражения одного и того же инвариантного значения используются средства разных языковых уровней. Следовательно, модальность трактуется профессором как разноуровневая категория [Зайнуллин, 1986; 2000; 2013].

Такая трактовка, как отмечает М.В. Зайнуллин, способствует более глубокому проникновению в сущность категории модальности, более адекватному пониманию ее лингвистической природы [Зайнуллин, 2013: 10].

На основе принципов функциональной лингвистики написана монография «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2013). М.В. Зайнуллиным подробно описаны языковые средства башкирского языка, используемые в речи, произведен комплексный лингвистический анализ, при котором за основу взяты грамматические категории и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства. Особое внимание профессор уделял принципам составления функциональной морфологии. Учебники для студентов высших учебных заведений «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2002), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2005) построены на коммуникативно-функциональной основе, ориентированы на языковую личность. Учет функции языка позволили ему по-новому осветить традиционные объекты грамматики. Так, привлечение коммуникативной функции и принципа антропоцентризма существенно видоизменяет иерархию частей речи, в системе которых на ведущее место выдвигается местоимение. Именно местоимение непосредственно отражает структуру коммуникативного акта и осуществляет ориентацию относительно параметров “я – здесь – сейчас”, обуславливая содержание таких грамматических категорий, как персональность, темпоральность, локальность. Функциональный подход позволил М.В. Зайнуллину по-новому интерпретировать общекатегориальное значение отдельных частей речи. Например, традиционно, принято считать, что имя прилагательное обозначает признак предмета. Однако в свете когнитивности обнаруживается, что имена прилагательные тесно связаны с событийностью. Кроме денотативно ориентированных признаков (обозначение цвета, формы, материала и др.), в классе прилагательных значительное место занимают лексемы с событийным и прагматическим типами значений [Зайнуллин, 2001: 189]. В трудах М.В. Зайнуллина прослеживается принцип иерархии языка, т.е. последовательный переход от конкретного к абстрактному, от простого к сложному. Осложнение грамматических категорий происходит за счет постепенного абстрагирования семантики грамматических категорий. Иерархическое строение морфологических категорий создается также в результате сочетания в них содержательных и формальных функций. Грамматические категории носят содержательный характер, так как в них фиксируются внеязыковые связи и отношения явлений действительности [Зайнуллин, 2001: 189]. Как отмечает М.В. Зайнуллин, исследование таких категорий, как определенность и неопределенность, аспектуальность, модальность, темпоральность, локальность, каузальность, персональность, залоговость, компаративность, количественность, субъективность и объективность и т.п. наглядно показывают, что они являются наиболее общими категориями по сравнению с грамматическими категориями.

Важно отметить, что М.В. Зайнуллин внес огромный вклад в подготовку научных кадров. Под его руководством на основе принципов функциональной

лингвистики написаны докторские и кандидатские диссертации: Х.В. Султанбаевой «Побудительность как функционально-семантическая категория» (Уфа, 1997), М.Г. Усмановой «Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка» (Уфа, 2002), В.А. Шаяхметова «Изафетные конструкции в башкирском языке: Структурно-семантический анализ» (Уфа, 2005), Р.А. Абуталиповой «Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке» (Уфа, 2009), Х.З. Абдрахимова «Метрологическая лексика башкирского языка: лексико-семантический, функциональный анализ» (Уфа, 2011), З.И. Саяховой «Функционально-семантическая категория залоговости в современном башкирском языке» (Уфа, 2012), Г.А. Исянгуловой «Междометия в современном башкирском литературном языке» (Уфа, 2015) и др.

Научная школа функциональной грамматики башкирского языка, основоположником которой является профессор М.В. Зайнуллин, является своеобразной кузницей подготовки научных кадров, которые, в свою очередь, сохраняют и продолжают научные традиции наставника. Научное направление «Функциональная грамматика башкирского языка» объединяет по-разному мыслящих ученых конкретной тематикой, общей системой взглядов, идей, интересов, традиций, сохраняющихся, передающихся и развивающихся при смене научных поколений. Трудно переоценить роль М.В. Зайнуллина, крупного ученого, выдвинувшего научную идею и сформулировавшего основы исследовательской программы для ее разработки, обладающего личным и научным авторитетом для всех участников научной школы.

Литература

1. **Бондарко, А. В.** Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1984. – 133 с.
2. **Зайнуллин, М. В.** Модальность как функционально-семантическая категория (на материале башкирского языка) / М. В. Зайнуллин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 123 с.
3. **Зайнуллин, М. В.** Избранные статьи. – Уфа : Изд-во БГУ, 2001. – 416 с.
4. **Зайнуллин, М. В.** Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание : избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Академия наук Республики Башкортостан : Гилем, 2012. – 456 с.
5. **Зайнуллин, М. В.** О сущности и границах модальности. На материале башкирского и других тюркских языков : монография / М. В. Зайнуллин. – 2-е изд., доп. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. – 380 с.
6. **Саяхова, З. И.** Категория залога глагола и залоговость: история и современность : монография / З. И. Саяхова. – Уфа : Гилем, 2012. – 124 с.
7. **Саяхова, З. И.** Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке : монография / З. И. Саяхова. – Уфа : Гилем, 2012. – 230 с.
8. **Зайнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт эзәби теле. Морфология : юғары укуу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек / М. В. Зайнуллин. – Өфө : БДУ, 2002. – 388 б.

9. Зэйнуллин, М. В. Хәзерге башкорт эзэби теле. Морфология / М. В. Зэйнуллин. – Өфө : Китап, 2005. – 264 б.

10. Зэйнуллин, М. В. Хәзерге башкорт эзэби теле. Морфология : монография. – Өфө : БДУ РНУ, 2013. – 353 б.

УДК 81.373.47

Самситова Л.Х.,

*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

РЕАЛИИ И ПОНЯТИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ С.И. РУДЕНКО «БАШКИРЫ»)¹

Аннотация. В статье рассматривается безэквивалентная лексика башкирского языка. Отмечается, что безэквивалентная лексика выделяется на уровне реалий (отсутствие тех или иных реалий, предметов в других культурах) и на понятийном уровне, когда имеет место различие в категоризации мира тем или иным языком, то есть несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. Особое внимание уделено анализу национально-культурной лексики на уровне реалий и понятий, выявленных на материале историко-этнографических очерков С.И. Руденко “Башкиры”.

Abstract. The article deals with the non-equivalent vocabulary of the Bashkir language. It is noted that non-equivalent vocabulary is distinguished at the level of realities (the absence of certain realities, objects in other cultures) and at the conceptual level, when there is a difference in the categorization of the world by one language or another, that is, a mismatch of conceptual centers (words) that reflect one and the same area of reality. Particular attention is paid to the analysis of national and cultural vocabulary at the level of realities and concepts identified on the material of historical and ethnographic essays by S.I. Rudenko "Bashkirs".

Ключевые слова: лексика с национально-культурным компонентом значения; безэквивалентная лексика башкирского языка; реалии; понятия.

Keywords: vocabulary with a national-cultural component of meaning; non-equivalent vocabulary of the Bashkir language; realities; concepts.

В связи с обострившимся вниманием к проблеме «Язык и культура» в парадигму лингвистических исследований включается выявление национально-культурного компонента значений языковых единиц разного уровня. Более всего этот компонент выражен на лексическом и фразеологическом уровнях. Лексика, как наиболее тесно соприкасающийся с миром действительности уровень языка, помимо традиционных характеристик с точки зрения значения слов, связей слов по значению (антонимы, синонимы), по степени актуальности и сфере

¹ Статья подготовлена в рамках государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан на 2020 год» (подпрограмма «Русский язык», пункт 1.1.3. Разработка электронного ресурса прозы русскоязычных писателей Республики Башкортостан).

употребления (литературная лексика, диалекты, специальная лексика), нуждается в характеристике в аспекте национально-культурной специфики.

Новые подходы к изучению лексики делают необходимым, кроме беспристрастных классификаций лексики на основе системно-структурных и системно-семантических признаков (многозначность, синонимы, антонимы, омонимы и т.д.), включить в учебники систематизацию лексики с точки зрения степени ее национально-культурной окрашенности: лексика интернациональная, безэквивалентная, фоновая, коннотативная.

Основополагающее значение в изучении лексики как носителя национально-культурной информации сыграли работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Также данной проблеме посвящены работы И.Е. Аверьяновой, А.А. Брагиной, А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, Д.Г. Гачева, М.В. Зайнуллина, Л.М. Зайнуллиной, Р.Р. Замалетдинова, А.О. Иванова, И.Г. Комлева, В.А. Масловой, Л.Г. Сяховой, Г.Д. Томахина, З.Г. Ураксина, Ф.Г. Хисамитдиновой, Р.Х. Хайруллиной и др.

Рассматривая культурно окрашенную лексику в рамках теории перевода, И.Е. Аверьянова выделяет четыре типа слов по степени их культурной окрашенности, а также уровню семантической структуры слова:

1. Реалии – уровень реальной действительности. Отсутствие самой реалии, денотата в культуре народа, на языке которого осуществляется перевод, приводит к тому, что культурно-своеобразной становится вся семантическая структура слова, включая его основное значение и его лексический фон.

2. Уровень понятийного содержания слова. Несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. В подтверждение этого положения мы можем привести пример из башкирско-русских сопоставлений. Отсутствие понятий – специальных слов в русском языке, обозначающих общие понятия «старший брат», «младший брат» (то же самое *сестра*), наличие их в башкирском (*агай, эне, кусты*), но отсутствие в нем слов, обозначающих общие понятия «брат», «сестра» безотносительно к понятиям «старший», «младший». Сюда же относятся слова-понятия, отражающие специфическую картину языкового видения мира данного народа. Например, множество различных названий снега у американских эскимосов, названий оленей у северных народов.

3. Фоновая лексика – это слова, которые совпадают в плане предметно-логического содержания, но не могут выступать в роли эквивалентных соответствий при переводе в силу особой культурной информации, которая обуславливает употребление слова в речи и его тематические связи (то есть его лексический фон).

4. Культурно-коннотативная лексика, национальная окраска относящихся к ней слов проявляется не в предметно-логической части их семантического значения, а в тех элементах его, которые актуализируются в самом акте коммуникации и определяются особенностями, в том числе и национально-культурными, коммуникантов, их отношением друг к другу и предмету речи. Эта добавочная информация называется коннотацией.

Все четыре группы лексики объединяются термином культурно окрашенная лексика [Аверьянова, 1981: 3–8].

К лексике с национально-культурным компонентом значения относится прежде всего безэквивалентная лексика, которая выявляется при сопоставлении двух культур.

Обычно под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков по следующим причинам: 1) в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий; 2) из-за отсутствия в нем лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия [Шатков, 1952; Чернов, 1958, см. Томахин, 1980, № 6: 47]. Как отмечает Г.Д. Томахин, к первой группе относятся личные имена, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т.п., а также имена нарицательные типа русских «субботник», «стахановец»; ко второй группе относятся, например, такие слова русского языка, как «погорелец», «сутки», которые в английском языке не имеют соответствующих лексических единиц, обозначающих данные понятия [Там же, с. 48]. Или же отсутствие понятия в русском языке, обозначающего «*вечерние сумерки*» и наличие его в башкирском языке – *эңер*.

Безэквивалентная лексика обычно заимствуется из языка в язык. Например, для английского языка безэквивалентными являются русские ключевые слова актуальной социальной тематики, поэтому их пришлось в свое время заимствовать. Так было заимствовано из русского языка впервые появившееся понятие «*спутник*» (в значении, относящемся к понятию «космос»).

Если же безэквивалентное слово не заимствовано, то его ни в коем случае нельзя выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия, однословного перевода. В этом случае лексическое понятие приходится описывать примерно так, как это делается в толковых словарях.

Когда речь идет о необъяснимом отсутствии какого-то понятия в переводящем языке, то в таких случаях употребляется термин «лакуна», которая означает «пробел», «пропуск». «Говоря о семантических лакунах, – пишет А.О. Иванов, – мы имеем в виду отсутствие в переводящем языке конкретного, определенного понятия, обозначаемого в исходном языке данной лексической единицей (словом, словосочетанием), что связано с особенностями языкового членения объективного мира каждым из данной пары языков. Однако было бы неверным распространять его на всю безэквивалентную лексику. Во-первых, не все типы безэквивалентной лексики могут быть отнесены к лакунам (то есть связываться с необъяснимым отсутствием понятия), и, во-вторых, подобное объединение в одну группу различных по характеру типов лексики, каждый из которых требует своего подхода при переводе, не может быть оправдано» [Иванов, 1985: 52, 53].

Без знания безэквивалентной лексики невозможно понять реалии и специфические слова-понятия других народов, через которых мы постигаем культуру, обычаи, традиции народов. Реалии, существование которых в конечном счете объясняется расхождением двух культур, обладают наиболее интенсивной культурной окраской и служат для наименования различных национально-

особенных предметов и явлений материальной и духовной жизни данного языкового коллектива. Понятийный уровень – это когда имеет место различие в категоризации мира тем или иным языком, то есть несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности.

В настоящее время в научной лингвистической литературе представлены различные классификации реалий и понятий по временным, семантическим, грамматическим, местным, фонетическим и прочим признакам. Так, например, в лингвокультурологическом словаре «Реалии башкирской культуры» безэквивалентная лексика башкирского языка представлена в 24 тематических группах [Самситова, 2006].

Для эффективного вступления в другую культуру необходимо изучить нормы поведения и общения, менталитет, психологию, традиции, образ жизни ее представителей. И только изучив безэквивалентную лексику башкирского языка, можно осмыслить содержание, идейные и художественные ценности произведений башкирских писателей, переведенных на русский язык или произведений русских писателей, посвященных Башкортостану, образу жизни башкир, где основным приемом передачи реалий и понятий является транскрипция или осуществляется описательный перевод.

Первые сведения о башкирах мы находим у многих ученых и писателей. Этнография и культура башкир наиболее полно отражены в трудах С.И. Руденко (1908, 1909, 1916, 1925 гг.). Монография «Башкиры» (1955, 2006 гг.) ученого является фундаментальным трудом, где можно найти сведения от описания природы Башкортостана до этногенеза башкир.

В историко-этнографических очерках С.И. Руденко “Башкиры” безэквивалентная лексика башкирского языка представлена в 8 тематических группах. Рассмотрим реалии и понятия, выявленные на материале данной монографии:

I. Звероловство, птицеловство, рыболовство: *куян тозагы, төлкө тозагы, тәпә, һауыт, токан еп, ян, сирткес, тел, ук, ук башак, тупакай, әзернә, йәйә, һазак* и т.д. Например: Петли на зайцев (*куян тозагы*), как и на лис (*төлкө тозагы*), вились из конского волоса, позже их начали делать из тонкой проволоки. Среди ловушек более сложного устройства башкиры пользовались такими, которые прижимали зверя своей тяжестью (*тәпә*), и ударными капканами (*тәпә, атма, һауыт*) (с. 63). Двойная веревка (*токан еп*) внутри обрубка, скрученная и натянутая наружными клиньями, служила для верхней лопатки пружиной. Настороженная верхняя лопатка задерживалась при помощи особой палочки-лучка (*ян*) и привязанного к ней колышка (*сирткес*) с язычком (*тел*) (с. 64). Охотничьи стрелы (*ук*) были различных типов. Среди них имелись простые деревянные со слегка расширенным и уплощенным острием и стрелы с утолщенными наконечниками (*ук башак*), так называемые *тупакай*, на которые иногда насаживались костяные обоймы. Башкирский боевой лук (*әзернә*) несколько отличался от охотничьего (*йәйә*). Хранился лук и возился в поход в кожаном налучнике – *һазак*, всегда украшенном тисненым орнаментом или железными бляхами (*каш*), покрытыми серебряным чеканным узором (с. 70).

II. Бортничество и пчеловодство, скотоводство и птицеводство, земледелие: *тамга, кирәм, балта кын, батман, сырак, күзлек; бызау, сәңгәр, һараяк, башмак, сәңгәр башмак, һараяк башмак, үгез тана, орғасы тана* и т.д. Например: На найденных в лесу дуплистых деревьях с живущими в них пчелами ставился знак собственности (*тамга*) нашедшего это дерево. Взяв затем плоский около 5 см. шириной и метров 5 длиной ремень (*кирәм*), сплетенный из полос сыромятной конской кожи, на концах которого сделаны петли, башкир становился на первые две зарубки и обхватывал этим ремнем дерево и себя в пояснице (с. 89). Каждый из них брал с собой нож (*бысак*), который они всегда носили в ножнах (*кын*), топорик, о котором упоминалось выше, посудину для меда (*батман*), гнилушку (*сырак*) для подкуривания пчел, некоторые – сетку (*күзлек*) и, разумеется, *кирәм* и *агас аяк* (с. 91). Телята, родившиеся весной, назывались *бызау*, летом – *сәңгәр*, осенью – *һараяк*. С осени до годовалого возраста теленок, родившийся весной, назывался *башмак*, летом – *сәңгәр башмак* и осенью – *һараяк башмак* (*үгез* или *орғасы*). Молодняк крупного рогатого скота в возрасте от 1 до 2 лет назывался *үгез тана* или *орғасы тана* (с. 98).

III. Пища: *талкан, курмас, йыуаса, бауырһак, шәңгә, әжекәй, һөзмә, корот, айран, кумыз* и т.д. *Талкан* – мелко истолченная и поджаренная ячменная или полбенная крупа, смешивалась с маслом или сметаной и затем разводилась в горячей воде (с. 115). *Курмас* – ячмень, смешанный с конопляными семенами, поджаренный, употреблялся в пищу северо-западными башкирами; на востоке *курмас* – род толокна, приготовленного из пшеницы. *Йыуаса, бауырһак* – мелко нарезанные кусочки раскатанного пресного, обычно пшеничного теста, проваренные в кипящем масле, бараньем или конском жиру (*туң май*). *Шәңгә* – вид сибирской ватрушки (шаньги). *Әжекәй* готовился следующим способом. К готовому *катык* прибавлялось молоко, и смесь эта кипятилась в котле на медленном огне досуха; получалась желтая масса, которая перед употреблением в пищу приправлялась свежим (не топленным) молоком и подавалась к чаю. *Һөзмә* – лакомство, которое также подавалось к чаю. Это был свежий хорошо отжатый творог (*эрмесек*), смешанный с медом (с. 116). *Корот* был одним из самых распространенных и самых важных молочных питательных продуктов башкир. При приготовлении *корот* в котлах кипятили свежее молоко, затем сливали его в большие деревянные чашки (*табак*) и давали остыть. После этого подвешенный в мешке творог отжимался и или непосредственно употреблялся в пищу (*йәш корот*), или слегка подсаливался, и из него катались сырчики-колобки от 7 до 10 см. в диаметре, которые затем высушивались на солнце на особых сушильнях (*ылаш*) (с. 117). Наиболее распространенным напитком, приготовленным из коровьего молока, был *айран*. Приготовляли *айран* совершенно так же, как и *кумыс*, но только не из кобыльего, а из коровьего молока. В отличие от *кумыса айран* иногда разбавляли водой. Местами в западной Башкирии пили склотину из-под масла, которую также называли *айран* (с. 117).

IV. Домашние производства: *сарма, сара, табак, ашлау, туштук, сүгәтә, алдыр, силәк, батман, гөбө* и т.д.

Кроме одежды из шкур, преимущественно из телячьих и стриженных овечьих или козьих, башкиры шили мешки (*сарма*) шерстью наружу (с. 125).

Самыми большими и наиболее грубо сделанными долбленными сосудами были *сара* и *табак*. *Сара* – род короткого и широкого корытца, встречался исключительно в северо-восточном углу Башкирии. Местами большие *табак* назывались *ашлау*. Особенно многочисленны у башкир были плоские деревянные чашки, известные под названием *тузтак* или *тагас*, или маленькие *сугәтә*. Особенно ценили башкиры большие и глубокие чаши – *алдыр*, с небольшой ручкой (с. 130). *Силәк* – это выдолбленный из ствола липы (редко березы) высокий сосуд со вставленным в его широкой части дном. Раньше *батман* служил определенной мерой емкости или веса, в начале же XX в. этим именем называли сосуд вместимостью около пуда меда. *Силәк* высокий (около 1 м.) и очень малого диаметра (15 – 18 см.) служил для сбивания масла и назывался *гәбө* (с. 131).

V. Одежда и украшения: *түбәтәй*, *елән*, *сәкмән*, *камзул*, *бишмәт*, *камсат* *бүрек*, *кама бүрек*, *такыя*, *сарык*, *ситек*; *яга*, *иңһәлек*, *кашмау* и т.д.

Мужская одежда башкир состояла из рубахи, штанов, шерстяных чулок и сапог; на голову надевалась тюбетейка (*түбәтәй*) (с. 138). Башкирский халат (*елән*) по покрою у мужчин и у женщин был одинаков, типа общего со среднеазиатскими халатами. Как и *сәкмән*, халат был длинен и широк, с прямой спиной, широким отложным воротом, запахивался на любую сторону, никогда не подпоясывался и не имел застежек. Имелось у башкир еще два костюма сравнительно позднего, по-видимому, происхождения – *камзул* и *бишмәт*, которые носили как мужчины, так и женщины. Что касается головных уборов, то только шапку (*камсат* или *кама бүрек*) с бобровым или из меха выдры околышем и бархатным верхом носили и мужчины, и женщины (с. 140). Общей для обоих полов обувью были *сарык*, кожаные мягкие сапожки *ситек* и лапти *сабата* (с. 141). У северо-восточных башкир (у сарт-калмаков и катайцев) было еще одно украшение, которое носилось на спине и плечах, но составляло одно целое с нагрудником *яга*, рассмотренным нами выше. Это украшение – *иңһәлек* – по своему происхождению может быть связано и с упомянутым выше так называемым *такыя* (с. 160). *Кашмау* был головным убором замужних женщин. Состоял он из собственно *кашмау*, род чепца, зашитого кораллами, и длинной лопасти (*кашмау койрок* или *олон*), пришитой сзади к *кашмау* и спускающейся почти до пола (с. 163).

VI. Жилища и постройки: *аласык*, *агас тирмә*, *урындык*, *түшәк*, *түшәк таҫмаһы*; *ашхамлык*, *манара*, *менбәр* и т.д.

В центре обычно устраивался очаг, а если такой *аласык* был поставлен во дворе и служил летней кухней, то в очаг вмазывался котел; по стенам располагались постели и утварь, у дверей – хозяйственная посуда (с. 174). По словам башкир сызгинцев, *агас тирмә* появилась у них в конце XIX века взамен исчезавшей решетчатой кибитки (с. 175). Противоположная двери половина почти вся бывала занята широкими нарами (*урындык*), отстоящими от пола, чаще глинобитного, всего на каких-нибудь 35–40 см. У боковых стен на нарах стоял сундук со всевозможной рухлядью и складывалась целая гора из войлока, ковров, перин (*түшәк*) и подушек (*мендәр*), обычно перетянутая и прикрепленная к стене широкой лентой (*түшәк таҫмаһы*) (с. 198). Рядом с крыльцом или сбоку бывал балкончик (*ашхамлык*). Над крышей почти всегда

возвышался минарет (*манара*), назначение которого было такое же, как *ашхамлык*. В последнем отделе мечети, направо от михраб, делалось возвышение (*менбар*), куда по ступенькам всходил мулла для произнесения проповеди (с. 208).

VII. Семейный быт и народные празднества: *калын*, *баш аты*, *инэ туны*, *тартыу аксаһы*, *туйлык*, *мәһәр*, *ара*, *ырыу*, *тыуа ят*, *ете ят*, *һарауыс*, *йыртыш*, *туй*, *бәйге*, *көрәш*, *һаба*, *курайсы*, *янсык*, *түшелдерек*, *сәңгелдәк* и т.д.

При сильно колеблющейся величине *калыма* размер его не падал ниже известной нормы, обуславливавшейся обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баш аты*) тестю, лисью шубу (*инэ туны*) теще, 10–15 руб. на расходы (*тартыу аксаһы*), лошадь, реже корову или барана на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на обеспечение (*мәһәр*) ее. В то же время часть башкир, за исключением западной и северо-западной Башкирии, хотя уже и брали жен в пределах своего рода, но из других деревень, а если из своей деревни, то непременно из другого аймака (*ара*, *ырыу*). В брак между собой могли вступать только родственники в пятом (*тыуа ят*) и шестом (*ете ят*) поколении, считавшиеся уже чужими, посторонними (с. 218). *Һарауыс* теща собственноручно дарила женщинам, а ласкутки материи (*йыртыш*) мужчинам, которые отдаривали ее деньгами, кто сколько мог (с. 220). *Туй* продолжался два-три дня, праздновался с утра до позднего вечера: пили *кумыс*, чай, ели *бишбармак*, плясали и проч. При богатой свадьбе устраивались скачки (*бәйге*) и борьба (*көрәш*). В этот же день свахи собирали *һаба*, т.е. ходили по деревне и собирали чай, сахар, мясо, *кумыс* и проч. Время проходило весело, при плясках и пении, и игре *курайсы* (с. 221). Если родился мальчик, они дарили ему кисеты (*янсык*) или лоскуты материи, если же девочка – матерчатые нагрудные повязки (*түшелдерек*) (с. 227). Встречался и иной вид колыбели (*сәңгелдәк*), особенно часто у западных башкир, состоявший из рамы, заплетенной лыком или затянутой холстом (с. 228).

VIII. Искусство и фольклор: *кобайыр*, *сәсэн*, *озон көй*, *кыска көй*, *такмак*, *өзләү*, *курай*, *кумыз* и т.д.

Только последнего из них, Салавата Юлаева, помнили еще хорошо и распевали посвященные ему *кобайыр*. Среди башкир нередко встречались *сәсэн*, соединяющие в себе дар поэта и композитора; они составляли новые песни на собственные мелодии. В зависимости от мелодии башкирские песни разделялись на две группы: на протяжные, проголосные мелодии (*озон көй* или *озон йыр*) и скорые, короткие мелодии (*кыска көй* или *кыска йыр*); к последнему классу относятся и плясовые мелодии (*такмак*) (с. 261). Наряду с звукоподражанием у башкир имелось *өзләү* или *тамак курайы* (горло-курай) – искусство двухголосного пения одним исполнителем (с. 262). Среди встречающихся у башкир инструментов наиболее распространены были два: *кумыз* и *курай* (с. 263). У юго-восточных башкир встречался еще трехструнный музыкальный инструмент *думбыра* (с. 264).

В монографии С.И. Руденко “Башкиры” основным приемом передачи реалий и понятий является транскрипция и параллельно осуществляется описательный перевод.

Описательный перевод является основным способом перевода как семантических лакун, так и безэквивалентной лексики. Например, слово *елән* невозможно перевести на русский язык одним словом, его обязательно нужно описать:

Елән – верхняя легкая одежда на подкладке и без застежки в виде халата без воротника; женская шьется в талию, иногда украшается монетами и вышивками; мужская – без сложных украшений.

Или слово-понятие *һөйөнсө* – примерно соответствующее понятию радость! (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое обычно полагается вознаграждение) и т.д.

Человеку, выросшему среди башкир, знающему и тонко понимающему их культуру, нетрудно было предопределить содержание и основные направления развития башкирской этнографии, которая составляет основу фундаментальных трудов ученого.

Таким образом, исследование реалий и понятий представляет большой интерес в связи с их ролью в межкультурной коммуникации. Национально-культурная семантика таких языковых единиц позволяет проникнуть в культуру носителей языка, в их фоновые знания, обязательно присутствующие в сознании участников коммуникации и в значительной степени определяющие смысл высказывания. Необходимо отметить, что вопрос о роли такой лексики в аспекте межкультурной коммуникации недостаточно рассмотрен в научной литературе и поэтому требует более детального исследования.

Литература

1. **Аверьянова, И.Е.** К определению понятия национально-окрашенной лексики // Языковая норма и вариативность: Сб. научн. тз. – Днепропетровск, 1981. – С. 3 – 8.
2. **Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.** Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 5-е изд. – М., 1990. – 246 с.
3. **Иванов, А.О.** Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. – Л., 1985. – С. 52 – 53.
4. **Руденко, С.И.** Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
5. **Самситова, Л.Х.** Безэквивалентная лексика башкирского языка: Монография. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 164 с.
6. **Самситова, Л.Х.** Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / Под ред. проф. М.В. Зайнуллина, проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: Китап, 2006. – 216 с.
7. **Саяхова, Л.Г.** Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 140 с.
8. **Томахин, Г.Д.** Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе, 1980, № 6. – С. 47 – 50.
9. **Томахин, Г.Д.** Реалии в языке и культуре // Иностранные языки в школе, 1997, № 3. – С.13 – 18.

*Самситова Л.Х.,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация;
Сагынбек И.Ж.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ В БАШКИРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности грамматических форм в составе сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим в контрастивном аспекте. Приводятся результаты сравнительно-сопоставительного изучения структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими в башкирском и казахском языках.

Abstract. The article discusses the structural and semantic features of grammatical forms in the composition of complex sentences with the subordinate subject in a contrasting aspect. The results of a comparative study of the structural and semantic features of complex sentences with subordinate clauses in the Bashkir and Kazakh languages are presented.

Ключевые слова: тюркология; грамматика; синтаксис; придаточное предложение подлежащее; башкирский язык; казахский язык.

Keywords: turkology; grammar; syntax; subject clause; the Bashkir language; the Kazakh language.

В тюркологии первая информация о сложноподчиненных предложениях появилась в начале XIX века, хотя сам термин «сложное предложение» не употреблялся. Автор книги «Краткая грамматика татарского языка» А. Троянский пользовался выражением «сочетание предложений» и анализировал функции некоторых союзов, деепричастий и причастий, связующих предложения [Троянский, 1814: 22]. М.А. Казембек в работе «Общая грамматика турецко-татарского языка» не подразделял сложные предложения на сложносочинённые и сложноподчинённые. Он, рассматривая функции причастий, деепричастий и отглагольных имён, называл последние «сокращёнными придаточными предложениями» [Казембек, 1846: 439–441]. Далее проблемы сложноподчиненного предложения рассматривались в «Грамматике алтайского языка», в книге П.М. Мелиоранского «Краткая грамматика казах-киргизского языка», в трудах Н.Ф. Катанова, Н.И. Ашмарина, А.Н. Самойловича, В.А. Гордлевского, Н.К. Дмитриева, Н.З. Гаджиевой, Г.А. Абдурахманова, М.А. Аскарлова, У.Б. Алиева, Э.В. Севортян, А.Н. Груниной, М.З. Закиева, Г.Г. Саитбатталова, М.И. Черемисиной и др.

Вопросы изучения синтаксиса в башкирском и казахском языках является важной задачей, смысл которой выходит за пределы данных языков. Актуальность изучения темы обусловлена тем, что многие вопросы синтаксиса в тюркских языках изучаются с разных точек зрения. Многие исследователи высказывают относительно синтаксиса сложных предложений

противоположные суждения. Сам термин *сложное предложение* имеет различное понимание. Одни исследователи называют сложное предложение сложным целым, другие – синтаксическим целым, третьи – сложным комплексом и т.д.

Изучение сложноподчиненного предложения, установление их границ, типов и видов имеет большое теоретическое и практическое значение [Бирабасова, 2003: 124]. Существенный вклад в исследование башкирского синтаксиса внесли и вносят К.З. Ахмеров, С. Галиев, Г.Г. Сайтбатталов, Д.С. Тикеев, А.М. Азнабаев и др. В казахском языке наиболее значительные работы по синтаксису принадлежат таким ученым, как С.А. Аманжолов, А. Байтурсынов, М.Б. Балакаев, Х.М. Есенов, С.С. Жиенбаев, К.К. Жубанов, Т.К. Кордабаев, К.К. Садирова, Н.Т. Сауранбаев и др.

В настоящее время учеными большое внимание уделяется контрастивным исследованиям, но несмотря на это проблемы, связанные с изучением сложноподчиненных предложений в сравнительном аспекте, только начинают изучаться. Между тем нет работ, посвященных синтаксису сложного предложения башкирского и казахского языков, содержащих сравнительный аспект таких предложений и детальное описание их семантики и структуры.

Придаточное предложение подлежащее в научных работах и книгах по башкирскому языку появляется в середине XX века. Главное место придаточного предложения подлежащего в башкирском языкознании определяется именем профессора Г.Г. Сайтбатталова. По мнению ученого, данный вид предложений больше всего встречается в художественных, научных, публицистических, общественно-политических произведениях, переведенных с русского языка. В то же время они часто встречаются в башкирском устном народном творчестве, особенно в сказках. [Сайтбатталов, 2002: 78].

В башкирском языке главная грамматическая особенность придаточного предложения подлежащего характеризуется тем, что в большинстве случаев оно используется с вопросительным местоимением *кем (кто)* и прикрепляется к главному предложению с помощью интонации. Придаточные подлежащие предложения определяют указательные местоимения *шул, шуныһы*, которые выступают в роли подлежащего в главном предложении или выполняют особую роль в главном предложении. Если в главном предложении отсутствует подлежащее, выраженное указательным местоимением, то главная часть имеет форму односоставного предложения; придаточное предложение выступает в качестве подлежащего главного компонента. Придаточные подлежащие предложения встречаются как в начале (препозитивные), так и в конце (постпозитивные) сложноподчиненных предложений. Между главным и придаточным предложением ставятся запятая, двоеточие и тире.

В казахском языке подлежащие предложения встречаются в работах ученых XX века, но с течением времени они теряют место в казахском языкознании. Несмотря на это мы определили все формы подлежащего предложения по схожей структуре и семантике с башкирским языком:

1. В роли подлежащего придаточного предложения выступает местоимение *кем/кім (кто)*, в роли сказуемого – изъявительное наклонение настоящего

времени. Придаточное предложение определяет местоимение *шул/сол (тот)*, выступающее в роли подлежащего главного предложения. Между предложениями ставится запятая. Например: *башк.: Кем йыш кына куркыу, хәуефкә бирелә, шул башлыса куркак була* (Ғ. Хәсәйенов); *каз.: Кім жиі қорқып, қауіптеніп жүреді, сол көбінесе қорқақ болады*;

2. Роль сказуемого в придаточном предложении может выполнять и условное наклонение. Между предложениями ставится запятая. Например: *башк.: Кем отолһа, шул отқан кешенең теләген үтәргә тейеш* (Р. Өмөтбаев); *каз.: Кім ұтылса, сол ұтқан адамның тілегін орындауға тиіс болады*;

3. Придаточное предложение определяет местоимение *шул/сол (тот)*, выступающее в роли подлежащего главного предложения. Если главное предложение в начале, то между предложениями ставится двоеточие, если в конце – тире. Например: *башк.: Шул да мәглүм булһын: килгәс тә бик елле кәкре тоткалы, модный таяк алып ебәрзем* (С. Кулибай)/*Килгәс тә бик елле кәкре тоткалы, модный таяк алып ебәрзем – шул да мәглүм булһын*; *каз.: Сол да анық болсын: келген соң өте дәу қисық тұтқалы, модный таяқ алдым/Келген соң өте дәу қисық тұтқалы, модный таяқ алдым – Сол да анық болсын*.

4. Придаточное предложение определяет местоимение *шуньһы/сонысы (это, то)*, выступающее в роли подлежащего главного предложения. Если главное предложение употребляется в начале, то ставится двоеточие, если в конце – тире. Например: *башк.: Шуньһы кызык: Шәрифәгә каршы берәү зә бер һүз әйтмәне* (И. Насыри)/*Шәрифәгә каршы берәү зә бер һүз әйтмәне – шуньһы кызык*; *каз.: Сонысы қызык: Шарипага қарсы ешкім де ештеңе демеді/Шарипага қарсы ешкім де ештеңе демеді – сонысы қызык*;

5. В роли сказуемого придаточного предложения выступают непереходные глаголы или слова: *асык/ашық, билдәле/белгілі, мәглүм/мәлім (маглүм)*. После главного предложения ставится двоеточие. Например: *башк.: Үзегезгә билдәле: Муса Мортазин бригадахы Уральск фронтында Дутов бандаларына каршы яңынан үлемесле һуғышка ташиланды* (Ф. Иҫәнғолов); *каз.: Өзіңізге белгілі: Мұса Мұртазин бригадасы Орал фронтында Дутов бандаларына қарсы тағы да қанды соғысқа аттанды*.

Таким образом, исследования синтаксической системы в контрастивном аспекте помогают выявить не только различия и соответствия сравниваемых языков, но и национальную специфику семантики сравниваемых единиц двух или нескольких языков. Результаты сравнения языков необходимы для предсказания трудностей и ошибок, которые возникают в процессе изучения неродного языка. В результате детального изучения структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений башкирского и казахского языков пришли к выводу, что синтаксис сложного предложения обоих языков изучен достаточно полно, однако нужно ввести в научный оборот придаточное предложение подлежащее в казахском языке, которое имеется в башкирском языке.

Литература

1. **Бирабасова, М. А.** Сложноподчиненное предложение в современном ногайском языке : специальность 10.02.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бирабасова Мурзият Аскербиевна. – Карачаевск, 2003. – 140 с.
2. **Казембек, М. А.** Общая грамматика турецко-татарского языка / М. А. Казембек. – Казань : Университетская типография, 1846. – 475 с.
3. **Мусаев, И. М.** Казахский язык : учебник / И. М. Мусаев. – Москва : Наука, 2010. – 304 с.
4. **Троянский, А.** Краткая грамматика татарского языка / А. Троянский. – Петербург, 1814.
5. **Садирова, К. Қ.** Түркі тілдері синтаксисының зерттелуі : монография / К. Қ. Садирова / жауапты ред. Ж. А. Манкеева. – Алматы : Үш қиян, 2013. – 86 б.
6. **Сәйетбатталов, Ғ. Ғ.** Башкорт теле. Кушма һөйләм синтаксисы. Т. 2 / Ғ. Ғ. Сәйетбатталов. – Өфө : Китап, 2002. – 432 б.
7. **Сәмситова, Л. Х.** Хәзерге башкорт теле. Кушма һөйләм синтаксисы : курс программаһы : программа / Л. Х. Сәмситова. – Өфө : Вагант, 2005. – 32 б.
8. **Сәмситова, Л. Х.** Башкорт теле. Кушма һөйләм синтаксисы : укытыу туған (башкорт) телендә алып барылған дәйөм белем биреү ойошмаларының 8-се класы өсөн дәреслек / Л. Х. Сәмситова, С. А. Таһирова, Э. Ф. Рәхимова, Т. М. Исламова. – Өфө : Китап, 2020. – 208 б.

УДК 811. 512. 141

*Санъяров Ф.Б.,
Өфө киң профилле һөнәр биреү колледжы,
Рәсәй Федерацияһы*

ПРОФЕССОР М.В. ЗЭЙНУЛЛИН ХЕЗМӘТТӘРЕНДӘ «ЛИНГВИСТИК ШӘХЕС» МӘСЪӘЛӘЛӘРЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме изучения научного наследия действительного члена Академии наук Республики Башкортостан, выдающегося башкирского языковеда, видного тюрколога М.В. Зайнуллина (1935–2016). Основные научные интересы ученого были сосредоточены в области теории языка, башкирского языка, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. В тоже время ученый выступил новатором антропоцентрического принципа в башкирском языкознании, создал научную школу лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, раскрыл научную природу подобных явлений на примере башкирского языка и культуры.

Abstract. The problem of comprehension of scientific interests of M.V.Zainullin (1935–2016) is considered in the article. A full member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, he was known as an outstanding Bashkir linguist and prominent Turkologist. The main scientific interests of the professor were concentrated in the field of language theory, Bashkir

language, Turkology and comparative study of Bashkir and Russian languages. At the same time, the scientist acted as an innovator of the anthropocentric principle in the Bashkir linguistics. He created a scientific school of linguocultural studies and cognitive linguistics, revealed the scientific nature of such phenomena on the example of the Bashkir language and culture.

Ключевые слова: лингвоцентризм; антропоцентризм; башкирский язык; языковая личность; языковая картина мира; индивидуальная картина мира автора.

Keywords: linguocentrism; anthropocentrism; the Bashkir language; linguistic personality; a linguistic worldview; the author's individual worldview.

Академик М.В. Зәйнуллин хәзерге башкорт теленең грамматикаһын өйрәнеү, һүз төркөмдәренә функциональ-семантик категорияларының асылын һәм сиктәрен билдәләү өлкәһендә ғәйәт зур һәм баһалап бөткөһөз ғилми тикшеренеүҙәр алып барҙы. Шөһрәтле ғалимдың исеме ватан лингвистикаһында, төрки тел донъяһында киң танылыу тапты. Шуға күрә телсене милли республикаларҙа хаклы рәүештә башкорт теленең грамматикаһы проблемаларын барлык тәңгәлдә актив тикшеренеүсә тип танынылар. Ысынлап та, мәшһүр телсә ғүмер буйына профессорҙар Н.К. Дмитриев, Ж.Ғ. Кейекбаевтарҙың теоретик караштарына таянды, уларҙың ғилми хезмәттәрен, шәхестәрен пропагандаланы. Улай ғына ла түгел, В. фон Гумбольдт, Фердинад де Соссюр, Август Шлейхер, Лео Вайсгербер, Эдвард Сепир, Бенджамин Уорф кеүек донъя классиктары хезмәттәрен тәрән белде, практикала иркен файзланды. Атаклы русистарҙың ғилми концепцияларын лекцияларында һәм фәнни хезмәттәрендә, башкорт тел ғилеме мәсьәләләрен өйрәнеүҙә ижади кулланды. Остазыбыҙ хәзерге төркиәт ғалимдары менән яқындан аралашты, мәсәлән, ТР Фәндәр академияһы академигы М.З. Зәкиев, мөхбир ағзаһы Ф.Ә. Ғәниев, карәсәй-балкар ғалимы М.Б. Кетенчиевтар менән бер ваҡытта ла бәйләнешен өзмәне, уларҙың грамматика өлкәһендәге хезмәттәре менән танышып торҙо. Былар барыһы ла ғалимдың, хәзергесә әйткәндә, фәндәге **лингвоцентрик** йүнәлештә киң пландағы тикшеренеүҙәр алып барыуы тураһында һөйләй.

Шул уҡ ваҡытта академик М.В. Зәйнуллин тел ғилеменең заманса проблемаларын кабул итә белде, яңы концепцияларҙы инкар итмәне, киреһенсә, һәр яңылыҡты башкорт тел ғилеменә индереп ебәреүҙе хәстәрләне, шәкерттәрен шул йүнәлештәге эзләнеүҙәргә йәлеп итте. Телсә карашынса: «...Лингвоцентрик йүнәлеш — тел системаһын формаль-грамматик йәһәттән өйрәнеү ул. **Антропоцентрик** йүнәлеш телде халыҡ һәм йәмғиәт вәкиле булған шәхес өсөн, йәғни телде кулланыусы (носитель языка) мәнфәғәтендә өйрәнә. Икенсе төрлө әйткәндә, телгә антропоцентрик караш шуның менән билдәләнә: кеше – телмәр әйәһе, үзе танып белгән донъяла эшмәкәрлек итеүсә үзәк фигура. Шуға ла һуңғы осорҙа тел күренештәрен өйрәнгәндә “кеше факторы” хәзерге тел ғилеменең фундаменталь күренеше булып тора» [3]. Күренекле ғалим, ошо концепциянан сығып, һуңғы осорҙа ватан лингвистикаһында формалашкан лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, когнитив лингвистика һ.б. фәнни өлкәләр буйынса эзләнде, ғилми хезмәттәр яҙды. Башкорт тел ғилемендә ул тәүгеләрҙән булып «донъяның тел картинаһы», «туған тел һәм менталитет», «тел һәм мәҙәниәт», «концепт һәм асқыс һүҙҙәр»,

«лингвистик шәхес», «антропонимик культура», «тел һәм милли характер», «мәзәни код» кеүек когнитология терминдарын файзаланды, уларзың асылын башкорт теле һәм мәзәниәте нигезендә аңлатып бирзе. Без мәкәләлә шуларзың беренә тукталмаксыбыз.

Билдәле булыуынса, «лингвистик шәхес» термины узған быуаттың 80-се йылдарынан алып актив ғилми әйләнешкә инде һәм әлегәсә ватан лингвистикаһында иң популяр темаларзың беренә булып кала. Был өлкәлә тикшеренеүселәр академиктар В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев һәм профессор Ю.Н. Караулов хезмәттәренә, теоретик һығымталарына таяна. Мәсәлән, М.В. Зәйнуллин Ю.Н. Карауловтың ошондай караштарына өстөнлөк бирзе: «лингвистик шәхес – күп катлы һәм күп компонентлы тел һәләттәре, оҫталык һәм телмәр эшмәкәрлеге тупланмаһы». «Лингвистик шәхес структураһы түбәндәге өс кимәлдә була: а) вербаль-семантик; б) когнитив; в) прагматик» [4]. Алда ук әйтеп үтеүебезсә, профессор М.В. Зәйнуллин башкорт классик языусылары ижадын ентекле тикшерзе, һүз оҫталарын лингвистик шәхес буларак тулырак асырға ынтылды. Ғалим былай тип яззы: «Хәзерге филология фәнендә тел шәхесе, йәғни лингвистик шәхес мәсәләһе бик актуаль һанала. Был төшөнсә һәр телдең объектив ысынбарлыктың милли һәм художестволы картинаһын сағылдырыу, реалләштерәү сараһы булыуын аңлата. Ысынлап та, языусының әсәрзәрендә объектив донъя, халык тормошо языусының һәләте, таланты һәм донъяға карашына ярашлы һүрәтләнә. Лингвистик шәхес һақында фекер йөрөткәндә, без беренсе планда языусының тел һәм стиль үзенсәлектәрен күз уңында тотабыз. Языусының ижадында һиндәй кимәлдә һүз сәнғәт кимәленә күтәрелгән, языусы һиндәй дәрәжәлә һүзәң эстетик функцияһын сағылдыра алған, авторзың художестволы образ тыузырыу процесында һүзәң дөрөс һәм теүәл кулланышына ирешәүе, әсәрзәң композицион төзөлөшөндә авторзың үзенәң образы һисек кәүзәләнгән һ.б.» [2]. Ошо күзлектән сығып баһалап, ғалим Зәйнәп Бишеваны хәзерге башкорт теленәң элитар лингвистик шәхесе буларак бына һисек теүәл һәм анык кылыкһырлай алды: «Зәйнәп Бишеваның ижадында халкыбыззың тарихы һәм мәзәниәте, донъяға карашы, психологияһы, йәғни менталитеты юғары художестволы кимәлдә һүрәтләнгән. Миҫал итеп халык тормош көткән, көн иткән ерзәң тәбиғәтен һүрәтләү стилин алырға мөмкин: “Төн. Башкорт кызының тәңкәлә еләне шикелле, күззәң яуын алып, йымылдап торған аяз күктә, алтын табактай тулған ай йөзә...”». Ә халык языусыһының элитар лингвистик шәхес булыуын телсә ошоллай баһаланы: *«Зәйнәп Бишева кеүек шәхестәр халыктың һүз сәнғәтенә гәүһәрзәр өстәп кенә калмай, уның алдына яңы бурыстар куя, кыуандырып кына калмай, уйландыра, күңеленә йәм менән бергә яңы гәм өстәй, ил хәстәре менән йәшәргә өйрәтә, бер кулы менән йыр яҙһа, икенсе кулы менән сабыйзарзың сәңгелдәген, милләттең, илдең бишеген бәүетеп, уларға ил моңон еткерә»* (курсив беззеке) [5]. Ғалим фекерзәрен айырым билдәләүебез шуның менән аңлатыла: без профессор М.В. Зәйнуллин мәкәләләренәң тел һәм стиль үзенсәлектәренә айырым тукталып, уларзы стилистика фәне кануниәтенә таянып анализлаузы мақсат итеп куймайбыз, ул үзе бер киң масштаблы мәкәлә булыр ине. Һүз ыңғайында шуны ғына әйтмәксебез: М.В. Зәйнуллиндың тел һәм стиль

үзенсәлектәре махсус тикшеренеүҙәр талап итә, сөнки уларзың, академик Ғайса Хөсәйенов әйтмешләй, «йөйө лә, һүтеге лә юк». Ысынлап та, телсе-ғалим үзе үк, безҙеңсә, башкорт теленең элитар лингвистик шәхесе. Без алда ғалимдың тик бер һөйләмен өлгө итеп алдык. Күп әйәрсән хәл һөйләмдәрҙән төзөлгән был синтаксик конструкция үзенә бай, һығылмалы, сағыштырыу, метафора, эске рифмаға королған поэтик прозалы теле менән күңелдәрҙе арбай. Ә ябайлыҡ артында күпме тәрән философик-филологик фекер, эстетик зауык ята!

Халык язуысыһы Ғайса Хөсәйенов ижадын лингвокультурологик планда өйрөнөп, телсе шулай ук мөһим күзәтеүҙәр үткәреүгә иреште. Язуысы лингвистик шәхес буларак бына нисек баһалана: «Ғайса Хөсәйенов ижады язуысы һәм ғалимдың индивидуаль донъя картинаһын ғына сағылдырып калмай, уның әсәрҙәрендә, ғилми эзләнеүҙәрендә башкорт халкының милли тел картинаһы асыҡ сағыла. Был тәбиғи, сөнки язуысы һүз оҫтаһы, художестволы әсәр авторы буларак халыҡ тормошон һүрәтләүҙә үзенә шәхси караштарын, донъяны үзенә аңлауын күрһәтә. Һәр тел шәхесе, шул иҫәптән, язуысы шәхесе уникаль, ул туған телен белеүе һәм уны файҙалана алыуы менән билдәләнгән лә инде» [1]. Әйтелгәндәрҙән һуң йәнә бер кат бөйөк немец лингвисты Вильгельм фон Гумбольдт фекерҙәренең әле лә үз киммәттәрен юғалтмауына инанаһың: «Тел кешеләрҙең бөтә эшмәкәрлегенең нигеҙендә ята. Тел кешене шәхес иткән». Әйткәндәй, профессор М.В. Зәйнуллин был һүзҙәрҙе үзе лә йыш кабатланы, ундағы ифрат мәғәнәле төшөнсәләрҙе студенттарына, шәкерттәренә еткерергә ынтылды. Шулай итеп, М.В. Зәйнуллин хәҙерге башкорт тел ғилемендә «лингвистик шәхес» проблемаһын теоретик планда асыҡлап кына калманы, ә уның сиктәре һәм тәбиғәтен башкорт әҙәбиәте классиктары ижады өлгөһөндә етди тикшеревүгә иреште. Шуға күрә ғалимдың фәнни һығымталары, күзәтеү-иҫкәртеүҙәре атап үтелгән проблеманы хәҙерге башкорт тел ғилемендә артабан махсус өйрәнөү өлкәһендә теоретик-методологик әһәмиәткә әйә, тип һис икеләнмәй әйтә алабыз. Арзаклы ғалим, халкыбыздың асыл улдарының береһе, остазыбыз Марат Вәлиулла улы Зәйнуллин башкорт тел ғилемен, миллиәтебезҙең әҙәби телен, мәҙәниәтебезҙе үстөрөү өлкәһендә арымай-талмай эшләне, ғилмиәтен теләп һәм яратып башкарҙы. Телсе үзенә һәйкәлдә төрлө йылдарҙа әзерләгән биш тиҫтәнән ашыу ғалимдар йөзөндә куйҙы. Пушкинса әйтһәк, был һәйкәлгә илтеүсә кеше һуҡмактарын үлән баҫмаясаҡ. Укытыуыбыздың титаник хезмәте халкыбыз күңелендә мәңге йәшәр!

Әҙәбиәт

1. **Зәйнуллин, М. В.** Академик Ғайса Хусаинов как башкирская языковая личность / М. В. Зәйнуллин // Башкироведение : сборник статей к 75-летию со дня рождения академика АН РБ Г. Б. Хусаинова. – Уфа : Гилем, 2004. – С. 43–45.
2. **Зәйнуллин, М. В.** Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание : избранные статьи / М. В. Зәйнуллин. – Уфа : Академия наук Республики Башкортостан : Гилем, 2012. – 456 с.
3. **Зәйнуллин, М. В.** Актуальные проблемы современной башкирской лингвистической науки // Башкирское, тюркское и сопоставительное

языкознание. Избранные статьи / М. В. Зайнуллин. – Уфа : Академия наук Республики Башкортостан : Гилем, 2012. – С. 86–92.

4. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 6-е изд. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.

5. **Зайнуллин, М. В.** Башкорт эзэби теле һәм Зэйнэб Бишева ижады / М. В. Зайнуллин // Башкортостан укытыусыһы. – 2008. – № 5. – Б. 6.

УДК 83'374.4

*Сарбашева С.Б.,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМОВ ЛЕБЕДЬ, БИЯ И АБАКАН РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Аннотация. Для установления этимологии географических названий учет фонетических особенностей языка играет важную роль, так как семантических и лексических данных часто бывает недостаточно. Географические названия (топонимы, гидронимы) могут быть словами одного языка или нескольких, употребляемыми одновременно или в составе словосочетаний, поэтому важен учет фонетических и грамматических особенностей языков современных этносов и этносов-предшественников. Изучая слои наименований мест, можно установить границы бывшего проживания различных этнических групп на определенной территории, выяснить их передвижение и даже примерное пребывание на данной территории.

Abstract. To establish the etymology of geographical names, accounting for the phonetic features of the language plays an important role, since semantic and lexical data are often insufficient. Geographical names (toponyms, hydronyms) can be words of one or several languages, used simultaneously or as part of phrases, therefore, it is important to take into account the phonetic and grammatical features of the languages of modern ethnic groups and ethnic predecessors. By studying the layers of place names, it is possible to establish the boundaries of the former residence of various ethnic groups in a certain territory, to find out their movement and even approximate stay in this territory.

Ключевые слова: гидронимия; топонимика; фонетика; субстрат; номинация; мотивация.

Keywords: hydronymy; toponymy; phonetics; substrate; nomination; motivation.

Основные задачи статьи: попытка интерпретации этимологии отдельных наименований «многослойных» гидронимов Турочакского и Чойского районов Республики Алтай в аспекте их сохранности, служащих косвенным источником сведений о древней истории народов, населяющих эти районы (туба, куманды, чалканду).

Климат Горного Алтая благоприятен для проживания и ведения скотоводческого хозяйства отгонным способом, с обширными пастбищами для выпаса, свободными от снега, не требующим заготовки пропитания впрок; для ведения охоты и рыбалки, собирательства, здесь достаточен запас водных ресурсов – все это всегда привлекало внимание разных народов. Здесь

пересекались и смешивались разные этносы, языки и культуры, которые адаптировались, ассимилировались, процветали или оказались забытыми, но оставили богатейший след и загадки в истории. Большие различия, обусловленные историческими судьбами народов, констатируются также в современном антропологическом типе южных и северных алтайцев. О формировании современного населения Западной и Южной Сибири в результате длительного процесса взаимодействия трех различных по происхождению групп популяций – древнеевропеоидных, монголоидных и уралоидных – позволяют говорить результаты анализа краниометрических данных, отмечает в своей работе В.Моисеев [9: 108]. Выраженный европеоидный сдвиг у ряда тюркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья (хакасов и северных алтайцев) свидетельствует в пользу участия в их формировании древнеевропеоидного населения. Пространство, на котором удается зафиксировать присутствие “уральского” антропологического компонента в различной степени выраженности, охватывает значительную территорию севера Евразии; в Азии занимает практически всю Западную Сибирь (ханты, манси, ненцы, тобол-иртышские, за исключением аялыньских, томские и барабинские татары, чулымцы и, может быть, кеты) и частично Северный Алтай (телеуты, тубалары) [9: 109]. Таким образом, все группы северных алтайцев (туба, куманды, чалканду), проживающих на исследуемой территории, по антропологическим данным, смешанного происхождения, причем весьма сложного в этническом отношении, то же можно сказать и о топонимах и гидронимах. При анализе гидронимии Турочакского и Чойского районов, указанных в современных картах Республики Алтай и зафиксированных в словарях О.Т. Молчановой, выявлено, что часть наименований являются тюркскими, легко объяснимыми с позиции современного алтайского языка, часть – через языки тубаларов, чалканцев и кумандинцев, часть предстоит исследовать в сравнении с другими языками алтайской семьи, так как иногда этимология исследуемых гидронимов может быть прозрачной в языках соседних регионов. При решении задачи выявить этимологию некоторых гидронимов необходимо знать историю народов, населяющих данную территорию. Этнографические сведения о туба-кижи, населяющих Чойский и Турочакский районы Республики Алтай зафиксированы в различных источниках. Н. Ядринцев пишет об этих народах следующее: «Название туба доказывает, что черневые татары пришли с востока и идентифицируются с сойонами или койбалами. Сейчас они смешались с алтайцами, так что их язык близок к алтайским диалектам. Черневые татары живут в круглых конусообразных юртах. Они держат очень мало скота, больше охотятся, занимаются собиранием кедровых орехов. На территории от Улалы до Телецкого озера расположены семь волостей черневых татар Туба, каждая из которых имеет особое родовое название. Районы их оканчиваются на севере Телецкого озера, где также нашли аул черневых татар Кергежской волости» [14: 3]. Н.Ф. Катанов сообщает о тубаларах следующее: “Туба есть среди качинцев, так зовут телеуты черневых татар. Из перечисленных здесь племен и колен многия упоминались прежде на страницах истории и потом как бы

исчезли, они действительно исчезли, но не с лица земли, а сошли только с исторической сцены, слившись с другими народами и племенами” [6: 113]. Итак, сложное по своему этническому составу современное тубаларское население Турочакского, Чойского и Майминского районов неоднозначно и в отношении языка: как и в кумандинском и чалканском диалектах алтайского языка, в туба-диалекте сохранились многие древние элементы языков этнических субстратов, о чем говорили Н.А. Баскаков [1], И.Я. Селютина [12], Н.А. Мандрова [8], Н.А. Кирсанова [7].

Исследователь топонимии Сибири А.П. Дульзон считает, что топоним можно считать принадлежащим данному народу, если основа слова и все его части полностью разъясняются из этого языка и нет оснований считать это слово переводом (калькой) термина, употреблявшегося народом-предшественником на той же территории или в местах прежнего проживания этого народа [5: 246–257]. Интересными являются его сведения о кетском, самодийском происхождении некоторых топонимов Сибири, которые могут помочь в изучении этимологии гидронимов Турочакского и Чойского районов Республики Алтай.

Одной из важных водных артерий территории Горного Алтая является река Лебедь, русское название которой выбивается из общей массы гидронимов тюркского происхождения, и, по мнению О.Т. Молчановой, угро-самодийского субстрата [10]. Э.М. Мурзаев считает, что чем больше размеры рек, тем древнее их названия, что, по его мнению, связано с той важной ролью, которую играли реки в жизни человека [3]. Она отмечена на картах и чертежах первых путешественников-исследователей как *Lebe*. Данный гидроним имеется на чертежах С.У. Ремезова, где содержится важный для топонимиста материал о названиях рек, озер и гор, законченных в конце XVII–начале XVIII вв. (район вершины Оби), а также в этнографических надписях на этих чертежах (например, Телецкое озеро имело еще такие названия на картах, как Тележское, Алтын и Теленба), «Карта и современные границы территорий Сибири, Тобольска и всех других городов, местожительств и степей» 1673 года. Название Лебедь, вероятно, образовано от искаженного *Элү бел*, к такому выводу подталкивает наличие в водной системе мелких рек под названием *Элү бел*, *Еле*, отсюда название села *Элү бел* (на современных картах – Левинка). *Ээлү* в языке туба и алтайском означает ‘имеющий изгиб, извилистый’, *бел/бил/би* ‘вода (самод.)’, т.е. извилистая вода, в данном случае основным мотивирующим признаком номинации выступает отличающееся, выделяющееся извилистое русло реки. А. Дульзон отмечает, что в районе Средней Оби имеются топоним *Ай ёган/Ай-ёган*, который раскрывается как чисто хантыйский *ай* ‘маленький’, *ёган* ‘река’, он противопоставляется названию *Елле-ёган* ‘большой’ *ёган*, находящемуся поблизости название реки Лена произошло от эвенкийского *Елюенэ* ‘большая река’ [5: 246–257]. Лебедь, как самая большая вода/река на данной территории, могла быть и *Элү*, на местном языке ‘извилистый’, в равной степени может быть и хантыйским *Елле*, эвенкийским *Өлү*, указывая в обоих случаях на величину реки – большой, звучание *Еллубе /Өлүбе* могло измениться под влиянием элизии тюркского

языка и соответствовать названию Лебе, что более вероятно, чем если бы одно название состояло из двух компонентов из разных языковых групп. Так же нельзя не принять во внимание то, что наименования окружающему миру человек дает относительно своей величины в пространстве: большой–маленький, верх–низ, широкий–узкий, глубокий–мелкий, высокий–короткий/низкий и т.д.

Еще одной достаточно большой водной артерией является река Бия, которая берет начало в Телецком озере, местные жители называют ее Пий суу, Бий суу, Бийнин суузы и «свое название, по-нашему» – Ёён. Самодийское би/бе ‘река’ дало название реке Бия, здесь нет сомнения, но почему тубалары, чалканцы, кумандинцы из двух названий считают «своим» вариант Ёён, без объяснения значения; анализ лексики местных говоров, языков и алтайского тоже не выдает этимологию. Возможно, это тот же известный термин кетского и эвенкийского ёган ‘большая вода’. Отличительной чертой языков северных этносов Горного Алтая является слабость артикулируемого язычкового звука “ɣ” в финальной и в медиальной позициях с последующим выпадением согласного и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту ао, ау, оу и, вполне вероятно, что ёён – это стяженный вариант от ёган ‘вода’.

Этимология реки Абакан, которая берет начало с расположенного частично на территории Республики Алтай Абаканского хребта, разная: В.Я. Бутанаев считает, что наименование реки состоит из двух самодийских элементов: Абы (вода, река) + кан (путь, артерия), т.е. водная артерия [3], М.И. Боргояков предполагает, что «не так просто сейчас определить первоначальный смысл названия реки Абакан, хакасы, проживающие в Усть-Абаканском районе, называют реку Агбан. Хакасы, проживающие вверх по Абакану (Аскизский и Таштыпский районы) – Абаган или Абыган, отсюда и Абакан в русском произношении является исторически более правильным произношением и написанием, близким к первоначальному звучанию Абукану. В письменных материалах XVIII в. эта река зафиксирована в виде Абакана, а не Агбан» [2]. Топониму Аба в своем труде «Энциклопедия названий мест Горного Алтая» О.Т. Молчанова посвящает обширную статью, она считает, что Аба в значении тюркских языков переводится как ‘старший, старейший’, в кетском языке – кан ‘дорога, водный путь’ [10].

С компонентом Аба встречаются следующие топонимы и гидронимы в Турочакском, Чойском районах [10]:

1. Аба-җыш – лес, место на берегу Телецкого озера: Аба җыш – возможно, густой хвойный лес, чернь или черновой лес при р. Аба;
2. Также зафиксирован гидроним Абакан-Аржан-Суу – Абаканская целебная вода/Абаканский целебный источник;
3. Абаканнын бажы – верховья Абакана;
4. Абачак река – левый приток Абакана (уменьшительный аффикс - чак)4;
5. Абышка река – левый приток реки Көпшү (Чойский район).

В Горном Алтае Аба јыш обозначает черневую тайгу Турочакского, Чойского, Майминского районов, которая характерна именно этим 3 районам: из-за сырого климата деревья растут близко друг от друга, образуя труднопроходимую сплошную стену. Јыш – густой заросший хвойный лес, из-за чего жителей тайги в исторических источниках называли черневыми татарами. В.В. Радлов именует представителей современного туба-диалекта “Die Schwarzwald-Tataren”, т.е. черневыми татарами или йыш-кижи [15: 26]. Река Абакан начинается в тайге Аба-јыш, соответственно, название река получила от названия горы, по мнению И.Л. Кызласова, это явление довольно часто встречается на Алтае. Во время полевых исследований языка туба и чалканцев, зафиксировано название растения абсак/абасак ‘папоротник’, в татарском, башкирском языках абага – сущ. 1. Папоротник, щитовник (мужской); кочедыжник (женский); орляк, папоротник-орляк [13: 19]. В алтайском языке абакай/абагай чечек ‘цветок папоротника’. Однозначно, что тайга, обильно заросшая папоротником, где ведется сбор данного растения, и является одним из основных блюд традиционной кухни тубаларов, чалканцев и кумандинцев, будет называться «папоротниковой тайгой». Мотивирующим признаком наименования выступает наличие в большом количестве определенного растения на этой территории (в южных районах Горного Алтая папоротник встречается редко, в пищу не употребляется, поэтому с таким названием не знакомы). Гора с папоротником называется Абага, река получила название от наименования горы Абага, окончание -ган река могла обрести от эвенкийского -ган, который используется при образовании гидронимов ‘дорога, водный путь’, примыкает к разнообразным по семантике глагольным и именным основам и отражает оттенок уменьшительности или ласкательности, уменьшительный аффикс, относящийся к воде [4: 34–49]. Согласно специфике вокализма языков северных этносов Алтая, на фоне других южносибирских тюркских языков дифтонги ао, ау, оу и долгие гласные как самостоятельные фонемы образованы в результате свойственного кыпчакско-тюркским языкам процесса перехода слабо артикулируемого язычкового звука “ɣ” в финальной и в медиальной позициях в губно-губной круглощелевой консонант “w” с последующим выпадением согласного и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту ао, ау, оу. Топоним Аба тура ‘Кузнецк’, современное название города Новокузнецк, река Абачак, р. л. п. Абакана, с уменьшительным аффиксом -чак, который довольно часто используется при назывании небольших рек, вероятно, также образовано от названия горы Абага/Абаа/Аба.

Топонимы Турочакского, Чойского районов Республики Алтай в большей степени отражают внешние признаки объектов, указывая на величину, внешние преобладающие признаки, широко используются мотивирующие названия преобладающей растительности, отсутствуют образные наименования, не зафиксированы названия, связанные с животным миром, подтверждая теорию о том, что такого рода топонимы более древние. Материал по гидронимии показал, что на данной территории оставили след и представители тунгусо-маньчжурской языковой семьи, возможно, в период бытности единого языка

алтайской языковой семьи, что могут подтвердить и этнографические исследования родственных народов.

Литература

1. **Баскаков, Н. А.** Диалект черневых татар (туба-кижи) : тексты и переводы. – Москва : Наука, 1965. – 340 с.
2. **Боргояков, М. И.** Этюды по топонимике Хакасии / М. И. Боргояков // Ученые записки ХакНИЯЛИ. – 1973. – Вып. 18. – С. 32–42.
3. **Бутанаев, В. Я.** Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края / В. Я. Бутанаев. – Абакан, 1995. – 267 с.
4. **Василевич, Г. М.** Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов / Г. М. Василевич // Советская этнография. – 1946. – № 4. – С. 34–49.
5. **Дульзон, А. П.** Топонимика Западной Сибири, как один из источников ее древней истории / А. П. Дульзон // Из истории Кузбасса. – Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1964. – С. 246–257.
6. **Катанов, Н. Ф.** Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Н. Ф. Катанов. – Санкт-Петербург, 1893.
7. **Кирсанова, Н. А.** Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным) / Н. А. Кирсанова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 149 с.
8. **Мандрова, Н. А.** Консонантизм языка чалканцев (по экспериментальным данным) / Н. А. Мандрова // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 72–74.
9. **Моисеев, В. Г.** Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии / В. Г. Моисеев. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 132 с.
10. **Молчанова, О. Т.** Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Т. 1. – Щецин, 2018. – 598 с.
11. **Мурзаев, Э. М.** Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1974. – 382 с.
12. **Селютина, И. Я.** Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование) / И. Я. Селютина. – Якутск, 2000. – 86 с.
13. Татарско-русский словарь. В 2 томах. Т. 1. – Казань : Магариф, 2007. – 726 с.
14. **Ядринцев, Н. М.** Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отделения Императорского Географического Общества в Горный Алтай к Телецкому озеру и вершины Катуня в 1880 году / Н. М. Ядринцев // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. – 1882. – № 4.
15. **Radloff, W.** Phonetik der nördlichen Türksprachen / W. Radloff. – Leipzig : Weigel, 1882. – 318 s.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В последние десятилетия в исследовательской литературе наряду с термином «лексический концепт» появилось и понятие «синтаксического концепта». Данная языковая единица является не только структурным, но и смысловым элементом высказывания. С ее помощью строится межличностное общение. Проанализированные в данной статье синтаксические концепты представляют собой системно закрепленные конструктивные схемы для оформления средств выражения категории эмоциональной экспрессии, которая помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга.

Abstract. In recent decades, the concept of "syntax concept" has appeared in the research literature along with the term "lexical concept". This language unit is not only a structural, but also a semantic element of the statement. It builds interpersonal communication. The syntax concepts analyzed in this article are systemically enshrined design schemes for the expression of the category of emotional expression, which helps to understand how national cultures differ, how they complement each other.

Ключевые слова: синтаксический концепт; фразема; смысловое поле; концептосфера; вводная конструкция; семантическое пространство языка.

Keywords: syntax concept; phrase; semantic field; conceptualosphere; introductory design; semantic language space.

Обращение к синтаксическим концептам обусловлено тем, что именно на уровне синтаксиса завершается оформление главной функции языка – быть средством общения. В.И. Карасик определяет концепты следующим образом: это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «квант переживаемого знания» [Карасик, 2004: 59, 361]. В данном определении ученый указывает на то, что концепты это не любая информация в нашем сознании, а только та, которая важна для нас. Одним из удачных определений можно признать также определение Н.А. Алефиренко: «... сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту». В определении автора подчеркивается сложная и важная структура концепта, включающая интернациональный, идиоэтнический, социальный, групповой, индивидуально-личностный компоненты [Алефиренко, 2010: 155].

В начале 21 века активно исследовались вопросы концепта на лексическом и морфологическом уровнях, а к разработке проблемы на синтаксическом уровне лингвисты обратились сравнительно недавно. Основой для исследований в данной области на материале русского языка стала монография Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксические концепты русского простого предложения» [Волохина, 1999], за которой последовал

целый ряд интереснейших работ, выполненных на материале различных языков, в том числе и тюркских. Далеко не простой характер концептов обуславливает наличие большого количества классификаций, учитывающих их природу, содержание, функционирование. В ряде исследований по когнитивной лингвистике признается возможность выражения концептов разноуровневыми языковыми средствами, обладающими знаковой природой. В них наряду с терминологическими сочетаниями «лексический концепт», «лексико-фразеологический концепт», которые, как мы уже отметили, в последние десятилетия развиваются достаточно быстро и плодотворно, вводится понятие «синтаксического» концепта. Под выражением «синтаксический концепт» следует понимать концепт, выражаемый синтаксическими единицами. В лингвистических исследованиях последних лет можно встретить и другие названия данного синтаксического феномена: «фразема», «синтаксический оборот», «фразеологизированная синтаксическая конструкция», «синтаксическая идиома», «грамматический или синтаксический фразеологизм», «фразеосинтаксическая схема». Для удобства изложения материала мы в данной статье пользуемся в основном термином «синтаксический концепт».

Проанализированные в данной статье эмотивно-экспрессивные конструкции представляют собой системно закреплённые конструктивные схемы для оформления средств выражения категории эмоциональной экспрессии. С их помощью координируется межличностное общение, данные единицы представляют неоднородный круг средств выражения личного отношения говорящего к тому, что он сообщает. Смысл конструкций этого типа часто передается восклицательными и вопросительными предложениями. Данные синтаксические концепты в основном образуются из междометий или из слов, которые являются выражениями разных эмоций и волеизъявлений и обозначают отношение говорящего к создавшейся ситуации. На наш взгляд, сюда можно отнести привычные речения типа: *Ну, конечно! Чёрт возьми! Куда там!* в русском языке; *Ах тур кусене!* (*Ах, чтобы их*), *Ах турах!* (*О Боже!*), *Тур сырлах!* (*Боже упаси*), *Ак тата!* (*Вот еще!*), *Ах пётрё пуç!* (*Вот те на!*), *Ак япала!* (*Вот это да!*), *Ақта унта!* (*Куда там*), *Эх, сумърччө!* (*Вот бы дождь!*), *Мәнтарән ачи!* (*Бедный ребенок!*), *Эх, хёр шайи!* (*Эх, доля женская!*), *Мёнле савнас мар?* (*Ну как тут не повеселиться?*), *Мён калән?* (*Что скажешь?*), *Мён хяямачё?* (*Что за оказия?*), *Эх, мён тәвән?* (*Ну, что тут сделаешь?*), *Тёрёс япала-и вара çакă?* (*Ну разве это нормально?*), *Суккине астан илен?* (*Откуда взять чего нет?*), *Яшләхрине мён çиттёр?* (*Разве можно угнаться за молодостью?*); *Улпут чирё лекмен-и сана?* (*Не посетила ли тебя барская болезнь?*); *Тату пурнаҫа мён çитет?* (*Ничего не сравнится с согласием и с миром*) и т.д. Как мы можем убедиться, синтаксические концепты в этом случае могут оформляться и как предложения.

Согласно мнения многих ученых, занимающихся этой проблемой, синтаксические концепты выявляются в концептосфере многих языков независимо от их структур и функционально-стилевых особенностей. Они являются не только структурным, но и смысловым элементом высказывания.

Будучи употребленными в предложении, слова перестают существовать как отдельные лексические единицы, они вступают в предикативные отношения ради единой цели – создать смысловое поле. Исследователи–когнитологи Г.А. Волохина и З.Д. Попова отмечают: «Набор синтаксических концептов входит в семантическое пространство языка. Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения» [Волохина, 1999: 8].

С помощью данных синтаксических единиц строится межличностное общение. Проанализированные в данной статье эмотивно-экспрессивные конструкции представляют собой системно закреплённые конструктивные схемы для оформления средств выражения категории эмоциональной экспрессии, они представляют собой неоднородный круг средств выражения личного отношения говорящего к тому, что он сообщает.

Синтаксические идиомы связаны с понятием субъективная модальность. Выбор эмотивной синтаксической идиомы зависит от ситуации, от коммуникативного намерения говорящего. По существу это может быть один и тот же набор, а эмоционально-стилистические оттенки противоположные. Особенное значение выражения чувств приобретается путем особого произнесения их в речи. Естественно, в процессе общения человек пытается выразить свои эмоции, отношение к окружающим, к присутствующим. Человеческие переживания воспроизводятся в языке и культуре, без эмоций язык представляет собой мертвую схему, выхолощенную и безжизненную.

Далее мы остановимся на так называемых «союзных речениях». В исследовательской литературе они известны также как синтаксические фразеологизмы. С формальной стороны значительную часть подобных речений составляют всевозможные комбинации сочетаний служебных слов друг с другом и со знаменательными частями речи. Они неизменяемы, обычно лишены морфологических признаков и не могут сочетаться с другими словами в контексте, выполняя в предложении функцию вводных конструкций. Речь идет о конструкциях подобного плана в русском языке: *как говорит с; от куда чт о взялось; какими судьбами, как ни попадя; от куда чт о взялось; до т ех пор пока; с т ех пор как; между тем как; едва т олько* и т.д. В чувашском языке подобных синтаксических структур оказалось предостаточно: и в художественной литературе, и в разговорной речи мы то и дело используем выражения типа *й̄с̄т а килч̄ё унт а* (где ни попало, всюду), *й̄с̄т ан килч̄ё унт ан* (от куда ни попало, от овсюду), *м̄ён т̄ ай̄вас т̄ ет̄ ён* (ничего не поделаешь), *калама т̄ а аван мар* (и говорит ь-т о неприят но), *т̄ ас̄т ан т̄ а пулин* (от куда-нибудь), *апла пулин т̄ е* (несмотря ни на чт о), *кирек х̄й̄сан т̄ а* (когда т олько), *епле т̄ е пулин* (как-нибудь), *унс̄й̄р пӯсне* (в прот ивном случае), *ахаль пекки анчах* (без серьезного намерения), *м̄ён марч̄ё ёнт̄ё* (что и говорить), *м̄ён пулат̄ь те пулат̄ь* (что будет, то и будет), *м̄ён пуласса, м̄ён килмессе* (на всякий случай), *тепре куриччен* (до следующего свидания), *унтан та пулмар̄ё, унччен те пулмар̄ё* (вдруг, неожиданно), *ыт ахальтен* (от нечего делать), *ырантан теп̄ёр кунне* (послезавтра), *вӣс̄мине, ирхи куна кас̄чен* (день-деньской, весь день), *м̄ён*

килчѣ вѣл (что ни попало), ахаль пекки анчах (в шутку, без серьезного намерения), ахаль т ариччен (чтообы не быть без дела), кут арана сит иччен (до сих пор), кирлѣ т аран (в пределах надобности), пур сѣрт е т е (везде и всюду), ас т а килчѣ унт а (где попало), кирлѣ чухне (когда надо), кирлѣ кунт а (в нужное время, в нужный момент), кирлѣ мар чухне (когда не надо), хут ь т е мѣнле (какой-нибудь), т епѣр чухне (в другой раз).

Многие из них временного и пространственного значения и образуют падежно-последовательные формы наречий времени, места, образа действия и т.д. Подобные единицы часто встречаются и в составе предложений: *Ас т а килчѣ унт а ларса сѣреме вѣхѣт сук ун* (У него нет времени задерживаться где попало); *Пурнѣсра пурт е камшѣн т а пулин т арсѣ, камшѣн т а пулин хуца* (В жизни каждый для кого-то слуга, для кого-то хозяин); *Кашни хѣй пѣлнѣ пек пурѣнат ь халь* (Сейчас каждый живет по своему усмотрению); *Кам мѣнле пѣлнѣ – савѣн пек т ѣхѣнса килнѣ* (Кто как считает нужным, так и оделся); *Вѣт пыр т а калас хальхи сѣмрѣксемпе!* (Вот поди и поговори сейчас с современной молодежью!); *Хальхи ѣс пулсан-и?* (Если бы мне сейчас то время!); *Эс мѣн сѣмѣлпа сѣрет ѣн?* (Какая нелегкая тебя принесла?).

Нельзя обойти вниманием и особенные синтаксические построения с вводными словами и вводными предложениями. К ним относится довольно обширная и пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц-словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-либо части; характеристику сообщаемого по характеру протекания по времени и т.д. В роли вводных предложений свободно функционируют многие слова-высказывания, выражающие разные виды отношений. Вот примеры:

Тѣррипе каласан (говоря напрямую), *т ѣрѣссипе калас пулсан* (по правде говоря), *т ѣпрен илсен* (по существу), *пѣр каласан* (собственно говоря), *сѣпла майпа* (таким образом), *ѣп ѣнланнѣ т ѣрѣх* (как я понимаю), *т урра шѣкѣр* (слава богу), *мѣн т ѣвас т ет ѣн* (ничего не поделаешь), *хѣй каларѣш* (согласно ее (его) мнения), *хама илес пулсан* (если взять самого себя) и т.д., *мѣн т ѣвас т ен* (что поделаешь), *мѣн калас* (что сказать), *кѣскен каласан* (говоря короче), *ѣп шут ланѣ т ѣрѣх* (по моему мнению), *урѣхла каласан*, (говоря иначе), *пѣр енчен* (с одной стороны), *аслисем каланѣ т ѣрѣх* (согласно мнения старших), *т ѣрѣссипе каласан* (если быть правдивым), *маншѣн пулсан* (по-моему, для меня), *пѣр шухѣшласан* (с одной стороны), *т ур калашле* (по божьему велению), *т ем т есен т е* (что ни говори, без сомнения), *сѣпла вара* (таким образом), *сѣпах т а пулсан* (все-таки); *Мѣн т усан лайах?* *Мѣн т усан начар?* *Мѣнле пурѣнмалла?* (Что хорошо? Что плохо? Как жить?); *Пѣт рѣ пусах, капла мѣнле ут малла?* (Господи, как дальше идет и?); *Чѣвашсем калашле, чѣн самахѣн суйи сук* (Как говорят чуваша, правда и есть правда) и т.д. В приведенных многочисленных примерах разные средства выражения субъективно-модальных значений (особый словопорядок, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные предложения) всегда сопровождаются определенной интонацией. Строгих грамматических правил такого соединения нет, здесь возможны самые

различные комбинации средств, или совпадающих по субъективно-модальному значению, или несовпадающих.

Как видим, среди них выделяются дейктические и собственно модальные конструкции. Подобные примеры широко представлены в русском языке. Исследователь фразеосинтаксических схем с местоименным компонентом в русском языке В.Ю. Меликян подчеркивает, что они выражают личное, субъективное отношение говорящего к своему высказыванию или его оценку содержания сообщения [Меликян, 2007: 69–74]. К идиоматизированным конструкциям следует также отнести формулы речевого этикета: *Чуну сўлт и пат шалăхра пулт ăр* (Царствие небесное); *Тав сана. Тав пулт ăр. Лайăха пулт ăр. Умăнт а пулт ăр* (Да будет перед т обой, вами, им, ею); *Сывлăха пулт ăр* (Доброго здоровья); *Сит меннине сит ерĕр, ыт лашшине каçарăр* (Благопож елание гост ям) и т.д.

Так, например, в русском и чувашском языках можно выделить особый тип предложений, который образуют слова – предложения, заключающие в себе непосредственную эмоциональную оценку происшедшего или высказанного, эмоционально выражающие побуждение к действию или служащие средством экспрессивного выражения отношения говорящего к наблюдаемым явлениям. Конструкции этого типа называют также восклицательными предложениями. Они образуются из междометий или из слов, которые не только являются выражением эмоций или волеизъявлений, но и лексически обозначают отношение говорящего к высказыванию или к создавшейся ситуации. На наш взгляд, всё многообразие междометных построений составляет область синтаксической идиоматики. С помощью эмотивных синтаксических идиом координируется межличностное общение и реализуется в языке категория аффективности. В исследовательской литературе эти единицы получили название «коммуникативные эмотивы». Отличительной чертой коммуникем в этимологическом аспекте является то, что языковая единица, на основе которой они были сформированы, не может замещать коммуникему в аналогичной синтаксической позиции. Первичное (прямое прочтение) коммуникем оказывается далеким от их актуального содержания, не является ему синонимичным в силу более высокой степени смысловых трансформаций, которые сопровождают их построение. Например, коммуникема *Ах тур!* (Бож е правый!), выражающая значение удивления, недоумения, неодобрения, негативной оценки, возмущения, испуга, не синонимична соответствующему обращению *Бож е правый*, которое не может быть использовано (хотя бы даже приблизительно) вместо самой коммуникемы. То же самое можно сказать и о других примерах: *Ак япала!* (выражение неожиданности, недовольства, возмущения, неодобрения, иронии). Сравним: *Ак япала. Ыл сана пурнăçра кирлĕ пулат ь* (Вот эт о вещь. Она т ебе пригодит ся в ж изни).

В данном случае актуально высказывание Н.Ф. Алефиренко, объясняющего причины такого соотношения среди прецедентов: «Они являются носителями социально санкционированных оценок со знаком «плюс» или со знаком «минус». Большинство из них – обладатели негативной оценочности. Дело в том, что вторичные знаки порождаются наиболее яркими и эмоциональными признаками. А таковыми чаще оказываются негативные

впечатления. ...Положительное воспринимается как норма и поэтому не так сильно будоражит наше воображение» [Алефиренко, 2010: 66].

Среди фразеологизированных конструкций, вербализующих коммуникемы-этикетные формулы, имеются и устаревшие. Так, просторечное *Как бог милует?* в русском языке являлось приветствием при встрече, оно равно по значению распространённому в речевом этикете *Как живёте?* В современном русском языке встречается и устаревающее народно-поэтическое *Как живёте–можете?* с аналогичным значением. В свою очередь, в чувашском просторечии обычно по отношению к пожилым можно услышать приветствие *Мёлле чупатёр? Мёлле сўретёр?* (досл. *Как бегаете? Как ходите?*).

Данная статья освещает лишь некоторые основные понятия синтаксических концептов, однако актуально встает вопрос о необходимости дальнейшего изучения этого направления языкознания, влияющего на изменение состава и значений грамматической и фразеологической систем любого языка.

Литература

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, 2010. – 288 с.
2. **Волохина, Г. А.** Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Воронежская областная типография, 1999. – 196 с.
3. **Горский, Д. П.** Роль языка в познании / Д. П. Горский // Мышление и язык. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 73–116.
4. **Карасик, В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
5. **Меликян, В. Ю.** Фразеосинтаксические схемы с местоименным компонентом в системе русского языка / В. Ю. Меликян // Русский язык в школе. – 2007. – № 6. – С. 69–74.

УДК 81

*Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш.,
Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеү үзәге
Почет Билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты,
Рәсәй Федерацияһы*

**ТЕЛ ҒИЛЕМЕНӘ АРНАЛҒАН ҒҮМЕР
(АКАДЕМИК З.Ғ. УРАКСИНДЫҢ ТЫУЫУЫНА 85 ЙЫЛ ТУЛУУ
АЙКАНЛЫ)**

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности академика З.Г. Ураксина. Отмечается, что ученым опубликованы более 300 работ по лексикографии, лексикологии,

социолингвистике и национальной политике, стилистике и культуре речи, этнолингвистике, грамматике, терминологии, тюркологии и алтаистике, методике преподавания башкирского языка. За годы научной деятельности З.Г. Ураксин создал в республике свою школу лексикографов, которая достойно продолжает традиции разработки крупных академических лексикографических трудов. В статье дается анализ и обзор научным трудам ученого.

Аннотация. Мәкәлә филология фәндәре докторы, Башкортостан Республикаһы Фәндәр академияһы академигы Зиннур Ғәзиз улы Ураксиндың ғилми эшенә, фән өлкәһендә ойштороу һәм етәкселек эшмәкәрлегенә арнала. Ғалим тел ғилеменә, туған телде укытыу методикаһына, башкорт халкының тарихына һәм мәзәниәтенә арнап 300-зән ашыу ғилми хезмәтен баһырған. Шуһ хезмәттәрзән сығып, мәкәләлә З.Ғ. Ураксиндың тормошона һәм эшмәкәрлегенә биографик күзәтеу яһала.

Ключевые слова: башкирский язык; лексикография; лексикология; стилистика; социолингвистика; этнолингвистика.

Мөһим һүзәр: башкорт теле; лексикография; лексикология; стилистика; социолингвистика; этнолингвистика.

Зиннур Ғәзиз улы Ураксин 1935 йылдың 5 ноябрәндә Ырымбур өлкәһенәң Төйлөгән районы Мәксүт ауылында тыуа. Ырымбур өлкәһенәң Аллабирзе ете йыллык мәктәбен тамамлағандан һуң БАССР-зың Күгәрсен районы Морак педагогия училищеһына укырға инә. Хезмәт эшмәкәрлеген Башкорт АССР-ы Фёдоровка районы һәйет ауылында укытыусы булып башлай.

Армия сафында хезмәт итеп кайткандан һуң 1959 йылда З.Ғ. Ураксин Башкорт дәүләт университеты филология факультетының рус бүлегенә укырға инә. 1963—66 йылдарза аспирантурала укығандан һуң СССР Фәндәр академияһы Башкортостан филиалы Тарих тел һәм эзәбиәт институтына эшкә алына һәм унда кесе ғилми хезмәткәрзән (1966—68) институт директорына (1988—2002) тиклем күтәрелә.

2002 йылда Зиннур Ғәзиз улы үзенәң бөтә көсөн ғилми һәм языусылык эштәрәнә йүнәлтеу өсөн үз теләге менән директорлыктан баш тартып, бүлек менән етәкселек итә башлай (2002—05).

Ғалимдың лексикография, лексикология, социолингвистика, стилистика, этнолингвистика, грамматика, терминология, тюркология, алтаистика һәм башкорт телен укытыу методикаһына арналған 300-зән ашыу эше донъя күрә.

З.Ғ. Ураксиндың бөтә ғилми эшмәкәрлеген бер мәкәләлә генә яктыртыу мөмкин түгел. Башкорт теле ғилеменәң барлык йүнәлештәрәнәң формалашыуында һәм үсешендә ғалимдың өлөшөн тулыһынса анализлау, башкорт лингвистикаһында һәм лингводидактикаһында уның урынын яктыртыу – башкорт теле методикаһын укытыу өлкәһендәң белгестәрзән һәм филологтарзың бурысы. Ғалимдың лексикография өлкәһенә бағышланған эшмәкәрлеге тураһында тикшеренеүзәр бар, без Зиннур Ғәзиз улының лексикология, стилистика һәм телмәр мәзәниәтенә, терминология, социолингвистика һәм милли сәйәсәткә индергән өлөшөнә тукталып китмәксебез.

З.Ғ. Ураксиндың тәүге ғилми хезмәттәре башкорт теленәң синонимдарына бағышлана [5]. Йәш ғалим исемдәрзән синонимик мөнәсәбәт үзенсәлектәре һәм синонимик рәттәр менән кызыкһына [6]. Студент сағынан

ук йыйылған бик күп мәғлүмәттәр, теоретик эзләнеүзәр күләмле материал итеп тулланып, 1966 йылда башкорт теленең синонимдар һүзлеге булып сыға. Был һүзлектә автор башта синонимик теземдәр килтерә, унан һуң уларзың дәйөм мәғәнәһен биреп, һәр һүззең айырымлык һызаттарын, стилистик төсмөзәрән, кулланылыш үзенсәлектәрән аса. Был һүзлек төрки телдәр араһында бындай типтағы һүзлектәрзең тәүгеһе була. Ул 1985 йылда тулыландырылып, яңынан баһтырыла.

Артабан ғалим фразеологизмдарзың синонимдарын тикшереп менән шөгөлләнә башлай һәм тиһтәләгән ғилми хезмәттәр яза. Тикшеренеүзәрәнән һөзөмтәһе булып, Мәскәүзә уның докторлык диссертацияһы донъя күрә [10]. Был хезмәте башкорт тел ғилемдә генә түгел, дәйөм төрки лексикологияла ла зур билдәлек яулай [1, 111-се б.]. Зиннур Ғәзиз улы туған телендәге материалдар менән генә сикләнеп калмай, туғандаш төрки һәм монгол телдәрәнән фразеологизмдары менән сағыштырып, уларзы айырым бүлектәрзә яктырта. Был монография бик күп йылдар төрки телдәрәнән фразеологияны тикшереп буйынса эталон булып тора.

З.Ғ. Ураксин тыуған яғының топонимикаһын да айырым бер кызыкһыныу менән өйрәнә. Топонимдарзың килеп сығышын тикшереп менән бер рәттән, республикала таралған топоформанттарға иғтибар итә [12]. Авторзың башкорт топонимдарының яһалышында вариативлык тураһындағы һығымталары фәнни кызыкһыныу уята [11]. Был эһтең мөһимлеген күз уңында тотоп, ғалим хезмәттәһтәрәнән республика топонимдарының кире һүзлеген төзөргә тәкдим итә. 1983 йылда һүзлектән төзөлөшө һәм структураһы менән таныштыра [14], ләкин был эһ әлегә көнгә тиклем аткарылмай кала.

Зиннур Ғәзиз улы антропонимика проблемалары менән дә кызыкһына. Республиканың төрлө райондарынан үзе язып алған бик күп балалар исемдәрән анализлау ғалимға башкорттарзың ниндәй исемдәргә өһтөнлөк бирепүзәрә тураһында һығымта яһарға мөмкинлек бирә. Хәзәрәге вақытта саф башкорт исемдәрән кушыусылар өһөн исемдән мәғәнәһе мөһим булһа, сит телдән ингән исемдәрзә кушыусылар өһөн исемдә әйткәндә кыһка һәм еңел булуы беренсе урында тора тигән ғалимдың һығымтаһы хәзәрәге көндә антропонимикала күзәтелгән күп процестарзы аңлата [7, 185-се б.]. З.Ғ. Ураксиндың мәкәләһе сыккан вақытта нык таралмаған Буранбай, Батырхан, Нурсолтан, Ғилемдар, Ибраһим, Әмирхан кеүек исемдәр хәзәрәге көндәрзә күпләп кушыла.

Ғалим шулай ук фразеологизмдарза милли антропонимдарзың сағылышы, антропонимдар менән этнонимдар бәйләнеше менән дә кызыкһына [8, 9].

Зиннур Ғәзиз улы үзе фәнни йүнәләштең айышына төһөнөп, бер нисә мәкәлә язып, тағы ла нимәләр асыклайһы барлығын төһөнгәс кенә, аспиранттар менән эһ башлай. Антропонимика өлкәһендә лә шулай ук. Был йүнәләштә уның укыуыһы Р.Ә. Сөләймәнова диссертация яклай, әлегә көндә уның эһен уңышлы дауам итеп, билдәле ғалимә булып таныла.

Академик З.Ғ. Ураксин — үзенән тикшеренеүзәрән милли этнолингвистикаға арнаған тәүге ғалим. Уның «Бөгөнгө көндә Башкортостан Республикаһында этнолингвистик ситуация» тигән күзәтеү мәкәләһе бындай милли фәнни йүнәләшкә нигез һала.

Ғалим тарафынан фольклор әсәрзәренән тупланған, информаторзәр менән әңгәмә барышында йыйылған күләмле материал һәм шәхси тәҗрибә артабан уға башкорт теленең этнолингвистик катламында 13 тематик өлкәне билдәләргә мөмкинлек бирә [18, с. 75]. Нуңынан уларзың кайһы берзәре буйынса йәш ғалимдар тарафынан фундаменталь тикшеренеүзәр үткәрелә.

Һүззәрзең этномәзәни мәғәнәһен тикшереп, Зиннур Ғәзиз улы кайһы бер һүзбәйләнештәрзең семантик яктан тап килеү-килмәүе нәк этномәзәни мәғәнә менән билдәләһә, тигән һығымта яһай [18, с. 73]. Шуға күрә һүзлек төзөүселәр менән фекер алышыузарза ул һәр вақыт хезмәткәрзәргә этномәзәни мәғлүмәткә иғтибар итеү кәрәклеген искәртә килә. Ғалим был мәғлүмәттең лексик мәғәнә составына инмәүен, тик йөкмәткеһен генә асыусы мәғәнә булығын иҫбатлап, уны ныклап иғтибарға алмау иллюстратив материалдар биргәндә, айырыуса рус һүзбәйләнештәрен башкортсаға тәржемә иткәндә зур хаталарға килтереүен йыш белдерә.

Лексиканың этномәзәни күрһәткесе быуындан быуынға мәғлүмәт йәһәтенән кәмеү тәртибендә килеүе бөтәһенә лә билдәле. Шуға күрә этнолингвистик һүзлектәр төзөп, уларзы билдәләп куйыу филологтарзың бурысы. Әммә этномәзәни аңлатманы лексик мәғәнәнән айырмалы рәүештә кыска ғына мәғлүмәт аша биреп булмай, уға тулы һәм катмарлы тасуирлама талап ителә. Ошоларзы күз уңында тотоп, Зиннур Ғәзиз улы республикала беренселәрзән булып башкорт теленең этнолингвистик һүзлектәрен төзөү принцибын күрһәтә [20]. Ошо принциптарзы тулыландырып 2002 йылда З.Ғ. Ураксин редакторлығында уның укыусыһы Р.Н. Һәзиева тарафынан башкорт теленең беренсе этнолингвистик һүзлеге баһылып сыға.

Башкорт әзәби теленең стилистикаһы һәм телмәр мәзәниәте проблемалары ғалимдың һәр сәк иғтибар үзәгендә тора. 1964 йылда ук Зиннур Ғәзиз улы үзенең тәүге мәкәләләренең беренен Ш. Бабич поэзияһының языу стилиенә арнай [25]. Артабан ғалим Й. Кейекбаев, Р. Бикбаев, Р. Ғарипов, Р. Хисамитдинова һ.б. языусыларзың әсәрзәренең тел үзенсәлектәренә бағышланған мәкәләләр баһтыра. Йәштәрзең, яңы языша башлаған языусыларзың ижадына айырыуса иғтибар итә. Уларға һүрәтләү алымдарын кулланғанда, һүззәрзең семантик билдәләренең нескәлектәренән тыш, башкорт һүззәренең ярашлык үзенсәлектәрен дә күз уңында тоту кәрәклеген кабатлай [26, 93-сы б.].

Ғалим айырым языусыларзың ғына ижади теле менән кызыкһынмай, уны халыктың телмәр культураһының торошо, айырыуса милли сәнғәт вәкилдәренең орфоэпик нормаларзы бозу осрактары һәм йәш быуындың дөйөм телмәр культураһының кәнәғәтлек хәлдә булмауы уйландыра [27]. Вақытлы матбуғаттағы мәкәләләрендә, телевидение һәм радио аша сығыштарында коллегаларына был кире күренештәрзән бергәләп сығыу юлдарын күрһәтә.

Зиннур Ғәзиз улы бик күп йылдар Башкортостан юғары советы президиумы эргәһендәге Терминология комиссияһы етәксеһе була. Ул милли терминология өлкәһендә пуристик мөнәсәбәткә қаршы сығып килә, әммә шул ук вақытта яңы терминдар барлыкка килтереүзә милли телдең тазалығын һәм законлығын яқлай.

Үзләштерелгән һүзәрзең аффикстарын кысқартыу юлы менән яһалған кушма һүзәргә кәтғи каршы була, мәсәлә, *театральная касса – театраль касса, эпителиальная ткань – эпителиаль тукыма*. 80–90-сы йылдарза уның фекерен тотоп, башкорт терминологияһында һәм дәйөм милли лексикографияла бындай терминдарзы изафет конструкция аша биреү процесы күзәтелә: *театральная касса – театр кассаһы, эпителиальная ткань – эпителий тукымаһы*. Үкенескә каршы, әлегә көндә кире күренеш күзәтелә.

Ғалим терминология белешмәләре һәм һүзлектәр төзөүзә шәхсән үзе катнаша [22, 23, 3]. Уның тәкдимдәре, кәңәштәре һәм ярзамы менән тел ғилеме, сәнғәт, спорт, архитектура буйынса белешмә һүзлектәр төзөлә. Ул бер нисәүһенәң яуаплы редакторы була.

З.Ғ. Ураксин үткән быуаттың 90-сы йылдарында төрөк лингвистары тәкдим иткән «Төрки телдәр терминологияһы» халык-ара проектына башкорт телен индереүгә өлгәшә. Был проектка ярашлы, төрки телдәре ғаиләһенә караған һәр бер тел төрөк-инглиз телендәге терминдар исемлеген үзенәң милли теленә тәржемә итеп бирергә тейеш ине. Зиннур Ғәзиз улы Сиразитдинов Зиннур Әмир улы менән берлектә юриспруденция һәм иктисад буйынса тәржемәләр эшләй. Кызғаньска каршы, Төрөк республикаһында етәкселек алмашыныу сәбәпле проект ябыла.

Зиннур Ғәзиз улы шулай ук башкорт тел ғилемендә социолингвистик йүнәлешкә нигез һалыусы булып тора. Уның хезмәттәрендә Башкортостан Республикаһында ике һәм күп теллеклектәң социолингвистик проблемалары [15, 16], бер-береһе менән бәйләнешкә ингән айырым телдәрзең проблемалары [13], республикала тел торошо, шулай ук милли телдәрзең үсеш мәсьәләләре яқтыртыла [28, 23]. Үткән быуаттың 70-се йылдар азағынан алып 90-сы йылдарына тиклем басылып сыккан социаль һәм функциональ лингвистика буйынса ғилми хезмәттәре теоретик яктан ғына түгел, ә практик йәһәттән дә зур әһәмиәткә эйә була. Улар «Башкорт халкының яңырыуы һәм үсеше», «Башкортостан Республикаһы халыктары телдәре» республика программаларын барлыкка килтереүзә мөһим роль уйнай [17, 19].

З.Ғ. Ураксиндың республикала фән өлкәһендәге етәкселек, ойоштороусылык һәләтен дә искә алмау мөмкин түгел. Был һызаттары уның директор сағында айырыуса күзгә салына. 1991 йылда уның инициативаһы менән институтта яңы бүлек – мәзәниәт һәм педагогика бүлегә асыла. 1991 йылдың апрелендә тел һәм әзәбиәт бүлегә нигезендә махсус бер төркөм барлыкка килә, һуңынан ул Башкортостан энциклопедияһы бүлегә тип үзгәртелә. Директорзың тырышлығы менән был бүлек артабан үзаллы «Башкорт энциклопедияһы» ғилми нәшриәте булып китә.

1991 йылда тел ғилеме бүлегендә «Лексикографияны автоматлаштырыу» тигән яңы төркөм булдырыла. 2002 йылдың ғинуарынан бүлектән айырылып, «Лингвистика һәм мәғлүмәт технологиялары лабораторияһы» булып үзаллы эшләй башлай.

Зиннур Ғәзиз улы 2002 йылда Башкортостан Республикаһы Фәндәр академияһы академигы Урал халыктары бүлегә етәксеһе Р.Ғ. Кузеевтың Тарих,

тел һәм әзәбиәт институтынан айырылып Өфө ғилми үзәгендә ұзаллы Этнологик тикшенеүзәр үзәген асыу тәкдимен хуплап сыға.

З.Г. Ураксин республиканың дөйөм фән үсешенә зур өлөш индерә [2, 44-се б.]. Ул Башкорт АССР-ы Юғары Советының «Башкорт АССР-ы Фәндәр академияһы» указын әзерләүзә әүзем катнаша [24, 67-се б.]. Фәндәр академияһының вице-президенты буларак, Башкортостан Республиканың академияһы Рәсәй фәндәр академияһы менән бергә килешеп эшләүзәрен булдырыуға күп көс һала [4, 8-се б.]. Нәк ул эшләгән осорза БР Фәндәр академияһы халык-ара бәйләнештәре, атап әйткәндә, Халык-ара төрки мазәниәте ойошмаһы (ТӨРКСОЙ) (1998 йылдан ағза итеп һайлана) менән бәйләнештәре киңәйә.

Зиннур Ғәзиз улының етәксе һәм ойоштороусы буларак эшмәкәрлеген күп кырлылығы уның яңы кадрзәр әзерләүендә лә күренә. Ул 20-нән ашыу кандидатлык һәм докторлык диссертацияларының ғилми етәксеһе һәм консультанты. Ғалим башкорт тел ғилеме өсөн генә түгел, ә рус, роман-герман филологияһы, төрки телдәр (хакас, төрөк телдәре) өсөн дә ғилми кадрзәр әзерләй.

Башкорт теле ғалим өсөн ғилми кызыкһыныу ғына булып тормай, ә йәшәү мәғәнәһенә әүерелә. Йәмәғәт эштәрендәге әүземлеге уның туған телен хәстәрләүгә, телде һәм мазәниәттә үстәреүгә йүнәлтелә. 1992—2002 йылдарза Бетә донъя башкорттары королтайы башкарма комитеты рәйесе урынбағары, 1994—2004 йылдарза БР Президент советы ағзаһы, 1998—2004 йылдарза Башкортостан Республикаһының ЮНЕСКО эштәре буйынса комитеты ағзаһы, 1999—2002 йылдарза «Башкортостан Республикаһы халыктары телдәре тураһындағы» законды тормошка ашырыу буйынса БР Хөкүмәте карамағындағы комиссия рәйесе урынбағары булып һайланыуы быға асык миҫал булып тора.

Әзәбиәт

1. **Ахунзянов, Г. Х.** Фразеология башкирского языка / Г. Х. Ахунзянов, М. Г. Махамадиев, З. Г. Ураксин // Советская тюркология. – 1977. – № 1. – С. 109–112.

2. **Галяутдинов, И. Г.** Ученый и патриот / И. Г. Галяутдинов // Жизнь, отданная науке. Воспоминания о Зиннуре Газизовиче Ураксине. – Уфа : Гилем, 2012. – 196 с.

3. **Гарипов Ф. Н.** Русско-башкирский словарь экономических терминов / Ф. Н. Гарипов, З. Г. Ураксин. – Уфа, 2007. – 184 с.

4. **Мурзабулатов, М. В.** Ураксин Зиннур Газизович : биобиблиографический указатель / М. В. Мурзабулатов, З. Г. Уразбаева, Ю. З. Ураксин, Ф. С. Тикеев. – Уфа : Гилем, 2005. – 56 с.

5. **Ураксин, З. Г.** Синонимы с точки зрения мышления и языка / З. Г. Ураксин // Итоговая научная сессия ИИЯЛ БФ АН СССР за 1965 г. – Уфа, 1966. – С. 50–54.

6. **Ураксин, З. Г.** Синонимические отношения некоторых существительных / З. Г. Ураксин // Башкирская лексика. – Уфа, 1966. – С. 115–118.
7. **Ураксин, З. Г.** Основные критерии выбора имен у башкир / З. Г. Ураксин // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – Москва, 1970. – С. 182–185.
8. **Ураксин, З. Г.** Имена собственные в составе башкирских фразеологизмов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – 1973. – Вып. 3. – С. 420–421.
9. **Ураксин, З. Г.** Башкирские антропонимы из этнонимов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – 1973. – Вып. 3. – С. 86–87.
10. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Москва : Наука, 1975. – 192 с.
11. **Ураксин, З. Г.** Словообразовательная вариативность башкирских местных географических терминов / З. Г. Ураксин // Диалекты топонимы Поволжья. – 1975. – Вып. 3. – С. 102–107.
12. **Ураксин, З. Г.** Топонимы с элементом шазы/шизе / З. Г. Ураксин // Диалекты и топонимия Поволжья. – 1978. – Вып. 6. – С. 90–93.
13. **Ураксин, З. Г.** Взаимодействие русского и тюркских языков в области фразеологии / З. Г. Ураксин // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 107–112.
14. **Ураксин, З. Г.** Обратный словарь топонимов Башкирской АССР (состав и структура) / З. Г. Ураксин // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа, 1983. – С. 88–92.
15. **Ураксин, З. Г.** Некоторые проблемы социологического изучения языков / З. Г. Ураксин // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1987. – С. 4–11.
16. **Ураксин, З. Г.** Проблемы двуязычия и многоязычия в Башкирии / З. Г. Ураксин // Советская тюркология. – 1989. – № 5. – С. 75–79.
17. **Ураксин, З. Г.** Закон «О языках народов РБ» (проект) / З. Г. Ураксин // Этнополитическая мозаика Башкортостана : документы, хроника. Т. 1. – Москва, 1992. – С. 235–244.
18. **Ураксин, З. Г.** Этнокультурное значение слов в башкирском языке / З. Г. Ураксин // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии : сборник статей. – Уфа, 1994. – С. 71–76.
19. **Ураксин, З. Г.** Проект государственной программы «Возрождение и развитие башкирского народа» / З. Г. Ураксин // Первый Всемирный курултай башкир. 1-2 июня 1993 г. Стенографический отчет. – Уфа : Китап, 1998. – С. 38–40.
20. **Ураксин, З. Г.** Этнолингвистический аспект слова в башкирском языке / З. Г. Ураксин // Ядкар. – 2000. – № 1. – С. 73–77.
21. **Ураксин, З. Г.** Государственность и государственные языки / З. Г. Ураксин // Ватандаш. – 2004. – № 9. – С. 19–22.
22. **Ураксин, З. Г.** Русско-башкирский словарь и башкирско-русский словарь архитектурно-строительных терминов / З. Г. Ураксин, З. А. Сиразитдинов. – Уфа, 2004. – 82 с.

23. Ураксин, З. Г. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по лесному делу / З. Г. Ураксин, З. Г. Уразбаева, Н. Ф. Суфьянова. – Уфа, 2006. – 152 с.

24. Халфин, С. А. Выдающийся языковед организатор научной деятельности (к 75-летию со дня рождения академика З. Г. Ураксина) / С. А. Халфин // Жизнь, отданная науке. Воспоминания о Зиннуре Газизовиче Ураксине. – Уфа : Гилем, 2012. – 196 с.

25. Ураксин, З. Г. Ш. Бабич шиғырҙарында синонимдарҙың кулланылышы / З. Г. Ураксин // Учитель Башкирии. – Уфа. – 1964. – № 12. – С. 37–40.

26. Ураксин, З. Г. Языусының телмәр культураһы / З. Г. Ураксин // Ағизел. – 1979. – № 6. – С. 92–96.

27. Ураксин, З. Г. Тел язмышы ил язмышы / З. Г. Ураксин // Ағизел. – 1988. – № 1. – С. 140–142.

28. Ураксин, З. Г. Башкортостан Республикаһы халыктары телдәренәң статусы тураһында / З. Г. Ураксин, Н. Х. Мәксүтова // Теле барҙың иле бар. – Өфө : Китап, 1995. – С. 95–97.

УДК 811.512.141

*Сөләймәнова Р.Ә.,
Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеу үзәге
Почет Билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты,
Рәсәй Федерацияһы*

БИЛДӘЛЕ ТЕЛСЕ-ҒАЛИМ З.Г. УРАКСИНДЫҢ АНТРОПОНИМИКА ӨЛКӘҢЕНДӘ ҒИЛМИ ЭШМӘКӘРЛЕГЕ

Аннотация. В данной статье дается краткий обзор научной деятельности известного ученого-лингвиста Зиннура Газизовича Ураксина в области башкирской антропонимии. Подчеркивается большой вклад ученого в башкирскую антропонимию, выделяются его основные труды, которые и сегодня остаются актуальными в этой области.

Abstract. This article provides a brief overview of the scientific activity in the field of Bashkir anthroponymy by the famous scientist-linguist - Zinnur Gazizovich Uraksin. The great contribution of the scientist to the Bashkir anthroponymy is emphasized, his main works are highlighted, which remain relevant today in this area.

Ключевые слова: З.Г. Ураксин; башкирское языкознание; лексикология; ономастика; антропонимия.

Keywords: Z.G. Uraksin; Bashkir linguistics; lexicology; onomastics; anthroponymy.

Зиннур Ғәзиз улы Ураксин ысын ғалим, киң даирәле ақыл эйәһе, төрлө яклап талантлы шәхес буларак киң билдәлелек яуланы. Минеңсә, кешенең бөйөклөгө – уның ябайлығында. Зиннур Ғәзиз улы Ураксин үзенең ябайлығы, кешелеклеге, кеселеклеге менән күптәргә үрнәк булып торзо. Тағы ла кешенең бөйөклөгө тураһында унан һуң калған эштәре, хезмәттәре һөйләй. Зиннур Ғәзиз

улы Ураксин үзенә хезмәттәре, башкарған эштәре менән үзенә һәйкәл куйып китте тиһәк тә хата булмаҫ.

Зиннур Ғәзиз улы Ураксин башкорт тел ғилемендә — киң карашлы теоретик, күп ғилми хезмәттәр авторы, ә әзәбиәттә — һәләтле языусы, уймак хикәйәләр оҫтаһы буларак танылыу тапты. Ул тел ғилеменә бәтә өлкәһендә тиерлек әүзем эшләгән, киң эрудициялы ғалим ине. Т.Х. Кусимова, Ж.Ғ. Кейекбаев, А.Ә. Камалов, Р.З. Шәкүров кеүек телселәр менән бер рәттән, ономастиканың бер бүлегә булған антропонимия өлкәһендә лә үзенә тос фекерзәрән әйтте. Тәүгеләрзән булып тап ошо ғалимдар тарафынан кеше исемдәре махсус рәүештә ныклап өйрәнеләп, был өлкәлә зур эштәр башкарыла. Телсе-ғалимдар башкорттарзың тарихи һәм хәзәрә антропонимикаһының шулай ук уның менән тығыз бәйләнәштә торған ономастиканың башка бүлектәрән тикшерәү, кеше исемдәрән бер калыпка һалыу кеүек практик мәсьәләләр өҫтөндә эшләне.

Исем һайлау мотивы буйынса һораузар зур кызыкһыныу тыузыра. Уның тураһында Зиннур Ғәзиз улы Ураксиндың «Основные критерии выбора имени у башкир» тигән мәкәләһендә әйтәлә. Ул үзенә был хезмәтендә «Төп башкорт һәм башка төрки телле исемдәр өсөн хәзәрә вақытта берәнсе планда мәғәнәүи критерий булла, ә инде сит телдәр өсөн кыскалык, әйтәләштә һәм язмала уңайлылык төп критерий булып тора», [Ураксин, 1970: 184] тип билдәләп үтә. Ысынлап та, 70-се йылдарза башкорттар араһында исем кушыуза рухи күтәрәләш һизәлә. Мәсәлән, был йылдарза *Айзар, Айнур, Изел, Салауат, Айгәл, Гүзәл* кеүек төрки халыктарына хас исемдәр башкорт исемдәр тәзмәһенә актив катламын тәшкит итә. Ғалим «Халықтың милли үзаңы, мәзәниәтенә үсәүе, ижтимағи, тарихи талаптар үзгәрәү менән исемдәр зә үзгәрәш кисерә», [Ураксин, 1970: 185] тип үзенә фекерән дауам итә. Был һис шикһез шулай. Ғәмүмән, башкорт исемлегә аша ошо халықтың милли үзаңы тураһында фекер йөрөтә алабыз. 1970, 1980 йылдарзан айырмалы рәүештә, 1990, 2000 йылдарза башкорт халқының милли үзаңының һиндәйзәр кимәлдә түбәнәйеүән күрәбәз. Был фекерзә башкорттар араһында кушылған *Эдуард, Эмиль, Алина, Элеонора* кеүек исемдәр ярзамында исбат итә алабыз. Һуңғы йылдарза *Айгиз, Батырхан, Искәндәр, Нурсолтан, Назгәл, Сәлима, Әминә, Язгәл* исемле башкорт балаларының күбәйеүе бик тә шатлыклы күрәнәш.

Зиннур Ғәзиз улының антропонимия өлкәһенә кағылышлы тағы бер «Башкирские антропонимы из этнонимов» тигән мәкәләһен айырып күрһәтергә кәрәк. Билдәлә булыуынса, кайһы бер этнонимдар антропонимдар һәм антропонимик тамырзар урынында кулланыла. Мәсәлән, *Бүрә, Тургай* кеүек төп башкорт ырыу-кәбилә атамалары ошондайзарға карай. Ғалим үзенә был хезмәтен ошо мәсьәләне тикшерәүгә бағышлай. Ул антропоним һәм антропонимик һигеззәр урынында кулланылған кайһы бер этнонимдарзы тикшерәп, уларзы төркөмдәргә бүләп күрһәтә. «Этнонимдар бик күп йылдар кеше исем сифатында йөрөп, үззәрәнә этник йөкмәткәһен юғалтып, әкрәләп антропоним буларак кына кулланыла башланылар. Әгәр зә башкорт исемлегендә *Үзбәк* тигән этноним осрай икән, ул инде был исемдә йөрөткән кешенә этник киләп сығышын билдәләмәй, ә бары тик уның исеме буларак

кына кулланыла», [Ураксин, 1972: 86–89] тип билдэлэй ғалим. Быға ауаздаш фекерзе башка төрки телдәрендә лә күрергә мөмкин. Мәсәлән, тажик ғалимы А. Гафуров тарафынан Башкурт [этимология неясна, «волчья голова» (?)], Узбек («стойкий, мужественный», букв, «железное сердце») [Гафуров, 1984: 133, 196] кеүек этнонимдар антропоним буларак күрһәтеләп, мәғәнәләре аңлатыла. Мәкәләлә күтәрелгән мәсьәләләр, һис шикһез, артабанғы эзләнеүзәрзе талап итә.

Шулай ук Зиннур Ғәзиз улының «Кеше исемдәре, уларзы мәктәптә өйрәнеү», «Исем кушыу», «Исемен матур, кемдәр куйған?», «Имена хранят историю», «Имя собственное в составе башкирских фразеологизмов» һәм башка мәкәләләре лә айырым иғтибарға лайык.

Зиннур Ғәзиз улы Ураксин исеменә тап төшөрмәй лайыклы йәшәне. Зиннур исеме гәрәп теленән тәржемә иткәндә «нурлы» тигәндә аңлата. Ысынлап та, Зиннур Ғәзиз улының йөзөнән бер касан да йылмайыу китмәне, тирә-якка нур һибеп йәшәне. Ул һәр вакыт йор һүзлә, алсак күңелле булыуы менән кешеләрзе үзенә тартып торзо. Зиннур Ғәзиз улы ысын мәғәнәһендә ата-әсәһенә генә түгел, ә халкының, иленә ғәзиз улы булып йәшәй белде. Фамилияһының Ураксин булыуы ла юкка ғына түгелдер. Ул тел ғилемдә урған уңыштарзы бөтәбөз зә татып кинәнәбөз. Бына шулай исеме – уны, ул исемен йәшәтәп, мәңгелек тактаташка язып калдырзы. Без үзөбөззә ошондай каһарман улдарыбыззы хөрмәт итергә, улар алдында баш әйергә тейеш!

Әзәбиәт

1. **Гафуров, А.** Имя и история / А. Гафуров. – Москва : Наука, 1987. – 224 с.
2. **Ураксин, З. Г.** Основные критерии выбора имен у башкир / З. Г. Ураксин // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. – Москва, 1970. – С. 182–185.
3. **Ураксин, З. Г.** Башкирские антропонимы из этнонимов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 86–89.

УДК 821.512.141

*Сәмерханова Г.Х.,
Башкорт дәүләт университетының
Сибай институты (филиалы),
Рәсәй Федерацияһы*

БАШКОРТ ХАЛКЫНЫҢ ТАРИХИ ЙЫРЗАРЫНДА САТИРА ҺӘМ ЮМОР

Аннотация. Комическое — эстетическая категория, которая отражается в словесном искусстве через иронию, сатиру и юмор. Отражение комического можно найти в исторических песнях башкирского народа, в которых юмористически высмеивается невежество кантонных начальников, сатирически обличается их алчность и жестокость.

Abstract. Comic is an aesthetic category that is reflected in verbal art through irony, satire, and humor. The reflection of the comic can be found in the historical songs of the Bashkir people, which humorously ridicules the ignorance of the cantonal chiefs, satirically denounces their greed and cruelty.

Ключевые слова: комическое; сатира; юмор; исторические песни; башкирское словесное искусство.

Keywords: comic; satire; humor; historical songs; Bashkir verbal art.

Мәрәкә, йәки комик хәл — теге йәки был ижтимағи күренештән, кайһы бер кешеләр кылығының һәм эштәренән килешмәс яктарын сағылдырыр һәм еңелсәрәк көлөп шелтәләр эстетик категория. Йәмғиәттәге йәмһез күренештәрҙе, кеше кылығындағы тискәре яктарҙы көлөп тәнкитләү шундай хәлдәрҙән тизерәк арынырға ярҙам итә [Хөсәйенов, 2006: 112]. Өзәбиәтсәғалимдар комиклыҡтың бик боронғо күренеш булыуын һәм әзәбиәттә сатира, юмор, ирония кеүек алымдар аша тормошҡа ашырылыуын билдәләй [Кожевников, Николаев, 1987: 162—163; Гурьева, 2009: 133].

Комиклыҡ күренешен башҡорт һүз сәнғәтенән боронғо өлгөләрендә үк сағылыш таба. Ул башҡорт халкының ғәилә-көнкүреш йолаларына бәйлә поэтик әсәрҙәрҙе, башҡорт халыҡ ижадының айырым жанр өлгөләрендә урын ала. Кайһы бер жанрҙар хатта тулығынса был эстетик категорияны сағылдырыуға королған.

Комиклыҡ күренешенән сағылышын башҡорт халкының тарихи йырҙарында ла табырға була. Билдәле әзәбиәтсәғалим Ә. Харисов совет осорона тиклем булған башҡорт халыҡ йырҙарын, темалары һәм йөкмәткеләренән карап, һигез төркөмгә бүлә: 1) тарихи вакиғалар һәм уларға бәйлә кешеләр тураһындағы тарихи йырҙар, хәрби поход һәм һуғыш йырҙары; 2) Тыуған ил һәм тормош-көнкүреш тураһындағы йырҙар; 3) баструкка (острогка) йәки һөргөнгә ебәрелгән кешеләр тураһындағы йырҙар; 4) түрәләр тураһындағы йырҙар; 5) катын-кыҙдың бәхетһеҙ яҙмышы тураһындағы йырҙар; 6) мөхәббәт йырҙары; 7) шаян йырҙар; 8) бейеү йырҙары (такмактар) [Харисов, 1984: 44]. Өзәбиәтсәғалим айырым төркөмгә билдәләгән түрәләр тураһындағы йырҙарҙы ла тарихи йырҙар эсендә карарға булалыр. Ни өсөн тигәндә, ғалим айырым төркөмгә айырған власть кешеләренән, ғәзәттә кантон башлыктарынан зарлану йырҙары ла үз сиратында башҡорт халкының айырым тарихи вакиғалары менән бәйлә һәм шул тарихи вакиғалар, тарихи шарттарҙан айырылғыһыз карала.

Билдәле булыуынса, 1798—1863 йылдарҙа Башҡортостан административ-территориаль яктан кантондарға бүленә. Тап ошо осорҙа был тарихи вакиғаға, кантон начальниктарына карата айырым көйлө йырҙар күпләп сығарыла. Йөкмәткеһе яғынан улар ике төркөмгә бүленә. Беренсе төркөм йырҙары кантондарҙың һорауы, кушыуы буйынса шул даирәгә яҡын булған айырым йырсылар тарафынан сығарыла. Бындай йырҙар кантон начальнигының үзен һәм эшен мактау, данлауға королған була. Ә. Харисов билдәләүенсә, был йырҙарҙың береһе лә халыҡлашып китә алмаған — кантон үзе иҫән сакта уның төрлө мәжлестәрендә йәки, күп тигәндә, ул начальник булып торған территорияның айырым урындарында йырланғандар за онотолғандар.

Икенсе төркөмдәге йырзар иһә халык тарафынан сығарылған. Был йырзарза кантон начальниктарына, уларзың эшмәкәрлегенә халык тарафынан реалистик кылыкһырлама бирелгән. Был йырзарзың таралыуы инде бер кантон территорияһында ғына сикләнеп калмаған — Башкортостандың бөтә кантондарын урап сығып, халыклашып киткән.

Кантондар тураһындағы халык йырзарының бер өлөшөндә («Колой кантон», «Каһарман кантон», «Абдулла ахун») царизмдың тоғро ялсыһы булған бөтә кантон начальниктарының дәйөмләштерелгән тишкәре образы кәүзәләндерелә, уларзың халыкка карата йырткыслығы, канһызлығы сағыла. Был йырзар тәрән кайғылы, драматик сюжетлы.

Кантондар тураһындағы халык йырзарының икенсе өлөшөндә иһә халыктың кантондарға карата нәфрәте сатира һәм юмор катыш сағылдырыла. Мәсәлән, «Абдулла ахун» («Кылыслы ахун») йырында ла халыкты талаусы яуыз кантон һүрәтләнә. Шул ук вақытта йырза канһыз кантонға карата халык мөнәсәбәте үткер сатира аша ла еткерелә:

Тынғы бирмәс ахун инең,
Күстеңме ни тыныска?
Йәшел мәсет таяғынды
Алмаштырып кылыска!

Салмалы ахундан кылыслы кантонға әүерелгән Абдулла, үзен халыкты бөлдөрөүсе итеп танытканы өсөн, батшанан мизал ала. Һәм шул ук вақытта халык үзенә йырында, шундай кишкен асыу һәм нәфрәт менән янып, был кантонды үлергә тейешле кеше тип, хөкөм итә:

Абдулла ахун халыкты талап,
Илде калдырзы йотка,
Ил түзә алмас яуызлыкка,
Бер тотоп һалыр утка.
Абдулла ахун артынан
Вестовойы калмаһын:
Башын һуғып өзһәләр,
Муйынына урар салмаһын!

1963 йылда Башкортостанда кантондар системаһы бөтөрөлә һәм кантондар барыһы ла штатский булып кала. Ләкин күп кенә кантондар «кылыс һалырға» теләмәй. «Каһарман кантон» йыры ана шундай кантондарзан әсе итеп көлә. Каһарман «кылысын тағып йөрөйзәр, кантонмын тиеп һаман», сөнки:

Каһарман кантон ғәйәр ир,
Штатский окшамай,
Петербурға үзе барған,
Штатлыкка ышанмай.

Йырза, бер яктан, кантонлык системаһы бөтөрөлөүгә ышанырға һәм буйһонорға теләмәгән, «йоклар йокоһон йокламай, кантонлығын искә алған» Каһарман кантон образы сатирик планда һүрәтләнһә, икенсе яктан, уның

билэгән вазифаһына кызығып кейәүгә сығырға теләгән Шәһизә образы ла көлөү объектына әйләнә:

Шәһизәһе барам, тигән,
Булмаһаң штатский.
Каһарман кантон кытатский,
Булдың шул штатский!

Йырзың азағында халык юмору һәм сатираһы бар үткерлегендә сағылыш таба:

Каһарман кантон кытатский,
Кылысы штатский!
Шәһизәкәй ник бармайһың,
Тыныс бит штатский!

Шулай итеп, боронғо эстетик категория буларак комиклык әзәбиәттә ирония, юмор һәм сатира ярзамында реалләшә. Комиклык күренешенен сағылышын башкорт халкының тарихи йырзарында ла табырға була. Комиклык тыузырыу сараһы буларак юмор һәм сатира башлыса кантонлык системаһы, кантондар тураһындағы халык йырзарына хас. Уларза халыкты талаусы, үз мәнфәғәтен генә кайғыртыусы яуыз кантондар образы сатирик һәм юмористик планда фашлана.

Әзәбиәт

1. **Гурьева, Т. Н.** Новый литературный словарь / Т. Н. Гурьева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 364 с.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевниковой и П. А. Николаевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. **Харисов, Ә.** Рухи тамырзар. Әзәбиәт һәм фольклор мәсьәләләре / Ә. Харисов. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1984. – 240 б.
4. **Хөсәйенов, Ғ. Б.** Әзәбиәт ғилеме һүзлегә / Ғ. Б. Хөсәйенов. – Өфө : Китап, 2006. – 248 б.

УДК 821.161.1

*Темирова Д.Х.
Бухарский государственный университет,
Республика Узбекистан*

СПЕЦИФИКА УЗБЕКСКОГО ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности узбекского детского игрового фольклора, жанровые признаки детских традиционных игр. Также представлены различные виды классификаций игрового фольклора в зависимости от гендерных различий, возрастных и психологических особенностей детей, места и времени игры, наличия или отсутствия в игровом сюжете словесных формул, действия или предметов, типов сюжета.

Abstract. This article discusses the features of Uzbek children's game folklore, genre features of children's traditional games. Various types of classifications of game folklore are also presented, depending on gender differences, age and psychological characteristics of children, the place and time of the game, the presence or absence of verbal formulas, actions or objects in the game plot, and the types of plot.

Ключевые слова: фольклор; игра; акциональный код; классификация; сюжет; тип; подвижные игры; имитация.

Keywords: folklore; game; action code; classification; plot; type; mobile games; imitation.

Узбекский детский фольклор – достаточно обширная область народного поэтического творчества. Это особый красочный мир, который живет по своим законам, откликается на все своим видением, пониманием и отношением, так как его главному носителю, ребенку, свойственно, заимствуя, перекраивать увиденное на основе психологических и физиологических особенностей.

На современном этапе особое внимание заслуживает изучение определенной области детского фольклора, а именно игрового, в своем развитии прошедшего определенные этапы, которые характеризовались определенным местом исполнения, способами и приемами исполнения, исполнителями, образным миром, традиционными сюжетными мотивами. Это некий веками выработанный свод действий и приемов, направленный на физическое и умственное развитие ребенка. Важность изучения данной области, объясняется тем, что игра – это то, чем ребенок живет каждый день. А благодаря «открытости» жанра, игра вбирает в себя почти все особенности фольклорных жанров. Она синкретична, так как складывается из элементов акционального, вербального, предметного и других кодов. Отсюда и сложность решения поставленной задачи.

Игры считаются самостоятельным, популярным, древним и традиционным жанром детского фольклора. Основными исполнителями игр являются дети разных возрастов, которые руководствуются в соответствии с детским мышлением принципом драматического изображения любой жизненной реалии. Игры выделяются среди других жанров фольклора с точки зрения образовательного, воспитательного значения, а также идейного содержания. Жанровые признаки детских традиционных игр определяются такими характеристиками, как выразительность, слаженность работы детского коллектива, традиционность, анонимность, вариативность. В большинстве игр важную роль играют словесные формулы и последовательность действий. Идеологическое наполнение игр отражает мировосприятие и мироощущение тюркских народов.

В играх представлены самые разнообразные представления людей о древнем мире, мифологические концепции, обряды и обычаи, реальные картины жизни, межличностные отношения людей, производственные дела. Они включают в себя различные виды состязаний, служащих повышению физической силы человека, такие как бег, прыжки, стрельба, боевые действия. Также и испытания на оттачивание ума, ведущих к духовному совершенствованию ребенка.

Реалии жизни выражаются в игровой среде таким образом, чтобы дети получали эстетическое удовольствие в соответствии с их мышлением и

мировоззрением, их физическими и интеллектуальными возможностями. Поэтому большинство игровых мотивов носит образовательный и дидактический характер. Наряду с этим многие из них имеют социальную значимость. Узбекские детские игры очень многогранны. В них представлены педагогические, психологические, этнологические, исторические и др. особенности.

В играх сохранились отголоски древней старины, отражаются образ жизни, психика, мировоззрение, интересы детей. Они различаются в зависимости от тематики, гендерных различий, возрастных и психологических особенностей детей, места и времени игры, состава игроков, их организации, наличия или отсутствия в игровом сюжете словесных формул, действия или предметов, типов сюжета, отношения к реалиям времени. Поэтому изучение игр основывается на разделении их на различные виды.

В узбекском фольклороведении есть некоторый опыт классификации узбекских детских игр. В частности, в этом направлении заслуживают внимания работы Г. Джахонгирова, О. Сафарова и Ш. Галиева.

Г. Джахонгиров не дает специальной классификации узбекских детских игр, но в своих работах стремится разграничивать подвижные игры и духовные игры [Джахонгиров, 1975: 27–29]. О. Сафаров делит игры на две группы по соотношению и взаимодействию в них действий и слов:

1. Подвижные игры;
2. Духовные (словесные) игры.

Подвижные игры, в свою очередь, он подразделяет на 3 типа в зависимости от наличия в ней действия, слова и предмета:

1. Игры, состоящие из чистого действия. Они будут построены на основе имитации определенного действия;
2. Игры, в которых действие напрямую связано с предметом. В таких играх действие создается с помощью игрушки, земли, камня, орехов, платка или других предметов;
3. Подвижные словесные игры. В композиции таких игр песня или словесные формулы являются управляющей силой для создания и направления движения [Сафаров, 1985: 134–205].

Ш. Галиев, специально изучавший классификацию и поэтику узбекского детского игрового фольклора, в какой-то мере опирается на классификацию Г. Виноградова [Виноградов, 1930:5], и предлагает классификацию на основе следующих критериев:

1. По отношению к временному признаку игры: а) постоянная; б) сезонная;
2. В зависимости от возраста и пола участников игры: а) игры для мальчиков; б) игры для девочек; в) игры для юношей; г) игры для взрослых; г) совместные игры для мальчиков и девочек; д) семейные игры;
3. По отношению к пространственному признаку игры: а) игры на суше; б) водные игры; в) игры в помещении;
4. В соответствии с критериями использования предметов во время игры: а) предметные игры; б) беспредметные игры;
5. С точки зрения содержания и назначения игр: а) подвижные игры;

б) дидактические игры; в) ситуативные игры; г) азартные игры [Галиев, 1998: 44].

Несомненно, что в узбекской фольклористике Ш. Галиев представил более подробную классификацию детских игр по сравнению с другими.

Однако классификация игр по содержанию и назначению, разработанная ученым, несколько расплывчата. В ней есть определенная путаница. Точнее, исследователь рассматривает подвижные игры как отдельный вид в соответствии с их содержанием и назначением. В то время как действие – это основа всех игр.

Любая игра, будь то дидактическая игра, игра с разыгрыванием целых сцен и азартная игра, – все они построены на действии.

Также в каждой подвижной игре реализована конкретная дидактическая цель. В играх реальность жизни трактуется по-разному, через разные реальные и образные, а иногда и мифологические образы. Структура игр разнообразна. Среди них есть сюжетные и бессюжетные игры. Сюжетные игры могут состоять из одного, двух или более эпизодов. Мотивы в играх варьируются в зависимости от типа игры. Сюжетные игры также отличаются наличием определенных типов сюжета. Если рассматривать игры как образец устного художественного творчества, как литературное явление, то их условно можно отнести к трем типам с точки зрения интерпретации образов, идейного содержания и композиции, а также цели и эстетических функций:

- а) игры в духе героизма;
- б) игры, имитирующие отношения в животном мире;
- в) игры, моделирующие различные бытовые ситуации.

Несмотря на разделение, между ними существует определенная близость, происходит постоянная интеграция, взаимодействие разных игровых типов. Поэтому все они объединены в единую целостную систему под названием игровой детский мир.

Литература

1. **Джахангиров, Г.** Узбекский детский фольклор / Г. Джахангиров. – Ташкент : Учитель, 1975.
2. **Сафаров, О.** Поэтика узбекского детского фольклора / О. Сафаров. – Ташкент : Учитель, 1985.
3. **Виноградов, Г. С.** Русский детский фольклор. Игровые прелюдии / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1930.
4. **Галиев, Ш.** Узбекский детский игровой фольклор / Ш. Галиев. – Ташкент : Наука, 1998.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ АЛИШЕРА НАВОИ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Аннотация. Статья посвящена научным работам известного поэта, мыслителя Алишера Навои в области литературоведения и языкознания. В частности, в статье дан краткий обзор его трудов по литературоведению «Маджалис ал-нафаис» («Собрание утонченных»), по теории аруза – «Мезан ал-авзан» («Весы размеров»), по теории жанра муамма – «Муфрадат».

Abstract. This article talks about the scientific works of the famous poet and thinker Alisher Navoi in the field of literary criticism and linguistics. In particular, the article highlights in the form of a brief overview of his works on literary criticism – «Majalis al-nafais» («Collection of the Refined»), according to the theory of aruz – «Mezan al-avzan» («Scales of sizes»), according to the theory of the genre of muamma – «Mufradat».

Ключевые слова: жанр; муамма; байт; литературоведение; языкознание; тюркский язык; персидский язык; аруз.

Keywords: genre; muamma; byte; literary criticism; linguistics; Turkic language; Persian language; aruz.

Алишер Навои – великий мыслитель, создавший наряду с бесценными художественными произведениями и множество научных произведений. Многочисленные труды учёного по литературоведению, языкознанию, истории, теории и истории религии, содержащие энциклопедические знания, основанные на конкретных фактах и имеющие объективные выводы, и по сегодняшний день вызывают интерес учёных всего мира.

По литературоведению Навои создал три произведения: «Муфрадат», «Маджалис ал-нафаис» («Собрание утонченных»), «Мезан ал-авзан» («Весы размеров»).

«Муфрадат» – работа Навои по теории жанра головоломки, известный как муамма. Она написана учёным в 1485 году на персидско-таджикском языке. Загадочна форма муамма – *поэтический жанр*, состоящий из одного, а иногда и двух байтов, в которых путем изменения букв арабского алфавита скрыто имя или название предмета. *Читатели посредством различных правил по намёкам должны выявить это имя или название, понять подтекст.* Навои обсуждает множество различных муамма и предлагает свои собственные решения. Первый раздел «Муфрадота» под названием «Хазоин-уль-маони» содержит 52 муамма на чагатайском языке, а второй раздел под названием «Девони Фони» – 500 загадок на персидском языке.

В «Муфрадат» Алишер Навои говорит о сложности и недостатках созданных до него произведений и старается максимально их устранить. Во вступительной части учёный скромно подчеркивает, что цель его работы – не привлечь внимание ученых, а научить широкую публику, особенно молодое поколение секретам отгадывания муамма: «Хотя это небольшое произведение

нельзя отнести к научным трудам и оно не имеет никакой ценности для учёных, работа может быть полезной, детям, чтобы облегчить обучение решению муамма».

В труде «Муфрадот» конкретно и доступным языком описаны различные методы и действия по нахождению скрытого в муамма слова. Приведенные примеры к правилам также предельно ясны и понятны.

Еще одно произведение, иллюстрирующее деятельность Алишера Навои как литературоведа, – «Маджалис ал-нафаис» («Собрание утончённых»). В нём представлены сведения о 459 поэтах – современниках Навои. Учёный приводит сведения не только об известных поэтах своего времени, но и только начинающих свою литературную деятельность. В «Маджалис ал-нафаис» даётся также информация о некоторых поэтах-женщинах. Несмотря на то, что о поэтессах не говорится как об отдельных творцах, сведения поэта о них чрезвычайно важны для литературной критики.

«Мезан ал-авзан» Алишера Навои был создан в 1492–1493 годах. Навои подчеркивает, что впервые изложил принципы теории аруза на тюркском языке, так как не был знаком с «Фунуну-ль-балога» шейха Ахмада Гарози, где литературные вопросы рассматриваются на тюркском языке. Во введении Алишер Навои также сослался на источники аруза, созданного до него: Китабу-ль-айн Халиля ибн Ахмада, Аль-муджам Шамса Кайса Рази, Меъйору-ль-ашъар Насириддина Туси, Рисолай аруз Абдурахмана Джами. В «Мезан ал-авзан», после восхваления Аллаха и величия Пророка, говорит, что султан Хусейн Байкара вдохновил его на написание этого произведения. Затем Навои указал, что аруз – это священная наука, отметив, что некоторые стихи в Коране и некоторые предложения в хадисах Пророка соответствуют арузу и что большинство стихов в девонах Амира аль-Мумина Хазрата Али тоже соответствуют арузу.

В следующей части Навои даёт информацию о Халиле ибн Ахмаде, создателе теории аруза, и о термине «аруз». Затем он переходит к изложению теоретических правил аруза.

Навои не только способствовал развитию тюркского языка, создавая ценные произведения, но и теоретически обогатил его развитие. Одной из его заслуг в этом отношении является труд «Мухокамат уль-лугатайн» («Разговор о двух языках»), созданный в 1499 году.

В этой работе Навои, сравнивая тюркский и персидский языки, доказал, что тюркский язык имеет богатый и широкий спектр возможностей. Согласно традиции восточно-мусульманской литературы, после частей Хамд и Наът, Навои полагал, что один из трех мировых языков (турецкий, персидский и хинди) произошли от сыновей Ноя Иафета (турецкий), Сом (персидский) и Хом (индийский), и пишет, что тюркский язык был прославлен венцом пророчества через Иафета.

По словам Навои, арабский язык не нуждается в таком прославлении, это, несомненно, классический и чудесный из всех языков, потому что на этом языке были написаны слова Аллаха и хадисы Святого Пророка.

В процессе сравнения двух языков Алишер Навои проявляется как сильный знаток персидского языка, поскольку для объективных выводов требуется совершенное знание обоих языков.

Произведение содержит также ценную информацию о творческой биографии Алишера Навои. В частности, перечень его произведений на тюркском языке, наряду с названиями источников, на которых они основаны, важны для понимания сути произведений Навои.

Произведение Алишера Навои, посвященное арабской лексикографии «Сабат абхур» является одной из наименее изученных работ. Вопрос об авторе произведения также много лет является дискуссионным в литературе. В результате исследования ученого Б. Гасанова, проводившего исследование по данной теме, был сделан вывод, что данное произведение принадлежит перу Алишера Навои. Обосновывая и завершая свою работу, Б. Гасанов основывает свое мнение на следующих моментах писаря Ахмада ибн Али Дамаска Манини: «Это последнее из вещей, обнаруженных в эскизе «Сабат абхур», над которым Алишер Навои работал над порядком, составом, улучшением и классификацией солнца, сияющего над Харасаном».

Произведение называется «Сабат абхур» – «Семь морей», потому что источником для него являются семь книг по арабской лексикографии. Это следующие книги:

- толковый словарь Джавхари «Сахох»;
- согани «Такмила»;
- труд Замахшари «Кашшоф» (по толкованию Корана);
- Муфассаль Ибн Хаджиба по грамматике (два предисловия и комментарии);
- «Гаройбу-л-хадис» – словари, основанные на изречениях хадисов;
- обзоры различных авторов, девоны, брошюры и другие произведения.

Их условно называют «Завойид».

В основе конструкции «Сабат абхур» лежит корневая система (флексия). В арабских словах (например, катаба – мактуб – котиб-китоб – мактаб), согласно правилу извлечения основы, буквы, оставшиеся после добавления дополнительных гласных в слово, образуют некую значимую основу (КТВ – катаба в примере выше).

Основная часть словарной лексики состоит из трехбуквенных основ (6451 словарная статья). По количеству второе место занимают четырехбуквенные основы (2056). На третьем месте – пятибуквенные основы (94 словарные статьи). Малоупотребляемые слова, которые вошли в арабский язык из других языков, – шесть (1 словарная статья) и семибуквенные (2 словарные статьи).

Труд Алишера Навои имеет особое значение в истории арабской лексикографии, наряду со словарями Джавхари «Сахох» и Фирузабоди «Комус».

Литература

1. Малов, С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. 6. – 1947. – Вып. 6. – С. 475–480.

2. **Навои, А.** Мажолисун-нафоис. Муккамал асарлар туплами. В 20 томах. Т. 13 / А. Навои. – Ташкент : Фан, 1997.

3. **Навои, А.** Муҳокамат ул-луғатайн. Муккамал асарлар туплами. В 20 томах. Т. 16 / А. Навои. – Ташкент : Фан, 1997. – С. – 40.

4. **Навои, А.** Мезон ул-авзон. Муккамал асарлар туплами. В 20 томах. Т. 20 / А. Навои. – Ташкент : Фан, 1997. – С. 367–418.

УДК 372.881.1

*Толомбаев В.З., Ғарипова И.И., Фәхриева Ф.Р.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

ПРОФЕССОР М.В. ЗЭЙНУЛЛИН ҺӘМ ҺҮЗ ТӨРКӨМДЭРЕН ФУНКЦИОНАЛЬ-СТИЛИСТИК АСПЕКТТА ӨЙРӘНЕҮ МӘСЪӘЛӘҮ

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем теории и методики обучения башкирскому языку – развитию речевых умений на функционально-стилистической основе. Основной задачей обучения родному языку в школе является не только усвоение учащимися знаний о структуре и грамматическом строе языка, расширение словарного запаса, но и формирование и развитие способности к осознанной реализации функций языка в зависимости от целей и условий общения.

Abstract. The article is devoted to one of the topical problems of the theory and methodology of teaching the Bashkir language — the development of speech skills on a functional and stylistic basis. The main task of teaching a native language at school is not only to acquire knowledge about the structure and grammatical structure of the language, expand the vocabulary, but also to form and develop the ability to consciously implement the functions of the language, depending on the goals and conditions of communication.

Ключевые слова: грамматическая стилистика; стилистические умения и навыки; функционально-стилистический подход; речевая деятельность.

Keywords: grammatical style; stylistic skills; functional and stylistic approach; speech activity.

Професор Марат Вәли улы Зәйнуллиндың хезмәттәре башкорт әзәби теле серзәрен, уларзы өйрәнеүзең яңы йүнәләштәрен билдәләүе менән тел ғилемдә зур урын алып тора. Бигерәк тә, семантик һәм функциональ планда катмарлы, нык үсешкән һәм морфологик категорияларға ифрат бай булған кылым һүз төркөмө өлкәһендәге тикшеренеүзәре оло фәнни әһәмиәткә эйә. Уның хезмәттәрендә кылым һөйләмдә һәм уның төрлө коммуникатив типтарын барлыкка килтереүсе конструктив һәм грамматик сара буларак та, һөйләмдәң нигезен тәшкил иткән предикативлыкты, хәбәрлекте һәм модаллекте реалләштереүсе төп структур компонент буларак та фәнни тикшеренеүзәргә йәлеп ителә. Ғалимдың кылымды, айырып әйткәндә, кылымдың заман формаларын өйрәнеүзә билдәләгән йүнәләштәрзән функциональ-стилистик аспект беззең игтибарзы үзенә тарта. М.В. Зәйнуллин билдәләүенсә, кылымдың

заман формалары тураһында фекер йөрөткәндә уларҙың өстәлмә экспрессив һәм эмоциональ төсмөрлөктәре, төрлө модаллек мәғәнәләре һәм тасуири мөмкинлектәре менән айырылып тороуҙары күз уңында тотолорға тейеш [Зәйнуллин, 2013: 262]. Тикшеренеү барышында ғалим заман формаларының модаллек, экспрессивлык һәм эмоционаллек мәғәнәләре менән генә сикләнмәүен һәм уларҙың стилистик функцияларына бер замандың икенсе заман урынында кулланылыуын, йәғни заман формаларының синонимлашыуын да индерергә кәрәклеген билдәләй [Зәйнуллин, 2013: 262].

Ысынлап та, кылым үзенең лексик-семантик, лексик-грамматик һәм грамматик формаларға бай булыуы, катмарлылығы һәм кулланылыу киңлеген менән башка һүз төркөмдәренән шактай нык айырыла. Бының менән бергә, кылым сикләнмәгән экспрессив һәм эмотив көскә лә эйә. Шуның өсөн дә ул тормошто һәр яклап үсештә, хәрәкәттә һүрәтләүгә мөмкинлек бирә. Элек-электән билдәле язуысылар әсәрҙәрендәгә хәл-вакиғаларҙы, тәбиғәт күренештәрен, геройҙарҙың холок-фиғелен, уй-кисерештәрен, эшмәкәрлеген, яҙмышын, башкаларға булған мөнәсәбәттәрен киң һәм ентекле тасуирлауға кылымдың мөмкинлеген киң кулланғандар. А.Н. Толстой: «Кылым тел нигезен тәшкил итә. Фразаға яраклы дөрөс кылым һайлау — фразаны хәрәкәткә килтереү тигән һүз», — тип яза. Әсәрҙәрҙә сағылдырылған бөтә нәмә, күренеш, хәл-вакиға, кешеләр, уларҙың кылыктары, эшмәкәрлектәре, характер һызаттары динамикала, хәрәкәттә һүрәтләгәндә генә «йәнләнә».

Түбәндә бирелгән миҫалдарҙан күренеүенсә, кылым формалары айырым бер лексик, грамматик мәғәнә белдереүҙән бигерәк, күпкә киңерәк функцияға эйә.

Миҫалдар: *Улар Хамбалды яҡын уҡ ебәрҙеләр, алданылар, карт сабып килеп етте лә, һуғырға тип, сыбығын күтәргәйне генә, малайҙар, тантаналы шаркылдашып, ярлауға һикерҙеләр (Р. Солтангәрәев «Хамбал»).* *Бала-сағаның куркып касыуы һыбайлыны ярһытып ебәрҙе шикелле, теҫе, дошманына ташланған атлы казак шикелле, атын уңлы-һуллы сыбыклап саба башланы (Р. Солтангәрәев «Хамбал»).* *Шунан самалап та тормайынса тирәккә барып һарылдылар за, таракан шикелле, юғары үрмәләп менеп киттеләр (Р. Солтангәрәев «Хамбал»).* *Ул ғына ла түгел, ярлау ситенә еткәс, кон кайтарырға булдылар — үзҙәре артынан ажғырып сабып килгән куркыныс картка карап һөрәнләрҙә тотондолар (Р. Солтангәрәев «Хамбал»).*

Был миҫалдарҙа интензивлык, киҫкен ситуация, кызыу барған хәл-вакиғалар бер юлы кылымдың семантик, лексик-грамматик, грамматик категориялары аша реалләшә һәм йәнле булып, укыусының күз алдына килеп баһа. Бында кылым формаларының роле зур, кылымдың күләм, заман, йүнәлеш категориялары синтезы берҙәй экспрессив функция үтәй.

«Башкорт телендә кылымдың заман формалары мәғәнә төсмөрлөктәренә ифрат бай булған кеүек, уның стилистик функциялары ла күп төрлө. Заман формаларының стилистик функциялары матур әҙәбиәттә һәм халыҡ ижады әсәрҙәрендә тағы ла асығыраҡ һәм һәлмәгерәк күренә. Туған тел укытыусыһы укытыу процесында заман формаларының стилистик функциялары менән укыусыларҙы даими рәүештә таныштырып торорға тейеш, был материалды

нығыраҡ үзләштерергә, туған телдең тәбиғәтен тәрәнерәк аңларға ярҙам итә» — тип һығымта килтерә профессор [Зәйнуллин, 2013: 15].

Һис шикһез, һәр телдең грамматик формаларын функциональ-стилистик нигеҙҙә өйрәнеүҙең лингводидактик әһәмиәте көслө. Тел сараларын стилистик нигеҙҙә өйрәнеү — укыусыларҙы тел берәмектәренең телмәрҙәге кулланылышы, уларҙың төрлө мәғәнә төсмөрҙәрен белдерәү үзенсәлектәре менән таныштырыуҙы һәм ошо арҡылы балала төрлө коммуникатив шарттарға, ситуацияларға, жанрҙарға ярашлы тел берәмектәрен урынлы, дөрөҫ итеп куллана белеү һәләтен формалаштырыуҙы күҙ уңында тотта.

Р.Ғ. Азнағолов үҙенең хезмәттәрендә: «Дәрәсләктәргә ингән тел саралары фән, статистика, ғилемдәр тупланмаһы рәүешендә генә өйрәнелмәһен ине», — тип әсенеп яза [Азнағолов, 2011: 5]. Уның фекеренсә, бала зиһененә уй, хәтеренә мәғәнә һалыу мөһим. Шуға күрә туған тел саралары һөйләм йә булмаһа текст әсендә, шул һөйләмдең, текстың башка киҫәктәре, берәмектәре менән тығыз бәйләнештә өйрәнелергә тейеш. Ысынлап та, бөгөнгө көндә тел берәмектәрен танып белеүҙән бигерәк, уларҙы телмәрҙә дөрөҫ кулланырға өйрәтәү, йәғни укыусыларҙа тел компетенцияһын формалаштырыу фарыздыр. Һуңғы вақытта грамматика укытыуҙың кәрәклеге-кәрәкмәғәнлеге тураһында һүҙ кузғытыусылар за осрай. Әлбиттә, грамматика закондарын аңлатмай тороп, телгә өйрәтәү мөмкин түгел. Был осрақта лексика, морфология, синтаксис кеүек катмарлы тел кимәлдәрен өйрәнеүҙе функциональ-стилистик нигеҙҙә алып барыу отошлораҡ.

Тел сараларын функциональ-стилистик аспектта өйрәнеү хәҙерге методика фәнендә нигеҙләнгән, күп ғалимдарҙың хезмәттәрендә яҡтыртылған булыуға карамаҫтан, башкорт телен укытыу практикаһында уға әллә ни әһәмиәт бирелмәй. Төрлө грамматик категорияларҙы өйрәнеү һаман ялҡытҡыс формаль планда бара, мәҫәлән, килештәрҙе, һорауҙар куйып, кылымдың заман, йүнәлеш, күләм формаларын ялғауҙарына карап танырға өйрәтәбез, ә уларҙың грамматик функцияһы, мәғәнә үзенсәлеге, стилистик кулланылышы иғтибарҙан ситтә кала килә. Шул нигеҙҙә, балаларҙың телмәрендә грамматик формалар дөрөҫ кулланылмай, семантик, стилистик яктан хаталы, бик коро, калыплашқан һөйләмдәр барлыкка килә.

Һүҙ төркөмдәрен функциональ-стилистик нигеҙҙә өйрәнеүҙә без стилистик йүнәлешле, тел берәмектәренең функциональ үзенсәлектәрен тойомлауға, танып белеүгә йүнәлтелгән әш төрҙәрен күҙ уңында тоторға тейешбез. Морфология дәрәстәре укыусыны теге йәки был текст төзөүҙә кәрәкле тел сараларын һайлау закондары менән таныштырырға мөмкинлек бирә. Укыусыларҙың морфология өлкәһендәге белеме мотлак телмәр әшмәкәрлегендә кулланылыш табырға тейеш, бының өсөн дәрәстәрҙә теге йәки был грамматик күренештең булыу-булмауын билдәләү, уны танырға өйрәтәү менән генә сикләnmәйенсә, уларҙың конкрет коммуникатив шарттарға, телмәр ихтыяжына ярашлы кулланылышын, мәғәнәүи төсмөрҙәрен билдәләү, анализлау шарт.

Грамматика өлкәһендәге стилистик күнегеүҙәрҙең асылы шунан тора:

— улар балаларға билдәле грамматик стилдәр тураһында белем бирә, тел сараларын көндәлек аралашыуҙа дөрөҫ һәм урынлы кулланырға өйрәтә;

— тел сараларының функциональ-стилистик һәм грамматик-стилистик үзенсәлектәрен танырға өйрәтә;

— тел сараларының синоним варианттарын төрлө стилдәрҙә кулланыу күнекмәләрен бирә;

— төрлө грамматик формаларҙы файзаланыу үзенсәлектәре менән таныштыра;

— грамматик формалар кулланып, төрлө стилдә һөйләмдәр һәм текстар төзөргә, уларҙы стилистик яктан камиллаштырырға өйрәтә.

Грамматика буйынса эш укыусыларға үз белемдәрен һөйләү һәм языу телмәрендә файзаланыу күнекмәләре бирергә тейеш. Дәрестә һүзәрҙән үзгәрәү, һөйләмдә үз-ара бәйләнеү кағизәләренән тыш, теге йәки был кағизәне кулланыу, грамматик формаларҙың синоним варианттарын телмәрҙә бер үк йөкмәткене биреү үзенсәлектәре һәм был синоним конструкцияларҙың мәғәнәүи һәм стилистик үзенсәлектәренән сығып эш итеү законлылыктары ла өйрәнелә. Бындай типтағы эштәр укыусыларҙың орфографик, грамматик, стилистик грамоталылығын күтәрә, уларҙың телмәрен камиллаштыра.

Әҙәбиәт

1. **Зәйнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт әҙәби теле. Морфология : монография / М. В. Зәйнуллин. – Өфө : БДУ РНУ, 2013. – 353 б.

2. **Азнағолов, Р. Ф.** Хәзерге дәрәс : укыу кулланмаһы. Үзгәрешле / Р. Ф. Азнағолов. – 2-се басма. – Өфө : БашДУ, 2011. – 155 б.

УДК 811.512.141

*Усманова М.Ф.,
Рәсәй Федерацияһы*

АКАДЕМИК М.В. ЗӘЙНУЛЛИНДЫҢ БАШКОРТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕНӘ ҒАЛҒАН ТОС ӨЛӨШӨ

Аннотация. Академик Марат Валиевич Зайнуллин внес огромный вклад в изучение башкирского литературного языка. Ученым исследованы все категории глагольной системы башкирского языка: категория наклонения, категория времени, неспрягаемые формы глагола, формы модальности глагола и др. В частности, М.В. Зайнуллин выделяет шесть наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное, наклонение намерения.

В башкирском языкознании принято считать, что категория времени представлена пятью аффиксами (-а; -ды, -ған; -ыр, -асак) и формы *прошедшего* и *будущего времени* подразделяются на *определенные* (-ды, -асак) и *неопределенные* (-ған, -ыр).

Большой заслугой академика М.В. Зайнуллиной является утверждение, что понятие настоящего времени глагола с аффиксом -а (особенно *глаголы движения*) выражают только в составе сложных глаголов: *кайтып бара // кайтып бара ята // кайтып килә // кайтып килә ята* — идет (едет) домой.

Также отметим, что в своих исследованиях М.В. Зайнуллин ставит под сомнение неопределенность аффикса -ыр, подчеркивая, что в контексте это значение может быть

нейтрализовано. Данный аффикс часто употребляется в различных жанрах литературного языка. Частотность употребления будущего неопределенного времени (-ыр) по сравнению с будущим определенным временем также намного выше и в общенародном разговорном языке.

В свою очередь, мы можем утверждать, что в языке башкир аффикс -ыр имеет следующие значения: твердое убеждение, что действие в будущем будет совершено (эйтермен – скажу), обещание (кискә кайтырмын – к вечеру вернусь), клятву (барыһын да эшләрмен – все сделаю) и др., но среди них нет значения неопределенности.

Abstract. Academician Marat Valievich Zainullin made a huge contribution to the study of the Bashkir literary language. Scientist has studied all categories of the verbal system of the Bashkir language: mood category, tense category, non-conjugated verb forms, verb modality forms, etc. In particular, M.V. Zaynullin distinguishes six moods: indicative, imperative, desirable, conditional, subjunctive, intention.

According to Bashkir linguistics the category of tense is represented by five affixes (-а; -ды, -ған; -ыр, -асақ) and the forms of the past and future tense are subdivided into definite (-ды, -асақ) and indefinite (-ған, -ыр).

The great merit of Academician M.V. Zainullin is the statement that the concept of the present tense verbs with the affix -а (especially verbs of movement) are expressed only as part of complex verbs: кайтып бара // кайтып бара ята // кайтып килә // кайтып килә ята – goes (going) home.

We also note that M.V. Zainullin calls into question the indefiniteness of the affix -ыр, noting that in the context this meaning can be neutralized. This affix is often used in various genres of the literary language. The frequency of the use of the future indefinite time (-ыр) in comparison with the future definite time is also much higher in the common spoken language.

In turn, we can say that in the Bashkir language the affix -ыр has the following meanings: a firm conviction that an action in the future will be done (эйтермен – I will say), a promise (кискә кайтырмын – I will be back in the evening), an oath (барыһын да эшләрмен – I will do everything), etc., but among them there is no meaning of indefiniteness.

Ключевые слова: башкирский язык; грамматика; глагол; категория времени; аффикс; значение.

Keywords: The Bashkir language; grammar; verb; tense category; affix; meaning.

Бөйөк Октябрь социалистик революцияһынан һуң башкорт эзәби тел нормаһын, башкорт теленең грамматикаһын булдырыуға ғалимдар күп көс һалған. Бының өсөн башкорт йәшәгән ерзәргә экспедициялар махсус ойошторолған (етәксеһе профессор Н.К. Дмитриев), башкорт теле һәм уның диалекттары төрлө яклап тикшерелгән, отчеттар төзөлгән, фәнни хезмәттәр языла башлаған.

Башкорт телен тәү башлап өйрәнүселәр А.Г. Бессонов, М.М. Биксурин, Н.И. Ильминский, Н.Ф. Катанов, В.В. Катаринский, М.И. Өмөтбаев була. Башкорт эзәби теленең теоретик һәм практик мәсьәләләрен хәл итеүзә Ғ. Ғаббасов, Ү.Ф. Вилданов, Х.Ғ. Ғәбитов, В. Хангилдин, Ғ.Ә. Дәүләтшин, Н.Т. Таһиров, Ғ. Ғүмәров, Х.С. Фәритов, М.С. Кулаев һ.б. әүзем катнаша. Башкорт теленең эзәби тел нормаһын булдырыуза Н.К. Дмитриевтың роле бик зур.

XX быуаттың икенсе яртыһынан алып башкорт теленең мөһим мәсьәләләре, грамматик категориялары Ә.И. Харисов, Ж.Ғ. Кейекбаев, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, К.З. Әхмәров, Н.Х. Ишбулатов, Ә.М. Азнабаев, Ә. Бейеш, В.Ш. Псәнчин, К.Ғ. Ишбаев, Ә.Ә. Юлдашев, М.Х. Әхтәмов һ.б. хезмәттәрәндә

сағылыш таба. Улар араһында айырым урынды академик Марат Вәли улы Зәйнуллин алып тора.

М.В. Зәйнуллиндың ғилми эше кылым һүз төркөмө, уның һөйкәлештәре, заман категорияларын асыклау менән бәйле. Марат Вәли улы кылымды төрлө яклап өйрәнөп, төпсөп тикшергән, мәкәләләр, монографиялар язған, уңышлы итеп диссертациялар яклаған. Кылым менән бәйле бер генә тема ла, кылымдарзың мәғәнәһе, уларзың телдәге үзенсәлектәре Марат Вәли улының күз уңынан ситтә тороп калмаған. Һәр беренә уның карашы бар, һәр беренә ғалимдың хезмәтендә сағылыш тапқан. Был өлкәлә бик зур уңыштар казанған ғалим ул.

Артабан ғалимдың кылым категорияларына булған караштарын барлар өсөн хезмәттәренә мөрәжәғәт итәйек.

Әйтергә кәрәк, тел ғилемдә әле йөрөгән *һөйкәлеш* термины тәүге хезмәттәргә кулланылмай. Кылым төркөмсәләре махсус исемдәре менән бергә *кылым* һүзе менән килә. Ғалимдар кылымдарзы, мәғәнәләренә карап, һигез төркөмсәгә бүлеп карай: 1) *бойорок кылым*, 2) *хәбәр кылым*, 3) *хәл кылым*, 4) *шарт кылым*, 5) *исем кылым*, 6) *сифат кылым*, 7) *уртак кылым*, 8) *теләк кылым* [Әхмәр, 1941; Фәритов, Ғүмәров, 1949; Зиннәтуллина, 1955].

Артабан фәнни хезмәттәр, дәреслектәргә *һөйкәлеш* термины килеп инә [Кейекбаев, Фәритов, Ғәлләмов һ.б., 1969; 1983]. *Һөйкәлеш* терминының грамматикаға килеп инеүе ғалим Н.К. Дмитриев менән бәйле [Дмитриев, 2008: 167].

XX быуаттың 60-сы йылдарынан һуң башкорт тел ғилемдә кылымдарзы һөйкәлештәргә бүлеп карау башлана. М.В. Зәйнуллиндың кылымдарзы һөйкәлештәргә айырыуза үз карашы була. Мәсәлән, профессорлар Ж.Ғ. Кейекбаев, Ю.В. Псәнчин, күренекле ғалим В.Ш. Псәнчин дүрт һөйкәлеш (*хәбәр*, *бойорок*, *шарт* һәм *теләк-өндәү һөйкәлеше*) барын билдәләһә [Кейекбаев, 1983: 208—209; В.Ш. Псәнчин, Ю.В. Псәнчин, 2001: 129], академик М.В. Зәйнуллин менән профессор К.Ғ. Ишбаев алтышар һөйкәлеш барын таний. М.В. Зәйнуллин уларзы *хәбәр*, *бойорок*, *шарт*, *ниәт-максат* һәм *фараз итеү (ихтималлык) һөйкәлештәре* [Зәйнуллин, 2002: 101] тип, профессор К.Ғ. Ишбаев *хәбәр*, *бойорок*, *шарт*, *теләк-өндәү*, *ниәт-максат* һәм *ихтималлык һөйкәлештәре* тип атай [Ишбаев, 2012: 367].

Билдәле булыуынса, башкорт теленә грамматикаһында заман төшөнсәһе *-а*, *-ды*, *-ған*, *-ыр*, *-асак* ялғаулары менән бирелә тигән кағизә йәшәй: *-ды*, *-асак* — *үткән* заман менән *киләсәк* заманда булған хәл-вакиғаның *билдәле* икәнән, ә *-ған* менән *-ыр* ошо ук замандарзың *билдәһез* булғанын күрһәтә, тиелә.

Ә халык теле башкаса: унда кылымдың заман төшөнсәһе грамматикала күрһәтелгәнә тап килеп етмәй, икенсе төрлө бирелә. Марат Вәли улы хезмәттәрендә, традицион караштан тайпылып, кайһы бер кылым формаларының халык телендә ниндәй мәғәнә биргәнән йә кайһы урында кулланылғанын асыклап әйтеп китә. Мәсәлән, ғалимдың *хәбәр кылым* тураһындағы фекере иғтибарзы йәлеп итә. Ул хәзерге башкорт телендә хәбәр һөйкәлешенә киләсәк заман мәғәнәһен белдергән ике заман формаһы барын

күрһэтә. Улар 1) *билдәһез киләсәк заман* һәм 2) *билдәле киләсәк заман*. Артабан ғалимдың *билдәһез киләсәк заман хәбәр кылымга* булған фекерен тулырак бирәйек.

Билдәһез киләсәк замандың -ыр (-ер, -ор/-өр) аффиксы менән бирелгән күрһәткәндән һуң, ул түбәндәгеләрзе яза: *билдәһез киләсәк заман* формаһының мәғәнә йөкмәткеһе түбәндәгәнән ғибәрәт: был форма эш-хәлдең киләсәктә мотлак эшләнәсәгенә, вакиғаның буласағына, тормошка ашырылыуына ныклы ышаныс булмаузы, билдәһезлекте белдерә. Был уның төп мәғәнәһе, йөкмәткеһе [Зәйнуллин, 2002: 141; 2018: 107—108]. Артабан ул миһалға түбәндәге шиғыр юлдарын килтерә:

*Аты ауһа, һуғыш кырзариңда,
Йәйәү тотоп дошман кырыр ул.
Аяктары һынһа, ергә ятып,
Күкрәк менән алға шыуыр ул (К. Даян).
Һәр бер эштә, һәр бер фронтта
Мин һаман да эшләп йөрөрмөн.
Акылымдың һуңғы яктыһын
Һәм канымдың һуңғы тамсыһын
Илем, халкым өсөн бирермен (Х. Кунакбай).*

Әммә шул ук вақытта академик М.В. Зәйнуллин *билдәһез киләсәк заман күрһәткесе булған -ыр* «формаһының эштең эшләнәсәгенә тәрән ышаныс булуыын да белдереп килә ала, бындай мәғәнә 2-се киләсәк заман формаһы йәнәш килгән сактарза һәм, ғөмүмән, контекста тағы ла асығырак күренә, шулай ук интонация ла был мәғәнәнең реалләшеүенә ярзам итә, тип тә белдерә» һәм миһалдар килтерә: *Якты Еңеү көнөн бер кем дә онота алмас. Ул быуаттар буйына быуындан-быуыңга, телдән-телгә күсеп йөрөр. Был шатлыклы көндө нисек каршылауын Ишбулды үзенең балаларына һөйләр* (Ғ. Аллаяров) [Зәйнуллин, 2002: 141; 2018: 108]. Артабан ғалим М.В. Зәйнуллин, *билдәһез киләсәк заман* тураһындағы фекерен дауам итеп, түбәндәгеләрзе әйтә: *билдәһез киләсәк заман* белдергән эш-хәлдәрзең башкарыласағы һөйләүсе өсөн асык түгел. Һөйләүсе эш-хәлдәрзең, вакиғаларзың буласағын өзөп кенә әйтә алмай, улар һөйләүсе өсөн билдәһез була. Шулай за эш-хәлдәрзең үтәлеүе мөмкин һәм күп осракта үтәлергә тейешле эш-хәлдәрзе лә белдерә. Был форманың эш-хәлдең үтәлешенә икеләнәү, шикләнәү булған осракта кулланылыуын тағы шуның менән иһбат итеп була, *моғайын, ахыры, бәлки* һ.б. шуның кеүек икеләнәүзе белдергән модаль һүззәр *билдәһез киләсәк заман* формаларына ғына әйәрә алалар, ә билдәле киләсәк заман менән бергә килә алмайзар. Мәсәлән: *Моғайын, ул төштән һуң кыйыуһыз ғына тауыш менән Хөмәйрәне һартка киноға барырга сакырыр* (Ф. Исәнғолов); *Быларзың, Алакай ағай, эштәре барып сығыр, ахыры.* (С. Миһтахов); *Бәлки, ул бөгөн кискә кайтып төшөр* (С. Агиш).

Әйтергә кәрәк, тип дауам итә фекерен академик М.В. Зәйнуллин, хәзерге башкорт телендә *билдәһез киләсәк заман* әзәби телдә лә, дөйөм халык телендә лә *билдәле киләсәк заман* формалары менән сағыштырғанда зур активлык менән

кулланыла. Ә поэтик әсәрзәрзә -сак, -сәк аффикслы киләсәк заман бик һирәк оспрай [Зәйнуллин, 2002: 142; 2018: 108—109].

Шуны һызык өстөнә алырға кәрәк, кайһы бер телсе-ғалимдарыбыз – *p* аффиксының мәғәнәнән *билдәһез* булыуға кайтарып куйһа ла, шул ук вакытта үззәрә үк *-p* аффиксының *билдәһез* булғанды белдерерә менән бер үк вакытта үтәлерә мөмкин булған, үтәлергә тейешле, хатта уларзың үтәлеренә бер ниндәй шик-шөбһә булмаған, тәрән ышаныс булған эш-хәрәкәтте лә белдерерә мөмкин, тип һанай [Кейекбаев, 1983: 217; В.Ш. Псәнчин, Ю.В. Псәнчин, 2001: 140].

Ысынлап та, *-p* (*-ыр/-ер, -ор/-өр, -ар/-әр*) аффиксы башкорттарзың бер-берерә менән бик матур итеп аралашканын, мөғәләмә иткәнән күрһәткән форма. Уның нигезендә берәй нәмәнә эшләргә, үтәрә ышандырып әйткән, йөкләмә мәғәнәһе алған вәғзә төшөнсәһе лә, теләгән берәй эш-хәлдән булырына ышаныс, өмөт һалыу за, бер-берерә менән килешеп эшләрә, үтенес мәғәнәһе менән йомош кушыу һ.б. һалыңған. Миҫалдар бирерәк:

а) өмөт мәғәнәһе, өмөт итерә: *Файзалы эш бөгән булмаһа ла, бер вакыт күзгә күренер һәм акыл әйәләре тарафынан баһаланыр* (Ризаитдин Фәхретдинов);

б) һүз бирерә, вәғзә итерә (бирерә): *Мин һинә әүәлгә һымак яратам һәм мәңгә яратырым* (Ж. Кейекбаев);

Әсәйем, күз нурым,

Көт минә, кайтырмын (Йыр «Әсәйемә хат»);

в) кәнәш короп, ниндәйзер карарға килерә, һығымта яһау: *Юлда йырлатып, һынап карарбыз за, ысынлап шулай шәп йырлаһа, ярышта катнаштырырбыз, тибез* (З. Бишева);

г) кемгәлер, нимәгәлер хас үзенсәлектә, билдәлә хәкикәтте белдерә:

Карагай за үсәр ай йәм өсөн,

Бал корттары осар бал өсөн (Башкорт халык йыры «Йәйләрүлек»);

ғ) икәү-ара (йә күмәкләшеп) һөйләшеп, кемгәлер йомош кушыу: *Һин Сәлимәнә таксига ултыртып ебәрерһең, ә мин бында каршы алырмын. Кайгырма* (Һөйләшәүзән).

д) ант итерә белдерә: *Ауыз-морондан кан китһә китәр — ышанысығыззы ақларға була барыһын да эшләрмен, кәзерләләрем минең!* (И. Ноғоманов) һ.б.

Академик М.В. Зәйнуллин үзенә хезмәттәрәндә заман төшөнсәһе менән кылымдарзың мәғәнәһе туранан-тура бәйлә булғанын да күрһәткән. Был турала ул түбәндәгеләрзә яза: «Кайһы бер кылымдар, мәсәлән, хәрәкәт кылымдарының күпсәләгә, ғөмүмән, хәзергә заман формаһында хәзергә заман мәғәнәнән белдерә алмайзар, шуға күрә хәзергә заман мәғәнәһе тик кушма формалар менән белдерелә. Мәсәлән, *Мин ауылға кайтам. Һин Мәскәүгә китәһең, ул калаға бара* тигәндә хәрәкәт кылымдары хәзергә заманда килгән, ләкин киләсәк заманды белдерәләр. Хәзергә заманды белдерерә өсөн *Мин ауылға кайтып барам. Һин Мәскәүгә китеп бараһың. Ул калаға китеп бара* тип мотлак әйтергә кәрәк» [Зәйнуллин, 2002: 138].

Шулай итеп, академик Марат Вәли улының фәнни ижады бик бай. Уның ижад емешен бер аз ғына байкап сығыу за унда тос һәм бик төплө, тәрән фекерзәр булғанын, уларзың кайһыларын мәктәп программаһына мотлак индерергә, грамматиканы яңынан карап сығырға кәрәк икәнде күрһәтә.

Әзәбиәт

1. **Дмитриев, Н. К.** Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – Москва : Наука, 2007. – 232 с.
2. **Дмитриев, Н. К.** Башкорт теленең грамматикаһы / Н. К. Дмитриев. – Өфө, 2008. – 324 б.
3. **Зиннәтуллина, Х. Ш.** Башкорт теле. Башланғыс мәктәптең дүртенсе класы өсөн дәреслек / Х. Ш. Зиннәтуллина. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1955. – 104 б.
4. **Зәйнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология / М. В. Зәйнуллин. – Өфө : БДУ, 2002. – 387 б.
5. **Зәйнуллин, М. В.** Хәзерге башкорт әзәби теле. Кылым һөйкәләштәре һәм кылым төркөмсәләре / М. В. Зәйнуллин. – Өфө : РИЦ БашГУ, 2009. – 212 б.
6. **Зәйнуллин, М. В.** Кылым / М. В. Зәйнуллин // Башкорт теле грамматикаһы. Морфология. Т. 2. – Өфө : Китап, 2018. – 66–227 бб.
7. **Ишбаев, К. Ғ.** Кылым / К. Ғ. Ишбаев // Башкорт теле : юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. – Өфө : Китап, 2012. – 353–396 бб.
8. **Кейекбаев, Ж. Ғ.** Башкорт теле дәреслеге. 5-6-сы кластар өсөн. Фонетика һәм морфология / Ж. Ғ. Кейекбаев, А. А. Ғәлләмов, Х. С. Фәритов. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1969. – 256 б.
9. **Кейекбаев, Ж. Ғ.** Башкорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек / Ж. Ғ. Кейекбаев, А. А. Ғәлләмов, Х. С. Фәритов [и др.]. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1976. – 414 б.
10. **Псәнчин, В. Ш.** Әсә теле. 5-се кл. / В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин. – Өфө : Китап, 1995. – 233 б.
11. **Псәнчин, В. Ш.** Әсә теле. 10–11-се кл. / В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин. – Өфө : Китап, 2001. – 319 б.
12. **Псәнчин, В. Ш.** Башкорт теле. 10-11-се кластар өсөн укыу кулланмаһы / В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин. – 5-се басма. – Өфө : Китап, 2018. – 325 б.
13. **Фәритов, Х. С.** Башкорт теленең грамматикаһы. Фонетика һәм морфология : педучилищелар өсөн дәреслек / Х. С. Фәритов, Ғ. Ғумәров. – Өфө : Башгосиздат, 1949. – 278 б.
14. **Әхмәр, К.** Башкорт теле : педучилищелар өсөн дәреслек / К. Әхмәр. – Өфө, 1941. – 198 б.

Файзуллина Н.И.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация

ТАТАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется репрезентация национального татарского «ментального пространства» на материале татарских народных загадок. Автором проводится анализ метафорических образов, актуализированных при описании денотата. В качестве вывода выдвигается тезис о том, что только понятные и доступные описания могут служить основой адекватного восприятия образного описания и последующей его декодировки.

Abstract. The article examines the representation of the national Tatar "mental space" on the basis of Tatar folk riddles. The author analyzes the metaphorical images that are updated when describing the denotation. As a conclusion, the thesis is put forward that only clear and accessible descriptions can serve as the basis for an adequate perception of the image description and its subsequent decoding.

Ключевые слова: фольклор; народная загадка; ментальное пространство; когнитивная лингвистика.

Keywords: folklore; folk riddle; mental space; cognitive linguistics.

В конце XX века Ж. Фоконье была опубликована книга «Ментальные пространства», что в результате привело к определению основных направлений когнитивной лингвистики. Ключевой задачей Ж. Фоконье было манифестирование значимости применения когнитивного подхода в изучении языковой семантики, поскольку, по мнению автора, связь между языком и когницией была априорным условием развития не только данных субстанций, но и человечества вообще [Fauconnier, 1994]. Ж. Фоконье подчеркивал, что язык не просто передает некоторое значение, а в первую очередь направляет процесс построения высказывания, а затем выстраивает и логику восприятия высказывания.

Существенно отметить, что для подобного размышления очень важен учет фоновых знаний, или «метальных пространств» (по Ж. Фоконье), которые определяют конструирование смыслов. Такое положение не может оставить равнодушными ученых, занимающихся изучением фольклора, также транслирующего определенную логику конструирования и кумуляции смыслов.

Данная статья посвящена попытке выявления «ментальных пространств», заложенных в текстах татарских народных загадок. Мы исходим из того положения, что народная загадка отличается уникальной образностью, которая обусловлена образом жизни народа, сценарием его культурного развития.

Мы взяли в фокус внимания ряд загадок о реке и будем анализировать характер примененных в них метафор, на основе которых образное описание загаданного предмета становится доступным отгадывающему.

Так, мы видим, что в ряде загадок о реке имеет место явное включение представления о беге: *Үзе чаба да чаба, койрыгы күренми (Елга)* [Мэхмутов, 1977: 42]. Подобное описание денотата явно предполагает сравнение денотата

с некоторым животным, имеющим хвост. Скорее всего, речь идет о лошади, а, следовательно, мы можем сделать предположение, что образ лошади довольно типичен для татарской культуры, для образа жизни татар, поскольку в противном случае в описании мы бы обнаружили иную метафору, отсылающую нас к другому образу.

Образ лошади прослеживается и в загадке «*На!*» – *дисән, бармый, «Туу!»* – *дисен, туктамый, ашарга салсан, ашамый, – үзе бөтен дөньяга сузылган (Елга)* [Мәхмутов, 1977: 43]. В данном тексте представлена логика взаимодействия человека и лошади, где человек представлен как руководитель процесса. Полагаем, что в сознании многих приведенный выше текст выстраивает ассоциации именно с образом лошади, поскольку начало загадки содержит в себе типичные для татарской культуры языковые средства побуждения лошади к движению и остановке.

В загадке *Аты юк, тәртәсе юк, көн-төн бара, юлы кала (Елга)* [Мәхмутов, 1977: 43] также актуализируется образ лошади, но несколько в другом аспекте. Здесь мы наблюдаем актуализацию представления о лошади как о транспортном средстве, а также представление о результатах взаимодействия гужевого транспорта и земной поверхности. Сама логика построения загадки является довольно интересной, поскольку сразу нацелена на исключение обязательных для подобного взаимодействия элементов (лошади, оглобля, колея).

Существенно заметить, что образ лошади для татарской языковой картины мира является одним их ключевых образов, так как “конь” для тюрков выполнял не только военные функции, но и был основой их хозяйственной кочевой культуры. Именно благодаря наличию лошадей удавалось пасти огромные отары овец, вести охоту, обеспечивать торговую и почтовую связь на огромных просторах средневековых государств” [Махмутов, Сагитова, 2016: 111]. О важности образа коня свидетельствует и его многочисленное использование во фразеологическом фонде татарского языка: *ат алу, ат бәясе, ат калдыру, атка менгәндәй булу* [Гарифуллина, 2005].

В целом же образ лошади раскрывает довольно обширное ментальное пространство татарской нации, куда вовлечены процессы возделывания земли, процессы перемещения на дальние расстояния, непосредственное взаимодействие с лошастью посредством конкретных вербализованных команд, а также фиксация живых и неживых предметов окружающего пространства, что и нашло отражение в загадке.

Литература

1. **Гарифуллина, К. Н.** Национально-мифологические основы поэтики татарской народной песни : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гарифуллина К. Н. – Казань, 2005. – 255 с.

2. **Махмутов, З. А.** Конь как один из исторических символов татарской культуры / З. А. Махмутов, А. Г. Сагитова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 частях. Часть 2. – 2016. – № 3 (35). – С. 110–113.

3. **Скребцова, Т. Г.** Когнитивная лингвистика : классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 392 с.

4. **Мәхмутов, Х. Ш.** Татар халык ижаты : табырмаклар / Х. Ш. Мәхмутов. – Казань : Татар китап нәшрияты, 1977. – 272 с.

5. **Fauconnier, G.** Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – 2nd ed. – Cambridge, MA : M.I.T. Press, 1994.

УДК 811.512.145

*Хайруллина А.Д.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация*

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТЮРКСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются происхождение двуязычных словарей 19 века, выявлено семантическое развитие лексических единиц.

Abstract. In the given article the origin of bilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX century, analysed the semantic development of the lexical units fixed in the dictionaries are revealed.

Ключевые слова: двуязычные словари; лексика; татарский язык; 19 век.

Keywords: bilingual dictionaries; lexicon; the Tatar language; the XIX century; the borrowed lexicon.

Лексикографические издания содержат в себе огромную информацию о языке и культуре, традициях народа. Они являются своеобразными «путеводителями по словарному миру» [Козырев, 2004: 4], поэтому разного направления филологические, исторические, лингвистические исследования невозможны без обращения к словарям.

Просвещение среди татар развивалось в первой половине XIX века, а именно тесно было связано с деятельностью университета в Казани. Открытие Казанского университета способствовало созданию начальных школ, училищ и гимназий в округе. Университет оказывал огромное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь общества, был центром, вокруг которого объединялись интеллектуальные и общественные силы.

Практика обучения татарскому языку, также другим восточным языкам в XIX веке расширялась. В учебную программу Санкт-Петербургского университета было введено преподавание татарского языка как отдельного предмета, в ряде профессиональных школ, духовных академий и гимназий. Изучение татарского языка в русских учебных заведениях было необходимым, что объяснялось внутренней и внешней политикой царского правительства, который расширял торгово-экономические и научные связи со странами Востока.

В этот период появляется необходимость в создании русско-татарских и татарско-русских словарей. 5 ноября 1804 года император Александр I подписывает устав Казанского университета. Создается Казанский учебный центр, в который вошли учебные заведения Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии, южных регионов России. Казанский университет становится центром общественно-политической и культурной жизни обширной территории.

В 1812 году татарский язык вводится в учебную программу Казанского университета. Ибрагим Хальфин становится первым преподавателем (с 1823 года – адъюнкт восточной словесности Казанского университета). Он становится известным как автор «Азбуки и грамматики татарского языка...» (1809, 1812), также первой хрестоматии татарского языка «Жизнь Чингизхана и Аксак–Тимура» (1819, 1922) [Мухаметшина, 2007: 625].

На кафедре турецко-татарского языка, созданной в Казанском университете, работали видные российские тюркологи, такие как И.Н. Березин, А.М. Казем-Бек, М. Махмудов преподавал мусульманскую каллиграфию. И даже несмотря на то, что в результате создания единственного для всей России факультета восточных языков в Петербургском университете (1854–1855) Восточный разряд 1-го отделения философского факультета Казанского университета закрывается, изучение татарского языка в университете продолжалось [КЛШ, 2008: 357–394]. Преподавание тюркских языков, а именно татарского языка, в XIX веке в гимназиях распространилось довольно широко. Эта тема подробно освещается в трудах А.Н. Кононова, который посвятил труды истории изучения тюркологии в России.

В развитии просвещения татарского народа русско-татарские школы сыграли положительную роль, что способствовало развитию диалога русской и татарской культур в национальном образовательном пространстве [Козырев, 2004: 69]. В 1876 году на основании «Положения о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе» от 27 марта 1872 года была открыта Казанская татарская учительская школа – одно из первых светских учебных заведений для нерусских народов с преподаванием на русском языке. Инициатором открытия этого известного учебного заведения в Казани был инспектор татарских школ В.В. Радлов, стремившийся сделать его «главным центром для всех татарских народных школ» [ТЭС, 1999: 3].

Ярким примером двуязычной лексикографии являются русско-татарские и татарско-русские словари, созданные в XIX веке. В них прослеживается опыт более ранних русско-иностранных, например русско-немецких, русско-английских, русско-французских и т.д. словарей. Из 13 двуязычных словарей татарского языка XIX века 10 являются татарско-русскими, что свидетельствует о том, что основной целью их создания являлось обучение русскоязычных татарскому языку. Выходили в свет и печатались двуязычные словари И. Гиганова (1801, 1804), А. Троянского (1833; 1835), С. Кукляшева (1859), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Ш. Габдулгазиза (1893), А. Воскресенского (1894), М. Юнусова (1900).

Основным трудом И. Гиганова в начале XIX века можно считать труд «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку,

собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка И. Гигановым и Юртовскими муллами свидетельствованные», он представлен в качестве приложения к его татарской грамматике.

Этот словарь явился первым опытом составления словаря по тематическим группам. В нем около 1800 лексических единиц располагаются в форме различных тематических групп. Выделяются такие группы, как «О различных состояниях людей», «Конский прибор», «Область и его части с принадлежностями», «Дом и его части», «Разные вещи», «Вещи, принадлежащие к одеянию», «О родстве», «Школа со школьными пособиями», «О промыслах», «О стихиях и других естественных вещах» и т.д.

Второй труд И. Гиганова «Словарь российско-татарский, собранный Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами Юртовскими» был издан в Санкт-Петербурге в 1804 году, при Императорской Академии Наук. Как указывает сам автор, «словарь печатан по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению». В словаре И. Гиганова около 672 страниц. К русским словам прилагается их дословный перевод на татарском языке. Принцип построения словаря очень близок к усовершенствованным лексикографическим принципам сегодняшнего дня. Слова даны в трех графах: в первой расположены русские слова в алфавитном порядке; во второй, соответствуя законам орфоэпии, с помощью русских букв дана транскрипция татарских слов, а в третьей – их татарские эквиваленты в арабской графике. Точный алфавитный порядок слов свидетельствует о знакомстве автора с принципами построения словарей. В некоторых случаях к переводу прилагаются однокоренные или близкие по смыслу слова. В таких случаях происходит нарушение алфавитного порядка, но данный метод облегчает работу со словарём и способствует быстрому запоминанию лексики татарского языка. Большинство заимствований, указанных в словаре, проникли из арабских и персидских языков. Большая часть арабско-персидских заимствований в словарях И. Гиганова, окончательно укоренившись в татарском языке, стала активно употребляться в нём наряду с татарскими словами.

В конце XIX века стали появляться русско-тюркские, такие как русско-киргизские, русско-сартовские, в том числе русско-татарские, словари. Русско-татарский словарь К. Насыри, изданный в 1892 году, считается особенно значительным лексикографическим трудом среди словарей второй половины XIX века. Его полное название на русском языке – «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как термины». Он состоит из 264 страниц, в нем зафиксировано 16500 слов.

Языковые контакты и заимствования являются важным звеном в обогащении лексики языка. В XIX веке заимствование лексики из западноевропейских языков, в том числе и из английского языка, в русский, а через него и в татарский язык, возрастает. Наибольший приток иноязычной лексики наблюдается в области общественной жизни. Входили в лексикон такие слова, как банкнот, клерк, патент, твист, фланель, фут, шиллинг, ярд и т.д.

Авторы, издававшие татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. считали важным решать лингвокультурологические задачи, которые перед ними стояли. Большинство из них были ориентированы на правильное объяснение слова, определение места слова в лексической системе языка, выявление их особенностей и условий употребления, отражение связи слов с жизнью, составляющую их сущность. Это явилось причиной того, что авторам необходимо было в словарные статьи добавлять необходимую дополнительную информацию историко-географического и культурно-массового характера. Например, названия праздников, знаменательных дней и исторических дат, имена героев и персонажей мифов и легенд, термины.

В татарско-русские и русско-татарские словари XIX века включались лексические единицы, находившиеся в активном употреблении, кроме того добавлялись варианты, употребляемые в разговорной речи. Некоторые авторы размещали в словарях и диалектизмы, заимствования, термины. Двухязычные словари, сформировавшиеся в XIX веке, издавались и дополнялись, изменялись по объективным и субъективным причинам, которые имели место в культурной и политической жизни России.

Создание словарей свидетельствовало о росте национального самосознания татар и усилении роли татарского языка и культуры в общественно-политической и экономической жизни. Следует сказать, что расширение корпуса татарско-русских и русско-татарских словарей, а также повышение их качественных характеристик указывали на существенное усиление процессов вхождения татарского народа во все важнейшие сферы жизни России и сближения татарского и русского народов.

Литература

1. Казанская лингвистическая школа / сост. М. З. Закиев. – Казань : Татарское книжное издательство, 2008. – 424 с.
2. **Козырев, В. А.** Русская лексикография : пособие для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – Москва : Дрофа, 2004. – 288 с.
3. **Мухаметшина, Р. Ф.** Диалог русской и татарской культур в системе литературного образования / Р. Ф. Мухаметшина. – Казань : Магариф, 2007. – 200 с.
4. Татарский энциклопедический словарь / Институт татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан. – Казань, 1999. – 703 с.
5. **Юсупова, А. Ш.** Лексикографическое и методическое наследие татарского языка (XIX в.) / А. Ш. Юсупова. – Казань : Ихлас, 2010. – 104 с.

*Хакимьянова А.М.,
Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ТАКМАКОВ (ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ АВТОРА)

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние башкирских такмаков. Выявляется специфика данного жанра как факта фольклорной динамики. Анализ экспедиционных материалов последних лет показывает, что в репертуаре современных народных исполнителей произведения жанра такмак занимают устойчивую позицию и успешно эволюционируют.

Abstract. The article examines the current state of the Bashkir takmaks. The specificity of this folklore genre as a fact of folklore dynamics is revealed. An analysis of the expedition materials of recent years shows that the takmak genre occupies a stable position in the repertoire of contemporary folk performers and is successfully evolving.

Ключевые слова: фольклор; башкирский музыкальный фольклор; такмаки; современное состояние.

Keywords: folklore; Bashkir musical folklore; takmaki; current state.

В системе жанров башкирского фольклора особое место занимают такмаки. Такмак представляет собой четырех- (реже трех-) строчную ритмическую припевку, основанную на бодрой плясовой мелодии, часто остро нацеленного, шуточного характера, отличающуюся простотой формы, злободневностью содержания, выполняющую в быту различные (эстетическую, познавательную, агитационную и пр.) функции.

Впервые башкирский такмак вводится в научный оборот С. Г. Рыбаковым в 1894 г. В статье «О народных песнях татар, башкир и тептярей» он упоминает о наличии у башкир, наряду с протяжными песнями, коротких плясовых песен – такмаков [Рыбаков, 1894: 329]. Первые записи такмаков на фонограф осуществлены в 1929–1931 гг. И. В. Салтыковым. Образцы такмаков можно найти в сборнике И. И. Покровского, выпущенном несколько раньше [Покровский, 1870: 151–229]. Необходимо отметить, что до революции отношение к такмакам сводилось лишь к сбору, более серьезное внимание к такмакам начали уделять после Октябрьской революции. Первым исследователем, обратившим внимание и научно охарактеризовавшим его, является Кирей Мэргэн (А. Н. Киреев) [Киреев, 1950: 49–62]. Он дает научное определение жанру, выявляет его идейно-эстетическое значение, показывает его место в системе жанров башкирского фольклора. Немного позже, в 1962 г. Л. Н. Лебединский отмечает четкость и простоту структуры, определенность ритмических формул такмаков, динамику напева, новое соотношение слова и звука [Лебединский, 1962]. В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. исследованием такмаков занимаются С. А. Галин, М. М. Сагитов,

М. А. Мамбетов, отметившие тематическое разнообразие жанра и указывающие на его художественные достоинства [БНТ, 1977; 1981]. Более полный и всесторонний анализ жанра был сделан Б. С. Баимовым, который рассматривает идейно-тематическое содержание такмаков на историческом фоне, выявляет его генетические основы, выделяет внутрижанровые группы такмака и раскрывает их особенности [Баимов, 1993; 2001].

Уникальна природа башкирских такмаков. С одной стороны, они, как никакой другой жанр, моментально откликаются на любое новое событие (случившееся как в стране, так и в жизни отдельной деревни, села) и поэтому служат своеобразной «летописью» многих исторических событий. С другой стороны, ни один песенный жанр не забывается так быстро, как частушка: как только текст утрачивает свою актуальность, злободневность, он тут же заменяется другим [Хакимьянова, 2019: 495].

Анализ экспедиционных материалов, собранных фольклористами Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН в последнее десятилетие, показывает значительное обеднение и сокращение жанрового состава фольклора. Ряд традиционных форм фольклора разрушается и постепенно уходит в историю: почти прекратили существование эпические жанры, постепенно угасает устная традиция бытования сказки. На этом фоне выделяются народные песни башкир, составляющие основу репертуара многих информантов, которые исполняют их с удовольствием. Выдержали проверку временем и поныне востребованы народом такие классические народные песни, как «Урал», «Уйыл» («Уил»), «Таштуғай», «Томан» («Туман»), «Илсе Гайса» («Гайса-странник»), «Сәлимәкәй», «Сибай», «Ашказар» и др. Они сохраняют эмоционально-эстетическую силу воздействия, и их можно услышать повсеместно. Наряду с широко известными протяжными песнями распространены короткие по форме и быстрые по темпу исполнения четырехстрочные песни без названий (дүртюллыктар).

Особняком в этом перечне стоят такмаки, которые по сей день активно бытуют в народном песенном репертуаре башкир. Ни один обряд и национальный праздник не обходится без задорных такмаков. В дополнение к ранее бытующим сочиняются все новые и новые куплеты. Их отличает необыкновенная широта тематики, непосредственная ориентация на реальную жизненную ситуацию и принципиально оценочный характер содержания.

Если раньше исследователи отмечали, что такмаки создавались и исполнялись преимущественно молодежью, то в настоящее время носителями жанра являются люди пожилого и среднего возраста. В распространении такмаков также большую роль играют фольклорные ансамбли и самодеятельные коллективы. Современные башкирские такмаки бытуют и распространяются не только устно, но и письменно. Письменный характер распространения и бытования информанты объясняют потерей памяти, 54 % респондентов связывают это с какой-либо болезнью, 46 % – с обилием информации. Очень часто информанты передают нам свои записи. Так, например, в 2012 г. в дер. Асылгужино Кигинского района передали тетрадь с 80 текстами такмаков, записанных от Миндигалимовой Хамдуны

Гарифьяновны (1930 г.р.); в 2018 г. в дер. Ахун Салаватского района мне в руки попала тетрадь с текстами 124 такмаков, записанных Яруллиной Н. К. (1951 г.р.) из уст своей матери Хановой Накии Халиловны (1924 г.р.); в 2017 г. – записи 83 такмаков, исполняемых Яндавлетовой Гайшой Абляисовной (1932 г.р.), уроженки дер. Буранбай Баймакского района РБ. В 2018 во время фольклорной экспедиции в Салаватский район фольклористам были переданы записи более 1000 такмаков, собранных в разные годы учителем башкирского языка и литературы, собирателем и хранителем народных знаний Зануфой Гайнетдиновной Гарифуллиной (1932 г.р.).

Современные такмаки отличаются большой подвижностью и оперативностью, моментально откликаются на актуальные проблемы. Они не щадят никчемных и легкомысленных простаков, ленивых тунеядцев и пристрастившихся к алкоголю людей, людей недалеких, но слишком высоко оценивающих себя и т.д.:

Бейек таузың баштарында

Үсеп ултыра миләш.

Танауыңды бик күтәрмә,

Сортыңды белеп һөйләш.

[ПЗА, 2016]

Кулымдагы йөзөгәмдөң

Исемдәре Миңгата.

Авторитеты төшөп калган

Беззең урамда ята.

В такмаках называются конкретные имена, названия предприятий, в адрес которых направлена критика, но под этими конкретными персонажами подразумеваются и некоторые социальные типы общества.

Кулымдагы балдагымдың

Исемдәре – Люция.

Эшләмәгән түтәйзәр зә

Умырып ала пенсия.

[ПЗА, 2010].

Теге остоң Хәзисәһе

Кәперәттә кассир ул.

Кеше елкәһен ашарға

Бигерәк тә мастер ул.

Тема тотальной компьютеризации и цифровизации также не осталась вне поле зрения такмаков:

Башкортса “кайза бараһың?”,

Урысса “куда идешь?”

Өйзә интернет югалһа

Пожалуй, с ума сойдешь.

Иртән тороп тышка сыкһам,

Һандугастар усақта.

Бер минутка ингән инем,

Көнөм уззы ватсапта.

Хәзер йәштәр интернетта

Көн дә язмай калмайзар.

Ярай әле компьютерзан

Бәпәй таба алмайзар.

Беззең урам уртаһында

Үсеп ултыра кайын.

Үкһеп-үкһеп ник илайһың –

Өзөлдөмө вай-файһың?

Такмаки позволяют публично обсуждать наиболее болезненное: взаимоотношения людей, социальные проблемы, благодаря им общество осуществляет контроль над молодежью, ее поведением и следованием норме, в них высказывается все то, о чем не принято говорить открыто:

Ринат һөйә Әлфиәне,

Әлфиәне – Шамилды.

Кыззар хәзер тиштерәләр

Танауын һәм кендекте.

*Шамил инде күптән һөйә
Илгиз менән Камилды.*

*Ун һигезе тулған кыззың
Бөтөн ере тишекле.*

Казалось бы, такая романтическая тема, как любовь в такмаках переплетается, сливается с жизненными реалиями и ситуациями.

В свете последних событий появились такмаки на тему пандемии, ковид 19 и самоизоляции:

*Коронаны башка кейеп
Вирустар йөрөй бейеп.
Тышка ла сыга алмагас,
Бар ил ултыра көйөп.*

*Күп ауырыузан һаклай
Урал таузары гелән.
Ауырып та тормайбыз без
Коронавирус менән.*

Особую встревоженность населения вызвало дистанционное обучение детей, что, естественно, отразилось в современных такмаках. В них отображаются переживания по поводу отмененных мероприятий и трудности дистанционного обучения:

*Дистанцион дәрес тиен
Катырабыз башыбыз.
Ярым-ярты укыу менән
Назан кала халкыбыз.
[Кумушбаев].*

*Укытыусы дәресен дә
Аңлата ымдар менән.
“Ым” дәресе озак барһа
Язмаҫмы һуң теленән.*

Несмотря на суровые будни и всю сложность обучения online, такмаки вместе с юмором сохраняют оптимистичный настрой:

*Суска кизеүе тинеләр,
Тауыктарзы үлтерзек.
Коронавирус ауырыуын
Булыр әле бөтөрөп.
[Кумушбаев].*

*Ауылда кытайзар йәшәй,
Иммунитет бар беззә.
Ауырыузарға бирешмәй
Етәрбез әле йөзгә!*

Благодаря разнообразным конкурсам исполнителей такмаков, проводимым в республике, в дополнение к ранее бытующим сочиняются все новые и новые куплеты. Так, в этом году по инициативе Республиканского центра народного творчества был проведен конкурс исполнителей такмаков “Такмак батл”. На страницах социальных сетей начали появляться тексты современных такмаков:

*Такмак батл, такмак батл,
“Батл” нимә аңлата?
Ошо һүззе әйтә алмай,
Телем һындырзым хатта.
[Кумушбаев].*

*Ниңә “батл” тип атала
Такмак бәйгеһе түгел?
Сит һүззәрзе кыстырырға
Һис тә тартмай бит күңел.*

Таким образом, такмаки и поныне являются популярным жанром башкирского народного творчества, они откликаются на животрепещущие проблемы жизни – будь то факты, явления социальной бытовой жизни народа или самые сокровенные чаяния, переживания человека, передаваемые, как правило, в веселой и жизнерадостной игровой тональности.

Литература

1. **Баимов, Б. С.** Бери гармонь, пропой такмак / Б. С. Баимов. – Уфа : Китап, 1993. – 176 с.
2. **Баимов, Б. С.** Башкирские народные такмаки / Б. С. Баимов. – Уфа : Аэрокосмос и ноосфера, 2001. – 224 с.
3. Башкирское народное творчество. Советский период. Книга первая : Баиты. Песни. Такмаки / составитель, авторы вступительной статьи и комментариев М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. – 392 с.
4. Башкирское народное творчество : песни. Книга вторая / составитель, автор вступительной статьи и комментариев Салават Галин; ответственный редактор Ким Ахмедьянов. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1977. – 296 с.
5. **Киреев, А. Н.** Развитие жанра такмак / А. Н. Киреев // Литературный Башкортостан. – 1950. – № 4. – С. 49–62.
6. **Лебединский, Л. Н.** Башкирские народные песни и наигрыши / Л. Н. Лебединский; под общей редакцией С. В. Аксюка. – Москва : Советский композитор, 1962. – 251 с.
7. **Кумушбаев, Х. А.** : материалы с личной страницы. – Текст : электронный // В Контакте : [сайт]. – URL: <https://vk.com/khajdar> (дата обращения: 04.2020).
8. **Покровский, И. И.** Сборник башкирских и татарских песен / И. И. Покровский // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. – 1870. – Вып. 1. – С. 151–229.
8. **Рыбаков, С. Г.** О народных песнях татар, башкир и тептярей / С. Г. Рыбаков // Живая старина. – 1894. – Вып. 3–4. – С. 329–330.
9. **Хакимьянова, А. М.** Башкирские народные такмаки / А. М. Хакимьянова // Oriental Studies. – 2019. – № 3. – С. 492–501.
10. Полевые записи автора 2010–2019 гг.

УДК 83:3

*Хамроева Ш.М.,
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы им. А. Навои,
Республика Узбекистан*

РЕГУЛЯРНЫЕ И НЕРЕГУЛЯРНЫЕ МОРФЕМЫ

Аннотация. В данной статье анализируются некоторые вопросы по разработке морфотактических правил морфоанализатора узбекского языка. В статье приведены сведения о морфотактике, грамматической (морфологической) валентности, ее внешних и внутренних факторах, определяется сущность морфотактической связи между морфемами. Объясняется также роль регулярных и нерегулярных морфем в разработке морфотактических правил.

Abstract. This article analyzes some issues on the development of morphotactic rules for the morphoanalyzer of the Uzbek language. The article provides information about morphotactics, grammatical (morphological) valence, its external and internal factors, the essence of the morphotactic relationship between morphemes is determined. The role of regular and irregular morphemes in the development of morphotactic rules is also explained.

Ключевые слова: узбекский язык; морфоанализатор; морфотактика; валентность; словоформа; регулярные/нерегулярные морфемы.

Keywords: Uzbek language; morphoanalyzer; morphotactics; valency; wordform; regular / irregular morphemes.

Введение. Морфологический анализатор – один из основных инструментариев в процессе обработки естественных языков. Поэтому важно разработать принципы построения морфоанализатора и его лингвистического обеспечения. Это требует включения точной информации о морфемах языка в лингвистическую поддержку морфоанализатора.

В исследованиях по компьютерной лингвистике, в частности, специалисты по обработке естественного языка различают регулярные и нерегулярные морфемы [Гатауллин: 81–83]. В тюркских языках, включая узбекский, существует ряд аффиксальных морфем, которые присоединяются ко всем основам, принадлежащим к одной и той же морфологической группе. Например, аффикс *-га* присоединяется ко всем основам морфологической группы *N* (морфологическая группа *N* включает существительные, прилагательные, местоимения и числительные). Такие морфемы называются *регулярными морфемами*. Также есть группа аффиксов, которые присоединяются не ко всем корневым морфемам определенного морфологического класса. К таким морфемам относятся морфемы для образования залоговых форм *-ин, -н, -ил, -л*, которые формально (потенциально) могут присоединяться ко всем корневым морфемам глаголов, но на практике (в текстах) присоединяются лишь к небольшой подгруппе глагольных корневых морфем [Сулейманов, 2003]. Например, к корневой морфеме *безамоқ* (*украшать*) присоединяются оба залоговых аффикса: *безалди* (*украшаться кем-то*)//*безанди* (*наряжаться*).

Какой-то закономерности реального присоединения этих морфем нет, а определение возможности присоединения залоговых аффиксов к корневым морфемам позволяет снизить процент неправильного морфологического анализа.

Рассмотрим применение словоформы *жойламоқ* (*размещать*) в залоговых формах:

1) основной залог: *жойлади* (поместил) – *Сабзавотларни қутиларга тартиб билан жойлади* (*Он поместил овощи в ящики по порядку*);

2) возвратный залог: *жойлашди* – *Ўқтам янги квартирасига жойлашди* (обычно грамматическая форма этого залога выражается морфемами *-(и)н, -(и)л*. Но в некоторых случаях, как видно из этого примера, эта граммема представляется морфемой *-ш*);

3) страдательный залог: *жойланди (помещено) – Маиший техника буюмлари картон қутиларга жойланди*//Бытовая техника помещена в картонные коробки;

4) взаимный залог: *жойлашди(разместили) – Сабзавотларни қутига тартиб билан жойлашди*//Овощи разместили по порядку в коробке;

5) понудительный залог: *жойлаштирди (разместил) – Маиший техника буюмларини картон қутиларга жойлаштирди* // Разместил бытовую технику в картонные коробки.

Из вышеуказанных примеров можно сделать вывод, что грамматическое значение возвратного залога выражается морфемой -ш, не морфемами -(и)н, -(и)л, как правило. Это означает, что в узбекском языке есть граммемы, которые присоединяются только к определенным словоформам, которые нужно отсортировать как нерегулярные морфемы. Если не инвентаризовать все нерегулярные морфемы языка, процесс морфологического анализа не выдаст правильного результата.

Наблюдается еще одно нетрадиционное применение аффиксальных морфем. В классической грамматике тюркских языков словообразователи относятся к группе регулярных морфем. Словообразовательные морфемы *-дай, -ли, -сиз; -дай* образуют наречия, дериватемы *-ли, -сиз* образуют прилагательные. Например: *қуш+дай, бир+дай* (наречия), *туз+ли, туз+сиз* (прилагательные).

Так как словообразовательные аффиксы составляют значительную часть морфем языка при разработке морфотактических правил морфоанализатора, требуется моделирование словообразующих аффиксов, их сочетаний с корневыми морфемами и включения их в лингвистическую базу анализатора [3]. Правила морфотактики включают аранжировки словообразовательных аффиксов и их расположение. Моделирование локализации словообразовательных аффиксов выполняется после разрешения проблемы морфотактики. Можно сказать, что если не обращать особого внимания на фонетические изменения, возникающие в основе словоформы, когда к слову добавляется словообразующий аффикс, объем работы в морфологическом анализе расширяется, качество анализа будет не таким, как ожидается.

Словообразовательная часть производных слов должна быть включена в лексический словарь. Естественно, добавление таких форм в лексикон приведет к чрезвычайному увеличению размеров лексических словарей. Чтобы не допустить искусственного увеличения объема лексикона в двуязычных лексикографических ресурсах, включаются только единицы, которые имеют эквиваленты (переводной лексический аналог) в виде словоформы на другом языке. Сравните:

1) *тузли – соленый; ақли – умный; истеъдодли – талантливый;*

2) *китобли - “*” – китобга эга; бурунли – “*” – бурни бор.*

Очевидно, слова во второй строке не добавляются в словари, поэтому отражение таких форм в словарях является лексикографической проблемой, которая требует исследования. Пока эта проблема остается не решенной в лексикографии, также и в компьютерной лингвистике. Морфологический

анализатор, как правило, анализирует словоизменяющие аффиксы, но в тюркских языках анализирует и часть аффиксов, относящихся к словообразовательным, но присоединение которых регулярно [5]. Поэтому целесообразно включать в словарь только продуктивные словообразовательные морфемы [4]. Морфемы в примерах, приведенных в первой строке, могут быть включены в словарь, так как эти морфемы высокочастотные в узбекском языке. Рассмотрим примеры: *гулли* (цветочный), *давомли* (продолжительный), *сувли* (сочный), *тишли* (имеющий зубья, зубчатый), *ташвишли* (озабоченный, обеспокоенный, встревоженный, тревожный).

Есть примеры, которые не имеют эквивалентов в двуязычных словарях. Например: *ватанли*, *уйли-жойли* (имеющий дом, кров; обосновавшийся *где-либо*; обзаведшийся домом, хозяйством), *ишли* (занятый делом; имеющий дело).

Из переводов, приведенных в скобках, видно, что в двуязычных словарях не имеется эквивалента лексемы.

Также можно привести примеры с морфемой *-сиз*. Например: *сифатсиз* (некачественный; низкого, плохого качества; недоброкачественный; ~ **махсулот** – недоброкачественная продукция), *шафқатсиз* (безжалостный; бездушный, беспощадный, жестокий; бесчеловечный;), *штатсиз* (внештатный//вне штата; ~ **лектор** – внештатный лектор).

Но слово *китобсиз* не имеет эквивалента в двуязычном словаре. Мы считаем, такие словоформы не следует добавлять в словарь анализатора.

Заключение. Констатируем, что для составления правил морфотактики узбекского языка для морфоанализатора надо формировать полный список всех аффиксов узбекского языка. На следующем этапе определяется обычный порядок их размещения в словоформе. Есть группа аффиксов, которые присоединяются не ко всем корневым морфемам определенного морфологического класса и потенциально могут присоединяться ко всем корневым морфемам, но на практике относятся лишь к небольшой подгруппе корневых морфем. Для разработки морфотактики надо учитывать такие нерегулярные морфемы и требуется создать полный список нерегулярных аффиксов узбекского языка.

Литература

1. Сулейманов, Д. Ш. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем / Д. Ш. Сулейманов, А. Р. Гатиатуллин. – Казань : ФЭН, 2003. – 220 с.

2. Формальные модели и программные инструменты компьютерной обработки татарского языка / Р. Р. Гатауллин, А. Р. Гатиатуллин, О. А. Неврозова [и др.] ; Академия наук Республики Татарстан, Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2019. – 260 с.

3. Морфотактика: Аффикс + Аффикс. – Текст : электронный // Портал «Тюркская Морфема» : [сайт]. – URL: http://modmorph.turklang.net/ru/morphotactics_a2a.

4. Селезнева Л. Б. Современный русский язык: система основных понятий : учебное пособие. Часть I : понятия общие. Фонетика. Лексикология. Словообразование. – Текст : электронный // Информационная система «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» : [сайт]. – URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/516/25516/8411?p_page=10.

5. Структура слова и морфемы русского языка. – Текст : электронный // Словород. Сайт о происхождении и образовании русских слов : [сайт]. – URL: <http://www.slovorod.ru/russian-wordform.html>.

УДК 802/809. 1-52

*Хисамова Г. Г.,
Башкирский государственный университет,
Российская Федерация*

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ И БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация. Паремии представляют собой образные меткие поучительные высказывания и являются специфическим фольклорным жанром. В художественно-образной сфере разных языков пословицы и поговорки обнаруживают типологическое сходство. Общими средствами в паремиологическом фонде являются тропы. Статья посвящена анализу средств выразительности в русских и башкирских паремиях. Механизмы метафорических и метонимических переносов являются универсальными, что обуславливает общее в русских и башкирских пословицах.

Abstract. Proverbs and sayings are a peculiar genre of oral folklore and are defined as well-aimed figurative sayings that are usually offensive in meaning. In the artistic-figurative sphere of different languages, proverbs and sayings reveal a typological similarity. The common means in the paramiological fund are trails. The article is devoted to the analysis of means of expression in Russian and Bashkir paremias. The mechanism of metaphorical and metonymic transfers is universal, which determines the general in Russian and Bashkir proverbs.

Ключевые слова: фольклор; паремии; экспрессивность; образность; тропы.

Keywords: folklore; paremia; expressiveness; imagery; paths.

Целостная картина мира включает в себя паремиологическую картину мира, которая отражает объективную действительность в сознании языковых носителей. Не случайно паремии являются специфическим фольклорным жанром и представляют собой образные меткие и поучительные высказывания, которые выражают различные жизненные явления.

Паремиологическая картина мира обладает рядом признаков, среди которых универсальность, антропоцентризм и экспрессивность [Алефиренко, Семенов, 2005: 210]. Универсальность характеризуется наличием общих логико-семиотических формул интерпретации мира, антропоцентризм проявляется в переходе исследовательского интереса с объекта изучения на субъект, иначе говоря, на человека. Образность отражения объективной реальности, которая понимается как семантическая двуплановость выражения,

то есть совмещение прямого и переносного значения, формирует основные принципы выразительности паремиологической картины мира.

Экспрессивность в паремиях чаще всего создается с помощью средств художественной выразительности. Статья посвящена особенностям функционирования лексических средств художественной выразительности в русских и башкирских паремиях. Материалом исследования послужили словари русских и башкирских пословиц и поговорок [Ахтямов, 2008; Гарипов, 1994; Снегирев, 1996].

В художественно-образной сфере разных языков пословицы и поговорки обнаруживают типологическое сходство. Общими средствами в паремиологическом фонде являются тропы. Механизмы метафорических и метонимических переносов универсальны, что обуславливает общее в русских и башкирских пословицах. Анализ материала показал, что наиболее частотными в текстах русских и башкирских паремий являются такие лексические средства художественной выразительности, как метафора, метонимия и сравнение.

Олицетворяющая метафора представляет собой перенос свойств живых существ на неживые предметы по принципу их сходства, способствует отождествлению человеческих, животных и природных проявлений, является одним из художественных приемов, которые часто встречаются в пословицах и поговорках.

Осуществляется попытка отразить человеческие представления окружающей действительности посредством «очеловечения» его в данном отождествлении: *Всякая сосна своему бору шумит; Скрипучее дерево дольше живет, Овсяная каша сама себя хвалит; Ут утындан туймас, күзкараузан туймас* (букв. *Огню не надоест полено, глазам не надоест смотреть*); *Брыскаша ла, тыуыш касмас; Тамакка язган аш теш һындырып инә.*

Использование олицетворяющей метафоры дает возможность дать более полное отражение человеческого естества, посредством переноса человеческих свойств, взаимоотношений и действий, возникающих между людьми, на животных. К примеру: *Голодной курице все просо снится; Гусь свинье не товарищ; Два медведя в одной берлоге не живут; И комар лошадь повалит, коли медведь пособит. Тауык төшөнә тары инә; Бер казан эсенә ике тәкә башы һыймай; Бүрене бүреккә һалһаң да урман язғына карай.*

Не только «очеловечивание» животных, но и отражение людской сущности, которая плотно взаимосвязана с его одушевленной и неодушевленной средой обитания, осуществляется при помощи применения в паремиях «эзопова» языка. Олицетворяющая метафора создает условия для появления аллегории в пословицах и поговорках, применяя в роли иносказательного отражения человеческого естества образы животных.

Кроме того, олицетворяющая метафора используется в паремиях для переноса качеств конкретных предметов абстрактным явлениям, а не только для придания человеческих свойств животным и природным явлениям.

К примеру, в паремиях *Бабья вранья и на свинье не объедешь* и *Богатство сгинет, а нищета живет* существительные, имеющие абстрактные

значения, *вранье, богатство и нищета* могут обрести качества и свойства конкретного предмета либо человека в случае их соотнесения со схожими человеческими чертами и состояниями. Аналогичное явление наблюдается в пословицах: *Народная молва повсюду сыщёт; Добрая слава лежит, а худая бежит; Копейка рубль бережет; Смерть нашего брата не спросит, а придет и скосит.* В башкирском языке: *Кайгы яңгызы йөрәмәй; Байлык айырыр, фәкирлек кушыр; Дөрөслөк килеп еткәнсе, ялган бөтөн донъяны ялмап алыр; Үпкә – дошман, акыл — дус; Ғәзелһезлек алға сыкканда, дөрөслөк артка сизә; Асыу алдан йөрөр, акыл арттан йөрөр.*

«Опредмечивание» значения слова в паремии при помощи метафоры происходит посредством определения семы слова с переносным значением. К примеру: *Ложь в правду рядилась, да о правду и разбилась (неискренность); К коже ума не пришить, гвоздем не прибить (принадлежность). Нәфсе тезгене акыл кулында (принадлежность); Кеҫәгә оят килһә лә, йөзгә оят килмәһен.*

Единый образ, сформированный из словесных метафор, либо олицетворение создается при стремлении паремий к «очеловечиванию» и «опредмечиванию». К примеру: *Үлем картына – йәшенә карамай; Үлемде кәтмә, үзе килер; Үлемдән каскан – үлемен тапкан; От судьбы не уйдешь; Судьбу за хвост не схватишь; Судьбу и на коне не объедешь; Судьба играет человеком.* Образ сверхсущности, который обладает некоторыми человеческими качествами, создается при помощи антропоморфных глаголов *карамай, килер, каскан–тапкан, не уйдешь, не схватишь, не объедешь, играет* в данных пословицах и поговорках. В пословицах и поговорках используется метафора без сопутствующего ей олицетворения. К примеру: *Мелко плаваешь — спина видна; Елһезулән һелкенмәй.* В некоторых случаях олицетворяющая метафора возникает при использовании прилагательных. К примеру: *Счастье – одноглазое; Йән – гәзиз.*

В определенных случаях возникают трудности с дифференцированием сравнения и метафоры в пословицах, так как сравнение может переходить в метафору и наоборот. Сравнение зачастую применяется в поговорках.

Анализируя роль метафоры в тексте пословиц, нельзя не учитывать, что метафора – это не только троп, но и сложное языковое явление, которое используется в выражении обобщенного значения паремии. Например, в пословице *Акыл менән алтын табыла, алтын менән акыл табылмай* метафорический перенос позволяет выразить значение невозможной потери при отсутствии ума, а в пословицах *Акылдың юдашы – бәхет; Акыл һакалга карап йөрәмәй, Ум нажить, не огород городить; Умом обносился и ни с кем не спросился;* выражается значение «ум – большое достояние». Аналогичное явление возникает и в пословицах, использующих простое сравнение: *Уж, что гора, с него дале видать; Ума палата, да ключ от нее потерян; Белем алыу – энә менән койо казыу; Аң – белем – мәнгелек гилем.*

В пословицах встречается также скрытое сравнение, выражаемое именами существительными, обозначающими человеческие свойства, качества и

состояния, например: *Лад и согласие — первое счастье; Белеу — нур, белмәу — хур; Рахәт төбә — көйөнәс, михнәт төбә — көйөнәс.*

Встречается в контексте пословиц и метонимия, иносказательность которой основана на смежности явлений, чаще всего на замене целого частью. Нередко метонимический перенос осуществляется с использованием имен существительных, обозначающих части тела, например: *В чужих руках ломоть велик; Дурная голова ногам покоя не дает; За его языком не поспеешь и босиком; На всякий роток не накинешь платок; Повинную голову и меч не сечет; Рука руку моет, и обе белы бывают; Кул кулды йыуа; Ауызы беишкән — өрөп капкан; Байзың татлы ашы — фәкирзеңканлы йәше.* Здесь мы имеем дело с количественной метонимией, когда часть целого не просто обозначает целое, но и подвергается «очеловечиванию».

Встречается в башкирских пословицах метонимия места, например: *Дом не велик, а лежать не велит; Дом дому не указ. Кем арбаһына ултырһаң, шуның йырын йырларһың; Күңеле тарзыңөйө тар; Ауылда дуһың танымай, яланда атың танымай.* Метонимический перенос в контексте пословицы может восприниматься как метафора. Например: *Что ни город, то норы, что ни деревня, то обычай; Үз өйөмдә үз көйөм.*

Таким образом, основным источником экспрессивности в пословицах и поговорках является образность, которая понимается как семантическая двуплановость выражения, совмещающая прямое и переносное значения. Это объясняет тот факт, что основная часть как русских, так и башкирских паремий двупланова и имеет в своем составе метафору как троп, обладающий наибольшими выразительными возможностями. Отражая представления человека о мироустройстве пословицы в обоих языках характеризуют сложность и противоречивость жизни через привычные и понятные в метафорическом прочтении образы.

Литература

1. **Алефиренко, Н.Ф.** Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 308 с.
2. **Ахтямов, М.Х.** Словарь башкирских народных пословиц и поговорок (на башкирском языке) / М. Х. Ахтямов. – Уфа : Китап, 2008. – 585 с.
3. **Гарипов, И.И.** Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок / И. И. Гарипов. – Уфа : Китап, 1994. – 247 с.
4. **Снегирев, И.М.** Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Москва : Наука, 1996. – 346 с.

© Хисамова Г.Г., 2020 г.

*Хураמיшина А.Р.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье производится лингвокультурологический анализ речевого жанра приветствия/прощания в башкирском языке, дается определение речевому жанру, раскрываются теоретические аспекты исследования.

Abstract. This article provides a linguoculturological analysis of the speech genres of the Bashkir language, gives a definition of the speech genre, reveals the theoretical aspects of the study.

Ключевые слова: лингвокультурология; речевой жанр; башкирский язык.

Keywords: cultural linguistics; speech genre; Bashkir language.

На сегодняшний день одним из самых популярных лингвистических направлений, которое является отдельной научной отраслью, выступает лингвокультурология, которая возникла в лингвистике в конце 19 – начале 20 вв. и стала интересным инструментом в изучении некоторых аспектов языка. В нашей статье мы рассмотрим особенности речевых жанров башкирского языка с точки зрения лингвокультурологии.

Прежде, чем анализировать речевые жанры башкирского языка, рассмотрим определения лингвокультурологии и речевого жанра.

В.А. Маслова в своей работе дает определение: «Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии» [Маслова, 2001: 9].

В.В. Воробьев приводит следующее определение лингвокультурологии: «Комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев, 1997: 36].

В башкирском языкознании основоположниками лингвокультурологии являются ученые М.В. Зайнуллин, Л.М. Зайнуллина, Л.Х. Самситова, Л.Г. Саяхова. В их исследованиях раскрываются разные аспекты башкирского языка и культуры. Например, в работе М.В. Зайнуллина и Л.М. Зайнуллиной «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» [Зайнуллин, Зайнуллина, 2014: 204] дается подробная информация о научном направлении, раскрываются все понятия лингвокультурологии в доступном для студентов высших учебных заведений языке, а в труде Л.Х. Самситовой «Культурные концепты в башкирской языковой картине мира» даются все существующие в башкирской культуре концепты, приводятся подробные примеры, раскрываются их значения в башкирском языке [Самситова, 2015: 360].

Что же касается определения речевого жанра, более подробно раскрыты в монографии «Речевой жанр комплимента в башкирской лингвокультуре» [Хурамшина, 2017: 146], поэтому приведем одно определение Н.Д. Арутюновой, в котором «речевой жанр – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [Арутюнова, 1998: 320].

В башкирском языке встречается огромное разнообразие речевых жанров: приветствия/прощания, пожелания, комплименты, соболезнования, совет, поздравления и др. Каждый речевой жанр в башкирском языке приобретает национальный колорит: так, приветствие башкир на вербальном уровне сопровождается словами официального характера *һаумыһығыз*, *хэйерле көн*, неофициального характера *саләм*, прощания в башкирском языке на вербальном уровне сопровождаются словами официального характера *һау булығыз*, *хуш булығыз*, *исән-һау булығыз*, неофициального характера *һау бул*, *хуш бул*, *имен бул*. В башкирской культуре очень важно сопровождение приветствия или прощания на невербальном уровне в виде протягивания руки собеседнику, похлопывания по плечу или спине, крепкие рукопожатия, сопровождение ответной мимикой в виде кивка головой. Например, рассмотрим произведение М.Карима “Беззең өйзөң йәме”, в котором встречаются речевые жанры приветствия и прощания:

Шунан әсәйем капыл урынына тора ла беззе косаклап ала. “Исән-һау ғына тороғоз инде”, – тип бышылдай ул. Ул тағы безгә боролоп карай за: “Хушығыз” – тип өй ишеген аса (М.Кәрим. Беззең өйзөң йәме. 5-се б.).

– *Һауғынамы, бабай! Ниндәй язмыштар килтерзе үзеңде был тау-таштар араһына? – тип һораған.*

– *Юл кешеһенә изге юл! – тип яуап биргән карт (М.Кәрим. Беззең өйзөң йәме. 9-сы б.).*

– *Исәнгенәме, һауғынамы кәрендәш? – ти ул һәм әбейзе етәкләп һандык өстөнә етәкләп ултырта (М.Кәрим. Беззең өйзөң йәме. 13-сө б.).*

– *Һаумыһығыз, юғары остар, – тигән була уларзың Әхәте, үзе бер Марат менән генә күрешә.*

– *Һаумыһығыз, түбән остар, – тип яуап кайтара беззең Марат (М.Кәрим. Беззең өйзөң йәме. 49-сы б.).*

Таким образом, речевые жанры приветствия и прощания в башкирской лингвокультуре занимают особую роль, поскольку являются ценным компонентом при установлении контакта с собеседником и обязательно сопровождаются невербальным выражением.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. – 331 с.

3. **Зайнуллин, М. В.** Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа : РИЦ БАШГУ, 2014. – 204 с.

4. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

5. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в башкирской языковой картине мира : монография / Л. Х. Самситова / науч. ред. М. В. Зайнуллин. – Уфа : Гилем, 2015. – 360 с.

6. **Хурамшина, А. Р.** Речевой жанр комплимента в башкирской лингвокультуре / А. Р. Хурамшина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. – 146 с.

УДК 811.512.141

*Хусаинова Г.Р.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК БАШКИРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК: ЭПИТЕТЫ ГЕРОЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения эпитетов в народных устойчивых изобразительных средствах. Автор на материале башкирской волшебной сказки стремится показать, каким предстает герой сказки с помощью эпитетов. Совокупность эпитетов, характеризующих героя башкирской волшебной сказки, предстает как система. Комплексная характеристика героя народной сказки представляется в определенной последовательности: социальное происхождение, описание внешности, оценка достоинств и т.д. вплоть до характеристики его одежды, имущества, коня.

Abstract. The article is devoted to the issue of studying epithets in folk enduring pictorial means. The author, using the material of the Bashkir fairy tale, seeks to show how the hero of the fairy tale appears with the help of epithets. The set of epithets characterizing the hero of the Bashkir fairy tale appears as a system. The complex characteristics of the hero of a folk tale are presented in a certain sequence: social origin, description of appearance, assessment of merits, etc. down to the characteristics of his clothing, property, horse.

Ключевые слова: язык; фольклор; сказка; волшебная; башкирская; эпитет; герой.

Keywords: language; folklore; fairy tale; magic; Bashkir; epithet; hero.

Изобразительные средства – один из главных показателей национальной специфики фольклорного произведения, в частности, сказки. Язык башкирских народных сказок с 1960-х годов нашел отражение в отдельных статьях башкирских лингвистов Дж.Г. Киекбаева (1966), М.В. Зайнуллина (1974, 1976),

Г.Н. Ягафаровой (2016), книге В.Ш. Псянчина (1984) и др., также появились более объемное исследование И.Г. Галяутдинова (2000), монографические исследования Г.Г. Кульсаринной (2009, 2012).

В башкирской фольклористике данный аспект поэтики жанра специально, но лишь частично рассмотрен Н.Т. Зариповым на материале башкирской богатырской сказки. Резко контрастное изображение всего в богатырской сказке обусловило изучение автором антитезы и гиперболы – “традиционных способов художественного воплощения противоположных эстетических категорий героического и низменного, прекрасного и безобразного, высокого и низкого и т.д.” [Зарипов, 2008: 209].

В системе художественных средств башкирской волшебной сказки одним из основных являются эпитеты. В данной статье наша задача – показать совокупность эпитетов, характеризующих героя башкирской волшебной сказки, ибо, как писал Н.И. Кравцов, “и в былине, и в песне, и в балладе, и в сказке характер эпитета зависит от традиционного характера персонажа” [Кравцов, 1980: 9].

Сказочные персонажи предстают широкой галереей образов, но среди них особенно важен образ героя, который, воплощая в себе народные представления о справедливости, доброте, истинной красоте, во многом определяет идейно-художественное содержание волшебных сказок. В нем сконцентрированы все лучшие качества человека, благодаря чему образ героя становится художественным выражением идеала. Многие черты, присущие герою одного сюжета, будут повторены в героях других сказок. Поэтому справедливо мнение об изображении в сказках единого народного характера, который нашел воплощение в разных типах героев. Основной герой волшебной сказки, в сущности, один. Это обобщенный собирательный образ положительного героя. Мужественный, бесстрашный, верный, красивый герой преодолевает все беды и невзгоды и завоевывает свое счастье, будь то царский престол, рука царевны или победа над врагами родины. Герой этот един, независимо от того, как он представлен и в какое социальное положение занимает.

Исследователь А.И. Алиева выделяет три типа положительных героев [Алиева, 1986: 62], которые характерны и башкирской волшебной сказке: герой-богатырь, который ищет похищенную сестру (“Булансы Мэргэн”), дочь падишаха (“Умыс”, “Молниеносный меч”), жену/невесту (“Езтырнак”, “Зайнулла и Красата”, “Сайфелмулюк”, “Биранхылу – дочь бире”); “иронический удачник”, многократно демонстрирующий свое превосходство над теми, кто прежде мог куражиться над ним (старшие братья или старшие зятья) (“Златохвостый-Серебряногривый”, “Незнай”, “Таз батыр”, “Кинзебулат”); герой, достигающий цели с помощью чудесных средств или помощников (“Умный кот и Плешивый”, “Яшма”, “Волшебный перстень”).

Главный герой волшебной сказки обычно бывает из народа и социально обездоленным, что подтверждается на материале башкирской сказки.

В башкирской волшебной сказке эпитет часто характеризует героя как единственного сына: “*бер егет/бер ул*” (один парень/сын) [БХИ, 1976 (1): 99, 116, 145, 264, 101, 102, 148, 187; БХИ, 1976 (2): 29, 39], “*карттың улы*” (сын старика) [БХИ, 1976 (1): 180, 292] и акцентирует внимание на социальном

происхождении героя, который чаще всего бывает из народа и обездоленный с детства: “*бер етем малай йэшэгэн*” (один мальчик-сирота жил) [БХИ, 1976 (1): 257] “*бер ярлы гына егет*” (один бедный парень) [БХИ, 1976 (1): 118, 270], “*бер йолкош, иң түбән егет*” (нищий, молодой человек низкого происхождения) [БХИ, 1976 (2): 188]. В последнем примере использован эпитет “бедный” по отношению к главному герою башкирской волшебной сказки, но есть сказки, в которых называется род занятий, указывающий на низкий социальный статус героя: “*малай өйзән-өйгә йөрөп һоранып тамак туйзырған*” (мальчик ходил по домам, попрошайничал, чтоб прокормить себя) [БХИ, 1976 (1): 257], “*хезмәтсе малай*” (мальчик-прислуга) [БХИ, 1976 (1): 152], но больше всего сказок, в которых он является охотником [БХИ, 1976 (1): 97, 99, 104, 112, 116, 129, 144, 148, 163, 167, 169, 197, 305; БХИ, 1976 (2): 85, 152, 209, 268]; реже – рыбаком: “*балык тотоп көн күргән*” (рыбачил, этим жил) [БХИ, 1976 (1): 101, 220], “*иген игә*” (занимался хлебопашеством) [БХИ, 1976 (2): 164], солдат: “*бер һалдат*” (один солдат) [БХИ, 1976 (1): 123]. Низкое социальное положение героя в некоторых сказках показывается через упоминание о его родителях: “*ярлы булгандар*” (бедные были) [БХИ, 1976 (2): 81, 161], “*фәкир карт йэшэгән*” (бедный старик жил) [БХИ, 1976 (1): 307], “*ул йыл да һарык көтә ине, ти*” (он каждый год пас овец) [БХИ, 1976 (1): 128], одежде: “*Өстөндә күлдәге лә, ыштаны ла, башында түбәтәйе лә булмаған бының*” (На нем ни рубашки, ни штанов, на голове тюбетейки не было) [БХИ, 1976 (1): 97], “*аягындагы катаһынан башка байлығы булмаған*” (кроме кожаных галошей на ногах, другого богатства не было) [БХИ, 1976 (1): 307]; наличию имущества: “*уның бер тупалаккына өйөнән башка бер байлығы ла булмаған*” (у него, кроме маленького домика, ничего не было) [БХИ, 1976 (1): 101]; “*әсәһенән калған серле балдагынан башка бер нәмәһе лә булмаған*” (у него ничего не было, кроме волшебного кольца, доставшегося от матери) [БХИ, 1976 (1): 126]; характеристике жилища: “*тәзрәһе карындык, башы һалам менән ябылған бер тупалаккына өйө бар ине*” (у него был маленький дом с соломенной крышей и окном, закрытым растянутым желудком домашнего животного) [БХИ, 1976 (1): 128], “*кыш һыуыктан, йәй ямғырҙан һаҡлар ете терәү өйө булған*” (дом с семью подпорками, который спасал зимой от холода, летом – от дождя) [БХИ, 1976 (1): 253]; по описанию их жизни и быта: “*бик ярлы йэшэгәндәр*” (жили очень бедно) [БХИ, 1976 (1): 167], “*ярлы гына көн иткәндәр. Ашайым тиһә, туя ашарлык азығы, кейәйем тиһә, рәтле кейемдәре булмаған*” (жили очень бедно. Кушать было нечего, одежды тоже не было) [БХИ, 1976 (1): 276]; “*улар бик бөлгөнлөк менән көн иткәндәр*” (они жили в нищете) [БХИ, 1976 (2): 19], “*ауырлык менән көн күргәндәр*” (испытывали материальные трудности) [БХИ, 1976 (2): 166], “*Фәкир генә көн күргәндәр*” (жили в нищете) [БХИ, 1976 (2): 147, 161, 210]. Перечисленные выше примеры показывают степень бедности главного героя. Однако очень скоро он богатеет – такова эстетика сказки. Народ идеализирует его, наделяет лучшими качествами и поднимает на уровень царей. Однако богатство героя сказки никогда не описывается. Очень редко подчеркивается, что у него были стада или табуны. Он никогда не стремится за

богатством. Цель героя сказки: делать добрые дела, спасать от беды, помогать нуждающимся.

В ряде сказок герой является человеком высокого статуса: “*батша улы*” (царский сын (царевич) [БХИ, 1976 (1): 156, 163; БХИ, 1976 (2): 43, 50, 52. 101, 110], “*саузагар улы*” (сын купца) [БХИ, 1976 (1): 152; БХИ, 1976 (2): 50, 92, 95], “*бик бай бер кеше йәшигән*” (жил один очень богатый человек) [БХИ, 1976 (1): 261; БХИ, 1976 (2): 104].

В некоторых сказках мальчика-сироту берет на воспитание сам царь: “*батша Зәйнулланы үзәренең улы итергә, кейендереп, укытып, үзенә алмашка әзерләргә ниәт иткән*” (царь решил усыновить, переодеть, выучить мальчика и подготовить себе на смену) [БХИ, 1976 (1): 257], т.е. по случайному везению герой из низкого социального статуса поднимается на высокий. Несмотря на высокий статус, герой ничем не отличается от героя низкого статуса. Цель и функции у них одинаковы.

В сказках иногда герою дается характеристика: “*Түземгол үзе матур, үзе батыр, кыйыу за, сос та булган. Кулынан килмәгән эше булмаган уның*” (Түземгул сам был и красивый, и смелый, и ловкий. На все руки мастер был) [БХИ, 1976 (1): 169], “*егет шундай һылыу, көслө, шундай мөһабәт, ти*” (очень красивый, сильный, величественный молодой человек) [БХИ, 1976 (1): 255], “*теремек тә, акыллы ла малай*” (шустрый, умный мальчик) [БХИ, 1976 (1): 257], “*бик матур бер егет*” (очень симпатичный молодой человек) БХИ, 1976 (2): 92], “*көслө, һәләтле, матур егет*” (сильный, способный, красивый молодой человек) [БХИ, 1976 (2): 50], “*саф күңелле, таза фекерле, тыңлаусан улым*” (мой с чистой душой, со светлыми помыслами послушный сын) [БХИ, 1976 (2): 139], “*матур итеп кейенгән, кылыс таккан, бөзрә сәсле егет*” (красиво одетый, подпоясанный мечом, с кудрявыми волосами молодой человек) [БХИ, 1976 (2): 88], “*бынамын тигән егет: шул тиклем мөһабәт, шул тиклем матур, әйтеп бөтөргөһөз!*” (превосходный молодой человек: такой статный, такой красивый, словами не описать!) [БХИ, 1976 (2): 188].

В сказках также встречается описание коня героя: “*карсыга түшле, куян колаклы, ялбыр яллы, озон койрокло, сәгәтенә һикһән сакрым юл ала торган ат*” (конь с ястребиной грудью, с заячьими ушами, лохматой гривой, длинным хвостом, способный пройти за час 80 верст пути) [БХИ, 1976 (2): 88]; конь героя еще бывает разной окраски: “*күк*” (белый), “*һары*” (сивой), “*кола*” (саврасый) [БХИ, 1976 (2): 124], “*кара*” (черный) [БХИ, 1976 (2): 138], “*ерән*” (рыжий) [БХИ, 1976 (2): 140].

Таким образом, в определенной последовательности дана комплексная характеристика героя башкирской волшебной сказки: социальное происхождение, описание внешности, оценка достоинств и т.д. вплоть до характеристики его одежды, имущества, коня, составляющих совокупность эпитетов, характеризующих героя башкирской волшебной сказки, которая предстает как система.

Литература

1. **Алиева, А. И.** Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / А. И. Алиева. – Москва : Наука, 1986. – 280 с.
2. **Галяутдинов, И. Г.** Два века башкирского литературного языка / И. Г. Галяутдинов. – Уфа : Гилем, 2000. – 448 с.
3. **Зайнуллин, М. В.** Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок / М. В. Зайнуллин // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. / отв. ред. проф. Т. М. Акимова, проф. Л. Г. Бараг. – Уфа : Изд-во БГУ, 1974. – С. 92–98.
4. **Зайнуллин, М. В.** О выражении экспрессивности в башкирских народных сказках / М. В. Зайнуллин // Фольклор народов РСФСР. Вып. 2. / отв. ред. проф. Т. М. Акимова, проф. Л. Г. Бараг. – Уфа : Изд-во БГУ, 1976. – С. 45–49.
5. Фольклор как искусство слова. Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. – Москва, 1980. – 143 с.
6. **Кульсарина, Г. Г.** Язык и стиль башкирских народных сказок / Г. Г. Кульсарина; науч. ред. М. В. Зайнуллин. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – 144 с.
7. **Хусаинова, Г. Р.** Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология / Г. Р. Хусаинова. – Уфа : Гилем, 2014. – 216 с.
8. **Ягафарова, Г. Н.** Фольклорные имена: о чем они говорят (на примере башкирских богатырских сказок) / Г. Н. Ягафарова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 18. – 2016. – № 2 (151). – С. 155–169.
9. Башкорт халык ижады. Т. 1 : Әкиәттәр / төз. М. Х. Минһажетдинов, Ә. И. Харисов. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1976. – 376 с.
10. Башкорт халык ижады. Т. 2 : Әкиәттәр / төз. М. Х. Минһажетдинов, Ә. И. Харисов. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1976. – 376 с.
11. **Киекбаев, Дж. Г.** Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы / Дж. Г. Киекбаев. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1966. – 275 с.
12. **Псәнчин, В. Ш.** Телдең күркәмлек саралары / В. Ш. Псәнчин. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1984. – 128 б.

УДК 811.512

*Хусаинова Л.М.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА М.В. ЗАЙНУЛЛИНА

Аннотация. Статья посвящена изучению научного наследия профессора М.В. Зайнуллина. Объектом изучения стали научный доклад и концепция совершенствования норм башкирского литературного языка, с которыми ученый выступил

еще в 2012 г., так как данная проблема остается актуальной и в современном башкирском языке.

Abstract. The article is devoted to the study of the scientific heritage of Professor M.V. Zainullina. The object of study was a scientific report and the concept of improving the norms of the Bashkir literary language, which the scientist presented back in 2012, since this problem remains relevant in the modern Bashkir language.

Ключевые слова: башкирское языкознание; научное наследие; проблемы орфографии.

Keywords: Bashkir linguistics; scientific heritage; spelling problems.

Профессор М.В. Зайнуллин в своих работах освещал многие проблемные вопросы башкирского языкознания. Его научное наследие представляет интерес и для тех, кто изучает вопросы орфографии башкирского языка.

В данной статье мы рассматриваем материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка», которая прошла 30 ноября 2012 г. в г. Уфе на базе Института гуманитарных исследований РБ совместно с АН РБ, Башкирским государственным университетом, где с основным докладом выступил М.В. Зайнуллин.

Материалы конференции изданы в виде отдельной книги [Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка, 2012: 204]. В сборник вошли статьи, посвященные проблемам словообразования и морфонологии, совершенствования морфологических, лексических, синтаксических норм современного башкирского литературного языка, а также вопросам преподавания башкирского языка, правильного использования его орфографических норм, развития стилей.

С докладом на пленарном заседании выступил М.В. Зайнуллин, который отметил, что «нормализация литературного языка – это процесс совершенствования всей системы языка, это кодификация его лексики, грамматики, терминологии, орфографии и орфоэпии» [Зайнуллин, 2012: 3–8]. В своем выступлении М.В. Зайнуллин уделил внимание активной вариантности слов и словоформ в области лексики и морфологии башкирского языка. Так, он предложил признать литературной нормой аналитические формы настоящего времени, которые активно употребляются в письменном литературном языке и в разговорной речи: *китеп бара* (идет, досл. уходя идет), *уҡып йөрөй* (учится, досл. читая ходит), *язып ултыра* (пишет, досл. пишет сидит), *йәшәп ята* (живет, досл. живя лежит), *күренеп тора* (видно, досл. видно стоит), *кайтып килә* (возвращается, досл. возвращается идет). Далее рассмотрены случаи ошибочного употребления аффиксов множественного числа, которые не следует писать в тех случаях, когда определенное количество существительных в форме единственного числа выражает идею множественности без аффиксов -лар/-ләр: *Уларзың өс улдары, ике кызлары бар* (правильная форма: *Уларзың өс улы, ике кызы бар* – У них два сына, три дочери). М.В. Зайнуллин подчеркивает, что литературные нормы языка создаются социально осознанно, на основе действующих правил и законов и корректируются в соответствии с изменениями, происходящими в языковой ситуации и речевой деятельности

под влиянием различных экстралингвистических и внутрилингвистических факторов. Для совершенствования норм современного литературного языка он предлагает принять следующие меры:

1. Разработать концепцию совершенствования норм башкирского литературного языка;

2. Обратиться в Правительство Республики Башкортостан с предложением о создании Совета (рабочей комиссии) по проблемам совершенствования норм башкирского литературного языка;

3. Рекомендовать лингвистам, литературоведам, преподавателям вузов и учителям школ систематически выступать в СМИ республики, на страницах научных изданий по актуальным вопросам совершенствования норм башкирского литературного языка.

4. Регулярно проводить конференции, научные семинары, круглые столы, посвященные обсуждению проблем совершенствования норм башкирского литературного языка [Зайнуллин, 2012: 7].

В своем выступлении И.Г. Галяутдинов рассказал об истории формирования норм башкирского литературного языка в донациональном и национальном периодах [Гәләүәтдинов, 2012: 8–16]. Э.Ф. Ишбердин познакомил с проблемами лексического нормирования современного башкирского литературного языка [Ишбердин, 2012: 17–22]. Э.Ф. Ишбердин проанализировал в своем докладе условия выработки лексических норм башкирского языка, основанные на общепринятых принципах нормирования литературного языка, одним из которых является недопущение лексических, морфологических вариантов слов. По его наблюдениям, в лексикографических работах последних десятилетий приведено большое количество лексических, фонетических и морфологических вариантов слов, полностью совпадающих по своим лексическим значениям, в качестве заглавного слова взяты диалектные слова, и все они признаются литературными нормами. Э.Ф. Ишбердин предложил создание и издание «Словаря современного башкирского литературного языка», основанного на тщательно отработанных научных принципах его составления.

Проблемы совершенствования синтаксических норм современного башкирского языка освещены в выступлении А.М. Азнабаева [Азнабаев, 2012: 122–127]. Он считает, что после принятия и утверждения в начале 20-х г. XX в. литературной формы языка, лексический состав башкирского языка изменился за счет диалектных слов, которые проникли в литературный язык, произведения писателей, поэтов, публицистов, журналистов, а морфологический строй остался почти таким же, без серьезных изменений. По мнению А.М. Азнабаева, грамматические формы, активно употребляющиеся во всех диалектах и говорах, должны быть включены в литературный язык. Если они до сих пор остаются за пределами литературного языка, в этом виноваты авторы учебников для школ и вузов, ученые. Между тем поэты и писатели активно используют в своих произведениях те грамматические формы, которые считаются нелитературными [Азнабаев, 2012: 126].

Ф.С. Искужина провела анализ последних изменений и дополнений в орфографию 1981 г. [Искужина, 2012: 78–81], отметив, что такие формы как *бала сак* (детство), *баш кала* (столица), *ялан аяк* (босиком), *ялан баш* (без головного убора), *үз аллы* (самостоятельно), *үз һүзле* (упрямый), *аяк өстө* (стоя на ногах), *аяк үрә* (стоя на ногах), *баш түбән* (вниз головой), предложенные для отдельного написания, встречаются и в слитной форме. Например, в последнем «Орфографическом словаре башкирского языка» слово *баласак* дано слитно [Суфьянова, Ишмөхәмәтов, 2002: 31]. Ф.С. Искужина считает, что оба варианта письма можно принять как литературную норму. Она предложила Терминологической службе Комиссии при Правительстве РБ по реализации Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан» внести такие поправки в орфографию в виде исключения.

А.Р. Хисматуллина в своем выступлении рассказала о проблеме вариативности в области ономастики [Хисмәтуллина, 2012: 142–147]. В башкирской антропонимии огромное количество заимствований, многие из которых имеют фонетические варианты: *Канифа/Кәнифә*, *Наилә/Нәйлә*, *Сажизә/Сажидә*, *Саима/Сайма*, *Гөлнар/Гөлнәра*, *Камила/Камилла*. По ее мнению, такая вариативность приводит к нарушению системы и отклонениям от норм литературного языка. Предлагается составление и издание «Официального башкирско-русского словаря имен для родителей и сотрудников ЗАГС».

Правописание прописной буквы рассмотрено в выступлении Л.М. Хусаиновой [Хөсәйенова, 2012: 150–154].

По мнению участников конференции, на сегодняшний день назрела необходимость обсуждения результатов проделанных работ, обобщения опыта, выявления существующих проблем и постановки новых задач в деле совершенствования норм башкирского литературного языка. В сборнике конференции предложен проект «Концепции совершенствования норм современного башкирского литературного языка» [Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка, 2012: 175–197]. Отмечено, что в башкирском языкознании предстоит усовершенствовать, в первую очередь, ортологические (орфографические, орфоэпические, грамматические) нормы, затем – прагматические (оценки качества речи, лексические). Интересна довольно смелая мысль о том, что «функционирующая орфография башкирского языка является самой разработанной и совершенной среди орфографий родственных тюркских языков, так как она построена в основном на фонетическом принципе, то есть нет большой разницы между написанием и произношением» [Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка, 2012: 181], следовательно, «в данное время нет видимых причин для коренного изменения или совершенствования башкирской орфографии» [Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка, 2012: 182]. Предлагается внести изменения в алфавит башкирского языка: для обозначения звука [уау] использовать «һ, Э» (*һакыт* вместо *вакыт* (время), *Эли* вместо *Вәли* (*Вали*) или латинскую букву «v» (*вакыт*, *Vәли*). В завершении

отмечено, что нормы, с одной стороны, сохраняют единство литературного языка в социальном, территориальном и темпоральном (то есть во временном) измерениях; с другой – кодифицируются, сохраняются и охраняются государством [Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка, 2012: 196].

В целом наблюдается практическая направленность всех тех дополнений и уточнений, которые, безусловно, способствовали бы более широкому распространению нового алфавита и орфографии, а также повышению грамотности населения, что положительно отразилось бы на развитии башкирского языкознания. Но, к сожалению, разработанная профессором М.В. Зайнуллиным «Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка» не получила практического применения. В вопросе усовершенствования орфографических норм целесообразнее было бы изучить основные идеи данного документа и предложить внедрить их в научный оборот.

Литература

1. **Зайнуллин, М. В.** О некоторых актуальных проблемах совершенствования норм современного башкирского литературного языка / М. В. Зайнуллин // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 3–8.

2. **Азнабаев, А. М.** Проблемы совершенствования синтаксических норм современного башкирского языка / А. М. Азнабаев // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 122–127.

3. **Ишбердин, Э. Ф.** Проблемы лексического нормирования современного башкирского литературного языка / Э. Ф. Ишбердин // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 17–22.

4. Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 175–197.

5. **Ғәләүетдинов, И. Ғ.** Башкорт әзәби теле үсәшенең ике дәүере (башкорт әзәби теле нормаларының формалашуы һәм үсеше тарихына карата) / И. Ғ. Ғәләүетдинов // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 8–16.

6. **Искужина, Ф. С.** Хәзерге башкорт эзэби теленең орфографик кағизәләре кулланылышы тураһында / Ф. С. Искужина // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 78–81.

7. **Суфьянова, Н. Ф.** Башкорт теленең орфография һүзлеге / Н. Ф. Суфьянова, З. К. Ишмөхәмәтов. – Өфө: Башкортостан энциклопедияһы, 2002. – 352 б.

8. **Хисмәтуллина, А. Р.** Башкорт антропонимикаһында вариантлылык мәсьәләләре / А. Р. Хисмәтуллина // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 142–147.

9. **Хөсәйенова, Л. М.** Башкорт телендә зур хәрефтәрҙең дәрәс язылышына карата / Л. М. Хөсәйенова // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Академия наук Республики Башкортостан: Гилем, 2012. – С. 150–154.

УДК 82.0

*Хоснуллина Р.Д.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

АРХЕТИП ВДОВЫ, ОТРАЖАЮЩИЙ ВЕРНОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ, В ПОЭМЕ МУСТАЯ КАРИМА “ЧЕРНЫЕ ВОДЫ”

Аннотация. Проблема архетипов очень актуальна в литературе. Выделяют универсальные и национальные архетипы. Архетип вдовы можно рассматривать как универсальный архетип. В то же время в литературе каждого народа есть свои особенные национальные, ментальные черты. Архетип вдовы в башкирской литературе трансформировался из фольклора. В произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, описывается архетип верной и терпеливой вдовы. Так, в поэме М. Карима “Черные воды” на первый план выносятся архетип вдовы, которая носит в своем сердце все ужасы войны, не может найти покоя в спокойной послевоенной жизни. С большим уважением и любовью описывается архетип вдовы, которая осталась без мужа, без детей, но сохранила величие духа. В архетипе вдовы отражаются все ментальные черты, присущие башкирскому народу, – это мужество, скромность, терпение, гордость, прямолинейность.

Abstract. The problem of archetypes is very relevant in the literature. There are universal and national archetypes. The archetype of the widow can be regarded as a universal archetype. At the same time, the literature of each nation has its own special national and mental features. The archetype of the widow in Bashkir literature was transformed from folklore. In the works about the Great Patriotic war, the archetype of the faithful and patient widow is described. So, in the poem “Black waters” by M. Karim, the archetype of a widow who carries all the horrors of war in her

heart and cannot find peace in the quiet post-war life is brought to the fore. With great respect and love, the archetype of a widow who was left without a husband, without children, but retained the greatness of the spirit is described. The widow archetype reflects all the mental traits inherent in the Bashkir people – courage, modesty, patience, pride, straightforwardness:

Ключевые слова: архетип вдовы; универсальные и национальные архетипы; ментальные черты.

Keywords: the archetype of the widow; the universal and the national archetypes; the mental traits.

Әзәбиәттә һәм сәнғәттә архетиптар проблемаһы хәзерге гуманитар фәндәрҙә иң актуаль проблемаларҙан һанала. «Архетип» термины ике грек һүҙенән: *arche* — «начало» — «баш» и *typos* — «образец» — «өлгө» тигәнде аңлата, йәғни уның мәғәнәһен «тәү образ», «праформа», «башланғыс тип» тип аңлатырға була [Юнг, 1991: 145]. «Архетиптар» — әзәби телдең тәүге фондын тәшкил итеүсә образ һәм сюжеттарҙың башланғыс схемалары [Мелетинский, 1994: 384]. Улар әзәбиәттә ваҡыт үтәү менән әленән-әле кабатланып торған, үзәренә хас айырым бер һыҙаттарға эйә булған кайһы бер образдар. Әзәби әсәрҙәрҙең билдәле геройҙары һәм миф персонаждары архетип образға әйләнәп китеүе мөмкин. Архетиптарҙы ике төргә бүлөп карарға була: универсаль һәм милли. Улар гел динамикала, үсештә бирелә. Бына ошо үсеш-үзгәрештә күзәтеү әзәбиәтселәрҙең бурысы ул. Бер үк образ һәр халықта төрлөсә булыуы мөмкин. Милли образ-архетиптар тураһында һүз йөрөткәндә, без конкрет милли культураның менталь-психологик үзәнсәлеген күз уңында тотарбыз. Ә милли культуралар менталь-философик яктан төрлө була.

Тол катын архетибын (архетип вдовы) универсаль (дөйөм кешелек) архетип системаһына индерергә була. Ниндәй генә милләттән булмаһын, тол катын образын күңелдәрәндәгә әйтеп биреп бөтә алмаслыҡ тәрән һағыш, кайғы берләштерә. Бөтә кешелектең халыҡ ижады комарткыларында, легенда, мифтарҙа, дини китаптарҙа тол катын-кыз һағында, уның яҙмышы тураһында бай мәғлүмәттәргә тап булырға мөмкин. Тол катын архетибы төрлө халыҡ мифологияһында төрлөсә сағыла: кайһы бер милләт вәкилдәре уны изге тип һанай, кайһыһы, киреһенсә, кара көскә тиңләй. Һәр халықтың үз менталитетына тап килгән, үз сифаттарын сағылдырған, милли характерға эйә булған Тол катын архетибы бар. Һәр ваҡыттағыса, тол катын архетибын фольклорҙа тикшереп карайыҡ. Башҡорт халыҡ мәкәлдәрәндә: «Ирле иренә таяна, ирһез биленә таяна», «Тол катындың усағы төтәй», «Толдоң хәлен тол белер». Ышаныуҙарҙа: «Тол катындар элек карҙа тәгәрәп-тәгәрәп көсөргәнәштән арынған», — тип яза фольклорсы Розалия Солтангәрәева [Котоева, 2015: 9]. Йырҙарҙа: «Кысқырмасы, кәкүк, ай, һаташып, // Хәсрәт арттырырға маташып». Әкиәттәрҙә: «Ай кызы Зөһрә», «Үгәй кыз Гөлбикә» әкиәттәрәндә ир кеше тол катынды катынлыкка ала. Был катын әкиәттә яуыз, уһал, комһоз, каты күңелле булып һүрәтләнә. Ғәйнә башҡорттарында Тол тигән зур йылғаның исемен дә легенда аша аңлаталар. Бер катындың ире шул йылға буйында вафат булып кала. Шунан катын йылға буйына килә лә: «Һин мине тол иттең, үзең дә Тол бул», ти. Шунан йылғаны Тол тип атай башлайҙар. Шулай итеп, тол катын архетибы фольклорҙа ла ике төрлө сағылыш таба:

береһе — уһал, яуыз катын-кыззы сағылдырһа, икенсеһе — ауыр һағышты күтәргән, әсе язмышлы катын-кыз. Уның уһал булып китеүе лә шул ауыр тормошто үз иңендә күтәреүендәлер. Фольклорҙан тол катын архетибы әҙәбиәткә лә трансформациялана.

Тол катын архетибы бигерәк тә Бөйөк Ватан һуғышы һаҡындағы әҙәби әсәрҙәрҙә зур урынды алып тора. Ибраһим Абдуллиндың «Тол катындар иламай» әсәрендә сызамлыҡтың, сабырлыҡтың үзе булып Әлфиә образы тора. Кәтибә Кинйәбулатованың «Өмөт» шиғырында тол еңгә ауызынан улар өсөн типик булған төшөнсәләр әйтелә: ул — өмөт, сабырлыҡ («Сабырлыҡ. Сыңк итеп кала ла һызлата, әрнетә кайғылы йөрәкте»).

Мостай Кәрим йәмғиәтебезҙәге ҫажигәле, ғибрәтле язмышка дусар булған, әммә рухы һынмаһ көслө башкорт тол катын архетибын, бар тулылығында сағылдыра. Уның әсәрҙәрендәге тол катындар — милләтебез катын-кыздарының һаҡарынын, аһ-зарҙарын, көйөнөс-ынтылыштарын үзенә һыйзырған көслө архетипик образдар. Улар язмышын автор һәр ваҡыт Тыуған ер, Ватан төшөнсәләре менән тығыз бәйләй, был уларҙың һолок-кылығын ышандырғыс, дәлилле асырға ярҙам итә. Йәшләй үк һуғыш арһаһында тол калып, өмөт-һыялдары көйрәп янған, яу афәттәренең һаһиты булыуҙан күңелдәрендә ауыр яралар йөрөткән, тәне, рухы имгәнән, тыныс тормошта йән тыныслығы таба алмай яһаланған Тол катындар архетибы яҡтыртыла. һуғыш кәзалары арһаһында ирһез, балаһыз, япа-яңғыз ғүмер кисерһә лә, рух бөйөклөгөн һаҡлаған тол катын образдары оло һөйөү, айырым бер ихтирам менән һүрәтләнә.

«Кара һыуҙар» поэмаһын укыу менән үк күңелдә шом тыуа: «Кайза кояш, ай, йондоҙҙар!? Күкте ташлап кайза киткән!?» [Кәрим, 2009: 404]. Был риторик һорау, гүйә тол катындарҙың әске кисерештәрен, яңғызлыҡ ғазабының тәрәнлеген һүрәтләгәндәй. «Һөйгән йәрһез йәшәү кеүек, ай-кояшһыз кыйын икән» тигән сағыштырыу, тол катындар язмышының ауыр, шомло булыуына ишара яһай. Уларҙың ғүмерен ай-кояшһыз йәшәүгә, караңғы тормошка тиңләй. Тол калған катынды автор сызамлыҡ менән ассоциациялай.

«Мин-сызамлыҡ.

Сикһез юлға сыккан юлсымын,
һағыш менән озак еңештем мин

Хәҙер йонсоном!» — тигән һүҙҙәре катындың сызамлы, ныклы рухлы булыуын асып та бирә, әммә «йонсоном» тиеүендә һуғыш арһаһында тол калған катындарҙың бәхетһезлектәрен, яңғызлыҡтан миктәнән булыуҙарын да күрһәтә, катын артабан үзенә Якуп иһемле егетте яратыуы, ун йыл буйы уны көтөүе, бөтә илде кыззырып әзләүе, ләкин үзенә һөйгән кешенең тереләр араһында ла, үлеләр араһында ла булмауы, уның бер һиндәй әзен дә, кәберен дә осратмауы һаҡында һөйләүе — уның һағышлы матурлығын бөтә тулылығында күз алдына баһтыра. Катындың Якуп тураһында: «Йыуатырлыҡ йәки илатырлыҡ һүз әйтегез, бары һүз генә», — тигән үтенесе катындың үз иңенә төшөр бөтә кайғыларҙы ла күтәрергә әзер булыуын асып бирә. Шағир башта «иһке йәрәхәткә теймәгез!», «һағышлығын күңеле буш түгел» һәм «йөрөгө тере көткәндең» тигән һүҙҙәр менән каршы тороп караһа ла, катындың:

«Мин куркыузың сиген үткәнмен,
Түгер йәштәрәмде түккәнмен.

һөйләгез!» — тип әйтеүендә тол катындың ихтыяр көсө һизелә. Куркып калыр йә һыныр заттан түгеллегенә ишара яһала. Шағир иске яраларзы ақтарғандай, ауыр хәлдәрзе, фажиғәле вақиғаларзы һөйләп бирергә мәжбүр була. Яугирлык һызаты яңғыз катында сағылмай калмай. Катын үзенен яурынынан изәнгә шыуып төшкән лысма еүеш кара шәлен тапап китә. Был эпизод менән шағир тол катындың ғорурлығын да, кара кайғыһын онотоп-изеп үтергә тырышыуына ишара ла яһағандай.

З.Н. Рәхмәтуллина башкорт катын-кыз менталитетына хас түбәндәге һызаттарзы билдәләй: яугирлык, баһалкылык, түземлек, ғорурлык, туралык [Рахматуллина, 2001: 320]. Мостай Кәрим һүрәтләгән тол катын характерында ла ошо менталь һызаттар сағылдырылып, тол катын-кыз милли архетипка әүерелгән.

Ғөмүмән алғанда, Мостай Кәрим поэмаһында йәшләй үк һуғыш аркаһында тол калып, өмөт-хыялдары көйрәп янған, яу афәттәрененә шаһиты булыузан күңелдәрендә ауыр яралар йөрөткән, тәне, рухы имгәнгән, тыныс тормошта йән тыныслығы таба алмай яфаланған Тол катын архетибы яқтыртыла. Һуғыш казалары аркаһында ирһез, балаһыз, япа-яңғыз ғүмер кисерһә лә, рух бөйөклөгән һаклаған тол катын образдары оло һөйөү, айырым бер ихтирам менән һүрәтләнә.

Литература

1. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1994. – 136 с.
2. Рахматуллина, З. Н. Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа : специальность 09.01.11 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Рахматуллина Зилия Нурмухаметовна. – Уфа, 2001. – 146 с.
3. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва : Ренессанс, 1991. – 300 с.
4. Кәрим, М. С. Әсәрзәр. Т. 1: Шиғырзәр / М. С. Кәрим. – Өфө : Китап, 2009. – 404 б.

УДК 811.512.141

*Хәбибуллина З.Ә., Солтакаева Р.А.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

БОРОНҒО ТӨРКИ ҺӘМ ХӘЗЕРГЕ БАШКОРТ ТЕЛЕ ЛЕКСИК ПАРАЛЛЕЛДӘРЕНЕҢ ФОНЕТИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Аннотация. Сравнительное исследование лексики древнетюркского и современного башкирского языков показывает развитие гласных и согласных звуков современного

башкирского языка. В данной статье подробно рассматриваются особенности гласных и согласных звуков древнетюркского и современного башкирского языков в анлаутной, медиальной и ауслатной позициях, изучаются фонетические изменения, происходящие в процессе исторического развития современных тюркских языков: чередование звуков, протезы, метатезы, эпентезы.

Abstract. A comparative study of the vocabulary of the ancient Turkic and modern Bashkir languages shows the development of vowels and consonants of the modern Bashkir language. This article examines in detail the features of the vowels and consonants of the ancient Turkic and modern Bashkir languages in the anlaut, medial and auslaut positions, studies the phonetic changes occurring in the process of the historical development of modern Turkic languages, such as the alternation of sounds, prostheses, metathesis, epenthesis.

Ключевые слова: фонетическая система; гласные древнетюркского языка; согласные древнетюркского языка; анлаутная позиция; медиальная позиция; ауслатная позиция.

Keywords: phonetic system; vowels of the ancient Turkic language; consonants of the ancient Turkic language; anlaut position; medial position; auslaut position.

Тел ғилемдә теге йәки был телдәрҙең лексикаһын сағыштырма-тарихи планда өйрәнгәндә һүзәрҙе лексик-семантик төркөмдәргә бүлеп анализлау отошло алым. Лексик параллелдәрҙе анализлағанда без һис шикһез сағыштырылыусы телдәрҙегә һүзәрҙең фонетик сиратлашыулары менән орашабыз. Шуға күрә лексик параллелдәрҙе тикшергәндә иң тәү шарт булып һүзәрҙегә өндәр сиратлашыуларын тикшерерү тора.

Кәрҙәш телдәрҙең өн сиратлашыуын тикшергәндә төрлө алымдар кулланыла. В.И. Цинциус өн сиратлашыуларын анлаут позицияла, медиаль позицияла, ауслат позицияла тикшергән [Цинциус, 1979: 125]. Был юл менән тикшерерү лексик параллелдәрҙегә һузынқыларзың, тартынқыларзың үзгәрешен, һирәк орай торған өндәрҙең спорадик рәүештә тап килеүен күзәтергә мөмкинлек бирә.

Һузынқы өндәрҙең тарихи үсеше. Төрки сығанаклы төп башкорт һүзәрәндәгә *a, o, y, ы, ә, ө, ү, э(e), и* һузынқыларының тарихи үсешен боронғо төрки теленә һузынқы өндәре системаһынан айырып өйрәнерү мөмкин түгел, сөнки, асылда, башкорт теленә һузынқы өндәре боронғо төрки телендәгә һузынқы өндәрҙең үзгәрешенән барлыкка килгән.

Боронғо төрки телендә һигез һузынқы өн булған: улар түбәндәгеләр (профессор С.Е. Маловтың транскрипцияһы буйынса): *a, ä, o, ö, y, ü, ы, i* [Малов, 1951: 17]. Ошо һигез һузынқы өндөң төрлө үзгәрештәр кисерерүе аркаһында хәзергә төрки телдәрәненә үзенә генә хас вокализмы барлыкка килә. Профессор Ж.Ф. Кейекбаев буйынса башкорт телендәгә һузынқы өндәрҙең боронғо төрки телендәгә кайһы һузынқыларзан үсәүен түбәндәгә схема менән күрһәтергә мөмкин:

Боронғо төрки теленә һузынқы өндәре	a[a]	ә[ä]	o[o]	ө[ö]	y[y]	ү[ü]	ы[ы]	и[i]
Башкорт теленә һузынқы өндәре	А	и-ә	у	ү	о	ө	ы	э(e)

Анлаут позицияла һузынкыларзың күсеше

I. а) бор. төрк. [а] ~ башк. [а]:

aziğ «клык» ~ башк. *азау*

aziğ «рот» ~ башк. *ауыз*

арка «спина» ~ башк. *арка*.

б) бор. төрк. [ä] ~ башк. [ә]:

äjitgan «тот, кто сказал» ~ башк. *әйткән*

äjitiş «приветствие» ~ башк. *әйтеш*.

II. а) бор. төрк. [у] ~ башк. [о]:

уруғлык «семена» ~ башк. *орлок*

уруш «война» ~ башк. *орош* «ругательство»

увут «стыд» ~ башк. *оят*

узун «длинный» ~ башк. *озон*.

III. бор. төрк. [о] ~ башк. [у]:

ол «он» ~ башк. *ул*

он «десять» ~ башк. *ун*

орту «середина» ~ башк. *урта*

орун «место» ~ башк. *урын*

орғак «серп» ~ башк. *урак*

ок «стрела» ~ башк. *ук*

IV. бор. төрк. [ү] ~ башк. [ө]:

үгра «лапша» ~ башк. *өйрә* «суп»;

үзүлди «оборвался» ~ башк. *өзөлдө*;

үн «звук» ~ башк. *өн*

үстүн «верх» ~ башк. *өстән*.

V. бор. төрк. [ө] ~ башк. [ү]:

өгәј «неродной» ~ башк. *үгәй*

өгүт «совет» ~ башк. *өгөт*

өз «свой», «сам» ~ башк. *үз*

өкүз «вол» ~ башк. *үгез*

өлүк «труп» ~ башк. *үлек* һ.б.

Медаль һәм ауслаут позицияла һузынкыларзың күсеше

I. а) бор. төрк. [ә] ~ башк. [и]:

сән «ты» – башк. *һин*

мән «я» – башк. *мин*

кәч «вечер» – башк. *кис*

кәчті «перешел» – башк. *кисте*.

б) бор. төрк. [ә] ~ башк. [ә]:

кәс «комок» – башк. *кәс*

кәкүк «кукушка» ~ башк. *кәкүк*.

II. а) бор. төрк. [і] ~ башк. [и]:

кірү «назад» ~ башк. *кире*.

б) бор. төрк. [і] ~ башк. [е], тат. [е]:

мін «тысяча» ~ башк. *мең*

кіші «человек» ~ башк. *кеше*

kičik «маленький» ~ башк. *кесе*

kim «кто» ~ башк. *кем*

siž «вы» ~ башк. *hez*.

III. а) бор. төрк. [o] ~ башк. [y]:

Јол «дорога» ~ башк. *юл*

Јок «нет» ~ башк. *юк*

кол «рука» ~ башк. *кул*

конук «гость» ~ башк. *кунак*.

IV. а) бор. төрк. [y] ~ башк. [o]:

кулак «ухо» ~ башк. *колак*

кум «песок» ~ башк. *ком*

курузлук «сухость» ~ башк. *королок*.

б) бор. төрк. [y] ~ башк. [a]:

конук «гость» ~ башк. *кунак*

согун «лук» ~ башк. *һуган*

олук «вид посуды» ~ башк. *улак*.

в) бор. төрк. [y] ~ башк. [o], [ы]:

тонуз «кабан» ~ башк. *дуңғыз*

бузлук «ледник» ~ башк. *бозлок*

андуз «девясил» ~ башк. *андыз*

кагун «дыня» ~ башк. *кауын*

тун «спокойствие» ~ башк. *тын*.

V. а) бор. төрк. [y] ~ башк. [ө]:

түш «сон» ~ башк. *төш*

түшти «спустился» ~ башк. *төштө*

түн «ночь» ~ башк. *төн*.

б) бор. төрк. [y] ~ башк. [е]:

үжүк «слог» ~ башк. *ижек*.

VI. а) бор. төрк. [ө] ~ башк. [ү]:

төшак «ковер», «подстилка» ~ башк. *түшәк* «матрац»

төш «передняя часть груди» ~ башк. *түш*

сөз «слово» ~ башк. *һүз*

көз «глаз» ~ башк. *күз*.

Шулай итеп, тарихи үсеш барышында тар һузынкыларзың киңәйеүе (и > е, ү > ө, у > о, е > ә) һәм киң һузынкыларзың тарайыуы (е > и, ө > ү, о > у) күзәтелә.

Тартынкы өндәрзең тарихи үсеше. Башкорт теленең тартынкыларының тарихи үсеше боронго төрки телендәге тартынкылар шкалаһының күсеше менән бәйле, сөнки башкорт теле, асылда, башка кәрзәш төрки телдәре һымак, боронго бер төрки кәбиләнең төп кәбиләнән территорияль яктан бүленеп йәки айырылып китеүе һөзөмтәһендә барлыкка килгән. Артабан был кәбилә һөйләшәндә һизелерлек айырымлыктар барлыкка килгән.

Теоретик яктан кабул ителгән дөйөм төрки нигез-телендә йәки, фин ғалимы М. Рясянендың карашынса, боронго төрки телендә 17 тартынкы өн булған. Улар түбәндәгеләр: *к, з, г, к, п, б, т, й, л, м, н, ң, с, ш, ч, р, з*. Был

тартынкылар һүз уртаһында ла, һүз азағында ла килә алған, һүз башында фәкәт к, к, т, б, й, м, с, ч тартынкылары ғына килгән [Рясянен, 27].

Анлаут позицияла тартынкыларзың күсеше

I. Сағыштырыу өсөн тел арты тартынкыһы [к] һәм увуляр [к] өнөнә башланған һүззәр рәтен килтерәбез:

а) бор. төрк. [к] ~ башк. [к] йәки [к]:

кәжүк «кукушка» ~ башк. *кәжүк*

кәпәли «бабочка» ~ башк. *күбәләк*

кокугун «кокакун», «муха» ~ башк. *күгәуен*

кагун «дыня» ~ башк. *кауын*

камйиш «камыш», «тростник» ~ башк. *камыш*

курт «червь», «волк» ~ башк. *корт*

катун «жена» ~ башк. *катын*.

б) бор. төрк. [к] ~ башк. [т]:

кәрпә «еж» ~ башк. *терпә*.

II. а) бор. төрк. [с] ~ башк. [һ]:

соған «лук» ~ башк. *һуган*

сандувач «соловей» ~ башк. *һандугас*

сағызған «сорока» ~ башк. *һайысқан*

сығыр «корова» ~ башк. *һыйыр*

суну «копье» ~ башк. *һөңгө*

сирәл «мл. сестра» ~ башк. *һеңле*

сариг «желтый» ~ башк. *һары*.

б) бор. төрк. [с] ~ башк. [с]:

сычған «мышь» ~ башк. *сысқан*

сач «волосы» ~ башк. *сәс*

сачилди «был рассыпан» ~ башк. *сәселде*.

III. а) бор. төрк. [т] ~ башк. [т]:

туз «соль» ~ башк. *тоз*

тутмач «вид пици, еды» ~ башк. *тукмас*

түтүн «дым» ~ башк. *төтөн*

тэрәк «тополь» ~ башк. *тирәк*

турма «редис» ~ башк. *торма* «редька».

б) бор. төрк. [т] ~ башк. [һ]:

тэргә «скатерть» ~ башк. *һөлгө*

токуш «война» ~ башк. *һугыш*

туртти «намазал» ~ башк. *һөрттө*.

в) бор. төрк. [т] ~ башк. [д]:

торт «четыре» ~ башк. *дүрт*

тәниз «море» ~ башк. *диңгез*

тонуз «кабан» ~ башк. *дуңгыз*

г) бор. төрк. [т] ~ башк. Ø аффикс (нуль аффикс):

тогај «дядя» ~ башк. *агај*.

IV. а) бор. төрк. [б] ~ башк. [б]:

балчык «глина» ~ башк. *балсык*

батыз «болото», «омут», «низина» ~ башк. *баткак*
бузлук «ледник» ~ башк. *бозлок*
булут/булыт «облако» ~ башк. *болот*
будгај «пшеница» ~ башк. *бойзай*
балык «рыба» ~ башк. *балык*.
 б) бор. төрк. [б] ~ башк. [б]:
бушурды «расстролил» ~ башк. *бошорзо*
бычак «ножь» ~ башк. *бысак*.
 в) бор. төрк. [б] ~ башк. [м]:
бэн «я» ~ башк. *мин*
бэңгү «вечно» ~ башк. *мэңге*.
 г) бор. төрк. [м] ~ башк. [б]:
муш «кошка» ~ башк. *бесэй*
 V. а) бор. төрк. [ј] ~ башк. [й]:
јавуз «плохой» ~ башк. *яуыз* [йауыз]
јаз «весна» ~ башк. *яз* [йаз]
Јаман «плохой» ~ башк. *яман* [йаман]:
јарук «щель», «трещина» ~ башк. *ярык* [йарык]:
јуз «лицо» ~ башк. *йөз*.
Јај «лето» ~ башк. *йәй*
јілік «костный мозг» ~ башк. *елек* [йелек]:
јыгышиты «собрались» ~ башк. *йыйылышты* һ.б.

Медиаль һәм ауслаут позицияла тартынкыларзың күсеше

1. а) бор. төрк. [ғ, г] ~ башк. [ғ, г]:
айгыр «жеребец» ~ башк. *айгыр*;
торыға «жаворонок» ~ башк. *турғай* «воробей»
кузгун «грач», «ворон» ~ башк. *козгон*
карга «ворона» ~ башк. *карга*;
буғаз «горло» ~ башк. *боғаз*;
 б) бор. төрк. [ғ] ~ башк. Ø аффикс (нуль аффикс):
тирсгәк «локоть» ~ башк. *терһәк*
јығлады «плакал» ~ башк. *иланы*
 в) бор. төрк. [ғ] ~ башк. [у]:
ағыз «рот» ~ башк. *ауыз*
бағыр «печень» ~ башк. *бауыр*
ағрығ «болезнь» ~ башк. *ауырыу*
сағым «удой» ~ башк. *һауым*.
туғды «родился» ~ башк. *тыузы*
 г) бор. төрк. [ғ, г] ~ башк. [й]:
сигил «бородавка» ~ башк. *һөйәл*
көг «мелодия» ~ башк. *көй*
сығыр «корова» ~ башк. *һыйыр*.
 д) бор. төрк. [ғ, г] ~ башк. [к, к]:
кысғач «щипцы» ~ башк. *кысқыс*
капға «ворота» ~ башк. *капка*

II. а) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [к, к]:

арык «худой», «слабый» ~ башк. *арык*;

токсан «девяносто» ~ башк. *тукхан*.

б) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [х]:

учмак «рай» ~ башк. *ожмах*

в) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [й]:

коклады «пел» ~ башк. *көйләне*

г) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [ш]:

чэжук «кузнечный молоток» ~ башк. *сүкеш*

д) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [ғ, г]:

токуш «война» ~ башк. *һугыш*

колика «тень» ~ башк., тат. *күләгә*;

е) бор. төрк. [к, к] ~ башк. Ø аффикс (нуль аффикс):

кулкак «ухо» ~ башк. *колак*

ж) бор. төрк. [к, к] ~ башк. [ү, ү']:

такук «курица» ~ башк. *тауык*

көгәкүн «овод» ~ башк. *күгәуен* һ.б.

Башкорт теленең тарихи үсеше дауамында боронго төрки телендәге өндәр төрлө үзгәрештәргә дусар булған. Улар араһында метатеза, протеза, эпентеза күренештәрен, өндәрзең, ижектәрзең төшөп калыуын, лабиализация, делабиализация кеүек үзгәрештәрзе күзәтергә була.

Метатеза. Метатеза, йәғни өндәрзең күсеше — төрки телдәргә хас булған фонетик күренеш. Был күренеш хәзерге кыпсак телдәрендә лә күзәтелә. Дания ғалимы, тюрколог, профессор Броккельман метатезаны, «әйтелештәре унайһыз булған тартынкылар кушылмаһының урындарын алмаштырып куйыу аркаһында әйтелеш еңелләштерелә», тип күрһәтә. Боронго төрки теле һәм хәзерге башкорт телендәге метатеза күренеше күзәтелгән һүззәргә түбәндәгеләр инә:

йағмур – башк. *ямғыр*

одирәк – башк. *өйрәк*, башк. диал. *үрзәк*

самурсак – башк. *һарымһак*

отра – башк. *урта*

кумурсга – башк. *кырмыска*

өрүмчәк > башк. *үрмәксе* и др.

Шул ук *йамғыр* һүзе, һис шикһез, боронго төрки һүзе *йағмурзан* ғ һәм м тартынкыларының метатезаһы аркаһында яһалған, был һүззең сығышы этимологик яктан боронго *йағ-* (башк. йау-) тамырына барып тоташа.

«Өйрәк» һүзенә килгәндә, боронго төрки телендә был һүз *одирәк* формаһында булған. Был һүззәге *д* өнә башкорт телендәге *й* өнөнә күскән. Һөйләштәргә *д* һәм *р* метатезаһы булған, артабан *и* өнә редукцияға бирелгән.

Протеза. Башкорт өндәренең ижек калыбы буйынса, төп башкорт һүззәре тартынкы өн менән башланһа, тартынкы өндөң артынса ук һузынкы өн килә. Йә киреһенсә, һүз һузынкы өн менән башланһа, шул һузынкы өндөң артынан тартынкы өн килә. Был хәлдә түбәндәге схема буйынса күрһәтергә була:

1. т-һ-т-һ-т (балык);
2. һ-т-һ-т (алам);
3. т-һ-т-т-һ-т (йалкын);
4. һ-т-т-һ-т-т (алдынғы);
5. һ-т-т-һ (унда);
6. т-һ-т-т (дүрт);
7. т-һ-т-т-т-һ (дүртте).

Боронго төрки теле менән сағыштырғанда башкорт телендә түбәндәге протеза, йәғни һүз башына өн куйыу күренештәре күзәтелә:

узум – башк. *йөзөм «виноград»*

ирлади – башк. *сирләне*

ир – башк. *йыр*

инч – башк. *тыныс*

лачын – башк. *ыласын*

Эпентеза. Эпентеза күренешендә лә, протезалағы кеүек үк, һүз уртаһына өҫтәмә өн куйыла:

суну – башк. *һөңгө*

тәниз – башк. *диңгез*

отунч – башк. *үтенес*

кумлак – башк. *комалак*

Өндәрзең, ижектәрзең төшөп калыуы. Тел ғилемендә һүззәге өндәрзең, ижектәрзең төшөп калыуы гаплогология күренеше тип атала. Бындай тел күренешенә түбәндәгеләр инә:

барсумак – башк. *бурһык*

јабакулак – тат. *ябалак*

эшјәк – башк. *ишәк*

toriaj – башк. *тургай*

turnja – башк. *торна* һ.б.

Үрзә карап үтелгән фонетик күренештәр ентекле тикшерелергә, аңлатылырға тейеш. Был өлкәләге тикшеренеүзәр боронго комарткылар теле менән генетик бәйләнеш үзенсәлектәрен табыу, телдәрзе сағыштырма аспектта өйрәнәү, кәрзәшлекте асыклау, һүззәрзең этимологияһын тикшерәү һ.б. эзләнәүзәрзә мөһим бер дәлил, сығанак буласак.

Әзәбиәт

1. **Богородицкий, В. А.** Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий. – Казань : Татарское книжное издательство, 1953. – 220 с.

2. Грамматика современного башкирского литературного языка / А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1981. – 495 с.

3. **Малов, С. Е.** Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. – Москва : Наука, 1951. – 451 с.

4. **Рясянен, М.** Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. – 222 с.

5. **Хабибуллина, З. А.** Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке / З. А. Хабибуллина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. – 152 с.

6. **Хисамитдинова, Ф. Г.** История башкирского языка: материалы по исторической фонетике : учебное пособие / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 1999. – 84 с.

7. **Цинциус, В. И.** Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков/ В. И. Цинциус // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 125.

8. **Кейекбаев, Ж. Ф.** Башкорт теленең фонетикаһы / Ж. Ф. Кейекбаев. – Өфө, 1958.

УДК 7.048

Чочкина М.П.,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРНАМЕНТА АЛТАЙЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты исследования национального орнамента алтайцев в его взаимодействии с мифологией, обрядами и прикладным искусством. Особое внимание автор уделяет аспекту изучения этимологии термина *оймо-чийме* ‘орнамент и узоры’ в сравнительно-сопоставительном плане. Важным представляется археологический, этнографический и искусствоведческий точки зрения на алтайский орнамент. Автор отмечает, что семантика и символика мотивов алтайского орнамента стала предметом исследования лишь в настоящее время.

Abstract. The article discusses aspects of the study of the national ornament of the Altai people in its interaction with mythology, rituals and applied art. The author pays special attention to the aspect of studying the etymology of the term *oymo-chiyme* ‘ornament and patterns’ in comparative terms. The archaeological, ethnographic, and art history points of view on the Altai ornament are important. The author notes that the semantics and symbolism of the motifs of the Altaic ornament have become the subject of research only at the present time.

Ключевые слова: *оймо-чийме* ‘орнамент и узоры’; мифология; обряды; археологический, этнографический, искусствоведческий аспекты.

Keywords: *oimo-chime* ‘ornament and patterns’; mythology; rituals; archaeological, ethnographic, art-historical aspects.

В условиях возрождения традиционных народных промыслов и возрастания интереса к народной культуре, вопрос изучения орнаментального искусства алтайцев оказывается в русле актуальной практической проблематики отношения этноса к своему наследию. Это требует методологических представлений о его генезисе, соотношения с разными областями культуры, с различными предметно-знаковыми средствами и формами народной памяти.

Одним из ключевых аспектов изучения проблем в этой области является рассмотрение термина, определяющего орнамент и орнаментальные формы. Сравнительно-сопоставительное изучение, рассмотрение этимологии дает возможность выявить его суть, разработать понятийно-категориальный аппарат орнаментики. В некоторых тюркских и монгольском языках орнамент представлен лексемами: в башкирском языке – орнамент, бизэк [Русско-башкирский словарь, 2005: 764]; в тувинском – *угулза*, *хээ* [Русско-тувинский, 1980: 341], в хакасском – *ойыб* [Хакасско-русский словарь, 2006: 297]. В киргизском языке «*кулжа* – I. Взрослый горный баран-самец [Киргизско-русский словарь, 1965: 442], там же: *оймо* – I. Выдолбленный, гравированный. 2. орнаментированный, разукрашенный; *оймоло* – украшать резным орнаментом, гравировкой; *оймолуу* – украшенный узорами, орнаментом, орнаментированный, узорный; *оймочу* – женщина, наносящая узор [Киргизско-русский словарь, 1965: 562]; в монгольском языке – *угалз*; *хээ*, *хээ угалз* [Дамдисурэн, Лувсандэндэв, 1982: 384]. В представленных языках орнамент обозначается в основном как *оймо* и *угалз/кулжа*. В «Этимологическом словаре тюркских языков» орнамент объясняется как *ойма* (*оймо*, *уйма*): 3. вырезать – турк., тур., кум., к.-бал., ног., тат., баш., уз., уйг., P11594, Будагов I, kasg. D., VamberyCSpr.; ваять Будагов I; чеканить – Будагов I; вырезать (полукругом, выемкой) – ног.; гравировать – турк., тур., кир., каз., ног., ккал., P1970, kasg. D., VamberyCSpr.; делать резной орнамент – кир., каз., ног., ккал.; отрезать – P11594; 4. вышивать – ног.; 5. делать изгибом, загибать как дугу – алт. ГАЯ223, P1970» [Севортян, 1974: 426–427].

В алтайском языке встречаются и тот и другой вариант: «*оймала*, *оймоло* вырезывать, резьбу производить» [Словарь алтайского аладагского наречий, 1884: 108]; *кульда* как «украшения, аппликации нашиваемые на обувь и кожаную посуду» [Ойротско-русский словарь, 1947: 95], или «*чиме* – резьба, украшение, насечка; *чимеле* – украшать, делать насечку, *чимелеп эткен ээр* седло, украшенное резьбой» [16, с. 179]. Там же: *чүме* в значении *чиме* [Ойротско-русский словарь, 1947: 182], так же как *кулжа* – алтайский орнамент, узор [Морфемный словарь алтайского языка, 2005: 120]; орнамент – *чертик* [Русско-алтайский словарь, 1964: 416] или: «*кулжа* – орнамент, узор, украшение» [Алтайско-русский словарь, 2018: 396], хотя в этом же словаре встречается, на наш взгляд, более точное название «*оймо-чийме* – узор» [Алтайско-русский словарь, 2018: 497].

Орнаменты и узоры, связанные с трудовой деятельностью народов, обычаями и обрядами, отражают этническую, историко-культурную жизнь народа на разных этапах развития. В нем сконцентрировано выражение духовной и материальной культуры, они несут на себе печать этнической специфики. Этот аспект исследования прослеживается в археологических, этнографических и междисциплинарных работах по алтайской орнаментике. Обширный фактический материал по орнаменту народов, живших в раннее время, в средневековье в Горном Алтае, содержат научные труды С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Л.Л. Баркова, А.П. Окладникова, А.С. Суразакова, В.И. Соенова, С.В. Трифановой, Н.А. Константинова. Одна из последних работ

Н.В. Полосьмак и Л.Л. Барковой посвящена предметам и вещам, найденных в курганах в долине Укок, относящихся к пазырыкской археологической культуре [Полосьмак, Баркова, 2005].

Вопросы происхождения, классификации, художественной особенности орнамента сибирских народов с искусствоведческих позиций достаточно полно освещены в работах С.В. Иванова «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–начала XX века. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости» (1954), «Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в.» (1970), «Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – 2-я четверть XX в.» (1979), «Орнамент народов Сибири как исторический источник» (1963). В них был заложен методологический подход к изучению изобразительного искусства в целом и в частности орнамента народов, проживающих на данной территории. Он считал, что древние доорнаментальные изображения, впоследствии ставшие орнаментом, обладали культовым содержанием, были племенными эмблемами, родовыми знаками, указательными знаками или знаками собственности [Иванов, 1954]. Но тем не менее алтайская орнаментика так и не стала предметом научного исследования культурологов, искусствоведов. Этнографические зарисовки, альбом орнаментов, коллекции материальной культуры алтайцев – все эти источниковедческие работы представляют большой задел для дальнейшего изучения.

Так, определенное место орнаменту и тамгам алтайцев отведено в этнографических работах Г.И. Чорос-Гуркина [Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина, 2014]. Алтайский орнамент на предметах прикладного искусства конца XIX и начала XX вв. хорошо сохранился в предметах быта в этнографических музеях Москвы и Санкт-Петербурга. В 1930 году была организована Алтайская этнографическая экспедиция «Общества изучения Сибири и её производительных сил» в составе сотрудников Ойротского музея, этнографов Санкт-Петербурга, А.В. Анохина, Г.И. Чорос-Гуркина. В 20-е годы экспедицией под руководством Д.А. Клеменца были собраны для Государственного русского музея первые коллекции по народному искусству и культуре. В последующие годы в Эрмитаж были переданы находки Пазырыкского кургана, среди которых в хорошем состоянии находились орнаментированные изделия не только из металла, кости, рога и дерева, но и самые разнообразные шерстяные и шелковые ткани, изделия из войлока, кожи, меховые одежды. Во второй половине XX века появилось несколько работ по декоративно-прикладному искусству. В научных трудах В.И. Эдокова впервые было дано научное освещение изобразительного искусства Горного Алтая, корни которого брали начало в народном искусстве [Эдоков В., 1981]. Им был составлен альбом с изображениями алтайского орнамента, используемыми в различных сферах быта алтайского народа. Он отмечал способности народных мастеров, создававших традиционную одежду, выразивших эстетический вкус и национальные традиции: «Превосходное знание свойств материала и художественное чутье подсказывали особые приемы обработки и сочетания материалов, удачный подбор их по цвету, применение разнообразных

орнаментальных форм, сложные и хорошо завершенные композиции, умело использованные для украшения вещей» [Алтайский орнамент, 1971: 6]. Среди исследований, посвященных вопросам декоративно-прикладного искусства алтайцев и отражению семантики народного орнамента в изделиях из дерева, войлока, кости, камня, большое значение имеют работы А.В. Эдокова [Эдоков А., 2010]. Он отмечает, что алтайской орнаментике присуще огромное разнообразие форм, «основанных на вариациях более ста основных мотивов, причем одни из них по традиции использовались, главным образом, для украшения изделий из дерева, другие для росписи, третьи для орнаментации войлока и металла» [Эдоков А., 2010: 140]. Например, в декоре войлочных, меховых шапок, которые покрывали однотонным темным материалом, и в вышивке, нанесенной на одежду, встречаются в основном геометрические узоры. Среди них наиболее распространены зигзаги, треугольники, ромбы, квадраты, меандр и др. Бордюры с геометрическим орнаментом украшали не только детали костюма, но и его аксессуары: браслеты, гребни, серьги. В одежде и украшениях широко использовался также и растительный орнамент. А.В. Эдоков писал, что «в ювелирных изделиях из металла, в тиснении и аппликациях на коже преобладают растительные мотивы, они представлены в значительной мере многолепестковыми розетками, коренным образом четырехлепестковыми, а также криволинейными фигурами, напоминающими растительные побеги» [Эдоков А., 2010: 140]. Примером могут служить бронзовые или золотые бляхи и пряжки на мужских ремнях, которые украшены преимущественно односторонними розетками с четырьмя плоскостями симметрии.

Значительным вкладом в изучение зодчества Горного Алтая является монография О.П. Ильиной «Истоки зодчества Горного Алтая» [Ильина, 2010], в которой подробно рассматривается архитектурный декор деревянных и каменных памятников традиционной культуры алтайцев с использованием орнамента.

Изучение символического языка орнамента, семантики узоров определяет глубинные смысловые структуры вещи, обряда и мифа. Исследование этой проблемы требует рассмотрение самобытности мировоззрения алтайцев, проследить истоки верований, культов, мифологическую и историческую память народа, его духовные ценности и национальные традиции. Так, Л.П. Потапов в работе «Очерки по истории алтайцев» [Потапов, 1953] большое внимание уделяет прикладному искусству алтайцев. Он отмечает, что различные модификации роговидных узоров использовались при украшении, например, традиционных аксессуаров алтайского национального костюма: кожаные, тряпичные кисеты для табака и деталь поясного украшения на *чегедек* 'женской безрукавной одежде' – *бел* (теленг.) или *белдууш* (алтай-кижи). В.П. Дьяконова отмечала, что подобное украшение «состояло из куса шелковой ткани подквадратной формы и подвесных украшений» [Дьяконова, 2001: 94]. В научных трудах Е.М. Тощакowej [Тощакowej, 1978], Н.И. Шатиновой [Шатинова, 1981], В.Я. Кыдыевой [Кыдыева, 2010] содержится богатый этнографический и исторический материал по изучению

материальной и духовной культуры, различных видов прикладного искусства алтайского народа. Отдельные формы алтайского орнаментального искусства рассматриваются в работе «Загадки национальной одежды» (2018).

Первую попытку рассмотрения семантики алтайского повествовательного орнамента предприняли составители альбома «Алтай оймочиймелер» («Алтайские орнаменты и узоры»; 2019). Они отмечают, что рогообразные и крестообразные фигуры соединили в себе алтайские тотемистические верования и представления о «мировом дереве». Им установлено, что большая часть геометрических фигур: круги, квадраты, треугольники, ромбы, зигзаги, овалы первой группы – принадлежат к наиболее древним орнаментальным мотивам, отражая древнейшие космогонические представления земледельцев и кочевников.

Орнаментальные мотивы, выделенные во вторую группу алтайского орнамента: пальметты, полупальметты, крестообразные и рогообразные мотивы, «волна» с завитками известны на предметах прикладного искусства скифского времени и восходят к IV–II вв. до н. э.

Входящие в третью и четвертую группы мотивы орнамента, как цветочно-растительные узоры и сложные розетки, а также центрально- и восточно-азиатские знаки (меандр, вихревая розетка, «волна» с завитками, пальметты, полупальметты и S-образный мотив) вошли в прикладное искусство в эпоху развитого средневековья под влиянием древних тюрков и связаны с почитанием «мирового дерева».

Рогообразные и крестообразные фигуры отражают алтайские тотемистические верования и представления о мире. Использование рогообразных мотивов, наряду с кругами и крестами, в качестве родоплеменных *танма* ‘тамг’ подчеркивает важное значение, которое имели для алтайцев символические знаки. Они обогатили алтайскую орнаментальную систему в эпоху средневековья и нового времени благодаря взаимодействию алтайцев с оседло-земледельческими народами Средней Азии, монголами и китайцами. Цветочно-растительные мотивы, сложные розетки, меандр, могли восприниматься как символические образы, связанные с культом солнца, огня и природы. Названия орнаментальных мотивов, их сходство с явлениями природы, предметами быта и украшения свидетельствуют о том, что они имеют разнообразное смысловое значение.

Национальный орнамент – неотъемлемая часть истории и культуры алтайцев. Несомненно, основу алтайского орнамента составляют знаки-символы, узорные мотивы, для разработки которых источником послужили явления и предметы окружающего мира, переосмысленные творческой мыслью и фантазией народных мастеров разного времени в соответствии с их представлениями о красоте и гармонии. На протяжении столетий народные мастера сохраняли и обогащали приемы нанесения орнаментальных узоров, постепенно совершенствуя форму, колорит и структуру орнаментальных композиций. Большое значение в алтайском орнаменте нового времени приобретает декоративное начало. Этот аспект исследования выявляет, какое содержание орнаментальных узоров, связанное с фольклорными

представлениями, хозяйственной и культурной жизни в прошлом, народные мастерицы вкладывают в свое изделие. Также малоизученным остаются вопросы техники наложения орнаментального рисунка на войлочные, кожаные, деревянные, металлические и ювелирные изделия.

Орнамент в декоративно-прикладном искусстве алтайцев в настоящее время рассматривается только как эстетическое осмысление действительности. При этом названия орнаментов, применяемые в данное время, носят сугубо ассоциативный характер, т.е. знаковая функция орнамента утрачивается. О наличии знаковой функции орнамента свидетельствуют исторические данные. Изучение народного орнамента, неразрывно связанного с трудовой деятельностью и многовековыми традициями алтайцев, дает возможность глубже понять историю народа, его жизнь, выявить пути развития его художественного творчества и проблему сохранения культурного наследия народа. Междисциплинарное исследование алтайского орнамента выявит процесс формирования и эволюции, видоизменения, а также роли орнаментального искусства в формировании художественной культуры алтайцев.

Литература

1. Алтайский национальный костюм. – Горно-Алтайск, 1990. – 96 с.
2. Алтайский орнамент. Альбом / сост. В. И. Эдоков; ред Н. П. Кучияк. – Горно-Алтайск, 1971.
3. Алтайско-русский словарь / отв. ред. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
4. **Бернштам, А. М.** Новый тип тюркешских монет / А. М. Бернштам // Тюркологический сборник. – Москва, 1951. – С. 67–72.
5. **Дамдисурэн, В.** Орос-монгол толь / В. Дамдисурэн, А. Лувсандэндэв. – Улаанбаатар, 1982. – 840 с.
6. **Дьяконова, В. П.** Алтайцы / В. П. Дьяконова. – Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2011. – 223 с.
7. Загадки национальной одежды алтайцев / сост. Т. К. Бабрашева, А. Н. Боконокова. – Горно-Алтайск, 2010. – 56 с.
8. **Иванов, С. В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–начала XX вв. / С. В. Иванов. – Ленинград, 1954. – 839 с.
9. **Иванов, С. В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник / С. В. Иванов. – Ленинград, 1963. – 500 с.
10. **Иванов, С. В.** Скульптура народов севера Сибири XIX–первой половины XX вв. / С. В. Иванов. – Ленинград : Наука, 1970. – 296 с.
11. **Иванов, С. В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII–2-я четверть XX вв. / С. В. Иванов. – Ленинград : Наука, 1979. – 194 с.
12. Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. – Москва : Советская энциклопедия, 1965. – 973 с.
13. **Кыдыева, В. Я.** Чегедек – эпши кижинин кеби / В. Я. Кыдыева. – Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2010. – 20 с.

14. Морфемный словарь алтайского языка (с переводом на русский и английский языки) / сост. А. Т. Тыбыкова, Дж. Вуд, К. К. Пиянтинова, Л. Н. Тыбыкова. – Горно-Алтайск, 2005. – 318 с.
15. **Недошивин, Г. А.** Орнамент / Г. А. Недошивин. // Большая Советская Энциклопедия. Т. 18. – Москва : Советская энциклопедия, 1974. – С. 524–525.
16. Ойротско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1947. – 312 с.
17. **Полосьмак, Н. В.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.) / Н. В. Полосьмак, Л. Л. Баркова. – Новосибирск: Инфолио, 2005. – 232 с.
18. **Потапов, Л. П.** Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. – Москва : Академия наук СССР, 1953. – 443 с.
19. Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Советская энциклопедия, 1964. – 875 с.
20. Русско-башкирский словарь. Т. 1 : А–О / под ред. З. Г. Ураксина. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. – 808 с.
21. Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Могуш. – Москва : Русский язык, 1980. – 560 с.
22. **Севортян, Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – Москва : Наука, 1974. – 767 с.
23. Словарь алтайского и аладагского наречий / сост. В. И. Вербицкий. – 2-е изд. – Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 2005. – 263 с.
24. **Тоцакова, Е. М.** Традиционные черты народной культуры алтайцев XIX–начала XX вв. / Е. М. Тоцакова. – Новосибирск : Наука, 1978. – 158 с.
25. Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 114 с.
26. **Шатинова, Н. И.** Семья у алтайцев / Н. И. Шатинова. – Горно-Алтайск, 1981. – 184 с.
27. **Эдоков, А. В.** Декоративно-прикладное искусство Алтая / А. В. Эдоков. – Горно-Алтайск, 2006. – 179 с.
28. **Эдоков, В. И.** Очерки истории изобразительного искусства Горного Алтая / В. И. Эдоков. – Горно-Алтайск, 1981. – 96 с.
29. Этнографические рисунки Г. И. Чорос-Гуркина. Альбом. – Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 2014. – 252 с.
30. **Ямаева, Е. Е.** Родовые тамги алтайцев / Е. Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 2009.

©Чочкина М.П.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Каузативные глаголы представляют собой значительный пласт глагольной лексики и находят свое специфическое выражение на разных уровнях языковой системы любого языка. Одним из самых продуктивных средств выражения каузатива являются морфологические средства. Каузативные глаголы образуются практически от всех глаголов. В хакасском языке в образовании каузативных глаголов участвуют ряд аффиксов, среди которых наиболее продуктивным являются *-тыр* (*=tir*, *-дыр / -дip*) и *-т*. Не исключено явление двойного и тройного каузатива, при котором к одной и той же глагольной основе могут присоединяться два или три аффикса. В семантическом плане один и тот же каузативный аффикс может выражать и фактитивное, и пермиссивное значение.

Abstract. Causative verbs represent a significant layer of verbal vocabulary and find their specific expression at different levels of the language system of any language. One of the most productive means of expressing the causative is morphological means. Causative verbs are formed from almost all verbs. In the Khakass language, a number of affixes participate in the formation of causative verbs, among which the most productive are *=тыр* (*=tir*, *=дыр / =dip*) and *=т*. The phenomenon of double and triple causative is not excluded, in which two or three affixes can be attached to the same verb base. Semantically, the same causative affix can Express both a factitive and a permissive meaning.

Ключевые слова: каузативность; каузативный глагол; морфологический каузатив; каузативные аффиксы; глаголы волевого воздействия; хакасский язык.

Keywords: causative; causative verb; morphological causative; causative affixes; verbs of volitional influence; khakass language.

«Под морфологическим каузативом в лингвистике подразумевается глагол, имеющий в своем составе особые морфологические средства выражения каузативного значения, выявляемые при сравнении с коррелятивными некаузативными глаголами» [Дадуева, 2019 а: 71]: *тур* = 'стоять' – *тургыс* = 'ставить', *узу* = 'спать' – *узут* = 'усыплять' и др.

Изучению морфологических средств выражения каузатива на материале разных языков посвящен ряд исследований [Гордон, 1981; Хачемизова, 2003; Абдиев, 2009; Мосина, 2012; Дадуева, 2019 а, б, в; Халилова, 2017 и др.]. Хакасский язык, как и все языки агглютинирующего типа, обладает богатым морфологическим средством выражения каузатива. Каузативные глаголы образуются практически от каждого глагола. Маркерами каузатива в хакасском языке являются специальные аффиксы понудительного залога: *=тыр* (*=tir*, *=дыр / =dip*), *=т*, *=ыр* (*=ip*), *=гыс* (*=gis*), *=хыр* (*=kip*), *=ит*, *=тис* [ГХЯ, 1975: 179]. Из них самыми распространенными аффиксами являются аффиксы *=тыр* (*=tir*, *=дыр / =dip*) и *=т*. Как указывают лингвисты, каузативные аффиксы в разных языках могут выражать как пермиссивное, так и фактитивное значение [Недялков, Сильницкий, 1969: 29; Дадуева, 2019 в: 100–107 и др.]. При фактитивной каузации «действие целиком исходит от субъекта»,

а «пермиссивность связана только со значением разрешения или позволения на действие каузатируемого субъекта, который в действительности и выполняет дозволенное действие» [Дадуева, 2019 в: 101].

Как показывает собранный материал, в хакасском языке каузативные аффиксы строго не дифференцируются, т.е. один и тот же аффикс может вносить в значение глагола как фактитивное, так и пермиссивное значение.

Ниже рассмотрим аффиксы, служащие для образования каузативных глаголов, и условия их присоединения к основе глагола.

1. Аффикс =тыр (=тір, =дыр/=дір).

Вариант =тыр/=тір присоединяется к основам на глухие согласные:

Андаг чуртас пісті тың ынархастырған (ЧКЧ, 213)

Андаг=0 чуртас=0 піс=ті тың ынархас=тыр=ған

Такая=NOM жизнь=NOM мы=ACC очень

дружить=CAUS=PAST1/3Sg – ‘Такая жизнь заставила нас сильно сдружиться’.

Вариант =дыр/=дір присоединяется к основам на звонкие согласные:

Уучам яблах үгдірер (ГК, 6)

Ууча=м яблах=0 үг=дір=ер

Бабушка=POSS/1 картошка=NOM окучивать=CAUS=FUT

‘Бабушка [моя] заставит окучивать картошку’.

2. Аффикс =т присоединяется к основам на гласные:

Чииттерні хада чуртам салгам (ГК Т, 41)

Чиит=тер=ні хада чурта=т сал=ға=м

Молодежь=PL=ACC вместе жить=CAUS=CV1 AUX:

PFV=PAST1=1Sg

‘Я поженила молодых (букв. заставила жить вместе)’.

В данном примере аффикс =т придает глаголу фактитивное значение, но следует отметить, что этот же глагол может выражать и пермиссивное значение:

Мин оларны позымда чуртамчам

Мин=0 олар=ны поз=ым=да чурта=т=ча=м

Я=NOM они=ACC сам=POSS=LOC жить=CAUS=PAST1=1Sg

‘Я им разрешаю (позволяю) жить у меня’.

Кроме того в конструкциях с пермиссивным значением наблюдаются случаи, когда каузативные глаголы с аффиксом =т «выражают действие, нежелательное, неприятное для субъекта» [Дадуева, 2019 б: 12]: *чызы=t* ‘позволить сгнить’, *арда=t* ‘позволить испортиться’, *ачы=t* ‘позволить скиснуть’ и др.:

Сүтті ачы=t салтыр

Сүт=ті ачы=т сал=тыр

Молоко= ACC киснуть=CAUS AUX: PFV=PAST2/3Sg

‘[Он] позволил молоку скиснуть’.

3. Аффикс =ыр /=ір присоединяется к основам на=c:

Аны [Ондрайны], кистінең хаап, полга түзірген (ЧКЧ, 84)

А=ны [Ондрай=ны], кист=i=нең хаа=п,

Он=ACC [Ондрай=ACC], задняя часть=POSS/3=ABL хватать=CV1
пол=га түз=**ip**=ген

пол=DAT спускаться=CAUS=PAST1

‘Схватив его [Ондрайа] сзади, спустил на пол’.

3. Аффикс =*гыс*/=*гис* присоединяется к основам на =*p* и реже на =*л*:

Машиназын тургызыбысхан (ГК Т, 120)

Машина=зы=н тур=**гыз**=ыбыс=хан

Машина=POSS/3=ACC стоять=CAUS=PFV=PAST1

‘Машину [свою] остановил’.

4. Аффикс =*хыр*/=*кыр* присоединяется к основам на =*с*. Это самый малопродуктивный аффикс каузатива в хакасском языке:

Илбек чазы-хыраңнарыбыс чон малын тосхырча, өскірче (ГКТ, 42)

Илбек =0 чазы-хыраң=нар=ыбыс чон=0 мал=ы=н

Великий =NOM степь-холм=SG/1 народ=NOM скот=POSS=ACC

тос=**хыр**=ча, өс=**кыр**=че

насыщаться =CAUS=Pr2 расти =CAUS=Pr2

‘Великие степи-холмы насыщают, заставляют расти домашний скот’.

5. Аффикс =*im* присоединяется к основе глагола *көр*= ‘смотреть’, образуя понудительную форму *көзім*= ‘показывать (заставить смотреть)’:

Ол магаа хоозын көзімкен

Ол=0 мин-ге хооз=ы=н көз=**ит**=кен

Он=NOM я=DAT рисунок =POSS/3=ACC смотреть =CAUS=PAST1

‘Он показывал мне свой рисунок’.

6. Аффикс =*тіс* также присоединяется к основе глагола *көр*= ‘смотреть’:

Пётр Владимирович салааларны хайди кизерін көртіс пирер (И, 18)

Пётр=0 Владимирович=0 салаа=лар=ныхайди

Пётр=NOM Владимирович=NOM ветка=PL=ACC как

киз=ер=**і**=н көр=**тіс** пир=ер

пилить =FUT=POSS/3=ACC смотреть=CAUS AUX: дать=FUT

‘Пётр Владимирович покажет, как нужно спиливать ветки’.

В морфемном составе каузативных глаголов может быть более одного каузативного аффикса. Такое явление исследователи называют двойным каузативом. Каузативные глаголы с двумя, в некоторых языках и с тремя, аффиксами рассматривались на материале киргизского [Абдиев, 2009], калмыцкого [Сай, 2009], бежтинского [Халилова, 2017], бурятского [Дадуева, 2019 б] языков.

При двойном каузативе субъект-побудитель через другое лицо понуждает к совершению действия третье лицо. В хакасском языке встречаются явления двойного и тройного каузатива. Специально этот вопрос в хакасском языке не изучался, лишь в ГХЯ обозначено возможное образование сложных залоговых форм, которые образуются путем присоединения к основе глагола нескольких залоговых аффиксов [ГХЯ, 1975: 181].

В образовании глаголов двойной каузации к основе одного глагола могут присоединяться сразу два аффикса понудительного залога:

1) =**гыр** (=дыр) + =**т**:

Иблеринзер читселер, тогындырт (ГК Т, 29)

Иб=лер=i=нзер чит=се=лер, *тогындырт* Дом=SG=POSS/3=LAT
доходить=COND=PL собрание=DAT

ал=**дыр**=т=ча=лар

брать=CAUS=CAUS=Pr2=PL

‘Как только доедут домой, их отправляют на собрание’.

2) =т + =тыр (=дыр):

Полган на хой үчүн төлеттирерлер (ГК, 11)

Полган=0 на хой=0 үчүн

Каждый=NOM только=PTCLPTCL овца=0 POST: из-за

төле=т=**тир**=ер=лер

платить=CAUS=CAUS=FUT=SG/3

‘За каждую овцу заставят платить’.

3) =ғыс + =тыр (=дыр):

Ол [машианы] тургыстырыбысхан (ГК Т, 121)

Ол=0 [машина=ны] тур=**ғыс**=тыр=ыбыс=хан

Она=NOM [машина=ACC] стоять=CAUS=CAUS=PFR=PAST1

‘Когда доехали до районного центра, она попросила остановить машину’.

4) Аффикс=**ир** + =т:

Одыңны иб хыринда түзирткем

Одың=ны иб=0 хыр=и=нда түз=**ир**=т=**ке**=м

Дрова=ACC дом =NOM край=POSS/3=DAT свалиться

=CAUS=CAUS=PAST1=1Sg

‘Я попросил вывалить дрова возле дома’.

Таким образом, в хакасском языке, как и в других агглютинативных языках, морфологический способ образования каузативных глаголов является самой продуктивной. Каузативные аффиксы участвуют в образовании глаголов со значением волевого, физического и эмоционального воздействия.

Литература

1. **Абдиев, Т.** Конструкции с каузативными глаголами в киргизском языке / Т. Абдиев. – Бишкек: Изд-во Кыргызско-турецкого университета «Манас», 2009. – 114 с.

2. **Гордон, Е. Я.** Каузативные глаголы в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гордон Е. Я. – Москва, 1981. – 23 с.

3. Грамматика хакасского языка (ГХЯ) / под ред. Н. А. Баскакова. – Москва: Наука, 1975. – 417 с.

4. **Дадуева, Е. А.** К вопросу о морфологических средствах выражения каузативных глаголов в бурятском языке / Е. А. Дадуева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2019. – № 5 (73). – С. 69–76.

5. **Дадуева, Е. А.** Семантические особенности конструкций с глаголами двойной каузации в бурятском языке / Е. А. Дадуева // Томский журнал

лингвистических и антропологических исследований. Серия: Лингвистика. – 2019. – Вып. 4. – С. 9–16.

6. **Дадуева, Е. А.** Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках / Е. А. Дадуева // *Oriental Studies*. – 2019. – 12 (1). – С. 99–107.

7. **Мосина, Н. М.** Семантико-семантическая характеристика элементов каузативной конструкции в эрзянском языке / Н. М. Мосина // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 2. – С. 237–245.

8. **Сай, С. С.** Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций / С. С. Сай // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. Т. 5. – 2009. – № 2. – С. 387–464.

9. **Халилова, З. М.** Каузативы в бежтинском языке / З. М. Халилова // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2017. – № 4. – С. 111–115.

10. **Хачемизова, М. А.** Каузатив в адыгейском языке: его сущность, маркированность, функционирование : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хачемизова Мира Анзауровна. – Майкоп, 2003. – 19 с.

Источники

1. ГК – **Казачинова, Г. Г.** Пістің аалның олғаннары (= Ребята нашего аала). Рассказы для детей младшего школьного возраста (на рус. и хак. яз.) / Г. Г. Казачинова. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 1991. – 112 с.

2. ГК Т – **Казачинова, Г. Г.** Той. Повесть и рассказы на хакасском языке / Г. Г. Казачинова, А. А. Халларов (Кызычаков). – Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1979. – 158 с.

3. И – **Инесай** : литературно-художественный и общественно-политический журнал. – № 12. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2013. – 108 с.

4. ЧКЧ – **Чарых кўнниг чирім.** Солнечный мой край : сборник художественных произведений хакасских авторов. (на хакасском языке) / сост. А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2007. – 348 с.

Условные обозначения

Грамматические значения в глоссах:

1Sg– личный аффикс 1-го л. ед. ч.; **1PL** – личный аффикс 1-го л. мн. ч.; **ACC** – винительный падеж; **ABL** – исходный падеж; **ADV** – наречие; **AUX**– вспомогательный глагол; **DAT**– дательный падеж; **GEN** – притяжательный (родительный) падеж; **LAT** – направительный падеж; **PROLAT** – продольно-направительный падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CV1** – форма соединительного деепричастия на =п (полная и усеченная форма); **CV2** – форма соединительного деепричастия на –а; **IMP**– повелительное наклонение; **NEG**– отрицание; **PAST1** – форма прошедшего на =ган; **PAST2** – форма прошедшего на =тыр; **PAST3** – форма прошедшего на =ды; **Pr1** – форма настоящего времени на =ир; **Pr2** – форма настоящего времени на =ча; **NOM** – неопределенный падеж; **POSS** – аффикс принадлежности; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL**– частица; **PFV** – маркер совершенного вида; **Ø** – нулевая морфема; = – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах.

*Шарафутдинова З.Т.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

НАЗВАНИЯ ОРГАНОВ РЕЧИ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются соматические фразеологические единицы, обозначающие человека говорящего и его речевые действия. Материалом для исследования послужили данные «Фразеологического словаря башкирского языка» З.Г. Ураксина. Анализ материала показывает, что в башкирском социуме осуждаются такие качества, как болтливость, грубость, льстивость, склонность к злоязычию, сплетням.

Abstract. The article deals with somatic phraseological units that denote the speaker's person and his speech actions. Data from the "Phraseological dictionary of the Bashkir language" by Z. G. Uraksin served as the research material. The analysis of the material shows that in Bashkir society such qualities as talkativeness, rudeness, flattery, propensity to slander, gossip are condemned.

Ключевые слова: башкирский язык; речь; фразеологизм; соматизм; пейоративная оценка.

Keywords: Bashkir language; speech; phraseology; somatism; pejorative assessment.

Башкирский народ издавна отличается особым гостеприимством, открытостью и общительностью. Для башкир очень важными являются умение вести диалог, уважительное отношение к своему собеседнику, тактичность и любезность, поэтому устойчивые словосочетания, характеризующие речевую коммуникацию, занимают важное место в лексическом фонде башкирского языка. Рассмотрение подобных устойчивых сочетаний дает представление о том, какой взгляд сформировался у языка-носителя к той или иной особенности характера человека, т.к. во фразеологии отражается завуалированное, иносказательное обобщение отношения субъекта речи к объекту. Материалом для нашего исследования послужил «Фразеологический словарь башкирского языка», составленный академиком З.Г. Ураксиным [Ураксин, 2006]. Как известно, фразеология башкирского языка была подробно изучена именно Зиннуром Газизовичем. В его работах, монографии и статьях, анализируются структурные, семантические, этимологические и грамматические особенности башкирской фразеологии. Его монография «Фразеология башкирского языка» (Москва, 1975), являясь первым опытом систематизации фразеологических единиц башкирского языка, по-видимому, остается единственным в своем роде исследованием данной области языкового состава. Благодаря тому, что Зиннур Газизович в свое время собрал и опубликовал в виде словаря фразеологическое богатство башкирского языка, сегодня мы имеем достаточно полный свод устойчивых выражений, характеризующих широту, глубину и остроту народной мысли.

В монографическом исследовании З.Г. Ураксина отмечается, что «отдельные слова выступают в качестве компонентов целых серий фразеологизмов (например, в башкирском языке от названий частей тела, некоторых животных, глаголов движения и физического воздействия образуются сотни фразеологических единиц)» [Ураксин, 1975: 24]. Действительно, во фразеологическом словаре зафиксировано множество фразеологизмов с компонентами-соматизмами. В данной статье мы остановимся на устойчивых выражениях, содержащих в своем составе соматическую лексику, которые используются при обозначении человека говорящего. Как показал анализ, таких сочетаний слов в словаре имеется 105.

Наиболее активными оказываются компоненты-соматизмы *тел* 'язык', *ауыз* 'рот', *богаз*, *тамак* 'горло'.

Язык и рот как основные органы коммуникации человека связаны с широким спектром значений. Основные из них, отмечаемые во фразеологизмах, следующие:

1. Говорение и речь: *ауыз асыу* 'заговорить, начать говорить' (досл. 'раскрывать рот'); *ауызга алыу* 'говорить, сообщать' (досл. 'в рот взять'); *телга килеу* 'вдруг заговорить (после молчания)' (досл. 'прийти на язык'); *тел сиселеу* 'разговориться, становиться/стать разговорчивым' (досл. 'язык развязался'), *уртак тел табыу* 'сговориться' (досл. 'найти общий язык') и т. д. Подобные фразеологические единства основаны на переносе значения свободного словосочетания в целом, соматизмы в них теряют свое лексическое значение.

Следующие несколько групп представлены фразеологическими сращениями, в них общий смысл фразеологизма выводится из сочетания несочетаемого, т.е. компоненты, в данном случае соматизмы, используются в таких словосочетаниях, которые в обычной речи не компонуются.

2. Болтливость: *шлэк ауыз* 'болтун, не могущий хранить секреты' (досл. 'решето-рот'); *асык ауыз* 'болтун' (досл. 'открытый рот'); *урам ауыз* 'болтун' (досл. 'улица-рот'); *тел дә яңак* 'болтун' (досл. 'язык да челюсти'); *ауыз тултырып һөйләу* 'говорить с удовольствием, со вкусом' (досл. 'говорить, наполнив рот'); *теле менән тирмән тарта* 'умеет болтать языком' (досл. 'языком мельницу крутит'); *теле тышау тотмай* 'невыдержанный, болтливый' (досл. 'язык его пут не держит').

3. Сплетни, слухи: *алтмыш (алты) ауыз* 'болтун, сплетник' (досл. 'шестьдесят (шесть) ртов'); *ауызы көрәк менән тишкән {кеүек}* 'сплетник' (досл. 'рот лопатой продырявлен'); *урам ауыз* 'сплетник' (досл. 'уличный рот'); *теле озон* 'сплетник' (досл. 'длинный язык').

4. Склонность к злоязычию: *әрем тел* 'колкий, едкий' (досл. 'полынный язык'); *әсе тел* 'острый на язык, злословный' (досл. 'кислый, горький язык').

5. Грубость: *агас ауыз* 'грубый на язык' (досл. 'деревянный рот'); *агас тел* 'грубый на язык' (досл. 'деревянный язык'); *тукмак тел* (досл. 'язык как колотушка'); *аузынан сыкканды эт ашамас* 'сквернослов' (досл. 'того, что вышло из его рта, собака есть не будет').

6. Льстивость: *тасма тел* 'подхалим, краснобай' (досл. 'тесма-язык').

Фразеологизмы относятся к области обозначений чувственного восприятия внешнего и внутреннего мира человека, поэтому они одновременно содержат ту или иную эмоциональную оценку изображаемого [Ураксин, 1975: 187]. Как видим, вышеприведенные группы слов (2–6) большей частью состоят из номинаций лица, в которых явственно проявляется пейоративная оценка, которая требует завуалированных словесных выражений, эвфемистического обозначения, поэтому и выбираются несочетаемые с точки зрения стандартного мышления сочетания слов.

7. Особого рассмотрения требуют фразеологизмы, входящие в группу «несклонность к говорению». Мелиоративную оценку содержат устойчивые словосочетания *телде тыйыу* ‘поменьше говорить’ (досл. ‘придержать язык, не распускать язык’); *телде тешләу* ‘молчать, не говорить лишнего’ (досл. ‘прикусить язык’).

Противоположную оценку имеют фразеологизмы *ауызга һыу уртлау* ‘молчать’ (досл. ‘в рот воды набрать’), *ауызга йөзөк йәшерерү* ‘намеренно молчать’ (досл. ‘в рот кольцо спрятать’), *ауыззы энә менән тегеү* ‘быть молчаливым’ (досл. ‘рот иглой зашить’), *ауыззы сөйгә элеү* ‘молчать’ (досл. ‘рот повесить на гвоздь’). В этих фразеологизмах абсурдность и невозможность описываемой ситуации (держат во рту воду, кольцо, зашить рот, повесить рот на крючок) подчеркивает негативное отношение к молчаливому собеседнику.

В некоторых фразеологизмах молчаливость воспринимается как физический недуг: *телде йотуу* ‘упорно молчать’ (досл. ‘язык проглотить’); *телдән языу* ‘потерять дар речи, лишиться речи’ (досл. ‘остаться без языка’).

8. В группу со значением «говорить невнятно» следует отнести фразеологизмы *ауыз эсендә бутка бешерерү* ‘говорить невнятно, бормотать’ (досл. ‘во рту кашу варить’); *тел көрмәлеү* ‘язык заплетается’, которые указывают на манеру говорения субъекта речи.

9. Говорение связано с определенными психическими усилиями. В зависимости от содержания высказывания (или от особенностей характера человека) что-то можно сказать напрямую, а на произнесение чего-то требуется смелость, настрой. Фразеологизмы *ауыз барыу* (досл. ‘рот идет’), *тел барыу* (досл. ‘язык идет’), *тел әйләнерү* (досл. ‘язык поворачивается’), *тел күтәрерү* (досл. ‘язык поднимать’), *тел калкытыу* (досл. ‘язык поднимать’) объединяются в значении ‘осмеливаться, найти в себе силы говорить’.

Фразеологические единицы *богаз йырттыу*, *тамак ярыу* ‘громко разговаривать’ (досл. ‘драть горло’); *буш богаз* ‘пустослов’ (досл. ‘пустое горло’) характеризуют акустическую сторону речи и указывают на силу голоса говорящего. В них действия (*йырттыу*, *ярыу*), имеющие разрушительный характер, сочетаясь с соматическими компонентами *богаз*, *тамак*, в которых образуется голос, ассоциируются с криком, шумом, руганью.

Проведенный обзор позволил установить, что в башкирском языке в составе фразеологических словосочетаний в значении говорения присутствуют компоненты-соматизмы *ауыз*, *тел*, *богаз*, *тамак*, непосредственно относящиеся к органам речи. С их помощью образуются как номинации лица, так и номинации качеств и действий человека говорящего. Поскольку фразеологизмы

содержат в себе оценочный элемент, то среди изучаемых устойчивых сочетаний можно отметить преобладание фразеологизмов с пейоративной оценкой в соответствии с общеязыковой тенденцией выделять и обозначать отклоняющееся от нормы, то, чему присуща наибольшая экспрессия [Ягафарова, 2018: 83]. Чаще осуждается болтливый, несдержанный, невежливый человек, ироничное, уничижительное отношение к которому выражается через сочетание несочетающихся в обычных значениях слов, через построение абсурдных по смыслу словосочетаний, что должно сигнализировать о нестандартности ситуации.

В целом, тщательное изучение семантических нюансов фразеологизмов приводит к интересным выводам о жизни слова в языке. Считаю, что исследования фразеологического богатства башкирского языка, начатые академиком З.Г. Ураксиным, должны быть продолжены в данном ракурсе.

Литература

1. **Карпов В. Г.** Концептосфера «язык» в межкультурном осмыслении: опыт системного описания / В. Г. Карпов, И. В. Пекарская, В. А. Савченко // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 2 (4). – С. 18–29.
2. **Ураксин, З. Г.** Фразеология башкирского языка / З. Г. Ураксин. – Москва : Наука, 1975. – 192 с.
3. **Ягафарова, Г. Н.** Принципы номинации в башкирском языке / Г. Н. Ягафарова. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – 200 с.
4. **Ураксин, З. Г.** Башкорт теленең фразеологик һүзлеге / З. Г. Ураксин. – Өфө : Китап, 2006. – 344 б.

УДК 811.11-112

*Шафикова Р.Р.,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ДРАМАТУРГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Данная работа посвящена изучению концепта «преступление» в драматургии. Рассмотрена актуализация изучаемого концепта в пьесах башкирского, русского и английского языков.

Abstract. The research devoted to the study of the concept of "crime" in drama. The actualization of the studied concept is considered in the plays of the Bashkir, Russian and English languages.

Ключевые слова: концепт; драматургия; преступление.

Keywords: concept; drama; crime.

Современная лингвистика развивается в русле новой научной парадигмы, в центре которой стоят вопросы языковой личности, языкового сознания, языковой картины мира, особый интерес у исследователей вызывает проблема изучения концептов.

Понятие «закон» как механизм социального и правового регулирования играет исключительно важную роль в современном обществе, поэтому находит множественное воплощение в языковой семантике и коммуникативной деятельности. Однако в драматургическом дискурсе специфика существования данного концепта еще недостаточно изучена. Для более глубокого понимания концепта «закон» следует изучить концепты, которые находятся в периферии. В настоящей работе мы рассматриваем актуализацию концепта «преступление» в разноструктурных языках.

В башкирском языке мы обратились к трагедии Мустая Карима “В ночь лунного затмения”, в которой описываются события далекого прошлого – события XVII века. Драматичные события, жестокость и беспощадность законов жизни той поры, ограниченные права возлюбленных и суровые неосмысленные законы – решения старейшин – во всём этом напряжении раскрывается философия произведения, в реализации которой основную роль играет концепт «преступление».

В трагедии концепт «преступление» актуализируется в отторжении закона левирата главными героями. Разгневанные старейшины решают грешников гнать из рода и выносят приговор. Подконцепт «приговор» успешно раскрывает отношение героев к данной ситуации: *Хөкөм сыгарырга ашыкмагыз, хөкөмөгөз хата* (с. 223). *Хөкөмөбөз за, хакимыбыз за – йола* (с. 232). Хотя молодая вдова Шафак, понимая всю горечь ситуации, не торопится с приговором: *Минең һиңә хөкөмөм юк* (с. 248). Молодые остаются в сомнениях на помилование: *Балки, гәзел хөкөм сыгарып..., ... имен хөкөм кәтәү кыйын* (с. 251). Акъегет и Зубаржат просят Аксакалов пересмотреть решение: *Хата хөкөмөгөзән ваз кисеп, гәзел хөкөмгә килегез* (с. 252). *Хөкөм һеззең кулда* (с. 252).

Неприятие народных обычаев и традиций рода составляет основу драматического конфликта пьесы. Следовательно, особое место следует уделить подконцепту «йола», который в трагедии подразумевается йола – обычай/традиция/закон жизни. Когда Юлмурза на войне пал смертью храбрых, по решению старейшин, вдову Шафак должен взять в жены Акъегет, а Зубаржат отдать за малолетку Ишмурзу, так как в роду свято соблюдаются все обычаи: *Ни тиһәң дә, йола бар* (с. 207). *Васыят, йола, канун – беззең өсөн изге* (с. 215), *Даланың үз кануны, үз йолаһы бар* (с. 223). *Йоланан узып улар ни айтһен* (с. 225). Но Дервиш, как религиозный просветитель, обоснованно пытается уговорить аксакалов: *...изге канундарга һыя торған эш түгел* (с. 223). *Канундарығыз кырагай* (с. 223).

Актуализация концепта «преступление» приводит читателя к мысли о том, что стоит глубже понимать и принимать обычные человеческие ценности и что у всех есть право выбора и право на внутреннюю свободу.

В русском языке мы рассмотрели пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор». В комедии «Ревизор» концепт «преступление» аккумулирует такие лексемы, как «обман», «взятка», «грех», «мошенничество», «беззаконие», «казнокрадство». Данные концепты в полном объеме реализовываются через характер, речь, поведение и поступки главных персонажей. Так, Городничий Антон Антонович в самом начале пьесы отмечает: *Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов.* Далее в подтверждение своим словам признается Хлестакову, что все так и есть за ним «**грешок**»: *По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте **посудить**, казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие **взятки**, то самая малость* (с. 19).

Практически самым большим преступлением в пьесе представляется получение и дача взятки. Особенно следует обратить внимание на высказывания Судьи Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина: *Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру **взятки**, но чем **взятки**?* (с. 19). Как говорит Анна Александровна, судья – *собачник* (с. 78). Упоминает про взятку как что-то привычное, нормальное обыденное дело: *Подсунуть* (то есть дать взятку) (с. 56). *А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне* (с. 57).

В пьесе концепт «преступление» актуализируется через отношение простого народа к чиновникам: *Сделал **мошенник**, сделал, – побей, бог, его и на том, и на этом свете* (с. 69).

Концепт «преступление» в трагедии Гоголя актуализируется через сатирическое описание отношения народа к чиновникам всех уровней, высмеивается образ государственных деятелей и работа власти той эпохи в целом.

В английском языке мы обратились к трагедии Уильяма Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце Датском», в которой главный герой ищет виновника в смерти отца. Началом и причиной дальнейших действий является концепт «преступление», который собирает в свою периферию близкие по смыслу лексемы «убийство», «месть», «смерть», «стыд», «позор», «справедливость», «совесть».

По мнению Гамлета, самое первое и подлое преступление – это замужество матери. Гамлет тяжело воспринимает столь раннее ее решение выйти замуж за дядю. Для него ее поступок является не входящим в рамки приличия постыдным делом. Неколебимый образ, который слагается у добрых детей о родителях, исчез. От мертвых нет помощи, и от живых нет поддержки, она также женщина, и общий удел ее пола – **слабость** – не обошел и ее (с. 125). *... И башмаков не износив, в которых **шла за гробом**... еще и соль ее бесчестных слез на покрасневших веках не исчезла, как **вышла замуж, Гнусная поспешность** – так **броситься на одр кровосмешенья*** (с. 15). В этом браке Гамлет винит не только свою мать, но и своего дядю: *Склонил к **постыдным ласкам**, это ль не было **паденье*** (с. 27). Этот союз для Гамлета является *не столь **поспешным браком*** (с. 38), а и *тупым разгулом и недостатком* (с. 23).

В своей речи Гамлет через концепт «совесть» призывает мать к совести: *Второй супруг – **проклятие и стыд*** (с. 65). *Не спите с дядей* (с. 87). *Чья мать*

в позоре (с. 67). *Когда задета честь* (с. 87). *Такое дело, которое пятнает лик стыда, вижу столько черных пятен* (с. 75).

Концепт «преступление» актуализируется в отношении Гамлета к Клавдии, чему стали причиной мотивы измены, преступления и любви. В гнусном бесчеловечном убийстве отца он винит своего дядю: Он *змей и блудный зверь, кровосмеситель, гнусный ум и гнусный дар, что властны* (с. 27). Гамлет также проявляет недоверие к *поддельным басням о кончине* (с. 41), считает, что *скрыта истина* (с. 41). Более того, Гамлет считает, что *на нем старейший из всех проклятий – братоубийство* (с. 72), что у Клавдия *проклятая рука* (с. 73).

В убийстве своего отца он видит мотивы преступления и корыстные цели своего дяди, что потом подтверждается и в речи Короля: *гнусное убийство, неправда отстраняет правосудие, и часто покупается закон, свидетельствовать, что же остается? Раскаянье?* (с. 73).

Концепт «преступление» в произведении раскрывает, что перед принцем стоит вопрос о восстановлении справедливости, но не личной, а общей. Переживания Гамлета – это не просто вопрос личной мести, а проблема чести, без которой немислима жизнь: *обычай этот похвальнее нарушить, чем блюсти. Тупой разгул на запад и восток позорит нас среди других народов, нас называют пьяницами, клички дают свинские...* (с. 23).

Актуализация концепта «преступление» в трагедии выявляет ряд обстоятельств: Гамлету важно разоблачить Короля для того, чтобы о его преступлении, содеянном ради богатства и власти, узнали как можно больше людей.

Последовательность раскрытия концепта «преступление» организована так, чтобы наиболее объективно раскрыть образ принца Гамлета. Дело чести и долга, раскрытие преступления и справедливость – главные моменты актуализации изучаемого нами концепта.

Итак, концепт «преступление» в башкирском языке тесно пересекается с концептом «йола», «традиция», в русском языке – с лексемами «грех», «мошенник», а в английском – с понятиями «истина», «совесть» и «месть». Данные лексемы, как основные составляющие концепта «закон», актуализируются в изучаемых драматургических текстах в виде слов или сочетаний слов. Изучив концепт «преступление» в пьесе башкирского, русского и английского языков, мы пришли к такому мнению, что данный концепт есть некая совокупность набора отношений, оценок и явлений.

Литература

1. **Гоголь, Н. В.** Пьесы / Н. В. Гоголь; сост., послесл. И. Вишневской. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – 256 с.
2. **Зайнуллин, М. В.** Общие проблемы лингвокультурологии : курс лекций / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
3. **Самситова, Л. Х.** Культурные концепты в башкирской языковой картине мира : монография / Л. Х. Самситова; науч. ред. М. В. Зайнуллин. – Уфа : Гилем, 2015. – 360 с.

4. Самситова, Л. Х. Семантическое поле концепта «закон» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Л. Х. Самситова, Р. Р. Шафикова, Г. Р. Ижбаева, Р. И. Самситова. // Мир науки, культуры и образования. – 2018. – № 3 (70). – С. 416–419.

5. Шекспир, У. Гамлет, принц Датский / Уильям Шекспир. – Санкт-Петербург : Пальмира, 2016. – 117 с.

6. Кәрим, М. Ай тотолған төндә : пьеса / Мостай Кәрим. – Өфө : Китап, 1965. – 256 б.

УДК 821. 512. 141

*Әлибаев З.А.,
М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

БАШКОРТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕН ҮСТЕРЕҮЗӘ М.В. ЗӘЙНУЛЛИНДЫҢ РОЛЕ

Аннотация. В данной статье анализируется научный путь академика М.В. Зайнуллина. Основное внимание уделяется его научной школе, которая воспитала плеяду прекрасных ученых в области филологии. А также оценивается научная, общественная деятельность и научное направление Марата Валиевича.

Abstract. This article analyzes the scientific path of Academician M.V. Zainullin. The main focus is on his scientific school, which educated a galaxy of excellent scholars in the field of philology. And also the scientific, social activities and scientific direction of Marat Valievich are assessed.

Ключевые слова: языкознание; башкирский язык; грамматика; глагол; слова; морфология; часть речи; семантика; категория; научная школа.

Keywords: linguistics; Bashkir language; grammar; verb; words; morphology; part of speech; semantics; category; scientific school.

XXI быуатта башкорт тел ғилемен донъя тюркологияһы сиктәренән сығып баһалағанда ярайһы уҡ өйрәнелгән, уның киләсәк перспективаһына аныҡ максаттар куйылған, тип әйтергә мөмкин. «Сөнки башкорт телен ғилми нигеззә өйрәнәү XX быуат баштарына тура килә. Уға тиклем башкорт телен системалы тикшерәү булмаған. XX быуаттың 20—30-сы йылдарында башкорт теле буйынса дәреслектәр сыға башлай» [Башкорт теле грамматикаһы, 2018: 7] — тип язғайны профессор Марат Зәйнуллин. Артабан тел ғилемен үстөрөүзә айырым йүнәлештәр, мәктәптәр барлыкка килде. Башкорт тел ғилеменең фундаменталь нигеззәрен Ғ.Й. Дәүләтшин, Ә.А. Мансуров, З.Ш. Шакиров, К.З. Әхмәров, М.Ә. Кулаев, Ә.И. Харисов, Н.К. Дмитриев, Ж.Ғ. Кейекбаев, Ә.Ә. Юлдашев, З.Ғ. Ураксин, М.В. Зәйнуллин, Р.Ғ. Азнағолов, М.Х. Әхтәмов, Ғ.Ғ. Сәйетбатталов, Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Мәксүтова, К.Ғ. Ишбаев, А.А. Ғәлләмов, З.К. Ишмөхәмәтов, Х.Ғ. Йосопов, С.Ф. Миржанова, Р.Ф. Йосопов, Ф.Ғ. Хисамитдинова, М.Ғ. Усманова,

Л.Х. Сәмситова, М.Ә. Әхмәтов, Г.Һ. Бохарова һ.б. ғалимдар ныклап өйрәнде. Бөгөнгө көндә лә ғалимдар тел ғилеменәң төрлө өлкәләрендә йөзөп эшләй, донъя кимәлендә башкорт теле буйынса хезмәттәр языла.

Бөгөн һүзебез ошо йүнәлештәрҙең беренәнә нигез һалыусы телсе-ғалим, Остаз, йәмәғәт эшмәкәре — Марат Вәли улы Зәйнуллин һаҡында. Бәхеткә күрә, 1984—1992 йылдарҙа Марат Вәли улының студенты, артабан бер факультетта байтак йылдар кулға-кул тоттоношоп эшләргә һасип булды. Тәүге курста укығанда ук «Тел ғилеменә инеш» курсынан укыған лекциялары хәтергә уйылып калды; бер дәрестә генә бай мәғлүмәттә қағызға карамай аралашыу рәүешендә еткерә; лекция булһа ла, әңгәмәләр менән үрелеп бара; һәр һаҡыт сағыштырма планда миһалдар бирелә; студентка уйланырға, эзләнергә урын калдыра. Һәр студент менән индивидуаль эшләргә лә һаҡыт таба, студенттарҙың ғилми булмышын билдәләгәндәр, күрәһең. Курс, диплом алды, диплом эше кеүек ғилми хезмәттәр эшләй башлағанда ук студентта оло яуаплылык тәрбиәләй, һәр эшкә остаздарса мөнәсәбәт булдыра.

Марат Вәли улы Зәйнуллиндың ғилми эшмәкәрлеге оло талант эйәһе Жәлил Ғиниәт улы Кейекбаев етәкселегендә башлана. 1960-сы йылдарҙа аспирантура тамамлап, хезмәт юлын Башкорт дәүләт университеты менән бәйләй зә, ғүмеренәң һуңғы һулышына тиклем шуға тоғро кала. Ғилми етәксенәң кәңәштәре менән башкорт теленәң морфология йүнәлеше буйынса әүзем эшләй башлай. Грамматиканың арка һөйәге булған морфологияла «Кылым» темаһын алып, еренә еткереп фәнни юғарылыкка күтәрә. Уның фекеренсә: «Кылым — хәзәрге башкорт телендә семантик һәм функциональ планда катмарлы, һык үсешкән һәм морфологик категорияларға иһрат бай булған һүз төркөмө. Кылым һүз төркөмө аралашыуҙың төп берәмеге булған һөйләмде формалаштырыуҙа хәл иткес роль уйнай. Кылым һөйләмде һәм уның төрлө коммуникатив типтарын барлыкка килтереүсә конструктив һәм грамматик сара булыу менән бер рәттән, һөйләмдең нигезен тәшкил иткән предикативлыҡты, хәбәрлекте, һәм модаллекте реалләштереүсә һөйкәләш һәм заман мәғәнәләрен белдереүсә төп структур компонент һанала» [Башкорт теле грамматикаһы, 2018: 66]. Бик күп донъя тел белгестәре лә ошо фекерҙе кеүәтләй. Әлбиттә, тел белгесенәң караштары киң, тәрән һәм иркен ине. Шуға ла уның фәнни хезмәттәре араһында модаллек, үзләштерелгән һүззәр донъяһы, концептар, тел синтаксисы, морфологияның төрлө бүлектәре һәм башка өлкәләр зә байтак булды. Остаз был өлкәләр буйынса белгестәр әзерләүгә лә күп көс һалды. Марат Вәли етәкселегендә 50-нән артык дәрәжәлә фән эшмәкәрҙәре әзерләнгән икән, без «Зәйнуллин фәнни мәктәбе» һаҡында ла һүз йөрөтә алабыз. Был мәктәп ХХ быуаттың 80-се йылдарынан башлап бөгөнгө көнгә тиклем уңышлы эшләп килә. Фәнни мәктәптең уңдырышлы эшләп китеүенә ғалимдың филология буйынса диссертациялар яклау буйынса фәнни советта эшмәкәрлеге лә зур ярҙам итте. Унда алынған темаларҙың төрлөлөгө, милли мәзһниәттә юғары күтәрәүгә ынтылғанлығы, фәнни яктан төплө булыуы бәхәһез. Гөлһур Бохарова «Башкорт теленәң мифопоэтик донъя моделе» тигән докторлык диссертацияһында, башкорт эпостары буйынса ентекле эшләп, байтак яңылыҡтар аһкайны. Әле лә ғалимә башкорт теле

тарихы буйынса хезмәттәре менән халык-ара симпозиумдарга катнашып тора. Гөлнур Нарун кызының фәнни йүнәлеше әзәбиәт ғилеме, фольклор өсөн дә бик киммәтле булды. Мифологик нигезле башкорт эпостарына өр-яңы караш асылды. Луиза Сәмситованың «Башкорт теленең мәзәни концепттары» докторлық диссертацияһы тел мәзәниәтенең бөтөнләй яңы сфераһын яктыртты. Бында ла автор, остазының кәңәштәре буйынса, фәнни эштең нигезе итеп фольклор текстарын алды. Һәм яңылышманым да, ти Л.Х. Сәмситова. Фольклор текстарын да тел күзлегенән тикшереп, телебезҙең байлығын, алтын казнабызды тағы бер тапкыр асабыз. Ғ.Ғ. Каһармановтың «Башкорт теленең терминология үсеше» фәнни темаһы ла һәр заман өсөн актуаль булып кала. Фәнни мәктәптә телдәрҙе сағыштырып өйрәнеү, тел тарихы, үзләштерелгән лексика һәм башка йүнәлештәр зә зур урынды алып тора. Был инештен башында ук оло максаттар куйылған, фәнни караштарҙың сикләnmәгәнлегенә нигезләнеүе тураһында һөйләй.

Әзәбиәт

Башкорт теле грамматикаһы. 3 томда. Т.2 : Морфология / яуаплы мөхәррире Х. В. Солтанбаева. – Өфө : Китап, 2018. – 312 б.

УДК 821.512.141

*Әлибаев З.Ә.,
М. Акмулла ис. Башкорт дәүләт
педагогия университеты,
Рәсәй Федерацияһы*

3. УРАКСИНДЫҢ «КАРАТ» РОМАНЫНЫҢ ПОЭТИКАҢЫ

Аннотация. В статье анализируется исторический роман З. Ураксина «Карат». Целью статьи является определение поэтических особенностей жанра, а также композиционных средств. Автор хорошо использует традиции башкирского исторического романа, через действия главного героя открывает новые пласты народной истории. Основное внимание в работе автор акцентирует на то, что через композиционные приемы обогащаются традиции жанра и поэтика романа.

Abstract. The article analyzes the historical novel by Z. Uraksin «Karat». The purpose of the article is to determine the poetic features of the genre, as well as compositional means. The author makes good use of the traditions of the Bashkir historical novel, through the actions of the protagonist, opens new layers of folk history. The author focuses on the fact that through compositional techniques the traditions of the genre and poetics of the novel are enriched.

Ключевые слова: роман; поэтика; жанр; сюжет; композиция; умолчание; эпик; исторический; характер, герой.

Keywords: novel; poetics; genre; plot; composition; silence; epic; historical; character; hero.

Роман тураһындағы ғилми хезмәттәрҙә композицияға бәйлә мәсьәләләр ылыҡтырыусан. Беренсенән, жанрҙың өр-яңы баҫкыска баҫыуы, икенсенән, роман фекеренең киңерәк даирәләргә яулауы — тап композицияла сағыла ла.

Бөгөнгө укыусыны ылыктырыр, һәр төрлө формалар менән кызыктырып, заманыбыздың актуаль мәсьәләләрен бар тулылығында художестволы әсәр сиктәрендә һүрәтләү өсөн языусының таланты ла, эзләнеүзәре лә бик мөһим. Сөнки калыптарзы еңел кабул итһән дә, эстетик зауык, тормош талабынан сыккан укыусы карашы күберәк яңылык талап итә. Йәшәү рәүеше әсәрзәрзә һүрәтләү динамикаһы, тәрән психологик алымдар, вакиғаларзы бер үзәккә төйнәп, катмарлы характерзар аша биреүзе күзаллай. Шуға күрә эпик колас та, тематик кинлекте барлыкка килтереүсе панорамалылык та, жанрзар төбөндә яткан фекер зә бөгөнгө роман өсөн ят түгел, ә уның байлығы композицион алымдар, саралар һәм характер тәрәнлегә менән билдәләнә. [Алибаев, 2020: 14]

Һуңғы йылдарза башкорт романдарының яңылығы — тәнкитле реализм методының эзәбиәттә шактай урын алыуы һәм тарихи теманың бар тулылығында, байлығында килеп инеүе менән билдәләнә. Шулай ук герой характерының психологик тәрәнлегә лә үзенсәлекләр бер билдә булып тора.

Тарихи тема халкыбыз язмышының төрлө осорзарын бер нисә ясылыкка куйып һүрәтләүе менән алдыра. Һуңғы йылдар романдарында был үзенсәлек тағы ла иркенәйзе. Эпик колас композицияны байыта, әммә таркаулыкка килтермәй. Сөнки уларзы бер фокуска йыйыусы роман фекерә һәм проблемаһы, барлык сюжет ептәрен дә иңләп, укалап куя. Шуға ла халкыбыздың тарихи үткәне художестволы эзәбиәт донъяһының бер матур бизәгә лә ул. Н. Мусиндың «Шунда ята батыр һөйәгә», Ә. Хәкимдең «Дала моңо», Б. Рафиковтың «Үлсәү йондозлоғо» тарихи романдары быға асык миҫал [Әлибаев, Набиуллина: 2019: 7].

Зиннур Ураксиндың «Карат» исемле тәүге романы был исемлекте лайыклы дауам итте. Күренекләр тел белгесе, академик З. Ураксинды укыусылар прозабыздың үзенсәлекләр жанры уймак хикәйә һәм хикәйәләр, «Күтәрелә ак томан», «Әрем әсәһе» повестары, «Каруанһарай» романы аша белә ине. Языусының роман жанрына йөрәт итеүе аңлашыла: тәҗрибә лә, ижад багажы ла ярайһы ук.

Иң беренсе нәүбәттә, З. Ураксин башкорт теленә мөмкинсәлектәрен оҫта файзалана, икенсенән, «кыскалыкта — оҫталык» әйтеменә нигезләнәп, романдағы характерзы асыусы вакиғаларзың динамикаһына өлгәшә, бер генә эпизодик вакиға ла, персонаж да автор иғтибарынан ситтә калмай, һәм уларзың барыһы ла бай композицион алымдар аша үстәрелә. Языусы жанрға хас күп планлылыкты, эпик коласты иҫенән сығармай. Был иһә, катмарлы композицияны ойоштороу, һәр күтәрелгән проблеманы дөрөҫ куйыу талабынан да сығып эшләнә. Шуға ла З. Ураксиндың «Карат» романының композицион алымдарын, сараларын төрлө яклап карап сығайык.

Композицион алымдар текстың һәм фекерзәң барлык басқыстары менән дә бәйлә. Әзәби әсәрзә ойоштороу — төрлө юсыктары, нескәлектәрә булған, күп планлы күренеш. Иң тәүзә романда персонаждарзың роленә иғтибар итәйек. «Карат»та улар якынса биш тиҫтәгә якын. Кайһы берәүзәре эпизодик кына, ә икенселәренәң характеры, бар булмыштары сюжет ептәрә аша асыла бара. Языусы романды үзәктә тороусы ике төп сюжет һызығынан башлай: баяр Егор Николаевич Тимашев һәм Аллағол ауылы халкының тормошо. Далала

һунарсыларзың бүре һуғыуы, уларзың берененә бик зәһәр айғырза һыбай сабыуы Тимашевтың һушын ала (төһөнләнеш). Ошо төһөнләнеү барлык вакиғаларзы хәрәкәткә килтереүсә, конфликтты үстереүсә лә булып тора. Романдың сюжеты үзенсәлекле каймаланған композицияға королған: тәүге бүлектәге айғырзың хужаһы баярға баш бирмәй иректә һыбай саһа, һуңғыһында — аяк-кулы бығауланған геройзың йыры менән тамамлана.

«Карат» тарихи романы биш зур ғына бүлектән тора. Ә һәр бүлек айырым бүлексәләргә бүленгән, языусы һәр беренәнә исем биреп, укыусының төп иғтибарын буласак вакиғаларға һәм уларзың роман геройы тормошонда ниндәй роль уйнасағына туплай.

«Үрмәксе ауы» тигән беренсә бүлек йыйнак кына өс бүлексәнән хасил. «Камғак» бүлексәһе дала пейзажынан башланһа ла, күберәк фәлсәфәүи уйланыузарға королған. Бында төрлө һығымталар яһар өсөн, кызыклы картиналар за етерлек.

Языусы башта ук «тәбиғәттәге камғак һәм тормошта кем ул камғак?» тигән төшөнсәләргә асықларға ынтыла. Әлбиттә, текстың үзәндә асықтан-асық әйтәлмәһә лә, автор шымып калыу (умолчание), деталләштерелгән картина сараларын да файзалана.

Тәүге бүлексәлә үк роман бер нисә ясылыкта төһөнләнә: Тимашев һәм Алтынбай, Тимашев һәм Ырысқол, Тимашев һәм крепостной крәстиәндәр. Ырымбур губернаһының баяры — Тимашевтың һәр тарафка ла етез һәм өлгөр булыуы романдың төп каршылык ептәрен тәшкил итә. Егор Николаевич Тимашевты уратып алған персонаждар хәрәкәтә аша без уның характерын, эске һәм тышкы портретын күзаллайбыз.

Романда вакиғалар XIX быуаттың тәүге яртыһында күбәһенсә Ырымбур, казак далаларында бара. 3. Ураксин беренсә бүлектә үк персонаждар араһындағы конфликтты ғына күрһәтеп калмай, ә уларзың нигеззәрен асықларға ынтыла. Шуға ла тарихи фон, тарихи шәхес образдары, географик ерлек аша авторзың тарихи роман жанрының калыптарын белеү генә түгел, ошта файзаланыуы ла күренеп тора.

«Карат»тың төп конфликтты — Рәсәй батшалығының колонизаторлык сәйәсәтенә каршы көрәш. Артабан ул катмарлы вакиғалар сыуалышында төрлө йүнәләштә тармаклана, укыусы алдында шул осорзоң тулайым тарихи картинаһы тыуа. Сәйәси, социаль, рухи һәм милләт-ара каршылыктар роман йөкмәткәһен байытып кына калмай, ә эпик коласты, романдың фекер даирәһен киңәйтә генә.

Зиннур Ураксин геройзарының иң үзенсәлекләһе, беззәңсә, ат образы. Хатта әсәрзәң исемә үк шуға ишара. Әлбиттә, башкорт рухи донъяһында был образ мөһим урын биләй. Каратты ла яңылык тип булмай. Эпостарыбыззан башлап, бөгөнгө әзәби әсәрзәрзә «ир-егеткәй менән ат башы»ның ниндәй генә төрзәрә, йүнәләштәрә юк?! Әммә халкыбыззың йәшәйешен, булмышын изге йән әйәһе — аһыз күз алдына килтерә алмайбыз икән, рухи донъябызза артабан да ат образы юғалмас.

«Карат»та кара айғыр образы кабатлауға королған композицион сара буларак хәтерзә уйылып кала. «...Токомло мал икәнә бер карауза күзгә

ташлана: озон торокло, йомро аркаһы һығылып, арт һаны калкып, мундалары кабарып тора. Муйынына камыт һалып, эш атына әйләндерелмәгәне шунда ук һизелә» [Ураксин, 2019: 151].

Төп герой Насир һәм Карат һәр вақыт йәнәш һүрәтләнә. Аллағол ауылы һунарсылары бүрегә ауға сыжканда Тимашевты осрата һәм шунда ук баяр айғырзы кулға төшөрөргә уйлай. Билдәле, әллә күпме хак биреп тә атты ала алмаясағын белгәс, баяр хәйләгә күсә. «Нет, барин, — тине ул руссалап. — Атһыз ниндәй һунарсы булһын инде, бер өйөр йылкыға ла алмашмайым мин уны!» [Ураксин, 2019: 8] — тигән Насирзың һүззәре Тимашевтың асыуын кабарта.

«Бына тиҫкәре халык, ә! Атына йәнә ингән тиерһең. Донъяла хакһыз әйбер буламы инде, бына тинтәк, ә! — тип асыулана баяр» [Ураксин, 2019: 9].

Ә баяр был мәсәләне үзенәң ярзамсыһы Михаил Жирников ярзамында, уйламағанда ғына, бик тиз һәм ыңғай хәл итә. Тимашевтың күсәре Алтынбайға арбаны йыжкан өсөн шундай хөкөм сығаралар: кара айғырзы урлап, баярға килтерергә. Алтынбай үзенәң хужаһына тоғролоғо өсөн генә түгел, ә һөйгәне Ғәйникамал менән кауышыу көнөн яқынайтыу теләге бик көслә булғанлыктан, риза була. Алтынбай Мырзаш бур ярзамында Насирзың кара айғырын урлап, Тимашевка килтерә. Ләкин автор персонаждарзың үз-ара мөнәсәбәттәрен тағы ла катмарлаштыра, тармакландыра. Алтынбайзың теләгенә ирешә алмауы драматик картиналар аша күрһәтелә. Романдағы социаль каршылыктар бар тулылығында тап ошо вакиғаларза сағылыш таба. Артабан Алтынбайзың язмышының кырка үзгәрештәре, боролоштары башлана.

Тимашев баяр касандыр Алтынбайзың атаһы алдындағы бурысы өсөн уны тәрбиәгә алып китә. Әлбиттә, ярлылыктан яфа сиккән бер туған ағаһы Сөләймән ғаиләһендә йот йылында бер артык тамак кәмеүгә шатланалар ғына. Алтынбай Ырымбурза йәшәй башлай. Төрлө вак-төйәк эштәргә өйрәнә. Бер нисә йылдан күсер булып, Тимашевтың үзен йөрөтөргә күсерелә. Дөйөм алғанда, барыһы ла ыңғай кеүек. Тик былар тышкы күренештәр генә.

Алтынбайзың күз һалып йөрөгән кызы Ғәйникамал Егор Николаевичтың мәсхәрәһенән һуң үз-үзенә кул һала. Тап ошо вакиға Алтынбай тормошон капма-каршы якка үзгәртә.

Языусы Алтынбай образын һәр яклап ентекле һүрәтләй, күнел кисерештәрен дә тәрәндән биреүгә өлгәшә. Алтынбай, тыуған ауылына кайтқас, бер аз ағаһы Сөләймән ғаиләһендә йәшәй. Ләкин унда ла озакка кала алмай, ә Низам байға ат көтөүсәһе булып ялана. Уның аттарын көтә, аласығында йәшәй. Низам бай Ырымбурға киткәс, йәш бисәһе Алтынбай менән зина кыла. Байбисә косағында мөхәббәттең иң саф, иң изге тойғоларын көтөп йөрөгән егеттең бар хыялдары селпәрәмә килә. Насирзың айғырын кире кайтарыу өсөн Алтынбайға килеүен дә автор кызыклы деталдәр аша бирә. Алтынбай Насирға ярзам итә.

Языусы Алтынбайзың катмарлы характерын ағаһы өсөн ил сиге һакларға китеп, штраф командаһында Тозтүбәлә булыу эпизодтары аша күп яклап асыуға өлгәшә. Насир менән Алтынбайзың Тозтүбәлә осрашыуы ла драматизм

менән һуғарылған. Бында ла автор геройзың күнел торошон, кисерештәрен йыр аша һүрәтләй.

Ат һәм Насир араһындағы бәйләнеште З. Ураксин тәрән психологик алымдар, төрлө йәнәшәлектәр менән бирә. «Кара айғыр, әллә үзенә хужаһын таныны, колактарын кайсылап алды, тамак төбө менән генә коңфорлап, тауыш биргәндәй итте. Насирзың күззәренән йәштәре атылып сыкты» [Ураксин, 2019: 154].

Карат та, Насир за — трагик образдар. Шулай за эзип өмөттө һүндереп бөтөрмәй. Нисек? Каратты Насир кабат үзенә кайтарғас, Тимашев Аллағол ауылынан бер нисә кешене аманатка ала. Кара айғыр бестерелгән, Насирзың каскынлыкта йөрөп йәне йәнселгән, кирегә сигенәһе күперзәр яндырылған. Шуға ла бәйгегә сығып, тәүге урынды алып, аманаттарзы коткарырға була Насир. Ғәзел, бик тә дөрөс азым яһай ул.

Каратты Тимашев кулға төшөрә, Насирзы ла эләктерә. Әммә ул каршылашмай. Ғәзәбәк Насирзы мәңгегә Себергә ебәрергә хөкөм итәләр һәм һуңғы теләген һорайзар. «Насир Каратты йәнә күреп, ялынан һөйөү һәм Себергә ебәреп алдынан тыуған яктарына кайтып, ерзәштәренә бер йырлау ниәтен белдерзе. Былар барыһы ла хөкөм кешеләре аңы өсөн бик ят тойолһа ла, әсирзең хокуғы ине» [Ураксин, 2019: 157]. Тәүге теләк кире кағыла, ә икенсәһе үтәлә. «Насирға Юшатыр буйына, Аллағолға барып, туғандары менән хушлашыу мөмкинлегә бирелде» [Ураксин, 2019: 157]. Насир иркенләп йырлай. Йыр аша якташтары менән хушлаша. «Карат» әсәрендә йырға ла күп урын бирелгән. Композицион сара буларак, йырзы әленән-әле кабатлап, вакиғаларзы драматик яктан көсәйтә автор. Сюжет ерлегендә был грация төсөн алып китә. Насирзын, Ырысқолдоң, аманатсы егеттең йырзары, баланың һамактары быға асык миҫал.

«Карат» романында композицион сара буларак төрлө мотивтар ярайһы ук билдәле бер урынды алып тора. Ат һәм кеше, йыр, көрәшсе һәм азатлыҡ мотивтары ниндәйзер кимәлдә сюжет һызыктарында күренә, традицияларзы дауам итә. Романда шулай ук ярылып ятмаған мотивтар за юк түгел. Мәсәлә, милләт-ара мөнәсәбәттәр, башкорт һәм рус, башкорт һәм казактарзың төрлө кимәлдәге бәйләнештәре.

Тарихтағы проблемалар шулай ук бөгөнгө көн мәсәләләренә күз һалырға ярзам итә. Шәхес һәм йәмғиәт, етәксе һәм халыҡ, ер һатыу, милли мөнәсәбәттәр, үкенәскә каршы, әле лә үз актуаллектәрен юғалтмаған. Романда күтәрелгән ошо мәсәләләрзе автор, нигезләп, һәр яклап уйлап сағылдырыуға өлгәшкән.

«Карат»тың тағы ла үзенсәлекле бер яғына иғтибар итмәү мөмкин түгел. Языусының һәр персонажының үз карашы, үз фекере бар. Бигерәк тә, был йәһәттән, В.И. Даль образы колоритлы. Автор тарихи шәхес образын оло һөйөү, бар нескәлектәре менән әсәр тукумаһына индереп ебәргән. Ошонда ук З.Ғ. Ураксиндың тарихи материалдарға һаҡ, тәрән һәм һамысһан булығы күренеп тора. Әсәрзә караштар төрлөлөгө — характерзы билдәләүсе төп сифат. Йәки эзип образды ак йәки кара төстәргә генә мансымай.

Кайһы вақыт персонаждарзың телмәрендә бирелгән караштарзың киңлеген күреп, системаға хилафлык килмәйме икән, тип уйлайһың. Тик юкка ғына. Сөнки автор фекер төрлөлөгөн дөйөм сюжет королюшона төйнәй, ойоштора белә. Тап ошондай осрактарза языусыға образлы йәнәшәлек сараһы ярзамға килә. Персонаждарзың, геройзарзың караштары ыңғай йәки кире яктан ғына баһаланмай, ә уларзы бер үк нигезгә, үзәккә килтереү күзәтелә.

Романда монтаж сараһы башта ук күзгә салына. З. Ураксин «Карат»ты бүлектәргә бүлеп, эпипогты кулланып, күп сюжетлылыкты йәнәш алып барыуға өлгәшә. Шулай ук характерзы, төп идеяны асыуға йүнәлтелгән пейзаж, портрет та йыш кулланыла.

Автор характерзың психологик кисерештәрен лирик сигенеүзәр, һөйкәлмә вакиғалар аша бирергә тырыша. Романдағы Сәхипъямал образын алайык. Эпизодик персонаж булһа ла, автор уның образын ярайһы ук тулы аскан.

«Карат» романының вақыт ойошторолошо ла үзенсәлекле. Насир һәм ат образы менән һәр яклап каймаланған композицион алымға нигезләнгән. Языусы был алымдың мөмкинлектәрен ошта файзалана. Текстың вақыт ойошторолошо айырым канундарға таяна. Ул да булһа — серлелек. Әсәрзең һәр бүлеге укыусы алдында сер һәм яңылык йомғағы булып күзаллана. Әсәрзә башланған вакиғалар бер-берәһенә бәйле үстерелә: укыусыны кызыкһындыра, яңылык алып килә, иң мөһиме — фекерләүен, тойомлауын һис тыныс калдырмай. Вакиғаларзың, герой күнеленең, авторзың ижади ынтылышы һәм художестволы мәғәнәһенең серлелегенә төшөнә-төшөнә романды укып бөтәһең. «Карат» романының азағы асык перспективалы. Языусы һуңғы һүзен әйтергә йыйынмай, укыусыға уйларға мөмкинлек калдыра, ниндәйзер оптимистик рухты тойомлата.

Зиннур Ураксиндың «Карат» романында бай композицион алымдар, саралар кулланыу әсәрзең ойошторолоу маһирлығын, куйылған проблеманы тарихи планда хәл итеү юлдарын эзләүен, герой характерзарын төрлө яклап асыуын күрһәтә. Әммә ошо ойошторолошта ла автор караштарының, ижади хыялының төрлөлөгөн күрмәү мөмкин түгел. Ни тиһәң дә, языусының ижади азатлығы фекер тәрәнлеген, заман проблемаларын дөрөс тота белеүен күрһәтә. Миңә калһа, был сифаттар ижадсы өсөн төп критерийзар булып тора.

З. Ураксиндың «Карат» романындағы вакиғалар ағышы, персонаждар хәрәкәте, уларзың үз-ара мөнәсәбәте, психологик күренештәр ниндәйзер бер ритмға королған. Ошо ритм укыусыға төп йүнәлеш бирә. Ныклабырак уйлап караһаң, ул ритм — ат сабыуын хәтерләтә. Икһез-сикһез киң далала аттың сабыуы кешенең йөрәк тибешенә бәрәбәр. Уртақ ритм, уртақ моң. Ат, өйөр сабыуы үзенсәлекле илаһи моңдо хасил итә. Кулында йүгән, йөрәгендә ат булғанда Насир, Алтынбай кеүектәр дала кыуанына ла, буранына ла бирешмәс. Камғақ түгел бит улар. Тик уларзы мәңгелек юлдашы — моңло йыр һәм аттан ғына айырмалындар! Үрмәксе аузарын туззырып, ат тояктарының ритмында йәшәргә яралған бит уларға тигән фекергә тағы ла инанаһың З. Ураксиндың «Карат» романын укығас.

Әзәбиәт

1. **Алибаев, З. А.** Поэтика современных башкирских романов / З. А. Алибаев. – Уфа : Самрау, 2020. – 286 с.

2. **Набиуллина Г. М.** Хәзерге башкорт әзәбиәте / Г. М. Набиуллина, З. А. Әлибаев. – Өфө : БДПУ, 2013. – 327 б.

3. **Ураксин, З. Ф.** Карауанһарай : романдар һәм повестар / З. Ф. Ураксин. – Өфө : Китап, 2019. – 376 б.

УДК 80

Юлдашева Д.Ю.,

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,*

Российская Федерация

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Хусаинова Л.М.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ САКРАЛЬНЫХ ЧИСЕЛ НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Статья посвящена символике чисел в башкирском и китайском языках. Рассматриваются сакральные числа, активно функционирующие в культуре народов. На примере народных обычаев и обрядов представлены наиболее устойчивые числовые значения.

Abstract. The article is devoted to the symbolism of numbers in the Bashkir and Chinese languages. Sacred numbers that are often used in the culture of peoples are considered. The most stable numerical values are shown on the example of folk customs and rituals.

Ключевые слова: башкирский язык; число; сакральное; культура; обряды.

Keywords: bashkir language; number; sacred; culture; rituals.

Проблема культурной самоидентификации на сегодняшний день является довольно острой и неоднозначной. Забываются традиции и обычаи, уничтожается национальная самобытность. В данной непростой ситуации необходимо всячески привлекать внимание к данной теме, пробудить интерес к собственной культуре.

В последнее годы изучение проблемы сакральных чисел значительно возросло, рассматривается роль сакральных чисел в языке, культуре, фольклоре народа, ведутся активные исследования в данной области.

В статье раскрывается роль «сакральных» чисел в обрядах башкирского и китайского народов, тема рассматривается в сопоставительном плане. Это позволит более точно изучить почитаемые для обоих народов числа, установить их сходства в одном из древнейших и важнейших обрядов человеческой культуры. Нужно отметить, что и башкиры, и китайцы довольно серьезно относятся к числам, отсюда вытекает множество уникальных суеверий и поверий.

Сначала рассмотрим значение слова «сакральный», для этого обратимся к трудам исследователей, занимающихся в данной области.

Понятие сакральное (от лат. *sacrum* «священное») подразумевает все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам. То есть числа помимо значений количества, порядка, счета имеют семантическую нагрузку, связанную с определенной значимостью в культуре, обладают «магическими» свойствами [4: 14].

Первым признаком сходства в обрядах башкир и китайцев является то, что наиболее почитаемыми числами являлись нечетные. И у башкир, и у китайцев действует символика чисел: 3, 7, 9. Они наиболее часто встречаются во всевозможных обрядах и ритуалах.

Сакральное значение числа 3 выявляется в троекратном повторении действий в ритуалах и обрядах. Также нужно отметить, что у башкирского народа, по поверьям, треугольная форма предметов обладала магическими свойствами. Поэтому часто среди башкир встречается треугольный амулет («өсмөйөшлө бетеү») – амулет, имеющий треугольную форму. В него зашивалось изречение из Корана, считалось, что он выполняет функцию оберега [Хисамитдинова, 2002: 28].

У китайского народа тройка (≡ – *sān*) – символ триады, множественности. В Китае также сложилась концепция трех душ, где одна душа обитает в табличке с именем человека на алтаре предков, вторая витает в могиле, а третья попадает в ад или на небеса [Чжаолинь, Лулу, 2008: 135].

Интересно значение числа 4 в жизни рассматриваемых народов, если у башкир 4 (дүрт) просто редко встречается, то у китайцев с этим числом все намного серьезнее. Цифра 4 у данного народа ассоциируется со смертью, потому что цифра 4 (四 – *sì*) по звучанию напоминает слово «умереть» – (死 – *sǐ*). Если перепутать тона при произношении, вполне возможно попасть в неловкую ситуацию.

Число 7 (ете) издавна считалось священным. Для многих народов оно является сакральным, обладает магическими свойствами.

У башкир, к примеру, по Р.Т. Муратовой: «Семерка выступает как удобный эталон для отсчета времени. Значение «предела» времени число ете «семь» несет в сочетаниях, выражающих родственные отношения: ете быуынын белеү ‘знать семь поколений’. Считалось, что башкир должен был знать своих предков до *семи* колен» [Муратова, 2012: 75]. Это подтверждает то, что было написано выше: брак между родственниками в первых четырех поколениях был запрещен, поэтому, чтобы избежать каких-либо недопониманий, точное знание *семи* поколений было обязательным.

Число 7 (七 – *qī*) в Китае ассоциируется с чувством единства. Популярен праздник Циси (七夕节 – *qī xī jié*), дословно «Ночь Семерок». По китайскому календарю празднуется на седьмой день седьмого лунного месяца, отсюда и его название. Его также называют китайским Днем Святого Валентина или же Днем Рождения седьмой сестры [Чжаолинь, Лулу, 2008: 98].

Число 9 (туғыз) у башкир считалось также священным, в большинстве случаев из-за того, что оно являлось троекратным повтором отдельных троекратных действий, поэтому в обрядах башкир выделяется числовая характеристика девятки как магического числа, производного от традиционной троичности.

Цифра 9 (九– jiù) в Китае – одно из самых благоприятных чисел. В Китае знаменит Праздник двойной девятки или Праздник двух девяток (重九 – Chóngjiǔ) – традиционный осенний праздник. Отмечается в девятый день девятого месяца китайского традиционного календаря. В этот день проводится обряд почитания предков. По обычаю, старшие в роду мужчины забивают на могиле предка свинью. По существующему поверью, дух предка, не получивший ежегодной жертвы, умирает навсегда и не может более заботиться о благополучии потомков.

В заключении хотелось бы отметить, что изучение сакральных чисел представляет очень большой интерес, а изучение данной проблемы в сопоставительном плане открывает очень много возможностей в раскрытии сходств и различий совершенно разных народов и изучении их культур.

Литература

1. Культурное наследие народов России : Башкиры. – Москва : Голос-Пресс, 2003. – 576 с.
2. **Муратова, Р. Т.** Символика чисел в языке и культуре башкир / Р. Т. Муратова. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 180 с.
3. **Руденко, С. И.** Башкиры / С. И. Руденко. – Уфа : Китап, 2006. – 376 с.
4. **Сулейманова, М. Н.** Доисламские верования и обряды башкир / М. Н. Сулейманова. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – 146 с.
5. **Чжао-линь С.** Традиционные праздники Китая в иллюстрациях / Сун Чжао-линь, Ли Лулу. – Москва : Восточная литература, 2012. – 208 с.
6. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Башкирская мифология : словарь-справочник (на башк. яз.) / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2002. – 126 с.

УДК 316.7

Юсупов И. Ф.,
*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

ПРЕСТИЖ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЭТНОСА НА ПРИМЕРЕ БАЙМАКСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В статье приведены результаты социологического исследования (интервью), проведенного в Баймакском районе Республики Башкортостан. Целью данного исследования являлось выявление воздействия моноэтнической башкирской среды может на

представителей другого этноса, на возможность смены этнической идентичности для обретения более высоких статусных позиций (престижности) в обществе.

Abstract. The article presents the results of a sociological study (interview) conducted in the Baymak district of the Republic of Bashkortostan. The purpose of this study was to identify the impact of the mono-ethnic Bashkir environment on representatives of another ethnic group, on the possibility of changing ethnic identity in order to gain higher status positions (prestige) in society.

Ключевые слова: этническая идентичность; «этнический стереотип»; Баймакский район; Юлуково; башкиры; татары; престижность этноса; межэтнические взаимоотношения.

Keywords: ethnic identity; "ethnic stereotype"; Baymak district; Yulukovo; Bashkirs; Tatars; prestige of the ethnic group; interethnic relations.

Рост этнического самосознания в постсоветский период возрождения этничности актуализировал проблемы стратификации этнических сообществ и заметно повысил конфликтogenность межэтнических отношений. Полиэтничность российского общества и связанная с этим сложность межэтнических отношений подчеркивают востребованность и значимость научного анализа межэтнических отношений. Республика Башкортостан – один из крупных полиэтничных регионов Российской Федерации, и ее отличительной особенностью является то, что там проживают три крупных этноса, незначительно отличающихся по численности: башкиры, русские и татары. Количественные характеристики численности и территориальное расселение этих этнических сообществ в республике во многом создают конкурирующие взаимоотношения данных групп и актуализируют ее как в теоретическом, так и в практическом плане. Сам феномен престижности этноса и раскрытие его сущности следует рассматривать в рамках теорий социальной стратификации, в частности, этносоциальной, важной задачей, которой является характеристика феномена престижности этноса с точки зрения его динамики и дифференциации этнических групп. Изучение основ социальной стратификации было заложено еще в трудах М. Вебера, также П. Сорокина, Т. Парссонса и др. В отечественной социологической научной практике можно выделить таких исследователей, как О.Г. Осипов, В.А. Ядов, Ю.В. Арутюнян, Г.Е. Зборовский, Ж.Т. Тощенко и др. Теоретико-прикладные работы региональных исследователей, таких как Р.И. Ирнараров, Д.М. Гилязетдинов, Ф.С. Файзуллин, Р.Р. Галлямов, посвящены непосредственно анализу этносоциальной стратификации этнических сообществ в Республике Башкортостан. Видный американский ученый и журналист Уолтер Липпман впервые ввел в научную практику понятие «этнический стереотип». Этим он обозначил распространенные в общественном мнении предвзятые представления о членах этнических, социальных, политических и профессиональных групп. [1] Этнический стереотип (автостереотип и гетеростереотип) следует определять как оценку представителями этноса устойчивого (положительного или отрицательного) образа своего этноса по отношению к другим. Во многом высокий имидж этноса формируется из положительных характеристик автостереотипов этнического сообщества и высокой самооценки их представителей. Этносоциальная стратификация полиэтничного общества происходит на основании принадлежности

к определенному этносу (этнической самоидентификации) и выражает социально этническое неравенство различных этнических сообществ, их престиж, статус и место в общей иерархии этнических общностей. Конечно, этническая стратификация не существует в чистом виде, в таком случае она вырождается в простые расовые предрассудки. Понятия «статус этноса» и «престиж этноса», на наш взгляд, являются тождественными. Индикаторами статусности этнических групп выступают различные факторы, такие как уровень жизни, демографические характеристики, представительность в органах власти, доход и т.д. Число различных гетеростереотипов в системе этнических стереотипов зависит как от истории межэтнических взаимоотношений, так и от особенностей непосредственной этноконтактной среды. В данном случае как наглядный пример можно рассмотреть татаро-башкирские взаимоотношения как в историческом, так и в современном аспекте. Формирование и развитие этносов на территории Урало-Поволжского региона проходили много этапов и исторически были событийно насыщенными. Историк и философ Бердин А.Т. эти взаимоотношения подробно рассматривает как этносоциальный симбиоз в исторической динамике, выявляя тенденции и закономерности развития и функционирования этого процесса [2]. По его мнению, формирование татарской нации связано с подъемом мусульманского просвещения в конце 19-го века. Именно этот фактор был ключевым в объединении приволжских этносов и субэтносов, в формировании татарского национального проекта. Татары как этносоциальный феномен есть неотъемлемая системная часть российского общества, соединяющая элементы диаспорной цивилизации и традиционного общества. Таким образом, вышесказанное способствовало формированию особого социокультурного типа этнических культур в современном обществе. Татарская нация формировалась с преобладающими элементами промышленно-городской культуры: торговля, ремесленничество, учительство, предоставление различных торговых услуг и т.д. Основа мироустройства башкир в отличие от татар противоположна, она характерна именно для традиционного общества, они менее урбанизированы. Башкиры – это вотчинники, хозяева и защитники своих вотчинных земель, и элементы диаспорной цивилизации у них отсутствуют. Башкиры как этническое сообщество состояло из клановых образований, причем они были равноправными вне зависимости от влияния и численности, при этом башкиры сохраняли достаточно высокую политическую и этническую солидарность. Башкиры в отличие от других этносов были уникальным по своим правам этническим сообществом в рамках Русского государства. «Башкирское звание» обладало престижностью, а сами башкиры были привилегированным слоем по отношению к припущенникам различных категорий – тептярям, мишарям, ясачным татарам и др.» [3].

В 2018 году мы провели социологическое исследование (интервью) в Баймакском районе Республики Башкортостан. Этот район нами был выбран не случайно, поскольку концентрация башкирского населения там высока по сравнению с другими муниципальными образованиями республики. Сам район моноэтнический и позиционируется в масштабах республики как «чисто

башкирский». Башкирское население составляет абсолютное большинство и поле для межэтнической конкуренции практически не проявляется. В районе проживают представители других этносов, но в количественном и культурном плане они не сильно позиционируются. Башкиры в основном проживают в сельской местности. Исторически территория Баймакского района была заселена представителями таких башкирских родов как бурзян, кипчак, тунгаур. Русские преимущественно проживают в г. Баймаке и поселке Тубинске, сс. Ургаза и Бекешево. В последние годы наблюдается тенденция оттока русского населения в города. Татары в небольшом количестве проживают во всех крупных населенных пунктах района, наиболее компактно – в дд. Юлуково и Уметбаево.

Цель данного исследования – выявить, как моноэтническая башкирская среда может воздействовать на представителей другого этноса, на возможность смены этнической идентичности для обретения более высоких статусных позиций (престижности) в обществе. Деревня Юлуково – это уникальный населенный пункт, поэтому был выбран для исследования неслучайно: большинство населения составляют татары, деревня окружена селами с башкирским населением и представляет собой некий анклав. Несмотря на то, что сегодня деревня постепенно начала заселяться башкирами из ближайших сел (процессы внутренней миграции, смешанные татаро-башкирские браки), изначально признается и позиционируется татарской. Юлуково на территории района образовано в 1781 году казанскими ясачными татарами Казанского наместничества во главе с Абубакиром Мукаевым (1719–1800). Дореволюционный период долгое время Юлуково являлось центром торговли и промышленного производства (кожевенный завод, мыловаренный завод, золотодобыча), где проходила государственная транзитная дорога Верхнеуральск–Оренбург. В деревне часто проходили торговые ярмарки и обменные сделки. В деревне в дореволюционный период действовали земские лечебные учреждения, светские и духовные медресе, где имелась богатая библиотека со светской и религиозной литературой. Наши наблюдения подтвердили, что у жителей деревни довольно устоявшаяся татарская идентичность и уровень этнического самосознания высок. История села событийно богата и в культурном аспекте достаточно известна, там проживали и родились известные татарские деятели культуры и искусства, деятели науки и образования: Рамеев Закир Садыкович – классик татарской литературы, известный золотопромышленник и меценат; Файзуллин Мирхайдар Мустафович (псевдоним – Мирхайдар Файзи; 19.10.1891—9.07.1928) – драматург, поэт и публицист и многие др.; они внесли огромный вклад в социальное и духовное развитие татарского народа. Многие произведения Мирхайдара Файзи вошли в золотой фонд татарской литературы. В дореволюционный период село по своим характеристикам считалось очень развитым и играло огромную роль в социально-экономической и культурной жизни региона. Таким образом, все перечисленные факты повысили наш интерес к изучению именно этого локального социума в масштабах региона. Тут следует отметить следующий важный момент: деревня Юлуково

образовалась в 1781 году, изначально ее заселили этнические татары. Заселившие в те годы Юлуково люди, возможно, приравнивались к статусу припущенных у местных башкир, но за ними был закреплен статус служилых. По официальному постановлению Российского правительства, для выполнения ямской службы в д. Юлуково было переселено около 40 татарских семей, обязанных содержать 40 подвод. Положение служилых жителям Юлуково давало определенный статус и впоследствии способствовало их укоренению на этой местности и повышению их престижа. Все это способствовало формированию у современных жителей определенных стереотипов поведения и демонстрации признаков статусности во взаимоотношениях с подавляющим иноэтничным окружением (башкирским населением). По формальным признакам статусы башкир и служилых татар хоть и были равны, но укорененность башкир как «хозяев» этих территорий позволяла им демонстрировать особое привилегированное положение во взаимоотношениях с другими этническими сообществами, в том числе локальными, как в нашем примере. Положение служилых татар в рядах башкирского населения не воспринималось престижным, и татаро-башкирский антагонизм не проявлялся. Это легко объяснимо, поскольку локальные социумы более консервативны и различные исторические мемы позволяли сохранить память своего народа, передавая ее из поколения в поколение, тем самым позволили воспроизводить и укреплять свою этническую идентичность. Пречисленные факты истории деревни и заложенный исторический культурный опыт его жителей, возможно, сформировали особые автостереотипы, через которые воспроизводилась татарская этническая идентичность, способствуя при этом укреплению социокультурных статусных позиций данного локального социума, определив образ «успешности татар».

Данный факт в условиях подавляющего иноэтничного окружения, тем более референтно значимого, традиционно соперничающего на уровне стереотипов титульного большинства (башкиры), наличие заметных субъектов национальной высокой культуры (известных артистов, публицистов, писателей, религиозных деятелей) приобретает особо явный, акцентированный характер и выступает заметным маркером этнического самосознания. В ходе интервью респондентами данный факт неоднократно подчеркивался. Рассматривать данный факт можно и с позиции того, что этим подчеркивалась связь с татарской культурой, укрепляя тем самым статусные позиции и включенность в большой татарский мир. Практически всеми опрошиваемыми отмечалась их включенность в татарскую культуру через телевидение и радио (каналы «ТНВ», «Туган тел», радио «Юлдаш»), чтение газет и журналов на татарском языке. Всего в опросе участвовало 15 разновозрастных мужчин и женщин деревни.

На вопрос о взаимоотношениях с местным башкирским населением из близлежащих населенных пунктов респонденты неоднократно отмечали более высокий уровень предприимчивости жителей деревни и непосредственно татарского населения (хорошие навыки земледельческих работ, благоустроенность придомовых территорий, навыки приготовления пищи и т.п.).

Подводя итог, можно констатировать, что этническая идентичность местных татар устойчива, несмотря на ассимиляционные процессы. Уровень этнического самосознания высок. Сами отношения носят комплементарный характер. Практически все респонденты отметили важность сохранения родного языка как части культуры. На практике продемонстрировали хорошее знание татарского языка и его функционирование внутри семьи и общении с соседями и жителями родного села. Отметим также, что несмотря на длительное пребывание в инокультурной среде, жители села сохранили свою устойчивую идентичность, это типично для диаспорных народов, в частности, для татар. Адаптация диаспорных народов проходит быстрее и менее болезненно.

Литература

1. **Ослон, А.** Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги “Общественное мнение”. Социальная реальность. №4, 2006.
2. **Бердин, А.Т.** Башкиро-татарский этносоциальный симбиоз с точки зрения историософии // Вестник Башкирского государственного университета. – 2015. – №2. – С. 681–683.
3. История башкирских родов. Дуван (сборник документов). Т. 16. – Уфа, 2016. – С. 12.

УДК 930

Юсупов Ю.М.,
*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Российская Федерация*

РДОВАЯ СТРУКТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ БАШКИРО-МАДЬЯРСКОГО РОДСТВА

Аннотация. В данной публикации рассматривается одна из ключевых работ по проблеме башкиро-мадьярского родства статья Т.М. Гарипова, Р.Г. Кузеева ««Башкиро-мадьярская»» проблема (краткий обзор основных источников)» [Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. С. 336–343]. Автор статьи приходит к выводу, что в рассматриваемой работе неверно были определены ключевые источники, а именно родовая структура башкир и родовая этнонимия.

Abstract. The article deals with one of the key articles on the problem of Bashkir-Magyar kinship: T. M. Garipov, R. G. Kuzeev "The «Bashkir-Magyar» problem (a brief overview of the main sources)" (Archeology and Ethnography of Bashkiria. Ufa, 1962. Pp. 336-343). The author concludes that in the present article incorrectly identified the key sources, namely the tribal structure of the Bashkir tribal and ethnic terms.

Ключевые слова: башкиро-мадьярское родство, историография, родовая структура, родовая этнонимия.

Keywords: Bashkir-Magyar kinship, historiography, generic structure, generic ethnonymy.

Проблема башкиро-мадьярского родства, пожалуй, одна из самых интригующих и загадочных в башкирской историографии, которая, по сути, заключается в этнической интерпретации населения довольно обширного региона, проживавшего с VII в. на территории от дельты Камы до Южного Урала включительно. Относительно формирования башкирского этноса главным вопросом остается процесс включения населения этого региона в этническую структуру башкир.

Перед нами не стоит цель разбирать основные концепции этого сложного вопроса. Однако рассмотрим, на первый взгляд, незначительный сюжет в одной концептуальной статье, касающийся данной проблематики. Но сначала обратимся к историографии проблемы башкиро-мадьярского родства. Со значительной долей оговорок можно сказать, что выделяется две группы ученых. Согласно мнению первой группы, население территории от Южного Зауралья до Закамья является кочевыми мадьярами, позже мадьяры разделились – часть начала свое движение на запад, другая часть осталась, культурно трансформировалась и была ассимилирована башкирами до XIV в. [Гарипов, Кузеев, 1962; Иванов, 1999; Антонов, 2011; Пилипчук, 2017; Бубнель, 2012]. Часть ученых считает, что восточные мадьяры, проживавшие в Закамье, расселились или были депортированы во временном диапазоне нач. XIII – XIV вв. вследствие монгольских завоеваний. Древние башкиры во многих работах этого круга представлены как кочевое население из Центральной Азии, мигрировавшее в рамках печенежской и огузской миграций, судя по всему, ассимилировавшее или вытеснившее восточных мадьяр с Приуралья.

Вторая группа ученых считает, что тюркизация, предположительно, угорских племен Приуралья VII – XII вв. завершилась еще до их миграции на Южный Урал, где они стали основой древних башкир с VII в., взаимодействуя с местными, по всей вероятности, финскими и позднесарматскими, племенами. После миграции этих племен в I тыс. н.э. существенных изменений в этническом дискурсе и составе населения не произошло вплоть до кыпчакской и табынской миграции в ордынский период. Значительная часть населения Южного Урала и Южного Прикамья до XIV в. осталась на Южном Урале и незначительно изменила ареал проживания после монгольских завоеваний. Спектр археологических культур (кушнаренковско-караякуповский комплекс, а также чияликская культура) маркируют в данном случае древнебашкирский этнос [Мажитов, Султанова, 2009; Мажитов, 2011; Юсупов, 2009].

В контексте тематики данной конференции обратимся, как нам представляется, к концептуальной статье, в какой-то степени сформировавшей в историографии концепт Магна Хунгарии как субъекта исторического процесса. Речь идет о статье Т.М. Гарипова и Р.Г. Кузеева, вышедшей в сборнике материалов “Археология и этнография Башкирии”. В статье авторы рассматривают проблему башкиро-мадьярского родства через призму нескольких дисциплин: археологии, этнографии, антропологии и лингвистики. Исследователи приходят к выводу, что отождествление башкир и мадьяр в историографии является анахронизмом и не имеет перспектив в историографии. В этой связи, обратим внимание на, казалось бы,

незначительную деталь, а именно доводы с позиций лингвистики – на “замечание о ряде известных заимствований из угорских языков в области башкирской родоплеменной ономастики: Йәнэй, Юрматы, Бүләр, Таззар, Унғар”. То есть этнонимия родовой структуры была включена авторами в разряд не более чем языковых заимствований. При том, что один из соавторов – Р.Г. Кузеев – рассматривал башкир через призму их родовой структуры, отмечая ее определяющую роль в этногенезе башкир [см.: Кузеев, 1974]. Дело в том, что при рассмотрении этнонимии не как отражения реального этнического дискурса и идентичности, а лишь языковых заимствований практически нивелируется в исследовательской повестке роль родовой структуры. Однако рассмотрим сценарии восприятия башкирами данной ономастики, то есть при каких обстоятельствах могли произойти эти заимствования? Авторы на этот вопрос не отвечают. Однако мы можем предположить, что обозначения башкирских родов вышеуказанными терминами могло произойти в результате двух сценариев: 1) древние башкиры вошли в политическую систему древних мадьяр, где и приняли самоназвания родовых объединений; 2) часть древних мадьяр вошла в состав башкирского народа.

Первый сценарий опровергается последними исследованиями в области геногеографии, где генофонд башкир вполне очевидно отражает связь с «угорским» или «тюрко-угорским» населением Приуралья и маркирует генетическую связь башкирских родов (в т.ч. юрматы, еней и др.) с «завоевателями»-мадьярами в восточной Европе (в т.ч. с династией Арпаидов).

Второй сценарий также нереален. Об ассимиляции восточными мигрантами населения Приуралья не приходится говорить. Как раз сохранение родовой структуры и свидетельствует о довольно устойчивом этническом дискурсе населения Приуралья. То есть трансформации (в понимании Ю.В. Бромлея) этнической идентичности и структуры общества в период X–XII вв. не было. Сохранение родовой структуры (а, стало быть, потестарно-политической системы) свидетельствует о том, что население Приуралья не было ассимилировано и продолжало функционировать как самостоятельный этнос. вполне очевидно, он эволюционировал, восприняв изменения в коммуникативной культуре (язык, идентификация соседей, политический миф и тд.).

В этом свете, данное авторами статьи определение терминов «Йәнэй, Юрматы, Бүләр, Таззар, Унғар» как языковых заимствований не позволяет в полной мере использовать этот вид источника. В данном случае эти термины мы должны рассматривать не столько через призму лингвистики, а через призму потестарно-политических систем. В свою очередь, сам факт сохранения родовой структуры является отражением сохранения самого этнического дискурса, даже допуская его эволюцию.

Литература:

1. Антонов, И. В. Страна башкир и ее соотношение с Великой Венгрией // Вестник ЧелГУ. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article>

/n/strana-bashkir-i-ee-sootnoshenie-s-velikoy-vengriey (дата обращения: 28.07.2019).

2. Бубнель, Е. В. Проблема «Magna Hungaria» на Южном Урале в трактовках современных археологов // Труды КАЭЭ ПГПУ. – 2012. – №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-magna-hungaria-na-yuzhnom-urale-v-traktovkah-sovremennyh-arheologov> (дата обращения: 28.07.2019).

3. Гарипов, Т. М., Кузеев, Р. Г. ««Башкиро-мадьярская» проблема (краткий обзор основных источников)» // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – С. 336–343.

4. Иванов, В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – С. 123.

5. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974.

6. Мажитов, Н. А. К вопросу о «Большой Венгрии» на Южном Урале / Проблемы востоковедения. – 2011. – №4 (54). – С. 41–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bolshoy-vengrii-na-yuzhnom-urale> (дата обращения: 28.07.2019).

7. Мажитов, Н. А., Султанова, А. Н. История Башкортостана. Древность и Средневековье. – Уфа, Китап, 2012.

8. Пилипчук, Я. В. Башкирско-венгерская проблема: дискурс источников и стереотипы историографии // Nadak útján XXIV. Budapest – Esztergom, 2017. Old. 233–243.

9. Юсупов, Ю. М. История Башкортостана XV – XVI вв. (социально-политический аспект). – Уфа, Гилем, 2009. – 197 с.

УДК 811.512.1

*Юсупова А.Ш.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация*

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КНР)

Аннотация. В статье исследуется функционирование татарского языка в полилингвальной среде на примере речи татарской диаспоры, проживающей в КНР. На основании проведенного исследования делается вывод, что родной язык является важным компонентом этнокультурной идентичности. Уровень владения родным языком татарской диаспоры различна: часть респондентов говорят на смешанном татаро-уйгурском и татаро-китайском языке, не все владеют письменным родным языком. Китайский язык является средством этнокультурной идентичности и коммуникации. Для лингвистической картины членов татарской диаспоры, проживающих в КНР, характерно взаимопроникновение и смешение лексико-грамматических явлений уйгурского, казахского и китайского языков.

Abstract. The article explores the role of language in the structure of the ethnic identity of the Tatar diaspora living in the PRC. Based on the study, it is concluded that the mother tongue is

an important component of ethno-cultural identity. The degree of mastery of the native language of the Tatar diaspora is different: some respondents speak a mixed Tatar-Uygur and Tatar-Chinese language, not everyone knows the written native language. Chinese is a means of ethnocultural identity and communication. The linguistic picture of the Tatar diaspora living in the PRC is characterized by the interpenetration and intermingling of the lexico-grammatical phenomena of the Uigur, Kazakh and Chinese languages.

Ключевые слова: идентичность; этнокультурная идентичность; татарская диаспора; лингвистическая картина мира; татарский язык; лексика; грамматика.

Keywords: identity; ethno-cultural identity; Tatar diaspora; linguistic picture of the world; Tatar language; vocabulary; grammar.

В современном мире широко развиты политические, экономические и культурные связи между народами. В свете этого происходит интенсивный процесс взаимодействия и взаимообогащения различных языков, что вызывает необходимость их сравнительно-сопоставительного изучения. Изучение особенностей функционирования тюркских языков, а именно, татарского в Китае (СУАР), в среде изолированных от метрополии носителей языка, ценно в научном плане и потому, что при этом выявляется взаимодействие языков разной демографической и коммуникативной мощности. Это важно для теории речевой коммуникации.

Интерес к исследованию говора татар, проживающих в Китае, усиливается тем, что он сформировался вне зоны татарского языкового пространства. В связи с историческими событиями данный говор около 200 лет развивался изолированно от татароязычного населения в тюркоязычном и китаеязычном окружении. В нем не только сохранились устойчивые, характерные для старотатарского языка, черты, но также появились специфические особенности. Изучение их имеет большое значение для решения отдельных вопросов истории формирования и функционирования современного татарского, а также других тюркских языков.

Говор татар Китая, пройдя сложный путь исторического развития, формировался на основе "материнского" – заказанского говора среднего диалекта – во взаимодействии с уйгурским и под определенным влиянием китайского языков.

В целях обеспечения достоверности, надежности материала, мы придерживались следующих теоретически обоснованных принципов, а именно: сбор материала непосредственно у носителей говора в Китае; четкая его паспортизация; объективный подход при интерпретации собранного материала; тщательное сопоставление его с татарским литературным языком, с тюркскими или другими языками, прежде всего, оказавшими определенное влияние на изучаемый объект (в данном случае уйгурский, казахский и китайский языки); и т. д.

В Китайской Народной Республике, в большей части в Синьзянском автономном округе, проживает около 5 тысяч татар, которые обосновались здесь ещё в XIX веке. Большинство татар живут в в городах Урумчи, Чавучак и Голжа.

Миграционный путь татар повлиял на все аспекты их жизнедеятельности: на жизнь, культуру, язык. Сложный миграционный путь, которым прошли татары, стал своего рода испытанием для сохранения нации. Нужно отметить,

что в Китае в конце XIX – начале XX вв. татарский язык стал влиятельным фактором самоидентичности татарской эмигрантской диаспоры в далекой и весьма своеобразной стране.

Татарский язык в Китае используется, прежде всего, при общении в домашнем кругу или членами татарской диаспоры. Он связан, прежде всего, необходимостью этнического самосохранения и потому обладает особой актуальностью в условиях эмиграции. Усугублявшийся в итоге отрыв татарских эмигрантов от исторической родины дополнялся необходимостью общежития с другими языками и неизбежным их влиянием на язык татар-эмигрантов. Поэтому неизбежно язык татарской эмиграции в Синьцзяне приобретал свои особенности, обусловленные различными факторами как собственно лингвистического, так и социолингвистического свойства [Юсупова, 2013].

Культурно-просветительская работа татарской диаспоры способствует сохранению родного языка, национальных традиций в Китае, так как культура, язык и религия сыграли важную роль в сохранении национального, культурного облика, образа жизни и качеств иммигрантов на чужбине, в инокультурной, иноязыковой среде. В городах Голжи, Урумчи и Чавучак открылись татарские школы (татар мәктәбе ‘татарская школа’, кызлар мәктәбе ‘школа для девочек’, “Нур” мәктәбе ‘школа Нур’, “Максудия” мәктәбе ‘школа Максудия’, Чанышев мәктәбе ‘школа Чанышева’, Урумчи татар мәктәбе ‘татарская школа Урумчи’) и здесь татарский язык функционировал прежде всего как язык образования, то есть в начальных, средних учебных заведениях обучение велось на татарском языке. Татарские школы посещали не только татары, но и уйгуры, казахи, узбеки, дунганы и китайцы.

Как нам кажется, вопрос изучения и сохранения родного языка является одной из главных проблем диаспорной идентичности. Именно язык позволяет эмигрировавшим семьям сохранить связь детей с татарской культурой и с культурой своей страны. Знание своих корней позволяет значительно лучше усваивать культуру и ценности нового для них общества.

Культурная жизнь татарской Голжи была чрезвычайно насыщенной для не крупного провинциального города. Приток творческой интеллигенции, особенно в период дореволюционной эмиграции из России в Китай, способствовал развитию татарской культурной жизни Урумчи и Голжи. Татарская культура и татарское слово становились доступными для татарских эмигрантов через фонды татарских библиотек. В библиотеках всем были доступны произведения татарских писателей. Издавались учебники на татарском языке: Гомуми тарих (Общая история), Халык тарихы (Народная история), “Татарча элифба китабы” (Татарская азбука). А 1947 году в Голже был издан сборник стихов Г. Тукая.

Урумчи, Голжа и Чавучак – города с татарским топонимическим пространством на протяжении всего времени пребывания там татарской колонии. Достаточно указать на то, что названия улиц имели типичные татарские названия или названия, образованные по продуктивным моделям, используемым в татарской урбонимике (Нугай город, Ташлэпкэ базары ‘рынок

Ташляпка’, Алтай ширкәте ‘товарищество Алтай’, Тянь-Шань ширкәте ‘товарищество Тянь-Шань’, Тукай күчәсе ‘улица Тукая’, Хәбип Юнич күчәсе ‘улица Хабиб Юнич’ и т.д.).

Таким образом, в Синецзяне в конце XIX – начале XX вв. татарский язык стал влиятельным фактором самоидентичности татарской эмигрантской диаспоры в далекой и весьма своеобразной стране. Функциональность, удивительная жизнеспособность татарского языка в этих условиях, с нашей точки зрения, обеспечивалась тем, что основную часть татарской эмиграции в данном регионе составляли те группы российских татар, кто обладал высокими интеллектуальными и деловыми качествами, был образованным, креативным, удачно сочетал в себе глобальное мировидение и развитое национальное самоощущение.

Поскольку татары Синецзяна свободно смешивались с уйгурами и казахами, все три языка оказали друг на друга сильное влияние и стали источником многочисленных местных диалектов. Поскольку сегодня татары разбросаны по двум этническим районам, они, помимо татарского, также владеют уйгурским и казахским языками.

По имеющимся данным, а также учитывая прямое и сильное влияние уйгурского языка и культуры на татарскую диаспору, можно сказать, что данный пласт лексики является доказательством плотных этнокультурных отношений. Тематический диапазон уйгурской лексики в речи татарской диаспоры достаточно разнообразен и охватывает различные социально-культурные и бытовые сферы: лексико-семантическая группа, отражающая родственные отношения: *әчә* ‘сестра’, *нәбрә* ‘внук’, *чәврә* ‘правнук’, *бер нәбрә* ‘племянник’, *мумай* ‘бабушка’; названия пищи: *кыйзы* ‘колбаса’, *лагман* (суп с лапшой), *санза* ‘хворост’, *кант* ‘сахар’, *гөреш* ‘рис’; предметы быта и домашнего обихода: *дәстихан* ‘скатерть’, *чока* ‘палочка’, *кулуп* ‘замок’, *тәхсә* ‘тарелка’; названия природных явлений: *әсэн-хәсән* ‘радуга’, *чакмак* ‘молния’, *шакиратма* ‘водопад’, *мөлдәр* ‘град’; названия растений: *кунак* ‘кукуруза’, *бадам* ‘миндаль’, *армут* ‘груша’, *пияз* ‘лук’, *сәвзә* ‘морковь’, *долана* ‘боярышник’, *чамагур* ‘редька’, *көкнар* ‘мак’, *шаптул* ‘персик’, *тавуз* ‘арбуз’, *тәрхәмәк* ‘огурец’; названия животных и птиц: *кәптәр* ‘голубь’, *тоху* ‘курица’, *кув* ‘лебедь’, *һораз* ‘петух’; названия одежды и обуви: *көйнәк* ‘рубашка’, *бәк* ‘шапка’, *пайтак* ‘носки’; лексемы, обозначающие время: *бахар* ‘весна’, *йаз* ‘лето’ *тичин* ‘обед’, *сабах* ‘утро’; названия профессий и ремесел: *кәттип* ‘секретарь’, *дихан* ‘крестьянин’ прилагательные: *аламәт* ‘очень большой’, *татлик* ‘сладкий’, *пакар* ‘низкий’, *тәйيار* ‘готовый’, *бикарь* ‘пустой’ и т.д. Среди слов имеют место как новоуйгурские, так и адаптированные арабо-персидские, китайские заимствования.

Науруз ашына төрле орлыклар салалар: борчак, кунак, богдай, гөреш, тары/‘В суп для праздника Науруз мы положим разные крупы: горох, кукурузу, пшеницу, рис, просо’. *Адам үз кимчелеген үзе белеп ала алмый, башкалар өчен әйнәк була*/‘Человек не знает свои недостатки, он является зеркалом для других людей’. *Кызлар дәстәрханнар, сөлгеләр – һәммә нәрсәләрне кызлар әзерләп куялар*/‘Девушки перед замужеством приготовят полотенца, скатерти’ (материалы авторов, Урумчи, Китай, 04.08.2013).

Широкое применение китайского языка в повседневной жизни татар, взаимоотношение народов, делопроизводство на китайском языке, система образования (китайский язык является обязательным учебным предметом во всех школах), общественная, политическая, художественная и научная литература на китайском языке, средства массовой информации имеют немаловажное значение для обогащения языка татарской диаспоры китайскими элементами. Все перечисленные факторы, характеризующие политическую, экономическую и культурную жизнь в КНР, а также ряд других моментов играют огромную роль в широком распространении китайского языка. Проникновение китайских слов в татарский язык происходило в течение многих веков. В результате этого в татарский язык вошли многочисленные заимствования, различные по времени проникновения и по происхождению [Набиуллина, 2011: 185].

Китаизмы, употребляющиеся в языке китайских татар, относятся к государственному устройству: *danchjuyan* 'партия', *chjungun* 'китайская компартия', *tinchjan* 'назир', 'начальник департамента', 'член провинциального правительства'; общественно-политической жизни страны: *czuntun* 'президент', *buchgan* 'министр', *czunli* 'премьер-министр', 'глава'; *sochgan* 'директор', *chgusi* 'председатель'; также и другим областям, характерным для жизни (культуры, социального и исторического развития) китайского народа. Состав заимствований из китайского языка, функционировавших в татарской речи эмигрантов из России таков: они обозначают реалии китайской жизни, экзотичные, чужие для татарского человека, далекие от традиционного уклада татарской жизни. Несмотря на интенсивность контактов татар и китайцев в Синьцзяне, китайские заимствования не являлись многочисленными. Это объясняется несколькими причинами как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. Другая причина социокультурного плана: татарам в Китае было свойственно представление о своем языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость.

Наряду с уйгурскими и китайскими заимствованиями, в речи татар активно употреблялись и слова арабского и персидского происхождения. Арабо-персидские заимствования являются результатом длительного исторического взаимодействия языков и культур данного региона. Это обстоятельство сыграло большую роль в развитии лексического состава речи татарской диаспоры. Слова, заимствованные из арабского и персидского языков: *эйнәк* 'зеркало', *клит* 'ключ', *пул* 'деньги', *бакали* 'торт', *арзу* 'желание', *пияз* 'лук', *сәвзә* 'морковь', *алакә* 'связь', *кәнт* 'сахар', *көкнар* 'мак', *кахрива* 'янтарь' и т.д., вошли в активное пользование, а в современном татарском литературном языке они практически не употребляются.

Как видно, татарская диаспора в Китае является носителем нескольких культур. Благодаря этому в нем сохранились архаичные, характерные для старотатарского языка элементы, с другой стороны, тесный территориальный контакт, национально-культурные связи с уйгурами и казахами создавали реальные условия для проникновения китайских слов в язык татар, проживающих в КНР.

Настоящее исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблемы. Представляется, что полученные результаты открывают возможности для дальнейшего исследования речи татарской диаспоры в КНР. Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем изучении языка зарубежных восточных и западных татарских диаспор, в расширении корпуса лингвистического материала, в обобщении и систематизации научных результатов.

Литература

1. **Набиуллина, Г. А.** Китайские языковые элементы в речи татарской диаспоры, проживающей в КНР / Г. А. Набиуллина, К. С. Фатхуллова // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 5 (45). – С. 182–185.
2. Наджип, Э. Н. Уйгурско-русский словарь / Э. Н. Наджип. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 828 с.
3. **Госманов, М.** Ябылмаган китап яки чэчелгэн орлыклар / М. Госманов. – Казан : Татар китап нәшрияты, 1996. – 206 б.
4. **Юсупова, Ә. Ш.** Мәдәниятара бәйләнешләрдә Кытай татарлары / Ә. Ш. Юсупова, Э. Н. Денмөхәммәтова // Фәнни язмалар: фәнни мәкаләләр жыйнтыгы. – Казан : Вестфалика, 2011. – 269–272 б.
5. **Юсупова, Ә. Ш.** Кытайдагы татар диаспорасы гаиләләрендә туган телнең урыны / Ә. Ш. Юсупова, Г. Р. Мөгьтәсимова // Фәнни язмалар. – Казан : Вестфалика, 2011. – 272–274 б.
6. **Yusupova, A. S.** Features of the Language of Tatars Living in China / A. S. Mugtasimova, I. N. Denmukhametova, G. A. Nabiullina, G. R. Mugtasimova // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – Volume 17 (2). – Pp. 168–172.

УДК 82:801.6

*Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЗАЦИИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье раскрываются особенности и предпосылки символизации в татарской поэзии начала XX века. В качестве доминирующих предпосылок выделяются литературно-эстетический, общественно-философский и культурологический аспекты. В статье также выявляются роль, функции и художественные значения символов на материале лирических и лиро-эпических произведений данного периода.

Abstract. The article reveals the features and prerequisites of symbolization in Tatar poetry of the early twentieth century. Literary-aesthetic, socio-philosophical and cultural aspects are highlighted as the dominant prerequisites. The article also reveals the role, functions and artistic meanings of symbols based on the material of lyric and lyric-epic works of this period.

Ключевые слова: символ; символизация; символическое мышление; трансформация; татарская поэзия; предпосылка.

Keywords: symbol; symbolization; symbolic thinking; transformation; Tatar poetry; premise.

Татарская поэзия начала XX века характеризуется появлением на литературной арене необычных для татарской словесности художественных явлений, активным поиском новых средств художественной выразительности, усилением символического мышления и созданием нетрадиционных произведений. В этих условиях в национальной поэзии устойчивый характер приобретает «символизация», в целях совершенствования словесного искусства вырабатывается «собственная» система символических образов, отражающих национальное своеобразие литературы.

Как известно, принципы и приемы символизации зависят, прежде всего, от национальных особенностей мышления. В восточной философской и литературоведческой мысли смысловая многомерность символа принимается как явление таинственно скрытое, по определению Шукурова, «существование особого состояния внутреннего мира человека, в результате чего взыскующий Истины преодолевает возникший перед ним символический образ преграды-завесы» [Шукуров, 1999: 253]. Условно-метафорическая образность в арабско-мусульманской культуре является доминирующим методом в художественном мышлении. По мнению Массиньона [Массиньон, 1978: 58], для структуры искусства мусульманских народов в целом характерно символическое единство. Ш. Шукуров указывает на то, что, «ислам, в отличие от соседствующих и предшествующих культур, не знал поклонного символического образа. Ислам – это культура, метафорически прозревающая свое Бытие, свой истинный смысл и истинную форму» [Шукуров, 1989: 112].

Процесс развития символов в национальном словесном искусстве идет за счет дополнения одного значения другим, т.е. характеризуется множественностью в них смысловых пластов. Таким образом, характерные для татарской литературы символы создают «особый язык» и дают представления о национальных традициях, национальном менталитете, мировоззрении, отражают национальное своеобразие, специфику татарской культуры, обеспечивая вариативность смысловых нюансов. В связи с этим В.Р. Аминова обращает внимание на то, что «в восточных литературах, под влиянием которых сформировалась и татарская литература, каждая деталь самоценна и несет в себе общую идею; она синтетична, тесно связана с сюжетом и идейно-философским замыслом произведения в целом, непосредственно выражает авторскую мысль и активно участвует в создании и раскрытии идейно-эстетического замысла писателя [Аминова, 2010: 67].

С 1907–1908-го гг. в национальной поэзии наблюдается активизация и усиление роли символа как структурообразующего компонента в художественных произведениях. Активизация символов в татарской литературе начала XX века была связана с переменами в национальном художественном сознании, в общественно-философском, творческом мышлении. Во-первых,

татарским поэтам был знаком опыт использования символов в литературно-эстетическом плане, так как символизация в татарской литературе является «своим», традиционным явлением. Несмотря на то, что в татарской литературно-эстетической мысли данного периода формировалась новая мировоззренческая парадигма – ориентация на Запад, не утратили свою силу и восточные традиции.

С другой стороны, в татарской поэзии всё ещё сильны суфийские традиции, татарским поэтам знаком опыт использования закодированных устойчивых суфийских символов. В подобном ключе суфийская поэзия становится основой символического мышления. В татарской поэзии начала XX века наблюдается трансформация устойчивых суфийских символов, они подвергаются «осовремениванию» и обретают «светское» содержание, начинают служить основным средством изложения философской концепции, оценки жизни и бытия. А.М. Саяпова, изучившая творчество Дардеменда с точки зрения символизма, пришла к выводу, что в творчестве поэта именно суфийские символы становятся «исходной точкой мышления» [Саяпова, 2006: 74–75]. Как все суфийские поэты, Дардменд «посредством различных образов-символов выражает идею единства макрокосмоса и микрокосмоса» [Юсупов, 2012: 220]. В татарской поэзии начала XX века возникает целый пласт поэтических произведений, в которых суфийские символы определяют двуплановость содержания: стихотворения «Жэй үтте» («Солнца не жди...»), «Караб» («Корабль»), «Без» («Мы»), «Бүзләрем маналмадым» («Не сумел я окропить савана»), «Хэят» («Хаят»), «Ятам кай чаклары моңлап...» («В тоске я лежу порой...»), «Тиң булырмы йолдыз тулган айга...» («Разве сравнится звёздочка с полной луной...») Дардменда, «Гыйшык бу, йа?...» («О, эта любовь»), «Алла гыйшыкына» («К божественной любви»), «Сөеклемнең кабер ташында» («На могильный камень любимой...») Г. Тукая, «Нигэ бу шәмнәр сүнә» («Почему гаснут свечи») Х. Габидова и т.д.

Во-вторых, активизация символов происходит в рамках модернистских произведений, так как татарская литература начала XX века характеризуется не только быстрым освоением символов, но и дальнейшим развитием символизма как литературного течения. Восприятию и творческому осмыслению символов способствует выработка новых художественных, модернистских течений в литературе, в частности, символизма. В творчестве многих представителей национальной литературы отчетливо проявляются результаты поиска новых средств художественной выразительности. Поэтов интересовала проблема философского, психологического, смыслового обогащения художественного образа, а модернистские системы были ориентированы именно на раскрытие философского мироощущения и психологического состояния человека. По мнению Д. Загидуллиной, на активизацию символизма большое влияние оказало увлечение литературной общественности широко распространенным в литературе Западной Европы психологизмом. Как она утверждает, «символы как одно из отражений психологизма отвечают исканиям писателями путей усиления силы воздействия литературы» [Загидуллина, 2000: 246].

В-третьих, новые процессы, происшедшие в общественно-философской мысли начала XX века, обусловлены усилением национальных идей и настроений в обществе. В подобном ракурсе наиболее важными условиями преобразований объявляются национальное единство, свобода личности, свобода слова, постижение достижений других народов на благо развития татарской нации, актуальной становится будущее татарской нации, что предполагает определения места и роли татар в российском и мировом сообществе. В условиях культурного обновления и роста национального самосознания образы-символы приобретают невиданную до этого смысловую нагрузку, аккумулирующую идею национального самовыражения, становятся средством репрезентации позиции автора по отношению к национальным вопросам [Юсупова, 2008: 23]. Например, в поэме «Баллада» («Орда», 1917) Г. Рахима татарский народ символизируется через мифологического татарского парня. В поэме «Айсылу» (1916) Ф. Бурнаша мифологический сюжет является источником представления национальной идеи, Айсылу предстает как символ нации, а образ доброго старца трактуется как спаситель нации, приобретая функцию «философа». В этом плане произведение созвучно со знаменитым произведением М. Гафури «Девушка-булгарка Айсылу» (1910). Такая тенденция наблюдается и в творчестве Г.Тукая. Возьмем к примеру стихотворение «Күңел йолдызы» («Моя звезда», 1909), где лирический герой страдает из-за низости мира. В структуре текста «святая звезда», с одной стороны, воспринимается как национальный идеал, с другой, передает любовь поэта к татарской нации, своему народу.

Кроме того, в мировой литературе возникновение символизма рассматривается как результат «кризиса сознания» и кризиса культуры. В этих условиях символ выступает как совокупность новых ценностей, как средство «культурного возрождения». Опираясь на философию Шопенгауэра, Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Шестова, поэты, отрицая существующие постоянные ценности, пытаются изменить общество путем создания идеальной модели мира и такая модель строится при помощи символов. Исходя из философии агностицизма, в мировой литературе модернисты конечной целью своего творчества ставят выработку концепции «свободной личности», идеи устремленности [Загидуллина, 2000: 244]. Все эти философские концепции, направленные на свободу личности, являются актуальными и для татарской общественности, стремящейся построить новую модель жизни, свободное национальное общество. В подобном ключе образ-символы способствуют возникновению философской идеи о создании образцовой модели новой жизни, татарский мир, начинают проповедовать идею духовной свободы нации.

В-четвертых, для активизации образ-символов благодатная почва была подготовлена и в культурологическом аспекте. Исследователи русского символизма Л.А. Колобаева и И. Искржицкая как одну из его особенностей отмечают стремление к изображению «эстетической целостности». Л.А. Колобаева выделяет эту особенность, отраженную во всей полноте во всех национальных литературах [Колобаева, 2000: 290]. Отражение этой целостности достигается различными путями. Наиболее распространенным

среди них является синтез. Символы как единая художественная система представляют собой синтез различных культурных пластов и начал: пласт фольклора, чьи образы, мотивы и сюжеты служат творению нового мифа через символ и синтез искусств; традиции средневековой восточной, суфийской и тюрко-татарской поэзии; мощный пласт русской культуры (творческое восприятие «старших» и «молодых» русских символистов) и западноевропейской литературы [Йосыпова, 2011: 18]. Такая тенденция ярко проявляется в творчестве Дардменда. В таких его стихотворениях как «Жэй үтте» («Солнца не жди...»), «Караб» («Корабль»), «Без» («Мы»), «Бүзләрем маналмадым» («Не сумел я окропить савана»), «Хэят» («Хаят»), «Ятам кай чаклары моңлап...» («В тоске я лежу порой...»), «Тиң булырмы йолдыз тулган айга...» («Разве звёздочка сравнится с полной луной...») символы выступают как центр «диалога» различных культурных пластов.

Таким образом, татарская поэзия начала XX века характеризуется особенностями символизации, этому способствуют новые тенденции в литературно-эстетическом и общественно-философском мышлении. При таких обстоятельствах наблюдается обогащение смысловой структуры образ-символов и их идейно-художественных функций, определяющих многоплановость содержания поэтических произведений.

Литература

1. **Аmineва, В. Р.** Типы диалогических отношений между национальными литературами / В. Р. Аmineва. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2010. – 476 с.
2. **Колобаева, Л.** Русский символизм / Л. Колобаева. – Москва : Изд-во Московского университета, 2000. – 296 с.
3. **Массиньон, Л.** Методы художественного выражения у мусульманских народов / Л. Массиньон // Арабская средневековая культура и литература. – Москва : Наука, 1978. – С. 54–60.
4. **Саяпова, А. М.** Дардменд и проблема символизма в татарской литературе / А. М. Саяпова. – Казань : Алма-Ли, 2006. – 246 с.
5. **Шукуров Ш. М.** Искусство и тайна / Ш. М. Шукуров. – Москва : Алетея, 1999. – 248 с.
6. **Шукуров, Ш. М.** Об изображении пророка Мухаммеда и проблеме сокрытия Лица в средневековой культуре Ислама / Ш. М. Шукуров // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – Москва : Наука, 1989. – С. 252–267.
7. **Юсупов, А. Ф.** Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира / А. Ф. Юсупов, Н. М. Юсупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5. – С. 219–222.
8. **Юсупова, Н. М.** Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Юсупова Нурфия Марсовна. – Казань, 2018. – 46 с.
9. **Йосыпова, Н. М.** XX гасыр татар шигъриятендә символлар / Н. М. Йосыпова. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 2011. – 120 б.

10. Заһидуллина, Д. Әдәбият кануннары һәм заман / Д. Заһидуллина. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2000. – 271 б.

УДК 811.512.141

*Ягафарова Г.Н.,
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук,
Российская Федерация*

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРУДАХ З.Г. УРАКСИНА

Аннотация. В статье дан обзор деятельности известного башкирского ученого академика З.Г. Ураксина в области терминологии и терминообразования, которые занимали значительное место в его трудах. Составительская и редакторская работа при подготовке толковых, двуязычных, терминологических словарей, научное редактирование диссертаций, монографий и сборников, руководство научными кадрами, многолетняя работа в Терминологической комиссии, успешная плодотворная работа на посту директора ИИЯЛ УФИЦ РАН – направления его деятельности всегда охватывали вопросы терминологии. Взгляды, высказывания ученого являются актуальными и ныне.

Abstract. The article provides an overview of the activities of the famous Bashkir scientist, academician Z.G. Uraksin in the field of terminology. Terminology issues occupied a significant place in his writings. Compiling and editorial work in the creation of explanatory, bilingual, terminological dictionaries; scientific editing of dissertations, monographs and collections; scientific personnel management; long-term work in the Terminology Commission; successful fruitful work at the post of Director of the Institute of History, Language and Literature UFRC RAS. All these areas of his activity have always covered terminology issues. The views and statements of the scientist are still relevant today.

Ключевые слова: тюркология; башкирский язык; терминология; З.Г. Ураксин; терминотворчество.

Keywords: Turkology; Bashkir language; terminology; Z.G. Uraksin; formation of terms.

В формировании литературных норм языка терминология играет исключительно важную роль, т.к. литературный язык должен иметь возможность удовлетворять все потребности говорящих в обозначении понятий, обеспечивать все стилистические слои языка, в т.ч. научный стиль речи. Каждый язык, имеющий статус литературного, разрабатывает собственную терминологическую систему, структура которой пополняется с каждым днем.

Данный вопрос о формировании терминологических норм применительно к башкирскому языку был поставлен более века назад. Видные представители национальной культуры и филологической науки (М. Уметбаев, З. Шакиров, М. Гафури, Д. Юлтый и др.) внесли свой вклад в разработку терминологии башкирского литературного языка.

Далее проблемы терминологии стали одними из основных в работе отдела языкознания Института истории, языка и литературы, созданного в конце 1920-х гг. Начиная с этого времени, идет планомерный процесс изучения, разработки, упорядочения и нормирования терминов по различным отраслям знаний. Как известно, в первые годы были созданы двуязычные терминологические словари по ботанике, математике, физике, химии, медицине, гистологии, философии. За почти столетний период было издано более 80 словарей (об этом подробнее см. [Хисамитдинова, Ягафарова, 2011: 30–33]). Появление лексикографических трудов было связано с именами различных лингвистов, среди них можно выделить имена ученых, деятельность которых наиболее способствовала созданию словарей определенного периода. Словарная работа, как и работа в области башкирского языкознания вообще, в т.ч. терминологии, 1980–2005 гг., связаны с именем доктора филологических наук, профессора, академика АН РБ Зиннура Газизовича Ураксина.

Деятельность З.Г. Ураксина была направлена на многие аспекты башкирского языкознания. Морфология и синтаксис (им написаны главы «Имя существительное», «Междометия», «Звательные слова», «Связи слов», «Словосочетание», в соавторстве – «Инфинитивные формы глагола» и «Имя действия», введение к части «Имя прилагательное» в «Грамматике современного башкирского литературного языка» [Грамматика..., 1981], а также статьи по проблемам определения статуса междометий и звательных слов), лексикология (в практически единственном учебнике по башкирскому языку для вузов [Хэзерге..., 1986], а также в переиздании учебника 2012 года, им написаны основные разделы по лексикологии; впервые полноценное научное изучение синонимов и фразеологизмов было осуществлено им; также он является ответственным редактором и рецензентом многих монографий и сборников научных статей по проблемам башкирской лексикологии. Межкультурная коммуникация (автор и соавтор переводных словарей и разговорников), этимология (отметим разработку этимологии многих фразеологизмов), стилистика, этнолингвистика, социоллингвистика ... – круг изучаемых им вопросов очень широк.

Особенно большая работа проделана Зиннуром Газизовичем в области лексикографии. Он был и составителем, и разработчиком принципов, и редактором словарей по башкирскому языку, относящихся к периоду 1966–2007 гг.

При создании лексикографических работ, будучи одним из членов авторского состава, естественно, им рассматривались и проблемы терминологии, т. к. каждый составитель при подготовке словаря сталкивается с проблемой выбора литературного варианта для того или иного понятия. Заметим, что проблема терминологического обозначения охватывает несколько аспектов: 1) термин и предметная область; 2) термин и охватываемое им понятие; 3) термин и многозначность слова; 4) термин и выбор варианта из диалектных, синонимичных, стилистических вариантов; 5) словесное оформление термина. Каждый из этих аспектов находил подробное освещение или затрагивался в работах академика Ураксина.

Выявление отношения термина к определенной предметной области связано с выделением терминологического поля и установлением факта однозначности термина в пределах данной терминологической системы (несмотря на то, что термин может существовать одновременно в нескольких терминосистемах). Подобные соотношения рассматривались в кандидатских диссертациях, выполненных под руководством З.Г. Ураксина: Г.Г. Кагарманова (общественно-политическая терминология), Ш.В. Нафикова (названия рыб), Г.Д. Зайнуллиной (лингвистическая терминология), Г.Н. Ягафаровой (военная терминология). В данных работах вопрос становления терминологической системы изучался на материале лексики традиционных занятий народа. В дальнейшем перечень терминологических работ пополнился словарями по различным терминологическим областям. Зиннур Газизович в одном из своих выступлений с гордостью отмечал, что в течение 2–3-х лет после принятия в феврале 1999 года закона «О языках народов Башкортостана» усилиями сотрудников отдела языкознания ИИЯЛ было подготовлено и сдано в печать более 20 терминологических словарей по различным отраслям: экологии, архитектуре и строительству, физкультуре и спорту, педагогике, психологии, этнокультурологии и т.д. [Ураксин, 2004: 348]. Стоит отметить, что ученый сам являлся соавтором словаря архитектурно-строительных терминов (2004), терминов по лесному делу (2006), экономических терминов (2007), ответственным редактором русско-башкирского словаря офтальмологических терминов (2004).

Семантический аспект слова был охарактеризован З.Г. Ураксиным в статьях и словарях по синонимии, фразеологии, этнолингвистике. В словарных статьях синонимических словарей ученым впервые в башкирском языкознании наряду с описанием объема понятия уделяется внимание различиям в смысловом содержании, определению тонкой грани между значениями слов, которые не просто указываются, а размещаются в порядке градации значения, степени распространения, применения (например: *байтак, хәтһез, шактай, ярайһы, талай. Күп кенә, арыу ук (күләм, һан, вакыт төшөнсәһен белдергән һүззәр менән килә). Байтак, хәтһез – күп кенә; бер аз, бер ни тиклем. Шактай – мәгәнә көсәйтеү өсөн дә кулланыла. Ярайһы – етерлек кимәлдә, күләмдә. Талай – һирәгерәк кулланыла, башлыса халык ижадында осрай* [Ураксин, 2000: 36]). Конечно, в настоящее время с появлением компьютерных технологий имеется возможность ремарки типа “*киңерәк кулланылышы*” или “*күберәк кулланыла*” обосновать точнее, проанализировав материалы машинного фонда башкирского языка. Однако такая работа еще ждет своих исследователей.

Объем понятия наиболее хорошо отражается в толковых словарях. В двухтомном «Толковом словаре башкирского языка» (1993), например, где З.Г. Ураксиным составлена часть на букву «А», энциклопедически нагруженным словам дается более полное толкование, с характеристикой предмета или реалии, что позволяет безошибочно соотнести то или иное понятие с трактуемым термином (*актурғай. Карабаи турғайҙар ғаиләһенә караған, канат-койроғо зәңгәрһыу, башка ере ак төстәге вак урман турғайы* [Башкорт теленең һүзлеге, 1993, I: 43]).

Многозначность слова является одним из признаков общеупотребительной лексики, затрудняющим переход слова в статус термина, который должен быть однозначным в своей терминологической системе. Данная проблема получила глубокую научную проработку в работах Н.Ф. Суфьяновой, кандидатская диссертация которой также была защищена под руководством З.Г. Ураксина. Многозначность терминов особо выделена в “Русско-башкирском словаре” (в 2 тт., под ред. З.Г. Ураксина, Уфа, 2005): здесь после перевода заглавного слова дается толкование многозначных терминов на башкирском языке (*генеалогия – генеалогия, шәжәрә (1. Нәселдең бер-бер артлы килгән быуындары; 2. Тарихтың нәсел-ырыуҙар сығышын тикшергән бүлеге; 3. Хайуан һәм үсәмлек ғаиләләренең сығышы)*) [Русско-башкирский словарь, 2005, I: 227]).

Проблема выбора термина из различных вариантов слов интересует З.Г. Ураксина с самого начала его научной деятельности. В его кандидатской диссертации (1966), посвященной синонимам, а также в составленных им словарях синонимов (1966, 1985, 2000) ставится вопрос выделения доминанты синонимического ряда, который решается в пользу выбора наиболее употребительного, общего по значению, неэкспрессивного, стилистически и эмоционально нейтрального слова. Ввиду своей нейтральности (условной нейтральности) доминанта легче приобретает статус термина. Ряд терминов также пополняют синонимы-дублиеты, которые могут образовываться среди существительных башкирского языка. Часть подобных абсолютных синонимов возникает за счет заимствованных слов, таким образом, терминологизируются одни, становятся общеязыковыми нормами другие слова (*котоп – полюс, имтихан – экзамен* и т. д.). Между тем многие дублиеты продолжают использоваться в терминологической системе в равной степени, с одной стороны, помогая избегать тавтологии в научном тексте: *ялгау – аффикс*, с другой – мешая пониманию значения: *рәүешлек һүҙҙәр – модаль һүҙҙәр – мәнәсәбәт һүҙҙәр*. Конечно, дублетность усложняет восприятие, но признание лексических эквивалентов “излишними языковыми дублиетами было бы неверно, т.к. в ряде случаев невозможно заменить одно из них другим без ущерба для содержания высказывания” [Ураксин, 1966: 115], следовательно, каждый из них может представлять собой самостоятельный термин.

Вопрос диалектных вариантов решается однозначно: диалектные варианты не могут являться синонимами [Ураксин, 2000: 4], но служат источником для пополнения той или иной терминосистемы.

Проблема вариантности слова в башкирском языке подробно рассмотрена на обширном языковом материале З.Г. Уразбаевой, диссертация которой также была защищена под руководством З.Г. Ураксина в 1980 году.

Наконец, задача найти адекватное словесное оформление термину, который бы смог сразу войти в узус, беспокоит всех, кто занимается вопросами терминообразования. Как известно, данная проблема актуальна во все времена, особенно остро ставится в эпоху научно-технической революции или во времена различных социальных волнений. Таковыми для башкирского языка были 90-е гг., когда наблюдалось усиленное развитие науки и техники,

в частности, компьютерной; тогда же наметилась тенденция к очищению языка от засилья иноязычных слов. Как следствие, в это время было предложено множество новых терминов, часть которых оказалась удачной и легко закрепилась в узусе (*йәнһаксы, йәнһүрәт, бозбармак*), а часть не нашла ожидаемого отклика у носителей языка. К примеру, в Лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания ИИЯЛ, созданной по рекомендации З.Г. Ураксина, были разработаны компьютерные термины, большинство которых, к сожалению, не нашло соответствующего применения, например, слова типа *дискйөрәткәс, төрткө*. Вместе с тем, уже в самом начале становления компьютерной лексики работу по формированию собственной терминологии среди тюркоязычных народов, видимо, наиболее удачно проделали турки, которые стремятся найти эквивалент каждому слову средствами своего языка: *bilgisayar* ‘компьютер’ (досл. ‘счетчик знаний’), *bellek* ‘флешка’ (досл. ‘память’), *yazıcı* ‘принтер’ (досл. ‘пишущий’), *çıktı* ‘распечатка’ (досл. ‘вышел’) широкоупотребительны в современном турецком языке. Зиннур Газизович следил за созданием терминологии новых областей знания в других родственных языках, при разработке терминов рекомендовал обращать на них внимание и перенимать удачные варианты новых терминов. В частности, появившийся в 1990–2000 годах сотовый телефон сначала стали именовать *кәрәзлетелефон*, калькировав слово с русского названия (в Стерлитамаке, например, салон сотовой связи так и именовался: *кәрәзле бәйләнеш салоны*). Позже слово было заменено на *кеçәтелефоны* досл. ‘карманный телефон’, как и в турецком *cep telefonu*.

Вместе с тем новые слова создаются исключительно по устоявшимся общепринятым канонам словообразования (кстати, вопросы словообразования были областью научных интересов К.Г. Ишбаева, аспиранта и докторанта академика З.Г. Ураксина). Несмотря на это, такие слова, например, из сферы торговли, как *койолма* ‘заливка’, *үткелек* ‘прихожая’, *ярым ойок* ‘получулки’ и др., предложенные Н.Ф. Суфьяновой, не закрепились в языке. Не стали широкоупотребительными в разговорной речи и появившиеся на вывесках слова *бөзрәхана, дарыухана, кәһүәхана* (хотя способ словообразования не нов, он был применен еще в конце XIX – начале XX вв., о чем свидетельствует присоединение компонента *хана* к словам с русской основой, ср.: *Вә һәм ыстанция һайын яһалмыш вокзалдар, вә һыуханалар, вә телеграфханалар, вә почтаханалар, ... дәүләттәр вә зиннәттәр, вә нигмәттәр, һатыу-алыу кеүек хикмәттәр һөйләп бөтөрөрлөк дәгелдер*. [Сокорой, 2006: 95]).

Академик З.Г. Ураксин почти четверть века активно работал в Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР: в 1966–1968 гг. секретарем, а в 1979–1992 гг. – Председателем Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР. Будучи секретарем комиссии, он публиковал наиболее злободневные вопросы из сферы терминологии на страницах, в первую очередь, периодической печати. В годы, когда периодика была самым действенным инструментом в деле просвещения, популяризации и распространения знаний, конечно, его выступления на страницах печати не оставались без внимания, наоборот,

находили живой отклик среди населения. Тем самым достигался взаимоконтакт и диалог, тем самым обеспечивалась верификация предлагаемой терминологии. В опубликованных им отдельных статьях раскрываются задачи и принципы работы Терминологической комиссии, а также обсуждаются выдвигаемые новые термины. Также автор вводит читателя в нюансы составительской работы, приглашает к полемике и активному способствованию процессу создания новых терминов.

Таким образом, целая эпоха в истории башкирской терминологии была связана с именем академика З.Г. Ураксина. Большая часть его научной деятельности и биографии связана с вопросами терминологии – как в силу собственного научного интереса, так и по долгу службы на посту заведующего отделом языкознания, директора ИИЯЛ, одним из важнейших направлений деятельности которого считалось и считается поныне создание терминологических словарей. Актуальность данной работы никогда не исчезнет, т.к. окружающая реальность постоянно пополняется новыми предметами и понятиями, которым требуется незамедлительно дать названия. Стало быть, не потеряют актуальности и рекомендации по созданию терминосистем опытного мастера слова, коим был профессор З.Г. Ураксин.

Литература

1. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1981. – 496 с.
2. Русско-башкирский словарь. В 2 томах / под ред. З. Г. Ураксина. – Уфа, 2005. – 2 т.
3. **Ураксин, З. Г.** Синонимические отношения некоторых существительных в башкирском языке / З. Г. Ураксин // Башкирская лексика. Тематический сборник / под ред. Т. М. Гарипова. – Уфа, 1966. – С. 115–118.
4. **Ураксин, З. Г.** Башкорт теленең синонимдар һүзлеге / З. Г. Ураксин. – Өфө : Китап, 2000. – 208 б.
5. **Ураксин, З. Г.** Һүз һәм һүзлектәр / З. Г. Ураксин // Башкироведение : к 75-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Башкортостан Г. Б. Хусаинова. – Уфа : Гилем, 2004. – С. 374–349.
6. **Сокорой, Г.** Нәсим әс-саба / Г. Сокорой // XIX–XX быуат башы башкорт прозаһы үрнәктәре. – Өфө : Гилем, 2006. – 93–97 б.
7. **Хисамитдинова, Ф. Г.** Введение / Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова // Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. 1: А хәрәфе / Ф. Г. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө : Китап, 2011. – С. 24–37.
8. Хәзерге башкорт теле : педагогия институтының башланғыс кластар факультеты студенттары өсөн дәреслек / яуаплы ред. З. Г. Ураксин, К. Г. Ишбаев. – Өфө : БКН, 1986. – 400 б.

СОДЕРЖАНИЕ

Гаязов А.С. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	5
Кузнецова А.Р. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	6
Гаязов А.С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА.....	7
Рахматуллина З.Я. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭТНИЧНОСТИ.....	14
Киекбаев М.Д., Ильясова Г.Р. ВКЛАД АКАДЕМИКА З.Г. УРАКСИНА В РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН.....	17
Самситова Л.Х. АКАДЕМИК МАРАТ ВАЛИЕВИЧ ЗАЙНУЛЛИН И ЕГО ВКЛАД В ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	21
Хисамитдинова Ф.Ф. БАШКОРТ МИФОЛОГИЯҢЫНДА ИМ-ТОМСОЛАР	26
Акманов А.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАШКИР-КИПЧАКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XIX ВВ.)	38
Султангареева Р.А. БАШКИРСКИЙ ЭПОС В ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	44
Гәрәева Г.Н. БӨГӨНГӨ ПОВЕСТЬ: ЖАНР-СТИЛЬ ЫЗАТТАРЫ	55
Солтакаева Р.А. БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ -П АФФИКСЛЫ ХӘЛ КЫЛЫМДАРЗЫҢ КУШМА ЭЙӘ МЕНӘН КУШМА ХӘБӘР ФУНКЦИЯЛАРЫНДА КУЛЛАНЫЛЫШЫ.....	59

Сабыр М.Б. ҚАЗАҚ ЖӘНЕ БАШҚҰРТ ТІЛДЕРІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ АСПЕКТІЛЕРІ	64
Худайбергенова З.Н. ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УЗБЕКСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	70
Chernev V. AN OUTLINE OF THE ANALYTICAL MORPHOLOGY OF THE BASHKIR LANGUAGE: AN ATTEMPT OF ALGORITHMIC DESCRIPTION OF VERB FORMS.....	77
Абдурахманов Ф.И. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАДЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	86
Абуталипова Р.Ә. М.В. ЗӘЙНУЛЛИН — БАШКОРТ ТЕЛЕНЕҢ ФУНКЦИОНАЛЬ ГРАММАТИКАҢЫ ТЕОРИЯҢЫНА НИГЕЗ ҒАЛЫУСЫ.....	88
Авезов С.С. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «ДАСТАН» В ЭПОСЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ «АЛПАМЫШ»	92
Акбулатова Р.Т. РАЗЛИЧИЯ БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ОБЛАСТИ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИНИТНЫХ ГЛАГОЛОВ.....	96
Аминев З.Г. О НЕКОТОРЫХ ИРАНИЗМАХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ, МИФОЛОГИИ.....	100
Арысланова М.С. З.Ғ. УРАКСИН ӘСӘРЗӘРЕ ТЕЛЕНЕҢ СТИЛИСТИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ ...	109
Байназарова Г.М. КОНЦЕПТ «МӨХӘББӘТ» («ЛЮБОВЬ») КАК СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН)	114

Биргалина А.Р. ОРГАНИЗАЦИЯ УРОКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОВЕСТИ ЗАЙНАБ БИИШЕВОЙ «БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ»	119
Бухарова Г.Х. МИФОКОНЦЕПТ «ДУША» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР»	124
Вильданова Г.З. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ВЗАИМОСВЯЗАННОГО ОБУЧЕНИЯ ДВУМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ С РОДНЫМ НЕРУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ	135
Вәлиева М.Р. З.Ғ. УРАКСИНДЫҢ ЯҢҒЫЗЛЫК ИСЕМДӘРЗЕ ӨЙРӘНЕҮГӘ АРНАЛҒАН ХЕЗМӘТТӘРЕНӘ КҮЗӨТЕҮ	140
Гайнуллина Г.Р., Фаезова Л.Р. ЮГАЛҒАН МАТУРЛЫК ЭЗЕННӘН (Р. ТУФИТУЛЛОВАНЫҢ «ЯЗМЫШ ЖИЛЕ» РОМАНЫ БУЕНЧА)	144
Галиуллина Г.Р. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ.....	149
Гейт М.В. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: РАЗВИТИЕ ТАКТИЛЬНОГО КОНТАКТА У ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА.....	153
Гудзина В.А. СПЕЦИФИКА ИНКОРПОРИРОВАНИЯ ТЮРКСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ В ЛИРИКЕ УЗБЕКСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗУЛЬФИИ.....	156
Гәрәева Г.Н. АЛИ КАРНАЙ ӘСӘРЗӘРЕНЕҢ ЖАНР-СТИЛЬ ҮЗЕНСӘЛЕКТӨРӨ.....	161
Ғәлина Ғ.Ғ., Колһарина Н.А. М. КӘРИМ ҺӘМ С. АЙТМАТОВ ПОВЕСТАРЫНДА БАЛАЛАР ОБРАЗЫ.....	165

Демичев И.В. СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОМПЛЕКСНЫЕ РЕШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА	170
Ередеева Ф.Л. К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ И ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Г. ГОРНО-АЛТАЙСКА	179
Жетибай Ж.М., Купжанов М.Е. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ҚАСҚЫР/ВОЛК» В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)	183
Жумагулова А.А. ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	188
Зинурова Р.Р. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ “ЯБЛОКА” В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА.....	193
Ильмухаметов А.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕБ-РЕСУРСА “ИНТЕРАКТИВНЫЙ БАШКИРСКИЙ” В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	199
Имре Пачай СХОДНЫЕ МОТИВЫ ВЕНГЕРСКИХ И БАШКИРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК.....	204
Иргәлина З.Г. БАШКОРТ ТЕЛЕ ДӘРЕСТӘРЕНДӘ «WHATSAAPP» МЕССЕНДЖЕРЫН КУЛЛАНЫУ МӨМКИНСЕЛЕКТӨРЕ	221
Калжанов А.К. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ОМОНИМЫ В РУССКОМ И КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКАХ	225
Каримова Г.Р. ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКИ СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДОВ В ТРУДАХ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ З.Г. УРАКСИНА.....	230

Кетенчиев М.Б. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СВАДЕБНЫХ АЛГЫШЕЙ	234
Киндикова А.В. ПРОБЛЕМНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЭМЫ БОРИСА УКАЧИНА «ЧАКЫЛАР» (КОНОВЯЗИ)	238
Кирэева Л.Р. ЦИФРЛЫ БЕЛЕМ БИРЕУ РЕСУРСТАРЫ МЕНЭН БӘЙЛЕ ТӨШӨНСӘЛӘРГӘ КҮЗӘТЕҮ	243
Куланчин А.Ю., Хәбибуллина Н.И. «АКМУЛЛА» ЖУРНАЛЫ ТЕЛЕНЕҢ ЛЕКСИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ	246
Кульсарина Г.Г. РОЛЬ ПРОФЕССОРА М.В. ЗАЙНУЛЛИНА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ БАШКИРСКОЙ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ	248
Кульсарина И.Г. БАШКИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БАШКОРТОСТАНА.....	253
Латипова Р.М. З.Ғ. УРАКСИНДЫҢ ЙӘШ ҒАЛИМДАР ӘЗЕРЛӘҮ ҺӘМ ҮСТЕРЕҮЗӘГЕ РОЛЕ	257
Леонтьев А.П. «ХЫПАР» УФИМСКОГО ПЕРИОДА – ГАЗЕТА НАРОДНОЙ АРМИИ КОМУЧА	263
Мандаева К.Э. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. МАНИТОВА.....	271
Mengliyeva M. ON THE STUDY OF TRANSLATION OF MOTION MANNER MEANINGS FROM UZBEK INTO ENGLISH.....	274
Мухамедова С.Х. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЯЗЫКОВ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА	280

Надршина Ф.А. БАШКИРСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕЛЕНИЙ.....	284
Nazlı Atiye YÖRESEL ŞAŞIRMA İFADELERİ: ‘YA!.. HANGİ İFADELERİN YERİNE GEÇTİ?’	289
Нафиков Ш.В. ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ РУКОВОДИТЕЛЕ	293
Нигматова Л.Х. ПРИНЦИПЫ «СОВРЕМЕННОСТЬ» И «УСТАРЕВАНИЕ» В СЛОВАРЯХ ...	295
Носиров О.Т. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ (ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ) СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ВРЕМЕНА ГОДА» В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	301
Нуркенова С.С., Кинжагалиева К.У. СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ.....	306
Псянчин Ю.В., Султанова Г.И. РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ).....	311
Саидова М.Р., Болтаева М.Ш. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	317
Салихова З.А. ОБУЧЕНИЕ И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В XXI ВЕКЕ.....	321
Саляхова З.И. М.В. ЗАЙНУЛЛИН – ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА	325
Самситова Л.Х. РЕАЛИИ И ПОНЯТИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ С.И. РУДЕНКО «БАШКИРЫ»).....	330

Самситова Л.Х., Сагынбек И.Ж. ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ В БАШКИРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ	338
Санъяров Ф.Б. ПРОФЕССОР М.В. ЗЭЙНУЛЛИН ХЕЗМЭТТӨРЕНДӨ «ЛИНГВИСТИК ШӘХЕС» МӘСЪӘЛӘЛӘРЕ.....	341
Сарбашева С.Б. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМОВ ЛЕБЕДЬ, БИЯ И АБАКАН РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ.....	345
Семенова Г.Н., Иванова А.М. СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ.....	351
Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш. ТЕЛ ҒИЛЕМЕНӨ АРНАЛҒАН ҒҮМЕР (АКАДЕМИК З.Ғ. УРАКСИНДЫҢ ТЫУЫҮЫНА 85 ЙЫЛ ТУЛЫҮ АЙКАНЛЫ)	356
Сөләймәнова Р.Ә. БИЛДӘЛЕ ТЕЛСЕ-ҒАЛИМ З.Ғ. УРАКСИНДЫҢ АНТРОПОНИМИКА ӨЛКӘҢЕНДӨ ҒИЛМИ ЭШМӘКӘРЛЕГЕ	363
Сәмерханова Г.Х. БАШКОРТ ХАЛКЫНЫҢ ТАРИХИ ЙЫРЗАРЫНДА САТИРА ҺӘМ ЮМОР	365
Темирова Д.Х. СПЕЦИФИКА УЗБЕКСКОГО ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА.....	368
Туйлиева Л.А., Хикматова Д.П. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ АЛИШЕРА НАВОИ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И ЯЗЫКОЗНАНИЮ	372
Толомбаев В.З., Ғарипова И.И., Фәхриева Ф.Р. ПРОФЕССОР М.В. ЗЭЙНУЛЛИН ҺӘМ ҺҮЗ ТӨРКӨМДӨРЕН ФУНКЦИОНАЛЬ-СТИЛИСТИК АСПЕКТТА ӨЙРӘНЕҮ МӘСЪӘЛӘҢЕ.....	375
Усманова М.Ғ. АКАДЕМИК М.В. ЗЭЙНУЛЛИНДЫҢ БАШКОРТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕНӨ ҒАЛҒАН ТОС ӨЛӨШӨ	378

Файзуллина Н.И. ТАТАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИИ	384
Хайруллина А.Д. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТЮРКСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА.....	386
Хакимьянова А.М. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ТАКМАКОВ (ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ АВТОРА)	390
Хамроева Ш.М. РЕГУЛЯРНЫЕ И НЕРЕГУЛЯРНЫЕ МОРФЕМЫ.....	394
Хисамова Г. Г. О СРЕДСТВАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ И БАШКИРСКИХ ПАРЕМИЯХ	398
Хурамшина А.Р. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА.....	402
Хусаинова Г.Р. ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК БАШКИРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК: ЭПИТЕТЫ ГЕРОЯ	404
Хусаинова Л.М. ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА М.В. ЗАЙНУЛЛИНА	408
Хөснуллина Р.Д. АРХЕТИП ВДОВЫ, ОТРАЖАЮЩИЙ ВЕРНОСТЬ И ТЕРПЕНИЕ, В ПОЭМЕ МУСТАЯ КАРИМА “ЧЕРНЫЕ ВОДЫ”	413
Хәбибуллина З.Ә., Солтакаева Р.А. БОРОНҒО ТӨРКИ ҺӘМ ХӘЗЕРГЕ БАШКОРТ ТЕЛЕ ЛЕКСИК ПАРАЛЛЕЛДӨРЕНЕҢ ФОНЕТИК ҮЗЕНСӘЛЕКТӨРЕ.....	416
Чочкина М.П. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРНАМЕНТА АЛТАЙЦЕВ	424

Чугунекова А.Н. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ.....	431
Шарафутдинова З.Т. НАЗВАНИЯ ОРГАНОВ РЕЧИ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА	436
Шафикова Р.Р. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ДРАМАТУРГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	439
Әлибаев З.А. БАШКОРТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕН ҮСТЕРЕҮЗӘ М.В. ЗӘЙНУЛЛИНДЫҢ РОЛЕ...	443
Әлибаев З.Ә. З. УРАКСИНДЫҢ «КАРАТ» РОМАНЫНЫҢ ПОЭТИКАҒЫ.....	445
Юлдашева Д.Ю. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ САКРАЛЬНЫХ ЧИСЕЛ НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ	451
Юсупов И.Ф. ПРЕСТИЖ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЭТНОСА НА ПРИМЕРЕ БАЙМАКСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	453
Юсупов Ю.М. РОДОВАЯ СТРУКТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ БАШКИРО-МАДЬЯРСКОГО РОДСТВА	458
Юсупова А.Ш. ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КНР)	461
Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф. ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЗАЦИИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА.....	466
Ягафарова Г.Н. ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРУДАХ З.Г. УРАКСИНА.....	471

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной Году башкирского языка, 85-летию со дня рождения доктора
филологических наук, профессора, академика АН РБ З.Г. Ураксина и
85-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора, академика АН РБ М.В. Зайнуллина.

18 – 21 ноября 2020 г.

Редакционная коллегия:

Л.Х. Самситова (отв. редактор), А.И. Акманов, Ю.М. Юсупов,
И.Ф. Юсупов, З.Г. Аминев, Р.Б. Зайтунов

Подписано в печать 10.12.2020г.

Формат издания 60x84/16

Гарнитура Times New Roman

Тираж 100 экз.

Заказ № 017

Отпечатано в издательстве «Самрау»
450022, Уфа, ул. Губайдуллина, 19/5
Тел. +7(347) 287-48-43